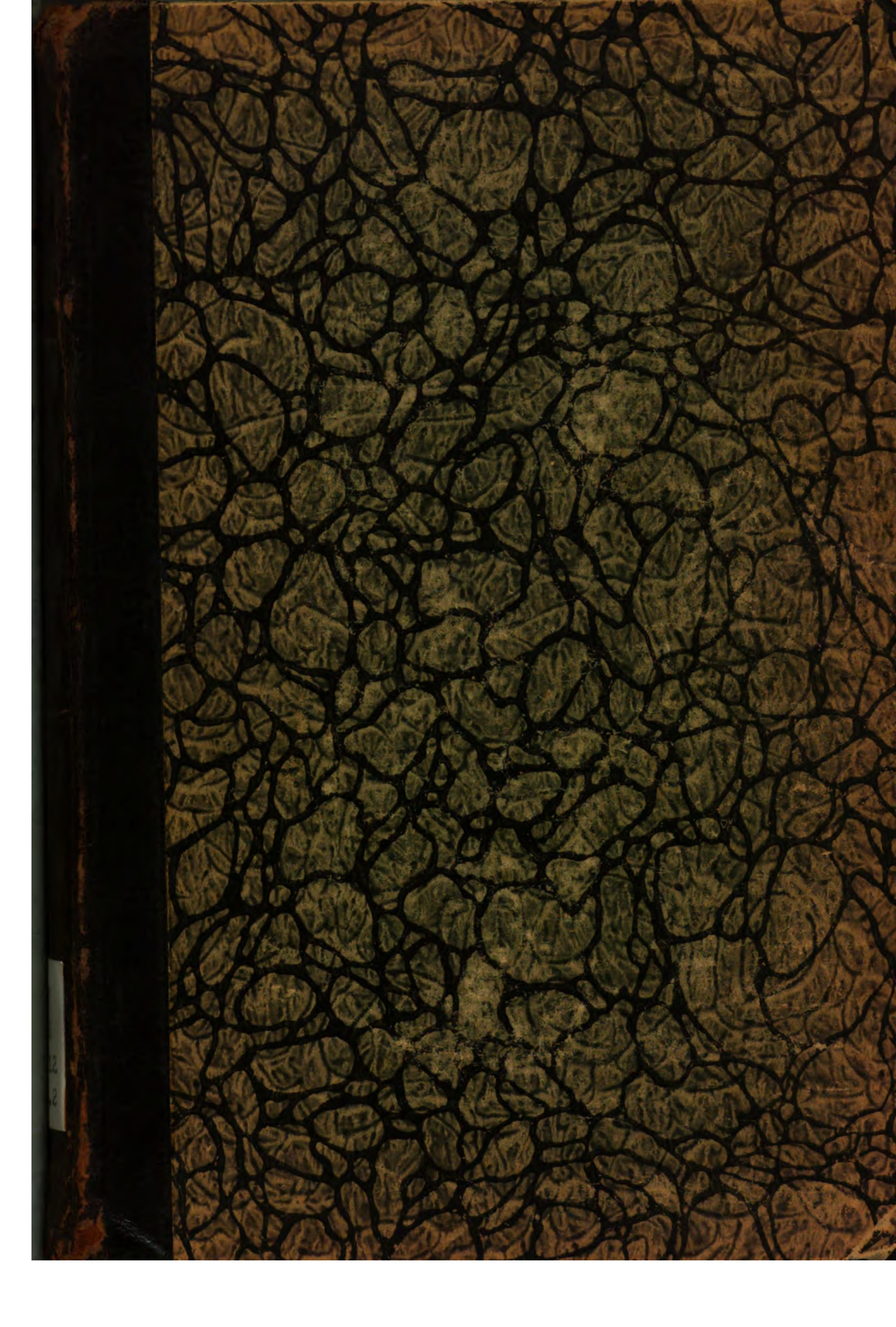
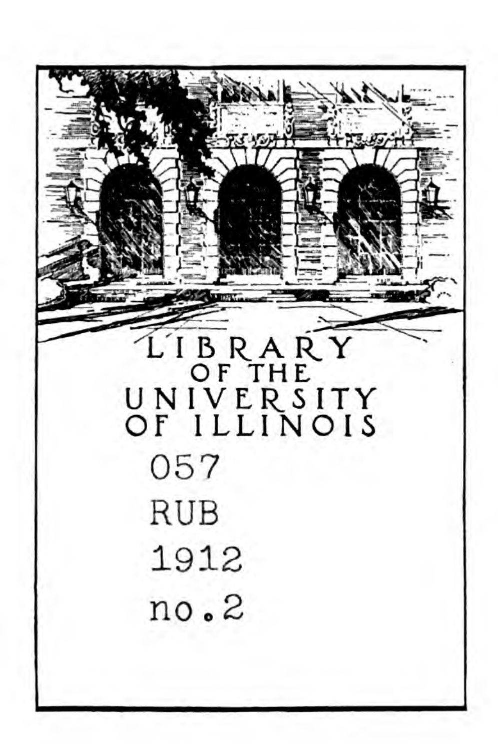

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

ФЕВРАЛЬ. 1912.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ СТАРЦА ФЕДОРА КУЗЬМИЧА, УМЕРШАГО 20-го ЯНВАРЯ 1864 ГОДА ВЪ СИБИРИ, БЛИЗЪ ГОРОДА ТОМСКА, НА ЗАИМКѢ КУПЦА ХРОМОВА . . . . . Л. Н. Толстого.
2. ГЕРОЙ ПОВѢСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО. Вл. Короленко.
3. ПРИМѢЧАНІЕ къ «ПОСМЕРТНЫМЪ ЗАПИСКАМЪ УМЕРШАГО СТАРЦА ФЕДОРА КУЗЬМИЧА» . . . . В. Черткова.
4. ЖИЗНЬ УШЛА . . . . Юліи Безродной.
5. ИЗЪ ЦИКЛА «РУСЬ». Стихотворенія . Ал. Богданова.
6. ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ СТАРШИНАХЪ . С. Матвѣева.
7. ОТЧУЖДЕНІЕ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ во ФРАНЦІИ въ КОНЦѢ XVIII В. . . . . В Лучицкаго.
8. БЕЗЪ ПРАЗДНИКА . . . . А. Бушенъ.
9. О ТОЛКОВАНІИ ХУДОЖЕСТВЕННАГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ . . . . . . А. Горнфельда.
10. ГИБЕЛЬ «АННЫ ГОЛЬМАНЪ». Романъ. (Продолженіе) . . . . Густава Френсена.
11. БЕЗЪ ЕВРЕЕВЪ. . . . . С. Мстиславскаго.
12. КРАСНЫЕ ВЫБОРЫ . . . . В. Майскаго.
13. КРУГООБОРОТЪ . . . . Діонео.
14. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ . . А. Петрищева.
15. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ. Н. С. Русанова.
16. НОВЫЯ КНИГИ.
17. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.
18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этомъ номерѣ разсылается: всѣмъ подписчикамъ 1) Каталогъ Книгоиздательства **А. Ф. Девріена** (СПБ., Румянцевская площ., собств. домъ). 2) Подписчикамъ по трактамъ съ № 20 по 39, съ № 47 по 55 каталогъ Книжнаго магазина **П. П. Глѣбова** (СПБ., Петерб. стор., Большой пр., 35). Лица, не получившія

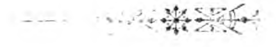
ФЕВРАЛЬ. 1912.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1912.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. **Посмертныя записки старца Федора Кузьмича, умершаго 20-го января 1864 года въ Сибири, близъ города Томска, на заимкѣ купца Хромова.** *Л. Н. Толстого* . . . . 9— 27
2. **Герой повѣсти Л. Н. Толстого.** *Вл. Короленко.* . 28— 34
3. **Примѣчаніе къ „Посмертнымъ запискамъ старца Федора Кузьмича“.** *В. Черткова* . . . . 35— 36
4. **Жизнь ушла.** *Юліи Безродной* . . . . 37— 70
5. **Изъ Цикла „Русь“.** Стихотворенія. *Богданова* . . 71— 73
6. **Въ волостныхъ старшинахъ.** *С. Матвѣева* . . . 74—101
7. **Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи въ концѣ XVIII в.** *И. Лучицкаго*. . . . . . . 102—124
8. **Безъ праздника.** *Бушенъ* . . . . 125—144
9. **О толкованіи художественнаго произведенія.** *А. Горнфельда* . . . . 145—172
10. **Гибель „Анны Гольманъ“.** Романъ. *Густава Френсена* (Продолженіе). . . . . 173—209

11. **Безъ евреевъ.** *С. Мстиславскаго* . . . . 1— 35
12. **Красные выборы.** *В. Майскаго*. . . . . 35— 72
13. **Кругооборотъ.** *Діонео*. . . . . 72—103
14. **Хроника внутренней жизни:** 1. «Остается Россія».— 2. Изъ рѣчи П. Н. Дурново. Ликвидація по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Желательныя и нежелательныя дѣти.—3. О нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ школьной политики. Режимъ для учителей.—4. Народное просвѣщеніе и логика борьбы съ крамолой. Лозунгъ г. Говорухи-Отрока и его практическое примѣненіе.—

(*См. на оборотѣ*)

СТРАН.

5. Школьные исполнители предначертаній по борьбѣ съ крамолой. *А. Петрищева* . . . . . 103—141

15. **Обозрѣніе иностранной жизни**: 1. Китайская республика.—2. Намѣчающіяся измѣненія въ системѣ европейскихъ союзовъ. *Н. С. Русанова* . . . . 141—162

16. **Новыя книги.**

Степанъ Аникинъ. Деревенскіе разсказы. На зарѣ жизни. Воспоминанія Е. Н. Водовозовой.—Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе.—Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго въ двухъ томахъ.—Отечественная война и русское общество.—А. А. Кизеветтеръ. Историческіе очерки.—Н. П. Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ удѣльной Руси.—Н. Карѣевъ. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи?—Проф. Д. И. Багалѣй. Очерки изъ русской исторіи. Т. I. Статьи по исторіи просвѣщенія.—Иванъ Посошковъ. Книга о скудости и о богатствѣ и нѣкоторыя болѣе мелкія сочиненія.—Генри-Чарльсъ Ли. Исторія инквизиціи въ средніе вѣка.—Памяти Петра Францевича Лесгафта.—Проф. А. И. Введенскій. Логика, какъ часть теоріи познанія.—Гебгардъ. Исторія кооперативнаго движенія въ Финляндіи.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. . . . . 163—188

17. **Отчетъ конторы редакціи.**

18. **Объявленія.**

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Посмертныя записки старца Федора Кузьмича,

умершаго 20-го Января 1864 года въ Сибири, близъ города Томска, на заимкѣ купца Хромова.

Еще при жизни старца Федора Кузьмича, появившагося въ Сибири въ 1836 году и прожившаго въ разныхъ мѣстахъ 27 лѣтъ, ходили про него странные слухи о томъ, что это—скрывающій свое имя и званіе, что это—не кто иной, какъ императоръ Александръ I; послѣ же смерти его слухи еще болѣе распространились и усилились. И тому, что это былъ дѣйствительно Александръ I, вѣрили не только въ народѣ, но и въ высшихъ кругахъ, и даже въ царской семьѣ въ царствованіе Александра III. Вѣрилъ этому и историкъ царствованія Александра I, ученый Шильдеръ *).

Поводомъ къ этимъ слухамъ было, во-первыхъ, то, что Александръ умеръ совершенно неожиданно, не болѣвъ передъ этимъ никакой серьезной болѣзнью; во-вторыхъ, то, что умеръ онъ вдали отъ всѣхъ въ довольно глухомъ мѣстѣ—Таганрогѣ; въ-третьихъ, то, что, когда онъ былъ положенъ въ гробъ, тѣ, кто видѣли его, говорили, что онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его, и что поэтому его закрыли и никому не показывали; въ четвертыхъ, то, что Александръ неоднократно говорилъ, писалъ (и особенно часто въ послѣднее время), что онъ желаетъ только одного: избавиться отъ своего положенія и уйти отъ міра, въ-пятыхъ,—обстоятельство мало извѣстное,—то, что въ прото-

*) Свѣдѣнія объ интересной личности Сибирскаго отшельника читатель найдетъ ниже въ замѣткѣ В. Г. Короленко. *Прим. Ред. „Русск. Бог."*

колѣ описанія тѣла Александра было сказано, что спина его и ягодицы были багрово-сизо-красныя, что никакъ не могло быть на изнѣженномъ тѣлѣ императора.

Что же касается до того, что именно Кузьмича считали скрывшимся Александромъ, то поводомъ къ этому было, во-первыхъ, то, что старецъ былъ ростомъ, сложеніемъ и наружностью такъ похожъ на императора, что люди (камеръ-лакеи, признавшіе Кузьмича Александромъ), видавшіе Александра и его портреты, находили между ними поразительное сходство: и одинъ и тотъ же возрастъ, и та же характерная сутуловатость; во-вторыхъ, то, что Кузьмичъ, выдававшій себя за непомнящаго родства бродягу, зналъ иностранные языки и всѣми пріемами своими—величавой ласковости обличалъ человѣка, привыкшаго къ самому высокому положенію; въ-третьихъ, то, что старецъ никогда никому не открылъ своего имени и званія, а между тѣмъ невольно прорывающимися выраженіями выдавалъ себя за человѣка, когда-то стоявшаго выше всѣхъ другихъ людей; въ-четвертыхъ, то, что онъ передъ смертью уничтожилъ какія-то бумаги, изъ которыхъ остался одинъ листокъ съ шифрованными странными знаками и иниціалами А. и П.; въ-пятыхъ, то, что, несмотря на всю набожность, старецъ никогда не говѣлъ. Когда же посѣтившій его архіерей уговаривалъ его исполнить долгъ христіанина, старецъ сказалъ: „Если бы я на исповѣди не сказалъ про себя правды, небо удивилось бы; если же бы я сказалъ, кто я,—удивилась бы земля“.

Всѣ догадки и сомнѣнія эти перестали быть сомнѣніями и стали достовѣрностью вслѣдствіе найденныхъ записокъ Кузьмича. Записки эти слѣдующія. Начинаются онѣ такъ.

I.

Спаси Богъ безцѣннаго друга Ивана Григорьевича *) за это восхитительное убѣжище. Не стою я его доброты и милости Божіей. Я здѣсь спокоенъ. Народа ходитъ меньше, и я одинъ съ своими преступными воспоминаніями и съ Богомъ. Постараюсь воспользоваться уединеніемъ, чтобы подробно описать свою жизнь. Она можетъ быть поучительна людямъ.

Я родился и прожилъ сорокъ семь лѣтъ своей жизни среди самыхъ ужасныхъ соблазновъ и не только не устоялъ

*) Иванъ Григорьевичъ Латышевъ—это крестьянинъ села Краснорѣчинскаго, съ которымъ Федоръ Кузьмичъ познакомился и сошелся въ 1839 году и который, послѣ разныхъ перемѣнъ мѣста жительства, построилъ для Кузьмича въ сторонѣ отъ дороги, въ горѣ, надъ обрывомъ въ лѣсу келью. Въ этой кельѣ и началъ Кузьмичъ свои записки. *Прим. автора.*

противъ нихъ, но упивался ими, соблазнялся и соблазнялъ другихъ, грѣшилъ и заставлялъ грѣшить. Но Богъ оглянулся на меня, и вся мерзость моей жизни, которую я старался оправдать передъ собой и сваливать на другихъ, наконецъ открылась мнѣ во всемъ своемъ ужасѣ. И Богъ помогъ мнѣ избавиться не отъ зла,—я еще полонъ его, хотя и борюсь съ нимъ,—но отъ участія въ немъ. Какія душевныя муки я пережилъ, и что совершилось въ моей душѣ, когда я понялъ всю свою грѣховность и необходимость искупленія (не вѣры въ искупленіе, а настоящаго искупленія грѣховъ своими страданіями),—я разскажу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же опишу только самыя дѣйствія мои: какъ я успѣлъ уйти изъ своего положенія, оставивъ вмѣсто своего трупа трупъ замученнаго . . . . до смерти солдата, и приступлю къ описанію своей жизни съ самаго начала.

Бѣгство мое совершилось такъ.

Въ Таганрогѣ я жилъ въ томъ же безуміи, въ какомъ жилъ всѣ эти послѣдніе двадцать четыре года. Я величайшій преступникъ . . . .
. . . .
. . . . . . вѣрилъ тому, что мнѣ про меня говорили, считалъ себя спасителемъ Европы, благодѣтелемъ человѣчества, исключительнымъ совершенствомъ, un heureux hasard *), какъ я сказалъ это m-me Staël. Я считалъ себя такимъ, но Богъ не совсѣмъ оставилъ меня, и недремлющій голосъ совѣсти, не переставая, грызъ меня. Все мнѣ было нехорошо, всѣ были виноваты. Одинъ я былъ хорошъ, и никто не понималъ этого. Я обращался къ Богу, молился то православному Богу съ Фотіемъ, то католическому, то протестантскому съ Парротомъ, то иллюминатскому съ Крюденеръ; но и къ Богу я обращался только передъ людьми, чтобъ они любовались мною. Я презиралъ всѣхъ людей; а эти-то презрѣнные люди, ихъ мнѣніе только и было для меня важно, только ради его я жилъ и дѣйствовалъ. Одному мнѣ было ужасно. Еще ужаснѣе съ нею, съ женою. Ограниченная, лживая, капризная, злая, чахоточная и вся притворство,—она хуже всего отравляла мою жизнь. Nous étions censés проживать **) нашу новую lune de miel ***); а это былъ адъ въ приличныхъ формахъ, притворный и ужасный ****).

---

*) Счастливой случайностью.

**) Полагали, что мы проживали.

***) Медовый мѣсяцъ.

****) По изданной В. К. Николаемъ Михайловичемъ обширной перепискѣ жены Александра, императрицы Елизаветы Алексѣевны, Левъ Николаевичъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что изобразилъ ее въ своихъ „Запискахъ Федора Кузьмича“ не такой, какой она въ дѣйстви-

Одинъ разъ мнѣ особенно было гадко. Я получилъ наканунѣ письмо отъ Аракчеева объ убійствѣ его любовницы. Онъ описывалъ мнѣ свое отчаянное горе. И удивительное дѣло: его постоянная тонкая лесть, не только лесть, но настоящая, собачья преданность, начавшаяся еще при отцѣ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ, тайно отъ бабушки, присягали ему,—эта собачья преданность его дѣлала то, что, если я любилъ въ послѣднее время кого изъ мужчинъ, то любилъ его; хотя и неприлично употреблять это слово „любилъ", относя его къ этому извергу. Связывало меня съ нимъ еще и то, что онъ не только не участвовалъ въ убійствѣ отца, какъ многіе другіе, которые именно за то, что они были участники .... мнѣ были ненавистны,—онъ не только не участвовалъ, но былъ преданъ отцу и преданъ мнѣ. Впрочемъ, про это послѣ.

Я спалъ дурно. Странно сказать, убійство красавицы, злой Настасьи (она была удивительно чувственно красива), вызвало во мнѣ похоть, и я не спалъ всю ночь. То, что черезъ комнату лежитъ чахоточная, постылая жена, не нужная мнѣ, злило и еще больше мучило меня. Мучили и воспоминанія о Мари (Нарышкиной), бросившей меня для ничтожнаго дипломата. Видно, и мнѣ и отцу суждено было ревновать къ Гагаринымъ. Но я опять увлекаюсь воспоминаніями. Я не спалъ всю ночь. Стало разсвѣтать. Я поднялъ гардину, надѣлъ свой бѣлый халатъ и кликнулъ камердинера. Всѣ еще спали. Я надѣлъ сюртукъ, штатскую шинель и фуражку и вышелъ мимо часовыхъ на улицу.

Солнце только что поднималось надъ моремъ, былъ свѣжій осенній день. На воздухѣ мнѣ сейчасъ же стало лучше. Мрачныя мысли исчезли, и я пошелъ къ игравшему мѣстами на солнцѣ морю. Не доходя до угла съ зеленымъ домомъ, я услыхалъ съ площади барабаны и флейты. Я прислушался и понялъ, что на площади происходила экзекуція: прогоняли сквозь строй. Я, столько разъ разрѣшавшій это наказаніе, никогда не видалъ этого зрѣлища. И странное дѣло (это, очевидно, было дьявольское вліяніе), мысли объ убитой чувственной красавицѣ Настасьѣ и объ разсѣкаемомъ шпицрутенами тѣлѣ солдата сливались въ одно раздражающее

тельности была. Судя по этимъ письмамъ, она представляется личностью высокихъ душевныхъ качествъ, замѣчательно умной, сердечной и благородной. Левъ Николаевичъ говорилъ, что, въ виду этого, онъ, быть можетъ, и измѣнилъ бы свою характеристику Елизаветы Алексѣевны, если бы сталъ продолжать свою работу надъ Федоромъ Кузьмичемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не скрывалъ и того, что ему жалко было бы разстаться съ своимъ первоначальнымъ представленіемъ о ней и о взаимныхъ отношеніяхъ между обоими супругами, важнымъ для художественнаго обоснованія „ухода" Александра I. *Примѣч. В. Г. Черткова.*

чувство. Я вспомнилъ о прогнанныхъ сквозь строй семеновцахъ и о военно-поселенцахъ, сотни которыхъ были загнаны на смерть, и мнѣ вдругъ пришла странная мысль посмотрѣть на это зрѣлище. Такъ какъ я былъ въ штатскомъ, я могъ это сдѣлать.

Чѣмъ ближе я шелъ, тѣмъ явственнѣе слышалась барабанная дробь и флейта. Я не могъ ясно разсмотрѣть безъ лорнета своими близорукими глазами, но видѣлъ уже ряды солдатъ и движущуюся между ними высокую, съ бѣлой спиной фигуру. Когда же я сталъ въ толпѣ людей, стоявшей позади рядовъ и смотрѣвшей на зрѣлище, я досталъ лорнетъ и могъ разсмотрѣть все, что дѣлалось. Высокій человѣкъ съ привязанными къ штыку, обнаженными руками и съ голой, кое-гдѣ алѣвшей уже отъ крови, разсѣченной бѣлой, сутулой спиной, шелъ по улицѣ солдатъ съ палками. Человѣкъ этотъ былъ я, былъ мой двойникъ. Тотъ же ростъ, та же сутулая спина, та же лысая голова, тѣ же баки, безъ усовъ, тѣ же скулы, тотъ же ротъ и тѣ же голубые глаза; но ротъ не улыбающійся, а раскрывающійся и искривляющійся отъ вскрикиваній при ударахъ, и глаза не умильные, ласкающіе, а страшно выпяченные и то закрывающіеся, то открывающіеся.

Когда я вглядѣлся въ лицо этого человѣка, я узналъ его. Это былъ Струменскій, солдатъ, лѣво-фланговый унтеръ-офицеръ 3-ей роты Семеновскаго полка, въ свое [время] *) извѣстный всѣмъ гвардейцамъ по своему сходству со мной. Его шутя называли Александромъ II.

Я зналъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ бунтовавшими семеновцами переведенъ въ гарнизонъ, и понялъ, что онъ, вѣроятно, здѣсь, въ гарнизонѣ, сдѣлалъ что-нибудь, вѣроятно, бѣжалъ, былъ пойманъ, и вотъ наказывается. Какъ я потомъ узналъ, такъ это и было.

Я стоялъ, какъ заколдованный, глядя на то, какъ шагалъ этотъ несчастный, и какъ его били, и чувствовалъ, что что-то во мнѣ дѣлается. Но вдругъ я замѣтилъ, что стоявшіе со мной люди, зрители, смотрятъ на меня; одни сторонятся, другіе приближаются. Очевидно, меня узнали. Увидавъ это, я повернулся и быстро пошелъ домой. Барабаны все били, флейта играла; стало-быть, казнь все продолжалась. Главное чувство мое было то, что мнѣ надо было сочувствовать тому, что дѣлалось надъ этимъ двойникомъ моимъ. Если не сочувствовать, то признавать, что дѣлается то, что должно; и я чувствовалъ, что я не могъ. А между тѣмъ, я чувство-

*) Слова въ прямыхъ скобкахъ вставлены редакторами изданія посмертныхъ художественныхъ произведеній Л. Н. Толстого. *Прим. Ред.*

валъ, что если я не признаю, что это такъ и должно быть, что это хорошо, то я долженъ признать, что вся моя жизнь, всѣ мои дѣла — все дурно, и мнѣ надо сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать: все бросить, уйти, исчезнуть.

Чувство это охватило меня. Я боролся съ нимъ; я то признавалъ, что это такъ и должно быть, что это печальная необходимость, то признавалъ, что мнѣ надо было быть на мѣстѣ этого несчастнаго. Но, странное дѣло, мнѣ не жалко было его, и я, вмѣсто того, чтобы остановить казнь, только боялся, что меня узнаютъ, и ушелъ домой.

Скоро перестало быть слышно барабаны, и вернувшись домой, я какъ будто освободился отъ охватившаго меня тамъ чувства, выпилъ свой чай и принялъ докладъ отъ Волконскаго. Потомъ обычный завтракъ, обычныя, привычныя, тяжелыя, фальшивыя отношенія съ женой; потомъ Дибичъ и докладъ, подтверждавшій свѣдѣнія о тайномъ обществѣ. Въ свое время, описывая всю исторію своей жизни, опишу, если Богу будетъ угодно, все подробно; теперь же скажу только, что и это я внѣшнимъ образомъ принялъ спокойно. Но это продолжалось только до конца обѣда. Послѣ обѣда я ушелъ въ кабинетъ, легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ.

Едва ли я поспалъ пять минутъ, какъ толчокъ во всемъ тѣлѣ разбудилъ меня, и я услыхалъ барабанную дробь, флейту, звуки ударовъ, вскрикиванія Струменскаго и увидалъ его или себя,—я самъ не зналъ, онъ ли былъ я, или я былъ я,— увидалъ его страдающее лицо и безнадежныя подергиванія и хмурыя лица солдатъ и офицеровъ. Затменіе это продолжалось недолго; я вскочилъ, застегнулъ сюртукъ, надѣлъ шляпу и шпагу и вышелъ, сказавъ, что пойду гулять.

Я зналъ, гдѣ былъ военный гошпиталь, и прямо пошелъ туда. Какъ всегда, всѣ засуетились. Запыхавшись прибѣжалъ главный докторъ и начальникъ штаба. Я сказалъ, что хочу пройти по палатамъ. Во второй палатѣ я увидалъ плѣшивую голову Струменскаго. Онъ лежалъ ничкомъ, положивъ голову на руки, и жалобно стоналъ. — Былъ наказанъ за побѣгъ,—доложили мнѣ.

Я сказалъ: „А!“ и сдѣлалъ свой обычный жестъ того, что слышу и одобряю, и прошелъ мимо.

На другой день я послалъ спросить: что Струменскій? Мнѣ сказали, что его причастили, и онъ умираетъ.

Это былъ день именинъ брата Михаила. Былъ парадъ и служба. Я сказалъ, что нездоровъ послѣ крымской поѣздки, и не пошелъ къ обѣднѣ. Ко мнѣ опять пришелъ Дибичъ и докладывалъ опять о заговорѣ во второй арміи, напоминая то, что говорилъ мнѣ объ этомъ графъ Виттъ еще до крымской поѣздки, и донесеніе унтеръ-офицера Шервуда.

Тутъ только, слушая докладъ Дибича, приписывавшаго такую огромную важность этимъ замысламъ заговора, я вдругъ почувствовалъ все значеніе и всю силу того переворота, который произошелъ во мнѣ. Они дѣлаютъ заговоръ, чтобы измѣнить образъ правленія, ввести конституцію,—то самое, что я хотѣлъ сдѣлать двадцать лѣтъ тому назадъ. Я дѣлалъ и раздѣлывалъ конституціи въ Европѣ, и что и кому отъ этого стало лучше? И главное, кто я, чтобы дѣлать это? Главное было то, что вся внѣшняя жизнь, всякое устройство внѣшнихъ дѣлъ, всякое участіе въ нихъ,—а ужъ я ли не участвовалъ въ нихъ и не перестраивалъ жизнь народовъ Европы? — было не важно, не нужно и не касалось меня. Я вдругъ понялъ, что все это не мое дѣло, что мое дѣло—я, моя душа. И всѣ мои прежнія желанія отреченія отъ престола, — тогда съ рисовкой, съ желаніемъ удивить, опечалить людей, показать имъ свое величіе души, — вернулись теперь, но вернулись съ новой силой и съ полной искренностью, — уже не для людей, а только для себя, для души. Какъ будто весь этотъ пройденный мной, въ свѣтскомъ смыслѣ блестящій кругъ жизни былъ пройденъ только для того, чтобы вернуться къ тому юношескому, вызванному раскаяніемъ, желанію уйти отъ всего; но вернуться безъ тщеславія, безъ мысли о славѣ людской, а для себя, для Бога. Тогда это были неясныя желанія; теперь это была невозможность продолжать ту же жизнь.

Но какъ? Не такъ, чтобы удивить людей, чтобы меня хвалили, а, напротивъ, надо было уйти такъ, чтобы никто не зналъ и чтобы пострадать. И эта мысль такъ обрадовала, такъ восхитила меня, что я сталъ думать о средствахъ приведенія ея въ исполненіе; всѣ силы своего ума, своей, свойственной мнѣ хитрости употребилъ на то, чтобы привести ее въ исполненіе.

И, удивительное дѣло, исполненіе моего намѣренія оказалось гораздо болѣе легкимъ, чѣмъ я ожидалъ. Намѣреніе мое было такое: притвориться больнымъ, умирающимъ и, подговоривъ и подкупивъ доктора, положить на мое мѣсто умирающаго Струменскаго и самому уйти, бѣжать, скрывъ отъ всѣхъ свое имя.

И все дѣлалось какъ бы нарочно для того, чтобы мое намѣреніе удалось. 9-го я, какъ нарочно, заболѣлъ лихорадкой. Я проболѣлъ около недѣли, во время которой я все больше и больше укрѣплялся въ своемъ намѣреніи и обдумывалъ его. 16-го я всталъ и чувствовалъ себя здоровымъ.

Въ этотъ день я, какъ обыкновенно, брился и задумавшись сильно обрѣзался около подбородка. Пошло много крови, мнѣ сдѣлалось дурно, и я упалъ. Прибѣжали, под-

няли меня. Я тотчасъ же понялъ, что это можетъ мнѣ пригодиться для исполненія моего намѣренія, и хотя чувствовалъ себя хорошо, притворился, что я очень слабъ, слегъ въ постель и велѣлъ позвать къ себѣ помощника Вилліе. Вилліе не пошелъ бы на обманъ, этого же молодого человѣка я надѣялся подкупить. Я открылъ ему свое намѣреніе и планъ исполненія и предложилъ ему восемьдесятъ тысячъ, если онъ сдѣлаетъ все то, что я отъ него требовалъ. Планъ мой былъ такой: Струменскій, какъ я узналъ, въ это утро былъ при смерти и долженъ былъ кончиться къ ночи.

Я ложился въ постель и, притворившись раздраженнымъ на всѣхъ, не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ подкупленнаго врача. Въ эту же ночь врачъ долженъ былъ привезти въ ваннѣ тѣло Струменскаго и положить его на мое мѣсто и объявить о моей неожиданной смерти. И, удивительное дѣло, все было исполнено такъ, какъ мы предполагали. И 17-го ноября я былъ свободенъ.

Тѣло Струменскаго въ закрытомъ гробу похоронили съ величайшими почестями. Братъ Николай вступилъ на престолъ, сославъ въ каторгу заговорщиковъ, — я видѣлъ потомъ въ Сибири нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я же пережилъ ничтожныя, въ сравненіи съ моими преступленіями, страданія и незаслуженныя мною величайшія радости, о которыхъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Теперь-же, стоя по поясъ въ гробу, 72-лѣтнимъ старикомъ, понявшимъ тщету прежней жизни и значительность той жизни, которой я жилъ и живу бродягой, постараюсь разсказать повѣсть своей старой жизни.

Моя жизнь.

12 декабря 1849 года.

Сибирская тайга, близъ Краснорѣчинска.

Сегодня день моего рожденія, мнѣ семьдесятъ два года. Семьдесятъ два года тому назадъ я родился въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ моей матери императрицы, тогда великой княгини, Маріи Федоровны.

Спалъ я сегодня ночью довольно хорошо. Послѣ вчерашняго нездоровья мнѣ стало нѣсколько легче. Главное, прекратилось сонное духовное состояніе, возобновилась возможность всей душой общаться съ Богомъ. Вчера ночью въ темнотѣ молился. Ясно сознаялъ свое положеніе въ мірѣ; я, вся моя жизнь есть нѣчто нужное Тому, кто меня послалъ. И я могу дѣлать это нужное Ему и могу не дѣлать. Дѣлая нужное Ему, я содѣйствую благу своему и

всего міра. Не дѣлая этого, лишаюсь своего блага,—не всего блага, а того, которое могло быть моимъ, но не лишаю міръ того блага, которое предназначено ему (міру). То, что я долженъ бы былъ сдѣлать, сдѣлаютъ другіе. И Его воля будетъ исполнена. Въ этомъ свобода моей воли. Но если Онъ знаетъ, что будетъ, если все опредѣлено Имъ, то нѣтъ свободы? Не знаю. Тутъ предѣлъ мысли и начало молитвы, простой, дѣтской и старческой молитвы: „Отче, не моя воля да будетъ, но Твоя. Помоги мнѣ. Пріиди и вселися въ ны". Просто: „Господи, прости и помилуй. Да, Господи, прости и помилуй, прости и помилуй. Словами не могу сказать, а сердце Ты знаешь, Ты самъ въ немъ".

И я заснулъ хорошо. Просыпался, какъ всегда, по старческой слабости разъ пять и видѣлъ сонъ о томъ, что купаюсь въ морѣ и плаваю и удивляюсь, какъ меня вода держитъ высоко, такъ, что я совсѣмъ не погружаюсь въ нее; и вода зеленоватая, красивая, и какіе-то люди мѣшаютъ мнѣ, и женщины на берегу, и я нагой, и нельзя выйти. Смыслъ сновидѣнія тотъ, что мѣшаетъ мнѣ еще крѣпость моего тѣла, но выходъ близокъ.

Всталъ до разсвѣта, высѣкъ огня и долго не могъ зажечь сѣрничка; надѣлъ свой лосиный халатъ и вышелъ на улицу. Изъ за осыпанныхъ снѣгомъ лиственницъ и сосенъ краснѣла красно-оранжевая заря. Внесъ вчера наколанныя дрова и затопилъ, и сталъ еще колоть. Разсвѣло. Поѣлъ размоченныхъ сухарей, печь истопилась, закрылъ трубу и сѣлъ писать.

Родился я ровно семьдесятъ два года тому назадъ, 12-го декабря 1777 года въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ. Имя дано мнѣ было, по желанію бабки, Александра, въ предзнаменованіе того, какъ она сама говорила мнѣ, чтобы я былъ столь же великимъ человѣкомъ, какъ Александръ Македонскій, и столь же святымъ, какъ Александръ Невскій. Крестили меня черезъ недѣлю въ Большой церкви Зимняго дворца. Несла меня на глазетовой подушкѣ герцогиня курляндская; покрывало поддерживали высшіе чины Крестной матерью была императрица; крестнымъ отцомъ былъ императоръ австрійскій и король прусскій. Комната, въ которую помѣстили меня, была такъ устроена по плану бабушки (я ничего этого не помню, но знаю по разсказамъ):

Въ обширной комнатѣ этой, съ тремя высокими окнами, посерединѣ ея, среди четырехъ колоннъ прикрѣпленъ къ высокому потолку бархатный балдахинъ съ шелковыми занавѣсами до полу. Подъ балдахиномъ поставлена кроватка желѣзная, съ кожанымъ тюфячкомъ, подушечкой и лег-

кимъ англійскимъ одѣяломъ. Кругомъ балдахина балюстрада въ два аршина вышины,—такъ, чтобы посѣтители не могли близко подходить. Въ комнатѣ никакой мебели, только позади балдахина постель кормилицы. Всѣ подробности моего тѣлеснаго воспитанія были обдуманы бабушкой: запрещено было меня укачивать; пеленали особеннымъ образомъ; ноги были безъ чулокъ; купали сначала въ теплой, потомъ въ холодной водѣ; одежда была особенная, надѣвалась сразу,—безъ швовъ и завязокъ; какъ только я началъ ползать, такъ меня клали на коверъ и предоставляли самому себѣ. Первое время мнѣ разсказывали, что бабушка часто сама садилась на коверъ и играла со мной. Я ничего этого не помню, не помню и кормилицу.

Кормилицей моей была жена садовникова молодца, Авдотья Петрова изъ Царскаго Села. Я не помнилъ ея. Я увидалъ ее въ первый разъ, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, и она въ Царскомъ подошла ко мнѣ въ саду и назвала себя. Было это въ то мое хорошее время моей первой дружбы съ Чарторижскимъ и искренняго отвращенія ко всему тому, что дѣлалось при обоихъ Дворахъ: какъ несчастнаго отца, такъ и ставшей мнѣ ненавистной тогда бабки. Я былъ еще человѣкомъ тогда, и даже не дурнымъ человѣкомъ, съ добрыми стремленіями. Я шелъ съ Адамомъ по парку, когда изъ боковой аллеи вышла хорошо одѣтая женщина, съ необыкновенно добрымъ, очень бѣлымъ, пріятнымъ, улыбающимся и взволнованнымъ лицомъ. Она быстро подошла ко мнѣ и, упавъ на колѣни, схватила мою руку и стала цѣловать ее.

— Батюшка, ваше высочество!.. Вотъ когда Богъ привелъ...

— Кто вы?

— Кормилка ваша, Авдотья, Дуняша, одиннадцать мѣсяцевъ кормила. Привелъ Богъ взглянуть.

Я насилу поднялъ ее, спросилъ, гдѣ она живетъ, и обѣщалъ зайти къ ней. Милый intérieur ея чистенькаго домика: ея милая дочка, совершенная русская красавица, моя молочная сестра, [которая] была невѣстой берейтора придворнаго; отецъ ея, садовникъ, такой же улыбающійся, какъ и жена, и куча дѣтей, тоже улыбающихся, — всѣ они точно освѣтили меня въ темнотѣ. „Вотъ настоящая жизнь, настоящее счастье“, думалъ я. „Такъ все просто, ясно, никакихъ интригъ, зависти, ссоръ“.

Такъ вотъ, эта милая Дуняша и кормила меня. Главной няней моей была нѣмка Софья Ивановна Бенкендорфъ, а няней—англичанка Гесслеръ. Софья Ивановна Бенкендорфъ, нѣмка, была толстая, бѣлая, прямоносая женщина, съ величественнымъ видомъ, когда она распоряжалась въ дѣт-

ской, и удивительно униженной, низкопоклонной, низкоприсѣдающей при бабушкѣ, которая была на голову ниже ея ростомъ. Она ко мнѣ относилась особенно раболѣпно и вмѣстѣ съ тѣмъ строго. То она была царицей, въ своихъ широкихъ юбкахъ и съ своимъ величественнымъ прямоносымъ лицомъ; то вдругъ дѣлалась притворяющейся дѣвчонкой.

Прасковья Ивановна Геселеръ, англичанка, была длиннолицая, рыжеватая, всегда серьезная англичанка. Но зато, когда она улыбалась, она разсiявала вся, и нельзя было удержаться отъ улыбки. Мнѣ нравилась ея аккуратность, ровность, чистота, твердая мягкость. Мнѣ казалось, что она что-то знаетъ такого, чего не зналъ никто: ни маменька, ни батюшка, даже сама бабушка.

Мать свою я помню сначала, какъ какое-то странное, печальное, сверхъ-естественное и прелестное видѣнiе. Красивая, нарядная, блестящая брильянтами, шелкомъ, кружевами и обнаженными полными, бѣлыми руками, она входила въ мою комнату и съ какимъ-то страннымъ, чуждымъ мнѣ, не относящимся ко мнѣ грустнымъ выраженiемъ лица ласкала меня, брала на свои сильныя, прекрасныя руки, подносила къ еще болѣе прекрасному лицу, откидывала густые, пахучiе волосы, и цѣловала меня, и плакала, и разъ даже спустила меня съ рукъ и упала въ дурнотѣ...

Странное дѣло: внушено-ли мнѣ это было бабушкой, или таково было обхожденiе со мною матери, или я дѣтскимъ чутьемъ проникъ ту дворцовую интригу, которой я былъ центромъ; но у меня не было простого чувства, даже никакого чувства любви къ матери. Что-то натянутое чувствовалось въ ея обращенiи ко мнѣ. Она какъ-будто что-то высказывала черезъ меня, забывая меня, и я это чувствовалъ. Такъ это и было. Бабка отняла меня отъ родителей, взяла въ свое полное распоряженiе для того, чтобы передать мнѣ престолъ, лишивъ его ненавидимаго ею сына, моего несчастнаго отца. Я, разумѣется, долго ничего не зналъ этого; но съ первыхъ же дней сознанiя я, не понимая причинъ, сознавалъ себя предметомъ какой-то вражды, соревнованiя, игрушкой какихъ-то замысловъ и чувствовалъ холодность и равнодушiе къ себѣ, къ своей дѣтской душѣ, не нуждавшейся ни въ какой коронѣ, а только въ простой любви. И ея то и не было. Была мать, всегда грустная въ моемъ присутствiи. Одинъ разъ она, поговоривъ о чемъ-то по нѣмецки съ Софьей Ивановной, расплакалась и выбѣжала почти изъ комнаты, заслышавъ шаги бабушки. Былъ отецъ, который иногда входилъ въ нашу комнату, и къ которому потомъ водили меня съ братомъ; но отецъ

этотъ, мой несчастный отецъ, еще больше и рѣшительнѣе, чѣмъ мать, при видѣ меня выражалъ свое неудовольствіе, сдержанный гнѣвъ даже.

Помню, какъ разъ насъ съ братомъ Константиномъ привели на ихъ половину. Это было передъ отъѣздомъ его въ путешествіе за границу въ 1781 году. Онъ вдругъ отстранилъ меня рукой и съ страшными глазами вскочилъ съ кресла и, задыхаясь, заговорилъ что-то обо мнѣ и бабушкѣ. Я не понялъ, что, но помню слова:

— Après 62 tout est possible.

Я испугался, заплакалъ. Матушка взяла меня на руки и стала цѣловать, и потомъ поднесла ему. Онъ быстро благословилъ меня и, стуча своими высокими каблуками, почти выбѣжалъ изъ комнаты. Уже долго потомъ я понялъ значеніе этого взрыва. Они съ матушкой ѣхали путешествовать подъ именемъ Comte et Comtesse du Nord. Бабушка хотѣла этого. И онъ боялся, чтобы въ его отсутствіе онъ бы не былъ объявленъ лишеннымъ права на престолъ и я признанъ наслѣдникомъ...

Боже мой, Боже мой! И онъ дорожилъ тѣмъ, что погубило тѣлесно и духовно и его, и меня,—и я, несчастный, дорожилъ тѣмъ же!

Кто-то стучится, произнося молитву: „Во имя Отца и Сына". Я сказалъ: „Аминь". Уберу писаніе, пойду, отопру. И если Богъ велитъ, буду продолжать завтра.

13 декабря.

Спалъ мало и видѣлъ нехорошіе сны. Какая-то женщина непріятная, слабая, жмется ко мнѣ, и я не ея боюсь, не грѣха, а боюсь, что увидитъ жена, и будутъ опять упреки. Семьдесятъ два года, и я все еще не свободенъ. Наяву можно себя обманывать, но сновидѣніе даетъ вѣрную оцѣнку той степени, до которой ты достигъ. Видѣлъ еще,—и это опять подтвержденіе той низкой степени нравственности, на которой я стою,—что кто-то принесъ мнѣ здѣсь во мху конфеты, какія-то необыкновенныя конфеты, и мы разобрали ихъ изъ моха и роздали. Но послѣ раздачи остались еще конфеты, и я выбираю ихъ для себя; а тутъ мальчикъ, въ родѣ сына турецкаго султана, черноглазый, непріятный, тянется къ конфетамъ, беретъ ихъ въ руки, и я отталкиваю его и между тѣмъ знаю, что ребенку гораздо свойственнѣе ѣсть конфеты, чѣмъ мнѣ, и все-таки не даю ему и чувствую къ нему недоброе чувство и въ то же время знаю, что это дурно.

И, странное дѣло, наяву со мной нынче случилось это самое. Пришла Марья Мартемьяновна. Вчера стучался отъ

нея посолъ съ запросомъ, можетъ ли она побывать. Я сказалъ, что можно. Мнѣ тяжелы эти посѣщенія, но я знаю, что ее огорчилъ бы отказъ. И вотъ нынче она пріѣхала. Полозья издалека слышно было, какъ визжали по снѣгу. И она, войдя въ своей шубѣ и платкахъ, внесла кульки съ гостинцами и такой холодъ, что я одѣлся въ халатъ. Она привезла оладей, масла постнаго и яблокъ. Она пріѣхала спросить о дочери: сватается богатый вдовецъ,—отдавать ли? Очень мнѣ тяжело это ихъ представленіе о моей прозорливости. Все, что я говорю противъ, они приписываютъ моему смиренію. Я сказалъ, что всегда говорю: что цѣломудріе лучше брака, но, по слову Павла, лучше жениться, чѣмъ разжигаться. Съ ней вмѣстѣ пріѣхалъ ея зять Никаноръ Ивановичъ,—тотъ самый, который звалъ меня поселиться въ его домѣ, и потомъ не переставая преслѣдовалъ меня своими посѣщеніями.

Никаноръ Ивановичъ этотъ — великое для меня искушеніе. Не могу преодолѣть антипатіи, отвращенія къ нему. „Ей, Господи, даруй мнѣ зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждать брата моего". А я вижу всѣ его согрѣшенія, угадываю ихъ съ проницательностью злобы, вижу всѣ его слабости и не могу побѣдить антипатіи къ нему, къ брату моему, къ носителю, такъ же, какъ и я, божественнаго начала.

Что значатъ такія чувства? Я въ моей долгой жизни не разъ испытывалъ ихъ. Но самыя сильныя мои двѣ антипатіи это были: Людовикъ XVIII, съ его животомъ, горбатымъ носомъ, противными бѣлыми руками, съ его самоувѣренностью, наглостью, тупостью (вотъ я сейчасъ уже начинаю ругать его) и другая антипатія — этотъ Никаноръ Ивановичъ, который вчера два часа мучилъ меня. Все мнѣ, отъ звука его голоса до волосъ и ногтей, вызывало во мнѣ отвращеніе, и я, чтобъ объяснить свою мрачность Марьѣ Мартемьяновнѣ, солгалъ, сказавъ, что мнѣ нездоровится. Послѣ нихъ сталъ на молитву и послѣ молитвы успокоился. Благодарю Тебя, Господи, за то, что одно, единственное одно, что нужно мнѣ, въ моей власти. Вспомнилъ, что Никаноръ Ивановичъ былъ младенцемъ и будетъ умирать, тоже вспомнилъ и о Людовикѣ XVIII, зная, что онъ уже умеръ, и пожалѣлъ, что Никанора Ивановича уже не было, чтобы я могъ выразить ему мое доброе къ нему чувство.

Марья Мартемьяновна привезла мнѣ свѣчей, и я могу писать вечеромъ. Вышелъ на дворъ. Съ лѣвой стороны потухли яркія звѣзды въ удивительномъ сѣверномъ сіяніи. Какъ хорошо, какъ хорошо. Итакъ, продолжаю.

Отецъ съ матерью уѣхали въ заграничное путешествіе, и мы съ братомъ Константиномъ, родившимся два года послѣ меня, перешли на все время отсутствія родителей въ полное распоряженіе бабки. Брата назвали Константиномъ въ ознаменованіе того, что онъ долженъ былъ быть греческимъ императоромъ въ Константинополѣ.

Дѣти всѣхъ любятъ, особенно тѣхъ, которые любятъ и ласкаютъ ихъ. Бабка ласкала, хвалила меня, и я любилъ ее, несмотря на отталкивающій меня дурной запахъ, который, несмотря на духи, всегда стоялъ около нея, особенно когда она меня брала на колѣни. И еще непріятны мнѣ были ея руки, чистыя, желтоватыя, сморщенныя, какія-то скользкія, глянцовитыя, съ пальцами, загибающимися внутрь, и далеко, неестественно оттянутыми, обнаженными ногтями. Глаза у нея были мутные, усталые, почти мертвые, что вмѣстѣ съ улыбающимся беззубымъ ртомъ производило тяжелое, но не отталкивающее впечатлѣніе. Я приписывалъ это выраженіе глазъ . . . . ея трудамъ о своихъ народахъ, какъ мнѣ внушили это, и я жалѣлъ ее за это томное выраженіе глазъ. Видѣлъ я раза два Потемкина. Этотъ кривой, косой, огромный, черный, потный, грязный человѣкъ былъ ужасенъ. Особенно же ужасенъ онъ мнѣ былъ тѣмъ, что онъ одинъ не боялся бабки и говорилъ своимъ трескучимъ голосомъ громко при ней и смѣло, хотя и называя меня высочествомъ, ласкалъ и тормошилъ меня.

Изъ тѣхъ, кого я видалъ у нея въ это мое первое время дѣтства, былъ еще Ланской. Онъ всегда былъ съ ней, и всѣ замѣчали его, всѣ ухаживали за нимъ. Главное, сама императрица безпрестанно оглядывалась на него. Я не понималъ, разумѣется, тогда, что такое былъ Ланской, и онъ очень нравился мнѣ. Нравились мнѣ его букли, нравились обтянутыя въ лосины красивыя ляжки и икры, нравилась его веселая, счастливая, беззаботная улыбка и брильянты, которые повсюду блестѣли на немъ.

Время это было очень веселое. Насъ возили въ Царское; мы катались на лодкахъ, копались въ саду, гуляли, катались на лошадяхъ. Константинъ, толстенькій, рыженькій, un petit Bacchus, какъ его называла бабушка, веселилъ всѣхъ своими шутками, смѣлостью и выдумками. Онъ всѣхъ передразнивалъ: и Софью Ивановну и даже саму бабушку.

Важнымъ событіемъ за это время была смерть Софьи Ивановны Бенкендорфъ. Случилось это вечеромъ въ Царскомъ, при бабушкѣ. Софья Ивановна только что привела насъ послѣ обѣда и что-то говорила улыбаясь, какъ вдругъ лицо ея стало серьезно, она зашаталась, прислонилась къ

ловѣку, всякому человѣку, всегда, и всегда исполнялось бы или, скорѣе, приближалось бы къ исполненію? И мнѣ ясно стало, что это было бы такъ для человѣка, который желалъ бы смерти. Вся жизнь его была бы приближеніемъ къ исполненію этого желанія, и желаніе это навѣрное исполнилось бы.

Сначала это мнѣ показалось страннымъ. Но, вдумавшись я вдругъ увидалъ, что это такъ и есть, что въ этомъ одномъ, въ приближеніи къ смерти, разумное желаніе человѣка. Желаніе не въ смерти, не въ самой смерти, а въ томъ движеніи жизни, которое ведетъ къ смерти. Движеніе же это есть освобожденіе отъ страстей и соблазновъ того духовнаго начала, которое живетъ въ каждомъ человѣкѣ. Я чувствую это теперь, освободившись отъ большей части того, что скрывало отъ меня сущность моей души, ея единство съ Богомъ, скрывало отъ меня Бога. Я пришелъ къ этому безсознательно. Но если бы я поставилъ своимъ высшимъ благомъ (а это не только возможно, но такъ и должно быть), считалъ бы своимъ высшимъ благомъ освобожденіе отъ страстей, приближеніе къ Богу, то все, что придвигало бы меня къ смерти: старость, болѣзни, было бы исполненіемъ моего единаго и главнаго желанія. Это такъ, и это я чувствую, когда я здоровъ. Но когда я, какъ вчера и третьяго дня, болѣю желудкомъ, я не могу вызвать этого чувства и, хотя и не противлюсь смерти, не могу желать приближаться къ ней.

Да, такое состояніе есть состояніе сна духовнаго. Надо спокойно ждать.

Продолжаю вчерашнее. То, что я пишу про свое дѣтство, я пишу больше по разсказамъ, и часто то, что мнѣ про меня разсказывали, перемѣшивается съ тѣмъ, что я испыталъ, такъ что я не знаю иногда, что я пережилъ, и что слышалъ отъ людей.

Жизнь моя, вся, отъ рожденія моего и до самой теперешней старости, напоминаетъ мнѣ мѣстность, всю покрытую густымъ туманомъ, или даже поле сраженія подъ Дрезденомъ,—когда все скрыто, ничего не видно, и вдругъ тутъ и тамъ открываются островки, des éclaircies, въ которыхъ видишь ни съ чѣмъ не соединенныхъ людей, предметы, со всѣхъ сторонъ окруженные непроницаемой завѣсой. Таковы мои дѣтскія воспоминанія. Эти éclaircies въ дѣтствѣ только рѣдко, рѣдко открываются среди безконечнаго моря тумана или дыма, потомъ чаще и чаще; но даже теперь у меня есть времена, не оставляющія ничего въ воспоминаніи. Въ дѣтствѣ же ихъ чрезвычайно мало, и чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ меньше.

Я говорилъ объ этихъ просвѣтахъ перваго времени: смерти Бенкендорфъ, прощаньи съ родителями, передразниваньи Кости; но и еще нѣсколько воспоминаній того времени теперь, когда я думаю о прошедшемъ, открываются передо мной. Такъ, напримѣръ, я совершенно не помню, когда появился Костя, когда мы стали жить вмѣстѣ; а между тѣмъ живо помню, какъ мы разъ, когда мнѣ было не болѣе семи, а Костѣ—пяти лѣтъ, мы послѣ всенощной накапунѣ Рождества пошли спать и, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ вышли изъ нашей комнаты, соединились въ одной кроваткѣ. Костя въ одной рубашкѣ перелѣзъ ко мнѣ и началъ какую-то веселую игру, состоящую въ томъ, чтобы шлепать другъ друга по голому тѣлу, и хохотали до боли живота, и были очень счастливы, когда вдругъ вошелъ въ своемъ расшитомъ кафтанѣ съ орденами Николай Ивановичъ съ своей огромной, напудренной головой и, выпучивъ глаза, бросился на насъ и съ какимъ-то ужасомъ, котораго я никакъ не могъ объяснить себѣ, разогналъ насъ и гнѣвно обѣщалъ наказать насъ и пожаловаться бабушкѣ.

Другое памятное мнѣ воспоминаніе, уже нѣсколько позже—мнѣ было около девяти лѣтъ—это происшедшее у бабушки почти при насъ столкновеніе Алексѣя Григорьевича Орлова съ Потемкинымъ. Было это незадолго до поѣздки бабушки въ Крымъ и нашего перваго путешествія въ Москву. Какъ обыкновенно, Николай Ивановичъ приводитъ насъ къ бабушкѣ. Большая, съ лѣпнымъ и росписнымъ потолкомъ комната полна народомъ. Бабушка ужъ причесанная. Волосы ея зачесаны кверху надо лбомъ и какъ-то особенно искусно заложены на темени. Она сидитъ въ бѣломъ пудромантѣ передъ золотымъ туалетомъ. Горничныя ея стоятъ надъ нею и убираютъ ея голову. Она улыбаясь смотритъ на насъ, продолжая говорить съ большимъ, высокимъ, широкимъ генераломъ съ андреевской лентой и страшно развороченной щекой отъ рта до уха. Это—Орловъ, „Le balafré“ *).

Я тутъ въ первый разъ видѣлъ его. Около бабушки — Андерсоны, левретки. Моя любимица Мими соскакиваетъ съ подола бабушки и вскакиваетъ на меня лапами и лижетъ въ лицо. Мы подходимъ къ бабушкѣ и цѣлуемъ ея бѣлую, пухлую руку. Рука переворачивается, и загнутые пальцы ловятъ меня за лицо и ласкаютъ. Несмотря на духи, я чувствую непріятный бабушкинъ запахъ. Но она продолжаетъ глядѣть на „Balafré“ и говорить съ нимъ.

*) Человѣкъ со шрамомъ.

— Какофъ маладецъ,—говоритъ она, указывая на меня.— Вы ишо не витали его, графъ?—говоритъ [она].

— Молодцы оба,—говоритъ графъ, цѣлуя руку мою и костину.

— Карашо, карашо, — говоритъ она горничной, надѣвающей ей на голову чепецъ. Горничная эта—Марья Степановна, набѣленная, нарумяненная, добродушная женщина, которая всегда ласкаетъ меня.

— Où est ma tabatière?

Ланской подходитъ, подаетъ открытую табакерку. Бабушка нюхаетъ и улыбаясь глядитъ на подходящую шутиху Матрену Даниловну. . . . .

1905.

Перепечатка разрѣшается.

Герой повѣсти Л. Н. Толстого.

О старцѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ, героѣ печатаемой нами повѣсти Л. Н. Толстого, въ историческихъ журналахъ существуетъ цѣлая, небольшая правда, литература, а въ послѣдніе годы личность таинственнаго отшельника стала предметомъ очень обстоятельнаго изслѣдованія. Было-бы удивительно, если-бы эта загадочная фигура не привлекла художественнаго вниманія Л. Н. Толстого, до такой степени она заманчива и колоритна именно въ толстовскомъ духѣ: какъ бы ни выяснилась въ дальнѣйшемъ дѣйствительная личность, скрывшая свое происхожденіе подъ кличкой Ѳедора Кузьмича,—но и теперь уже несомнѣнно, что подъ этимъ скромнымъ именемъ въ далекой Сибири угасла жизнь, начавшаяся среди блеска на высотахъ общественнаго строя. Итакъ—отреченіе и добровольный уходъ,—таково содержаніе этой загадочной драмы.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ то, что извѣстно о Ѳедорѣ Кузьмичѣ.

Осенью 1836 года къ одной изъ кузницъ около города Красноуфимска, Пермской губерніи, подъѣхалъ верхомъ неизвѣстный человѣкъ, въ простомъ крестьянскомъ кафтанѣ, и попросилъ подковать ему лошадь. Много, безъ сомнѣнія, всякаго званія людей проѣзжали по Красноуфимскому тракту и многіе изъ нихъ подковывали своихъ лошадей, свободно отвѣчая на обычные вопросы любопытныхъ кузнецовъ. Но въ фигурѣ незнакомца было, очевидно, что-то особенное, обращавшее вниманіе, а обычные «придорожные» разговоры онъ поддерживалъ неумѣло и уклончиво. Можетъ быть и одежда была для него не совсѣмъ привычна, и въ окружающей обстановкѣ онъ оріентировался плохо. Разговоръ съ кузнецами закончился тѣмъ, что неизвѣстнаго задержали и, по россійской традиціи, представили для разрѣшенія недоумѣній «по начальству».

На допросѣ онъ назвался крестьяниномъ Ѳедоромъ Кузьмичемъ, но на дальнѣйшіе вопросы отвѣчать отказался и объявилъ себя бродягой, не помнящимъ родства. Послѣдовалъ конечно судъ за бродяжество и, «на основаніи существующихъ узаконеній», приговоръ: двадцать ударовъ плетей и ссылка въ каторжныя работы.

Несмотря на многократныя убѣжденія мѣстныхъ властей, относившихся съ невольной симпатіей къ незнакомцу, въ манерахъ котораго чувствовалось какое-то превосходство,—онъ стоялъ на своемъ, принялъ свои 20 ударовъ, и 26 марта 1837 г. непомнящій родства бродяга Ѳедоръ Кузьмичъ прибылъ съ арестантской партіей въ дер. Зерцалы, Боготольской волости, близъ гор. Ачинска *). Такимъ образомъ, неизвѣстный, появившійся нивѣсть откуда и не съумѣвшій удовлетворить любопытство красноуфимскихъ кузнецовъ, смѣшался съ безправной массой арестантовъ и каторжниковъ. Здѣсь, однако, онъ опять сразу выдѣлился на тускломъ фонѣ страдающихъ и угнетенныхъ.

Наружность этого человѣка всѣ, знавшіе его, согласно описываютъ слѣдующими чертами: ростъ выше средняго (около 2 арш., 9-ти вершковъ), плечи широкія, высокая грудь, глаза голубые, ласковые, лицо чистое и замѣчательно бѣлое; вообще черты чрезвычайно правильныя и симпатичныя. Характеръ добрый и мягкій, по временамъ, однако, проявлялъ легкіе признаки привычно-сдерживаемой вспыльчивости. Одѣвался болѣе чѣмъ скромно: въ грубую, холщевую рубаху, подпоясанную веревочкой, и такіе же порты. На ногахъ коты и шерстяные чулки. Все это очень чистое. Вообще старецъ былъ чрезвычайно опрятенъ.

Первыя 5 лѣтъ «бродята» Ѳедоръ Кузьмичъ прожилъ на казенномъ Краснорѣченскомъ винокуренномъ заводѣ, въ 15-ти верстахъ отъ дер. Зерцалъ. На принудительныя работы его, впрочемъ, не употребляли: и начальство, и служащіе завода относились къ благообразному старцу съ особой внимательностью. Поселился онъ сначала у пригласившаго его въ свой домъ отбывшаго срокъ каторги Ивана Иванова. Но потомъ, замѣтивъ, что старикъ тяготится совмѣстной жизнью въ избѣ, Ивановъ убѣдилъ односельцевъ построить для Кузьмича отдѣльную келію, въ которой онъ и прожилъ одинадцать лѣтъ. Пробовалъ старецъ и тяжелой работы: нанялся на золотые пріиски, но скоро бросилъ. Жилъ послѣ этого на пасѣкахъ, въ лѣсныхъ кельяхъ, училъ по деревнямъ ребятъ. И всюду къ нему влеклись простыя сердца; къ Кузьмичу несли свои грѣхи и скорби, печали и недуги, простую вѣру и несложные вопросы. «Наставленія его всегда были серьезны, немногорѣчивы, разумны, часто мѣтили на сокровенныя тайны сердца»,— такъ говоритъ лично его знавшій и писавшій о немъ «Епископъ Петръ».

Вскорѣ простая и богобоязненная среда почувствовала потребность снять съ Кузьмича всѣ житейскія заботы, и его наперерывъ звали къ себѣ на жительство разные люди. Такъ жилъ онъ еще на пасѣкѣ у богатаго крестьянина Латышева въ Краснорѣчинской

*) „Русская Стар." Янв., Февр., Мартъ 1892 г. Справка изъ экспед. о ссыльныхъ, въ гор. Томскѣ.

станицѣ, уходилъ въ лѣса, въ глухую деревню Карабейникову, «для большаго уединенія», но затѣмъ опять вернулся въ Краснорѣчинскъ... Въ 1852 году томскій купецъ Семенъ Ѳеофановичъ Хромовъ, проѣзжая тѣми мѣстами по торговымъ дѣламъ, познакомился съ Кузьмичемъ и сталъ заѣзжать къ нему для бесѣды. Впослѣдствіи Хромовъ уговорилъ его переѣхать на жительство сначала на свою заимку подъ Томскомъ, а потомъ построилъ ему келью въ своемъ городскомъ саду. Здѣсь загадочный старецъ прожилъ до своей смерти, окруженный въ семьѣ хозяина настоящимъ культомъ. Даже среди прозаическихъ и скудно надѣленныхъ воображеніемъ сибиряковъ,—культъ этотъ распространился довольно широко. Отшельника посѣщали простецы-крестьяне, купцы, чиновники, представители духовенства. Упомянутый выше списокъ Петръ написалъ о немъ, на основаніи личнаго знакомства, воспоминанія, проникнутыя простодушной увѣренностью въ святости Кузьмича; онъ приводитъ случаи его сверхъ-естественной прозорливости и даже прямо чудесъ. Впослѣдствіи его высокопревосходительство Георгій Петровичъ Побѣдоносцевъ, во избѣжаніе соблазна, строгими циркулярами воспретилъ считать бывшаго арестанта за святого, но достигъ лишь того, что благоговѣйные толки ширились шопотомъ подъ осторожныя оглядки. Другой епископъ, посѣтившій старца во время его болѣзни, вышелъ изъ его кельи, объятый недоумѣніемъ и сомнѣніями, находя, что «старецъ едва-ли не въ прелести». До такой степени рѣчи его были невмѣстимы скромному званію.

20 января 1864 года старецъ умеръ въ своей кельѣ, послѣ короткой болѣзни, не пріобщаясь св. тайнъ, оставивъ послѣ себя загадку и легенду...

Легенда эта встрѣтилась съ другой. Почти за 30 лѣтъ до этого въ далекомъ окраинномъ Таганрогѣ, умеръ Императоръ Александръ I, неожиданно и при обстоятельствахъ, поразившихъ народное воображеніе. Нѣкій дворовый человѣкъ Ѳедоръ Ѳедоровъ собралъ и записалъ ходившіе въ его время «московскія новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ виднѣе означутся, которые правдивые, а которые лживые»... *) Слуховъ оказалось 51, и въ томъ числѣ были такіе: «Слухъ 9-й: Государь живъ. Его продали въ иностранную неволю. 10-й слухъ: Государь живъ, уѣхалъ на легкой шлюпкѣ въ море.. 37 слухъ: Самъ Государь будетъ встрѣчать свое тѣло, и на 30-й верстѣ будетъ церемонія имъ самимъ устроена, а везутъ его адъютанта, изрубленнаго вмѣсто него»... 32-й слухъ гласитъ, что однажды, когда Государь въ Таганрогѣ пріѣхалъ въ строившійся для Елизаветы Алексѣевны дворецъ,—караульный солдатъ предупредилъ его: «не извольте вхо-

*) Вел. кн. Николай Михайловичъ: „Легенда о кончинѣ Императора Александра I-го“. „Историч. Вѣстникъ“, іюль, 1907 г.

дить на оное крыльцо. Васъ тамъ убьютъ изъ пистолета». Государь сказалъ:—хочешь ли ты, солдатъ, за меня умереть? Ты будешь похороненъ, какъ меня должно, и родъ твой будетъ награжденъ. То солдатъ на оное согласился» и т. д.

Кромѣ этихъ слуховъ, простодушно зарегистрированныхъ дворовымъ грамотѣемъ, ходило, навѣрное, и еще много другихъ въ томъ же родѣ. И изъ всѣхъ этихъ фантазій складывалась легенда: Царь, вступившій на престолъ послѣ насильственной смерти отца, избѣгнувъ той же участи, отрекается отъ короны, отъ земного величія и идетъ, въ самомъ низкомъ званіи, замаливать грѣхи могущества и власти...

Что-же стало съ нимъ дальше?

Вотъ онъ, спустя 30 лѣтъ завершаетъ подвижническую жизнь въ убогой кельѣ подъ Томскомъ.

Такъ стройно и цѣльно воплотилась любимая мечта русскаго народа, находившая такіе родственные отклики въ душѣ великаго русскаго писателя. Въ одномъ образѣ она соединила могущественнѣйшаго изъ царей и самаго безправнаго изъ его безправныхъ подданныхъ. Легенда держалась и крѣпла, разносилась по широкой Сибири, повторялась въ дальнихъ монастыряхъ, записывалась «епископами Петрами» и сельскими священниками, попадала въ печать и, наконецъ, проникла, въ видѣ сдержанныхъ но многозначительныхъ предположеній, на страницы солиднаго историческаго труда В. К. Шильдера. «Если бы,—пишетъ этотъ историкъ (въ IV-мъ заключительномъ томѣ своей исторіи Александра I го),—фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила-бы за собой самые смѣлые поэтическіе вымыслы... Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ «сфинксъ, неразгаданный до гроба», безъ сомнѣнія, представился бы самымъ трагическимъ лицомъ русской исторіи, и его тернистый жизненный путь устлали бы небывалымъ загробнымъ апоѳеозомъ, осѣненнымъ лучами святости».

Это еще очень сдержанно и по ученому осторожно. Шильдеръ допускаетъ только: если бы это оправдалось. Но вел. князь Николай Михайловичъ въ своемъ изслѣдованіи *) говоритъ, что Шильдеръ въ разговорахъ съ нимъ и другими лицами высказывался гораздо опредѣленнѣе. Исторіографъ русскихъ Царей раздѣлялъ простодушную увѣренность хозяина сибирской заимки и доказывалъ правнуку Александра I-го, что его прадѣдъ, «освободитель Европы», провелъ всю вторую половину своей жизни, питаясь милостыней въ убогой кельѣ далекой ссыльной стороны, что его вели

*) «Легенда о кончинѣ Императора Александра I-го».

съ бубновымъ тузомъ по владимiркѣ, и что царственную спину полосовала плеть палача...

Правда ли это? возможно ли, что въ лицѣ Өедора Кузьмича жилъ и умеръ Александръ I?

Вопросъ, казалось бы, странный, но вѣдь его допускалъ компетентный историкъ двухъ царствованiй... Изслѣдованiе вел. князя Николая Михайловича, использовавшаго всѣ доступные донынѣ источники, разрушаетъ эту сказку. Смерть Александра I-го въ Таганрогѣ не могла быть симуляцiей, Александръ не встрѣчалъ «на тридцатой верстѣ» собственнаго тѣла, и въ царской усыпальницѣ въ Петропавловскомъ соборѣ покоится прахъ не солдата и не адъютанта, а подлиннаго царя.

Кто же въ такомъ случаѣ былъ таинственный отшельникъ Хромовской заимки?

Авторъ скептическаго изслѣдованiя, разрушившаго легенду объ его тожествѣ съ Александромъ I, не отрицаетъ однако возможности очень «высокаго» происхожденiя страннаго незнакомца. Отвергая положительныя утвержденiя Хромова, который являлся съ ними даже ко двору, великiй князь Николай Михайловичъ сообщаетъ всетаки факты выразительные и наводящiе на размышленiе. Г. Лашковъ, помогавшiй автору въ собиранiи матерiаловъ къ бiографiи Өедора Кузьмича на мѣстахъ, записалъ разсказы дочери Хромова, Анны Семеновны Оловянниковой, которые считаетъ вполнѣ достовѣрными. Такъ, однажды лѣтомъ, въ чудный солнечный день, Анна Семеновна и ея мать, подъѣхавъ къ заимкѣ Өедора Кузьмича, увидѣли старца, гулявшаго по полю по-военному, руки назадъ и маршируюшимъ. Поздоровавшись съ прiѣхавшими, старецъ сказалъ: ...«Былъ такой же прекрасный день, когда я *отсталъ отъ общества*... Гдѣ былъ, и кто былъ... а очутился у васъ на полянкѣ»...

Въ другой разъ, еще въ селѣ Коробейниковѣ до переѣзда къ Хромовымъ, та же Анна Семеновна, прiѣхавъ къ Кузьмичу съ отцомъ, застала у старца необычныхъ гостей: онъ провожалъ изъ своей кельи молодую барыню и молодого офицера въ гусарской формѣ, высокаго роста, очень красиваго. Онъ показался Хромовымъ, «похожимъ на покойнаго наслѣдника Николая Александровича»... Пока они не исчезли другъ у друга изъ виду, они все время другъ другу кланялись. Проводивши гостей, Өедоръ Кузьмичъ вернулся сiяющiй и сказалъ Хромову: «Дѣды-то какъ меня знали, отцы-то какъ меня знали, а внуки и правнуки вотъ какимъ видятъ».

Итакъ, за всѣми ограниченiями хромовской легенды, авторъ изслѣдованiя признаетъ, что въ сибирской тайгѣ подъ видомъ смиреннаго отшельника жилъ и умеръ человѣкъ, повидимому, добровольно спустившiйся въ среду отверженныхъ ссыльныхъ съ какихъ-то значительныхъ высотъ общественнаго строя... Подъ

сонный шопотъ тайги съ нимъ умирала неразгаданная тайна бурной и блестящей жизни... Только порой, какъ въ описанный дочерью Хромова «яркій солнечный день», въ смирившемся и медленно угасавшемъ воображеніи вспыхивали вдругъ картины прошлаго, расправляя старые члены и заставляя быстрѣе обращаться холодѣющую кровь... Какіе образы населяли для него тихую поляну, какіе звуки слышались въ таежномъ шорохѣ, когда смиренный отшельникъ принимался маршировать съ выпяченной грудью и выдѣлывая старыми ногами затѣйливые артикулы павловскихъ парадовъ...

Вел. Кн. Николай Михайловичъ, разыскивая на тогдашнихъ аристократическихъ высотахъ возможнаго будущаго Ѳедора Кузьмича, тоже идетъ въ своихъ гипотезахъ довольно далеко. Онъ допускаетъ (отдаленную, правда) возможность принадлежности таинственнаго отшельника къ царской крови. По его словамъ, у Павла Петровича, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, была связь съ вдовой князя Чарторижскаго, урожденной Ушаковой. Отъ этой связи родился сынъ, названный Семеномъ, по крестному отцу Аѳанасьевичемъ. Фамилію ему присвоили Великаго. Семенъ Великій воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и впослѣдствіи служилъ во флотѣ. О немъ извѣстно очень мало, и смерть его связана съ неопредѣленными и противорѣчивыми указаніями. По однимъ источникамъ—онъ умеръ въ 1798 году, служа на англійскомъ кораблѣ «Вангардъ» въ Вестъ-Индіи, гдѣ-то на Антильскихъ островахъ По другимъ свѣдѣніямъ онъ утонулъ въ Кронштадтѣ...

По матери, урожденной Ушаковой, Семенъ Великій былъ въ свойствѣ съ графомъ Дмитріемъ Ерофеевичемъ Остенъ-Сакеномъ, который былъ женатъ тоже на Ушаковой. Наслѣдники этого Остенъ-Сакена утверждаютъ, что покойный графъ велъ переписку съ старцемъ Федоромъ Кузьмичемъ, и что самыя имена Ѳедоръ и Козьма были почему-то очень часты въ семьѣ Ушаковыхъ; встрѣчались также въ семейной генеалогіи и Ѳедоры Кузьмичи...

Этими, очень пока неясными намеками ограничиваются тѣ положительныя данныя, которыя удалось установить относительно таинственнаго старца, привлекшаго вниманіе Л. Н. Толстого. Когда Вел. Кн. Николай Михайловичъ прислалъ Толстому оттискъ своего изслѣдованія, Левъ Николаевичъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ чрезвычайно интереснымъ письмомъ:

«Очень вамъ благодаренъ, любезный Николай Михайловичъ, за книги и милое письмо. По теперешнимъ временамъ мнѣ особенно пріятна ваша память обо мнѣ.

«Пускай исторически доказана невозможность соединенія личности Александра и Козьмича, легенда остается во всей своей красотѣ и истинности. — Я началъ было писать на эту тему, но

едва-ли не только кончу, но едва-ли удосужусь продолжать. Некогда, надо укладываться къ предстоящему переходу. А очень жалѣю. Прелестный образъ.

Жена благодаритъ за память и проситъ передать привѣтъ.

Любящій васъ Левъ Толстой.

2 Сентября 1907 г.

Итакъ, даже послѣ вскрытія чисто исторической невѣрности гипотезы, которая легла въ основаніе «Записокъ Ѳедора Кузьмича»,— великій художникъ считалъ самый образъ прелестнымъ и внутренно правдивымъ. И дѣйствительно,—кто-бы ни скрывался подъ именемъ отшельника Ѳедора, — Императоръ Александръ или незаконный сынъ Павла, разметавшій бурную жизнь по океанамъ и, наконецъ ушедшій отъ міра въ глушь сибирскихъ лѣсовъ... Можетъ быть, еще кто-нибудь третій, — во всякомъ случаѣ драма этой жизни глубоко родственна основнымъ, самымъ глубокимъ и интимнымъ стремленіямъ собственной души великаго писателя...

Вл. Короленко.

ПРИМѢЧАНІЕ
КЪ
«Посмертнымъ запискамъ старца Федора Кузьмича».

Въ своемъ предисловіи къ сборнику «Цвѣтникъ» Л. Н. Толстой высказываетъ нѣкоторыя весьма характерныя мысли о художественномъ творчествѣ. Онъ говоритъ, что «правду узнаетъ не тотъ, кто узнаетъ только то, что было, есть и бываетъ, а тотъ, кто узнаетъ, что должно быть»... «Всѣ словесныя сочиненія», говоритъ онъ, «и хороши и нужны не тогда, когда они описываютъ, что было, а когда показываютъ, что должно быть; не тогда, когда они разсказываютъ то, что дѣлали люди, а когда оцѣниваютъ хорошее и дурное... Отъ этого и бываетъ то, что есть горы книгъ, въ которыхъ говорится о томъ, что точно было или могло быть; но книги эти всѣ—ложь. ...И бываетъ, что есть сказки, притчи, басни, легенды, въ которыхъ описывается... такое, чего никогда не бывало и не могло быть; и легенды, сказки, басни эти—правда, потому что онѣ показываютъ... въ чемъ правда Царствія Божія».

«Посмертныя записки старца Федора Кузьмича» могутъ служить яркимъ подтвержденіемъ такого отношенія Толстого къ своему художественному творчеству. Хотя онѣ и касаются дѣйствительнаго историческаго лица, но интересовало Льва Николаевича главнымъ образомъ не то, что на самомъ дѣлѣ произошло или не произошло съ этимъ лицомъ, а то, въ чемъ была бы правда Божія при тѣхъ условіяхъ, въ которыя оно было поставлено. Легенда, которую Толстой взялся разработать, трогала и волновала его не какъ болѣе или менѣе правдоподобное освѣщеніе дѣйствительнаго событія, а какъ глубоко поразившее его выраженіе простонароднаго отношенія къ извѣстнымъ явленіямъ жизни. Записки эти написаны такъ живо, что, читая ихъ, забываешь, что онѣ вымышлены, и ловишь себя на томъ, что принимаешь ихъ за подлинную исповѣдь умершаго старца. А между тѣмъ старецъ этотъ не только ничего похожаго на эти «записки» послѣ себя не оставилъ, но самъ онъ, какъ выясняется послѣдними историческими изслѣдованіями, по всей вѣроятности вовсе не былъ тѣмъ лицомъ, какимъ представило его себѣ въ поэтической легендѣ народное воображеніе.

Настроеніе Льва Николаевича по отношенію къ своей работѣ надъ Федоромъ Кузьмичемъ часто мѣнялось, какъ и вообще съ нимъ нерѣдко бывало при его художественныхъ работахъ. Въ дневникѣ его за 1905 г. отъ 6 октября мы находимъ слѣдующую запись: «Кончилъ «Конецъ Вѣка» и читаю съ отмѣтками Александра I. Ужъ очень слабое и путанное существо. Не знаю, возьмусь ли за работу о немъ». 12 октября: «Федоръ Кузьмичъ все больше и больше захватываетъ. Читалъ Павла. Какой предметъ! Удивительный»... 22 ноября: «Началъ Александра I... очень хочется писать Александра. Читалъ Павла и декабристовъ. Очень живо воображаю». 9 декабря: «Вчера продолжалъ Александра I». 16 декабря: «Писалъ немного Александра I, но плохо». 18 декабря: «Нынче началъ писать Александра I, но плохо, неохотно». Послѣдняя запись въ дневникѣ объ этой работѣ сдѣлана 23 декабря 1905 г.: «Не дотрагивался въ это время ни до Александра I, ни до воспоминаній».

Послѣ того Левъ Николаевичъ, повидимому, больше не возвращался къ «Запискамъ старца Федора Кузьмича», и произведеніе это, къ сожалѣнію, осталось въ совершенно неоконченномъ видѣ.

В. Чертковъ.

ЖИЗНЬ УШЛА.

VIII.

Георгій Константиновичъ нанялъ отдѣльную комнату для своихъ столярныхъ упражненій, предписанныхъ докторомъ. Справили новоселье.

Въ комнатѣ стоялъ станокъ и столярные инструменты. Людмила Игнатьевна принесла пирогъ и сварила шоколадъ. Пилъ дѣдушка съ вундеркиндами. Но это маленькое событіе скоро отошло на второй планъ ввиду второго концерта дѣтей, назначеннаго въ январѣ. Людмила Игнатьевна была всецѣло охвачена заботами о подготовкѣ мальчиковъ. Она почти не замѣчала частаго отсутствія Георгія Константиновича, объясняя его работами въ мастерской. Она такъ и говорила всѣмъ:

— Да, ему необходимъ физическій трудъ, а у насъ нѣтъ комнаты.

Между тѣмъ въ мастерской, какъ-то само собой, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, устраивались свиданія съ Ритой. Она не умѣла разобраться въ томъ, что звало ее туда. Иногда тревожныя мысли волновали ее, но тогда она говорила себѣ: „Э, не все ли равно, какъ жить". А какъ живутъ другіе, тѣ, кого она знала близко? И у нихъ вѣдь также нѣтъ ничего. Зоя живетъ впроголодь, ненавидя буржуевъ. Дувановъ грызетъ себя покаяніемъ, Андрей уже опять сидитъ. Галька уходитъ въ монастырь, Анна — чистая душа, свѣтящаяся оптимизмомъ, кажется, счастлива только тѣмъ, что заперта въ тюрьму. Афанасій Ивановичъ уходитъ за предѣлы бытія... Есть въ этой проклятой жизни какой-то изъянъ, который не могъ быть исправленъ слабыми усиліями людей. Такъ не все ли равно, какъ прожить свой назначенный срокъ? Лишь бы тоска хоть мгновеньями освобождала изъ своихъ тисковъ. Не откроются ли новыя возможности? Сладость грѣха, муки раскаянья? Не помо-

гутъ ли ей они преодолѣть этотъ леденящій ужасъ тоски, что тянетъ ее живую на дно могилы?..

Она ходила въ мастерскую и смѣялась надъ нимъ, смѣялась надъ собой, выворачивала до дна свою душу, съ цинической искренностью грубо оцѣнивала ихъ поведеніе. Георгій Константиновичъ, который думалъ когда-то руководить этой душой, теперь, какъ загипнотизированный, подчинялся ей, совершенно не разбираясь въ быстрой измѣнчивости ея настроенія. Она упрекала его, что въ „грѣхѣ“ не оказалось ничего чарующаго, что не случилось никакого урагана чувствъ. Она смѣялась надъ нимъ и говорила, что изъ-за этого не стоитъ мѣнять хорошей квартиры на скверную меблированную комнату. Было только одно, что доставляло ей нѣкоторое удовлетвореніе—это тайна. Тайна захватила ее, волновала. Она пугала иногда Георгія Константиновича, угрожая раскрыть тайну. Но и это продолжалось недолго. Опять пришла усталость, и къ душѣ присосалась тоска. Раньше было больше силъ бороться съ нею. Она могла смѣяться, шутить въ то время, когда душа леденѣла отъ ужаса, и никто не подозрѣвалъ этого. Теперь силъ стало меньше. Она бродила равнодушная, съ холодными глазами, въ которыхъ исчезъ блескъ жизни, съ безсильными руками, въ которыхъ точно распадались суставы. Зоркій глазъ Жоржика скоро замѣтилъ перемѣну.

—Тебя заколдовали и вынули душу,—сказалъ онъ.

— А ты какъ знаешь, что у меня была душа? Можетъ быть, я родилась безъ души.

— Какъ морская царевна?

— Какъ морская царевна.

Людмила Игнатьевна глубоко страдала и во всемъ винила себя. Это ея эгоизмъ привелъ къ тому, что она утратила довѣріе дочери. Она рѣшила, что Рита влюблена. Ей казалось страннымъ и то, что Дувановъ пересталъ къ нимъ ходить.

— Постарайся при матери быть веселѣе,—совѣтовалъ Георгій Константиновичъ Ритѣ.—Она очень страдаетъ.

— Какой ты добрый. Это похвально: кто наноситъ раны, тотъ долженъ стараться и уврачевать ихъ.

Обращеніе Риты съ Георгіемъ Константиновичемъ пугало его. Въ немъ закрадывались подозрѣнія относительно ея нормальности. Онъ не этого ждалъ. Развѣ можно было назвать счастьемъ такую безпокойную, больную любовь? Рита съ необыкновенной чуткостью угадала перемѣну настроенія отчима. Однажды, прочтя въ его лицѣ тревожныя сомнѣнья, она сказала ему, ни о чемъ не спрашивая:

— Что? Эта ноша не по тебѣ? Ты слишкомъ превознесъ

себя въ своихъ собственныхъ глазахъ... Я такъ и думала. У тебя душа мѣщанская—а ты хотѣлъ изъ нея выскочить. Нѣтъ, братъ, это трудно. Ты самый средній мѣщанинъ, и эта исторія тебѣ не по плечу.

— Зачѣмъ тебѣ нужно меня язвить?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не нужно. Я только не могу не видѣть. Теоретически ты разсуждалъ, что то, что мы дѣлаемъ, не преступленье. Что, напротивъ, это—порывъ, красота, сила... А въ душѣ у тебя живетъ самый маленькій, презрѣнный страхъ. Самая маленькая, презрѣнная забота о своемъ спокойствіи... Если это—доблесть, то зачѣмъ ее прятать? Нельзя держать свѣтильникъ подъ спудомъ, говорится въ священной книгѣ..

— Ты смѣешься надо всѣмъ.

— А ты предъ всѣмъ благоговѣешь. Но если ты христіанинъ, то ты долженъ покаяться...

Она увлеклась этой неожиданно возникшей идеей.

— Вѣдь это хорошо. Въ правдѣ есть что-то освѣжающее, какъ гроза—зажигаетъ пожары и освѣжаетъ атмосферу. Давай руку, пойдемъ къ мамусѣ и скажемъ ей все.

Георгій Константиновичъ, конечно, понималъ все это, какъ шутку. Но въ то же время онъ боялся, что вдругъ это окажется серьезнымъ. Эта взбалмошная дѣвушка казалась ему способной на все.

— Я только одного боюсь,—сказала Рита, послѣ маленькой паузы:—а вдругъ и это мнѣ покажется скучнымъ.

— Ты скучаешь, потому что живешь въ праздности.

— Какъ въ праздности? Я очень занята.

— Чѣмъ.

— Любовью...

— Ты и надъ этимъ издѣваешься.

— Не издѣваюсь, а сомнѣваюсь: настоящее ли это? Такъ ли любятъ? Въ романахъ любовь описывали когда-то такими радужными красками. Скажи—ты счастливъ? Ты безумно счастливъ? Ты готовъ за меня умереть? Готовъ пойти въ огонь и воду? Ты можешь ради меня совершить преступленіе? Почему ты мнѣ не клянешься въ вѣчной любви?.. Ну, и все такое прочее, что полагается...

Она заглянула ему въ лицо, и онъ не могъ понять, что свѣтится въ ея глазахъ—дѣтскій испугъ или отчаяніе трагически одинокой души.

Онъ обнялъ ее, говорилъ ласковыя слова, но она сидѣла, холодная, неподвижная, чутко прислушиваясь къ его голосу... И, можетъ быть, отъ этой ея неподвижности его слова и ласки становились фальшивыми. И тогда оба чувствовали себя глубоко несчастными.

IX.

Декабрь—мѣсяцъ треволненій въ семействѣ Скадовскихъ. Покойный мужъ Людмилы Игнатьевны оставилъ ей порядочныя средства, но она никогда не умѣла справиться съ тѣмъ, что получала. Къ концу года оказывалась обыкновенно вся въ долгахъ. Лично на себя она тратила мало. Одно-два платья, да большое количество шерстяныхъ кофточекъ, которыя она мѣняла каждый день и потому всегда казалась порядочной. Но вундеркинды стоили дорого. Еще дороже обходилась ей тщеславная увѣренность въ своей хозяйственной опытности. Строго проводилась система оптовыхъ заготовокъ. Результатомъ этого было, что часть закупленнаго портилась и выбрасывалась, остальное расходовалось самымъ непроизводительнымъ образомъ. Закупки эти облегчались тѣмъ, что не надо было платить денегъ—все давали въ долгъ. Но въ серединѣ декабря кредиторы вдругъ начинали проявлять неумолимую суровость. Въ кухнѣ появлялись парни въ грязныхъ полотняныхъ фартукахъ, пахнувшіе свѣжей кровью или сельдереемъ. Всѣ они повторяли одно и то же:

— Хозяинъ приказалъ, чтобы безпремѣнно получить...

Этихъ молодыхъ людей не трудно было спровадить. Но когда появлялись толстые субъекты въ сапогахъ бутылками, съ окладистыми бородами, съ красными, короткими, точно обрубленными пальцами, дѣло принимало серьезный оборотъ. Сначала говорили: „барыни нѣтъ дома". Но субъекты отвѣчали: „ничего-съ, мы подождемъ", и крѣпко усаживались въ кухнѣ. Затѣмъ объявлялось, что барынѣ некогда, что у ней гости, что она больна.

— Мы подождемъ,—отвѣчали личности и, терпѣливо посапывая, сидѣли.

Жоржикъ, отъ котораго не укрывалось ни одно событіе въ домѣ, использовалъ и это въ своихъ интересахъ.

— Мамуся, хочешь они сейчасъ будутъ думать, что мы милліонеры?—Эй, Олимпъ,—вотъ тебѣ десять тысячъ... Ступай въ мелочную, размѣняй на пять, на три и на двѣ.

— Шш...—доносится изъ спальной, но Жоржикъ не унимается.

— Пааслушай,--кричитъ онъ громко.—Купи автомобиль и десять штукъ ананасовъ.

— Боже мой, что мнѣ дѣлать съ этимъ мальчишкой?—говоритъ Людмила Игнатьевна.—Хоть бы ты, Фоня, унялъ его.

— Эй, Маркъ,—давай разложимъ Жоржа на составныя части, высушимъ и распылимъ въ пространствѣ,—проектируетъ Исторовъ, зажимая ротъ младшему вундеркинду.

Жоржикъ вырывается.

— Вотъ погодите, наступитъ и у меня переходный возрастъ. Тогда мнѣ все можно будетъ дѣлать.

Людмила Игнатьевна, появляясь въ кухнѣ, сразу переходитъ въ наступленіе.

— Что это за мода, приходить передъ праздниками? Будто вы не знаете, что въ это время всѣмъ нужны деньги.

— Вотъ и намъ, сударыня, нужны.

— Зачѣмъ вамъ деньги? Вы торгуете, у васъ деньги каждый день...

Послѣ цѣлаго ряда аргументовъ столь же мало убѣдительныхъ, кредиторы все-таки нѣсколько успокаивались, довольные, что къ нимъ вышла сама барыня. Но сколько было еще предпраздничныхъ заботъ! Усердіе вундеркиндовъ поддерживалось заманчивыми обѣщаніями рождественскихъ подарковъ. Жоржикъ задолго до праздниковъ напоминалъ объ этомъ. Маркъ же, познавшій тщету обѣщаній, больше возлагалъ надежды на дѣда и удваивалъ къ нему свое вниманіе. Людмила Игнатьевна искренно желала выполнить обѣщанія, но что же дѣлать, когда къ концу года не хватало денегъ. Приходилось пускаться на хитрости и слѣдовать примѣру Марка. Да и дѣдушка поджидалъ обычнаго похода на его карманъ.

За послѣобѣденнымъ кофе, когда вся семья въ сборѣ, Людмила Игнатьевна подаетъ чашку дѣдушкѣ и тихонько вздыхаетъ.

— Не знаю, право, что и дѣлать.

Маленькая пауза.

— Маркъ, ты опять читаешь. Вѣдь только третьяго дня я взяла съ тебя честное слово...

— Ты брала, но я не давалъ,—возразилъ Маркъ, не отрываясь отъ книги.

— Какъ тебѣ не стыдно,—говоритъ дѣдушка и озабоченно качаетъ головой.—Твой отецъ...

— Нашъ отецъ никогда такъ не дѣлалъ,—слышишь Жоржикъ. Но ты забылъ, дѣдушка, что у Марка переходный возрастъ.

Невольно всѣ улыбаются. Людмила Игнатьевна опять ведетъ свою линію.

— Не понимаю, какъ это случилось. Почему къ концу года накопилось столько долговъ. Это такъ странно? Ужъ я такая экономная, а передъ праздниками...

Всѣ громко смѣются. Смѣется дѣдушка, потирая руки.

Смѣется Рита, останавливая ласковый взглядъ на матери. Снисходитъ до улыбки Георгій Константиновичъ. Даже Фоня не можетъ удержаться и улыбается, закрывшись салфеткой. Про Жоржика и говорить нечего: свой широкій ротъ онъ раскрылъ до ушей. Только Маркъ ничего не слышитъ, занятый чтеніемъ.

— Господа, что же тутъ смѣшного?—обиженно спрашиваетъ мамуся.—Жоржъ, это что за манера,—восклицаетъ она, какъ будто Жоржъ въ первый разъ въ жизни позволилъ себѣ такую непочтительность.—Ступай играть.

— Но, мамуся,—ты сейчасъ начнешь говорить о рождественскихъ подаркахъ.

— Ступай безъ разговоровъ.

Жоржикъ нехотя повинуется и уходитъ. Вмѣстѣ съ нимъ уходитъ и гнѣвъ Людмилы Игнатьевны. Изъ гостиной доносятся лихія октавы младшаго вундеркинда.

— Я не понимаю, чему вы смѣетесь,—продолжала Людмила Игнатьевна.—Неужели кто-нибудь можетъ сказать, что я плохая хозяйка?

Никто не рѣшается это сказать, ибо мамуся слишкомъ мила въ своемъ наивномъ заблужденіи.

— И почему именно на Рождество, когда нужно столько денегъ... Ужъ лучше бы Рождество бывало въ январѣ. Я, дѣйствительно обѣщала Жоржику...

Октавы прервались. Младшій вундеркиндъ, услышавъ свое имя, появился въ столовой.

— Да, муся, ты мнѣ обѣщала: штиблеты, брюки, аэропланъ и коллекцію марокъ.

Маркъ неожиданно поднялъ голову и продолжалъ тономъ Жоржика.

— Особнякъ на Крестовскомъ, автомобиль, зеленаго попугая, шимпанзе, кинематографъ...

— Довольно, довольно, — воскликнулъ дѣдушка, при общемъ хохотѣ.

Людмила Игнатьевна не отрицала своихъ обѣщаній. Отправивъ Жоржика обратно къ роялю, она сказала:

— Да, все это я обѣщала...

— И шимпанзе съ автомобилемъ?—меланхолически замѣтилъ Маркъ, не поднимая головы отъ книги.

— Но гдѣ же мнѣ достать денегъ?

Она остановила свои кроткіе глаза на дѣдушкѣ, и тотъ сразу призналъ себя побѣжденнымъ.

— Ты скажи, сколько?—спросилъ онъ, вынимая бумажникъ.

Людмила Игнатьевна покраснѣла, растерянно улыбнулась.

— Ахъ, папа, мнѣ ужасно совѣстно... Дай сколько хочешь.

— И я согласенъ внести праздничную контрибуцію,— заявилъ Георгій Константиновичъ.

— Какіе вы всѣ милые... Какъ я рада. Значитъ, на Рождество будетъ весело.

Она взглянула на дочь, какъ бы ожидая отъ нея подтвержденія. Рита ласково улыбнулась. Съ нѣкотораго времени она казалась веселѣе и какъ-то спокойнѣе—не было бурныхъ вспышекъ и ироническихъ замѣчаній. Она больше молчала и только иногда бросала фразы, непонятныя для тѣхъ, кто не могъ заглянуть въ глубину ея души.

Георгій Константиновичъ также отдыхалъ, измученный частой смѣной настроеній, которыя больше всего отзывались на немъ.

Людмила Игнатьевна, получивъ деньги, окунулась въ свою стихію—ушла за покупками. Они остались одни.

— Я такъ радъ, что ты какъ будто приходишь въ равновѣсіе,—сказалъ онъ.—А то, право, наша жизнь похожа на какой-то бредъ.

— Правда, я измѣнилась... угадай, почему?

Онъ сталъ угадывать.

— Ну, просто поздоровѣла. А можетъ быть, придумала для себя какое-нибудь занятіе?

— Да, вродѣ того. Только я не сама придумала себѣ занятіе.

— Это—загадка?

Онъ взглянулъ на нее и испугался.

Ея глаза, обведенные темными кругами, смотрѣли на него съ какимъ-то новымъ выраженіемъ, котораго онъ не умѣлъ понять.

— Что ты хочешь сказать?—спросилъ онъ нетерпѣливо.

Она остановила на немъ неподвижный взглядъ и медленно произнесла:

— Развѣ я не сказала ясно? Да, у меня есть занятіе. Но придумалъ мнѣ его... угадай, кто.

— Рита,—воскликнулъ онъ.

— Конечно, природа,—продолжала она, не сводя съ него глазъ.—Что? Испугался. Значитъ, угадалъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Георгію Константиновичу оно казалось безконечнымъ. Онъ глубоко сѣлъ въ кресло, рѣзко отстранилъ любимца кота и растерянно провелъ рукой по волосамъ.

— Ты увѣрена, что это такъ?

— Почему же нѣтъ? Я въ этомъ не вижу ничего страшнаго... Мнѣ это нравится... И я такъ рада, что мнѣ это нравится.. Стало спокойно на душѣ.

— Отъ матери надо скрыть, — рѣзко сказалъ Георгій Константиновичъ.

— Пожалуй, надо было раньше подумать о матери... Но вѣдь воля свободна...

— Оставь шутки. Всѣ свободны за себя, но не за другихъ.

— Ага, ты теперь фехтуешь альтруизмомъ, какъ раньше фехтовалъ эгоизмомъ... Мнѣ кажется, ты просто хочешь умыть руки.

— Я боюсь за тебя.

— Какъ? Ты боишься мнѣнія мѣщанъ?

— Перестань, Рита. Можетъ быть, ты ошибаешься?..

— Нѣтъ, я не ошибаюсь,—безпечно отвѣчала она.

Онъ удивлялся ея спокойствію и сомнѣвался въ его искренности. А между тѣмъ Рита, дѣйствительно, радовалась неожиданному равновѣсію своей тревожной души. Она радовалась, что могла ухватиться за что-нибудь, что привязывало ее къ жизни. Ей казалось, что материнство исцѣлитъ ее, изгонитъ злого духа, подтачивающаго ея волю и жизнь. Она искала, чѣмъ спасти себя. Это было для нея самое главное. А все остальное—обыденное, житейское,—казалось ей ничтожнымъ. Совсѣмъ иначе отнесся къ этому Георгій Константиновичъ. Для него именно это обыденно-житейское казалось чѣмъ-то большимъ и страшнымъ. Онъ не умѣлъ бороться и первый разъ въ жизни очутился въ центрѣ событій, съ сознаніемъ отвѣтственности за свою вину. Чутко настроенная Рита тотчасъ же угадала, что происходитъ въ душѣ Скадовскаго. Что-то теплое, что на мгновеніе согрѣло ее, вдругъ заледенѣло. А ей такъ хотѣлось прильнуть къ нему, разсказать про себя. Поговорить ласково, безъ обычной ироніи, обсудить вдвоемъ, что дѣлать. Но, почувствовавъ себя обманутой, она снова замкнулась, одинокая, гордая.

Георгій Константиновичъ совершенно забылъ о ней; онъ думалъ только о себѣ.

— Я думаю только о тебѣ,—сказалъ онъ.—Надо найти выходъ. Надо сдѣлать такъ, чтобы ты возможно меньше пострадала.

— „Возможно меньше"... вотъ это стиль. Что за суконныя слова ты говоришь...

— Но, дорогая, что же намъ дѣлать?

— Изъ романовъ я знаю, что счастливые мужья въ подобныхъ случаяхъ заключаютъ въ объятья своихъ счастливыхъ женъ, а испуганные любовники рѣшаютъ вмѣстѣ умереть...

— Какъ ты можешь шутить?..

— Я вовсе не шучу. Если бы ты бѣгалъ по комнатѣ,

рвалъ на себѣ волосы, наполнялъ воздухъ проклятіями,—я бы это все поняла, но когда ты стоишь съ такимъ лицомъ, какъ жалкій трусъ...

— Это неправда!

Онъ старался вложить въ это восклицаніе самый энергичный протестъ, но голосъ его звучалъ фальшиво.

— Нѣтъ, это правда. Если бы я ошибалась, ты бросился бы ко мнѣ, ты согрѣлъ бы меня нѣжной лаской, ты любилъ бы меня...

Она говорила это и чувствовала, какъ раздвигается между ними пропасть. Какимъ чужимъ онъ казался ей въ эти минуты!..

— А всетаки я немного отдохнула,—сказала она свою мысль, не обращаясь къ нему.

— Но потому что я люблю тебя, я и стараюсь придумать исходъ... Конечно, есть средства... Я ихъ тебѣ не совѣтую...

Онъ сдѣлалъ паузу, какъ бы зондируя почву. Рита презрительно улыбнулась.

— Есть еще выходъ... Мнѣ очень трудно думать объ этомъ... Но это бы насъ всѣхъ спасло...

Рита остановила на немъ холодные глаза. Она уже поняла, что онъ хотѣлъ сказать, но желала, чтобы онъ досказалъ.

— Ты понимаешь... Нынѣшняя молодежь очень широко смотритъ на это... Я думаю, что...—онъ остановился.

— Если такъ легко придумать гнусность, почему же такъ трудно ее сказать? Ну, хорошо, я помогу тебѣ: ты хочешь, чтобы я обманула Дуванова...

— Вотъ видишь, зачѣмъ ты такъ дурно думаешь обо мнѣ? Зачѣмъ обманывать? Можно сказать... Конечно, безъ особенныхъ подробностей... Онъ такъ тебя любитъ... Погоди, Рита, куда же ты?

Она уже стояла у двери.

— На языкѣ мѣщанъ то, что ты сказалъ, называется подлостью, а то, что мы сдѣлали—развратомъ.

Она вышла, осторожно отворивъ дверь, и такъ же осторожно, неслышными шагами, вошла въ свою комнату. Неподвижная, прямая, опустилась въ кресло.

— Да, въ такомъ освѣщеніи,—продолжала она свою мысль,—это все отвратительно.

Изъ гостиной долетали звуки рояля. Эти хроматическія октавы Жоржика навсегда соединились въ представленіи Риты съ ужасными мгновеніями ея жизни.

Вдругъ за дверью послышалось пѣніе кузена.

— Какъ два цвѣтка мы расцвѣтали... Плачь, Маргарита... Можно войти?

— Не знаю, нужно ли. Иди, если хочешь.

Онъ вошелъ, остановился и продолжалъ пѣть:

— Плачь, дорогая... но я съ тобою плакать не хочу...

— А ты подслушалъ?

— Нѣтъ, было слышно и такъ. Этотъ субъектъ, конечно, остороженъ и говорилъ тихо, но ты, нужно сказать правду, мало стѣснялась. Нужна вся дѣтская наивность твоей матери, чтобы не догадаться, въ чемъ дѣло.

— Зато ты очень стараешься догадаться.

— Нѣтъ, я думаю совсѣмъ о другомъ...

Онъ сѣлъ возлѣ Риты и взялъ ея руку.

— Риточка, мнѣ кажется, что пришло время забыть субъекта... Кажется, довольно... Все выпито до дна и т. д. Но все это неважно. Важно то, что твоя душа спасена. Она осталась такой же трагически неудовлетворенной, такой же единственной и потому мнѣ дорогой...

— Я польщена.

— Итакъ, для того, чтобы устранить всякія скучныя обстоятельства на твоемъ пути, я предлагаю тебѣ, о Маргарита, свою руку... только руку, безъ сердца.

Ѳеплой волной прошли эти слова по душѣ Риты.

— А какъ же Цезарь Борджіа?—спросила она съ доброй улыбкой.—Развѣ онъ допускаетъ такія отступленія отъ программы злодѣйствъ?

— Мнѣ Цезарь именно и представляется злодѣемъ, вѣчно алчущимъ добродѣтели.

— Итакъ, ты констатируешь свою добродѣтель?

Мимолетное теплое чувство опять исчезло.

— Благодарю,—продолжала она,—но не хочу на всю жизнь быть подавленной твоимъ превосходствомъ... Ты знаешь, я сама ставлю себя выше всѣхъ.

— Для меня было бы большой радостью помочь тебѣ...

— Еще разъ благодарю. Но такъ прятаться гадко. Значитъ, и ты считаешь меня виноватой. Если я сдѣлаю такъ, какъ ты предлагаешь, то и я признаю, что должна что-то скрывать.

— Да ты и виновата... Не въ томъ, въ чемъ будутъ тебя обвинять вульгарные моралисты... Ты виновата въ томъ, что рисковала потерять свою душу.

— Такъ что же исправитъ твоя доброта?

— Защититъ отъ мѣщанской пошлости.

— Я не боюсь ея.

Ритѣ хотѣлось теплѣе поблагодарить кузена. На мгновенье ее потянуло разсказать ему, что она пережила въ по-

слѣдніе дни, какъ обрадовалась сначала возможности материнства, какъ посѣтила ее надежда исцѣленья и какъ опять пришло старое чудовище тоски и холода и пожрало и эту радость, и эту надежду. Но ей не удалось преодолѣть обычной застѣнчивости и, какъ всегда, она ограничилась фразой, которая осталась непонятой.

— Неправда ли,—печально стараться объяснить то, чего объяснить нельзя?

Онъ взялъ ее за обѣ руки.

— Рита,—сказалъ онъ, крѣпко сжимая руки, будто стараясь разбудить ее отъ сна,—будь же сильнѣе... Я понимаю, все кругомъ можетъ опротивѣть. Но вѣдь у тебя есть твоя душа. Встряхнись. Я не зову тебя къ той жизни, которой живутъ всѣ и отъ которой ты отвернулась... Есть другая жизнь. Жизнь, отрѣшенная отъ этого міра призраковъ, нелѣпыхъ, пошлыхъ, которыхъ всѣ принимаютъ за дѣйствительность... Надо искать настоящую жизнь. Надо проникать въ тайны великаго творчества... Сдѣлай усиліе, захоти... И сковывающія тебя цѣпи упадутъ...

Руки ея были холодны, и, когда онъ оставилъ ихъ, онѣ лежали у нея на колѣняхъ неподвижно, какъ неживыя. Поднявъ на него свои длинные, усталые глаза, въ которыхъ не было прежняго удивительнаго блеска, она беапомощно сказала.

— Не могу хотѣть... Право, повѣрь, бываютъ мгновенья, когда я чувствую себя какъ бы умершей.

— Какъ могъ убить твою волю къ жизни этотъ ничтожный человѣкъ, этотъ фигляръ, позирующій на героя!.. Что же будетъ съ тобою, Рита?

— Не знаю?—Голосъ ея звучалъ полной искренностью.—Единственное, что мнѣ доставляетъ удовольствіе, это сонъ. Хорошо спать.

— А если во снѣ видѣнья посѣтятъ?.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

X.

— Какъ могъ убить твою волю къ жизни этотъ ничтожный человѣкъ?..—Рита вспоминала это презрительное восклицаніе.

Но развѣ это сдѣлалъ онъ? Развѣ и раньше тоска не давила ея душу? Развѣ не чувствовала она такой же пустоты, не зная, за что уцѣпиться? Но мысль, что этотъ человѣкъ нанесъ ей послѣдній ударъ, все сильнѣе овладѣвала ею. Послѣ того страшнаго разговора подъ звуки хро-

матическихъ этюдовъ Жоржика, она тогда же почувствовала невозможность жить. Можетъ быть, сочувствіе Исторова, его оскорбительное замѣчаніе подняли въ ней протестъ. Вдругъ выросла рѣшимость бороться. Нѣтъ, никто не согнетъ ее. Она свободно и гордо приметъ всѣ послѣдствія своихъ поступковъ. Вѣдь она дѣлала то, что хотѣла!

Это самовнушеніе на нѣкоторое время поддерживало ее. Она оживилась, помогала матери, ухаживала за дѣдомъ, который вслѣдствіе простуды не выходилъ изъ дому. Она съ любопытствомъ разсматривала этого восьмидесятилѣтняго старика, съ его крѣпкой привязанностью къ жизни, съ неослабѣвающей жаждой впечатлѣній. Какъ педантически аккуратно выполнялъ онъ всѣ правила гигіены, всѣ предписанія врача, какъ точно распредѣлялъ время сна, отдыха, прогулокъ, пріема пищи, съ какой тщательностью охранялъ свою діету!

— Ты счастливый, — сказала она, искренно завидуя старцу,—если бы мнѣ хоть маленькую долю твоей привязанности къ жизни.

— А ты еще глупа, гордишься молодостью и не цѣнишь жизни. Станешь старше, поумнѣешь,—ворчливо отвѣчалъ дѣдъ.

Когда справлялись о его здоровьѣ, онъ сердился.

— Причемъ тутъ здоровье? Никакихъ болѣзней нѣтъ... Есть невѣдомые враги, съ которыми надо бороться. Если я силенъ, то и одолѣю.

И онъ, дѣйствительно, не разъ побѣждалъ своего врага.

— Вотъ, что дѣлаетъ сила воли,—хвалился онъ, снова появляясь на своемъ обычномъ мѣстѣ.—А вотъ ты,—сказалъ онъ, пораженный блѣдностью Риты, — сосудъ скудельный...

Она улыбнулась и подумала: „ну, что же, зато я этотъ сосудъ могу разбить когда угодно“.

Она не знала, откуда шла эта обезсиливающая зараза тоски... Ея воспріимчивая душа впитывала въ себя эти носившіеся въ воздухѣ микробы. Но въ то-же время инстинктъ самосохраненія еще жилъ въ ней. Она охотно пошла бы туда, гдѣ нашлось бы средство спасенія. Неужели на всемъ свѣтѣ нѣтъ никого, кто бы могъ ей помочь? Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни она почувствовала страстную потребность раздѣлить съ кѣмъ нибудь свое горе. Если бы она могла поговорить съ Аниной... Но та была въ тюрьмѣ. Исторовъ посѣщалъ ее въ качествѣ жениха и передавалъ, что она тамъ чувствуетъ себя превосходно. Онъ нашелъ даже способъ устроить переписку, и Рита написала ей длинное письмо, но разорвала его, потому что сомнѣвалась, что

оно дойдетъ по адресу. Послала только коротенькую записочку: „Мой нѣжный цвѣтокъ, моя звонкая лютня,—мнѣ недостаетъ тебя. Посмотрѣла бы въ твои глаза, такъ стало бы мнѣ легче. Наша жизнь—сплошь одна мертвецкая“.

У Риты оставался еще Дувановъ. Милый Дуванчикъ! Она была такъ холодна съ нимъ, что онъ совсѣмъ куда-то пропалъ. Можетъ быть, онъ любитъ ее той широкой, всепрощающей любовью, о которой разсказывается въ старыхъ книгахъ... Онъ такой добрый, совсѣмъ не модернистъ. Ей захотѣлось узнать, какъ онъ отнесется къ событіямъ. Она написала Дуванову, сохраняя въ письмѣ свой обычный шутливый тонъ: „Свиданья обыкновенно принято назначать въ мѣстахъ таинственныхъ. И хотя мнѣ рѣшительно не отъ кого скрываться, но и мнѣ хочется видѣть васъ въ необычной обстановкѣ. Время и мѣсто: завтра, въ 12 часовъ, въ Эрмитажѣ“.

— Милый, добрый Дуванчикъ, какъ онъ обрадуется этому листку. Онъ бережно спрячетъ его и будетъ хранить, какъ реликвію... Да, такъ было раньше. А какъ будетъ дальше—не знаю.

Дувановъ явился въ назначенное время, радостный, взволнованный, сразу отыскавъ Риту, которая сидѣла въ перистилѣ за балюстрадой, подъ мраморной лѣстницей.

— Я такъ обрадовался и испугался,—говорилъ онъ,—думалъ, не шутка ли.—Онъ крѣпко пожалъ ея холодную руку и стоялъ, разсматривая измѣнившееся лицо дѣвушки.

— Въ чемъ дѣло, родненькая?

Она улыбалась, но глаза ея, потерявшіе блескъ, обведенные синевой, смотрѣли угрюмо.

— А вы думаете, что есть дѣло? Да вы сядьте, не вертитесь. Тутъ хорошо. Нѣтъ никогда ни одной физіономіи. А эти,—она указала на мраморныя статуи между колоннами,—если что и услышатъ, ничему не будутъ удивляться.

— Значитъ, я могу удивиться?

— Это будетъ зависѣть отъ вашей впечатлительности.

Но не такъ легко было говорить на свою тему. Это совсѣмъ не то, что обсуждать различные вопросы на вечеринкахъ.

По мѣрѣ того, какъ Дувановъ присматривался къ лицу дѣвушки, онъ терялъ свое настроеніе.

— Послушайте, что съ вами?—спросилъ онъ озабоченно.—Васъ кто-нибудь обидѣлъ?

— Кто меня можетъ обидѣть? Ахъ нѣтъ, Дуванчикъ, простите. Да, обидѣлъ.

— Кто?—зачѣмъ-то вскакивая, спросилъ Дувановъ, почувствовавъ сильный приливъ ярости.

Рита улыбнулась.

— Сидите, — сказала она и потянула его за руку на прежнее мѣсто.—Обидчикъ вамъ не подъ силу: меня обидѣлъ Богъ.

— Родненькая, скажите мнѣ все... Скажите открыто, какъ брату, какъ старому другу... Я вижу, что вамъ трудно. А если не хочется говорить, то не разсказывайте. Скажите просто, что надо сдѣлать. И я сдѣлаю то, что вамъ нужно.

Рита, какъ всегда, дѣлая выводъ изъ своихъ невысказанныхъ размышленій, сказала:

— Да, вы достойны любви.

И совсѣмъ неожиданно прибавила:

— Послушайте, если воля человѣка не свободна, то какой смыслъ имѣютъ слова—вина, прощеніе, раскаяніе. Тогда это все пустой звукъ.

Она взглянула на него долгимъ, глубокимъ взглядомъ, въ которомъ онъ прочелъ тяжелую скорбь. Въ немъ зашевелилось предчувствіе какой-то опасности. Она поблѣднѣла и опустила глаза.

— Мнѣ кажется, — тихо отвѣтилъ Дувановъ,—что люди этими словами пытаются объяснить свои ощущенія. Какія бы ни были слова, но сущность всегда одна и та же: счастье и муки человѣческаго сердца.

— Счастье и муки... Значитъ, слова, это какъ бы соусъ, подъ которымъ всегда подается одно и то же блюдо. Тогда не стоитъ и говорить... А какъ вы думаете, можетъ ли чувствовать себя правымъ тотъ, кто причиняетъ страданія, или правъ тотъ, кто ненавидитъ за то, что долженъ страдать?

— Страсти стихійны, а все стихійное перескакиваетъ черезъ этику. Да и вообще этику выдумали слабые въ свою защиту.

Тонкой змѣйкой пробѣжала по губамъ Риты обычная усмѣшка. Она сказала:

— Итакъ, Дуванчикъ, вы, вооруженный такой философіей, должны величественно не замѣчать ничтожное существо женскаго пола, сидящее рядомъ съ вами.

— Вы знаете, что я могу только любить васъ.

Нѣсколько секундъ оба молчали.

— Оставимъ эти отвлеченности, скажите просто, что съ вами?

Она молчала и мучительно стыдилась своего молчанія. Значитъ, она поступила дурно, если не можетъ говорить свободно. Съ громаднымъ усиліемъ воли она попробовала принять спокойный полушутливый тонъ.

— Я разскажу вамъ сказку. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ

нѣкоторомъ государствѣ жила царевна... И пріѣхалъ ко двору индѣйскій принцъ, и царевна его...

Она не могла выдержать этого тона. Заговорила печально и тихо:

— Нѣтъ, она его даже и не любила... Это было что-то странное, больное... Какой-то нелѣпый протестъ... Казалось что это интересно, что это страшно, какъ будто ходишь по краю пропасти... Что для этого нужна особенная смѣлость. Ну, а вышло, что все это безцвѣтно, ничтожно, мѣщански вульгарно...

Она встала, и взглянувъ на Дуванова, прибавила болѣзненно дрогнувшимъ голосомъ:

— Словомъ сказкѣ конецъ, и вообще все кончено... А вы... если вамъ больно... то утѣшайтесь философіей.

— Но и вамъ больно,—просто сказалъ онъ.

— Мнѣ? Да, мнѣ больно, но совсѣмъ иначе... мы съ вами стоимъ на разныхъ плоскостяхъ, какъ говорятъ полемисты Вамъ больно, потому что вы живой, и чувствуете какъ живой, а мнѣ больно потому, что во мнѣ нѣтъ ничего живого.

Она взглянула на него скорбными, молящими глазами и взяла его руку.

— Сядьте, сядьте,—сказалъ онъ.

Она машинально повиновалась.

— Что мнѣ дѣлать? Мнѣ нечѣмъ жить... Меня покинулъ духъ жизни. Тѣло мое живое, сильное—а души нѣтъ. Есть какая-то страшная, зіяющая пустота. Ахъ нѣтъ, совсѣмъ не потому, о чемъ вы думаете. Я сильна. Я вынесла бы все, если бы захотѣла... Но я не могу захотѣть...

Дувановъ слушалъ ее, но не сразу понялъ, въ чемъ дѣло. А когда понялъ, то его охватилъ бѣшеный гнѣвъ. Она мгновенно почувствовала это, угадала по его лицу, и сердце ея, раскрывшееся, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни, тотчасъ же опять замкнулось. Какое-то ледяное спокойствіе вдругъ овладѣло ею.

— „Ты для себя лишь хочешь воли“,—продекламировала она, качая головой.

— Да нѣтъ... не то, совсѣмъ не то,—бормоталъ Дувановъ, подавленный яростью, для которой не находилъ выхода.

— Бѣдный Дуванчикъ, и вы—какъ всѣ!

— А, чортъ!—воскликнулъ онъ стуча кулакомъ по колѣну.—Ну да, какъ всѣ... Я кричу какъ всѣ, когда меня лупятъ по головѣ дубиной.

— Примите болѣе живописную позу, вонъ дама васъ лорнируетъ.

Но онъ не могъ сидѣть и зашагалъ по мраморнымъ плитамъ,

— Да что же онъ... этотъ... не свободенъ? — бормоталъ онъ въ бѣшенствѣ.—Что, онъ не можетъ жениться...

Глаза Риты сдѣлались холодны, какъ двѣ блестящія льдинки.

— Почему вы не спросите, хочу ли я, чтобы онъ на мнѣ женился?

И съ какимъ-то злорадствомъ въ голосѣ, она прибавила:

— Впрочемъ, и онъ не можетъ жениться. Это мужъ моей матери.

Дувановъ безсознательно схватился за статую Флоры. Рита улыбнулась и съ обычной ироніей сказала:

— Даже боги древности вамъ здѣсь не помогутъ.

— Моя дорогая, милая,—бормоталъ онъ потрясенный,—такая славная, такая умница... О, я ему раздроблю голову!..

Онъ былъ такъ искрененъ въ своемъ гнѣвѣ, что Рита снова почувствовала себя неодинокой.

— А я вамъ очень благодарна,—сказала она тихо, и въ голосѣ ея дрогнули гдѣ-то далеко скрытыя слезы.

— Причемъ здѣсь благодарность,—бѣсился Дувановъ.—Какая подлость! Обманывать такого человѣка! Эту чистую, дѣтски-наивную душу... Нѣтъ, это невозможно.

— Какой же здѣсь обманъ?.. Вѣдь чувство свободно... Что я не сказала ей? Но развѣ это нужно?

— Моя родная, бѣдное дитя, вы готовы вызвать на бой самую вѣчность. При чемъ здѣсь вы? Развѣ вы можете быть виноваты?

— Вины здѣсь нѣтъ, но есть отвѣтственность. И всю отвѣтственность я принимаю на себя. Я здѣсь была болѣе активна, чѣмъ онъ. Онъ трусъ и лицемѣръ... Пожалуй даже и не лицемѣръ, а только трусъ...

— Но вы...—Дувановъ задыхался отъ ревности и гнѣва,—что вы нашли въ этой выхоленной куклѣ, въ этомъ модернисткомъ Молчалинѣ? Нѣтъ я прибью его палкой!

— Этимъ докажете свое доброе отношеніе къ мамусѣ...

— Такъ что же мнѣ дѣлать? Куда мнѣ дѣвать свое бѣшенство?.. Чѣмъ онъ заинтересовалъ васъ?

— Чѣмъ?—Она хотѣла добросовѣстно отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Мнѣ кажется иногда, что я о немъ совсѣмъ не думала... Я была занята только собою... Искала сильныхъ ощущеній... Въ этомъ было что-то жгучее... Какая-то манящая опасность... Это было то, о чемъ всѣ сказали бы—нельзя, а я говорила: хочу. Всѣ, даже онъ, находили, что это страшно... А я не боялась... Это поднимало во мнѣ какія-то силы и освобождало отъ жуткой пустоты... Ну, вотъ кажется и все... Впрочемъ, зачѣмъ скрывать? Онъ мнѣ всетаки пра-

вился... Иногда онъ хорошо говорилъ... Я о немъ думала много, много...

— А онъ?

— Кажется, онъ меня любилъ, а теперь... Испугался и придумываетъ, какъ бы ему съ честью выйти изъ этой исторіи.

— Негодяй, гнуснецъ!..

— И онъ придумалъ... чтобы вы женились на мнѣ.

Дуванову стало холодно и жутко.

Вотъ то святое, чистое, предъ чѣмъ онъ благоговѣлъ, что сіяло для него какимъ то дивнымъ свѣтомъ, растоптано въ грязи. Онъ вдругъ вспомнилъ свой разговоръ съ Андреемъ, свое отступничество, свои мечты о личномъ счастьѣ... Въ немъ поднялась странная злоба противъ самого себя.

— Вотъ такъ мнѣ и надо,—сказалъ онъ,—все это я заслужилъ.

— Вы заслужили такое оскорбленіе?—сказала она насмѣшливо,—но это вы напрасно: я не собираюсь васъ оскорблять. Я ему сказала, что никогда не выйду за васъ.

— Ахъ нѣтъ, я совсѣмъ не объ этомъ думалъ. Вы не такъ меня поняли...

Но онъ говорилъ устало, точно новая волна нахлынула и унесла его настроеніе.

— Я поняла, что вы почувствовали свое превосходство. Вы хотѣли покровительствовать мнѣ. Вы такъ посмотрѣли на меня, какъ будто бы я уже ваша собственность и при томъ собственность съ изъяномъ...

— Рита...

— Ахъ, вы всѣ торгуетесь!.. Сначала хотите что-то сорвать, потомъ находите товаръ неподходящимъ... А вѣдь я все та же... И все также одна, и никто не можетъ мнѣ помочь...

— Я отдалъ бы жизнь за васъ...

— Да, я знаю... Вы отдали бы жизнь, но забыть вы не можете.

Онъ молча опустилъ голову.

Она вдругъ вскочила и быстро сбѣжала по мраморной лѣстницѣ, одѣлась и уже была на извозчикѣ, когда онъ появился на панели въ разстегнутомъ пальто, отыскивая ее съ растеряннымъ видомъ. Она уѣхала, а онъ шелъ за ней, какъ будто хотѣлъ догнать извозчика.

— Да, чортъ возьми,—думалъ онъ.—Этого забыть нельзя.

И вдругъ онъ совершенно пересталъ думать о Ритѣ. Всѣ его мысли были охвачены воспоминаніями о томъ, что они говорили съ Андреемъ.

XI.

Дни для Риты проходили какъ во снѣ. Но зато ночью у нея начиналась своя жизнь. Дѣйствительность казалась ей кошмаромъ, а въ своихъ ночныхъ видѣніяхъ и грезахъ она находила отдыхъ. Она во снѣ переживала то, что когда-то, въ дѣтствѣ, мелькало передъ ея широко открытыми, но не понимающими глазами. Въ первые годы, когда только начинало пробуждаться ея сознаніе, она радостно тянулась къ жизни, которая казалась ей переполненной никогда не исчерпаемымъ содержаніемъ, играла красками и звуками, манила къ себѣ... По ночамъ приходили къ ней эти воспоминанія дѣтства... Реальность перемѣшивалась съ грезами. Передъ ея закрытыми глазами проходили картины веселаго дѣтства, или вдругъ открывалось небо, и звучала божественная музыка, и спускались оттуда кроткіе Ангелы въ бѣломъ. Но чаще всего ей снились библейскіе сюжеты въ томъ наивномъ видѣ, въ какомъ они представлены въ учебникѣ. Ложась въ постель, она мечтала о сновидѣньяхъ. И если они не приходили, то, просыпаясь, она чувствовала себя обманутой. Днемъ она чувствовала тупое равнодушіе ко всему окружающему, и только воспоминаніе о ночныхъ видѣніяхъ на минутку согрѣвало ее.

Однажды на разсвѣтѣ ей приснился Христосъ. Онъ стоялъ передъ ней, какимъ она видѣла его гдѣ-то на картинѣ, съ протянутыми руками, съ полуопущенной головой, съ длинными волосами, падающими по обѣимъ сторонамъ высокаго лба. Онъ сказалъ ей.

— Я тотъ, кого ты не знаешь. За что ты распинаешь меня?

Она проснулась и громко сказала:

— За что я распинаю тебя, Господи?

И все время пока она мылась и одѣвалась, въ головѣ ея звучалъ вопросъ.

— За что, за что?..

И онъ опять стоялъ передъ ней съ протянутыми руками.

Въ это утро Рита вышла къ домашнимъ спокойная, съ яснымъ лицомъ, точно это видѣніе прогнало злого духа, подтачивающаго ея жизнь. Она почувствовала себя вознесенной надъ обыденностью и находила въ этомъ удовлетвореніе. Значитъ, она не такая, какъ всѣ, если могла побороть въ себѣ силу суетности, могла возвыситься духомъ... Теперь она знаетъ свой путь. Она идетъ къ безсмертію. Только тотъ, кто вѣритъ въ безсмертіе, имѣетъ право уйти...

Она теперь обыкновенно ложилась рано, ожидая сладкихъ чаръ ночи, которыя давали ей возможность радоваться дню жизни. Но фея сновъ не прилетала больше съ волшебнымъ калейдоскопомъ. Напрасны были ея ожиданья: среди ночи она просыпалась, чего-то ждала, что-то припоминала...

— Да, Христосъ..,

Она приподнималась, всматриваясь въ темноту и беззвучно шептала:

— Красота искупленья... Вотъ, что еще осталось прекраснымъ... Искупленье должно быть прекраснымъ.

Ослабѣвшая послѣ безсонной ночи, она всетаки вставала бодрая, съ искреннимъ желаніемъ доставить каждому удовольствіе.

Цѣлые дни она проводила дома, и Людмила Игнатьевна радовалась перемѣнѣ, происшедшей съ дочерью.

— Вотъ видишь, поумнѣла,—радовался вмѣстѣ съ ней дѣдушка, также суетившійся по случаю праздничныхъ приготовленій.

Георгій Константиновичъ усердно работалъ у себя въ кабинетѣ, стараясь какъ можно рѣже встрѣчаться съ Ритой. Видя ее спокойной, онъ рѣшилъ, что самая лучшая тактика—предоставить ей самой найти выходъ, который болѣе всего соотвѣтствуетъ ея характеру.

Съ давно небывалой веселостью и одушевленіемъ Рита принимала участіе въ предпраздничной суматохѣ. Но, какъ всегда, въ квартирѣ Скадовскихъ рядомъ съ праздничнымъ весельемъ, шла трагедія въ кухнѣ: исчезло масло, заготовленное для экономіи въ большомъ количествѣ. Пропалъ окорокъ. А главное—не могли отыскать шампанское, которое было куплено за нѣсколько мѣсяцевъ до Новаго года.

Привыкшіе къ такимъ фактамъ домашніе не особенно волновались этимъ происшествіемъ, но Людмила Игнатьевна принимала все съ обычной пылкостью, упрекая всѣхъ въ равнодушіи.

— Это все Олимпіада,—говорила она.—Это она уговорила меня взять кухарку... Я по лицу ея видѣла, что она воровка.

— А ты разсчитай ее,—совѣтовалъ дѣдъ.

— А кто будетъ готовить? Развѣ на праздники найдешь порядочную?

Кухарка не была разсчитана. Но такъ какъ Олимпъ гремѣлъ, жалуясь на непосильную работу, то скоро въ комнатахъ появилась новая личность, дѣвчонка съ косичкой загнутою вверхъ, ввидѣ хвостика. Конечно, сначала это было сокровище, отличавшееся послушаніемъ и кротостью. Но очень скоро въ кухнѣ начались междуусобія, и оттуда на весь домъ раздался возгласъ:

— Я сама кондукторова дочка... Я за вашей дѣвчонкой убирать не стану!

— Я думаю,—меланхолически замѣтила Людмила Игнатьевна, вздыхая,—что она во всякомъ случаѣ не уйдетъ до елки.

— Такихъ дѣвчонокъ нѣтъ,—рѣшительно заявилъ Жоржикъ,—которыя бы уходили передъ елкой.

Красавицу-елку уже принесли, но брюки и штиблеты Жоржика лежали запертые въ шкапу. Съ утра дверь въ залу была закрыта, чтобы утвердить въ дѣтяхъ вѣру въ сказочнаго дѣда.

— Это мы „дѣти“!—кричалъ Жоржикъ.

— Не забывай, что есть Фимочка,—строго сказала Людмила Игнатьевна.

Пришелъ кузенъ Фоня и принесъ Ритѣ письмо отъ Анины. Письмо было написано на маленькомъ лоскуткѣ полотна и все было проникнуто какою то восторженной радостью жизни. Анина писала: „Развѣ можно ненавидѣть жизнь? Я благодарна ей за каждый цвѣтокъ, за каждую травку, за плескъ волны, за алмазную росинку на листьяхъ, за каждую звѣзду, которая смотритъ съ неба. Всѣ мгновенья жизни кажутся мнѣ тогда прекрасными...“

Они читали письмо вмѣстѣ.

— И ты знаешь, когда она написала это письмо? Послѣ того, какъ рядомъ съ ней посадили шпіона, который перестукивался съ ней и старался вывѣдать, что ему было нужно.

— Можно ли сдѣлаться такой, какъ она? — задумчиво спросила Рита.

Но пришла Людмила Игнатьевна и погнала ихъ убирать елку.

— Я такой неловкій, у меня все изъ рукъ валится,— сказалъ Исторовъ.

Но Рита увела его съ собою. Она забралась на складную лѣстницу и подвязывала блестящія бомбы.

— Мужайся, это не такъ страшно,—поощряла она кузена.—Подавай все, что тамъ есть.

Исторовъ съ комической осторожностью перебиралъ бездѣлушки.

— Ты боишься смерти?—спросила она, принимая отъ него ангела съ блестящей звѣздой.

— Раньше боялся, а теперь нѣтъ. Вѣдь это совсѣмъ просто: отворить дверь и перейти въ другое помѣщеніе— вотъ и все.

— Значитъ, ты вѣришь въ безсмертіе?

— Странный вопросъ... Все равно, еслибы я спросилъ:

вѣришь ли ты, что я сейчасъ подаю тебѣ эту райскую птичку и ты ее повѣсишь на елку...

— И ты знаешь, куда мы пойдемъ послѣ смерти?

— Послѣ смерти? Но смерти нѣтъ. Есть только перемѣна оболочки. Конечно, такая перемѣна кажется странной тому, кто понимаетъ только одну физическую жизнь. Неужели ты думаешь, что есть только одна жизнь матеріи и больше ничего? Но вѣдь то, чего мы не видимъ, безконечно важнѣе матеріальнаго міра. Есть еще міръ астральный.

— Ты его понимаешь?

— Да. Это можетъ понять каждый. Представь, то, что было человѣкомъ, уже не существуетъ... Душа покинула свою матеріальную оболочку—тѣло и перешла въ астральный планъ... Представь ея положеніе, если она не подготовлена.

Исторовъ уронилъ какого-то велосипедиста на шоколадныхъ колесахъ, но ни онъ, ни Рита не замѣтили этого. Рита стояла на лѣстницѣ и слушала, держась за пахучую смолистую вѣтку.

— Душа растеряется... Вѣдь вся она еще проникнута человѣческими интересами... Ей жаль родныхъ, которые ее оплакиваютъ. Она хотѣла бы подойти, утѣшить ихъ... Но уста ея замкнуты, руки неподвижны... Она освободилась, можетъ созерцать свою оболочку, но она не привыкла къ чувству свободы... Ей жутко въ новой обстановкѣ...

За дверью послышались шаги, потомъ сердитый голосъ дѣдушки.

— Жоржъ, не смѣй входить.

Рита очнулась.

— Ты говоришь такъ,—сказала она,—точно самъ побывалъ за таинственной дверью.

— Да, я знаю. Тѣ, которые ушли раньше, разсказывали.

— Тебѣ?

— Нѣтъ, тѣмъ, которые умѣютъ слушать.

— А что же дальше дѣлается съ душой, ты знаешь?

— Астральный міръ, который является дальнѣйшимъ нашимъ существованіемъ—это также только переходное состояніе. Оно не удовлетворяетъ нашего духа. Онъ стремится къ божественному, къ Абсолюту... Сдѣлайся Богомъ и тогда ты достигнешь всего, всего, чего захочешь... Тогда передъ тобой откроется вѣчность...

— Когда ты говоришь „вѣчность", мнѣ дѣлается жутко... Я представляю себѣ землю... Какая она маленькая среди міровъ, когда несется въ пространствѣ. И мы на ней какія маленькія пылинки.

— Меня это не поражаетъ... Я это постигаю и потому я

не пылинка... Я самъ частица вѣчности... И вѣчность то же, что и мгновенье... Вѣчность—это уже отрицаніе времени.

— Для меня это слишкомъ замысловато.

— Почему? Мгновенье вѣчно, и, умирая, оно родитъ другое. И атомъ вѣченъ по той же причинѣ. Распространи это понятіе на вселенную, раздѣли вѣчность на мгновенья...

Шумъ за дверью увеличивался. Дѣдушка энергично защищалъ позицію, которую Жоржикъ старался взять приступомъ. Но дѣдушка отбросилъ противника. Онъ вошелъ въ залъ и умилился картиной.

— Вотъ это хорошо... Такъ мило на васъ смотрѣть. Я люблю молодежь... Она чистая... Да, молодежь должна быть чистая, свирѣпо чистая—иначе это будетъ плодъ съ испорченной сердцевиной.

Вошла Людмила Игнатьевна. Она притащила новые свертки съ сюрпризами и занялась распредѣленіемъ ихъ по пакетикамъ съ надписями.

— Посмотри,—сказалъ ей дѣдушка,—какъ это мило, какъ они этимъ увлекаются... А Жоржика я заперъ на ключъ.

Фимочкѣ было запрещено заглядывать въ дверь зала, но, конечно, она все время пыталась проникнуть туда. Освободившійся Жоржикъ явился неожиданнымъ помощникомъ старшихъ. Хваталъ дѣвочку и оттаскивалъ ее отъ двери, конечно, только для того, чтобы наслаждаться ея неистовыми криками. Когда крики переходили за предѣлы терпимаго, вбѣгала Олимпіада, гнѣвная, съ засученными рукавами и, схвативъ дѣвочку подъ мышку, такъ же стремительно удалялась.

Маркъ презиралъ всѣ эти ребяческія развлеченія. По мнѣнію Жоржика, его переходный возрастъ достигъ своей предѣльной точки. Самъ же онъ полагалъ, что его посѣтило вдохновеніе. Онъ топтался около клавишей рояля, бралъ аккорды, писалъ ноты, уединялся. Остановившись передъ зеркаломъ, онъ дѣлалъ демоническое лицо, охваченный горделивыми мечтами о будущей славѣ.

— Мнѣ предназначено быть великимъ,—думалъ онъ, поднимаясь на цыпочки и простирая въ пространство обѣ руки. Но когда въ корридорѣ раздавались шаги, мечты убѣгали, онъ садился на стулъ къ роялю съ обыкновеннымъ, равнодушнымъ лицомъ.

Съ елкой дѣло шло не особенно успѣшно. Фоня оказался совершенно бездарнымъ, поломалъ много блестящихъ бездѣлушекъ, позапутывалъ золотыя нити. Да и само дерево не стояло прямо. Пришлось обратиться за помощью къ младшему поколѣнію.

— Дѣти, идите сюда,—позвала Людмила Игнатьевна.

Маркъ, по обыкновенію, даже не отвѣтилъ. Вмѣсто него пошелъ дѣдъ, а затѣмъ появился и Жоржикъ, который медленно шелъ по залу съ закрытыми глазами.

— Перестань, что это за глупости!

— Я боюсь потерять вѣру въ елочнаго дѣда,—отвѣтилъ, смѣясь, мальчуганъ.

Дѣдушка далъ ему пинка и помогъ поставить елку какъ слѣдуетъ.

— Ухъ вы, женщины,—сказалъ онъ самодовольно.—Безъ насъ, мужчинъ, не обойдетесь.

— Много отъ васъ помощи,—обиженно сказала Людмила Игнатьевна.—Всѣ такіе эгоисты...

Какъ всегда во время предпраздничныхъ хлопотъ, мамуся устаетъ и становится раздражительной, придирается ко всѣмъ, не исключая Фони и Риты.

Но Рита теперь принимаетъ все съ величайшимъ терпѣніемъ и предупредительностью. Въ ней проснулась нѣжность далекаго дѣтства, явилась потребность ласки. Ей вспомнилось, какъ любила она сидѣть, притаившись подъ локоткомъ у мамуси. Кроткая жалость вливалась волнами въ ея сердце. О, если бы мамуся знала, она бы не ворчала, она обняла бы ее, прижала ея голову къ своей груди. Нетерпѣливыя замѣчанія матери трогали ее до слезъ. И Людмила Игнатьевна наконецъ замѣтила эту подозрительную кротость.

— Что съ тобой?— тревожно спросила она. — Отчего ты такая тихая, добрая? Здорова ли ты?

— Хорошо вы обо мнѣ думаете! Значитъ, я могу быть хорошей только въ ненормальномъ состояніи?

Она смѣялась и шутила, и въ то-же время представляла себѣ гдѣ-то недалеко отсюда небольшую, хорошенькую, чистую комнатку, бѣлую кровать и дѣвушку въ бѣломъ на этой бѣлой кровати. Прекрасно было неподвижное лицо дѣвушки. Кругомъ стояли люди, жалѣли ее, эту безвременно погибшую молодость, и въ душѣ ихъ расцвѣтали добрыя чувства...

Пришли первые гости—тетя Катя съ двумя маленькими дѣвочками, украшенными пышными бантами въ свѣтленькихъ платьяхъ. Онѣ важно расхаживали по столовой, дѣлая видъ, что ихъ совершенно не интересуетъ то, что дѣлается за запертой дверью. Жоржикъ и Маркъ появились и стояли неподвижно въ дальнемъ углу комнаты, подталкивая другъ друга локтями.

— Дѣти, да идите же одѣваться,—бросаетъ мимоходомъ Людмила Игнатьевна.—Что вы стоите, какъ дикари.

Маркъ молча ушелъ къ себѣ, а Жоржикъ засмѣялся. Онъ вовсе не дикарь, онъ только желалъ бы поскорѣе на-

дѣть длинные брюки и настоящіе, мужскіе штиблеты. Но, конечно, не для этихъ дѣвчонокъ станетъ онъ одѣваться. Онъ признаетъ достойными вниманія дѣвочекъ лѣтъ восьми, а не такихъ крошечныхъ младенцевъ. Онъ такъ это и объяснилъ тетушкѣ.

— Я смотрю на женщину,—прибавилъ онъ съ необыкновенно серьезнымъ видомъ,—только съ точки зрѣнія женитьбы.

Тетушка, стараясь также сохранить серьезный видъ, продолжала разспрашивать.

— Мнѣ не годятся ни слишкомъ маленькія, ни взрослыя. Дѣвочки же лѣтъ семи-восьми мнѣ подходятъ.

— Но почему?—допытывается тетушка, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Большая—уже старая, съ очень маленькой мнѣ скучно, а дѣвочка восьми лѣтъ можетъ быть моей невѣстой.

— Ты очень основательный господинъ, если такъ рано задумываешься объ этомъ.

— Каждый разумный человѣкъ долженъ быть основательнымъ.

Дѣвочки, ходившія обнявшись, презрительно надували губки и насмѣшливо перешептывались.

Гости прибывали. Пришелъ виртуозъ Илья со своей застѣнчивой матерью. Явилась пара великовозрастныхъ гимназистовъ, товарищей Марка, и, наконецъ, „бѣдныя дѣти“ изъ подвальнаго этажа.

Они стояли, смущенныя, въ передней, не рѣшаясь двинуться дальше. Только когда открылась дверь залы, и въ глубинѣ ея засіяла блестящая елка, они бросились впередъ гурьбой, освободившись отъ смущенія.

Вымытыя, гладко причесанныя, въ чистыхъ платьяхъ, они всетаки принесли съ собою специфическій запахъ бѣдности. Георгій Константиновичъ морщился не скрывая. Но въ этомъ пунктѣ Людмила Игнатьевна отстаивала свои права. Несмотря на явную оппозицію мужа, „бѣдныя дѣти“ ежегодно приглашались на Рождество и на Пасху.

Гости „бѣдные“ стояли по одну сторону елки, а „богатые“—по другую, равнодушно переглядываясь между собою.

— Вотъ если бы была Анина,—тихо сказала Рита кузену,—она бы сейчасъ смѣшала ихъ въ одну кучу.—Попробуемъ мы,—прибавила она и потащила его къ дѣтямъ.

Маркъ увелъ гимназистовъ въ свою комнату, гдѣ у нихъ завязался серьезный разговоръ.

— Васильева исключили,—сообщилъ высокій, угреватый гимназистъ, говорившій басомъ. Онъ хотѣлъ стрѣлять въ инспектора. Его, пожалуй, будутъ судить.

— А ему все равно,—заявилъ другой,—онъ членъ клуба самоубійцъ.

— Это какой же клубъ?—спросилъ Маркъ.

— Ихъ можетъ быть только шесть членовъ. Всѣ они рѣшили умереть. Всѣ они каждую минуту готовы къ смерти. Они, собственно, уже покончили счеты съ жизнью.

Маркъ старался показать, что онъ къ этому совершенно равнодушенъ, но всетаки не могъ удержаться отъ вопроса.

— Какъ же они умираютъ?

— Вотъ для этого у нихъ и существуетъ клубъ. Они собираются и обсуждаютъ вопросы о томъ, какая смерть лучше. Когда кто-нибудь окончательно выберетъ для себя родъ смерти, то убивается. Тогда ихъ остается пять, но по уставу клуба всегда должно быть шесть членовъ, и тогда вступаетъ одинъ изъ кандидатовъ. А кандидатовъ у нихъ всегда много.

— А женщины есть между ними?

— Женщины?—презрительно повторилъ гимназистъ.— Онѣ трусихи. Развѣ онѣ способны на такое дѣло.

— Нѣтъ, это мнѣ не нравится,—сказалъ Маркъ.—Вотъ если передъ смертью сдѣлать что-нибудь великое, грандіозное, прогремѣть на весь міръ, и затѣмъ умереть. Тогда пожалуй...

— Самоубійство—грѣхъ передъ Богомъ,—сказалъ другой гимназистъ, который былъ фанатически религіозенъ.

— Ну, ужъ ты поѣхалъ съ своимъ Богомъ,—сказалъ другой гимназистъ.

Къ нимъ шумно ворвался Жоржикъ.

— Господа, идите танцовать... Мама зоветъ танцовать... Дѣвчонки скучаютъ...

— Вотъ еще,—сказалъ одинъ.

— Ну, это вздоръ,—замѣтилъ другой. Однако, всѣ пошли въ залъ.

XII.

Свѣчи догорѣли, подарки были розданы, празднество окончилось. Всѣ разошлись, и въ полутемномъ залѣ Рита осталась одна. Она назначила себѣ срокъ „до елки“.

Это всетаки была какая-то маленькая цѣль—доставить удовольствіе матери, не лишать ее обычнаго ежегоднаго развлеченія. Теперь все сдѣлано, и она свободна, свободна отъ всего,—отъ желаній, отъ цѣлей, а главное отъ той величайшей драгоцѣнности въ человѣческой душѣ, которая опредѣляется однимъ маленькимъ словомъ „хочу“. И жить больше нечѣмъ. Такъ бываетъ нечѣмъ жить рыбѣ, которую

вытащатъ изъ воды. Но вѣдь и она всетаки дѣлаетъ судорожныя движенія въ борьбѣ со смертью. А у Риты нѣтъ ни малѣйшаго желанія даже пошевелить пальцемъ. И безъ того приходится дѣлать страшно много ненужныхъ движеній. Каждый день просыпаться,—а это вовсе не такъ легко—открывать глаза. Нужно вставать, одѣваться, выходить къ людямъ, отвѣчать на вопросы, а иногда даже выступать въ активной роли, которая въ дальнѣйшемъ все будетъ усложняться. Ея молодое тѣло безсильно удержать состарившуюся душу... Скучная книга жизни прочитана. Пришла послѣдняя страница—неужели опять повторять все сначала?

Она не видѣла, что кузенъ Фоня давно наблюдаетъ за ней и невольно вздрогнула, когда онъ позвалъ ее по имени.

— Рита, куда ты смотришь незрячими глазами? Что ты задумала?

— Я задумала лечь спать,—сказала она, вставая.

— Ты не хочешь говорить со мной?

— Я ни съ кѣмъ не хочу говорить.

— Рита, но вѣдь я понимаю...

— Что ты понимаешь?

— То, что происходитъ въ тебѣ.

Онъ взялъ ея руку и говорилъ взволнованнымъ шепотомъ:

— Ты стоишь на грани... Тебя зовутъ... Сквозь шумъ жизни ты услыхала голоса и хочешь идти... Но не нужно сейчасъ... Еще не пришли пора... Ты многое еще увидишь, многое узнаешь... Сдѣлай усиліе, захоти, и жизнь для тебя станетъ интересной...

— Но я не могу хотѣть—понимаешь?—Она улыбнулась и пошла къ двери; онъ слѣдовалъ за ней.

— Но я хочу говорить съ тобой не такъ, какъ другіе.

— А я хочу спать. Спокойной ночи.

Она вошла въ свою комнату и уже оттуда, держась за ручку двери, сказала улыбаясь:

— Уродство грѣха моего будетъ снято, и откроется красота моихъ страданій.

Дверь закрылась.

Историвъ стоялъ, охваченный какой-то нѣжной грустью. Онъ вѣрилъ, что смерти нѣтъ, но былъ не настолько силенъ, чтобы оставаться спокойнымъ передъ приближающимся фактомъ.

Георгій Константиновичъ, выглянувшій изъ кабинета, спросилъ, удивленный видомъ Историва:

— О чемъ задумались?

Историвъ бросилъ на него непріязненный взглядъ. Проникнутый стремленьемъ постигнуть высшія тайны жизни,

онъ старался освободиться отъ всякихъ чувствъ къ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ. Но враждебность къ Скадовскому пустила слишкомъ длинные корни въ его душѣ.

— Я задумался о несчастной душѣ, которая стремится превратить уродство въ красоту,—сказалъ онъ, уходя.

— Нѣсколько нескладно, но, какъ всегда, загадочно,—бросилъ ему вслѣдъ Георгій Константиновичъ.

XIII.

Слова Исторова заставили его задуматься. Рита, избѣгавшая его, повидимому откровеннѣе съ кузеномъ. Это можетъ значительно осложнить и безъ того тяжелое положеніе. Нужно было непремѣнно поговорить съ Ритой при первой возможности.

Удобный случай скоро представился. Людмила Игнатьевна уѣхала съ вундеркиндами на репетицію концерта, который долженъ былъ состояться вскорѣ послѣ крещенія. Рита была дома. Но онъ долго стоялъ передъ ея дверью, раньше чѣмъ постучаться. Въ комнатѣ дѣвушки былъ какой-то необыкновенный безпорядокъ. Платья, вынутыя изъ гардероба, валялись на столѣ и на стульяхъ. На столѣ были раскинуты книги, какія-то разорванныя бумажки валялись на полу, давно начатая копія съ фотографіи Бельведерскаго Аполлона лежала на стулѣ, покрытая пылью. Рита стояла у двери съ картонкой въ рукахъ.

— Видишь, я ухожу,—сказала она.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ тобой.

— Поговорить?..—отвѣтила она равнодушно и вышла въ переднюю.

— Ты хочешь, чтобъ я говорилъ здѣсь?

— А у тебя секреты?

Она надѣла огромную шляпу съ вуалью и, стоя передъ зеркаломъ, заботливо поправила волосы.

— Ты не хочешь?.. Ты слишкомъ торопишься?

— Не особенно.

— Ты куда идешь?

— Въ мастерскую.

Слегка покраснѣвъ, она прибавила:

— Мнѣ нужно тамъ кое-что взять.

Онъ удивился, что она такъ спокойно назвала мѣсто ихъ свиданій. Они вышли вмѣстѣ.

Давно уже Георгій Константиновичъ не былъ въ мастерской. Рита даже избѣгала ходить мимо этого дома. Георгій

Константиновичъ, проходя знакомымъ путемъ, волновался отъ нахлынувшихъ воспоминаній. Въ странномъ лицѣ Риты было что-то загадочное, манящее, жуткое, и сердце его неожиданно забилось.

— Что же ты молчишь, вѣдь мы скоро дойдемъ,—спросила она.

— Я пойду съ тобой,—отвѣтилъ онъ нѣжнымъ шепотомъ.

— Какъ хочешь,—равнодушно сказала дѣвушка.

Она поднялась по знакомой лѣстницѣ съ потертымъ ковромъ, съ искусственными запыленными пальмами, криво стоявшими на поворотахъ.

У двери Рита остановилась и сказала:

— Ты всетаки хочешь со мной говорить? Можетъ быть, лучше не надо.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо...

Онъ сжалъ ея руку и позвонилъ.

Въ непровѣтренной комнатѣ было душно. Слышался запахъ нежилого мѣста. Столярный станокъ былъ покрытъ пылью. Только засохшія розы въ высокой вазѣ еще сохранили какой-то нѣжный ароматъ.

Рита сѣла въ кресло, прямая, неподвижная, со сжатыми губами, съ немигающимъ взглядомъ длинныхъ, сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ потухъ яркій огонь жизни.

— Ну что же, говори, что ты хотѣлъ.

— Рита, дорогая моя, я вижу, что ты страдаешь... Вѣдь ты совсѣмъ одна... Почему ты не хочешь подѣлиться...

— Нѣтъ, это ты оставь. Что ты хотѣлъ мнѣ сказать?

— Но ты не хочешь говорить со мной. Неужели ты не вѣришь, что я хочу помочь тебѣ?.. Вѣдь я одинъ виноватъ въ томъ, что ты страдаешь...

Она слабо махнула рукой.

— Знаешь, брось это. Вѣдь это —„мѣщанство", а ты говорилъ, что презираешь мѣщанъ. Ихъ этика не для меня. Развѣ суть въ томъ, что сдѣлано? Можно все сдѣлать, понимаешь, все... Но суть въ томъ, какъ сдѣлано... Когда я разсказала Дуванчику...

— Ты разсказала?.. — воскликнулъ онъ, не скрывая испуга.

— Но ты совѣтовалъ мнѣ выйти за него замужъ.

Легкая улыбка освѣтила ея блѣдное лицо.

— Или ты хотѣлъ, чтобы я обманула его?

— Нѣтъ, это ужасно.—Способенъ ли онъ сохранить тайну?

— Какими пустяками ты озабоченъ, бѣдняга!.. Скандалъ, позоръ, тайна... Какъ счастливы тѣ, для которыхъ эти вещи представляютъ какую-то цѣнность. Это крѣпкіе канаты, ко-

торыми люди привязываются къ жизни... Но есть одно, что интересно: это—презирать...

— Рита!..

— Что?..

— Я не позволилъ бы никому другому...

— О да, конечно!.. Но отъ женщины, такъ сказать, побѣжденной, можно выслушивать самыя горькія истины.

— Это ужасно! Ты страшно несправедлива.

Онъ заходилъ по комнатѣ, придумывая слова, какія могли бы на нее подѣйствовать, могли бы преодолѣть ея ледяное равнодушіе. Но такихъ словъ у него не было. Онъ остановился возлѣ окна и смотрѣлъ въ грязную глубину узкаго двора, окруженнаго высокими стѣнами. Она какъ будто забыла о немъ, открыла картонку, вынула легкое бѣлое платье и бережно разложила его на диванѣ. Онъ оглянулся и съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Зачѣмъ это тебѣ?

— У меня будетъ свой праздникъ.

Она вынимала цвѣты, ненюфары съ длинными стеблями и, убравъ ими платье, смотрѣла на нихъ. Вдругъ она сказала, не оглядываясь.

— А ты самъ себя уважаешь?

Онъ опять смотрѣлъ въ окно.

— Мнѣ кажется, что нѣтъ... Это былъ нѣкоторый опытъ, нѣкоторое испытаніе... Проба души, знаешь, какъ бываетъ проба золота... Бываетъ золото низкопробное...

Она вынула легкую газовую вуаль, которая колыхалась въ ея рукѣ, какъ туманъ надъ рѣкой.

— Хочешь я скажу, какъ ты можешь вернуть себѣ самоуваженіе?..

Онъ упрямо молчалъ.

— Я тебѣ открою этотъ секретъ.

Она положила вуаль, выпрямилась и взглянула на него вдругъ засверкавшими по прежнему глазами.

— Смерть все разрѣшаетъ...

Георгій Константиновичъ совсѣмъ не ожидалъ такого секрета. Безпокойные огоньки загорѣлись въ его глазахъ. Онъ вдругъ почувствовалъ къ ней полное отчужденіе. Отъ этого онъ сразу овладѣлъ собою.

— Во-первыхъ, съ чего ты взяла, что я утратилъ самоуваженіе, а затѣмъ... то, что ты предлагаешь, и есть трусость. Жить труднѣе, чѣмъ умереть.

— Ахъ, это изъ прописи.

Но черезъ мгновенье она прибавила спокойно, почти дружелюбно:

— Впрочемъ, ты правъ. Бываетъ трудно жить. Бываетъ,

что нечѣмъ жить... Тогда изжитая душа имѣетъ свои права, такъ же, какъ и изжитое тѣло.

Онъ не вникалъ въ смыслъ ея словъ, но обрадовался, что она говоритъ такъ спокойно.

— Ты, конечно, оставишь этотъ вздоръ,—сказалъ онъ.— Ты достаточно сильна для этого. Человѣческая воля все побѣждаетъ.

Она молчала, повидимому, не слушая его словъ.

— Намъ пора... Насъ будутъ ждать.

— Хорошо, я потомъ,—сказала она, не поднимая глазъ.

Онъ вышелъ. Тогда она встала, вынула изъ муфты маленькій пузырекъ съ темной жидкостью. Глаза ея разгорѣлись. На нѣжныхъ щекахъ выступили розовыя пятна. Она подняла глаза къ окну, гдѣ виднѣлся клочокъ синяго неба. Точно отвѣчая кому-то на вопросъ, она прошептала беззвучно: „сегодня".

Она крѣпко сжимала въ рукахъ пузырекъ, но вдругъ пальцы разжались, она положила его на столъ, опустилась въ кресло и закрыла глаза. Ей захотѣлось домой. Еще разъ увидѣть всѣхъ, проститься съ ними... Вѣдь они всѣ дороги ей... Эти смѣшные, но оригинальные вундеркинды, этотъ старый дѣдъ, съ его поразительной привязанностью къ жизни... Еще разъ увидѣть всѣхъ, услышать смѣхъ Жоржика, прижаться къ мамусѣ... Конечно, это слабость, этого уже не нужно, но она пойдетъ.

Рита спрятала пузырекъ и позвонила.

— Ахъ, какое платье,—воскликнула горничная.—Это вы на балъ поѣдете, или, можетъ, у васъ свадьба?

Рита улыбнулась, но ничего не сказала и быстро вышла.

XIV.

Въ домѣ опять готовились къ торжеству. Репетиція прошла великолѣпно. Дѣдушка накупилъ сладостей, Людмила Игнатьевна сварила шоколадъ и подарила Фимочкѣ платьице, въ которомъ дѣвочка расхаживала по всѣмъ комнатамъ, требуя общаго вниманія. Вундеркинды, взволнованные успѣхомъ и похвалами профессоровъ, приписывали каждый себѣ небывалые недостатки игры, не изъ скромности, а чтобы дразнить мамусю.

— Я два раза сбился съ такта,—кричалъ Жоржикъ.— Въ залѣ даже смѣялись.

— Неправда,—горячо возражала Людмила Игнатьевна,— всѣ восхищались тобой.

— Всѣ восхищались Маркомъ.

— Ничего подобнаго,—возражалъ Маркъ.—Развѣ я могъ играть хорошо, когда у меня мизинецъ сожженъ.

— Какъ, ты игралъ съ больнымъ пальцемъ?..

Людмила Игнатьевна готова была упасть въ обморокъ.

— Вы слышите, онъ такъ чудно игралъ съ больнымъ пальцемъ, а я и не знала...

— Слава Богу, что не знала,—замѣтилъ дѣдушка.—Подняла бы шумъ.

Фимочка подходитъ къ каждому, смотритъ довѣрчивыми глазами и повторяетъ одну и ту же фразу:

— У меня новое платье.

Все это кажется Ритѣ очаровательнымъ. Даже стукъ тарелокъ, швыряемыхъ непримиримой Олимпіадой, не раздражаетъ ее. Ее безпокоилъ только взглядъ кузена, который смотрѣлъ на нее страшно понимающими глазами.

Она вошла въ свою комнату, посмотрѣла на царившій въ ней безпорядокъ и улыбнулась, вспомнивъ, какъ мамуся упрекала ее за это. Вотъ книга, которую она когда-то читала, вотъ большой портретъ отца. Она долго смотрѣла на него... Можетъ быть, все было бы иначе, если бы онъ былъ живъ.

Она остановилась передъ письменнымъ столомъ. Нужно ли писать?.. Можно ли написать что-нибудь такое, что-бы ослабило силу перваго впечатлѣнія? Есть ли такія слова, которыя могли бы смягчить жестокость удара?..

Изъ гостинной доносился шумъ, ссорились вундеркинды, начинавшіе разучивать новую пьесу. Маркъ давалъ наставленія Жоржику, а тотъ, въ качествѣ признаннаго виртуоза проявлялъ самостоятельность. Послышался умоляющій голосъ мамуси, за которымъ послѣдовали, наконецъ, стройные такты концерта.

Въ передней зашаркали мягкіе сапоги дѣдушки. Онъ уходилъ на свою половину, такъ какъ музыка вечеромъ возбуждала его, и онъ боялся безсонницы.

— Спокойной ночи, дѣдусь,—крикнула ему Рита.

Онъ заглянулъ къ ней.

— А ты бы вышла проститься,—сказалъ онъ съ ласковой ворчливостью.

— Сейчасъ.

Она подбѣжала и крѣпко обняла его за шею.

— Ну, ну, тише... Это затрудняетъ кровообращеніе. Куда собралась?

— Далеко, далеко, а куда, не знаю.

— Вотъ, такъ... Вотъ нынѣшняя молодежь. Сама не знаешь, что будешь дѣлать.

— Твой папа поступалъ иначе,—поспѣшила она произнести излюбленную фразу дѣда.

— Ну, конечно, иначе,—убѣжденно замѣтилъ старикъ.— Тебѣ денегъ не нужно ли?

— Нѣтъ, милый, спасибо.

— Ну, иди, Христосъ съ тобой.

Онъ перекрестилъ ее и ушелъ, шаркая мягкими подошвами.

Съ особеннымъ чувствомъ приняла она слова дѣда.

— Да, да, онъ со мною... Какъ хорошо, что дѣдусь сказалъ это...

Она заглядывала въ ящики своего письменнаго стола. Тамъ лежали записныя книжки, тетрадки стиховъ, альбомы, дневники. Все это воскрешало воспоминанія дѣтства. Но почувствовавъ на глазахъ слезы, она рѣзко задвинула ящикъ и громко сказала, вставая:

— Зачѣмъ? Не надо.

— Ты съ кѣмъ говоришь?—спросила Людмила Игнатьевна, входя.

— Ко мнѣ заходилъ дѣдъ.

У мамуси былъ чрезвычайно озабоченный видъ.

— Право не знаю, что дѣлать,—сказала она присаживаясь.—Я пришла посовѣтоваться съ тобой.

— Что случилось, моя мусичка?

Рита гладила ея волосы и прощалась глазами, повторяя мысленно одно слово: „прощай, прощай, прощай“.

— Пропали запонки Георгія Константиновича. Знаешь, его любимыя, съ свиными головами... Ему будетъ непріятно...

— Но, можетъ быть, онѣ гдѣ-нибудь лежатъ, мусичка.

— Нѣтъ, я осмотрѣла все. Ихъ навѣрное взяла эта новая дѣвчонка. Какъ ты думаешь, если я съ ней поговорю ласково, попрошу ее,—она возвратитъ?

— Конечно, возвратитъ.

— Я ей за это что-нибудь подарю.

Лицо ея просвѣтлѣло, но тотчасъ же на немъ легла тѣнь новой заботы. Вундеркинды, которымъ надо было готовиться къ концерту, вдругъ закатили матчишъ въ четыре руки. Мамуся бросилась къ нимъ, а Рита, воспользовавшись моментомъ, вышла въ переднюю и стала одѣваться.

Людмила Игнатьевна скоро возстановила порядокъ, оставивъ за роялемъ одного Марка. Выгнанный изъ залы Жоржикъ вбѣжалъ въ переднюю.

— Ты опять уходишь? Она опять уходитъ,—кричалъ онъ

— Куда ты?—спросила мамуся.

— Я?.. Къ Зоѣ... Можетъ быть, останусь ночевать.

Маркъ, которому не хотѣлось заниматься, наигрывалъ свои фантазіи. Это выходило красиво. Людмила Игнатьевна съ Ритой слушали его игру.

— Правда, хорошо? Это свое,—сказала Людмила Игнатьевна.

Ея глаза свѣтились радостью. Она обняла Риту и поцѣловала.

— Ну вотъ, нѣжности,—неодобрительнс замѣтилъ Жоржикъ, оттопыривъ губы и стыдливо отворачиваясь.

— Сейчасъ и ты получишь,—сказала Рита, направляясь къ мальчику.

Тотъ бросился бѣжать, крича:

— Никогда, никогда...

Рита погналась за нимъ. Хотя онъ загораживался стульями, она всетаки поймала и поцѣловала его.

— Фу,—крикнулъ онъ, и вытеръ щеку рукой.—Тогда цѣлуй и Марка.

Старшій вундеркиндъ принимаетъ поцѣлуй равнодушно. Глаза его смотрятъ куда-то далеко, а пальцы съ безсознательной лаской прикасаются къ клавишамъ.

Рита ушла.

XV.

Въ мастерской она долго и тщательно занималась своимъ туалетомъ. Хозяйка комнатъ и горничная входили къ ней подъ разными предлогами для того, чтобы поглядѣть на бѣлое платье. Въ концѣ концовъ, хозяйка комнатъ даже обидѣлась, что ничего не могла узнать, и ушла, сердито хлопнувъ дверью. Но всетаки нѣсколько разъ посылала горничную справляться, ушла ли барышня, и, получая каждый разъ отрицательный отвѣтъ, не могла долѣе переносить нетерпѣливаго любопытства, и постучала въ дверь. Отвѣта не было, и дверь была закрыта. Это смутило ее. Она бросилась въ сосѣднюю комнату, дверь которой выходила въ мастерскую и, отодвинувъ комодъ, вошла. Возлѣ кровати, на маленькомъ столикѣ, горѣла свѣча. На кровати, покрытой бѣлымъ одѣяломъ, на бѣлыхъ подушкахъ, вся въ бѣломъ, лежала Рита. Глаза ея были закрыты, и хозяйка подумала, что дѣвушка спитъ. Но смертельная блѣдность лица испугала ее. Она схватила холодную руку, лежавшую вдоль тѣла, и стала трясти ее. Рита улыбнулась, какъ во снѣ, и прошептала чуть слышно:—мамуся!..

Это былъ послѣдній проблескъ грезъ, посѣтившихъ ее въ предсмертныя минуты. Она раскрыла глаза, узнала квартирную хозяйку и прошептала хриплымъ слабымъ шепотомъ:

— Не трогайте меня, не трогайте...

Потомъ мучительныя боли исказили лицо. Она стонала и

въ безпамятствѣ металась по кровати. Начались приступы рвоты. Хозяйка испугалась за новый матрацъ, за коверъ на полу, за свои подушки. Со свойственной ея профессіи проницательностью она давно уже превратила мастерскую въ комфортабельный будуаръ. Вмѣстѣ съ горничной она перетащила Риту въ сосѣднюю комнату, со старой, ободранной, грязною мебелью. Она насильно заставила дѣвушку выпить какую-то домашнюю настойку, послѣ которой рвота усилилась. Лицо Риты стало блѣдно-синимъ. Она лежала въ обморокѣ, когда пришелъ Исторовъ.

Принявъ его за врача, хозяйка сказала:

— Не понимаю, что съ ней. Она собиралась на балъ и вдругъ заболѣла. Ее надо отправить въ больницу... Докторъ, рада Бога, вызовите скорую помощь. Я не могу оставить ее здѣсь.

Исторовъ, казалось, не слышалъ ни одного слова изъ того, что говорила ему хозяйка. Онъ держалъ ледяную руку дѣвушки и смотрѣлъ на ея лицо съ выраженіемъ какого-то жаднаго, безумнаго любопытства.

— Гдѣ ты?..—прошепталъ онъ.

Въ своемъ восторженномъ состояніи, онъ вѣрилъ въ эту минуту, что она все слышитъ, все понимаетъ. И, будто отвѣчая на его вопросъ, Рита пошевелилась, конвульсивнымъ движеніемъ, подняла голову и обвела глазами комнату.

— Тамъ... Цвѣты...—чуть слышно прошептала она.

Губы ея еще долго шевелились, но словъ больше не было.

Исторовъ опустился на колѣни, не выпуская руки, вытянулъ голову, напряженно прислушиваясь. Рука уже была мертвая.

Рита умерла тихо, безъ стоновъ, будто заснула.

Когда пріѣхалъ врачъ, онъ могъ только констатировать смерть.

— Зачѣмъ вы пріѣхали?—спросилъ Исторовъ.—Не нужно... Здѣсь никого нѣтъ. Она въ другомъ мѣстѣ,—прибавилъ онъ и быстро вышелъ.

Блестѣвшіе въ экзальтаціи глаза юноши, его странныя слова поразили врача. Онъ сказалъ:

— Что? Это—сумасшедшій?

— Не знаю...

— Вамъ надо послать за полиціей,—посовѣтовалъ врачъ.

— Какая непріятность,—проворчала хозяйка.

Юлія Безродная.

Изъ цикла «Русь».

По бездорожьямъ.

По бездорожьямъ нетопырь проклятый
Кружится оборотнемъ въ жуткой тишинѣ.
Ужасная сова ворожитъ передъ хатой,
И волчьихъ глазъ огни маячатъ на гумнѣ.

———

По бездорожьямъ черною печалью
Проходятъ Немочь, Голодъ и Страда.
Какъ привидѣнія—встаютъ за мертвой далью,
Вонзаясь въ грудь небесъ, стальные города.

———

По бездорожьямъ вихри и туманы,
Бугры снѣговъ, обвалы и кресты.
Сплелися въ загородь колючіе бурьяны...
Куда свой путь направишь, странникъ, ты?

———

Школьные силуэты.

Дремотно сползъ въ лощину перелѣсокъ.
Потушены огни... Одна горитъ свѣча,
Качаетъ желтый дискъ на вязи занавѣсокъ.
Мерцаетъ высь небесъ,—какъ шитая парча.
А надъ землей, надъ гумнами пустыми
Плыветъ и липнетъ ночь кошмарами больными.

———

Застылъ въ окнѣ недвижный силуэтъ...
Тоскуетъ ли о чемъ?.. Иль грезитъ одиноко?
Въ молчаніи снѣговъ отвѣта сердцу нѣтъ.
Въ безлюдіи и тьмѣ свѣча видна далеко.
Стожары въ высь уйдутъ... Но не погаснетъ свѣтъ..

———

Во тьмѣ родныхъ полей свѣча горитъ, какъ око...

Чернички.

Въ поляхъ,—за гумнами пустыми,
Гдѣ жухнутъ тощіе хлѣба,
И привидѣньями больными
Чернѣютъ риги, какъ гроба,
Гдѣ небо пышетъ мглой и зноемъ,
И даль томитъ нѣмымъ покоемъ.

——

Межъ ветлъ столѣтнихъ, близъ дороги
Бьетъ живоносный ключъ. Надъ нимъ
День всходитъ маревомъ слѣпымъ,
А ночь плыветъ,—полна тревоги.
Весной здѣсь ветхій срубъ оправленъ,
И крестъ березовый поставленъ...

——

Извѣчной скорбью деревень
Вздыхаетъ степь... Порхаютъ птички...
Порой безвѣстныя чернички
Сойдутся полдничать подъ тѣнь.
Съ котомками, въ лаптяхъ, въ оборахъ...
Недугъ въ лицѣ, печаль во взорахъ...

——

Изъ-подъ платковъ тугія косы
На плечи свисли тяжело...
Поютъ кондакъ восьмиголосый.
Простая пѣснь летитъ въ село..
Никто не слышитъ... Тихимъ сномъ
Поникло. Пусто; степь кругомъ...

——

И гаснетъ безотвѣтно крикъ
Дѣвичьей сиротливой доли,—
Печальной, какъ глухое поле,
И чистой, какъ живой родникъ...
Дѣвичья доля каждый годъ
Черничкой къ родникамъ идетъ...

——

Едва разсыплетъ хмѣль весна,
Душа пьянѣетъ въ грезахъ жгучихъ,
И по дорогамъ шлетъ страна
Недужныхъ, порченыхъ, падучихъ...
Голубитъ землю первоцвѣтъ,
Томитъ весенній смутный бредъ...

——

Быть можетъ, у святой гробницы
Душа найдетъ исходъ тоскѣ...
Суровый инокъ въ клобукѣ
Подниметъ смольныя рѣсницы,
И усладится въ кельяхъ строгихъ
Любовью грѣшной жизнь убогихъ...

——

Межъ ветлъ поникшихъ и сѣдыхъ
Бѣжитъ родникъ. Порхаютъ птички.
Пропѣвъ кондакъ, ушли чернички...
Никто въ степи не слышалъ ихъ.
Безмолвна даль... А надъ межой
Тяжелой хмарой виснетъ зной.

——

Двѣ зари.

Сѣверъ пустынный, загадочный, хмурый и бѣлый,
Родина мертвенныхъ сновъ.
Давитъ унылымъ безлюдьемъ просторъ онѣмѣлый,
Ширь необъятныхъ снѣговъ.

——

Вымершій чумъ остяковъ золотится закатомъ.
Пади синѣютъ вдали.
Рдѣютъ лучи на песчаникѣ буромъ, горбатомъ—
Талой земли...

——

Сѣверъ загадочный! Зори, родящія смѣну!
Бѣглыхъ огней череда!..
Въ нѣдрахъ холодныхъ пустынь ты таишь перемѣну,—
Или застылъ навсегда?

——

Словно въ отвѣтъ гаснетъ отблескъ заката багровый...
Въ падяхъ ломается тѣнь...
Съ трескомъ вдругъ ухнули льды. Пробивается новый
Благостный день.

Ал. Богдановъ.

Въ волостныхъ старшинахъ.

I.

Общественная повинность.

Въ одинъ изъ осеннихъ праздниковъ, тихимъ вечеромъ, унося миръ въ душѣ, я возвращался, не торопясь, домой, съ поля, теперь сжатаго и отдыхавшаго послѣ хорошаго урожая.

Отъ деревни потягивало запахомъ овиннаго дыма, очень пріятнаго въ это время носу всякаго хорошаго хозяина, и въ долинѣ надъ овинами протянулась сѣдая пелена его. Была пора молотьбы, и люди сушили снопы. Въ селѣ дѣвицы тихо пѣли модный у насъ романсъ: «Ахъ зачѣмъ эта ночь»; пѣли хорошо и уныло, какъ онѣ умѣютъ пѣть любую пѣсню.

У дома меня дожидались трое нашихъ мужиковъ, въ числѣ ихъ нашъ староста Иванъ Костюковъ.

— Шапки долой!—командуетъ староста.

— Съ чиномъ тебя, Степанъ Иванычъ, имѣемъ честь поздравить,—говорятъ они всѣ вдругъ.

Я чувствую что-то вродѣ испуга, такъ какъ сразу догадываюсь. Староста дѣлаетъ руки по швамъ и говоритъ словами волостного приговора:

— Мы нижеподписавшіеся, выборные домохозяева и волостныя должностныя лица исчисленныя въ статьѣ, и тому подобное... въ составѣ 83, изъ числа стольких-то, и... прочее, воопче... единогласно избрали васъ на должность волостного старшины на...

— И, несмотря на позднее время, поспѣшили явиться, чтобы начальству поклониться... молъ, наше начальство проститъ наше нахальство!—перебиваетъ его Дятловъ Егоръ.

— Поздравляю, товарищъ!.. Мы сейчасъ со схода идемъ,—протягиваетъ руку Семенъ Смысловъ.

— Да, но... какъ же, такъ, братцы?—горестно развожу я руками, чувствуя, что мое прекрасное настроеніе улетѣло.—Я не желаю!.. Опять же, я одинокій, не семейный...

— Объ этомъ на сходѣ была рѣчь. Старики говорили, что мо-

лодъ ты и видимость у тебя не тово... не подходяща. Было говорено... Намекали, что и храмъ божій ты рѣдко посѣщаешь... Ну, да наши, и Смысловъ вонъ, имъ растолковали, что тебя не въ дьячки выбираемъ...—говоритъ Дятловъ.

— Такъ неужели-же некого было, кромѣ меня?.. Чай, есть желающіе, да и незанятые? Опять-же меня земскій не утвердитъ, ужъ я знаю,—продолжаю я роптать.

— Ахъ ты... скажи пожалуйста! а еще сознательный человѣкъ. Чай, для народнаго блага!—ужъ горячится и, по привычкѣ, кричитъ, или, какъ говорятъ у насъ, «звонитъ» молодой Смысловъ.

— Я, въ свою очередь, долженъ поставить вамъ на видъ, что общественная выборная должность, по статьѣ закона, есть повинность, и никто не имѣетъ полнаго права отъ нея отказаться.. Вотъ ежели представите свидѣтельство по медицинской болѣзни, тогда освободятъ,—разъясняетъ староста.

— Міръ почтилъ тебя, Степанъ Иванычъ,—ты у насъ теперь во всей волости первый человѣкъ, а ужъ это по закону, вонъ староста говоритъ, ты самый-то виноватый,—остритъ Дятловъ.

— Нѣтъ, позвольте!—кричитъ Смысловъ. — Всякій развитой, сознательный человѣкъ для общей пользы долженъ пожертвовать собой! Вотъ какъ я полагаю. А Степанъ Иванычъ можетъ вліяніе оказать и большую пользу принести народу!.. Нужно стремиться къ этому!

— А что касается барина, такъ этотъ утвердитъ; вонъ, прежній баринъ—не знаю, а этотъ безпремѣнно утвердитъ... Баринъ серьезный!—«Я нне ха-ачу знать, кто ты такой, ты до-олженъ точно исспа-алнять мои при-ка-ззанія!.. Я буду строго слѣдить за та-абой, а-а рразсуждать ты не иммѣешь права»!—изобразилъ староста земскаго.

Продолжая разсуждать по поводу моего избранія и объ общественныхъ дѣлахъ, мы садимся пить чай, и гости уходятъ только утромъ, послѣ того, какъ за Смысловымъ пришли и позвали его молотить.

— Ахъ чортъ!.. и жизнь только,—передохнуть некогда, то то, то се; то-есть, на себя оглянуться некогда,—газетки, ей богу прочитать некогда,—заторопился Смысловъ.

— Жениться третій годъ собирается и все некогда,—успѣваетъ вставить Дятловъ.

— П-право такъ!—добродушно смѣется Семенъ.—Желаю тебѣ, Степанъ Иванычъ, отъ всей души крѣпко держаться на общественномъ посту для общаго блага!

— И я также,—остритъ Дятловъ,—желаю держаться... только подальше отъ этого поста.

— Нѣтъ, зачѣмъ подальше?—Держитесь по самой серединѣ такъ, чтобы волки были сыты и овцы цѣлы,—желаетъ староста.

— А еще лучше, чтобы самому быть сыту,—поправляетъ опять Дятловъ.

Дятловъ уходитъ послѣднимъ. Прощаясь, онъ говоритъ серьезно:

— Послужить надо, Степанъ Иванычъ; мнѣ думается, что коечто и путное можно сдѣлать. Конечно, гдѣ же нашему теленку волка съѣсть, но, между прочимъ, я думаю, для васъ бы тутъ въ самый разъ... Но вотъ еще что (острые глазки Дятлова опять заблестѣли насмѣшкой):—сходъ постановилъ ходатайствовать объ утвержденіи тебя и предсѣдателемъ суда... Мужики, вишь, узнали, что по закону старшина можетъ быть и предсѣдателемъ, а главное... гмъ... по закону старшина за предсѣдательство не получаетъ жалованья; такъ однимъ выстрѣломъ двухъ воронъ убили... У-умные! за все, братъ, двѣсти рублей въ годъ!..

Дятлову до дому верстъ семь, онъ изъ сосѣдней деревни. И всѣ трое они—крестьяне, какъ у насъ говорятъ, «изъ нынѣшнихъ». Водки не пьютъ; хорошіе, честолюбивые хозяева, но скупые, жесткіе люди, и всѣ явленія въ божьемъ мірѣ они опредѣляютъ по степени ихъ хозяйственной пригодности. Смотрятъ на міръ жадно-любопытными и недовѣрчивыми глазами. Много занимаются общественными дѣлами, что называется—«воротилы». Чрезвычайно любятъ разсуждать (въ деревняхъ люди, какъ извѣстно, разсуждаютъ гораздо больше горожанъ), любятъ помечтать на тему: «кабы, да ежели-бы»...

Въ настоящее время у насъ въ деревняхъ люди особенно интересуются своими общественными дѣлами. Со времени выборовъ въ первую Думу на сходахъ образовались партіи «лѣвыхъ» и «правыхъ», и всякій, даже ничтожный, общественный вопросъ теперь на сходѣ попадаетъ прежде всего на принципіальную почву.

Изъ этихъ троихъ моихъ гостей, Смысловъ на сходахъ является рьянымъ ораторомъ слѣва. Онъ всѣхъ раньше приходитъ на сходъ, и по вопросу у него всегда есть самое рѣшительное и опредѣленное мнѣніе, и его не собьешь, такъ какъ онъ всегда убѣжденъ, безусловно убѣжденъ, до мозга костей убѣжденъ. Голосъ у него звонкій. Но головой партіи лѣвыхъ, ихъ такъ сказать, лидеромъ является Дятловъ. Партія руководится его соображеніями, распространяемыми имъ предварительно домашнимъ образомъ. На сходахъ же онъ молчитъ, или отпускаетъ свои остроты, иногда очень злыя, не щадя ни правыхъ, ни лѣвыхъ, и этимъ иногда мѣшаетъ дѣлу; мнѣ кажется, онъ самъ не можетъ совладѣть со своимъ злымъ языкомъ, такъ какъ тоже очень убѣжденный человѣкъ.

Староста Иванъ Костюковъ служитъ давно и еще занимаетъ нѣсколько общественныхъ должностей. Общественныя дѣла—его профессія, и живетъ онъ только на маленькое жалованье, которое получаетъ по должности и котораго, благодаря его необыкновенной аккуратности и умѣренности, ему хватаетъ. Староста онъ хорошій, грамотный, исполнительный, начальству нравится и, вообще, умѣетъ

ладить со всѣми. Онъ староста и по темпераменту—невозможно серьезный человѣкъ. По образу же мыслей онъ принадлежитъ больше къ правымъ; но читаетъ газеты, любитъ разговоры о научныхъ вещахъ и законахъ и держится лѣвыхъ потому, что ихъ образованная компанія ему подходящѣе.

Должность старшины ему бы чрезвычайно кстати, но, какъ я, такъ и онъ, знаемъ, что его въ старшины никогда не выберуть,—онъ не родовитъ. Для этого теперь, какъ и прежде, не столько нужно имѣть, богатство, сколько хозяйственную порядочность, а главное,—родовитость. Родовитость имѣетъ, кромѣ того, очень большое значеніе въ старыхъ деревняхъ при бракахъ: извѣстно, что молодой человѣкъ изъ потомственно-хорошей, хотя и средняго достатка, семьи имѣетъ право посылать сватовъ къ любому богатѣю.

Староста оказался правъ: черезъ мѣсяцъ я получилъ бумагу, гдѣ значилось, что въ должности Ивановскаго волостного старшины я утвержденъ впредь на трехлѣтіе.

Эта почетная выборная должность не даромъ предусмотрѣна «Общимъ положеніемъ о крестьянахъ», какъ повинность, и не даромъ всѣ порядочные крестьяне теперь смотрятъ на нее, какъ на злую опасность для своего добраго имени и состоянія. Начальство, утверждая старшину въ должности, упорно требуетъ отъ него, прежде всего, качествъ хорошаго полицейскаго чина и безпрекословнаго исполненія своихъ приказаній, но, не безъ основанія, смотритъ на него косо, подозрѣвая въ вилянiи, отлыниваніи и всякомъ лукавствѣ и часто сажаетъ его на 5 и на 7 сутокъ. И такъ дѣлаетъ даже въ томъ случаѣ, когда струсившій мужикъ и «старается».

Мужикъ мирный, естественно, не можетъ сразу пріобрѣсти полицейскихъ качествъ, тѣмъ болѣе, что всегда чувствуетъ себя между двухъ огней. Крестьяне выбираютъ въ старшины лучшаго своего члена и упорно хотятъ смотрѣть на него, какъ на представителя своихъ интересовъ, какъ на человѣка, котораго они поставили впереди себя, но не противъ себя; и, когда по слабости человѣческой, подъ натискомъ власти сверху, ихъ выборный начинаетъ проявлять только полицейскія качества, они, не будучи вправѣ смѣнить измѣнника, сначала сбавляютъ ему жалованье, а потомъ жгутъ его хозяйственные «зады». Приравнивать же его къ полицейскому уряднику они никакъ не научатся:—«тотъ чужой, нанятой», а этотъ—«давно-ли свой братъ былъ, а теперь свинья свиньей»; да и старшина, въ силу того, что онъ свой человѣкъ, для нихъ гораздо вредоноснѣе.

Искренне желая быть полезнымъ своему народу, я боялся этой должности. Я помнилъ, какъ неопытные люди совершали должностные проступки уголовнаго характера только по неопытности своей и попадали подъ судъ; какъ не умѣя пріобрѣсти скоро,

такъ сказать, навыковъ власти, человѣкъ дѣлался посмѣшищемъ въ волости; помнилъ, какъ люди въ этой должности раззорялись и разстраивали свое хозяйство. Вѣдь, должность эта, въ особенности теперь, беретъ все время хозяина и жить приходится пошире, а міръ отпускаетъ на содержаніе старшины ничтожныя суммы. У насъ, напримѣръ, 200 рублей.

И почему-то, часто, хорошіе трезвые мужики, побывъ въ старшинахъ, пріучаются пить...

II.

Земскіе начальники.

Еще черезъ мѣсяцъ я ѣхалъ принимать присягу.

Помню,—стояла оттепель. Въ безбрежномъ мертвомъ полѣ было удивительно тихо, земля лежала подъ облачнымъ, теплымъ небомъ, какъ подъ одѣяломъ. Спускался снѣжокъ.

По повѣсткѣ я призывался въ 8 ч. утра, и эта ранняя явка внушала мнѣ уваженіе къ барину, про котораго у насъ говорили, что онъ «сурьезный» человѣкъ: «ужъ ежели что порѣшитъ, то не только что на колѣнкахъ, хоть на четвереHькахъ ползай—проси, не перерѣшитъ». А старосты говорили, что онъ «дѣло знаетъ»; и это послѣднее качество изъ трехъ смѣнившихся у насъ земскихъ приписывалось ему первому. По участку, въ волостяхъ, онъ рѣдко появлялся, но всякій разъ внушительно, на тройкѣ, окруженный отрядомъ верховыхъ стражниковъ, и эти наѣзды его были замѣтны, такъ какъ онъ всякій разъ при этомъ кого-нибудь изъ сельскихъ властей сажалъ или увольнялъ.

Опустивъ возжи, я думалъ о земскихъ начальникахъ. Собственно, у насъ мужики не знаютъ, что они въ 1889 году призваны осуществлять отеческое попеченіе и, вообще, мало кто толкомъ знаетъ, зачѣмъ они; но мужики сразу стали звать земскаго «бариномъ»». Разницы-же между имъ и исправникомъ въ отношеніи власти, напримѣръ, они не знаютъ. Тотъ и другой легко и скоро сажаютъ сельскихъ властей: баринъ взыскиваетъ на счетъ недоимокъ, но и исправникъ взыскиваетъ, и податной инспекторъ взыскиваетъ, не зѣваетъ. Правда, баринъ судитъ; но такія же дѣла и волостной судъ разбираетъ, а другія—и съѣздъ разбираетъ. И, большей частью, съ представленіемъ о земскомъ возникаютъ воспоминанія такого рода: въ третьемъ году баринъ не разрѣшилъ во время дѣлить общественный лѣсъ, и дрова рубили «зря — въ сокъ»; разрѣшеніе его раздѣлить запасы общественнаго магазина запоздало, и сѣяли не во время; отмѣнилъ волостной или сельскій приговоръ и т. д. Въ этомъ отношеніи новая власть оказалась такъ ловко поставленной на перекресткѣ всѣхъ дорогъ мужика, что, какъ не сторонись, не объѣдешь, непремѣнно задѣнешь; и она

глубоко, гораздо глубже другихъ властей проникаетъ въ область житейскихъ крестьянскихъ отношеній. Прежде въ большинствѣ общественныхъ случаевъ и въ семейныхъ отношеніяхъ управлялись домашнимъ образомъ, при помощи обычая. Теперь на счетъ всего нужно спрашивать у барина; а нынѣшніе «барины» въ этихъ случаяхъ стали показывать законъ, а онъ, большей частію, приходится поперекъ обычаю и простому народу не въ пользу,— «ну, а ловкачамъ, конечно,—какъ будто для нихъ и писанъ». И, ежели нынче постыдить такого:—«побойся, молъ, бога, братъ,— не по совѣсти дѣлаешь!» то онъ скажетъ: «я ничего не знаю, я по закону».

Собственно говоря, понятіе барина наиболѣе полно воплощалъ у насъ только первый земскій, отставной поручикъ Вельчаниновъ. Я только что проѣхалъ мимо его усадьбы, уже полуразрушенной. Тутъ, въ полѣ, влѣво отъ дороги, на горѣ стоитъ большой домъ съ выбитыми окнами. Отъ всѣхъ хозяйственныхъ затѣй теперь въ усадьбѣ остались лишь столбы отъ вѣтряной водокачки, остатки большой теплицы, развалины глинобитной постройки и двѣ падающихъ вереи съ висящей еще половинкой воротъ. Сторожъ усадьбы и мужики мимоѣздомъ растаскали палисадникъ на дрова.

Вельчаниновъ явился въ деревню изъ полка въ то время, когда въ газетахъ писали,—и начальство, пріѣзжая въ деревню, мужикамъ говорило,—что они распустились, излѣнились, испьянствовались, и что имъ еще нужна опека, ихъ нужно подтянуть; съ этимъ мужики наши тогда, какъ, правда, и теперь, охотно соглашались. Вельчаниновъ купилъ песчаный пустырь для ценза, выстроилъ эту усадьбу въ центрѣ своего участка и завелъ въ ней все, что полагается настоящему барину. Въ усадьбѣ выли, скулили и заливались-лаяли борзыя, гончія и пойнтера. Самъ онъ надѣлъ поддевку, кумачную рубаху (къ нему это шло), и великолѣпная фигура его съ пышной, холеной бородой по поясъ была истинно внушительна и очень красива. Мужики говорили, что онъ, какъ слѣдуетъ, настоящій баринъ.

Разъѣзжалъ онъ по участку на дрожкахъ, самолично правя собственной маленькой, крестьянской лошадкой. Старался быть всѣмъ доступнымъ и стариковъ, считая изъ уважаемыми, звалъ по имени и отчеству, и приказывалъ себя звать Аркадіемъ Павлычемъ, а не вашимъ высокородіемъ. Во время общественныхъ молебствій и крестныхъ ходовъ, баринъ шелъ въ толпѣ наравнѣ со всѣми, въ праздники неуклонно посѣщалъ храмъ божій и, стоя впереди своихъ крестьянъ, подпѣвалъ пѣвчимъ.

— Основа всякаго благосостоянія, братцы, есть честный трудъ,—говорилъ баринъ.—Есть мѣткая русская пословица: терпѣніе да трудъ все перетрутъ.

Передъ открытіемъ волостного или сельскаго схода онъ гово-

рилъ: «помолимся богу, братцы». А открывая сходъ:—«итакъ, братцы, съ божьей помощью мы должны обсудить предстоящіе намъ вопросы». Кончалъ же рѣчь: «итакъ, я говорю,—богъ вамъ въ помощь, братцы».

Въ то время начальство очень старалось противодѣйствовать семейнымъ раздѣламъ, которые были признаны источникомъ экономическаго зла въ народной жизни, и, я помню, на сходѣ баринъ приводилъ классическій примѣръ съ вѣникомъ, который, дескать, состоя изъ множества связанныхъ вмѣстѣ прутиковъ, представляетъ большую силу—«его не сломишь»; если же раздѣлить, каждый прутикъ въ отдѣльности легко переломить. Я помню, тогда это всѣмъ у насъ очень понравилось.

Баринъ старался принимать людей съ жалобами, съ прошеніями и заявленіями всегда, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ и сейчасъ-же разбиралъ ихъ домашнимъ образомъ, или, какъ теперь говорятъ, административно. Не признавалъ необходимости суда съ его процедурой и канцелярщиной, и у него мужики боялись судиться, такъ какъ онъ бранилъ тяжущихся кляузниками, раздражался и грозно кричалъ, пугая ихъ.—Кланяйся въ ноги и проси прощенья,—приказывалъ онъ обидчику, преподавъ ему предварительно отеческое внушеніе, и, когда тотъ стоялъ пень пнемъ или переминался съ ноги на ногу, баринъ очень раздражался и гремѣлъ:—Кто тебѣ приказываетъ?!. Я давно тебя, братъ, замѣтилъ,—ты кляузникъ!—И сулилъ ему бараній рогъ и другія кары.

Волостное и сельское начальство у него было въ большомъ загонѣ. Начиная свою административную карьеру, онъ былъ убѣжденъ, что въ лицѣ этого начальства будетъ имѣть дѣло съ толпой мошенниковъ, ловкихъ пройдохъ и пьяницъ. Такъ онъ къ нимъ и относился. По ничтожной жалобѣ всякое распоряженіе выборныхъ должностныхъ лицъ, къ большому конфузу ихъ; имъ немедленно отмѣнялось, и, въ концѣ-концовъ, въ волостяхъ просителямъ говорили: «ступай къ барину».

Баринъ, нужно сказать, имѣлъ доброе сердце и, неослабно искореняя лѣнь и пьянство въ народѣ и устраивая порядокъ, желалъ также немедленно, принимая самыя строгія мѣры, отечески защитить всѣхъ угнетенныхъ въ участкѣ. И вотъ къ нему потянулись вереницы просителей. Всѣ они по-долгу крестились на иконы въ канцеляріи и со слезами, кланяясь барину въ ноги, просили быть отцемъ роднымъ, сдѣлать божескую милость и разсказывали свои обиды, злоупотребляя его добротой и быстротой.

— Баринъ, ваше благородіе, я къ вашей милости...—И драный, жалкаго вида мужиченко теръ глаза и подъ носомъ.—Староста, значитъ, нашъ и мужики, которые съ нимъ... будучи на сходѣ, тягло у меня отняли и отдали Павлу Петрову... Ваше благородіе,

я говорю: я къ барину пойду. А они говорятъ:—Иди хоть къ черту!—Что-жъ я теперича безъ земли?—у меня дѣти малыя; значитъ, я долженъ по міру пойти или съ голоду помереть!.. Ваше благородіе, сдѣлай божескую милость! Неужто, ежели онъ богатъ да староста къ нему въ гости ходитъ, такъ на нихъ и управы нѣтъ? Я говорю, я къ барину пойду...

И баринъ, какъ горячій конь, сейчасъ взвивался на дыбы. Онъ чувствовалъ въ дѣлѣ наличность мірского пьянства, и обнаруживалось нарушеніе закона,—закона о передѣлахъ. Немедленно въ волость посылалась бумага, приказывавшая земельный надѣлъ Ивана Кузовкова, отобранный у него незаконно, немедленно возвратить ему Ивану, а старостѣ Ивану Галкину отправиться подъ арестъ на трое сутокъ.

Дня черезъ два, потомъ, строгій и степенный старикъ Павелъ Петровъ, долго и истово крестясь на иконы и отвѣшивая степенные поясные поклоны, жаловался барину, и въ голосѣ его слышался упрекъ и укоризна.—Онъ объяснялъ, что снялъ, было, въ аренду у общества на 6 лѣтъ надѣлъ Ивана Кузовкова, который общество постановило сдать въ аренду въ уплату за Ивана недоимокъ, потому что Иванъ не платилъ, да и платить ему нечѣмъ, да и земля эта у него вотъ ужъ второй годъ не пахана лежитъ. Онъ, Павелъ Петровъ, за нее обществу деньги заплатилъ,—все сполна; спахалъ, заборонилъ ее и собирался посѣять: «потому, теперь послѣдніе дни», и вотъ теперь староста сѣять ему запретилъ, — «какъ, значитъ, отъ вашей милости бумага пришла»...

Баринъ смущался, понимая, что поспѣшилъ, ошибся; видѣлъ, что мужики, въ сущности, правы, они поступили по закону, и дѣйствія старосты Галкина заслуживали только поощреніе, какъ строгія мѣры по взысканію недоимокъ.

— Хорошо, ступай, братецъ... Я все сдѣлаю... Вотъ, отдай бумагу старостѣ, что бы онъ завтра ко мнѣ явился.

— Покорно благодаримъ... доброе дѣло... Только вотъ, староста-то подъ арестъ ушелъ...

— Ахъ, да... Ну, такъ вотъ... когда онъ возвратится, я сдѣлаю дознаніе и тогда... засѣешь.

— Такъ-то, такъ, Аркадій Павлычъ, да, вишь, ужъ поздно будетъ сѣять-то,—послѣдніе сѣва кончаются.

— Сѣва кончаются, сѣва кончаются!--внезанно раздражался баринъ.—Дурачье! Вы должны знать, что по закону на отдачу обществомъ въ аренду надѣла крестьянина, нужно испросить разрѣшенія земскаго начальника и тогда ужъ, только тогда и составлять приговоръ!

— Не знали, вишь, вашескородіе, опять-же не первый случай—всегда такъ дѣлалось...

— Не знали! Никто не имѣетъ права оправдываться незнаніемъ закона... Нужно знать! Старые порядки прошли.

— Оно, конешно... Извините за безпокойство, вашескородіе...— И, пятясь къ двери и надѣвая шапку, мужикъ роптал: Конешно, наши понятія малыя, а только всякому своего жалко... работа пропадетъ... пахалъ, боронилъ... Да и земя зря пролежитъ...

Черезъ недѣлю послѣ этого и послѣ того, какъ приговоръ объ отдачѣ въ аренду обществомъ села Ивановскаго земельнаго надѣла Ивана Кузовкова Павлу Петрову бариномъ утверждался, къ барину приходилъ мужикъ Михайла Мозокинъ и заявлялъ,—что послѣ того, какъ онъ, баринъ, приказалъ старостѣ отданную ими въ аренду Павлу Петрову землю Кузовкова возвратить обратно Кузовкову, послѣдній сдалъ эту землю ему, Мозокину, на 12 лѣтъ по полтора рубля въ годъ. И Мозокинъ показывалъ барину расписку съ печатью волостного правленія...

Въ концѣ концовъ, нашъ первый баринъ, человѣкъ добраго сердца, «жалостливый» и съ самыми лучшими намѣреніями, ретиво распутывая узлы крестьянской жизни, дѣлалъ лишь новые; и сильно перепутавъ всю сѣть этой жизни, въ концѣ концовъ, и самъ жестоко запутался. Положеніе его становилось невозможнымъ: толпа просителей ходила по пятамъ, тѣснила его и все увеличивалась, обиженная и назойливая; увеличивалось и количество дѣлъ, запутанныхъ, непріятныхъ. Въ концѣ концовъ, у насъ на него всѣ жаловались и втихомолку бранили: «путаникъ,—пустая борода»; а онъ жаловался и говорилъ, что мужики ему «дышать не даютъ». Въ особенности, недовольны имъ были сельскія власти, которыхъ онъ постоянно унижалъ и конфузилъ въ глазахъ крестьянъ, отмѣняя ихъ распоряженія никакихъ.

Теперь отъ его энергичныхъ набѣговъ на всѣ области общественной жизни и крестьянскаго хозяйства, кромѣ рамочныхъ ульевъ и пожарной дружины, слѣдовъ не осталось. Напримѣръ, разведеніе кроликовъ на мясо, какъ подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ, выводка цыплятъ въ инкубаторахъ и глинобитныя постройки, какъ несгораемыя, не привилися, и потому не привилися, какъ глинобитныя постройки, напримѣръ, что на мѣстѣ глины не было, а лѣсъ въ нашей лѣсной сторонѣ очень дешевъ. Но организація пожарныхъ дружинъ и распространеніе рамочныхъ ульевъ связано всетаки съ его именемъ.

Послѣ Вельчанинова бариномъ у насъ былъ штабсъ-капитанъ Брагинъ.

— Ничего, хорошій былъ, настоящій баринъ,—говорятъ о немъ теперь, и такъ говорили всѣ уже и въ началѣ его службы.

Однако, въ первый своей объѣзъ по участку онъ и у сельскихъ властей и у мужиковъ возбудилъ великія сомнѣнія и опасенія.

Брагинъ былъ мужчина бравый, съ грозными бровями и длинными, тоже грозно закрученными усами.

— Ну и ястребъ! на турку похожъ!—говорили люди.

Объѣзжая въ первый разъ участокъ, онъ не дѣлалъ ревизій и осмотровъ въ волостныхъ правленіяхъ, только грозно косился на шкафы съ бумагами; но, повторяю, возбудилъ вездѣ серьезныя опасенія,

— Ты кто такой? — знакомился онъ, напримѣръ, въ Ивановскомъ волостномъ правленіи со старшиной.

— Старшина, вашескородіе.

— Дуракъ!.. Ты долженъ говорить: Ивановскій волостной старшина такой-то.

Баринъ тяжело и грозно упирался глазами въ лицо старшины и старшина робѣлъ.

— Ты передъ кѣмъ стоишь?

— Передъ вами, вашескородіе.

— Болванъ! Долженъ говорить: передъ его высокородіемъ, господиномъ земскимъ начальникомъ. Понялъ?

— Конешно... Мы люди темные, вашескородіе.

— И дубы! Во первыхъ, ты долженъ говорить такъ точно, а не разсуждать! Во вторыхъ, держать руки, какъ слѣдуетъ, а не лазить ими въ разныя мѣста, когда стоишь передъ начальникомъ... А-а, въ третьихъ, не выпячивать брюхо, какъ беременная баба, и свой должностной знакъ носить правильно... И-и вычистить его, у тебя его мухи засидѣли... Вообще, здѣсь присутственное мѣсто, а у васъ рои мухъ, этого не должно быть! Понялъ?

Такого рода замѣчаніямъ подверглись многія изъ сельскихъ властей въ участкѣ. А въ одномъ мѣстѣ новый баринъ такъ великолѣпно выругался, что привелъ въ восторгъ всѣхъ десятскихъ. Извѣстно, что если начальникъ ругается, то это значитъ, что онъ простой человѣкъ, и къ нему приноровиться, потрафить можно.

Баринъ бурей промчался по участку и скрылся на горизонтѣ. И, какъ оказалось, надолго.

Сомнѣніе на первыхъ порахъ еще поддержано было разосланной въ волостныя правленія «для немедленнаго исполненія» бумагой новаго барина, въ которой, «въ цѣляхъ внѣшняго благоустройства», приказывалось старшинамъ немедленно принять строгія мѣры къ тому, чтобы при въѣздахъ въ селенія, а также при развѣтвленіяхъ и на перекресткахъ дорогъ были поставлены столбы, и на нихъ прибиты дощечки съ названіями мѣстъ, куда ведутъ дороги; также и на избахъ старостъ, десятскихъ и др. должностныхъ лицъ обветшалыя доски съ надписями должны быть возобновлены; а въ селеніяхъ такихъ-то... гдѣ у должностныхъ лицъ совсѣмъ не оказалось таковыхъ досокъ, немедленно ихъ пріобрѣсти...

Но этими мѣропріятіями въ области внѣшняго благоустройства дѣятельность новаго барина и закончилась. Все скоро наладилось

«по старому, по хорошему», и между нимъ и населеніемъ участка установились простыя, ясныя отношенія.

Брагинъ сразу и прочно засѣлъ въ городѣ и только разъ въ мѣсяцъ вызывалъ въ ближайшее отъ города волостное правленіе къ себѣ на судъ. Судилъ онъ быстро и въ одинъ день рѣшалъ столько дѣлъ, сколько теперешнему барину не рѣшить и въ три дня, хотя онъ тоже рѣшительно рѣшаетъ.

Фактически главой административной власти въ участкѣ оказался письмоводитель Брагина, Матвѣй Иванычъ Алфеевъ.

Это у насъ всѣ скоро уразумѣли, и ходили къ нему и сельскія власти, и просто просители—и въ канцелярію, и на квартиру. Зналъ онъ всю подноготную, человѣкъ былъ мягкій и добродушный; бралъ немного и до чрезвычайности умѣлъ упрощать дѣло —дѣлать изъ него выѣденное яйцо.

— Что, что?.. Скажи, пожалуйста, пустяки какіе...

— Въ приговоръ, вишь, Матвѣй Иванычъ, записали, что ежели я начтенныхъ ста съ четвертью къ Покрову не внесу, такъ предать меня суду за растрату суммъ...

— Такъ, такъ... за растрату общественныхъ суммъ больше года въ острогѣ просидѣть можешь. Шутка!

— Поправь дѣло, сдѣлай милость, — просилъ отставной староста. — Истинно говорю, Матвѣй Иванычъ, свѣта вольнаго не вижу!.. Покровъ на дворѣ, а гдѣ чего возьмешь...

— Пустяки толкуешь, парень, сущіе пустяки.—Матвѣй Иванычъ машетъ пренебрежительно своей пухлой рукой и качаетъ головой.—Развѣ можно живого человѣка, если онъ умъ въ головѣ имѣетъ, въ темницу посадить... Иди себѣ съ Богомъ домой, ничего тебѣ не будетъ. Ну, поворожу тутъ малость... Приговоръ-то полежитъ. А потомъ, пошлемъ его назадъ,—скажемъ, неправильный онъ,—они у васъ всѣ неправильны; то-есть, милый человѣкъ, какъ поглядѣть на дѣло.. да, съ одной стороны выйдетъ такъ, а съ другой эдакъ... А ты поклонись міру, попроси... пусть они тебя переучтутъ. Такъ-то. А приговоръ здѣсь опять полежитъ.. А ты опять поклонись, четвертную заплати, да и скажи міру: братцы, вы мнѣ платили жалованья сорокъ рублей въ годъ, а вѣдь я съ семьей проживалъ триста; такъ если бы я вашихъ суммъ не растратилъ, такъ вы бы мои растратили... простите, молъ, сдѣлайте милость, сотню! Они тогда простятъ—простынутъ; а теперь они горячи... Все пустяки, другъ,—поди съ богомъ!

А приходившимъ съ прошеніями въ судъ онъ говорилъ:—Судиться да лечиться, милый человѣкъ, нѣтъ хуже, — отъ хорошаго суда на лапти не придетъ, не выручишь!

Это время отличалось необыкновенной гармоніей между органами сельскаго самоуправленія и бюрократической канцеляріей земскаго начальника. Именно, это время извѣстно усиленіемъ власти міра и паденіемъ бумажнаго производства въ волостныхъ канцеля-

ріяхъ. Количество исходящихъ бумагъ, превышающее въ Ивановскомъ правленіи теперь полторы тысячи номеровъ, не достигало тогда и половины этой цифры.

Міряне, нужно сказать, пользовались случаемъ и много самовольничали. Они безпрепятственно производили складки-накладки, т. е., частные уравнительные передѣлы земли въ нарушеніе закона 1893 года. Вовремя, къ сѣву, дѣлили «магазейное зерно» и успѣвали раздѣлить и рубили лѣсъ въ пору—«до сока». А общественные приговоры объ этомъ, — для разрѣшенія произвести раздѣлъ лѣса и зерна,—представлялись барину послѣ того, какъ засѣянное зерно ужъ всходило, и лѣсъ превращался въ дрова. Приговоры эти возились старшинами «за одно» вмѣстѣ съ прошеніями о разрѣшеніи волостного схода, къ тому времени уже состоявшагося. Такъ какъ отъ этого зерно всходило не хуже, а вовремя срубленныя дрова были лучше срубленныхъ не вовремя, въ чемъ мужики были убѣждены, и Матвѣй Иванычъ съ ними былъ вполнѣ согласенъ, то это и дѣлалось.

Рѣдко, но на первыхъ порахъ Брагинъ еще пытался нарушить эту тишь и гладь въ участкѣ, и тогда, случалось, къ одному изъ волостныхъ правленій внезапно бѣшено подлетала тройка съ подвязанными колокольчиками, появлялся баринъ съ грозными бровями и, что называется, накрывалъ старшину и писаря...

Но изъ этого никогда ничего не выходило: онъ всегда находилъ полный порядокъ, все въ наличности и полное устремленіе къ исполненію. Онъ не зналъ, что Матвѣй Иванычъ во-время извѣщалъ волостныхъ властей о ревизіяхъ барина.

Вспоминается мнѣ послѣднее время службы Брагина, недавнее время,—время великой смуты умовъ, шатанія и растерянности властей. Вдали бушевали бури, но надъ нашими полями стоялъ плотный и густой туманъ Долетавшія вѣсти не разсѣивали его, но тревожили, волновали умы. Баринъ первый растолковалъ мужикамъ значеніе момента. Поведеніе его въ это время весьма смущало мірянъ.

Брагинъ неожиданно сталъ проявлять странную для него торопливую дѣятельность. Собиралъ и ѣздилъ на сходы. На сходахъ говорилъ цѣлыя рѣчи. Къ общему изумленію, онъ говорилъ объ ослѣпленныхъ гордыней людяхъ, стремящихся пошатнуть вѣковые устои; о волкахъ въ овечьей шкурѣ, сѣющихъ смуту; о долгѣ и необходимости платить подати и налоги... и т. п. И если при этомъ мужики, равнодушно и молча выслушавъ, стояли, что называется, чурбанами, то онъ раздражался и начиналъ кричать:

— Я знаю, что вы думаете, но этого вамъ не придется! Знайте, что плетью обуха не перешибешь!..

Или пытался убѣдительно доказывать, что, въ сущности, правительство имъ гораздо больше даетъ, чѣмъ беретъ. Указывалъ на помощь во время голодовокъ, на врачебную помощь, обученье въ школахъ, дороги и т. п...

Въ результатѣ, міряне въ это время составляли приговоры о согласіи выселять смутьяновъ; собирались избить кое-кого изъ читающихъ книжки и... стали плохо платить подати...

Вообще, люди у насъ запоздали, и революціонные эксцессы—ничтожнаго, правда, значенія, отмѣчены уже въ періодъ всеобщаго успокоенія. Но общественное самосознаніе по пути развитія сдѣлало за это время дистанцію огромнаго размѣра. Произошелъ, какъ теперь говорятъ, большой сдвигъ общественной мысли съ тѣхъ трехъ китовъ, на которыхъ она стояла.

Теперь у насъ опять новый баринъ, его фамилія Шмидтъ.

Онъ у насъ еще недавно, но понятіе баринъ, за послѣднее время такъ обидно умалившееся въ участкѣ, до мирнаго равнодушія къ нему, при немъ много выросло и продолжаетъ расти. Можно сказать, что оно никогда не занимало такого большого мѣста, какъ теперь, и не привлекало такого безпокойнаго вниманія.

Уже его первое появленіе въ волостяхъ участка, окруженнаго толпой верховыхъ стражниковъ, заставило о себѣ говорить. Затѣмъ скоро всѣ почувствовали, что возжи, слабо болтавшіяся въ рукахъ стараго начальства, стали подбираться и натягиваться все сильнѣе и крѣпче. Міръ почувствовалъ тѣсноту, и староста его оказывался въ административной цѣпи впереди, но не съ міромъ, а противъ міра; изъ передового барана-вожака въ стадѣ онъ превращался въ злую хозяйскую собаку.

Фигура, ловко поставленная на перекресткѣ всѣхъ дорогъ мужика, пріобрѣтала грозныя очертанія,—стало ни пройти, ни проѣхать.

Производилось укрѣпленіе расшатанной власти.

III.

Выборы волостныхъ судей.

Предо мной уже тянулись заборы лучшей улицы нашего уѣзднаго административнаго центра. Эта улица по внѣшнему виду мало отличалась отъ нашихъ сельскихъ улицъ, примѣчательныхъ, благодаря частымъ пожарамъ, хорошими постройками; но пріятный запахъ папиросы въ зимнемъ воздухѣ и подстриженные, ловко одѣтые люди съ суетливыми движеніями, сильно отличавшіеся отъ нашихъ бурыхъ, мохнатыхъ мужиковъ, говорили объ иномъ мірѣ, гдѣ, по пословицѣ, живутъ на болотѣ, ржи не молотятъ, а сыто живутъ.

Поставивъ лошадь на постояломъ дворѣ, я почистился, причесался, привелъ себя въ надлежащій видъ и, торопясь, уже черезъ полчаса съ почтительнымъ, но исполненнымъ собственнаго достоинства видомъ, поднимался по лѣстницѣ въ канцелярію барина.

На площадкѣ стоялъ огромный, сѣрый песъ. Я подумалъ: можетъ, не укуситъ,—и, вѣжливо обойдя его, отворилъ дверь и вошелъ въ канцелярію.

Въ канцеляріи, у самой двери, въ почтительно напряженной позѣ, стоялъ большой и очень представительный старикъ съ цѣпью и знакомъ на шеѣ.—Тоже старшина,—подумалъ я.

А за большимъ столомъ, напротивъ, размашисто писалъ знакомый помощникъ писаря изъ сосѣдней волости, и, къ великому моему удивленію, прищуривъ свои умные глазки и сложивъ пухлыя руки на животѣ, благодушно попыхивалъ папиросой все тотъ же Матвѣй Ивановичъ.

Я зналъ, что старикъ ушелъ вмѣстѣ съ Брагинымъ. Онъ, мнѣ казалось, совсѣмъ не подходилъ къ новому режиму, и я удивился, увидѣвъ его на старомъ мѣстѣ. Впослѣдствіи я узналъ, какъ это случилось, что онъ остался на прежнемъ мѣстѣ. Письмоводитель, котораго привезъ съ собой баринъ, запуталъ дѣла, и тотъ смѣнилъ одного за другимъ нѣсколькихъ писарей, которые, не обладая для этого необходимыми энциклопедическими знаніями, дѣла еще больше запутали и осложнили ихъ до того, что баринъ замучился; тогда Матвѣй Иванычъ, дожидавшійся такого момента, предложилъ свои услуги и... старый волшебникъ мигомъ наладилъ все. Хотя старикъ немного и сократился, но, безъ сомнѣнія, твердо надѣялся, что, Богъ дастъ, будетъ такъ, какъ надо,—по старому, по хорошему. А такъ какъ при новомъ режимѣ размѣры бумажнаго производства неизбѣжно должны были возрасти, то онъ потребовалъ себѣ помощника и, по приказанію барина, въ канцелярію присылали изъ волостей помощниковъ писарей, и это барину ничего не стоило.

— А-а! ваше степенство... новое степенство!—привѣтствовалъ меня Матвѣй Иванычъ.—Да-а... такъ, такъ. Ну что-жъ...

— Простите, опоздалъ я немного, Матвѣй Иванычъ. Явиться приказано было въ 8 ч.—Говорилъ я, безпокойно поглядывая на дверь, изъ которой долженъ былъ появиться баринъ.

— Что, что!.. Пустяки, ваше степенство,—баринъ встаетъ въ 11 часовъ. Господа встаютъ рано только лѣтомъ на дачѣ... Да, да... Дальше, Мишуковъ... въ семидневный срокъ по полученіи сего, во исполненіе приказанія моего, примѣнительно ко второй части пункта 3, циркуляра отъ... и т. д.—диктовалъ онъ молодому писарю.

— Нѣтъ, не опоздали,—обратился онъ опять ко мнѣ.—Вотъ, возьмите присяжный листъ и сходите къ Ивану-Предтечѣ, примите тамъ присягу и приходите сюда... Да, да... Дальше пиши: съ препровожденіемъ бланка вѣдомости, форма номеръ четвертый, и циркуляра господина главноуправляющаго... главно-у-правля-ю-ща-го...

Черезъ часъ, когда я принялъ присягу и такимъ образомъ былъ утвержденъ въ санѣ старшины и церковью, вернулся въ канцелярію и всталъ, въ ожиданіи выхода барина, на свое мѣсто у дверей въ рядъ со старикомъ-старшиной, костенѣвшимъ отъ дол-

гаго, непривычнаго и волнующаго ожиданія,—Матвѣй Иванычъ вдругъ обратился ко мнѣ съ удивительнымъ, какъ показалось мнѣ, предложеніемъ.

— Вотъ какое дѣло, старшина,—давайте-ка, пока выберемъ съ вами судей?

— То есть, какъ выберемъ судей?—не понялъ я.

— Да очень, почтеннѣйшій, просто. Вѣдь у васъ волостные судьи съ новаго года переизбраны... Вотъ сельскіе приговора... Да, да... И я вотъ тутъ выписалъ фамиліи кандидатовъ,—ихъ 11: Степанъ Голубевъ, Иванъ Петровъ, Иванъ Низовцевъ и т. д.... Изъ нихъ нужно выбрать четырехъ достойныхъ... ну, тамъ честныхъ людей и мудрыхъ Соломоновъ... Хе, хе. Пустое, конечно, гдѣ ужъ тутъ... Главное, грамотныхъ и потолковѣе, чтобы умѣли законъ читать; да стариковъ ненадо,—они по старому обычаю судятъ и... получается путанница, только читай жалобы да представляй рѣшенія къ отмѣнѣ. Вы понимаете, они законъ нарушаютъ... Да, такъ вотъ, тутъ нужно выбрать четырехъ и съ бумагой послать въ съѣздъ къ утвержденію—онъ утвердитъ. А я, добрый мой, понятно, никого изъ нихъ не знаю; для меня они всѣ Иваны и больше ничего, а вы, чай, знаете. Вы мнѣ скажите, а я отмѣчу ихъ крестикомъ...

— Я, конечно, ихъ знаю, Матвѣй Ивановичъ,—разсуждалъ я,—но, видите-ли... затрудняюсь... Неловко какъ-то. Выходитъ, знаете-ли, что я выберу для Ивановской волости судей! Какъ-то это, не тово... Первый разъ въ жизни приходится... Вѣдь это, чай, начальникъ долженъ дѣлать?..—смущенно возражалъ я.

— Вотъ, вотъ!—я же и говорю: изъ числа кандидатовъ, избранныхъ сельскими обществами, земскій начальникъ долженъ указать наиболѣе достойныхъ и представить въ съѣздъ къ утвержденію. Да... Но вы поймите, милый человѣкъ,—баринъ, онъ еще менѣе нашего знаетъ объ ихъ достоинствахъ, да и я вотъ... знаю только, что они по возрасту достойны—не моложе 35 лѣтъ... Ну, и...

И я принялся выбирать судей.

По списку сразу было видно, что сельскія общества выбирали старательно, наиболѣе подходящихъ для этой роли людей. Я всѣхъ кандидатовъ хорошо зналъ, все это были порядочные и наиболѣе развитые мужики, съ присутствіемъ одного или нѣсколькихъ качествъ, дѣйствительно важныхъ для судьи; и тѣмъ болѣе было трудно выбирать, что я тогда не зналъ, да и до сихъ поръ, признаться, не знаю, что важнѣе для волостного судьи по условіямъ крестьянской жизни,—трезвость, грамотность или близость мѣстожительства его отъ волостного правленія, принимая во вниманіе при этомъ, что жалованья судьямъ въ нашей волости было назначено по 25 рублей въ... годъ!

Черезъ полчаса судьи, однако, были мной выбраны.

— Ну вотъ, вотъ и... очень просто.—Матвѣй Иванычъ взглянулъ на часы и объявилъ, что скоро баринъ пожалуетъ.

Я всталъ къ стѣнѣ.

IV.

Твердая власть.

Въ канцеляріи стало тихо. Писаря теперь дружно скрипѣли перьями. Закостенѣвшій отъ ожиданія, мой сосѣдъ по испытанію, старшина, нервно приглаживалъ свою красивую бороду.

Я торопливо поправлялъ на груди цѣпь со знакомъ своего старшинскаго достоинства и старался сохранить почтительную позу, исполненную, однако, чувства собственнаго достоинства, и, признаться, весьма боялся, чтобы мое достоинство не пострадало.

Положеніе было непривычное.

Я былъ на рѣдкость вольный человѣкъ до сихъ поръ: семейная, школьная, военная и служебная подчиненность меня какъ-то миновали. Не бывалъ я ни рабомъ, ни рабовладѣльцемъ. Тянулись у меня рабочіе будни въ полѣ, въ лѣсу и дома, и былъ я у себя и слуга, и хозяинъ.

Колыхнулись портьеры въ дверяхъ, и въ канцелярію твердой, пригвождающей походкой прошелъ баринъ, покосившійся на наши почтительные поклоны.

Баринъ былъ еще очень молодъ, хорошо выкормленъ и прекрасно, душисто вымытъ. Онъ былъ такой широкозадый, съ розовымъ лицомъ и круглыми женскими плечами. И все въ фигурѣ его было складно, самодовольно, ясно и закончено. Ясныя пуговицы и ясные глаза какъ бы говорили, что они такіе и должны быть, ясные. И сразу было видно, что всѣ предметы, составлявшіе особу барина, таковы, каковы они и должны быть; что они на своемъ мѣстѣ, очень довольны другъ другомъ, составляютъ его священную собственность и ничьими другими быть не могутъ.

Кончики его усовъ торчали торжествующе къ верху, и мнѣ подумалось, что баринъ не доволенъ только мной и моимъ сосѣдомъ старшиной, потому что, подписывая бумаги, онъ строго, какъ-то сбоку взглядывалъ на насъ. Мнѣ, по неопытности, это тогда было непонятно: чѣмъ онъ не доволенъ, когда я еще не успѣлъ ни въ чемъ провиниться?

Широко и властно сѣвъ за столъ, онъ сразу занялъ все пространство. Такъ же увѣренно и властно расчистилъ онъ себѣ широкое мѣсто на столѣ, раздвинувъ небрежно въ стороны бумаги, аккуратно уложенныя писарями въ стопки, и принялся диктовать имъ содержаніе новыхъ бумагъ.

Диктовалъ онъ медленно, отчеканивая слова, и голосъ его раздавался твердо, властно и, какъ мнѣ казалось, излишне громко. Голосъ его тоже вытѣснялъ всѣ звуки.

Излишними казалось мнѣ также отрывисто бросаемыя при этомъ:—«запятая», «точка», потому что Матвѣй Иванычъ въ дѣлахъ этого рода самъ толкъ зналъ.

— Преду-преж-ждаю, что волостныя правленія со становыми приставами сносятся н-не от-но-ше-ніями, а рапортами...—диктовалъ онъ.

— Кончили? Н-ну-съ, далѣе... Объявить съ подпиской на семъ, что сельскіе ста-рос-ты впредь, при отлучкѣ по своимъ дѣламъ долѣе, чѣмъ на трое сутокъ, обязаны ис-пра-ши-вать у господина земскаго начальника отпускъ и, только получивъ его и сдавъ о-бя-зан-нос-ти и свой должностной знакъ кандидату, пользоваться онымъ. Точка! Причемъ... всякій разъ, какъ о вступленіи кандидата въ должность, такъ равно и о возвращеніи къ служебнымъ о-бя-зан-нос-тямъ пользовавшагося отпускомъ старосты, да-алж-ны... быть... посылаемы... ему свѣдѣнія... Точка!.. Далѣе...—И опять продолжалась диктовка, которую было слышно на дворѣ.

Мой товарищъ по испытанію, старикъ-старшина, не выдержалъ и самымъ неподходящимъ образомъ, тыча въ стороны и разводя руками, невнятно забормоталъ:

— Вашескородіе, явите божескую милость... Освободите! Человѣкъ я смирный, характера совсѣмъ легкаго... Никогда такими дѣлами не занимался... совсѣмъ къ этому не срушный,—не знаю, что къ чему... Право, видитъ Богъ, не знаю, въ чемъ теперя и время идетъ. Опять же и лѣта мои преклонныя... да и...

Но встрѣтивъ удивленные, ясные глаза барина, онъ умолкъ.

— Ты Покровскій старшина?

— Да какой-же я, старшина, вашескородіе! Человѣкъ я легкаго характера—всѣ скажутъ... смирный я... не могу на грѣхѣ жить!.. Опять же не знаю, что къ чему...

— Ты долженъ говорить только тогда, когда тебя спрашиваютъ!

И опять продолжалась размѣренная, громкая и отчетливая диктовка, и мнѣ казалось, что баринъ диктовалъ не Матвѣю Иванычу, а всему крестьянскому міру, цѣлому участку.

— Н-ну, что ты хотѣлъ сказать?.. М-можешь говорить.—Баринъ непріязненно покосился на старика и уперъ очи въ пространство.

— Вашескородіе! Освободите, сдѣлайте милость, отъ должности... высадите!.. какъ понятіевъ у меня настоящихъ къ этому дѣлу нѣтъ. Не могу я совсѣмъ дѣло править... сурьезное вниманіе тамъ оказать, или мѣры принимать... Характеръ, вашескородіе, у меня легкій...

— Гмъ... Скажи!—Ты избранъ на три года? И знаешь, что должность старшины есть общественная повинность?

— Вашескородіе! Общество освободитъ меня—дастъ приговоръ... Я упрошу міръ! Опять же у насъ много охочихъ!.

— Ва-а-первыхъ, выбираютъ не охочихъ, а достойныхъ; во-вторыхъ, міръ не имѣетъ права составить приговоръ объ освобожденіи, какъ ты выражаешься, тебя отъ должности... такъ какъ не міръ надъ тобой, а ты есть власть надъ міромъ, подчиненная мнѣ, твоему ближайшему начальнику... Н-но... и я не могу освободить тебя, а могу отстранить, понимаешь, отстранить!.. Н-но отстранить за преступленіе по должности и... въ этомъ случаѣ ты понесешь наказаніе и будешь уволенъ, пойми... уволенъ!

— Да еще и наказаніе!.. Вашескородіе, вотъ я и говорю... Народъ нынче вольный, озорной... недоимокъ теперя по 30, по 40 рублей за каждымъ!.. Приказываете взыскивать, принимать мѣры... Что я теперича долженъ дѣлать? На народъ съ оружіемъ пойти! А онъ на меня съ огнемъ пойдетъ! Грѣхъ! Злоба!.. Не могу я этого—характеръ мнѣ не дозволяетъ, и...

— Характеръ, характеръ! Какое мнѣ дѣло до твоего характера!.. Ты долженъ испа-алнять свои обя-зан-нос-ти и... больше ничего! Въ волости ты власть, а власть должна быть твер-рда! Понялъ? Тверда! А о всякомъ неповиновеніи ты долженъ немедленно донести.. Нем-медленно! И оно будетъ подавлено, безпощадно подавлено!

— Вашескородіе!.. Увольте...

— М-можешь идти!—И приподнятые кончики усовъ барина нервно дрогнули.

Признаться, на меня тогда эта сцена не произвела надлежащаго, т. е. скврнаго впечатлѣнія, ибо я самонадѣянно думалъ, что старикъ-старшина дѣйствительно не знаетъ, что къ чему, и кромѣ полицейскихъ по должности обязанностей ничего другого въ ней не видитъ: но мы то, молъ, знаемъ...

— Новый Ивановскій волостной старшина?—обратился ко мнѣ баринъ, по прежнему вперяя очи въ пространство.

Я съ большимъ достоинствомъ поклонился и назвалъ свою фамилію.

— Матвѣевъ... Да я васъ знаю!.. Н-ну-съ, объ убѣжденіяхъ я говорить не стану. Въ частной жизни можно имѣть и крайнія убѣжденія... разумѣется, не осуществляя ихъ. Мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла! Старшина-же долженъ исполнять свои обязанности и умѣть понимать приказанія начальства, и въ этомъ отношеніи вы, какъ человѣкъ развитой, должны стоять на высотѣ положенія... И вотъ, объ обязанностяхъ старшины я долженъ вамъ сдѣлать надлежащія разъясненія.

— Н-ну-съ! Прежде всего вы должны знать, что волостное правленіе есть мѣстная, раіонная канцелярія, подвѣдомственная и управляемая стоящей во главѣ нѣскольких таковыхъ канцеляріей земскаго начальника. А старшина есть представитель населенія въ

раіонѣ или околоткѣ, поставляемый для наблюденія за исполненіемъ тѣхъ требованій, которыя предъявляются властями къ населенію. Д-да! И подчиненными ему агентами для этого являются сельскія старосты. Н-но... и не только наблюдать, а и способствовать всѣми мѣрами исполненію этихъ требованій, а также способствовать и успѣшному проведенію въ жизни волости мѣропріятій властей... Вы меня понимаете? И въ этомъ случаѣ обязанности его, вообще во многомъ тождественныя съ обязанностями полицейскаго урядника, существенно разнятся... То-есть, кромѣ того, старшина, предсѣдательствуя на сходахъ въ волости, обязанъ принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы сходъ выносилъ желательныя постановленія...

Баринъ при этомъ испытующе посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

— Кромѣ того, главной обязанностью старшины является наблюденіе за сборами податей и недоимокъ. Въ вашей волости платятъ плохо—отвыкли... Нужно пріучить и проучить! Для этого въ ваше распоряженіе будетъ послана воинская команда... Затѣмъ первой обязанностью старшины, кромѣ того, теперь является проведеніе въ жизнь закона 9 ноября.. Вы понимаете, что я говорю?

Я, почтительно поклонившись, далъ знать, что понимаю.

— Старшина долженъ всѣми зависящими отъ него средствами способствовать выдѣламъ земли въ частную собственность: объяснять законъ, пользу выдѣловъ и какъ это дѣлается, и на сходахъ и вездѣ... Старшины, успѣшно дѣйствующіе въ этомъ направленіи, награждаются!

— За-атѣмъ, ставлю вамъ на видъ, что старшина въ волости есть власть, а власть должна быть твер-рда... безъ колебаній, повторяю—безъ колебаній! Я никогда не колеблюсь! Разъ сдѣлано распоряженіе,—оно у меня не отмѣняется! Въ свою очередь вы должны строго слѣдить за старостами, о проступкахъ ихъ доносить мнѣ, и я ихъ буду наказывать. Н-но... вы должны мнѣ доносить обо всемъ, что дѣлается въ волости. Я долженъ знать все, рѣшительно все.. Вы можете мнѣ иногда сообщать не оффиціально, а частнымъ образомъ...—закончилъ онъ, понизивъ голосъ и глядя мнѣ прямо въ глаза.—Н-надѣюсь, оправдаете мое довѣріе?.. Можете идти!

Я почтительно, но потерявъ ужъ все свое достоинство, раскланялся и вышелъ.

Какъ ни былъ я хорошо забронированъ, но испытывалъ нѣкое сложное чувство: будто я написалъ фальшивый вексель... Или: меня посадили въ тюрьму и тамъ назначили надзирателемъ...

V.

Облеченный властью.

До вечера проходилъ я по городу. Былъ въ типографіи—заказывалъ книги, бланки вѣдомостей, и пр. Ждалъ въ казначействѣ, получая бланки паспортовъ, промысловыхъ свидѣтельствъ и патентовъ. Ждалъ у податного инспектора. Ждалъ у страхового агента. Вообще, много ждалъ...

Потомъ пилъ чай въ трактирѣ, въ компаніи троихъ старостъ нашей волости, отбывавшихъ по пяти сутокъ ареста, по постановленію барина за бездѣйствіе по сбору недоимокъ, и ночевавшихъ гдѣ-то въ подпольѣ при квартирѣ становового. Будучи теперь самъ кандидатомъ на это подполье, я, естественно, интересовался и сочувствовалъ имъ; а они разсказывали, что въ подпольѣ такъ мерзко, что самъ становой не рѣшался запирать ихъ и выпускалъ на день. И слонялись они весь день по базару,—три нелѣпыя фигуры серьезныхъ, хозяйственныхъ мужиковъ, гуляющихъ въ будни... Не зная, куда дѣвать себя отъ бездѣлья, они гуськомъ, другъ за другомъ бродили по городу, останавливались, зѣвая по сторонамъ, и на нихъ постоянно натыкались проворные горожане, толкались и бранились.

Только подъ вечеръ я выѣхалъ домой, въ свою волость. Понятіе «домой» у меня теперь должно было быть иное. Оно расширилось, можно сказать, обобществилось. Я долженъ былъ понимать: домой, въ свою волость, а не домой, въ свою семью. Тамъ, куда я ѣхалъ, въ нѣсколькихъ большихъ деревняхъ, люди теперь имѣли право на мое время, мое вниманіе и мои дѣйствія, а я—на ихъ время и свободу.

Встрѣчавшіеся мнѣ засвѣтло и узнававшіе меня мужики наши снимали шапки и преувеличенно-почтительно говорили: «Степану Ивановичу», а я соображалъ, что это они, главнымъ образомъ, потому, что я теперь, въ сущности, сталъ очень опасенъ.

Вѣдь они знали, что я теперь могъ легко и безнаказанно для себя лишить свободы каждаго изъ нихъ на двое сутокъ и совершенно не считаясь, напримѣръ, съ тѣмъ, что мужику до зарѣза недосугъ, что «ведро—на греблю-бы надо ѣхать», или что онъ разсчитывалъ «урвать день да засѣяться»,—что этотъ день—годъ кормитъ. Я могъ разстроить ихъ хозяйственные планы, испортить жизнь. Вѣдь всѣ они недоимщики неоплатные, безнадежные... Напримѣръ: нужно, очень нужно мужику женить парня,—проходу іотъ не даетъ; и держитъ мужикъ на сей случай бычка—полуторничка — и соображаетъ: покормлю его и около Крещенья продамъ, выручу деньги и справлю свадьбу. А я, старшина, пріѣзжаю и описываю бычка за недоимку... Но могу и не описать.

Или: мечтаетъ мужикъ промыслишкомъ обзавестись, напримѣръ, валенки стирать, и эта мечта составляетъ цѣль его жизни: раскрываются передъ нимъ обольстительныя перспективы всякихъ хозяйственныхъ радостей. Разными хитрыми операціями, все больше насчетъ своего воздержанія, онъ подвигается, онъ близокъ къ осуществленію завѣтнаго. Срубцы для «завода» у него ужъ срублены и, кромѣ того, есть два колеса льна и овца; всего на 33 рубля. Но, вотъ, въ недоброе время пріѣзжаю я, старшина, и все это у него продаю... За нимъ недоимокъ значилось «земскихъ» 37 рублей и «страховыхъ» 77 съ полтиной. Опять таки, конечно, я могу продать, но могу совсѣмъ не обнаружить этого имущества. Наконецъ, я теперь опасенъ и въ томъ смыслѣ, что могу растратить—«замотать»—много общественныхъ денегъ.

Да мало-ли я могу надѣлать всякаго зла теперь!..

Вокругъ меня было опять огромное, мертвое поле. Вѣрнѣе сказать, теперь, вечеромъ, въ полѣ всякое впечатлѣніе пространства и поверхности исчезало. Висѣла густая сѣрая мгла, и мой, тоже сѣрый, конекъ, казалось, иногда вырывался изъ оглобель, пропадалъ гдѣ-то и вновь появлялся.

Опять медленно спускался снѣжокъ и паутинкой садился на лицо.

«Да, не мало я могу теперь надѣлать зла»—думалъ я.

Послѣ избранія, мирясь съ неизбѣжностью служить, я опредѣлялъ свою служебную программу словами: какъ можно меньше сдѣлать зла. Въ числѣ своихъ обязанностей (какъ они опредѣлялись начальствомъ), кромѣ принятія мѣръ къ тушенію пожаровъ и пресѣченію распространенія эпидеміей, я не видѣлъ другихъ общеполезныхъ. Въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, мнѣ казалось, былъ староста; онъ, наблюдая по должности своей, за исправнымъ содержаніемъ полевыхъ изгородей, за правильными вырубками общественнаго лѣса, за земельной разверсткой и за наличностью хлѣбозапаснаго магазина,—ужъ тѣмъ самымъ приносилъ существенную пользу. Вообще сельскія общества еще сохранили черты самоуправляющейся единицы, а волость, объединяющій ихъ органъ самоуправленія, почти совершенно утерялъ эти черты. Однако баринъ,—хотѣлось мнѣ думать,—опредѣляя старшину, главнымъ образомъ, какъ низшаго полицейскаго агента, былъ правъ только отчасти. Онъ видѣлъ въ безпрерывной бюрократической цѣпи старшину, какъ послѣднее звено ея, соединенное однимъ концомъ своимъ съ народомъ, но онъ видѣлъ только тотъ конецъ звена, которымъ оно соприкасалось съ его особой. Цѣлая же область отношеній старшины съ народомъ была все таки недоступна его воздѣйствію и уходила изъ его поля зрѣнія. Тамъ у старшины были права. Ими по традиціи облекался старшина народомъ. Они были регламентированы въ неписанномъ кодексѣ обычнаго права. Правда, теперь эти свои самодѣльные законы, претерпѣвая конфузъ отъ столкновенія

съ законами писанными, значительно утеряли свою власть и значеніе въ людскихъ и мірскихъ отношеніяхъ,—потерпѣвъ всего болѣе, именно, отъ сельскихъ же властей, тоже любящихъ дѣйствовать «по закону»; но они все еще дѣйствуютъ, такъ какъ даже и сплошь грамотное населеніе нашей волости писанныхъ законовъ не знаетъ.

Въ представленіи крестьянъ подлинная, во весь ростъ, фигура старшины сохранила старыя, но еще и теперь живыя черты патріарха,—судьи и власти нравственной.

Сельскіе обыватели, этотъ все таки безписьменный міръ, еще не можетъ обходиться безъ такой фигуры въ центрѣ своей жизни, и я убѣдился потомъ, что еще и теперь человѣкъ съ подходящими личными качествами можетъ пользоваться всей полнотой такой власти и положенія.

Желая, чтобы все было по хорошему, «по людски», и всего болѣе опасаясь быть смѣшнымъ, я жестоко на первыхъ порахъ смущался этими особенностями своего новаго положенія. Мужики ходили ко мнѣ нерѣдко на домъ,—и часто съ жалобами весьма деликатнаго характера.

Помню, что на другой день послѣ описанной поѣздки, я, облеченный властью человѣкъ, собирался въ первый разъ поѣхать въ правленіе, и въ это время ко мнѣ пришла старуха Дарья Хламова. Земно кланяясь и проливъ подходящую къ случаю слезу, она, старая, сама похожая на вязанку стараго тряпья, горько жаловалась и разсказывала такую исторію:

Женила она около Ефимьяго дня прошлой зимой сына. Она — вдова, а достатки, извѣстно, какіе,—крыты свѣтомъ и обнесены вѣтромъ... Израсходовались—всѣ жилы вытянули: корову продали. А молодая-то и не хочетъ съ парнемъ жить—взяла озорство въ зубы. Вернула хвостомъ, да и ушла къ матери. Парень теперь «въ задумчивость палъ, — извѣстно, дѣло молодое»; притомъ же истратились... И бранились и дрались они ужъ не разъ, а все поладить не могутъ.—«Не хочу жить съ дуракомъ вислопятымъ»,—отрѣзала молодая, да и все тутъ. «А мать ей потатчица»!..

«Дѣло наше бѣдное... истратились».—Постращай, батюшка—судья праведная»!—просила старуха.

VI.

Бывшіе волостные старшины Карпычевъ и Харламовъ.

Идетъ только вторая недѣля моей службы, а такъ называемые навыки власти я уже пріобрѣлъ: я, умѣвшій только убѣждать и совѣтовать, могу уже очень хорошо, коротко приказывать, строго внушать и дѣлать замѣчанія.

Сегодня праздникъ. Въ правленіи будетъ волостной сходъ. И такъ какъ я собираю свой первый волостной сходъ, гдѣ предсѣдательствую и выступаю публично, какъ старшина, и такъ какъ это—очередной, важнѣйшій въ году сходъ, потому что на немъ будетъ обсуждаться смѣта и раскладка расходовъ, отчетъ за прошлый годъ и много другихъ важныхъ вопросовъ, то я волнуюсь и чувствую себя, какъ молодой попъ передъ первой обѣдней.

Пріѣхалъ я въ правленіе рано, часовъ въ 5, однако тамъ ужъ дожидались просители. Ужъ всегда такъ,—какъ рано ни появись, всегда кто нибудь дожидается. Просители дружно встаютъ при моемъ входѣ и кланяются.

Сегодня и вся волостная прислуга па лицо, ибо сегодня для нихъ рѣшается вопросъ «быть или не быть».

Впереди за большимъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ столомъ сидитъ помощникъ писаря Альфонцевъ и заготовляетъ заголовки приговоровъ. Писаря у насъ пока нѣтъ,—старый уволенъ за политическую неблагонадежность, а новый еще не назначенъ.

Просители сегодня неважные: пятеро пришли за паспортами, а другіе просятъ печать приложить; это значитъ выдать удостовѣреніе или засвидѣтельствовать бумагу. Альфонцевъ протягиваетъ мнѣ пачку написанныхъ паспортовъ и удостовѣреній для подписи. Я быстро «подмахиваю», такъ какъ тороплюсь и иду въ дворянскую.

Извѣстно, что дворянская комната при правленіяхъ существуетъ на случай, если пріѣзжему начальству угодно будетъ закусить, чайку попить. Она же называется «завѣщательной», т. е. совѣщательной: въ эту комнату удаляется волостной судъ для совѣщанія, Такія помѣщенія при волостныхъ правленіяхъ замѣчательны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ нихъ выпивается водки не менѣе, чѣмъ въ любомъ кабакѣ. Вѣрнѣе сказать, выпивалось.

Тамъ, за столомъ, отъ котораго всегда пахнетъ пивомъ, сидитъ, поигрывая перстами сложенныхъ на животѣ рукъ, бывшій до меня и уволенный бариномъ за бездѣйствіе по должности старшина, Петръ Ивановичъ Карпычевъ, и его учетчики: хлестко щелкающій въ данную минуту на счетахъ, черный, какъ цыганъ, красноглазый, энергичный мужикъ Михайла Харламовъ и другой, писавшій учетный актъ, Смысловъ.

— Ну, какъ дѣла?—спрашиваю я.

— Ничего не знаю, Степанъ Иванычъ,—только, видно, не мимо люди говорятъ, что бѣда-то ходитъ не по лѣсу, а, словомъ говорится, по людямъ...—сокрушенно вздыхаетъ Петръ Иванычъ.

— Дѣла, стало быть, какъ сажа бѣла...—сердито вставляетъ Харламовъ, продолжая щелкать на счетахъ.

— Сейчасъ кончимъ...—поясняетъ, съ своей стороны Смысловъ.— Только, вотъ какая вещь — какъ вы посовѣтуете?.. Я думаю къ акту приложить наше мнѣніе, вродѣ докладной записки сходу. Видите-ли, у Карпычева есть по нѣкоторымъ статьямъ перера-

сходъ — все болѣе изъ страховыхъ; такъ вотъ предложить сходу часть ихъ покрыть изъ волостной недоимки, а остатокъ пустить въ раскладку... Такъ, я думаю...

— А по моему предложить Петру сейчасъ же покрыть перерасходъ изъ своего кармана, и нечего, стало быть, бобы разводить съ нимъ! А не покроетъ, такъ подъ судъ, стало быть, за растрату! Пора вывести старинку-то... Положено на канцелярію двѣсти, ты, стало быть, и расходуй двѣсти, а не триста,— возражаетъ рѣшительно Харламовъ.

— Сурьезный ты мужикъ, Михайла, а, кажись, худова я тебѣ не дѣлалъ,—смиренно замѣчаетъ Петръ Иванычъ.

— Скажи, пожалуйста, да нешто я потому! Небось, я по правилу порядка... Чай, не прежняя, стало быть, пора.

— А ежели я, словомъ говорится, по другимъ статьямъ недорасходовалъ... остатки у меня есть, тогда какъ?.. Съ міру мнѣ взыскивать?

— А ежели ты мірской пользѣ этимъ вредъ нанесъ?

— Оставьте пожалуйста, Харламовъ! — вступается Смысловъ. (Въ качествѣ образованнаго человѣка, онъ всѣмъ говоритъ: вы и почему то зоветъ по фамиліямъ).—Актъ я написалъ. Въ окончательномъ итогѣ по учету у бывшаго старшины Карпычева на рукахъ несданныхъ денегъ 400 рублей, не предъявлено имъ оправдательныхъ документовъ по разнымъ расходнымъ статьямъ на 25 рублей, допущенъ перерасходъ по смѣтнымъ статьямъ на 140 и на такую же сумму остатковъ по другимъ статьямъ.

— Значитъ, стало быть, 565! Слышь, темный человѣкъ, 565!— Что значитъ темнота-то... Только мы, братъ, нынче и въ темнотѣ видимъ... Не пре-ежняя пора!

— Ничего не знаю,—кротко отвѣчаетъ Петръ Иванычъ, усиленно играя перстами.

— Знать тутъ, стало быть, нечего—выдай вонъ деньги Степану Иванычу подъ расписку и все тутъ!—пристаетъ Харламовъ.

— И выдамъ...

— И выдай!

— Выдамъ... Безпокоишь ты меня, Михайла!—И острые глазки Петра Иваныча блеснули и спрятались въ лучистыхъ морщинахъ.

Я былъ увѣренъ всетаки, что бывшій старшина, Петръ Иванычъ Карпычевъ, несмотря на результаты учета, затрудненій серьезныхъ себѣ не создалъ: онъ человѣкъ чрезвычайно осторожный—семь разъ примѣряетъ и однажды отрѣжетъ. Этой своей осторожностью онъ меня совсѣмъ измоталъ при сдачѣ волостного имущества и документовъ. Пересчитаемъ, напримѣръ, съ нимъ по нѣскольку разъ книжки сберегательной кассы, промысловые документы и пр.,—все вѣрно, и только бы сдать ихъ съ рукъ на руки и расписаться. Но нѣтъ,—Петръ Иванычъ аккуратно сложитъ ихъ

опять въ стопку и придумаетъ какой-нибудь разговоръ, а потомъ опять считаемъ сызнова.

Онъ—бездѣтный, очень чистоплотный человѣкъ и богатый. Когда его выбрали старшиной, и онъ сообразилъ, что ему не отвертѣться, что, по всѣмъ обстоятельствамъ, вполнѣ повиненъ этой почетной должности, то сказалъ: ладно, отсижу годъ... И буквально отсидѣлъ 350 дней въ волостномъ правленіи и 15 дней при полицейскомъ, арестованный три раза по пяти дней земскимъ начальникомъ за неисполненіе приказаній, послѣ чего и былъ уволенъ за бездѣйствіе по должности.

— «Одинъ рабъ, словомъ говорится, двумъ господамъ не служитъ, это и въ священномъ писаніи сказано»,—говорилъ онъ:—«а тутъ начальство ублаготворить—мужиковъ раззорить, а мужикамъ услужить—начальству согрубить».—И онъ избралъ тактику, такъ сказать, пассивнаго сопротивленія, — рѣшительно ничего не дѣлалъ: отсиживалъ въ правленіи свое время, попивая чаекъ, а то просто такъ, поигрывая перстами, а когда приходили просители и обращались къ нему, онъ пряталъ свои хитрые глазки и говорилъ:

— Ничего я, словомъ говорится, не знаю, вонъ господина писаря спроси.

А когда требовалось подписать какую-нибудь бумагу, онъ изводилъ и писарей и просителей. Вертѣлъ бумагу такъ и сякъ, пробовалъ читать ее, заводилъ разные окольные разговоры, вродѣ того: что вотъ, дескать, бумага, что она такое?—простой листокъ, а силу можетъ большую имѣть; и пословица вотъ недаромъ говоритъ: написано перомъ, такъ не вырубить и топоромъ... не великъ клочекъ, а въ тюрьму волочетъ. Если же его въ этомъ случаѣ торопили, онъ говорилъ: э-э, братъ, тише ѣдешь — дальше будешь, и тому подобное.

Съ теченіемъ времени отъ начальства съ каждой почтой на имя старшины Карпычева приходили бумаги все грознѣй.—«Несмотря на мои неоднократныя приказанія», начиналась бумага и потомъ слѣдовало: «предупреждаю» и т. д.

— Ахъ ты грѣхъ какой...—вздыхалъ Петръ Иванычъ.—Пожалуй, опять посадитъ?—И они вдвоемъ съ Альфонцевымъ начинали придумывать какое-нибудь виляніе.

Частые и грозные разносы начальства онъ выслушивалъ совершенно спокойно, такъ какъ полагалъ, что на то и начальство, чтобы грозно кричать. И къ концу года Петръ Иванычъ утомилъ и одолѣлъ начальство, и его уволили...

Когда я возвратился въ присутствіе, тамъ ужъ начали появляться сходовальщики.

Люди постарше, несмѣло входя, долго крестились на иконы и, сдѣлавъ низкій поклонъ въ сторону властей, дѣлали еще одинъ общій поклонъ, садились и прежде всего подолгу и съ уваженіемъ

глядѣли на открытые шкафы, въ которыхъ такъ много книгъ, бумагъ и нарядовъ.

Люди помоложе совсѣмъ не крестились и, входя, здоровались за руку со знакомыми, читали объявленія о продажѣ съ торговъ имущества чиновъ мѣстнаго кредитнаго товарищества, просрочившихъ свои ссуды, а также и описаннаго за разныя недоимки, или брали со стола газету, т. е., «Сельскій Вѣстникъ» и читали.

Мы съ писаремъ принялись дѣлать примѣрную смѣту волостныхъ расходовъ на годъ. Волостное правленіе должно было предложить ее сходу для обсужденія и утвержденія.

Въ сущности смѣта волостныхъ расходовъ должна обсуждаться и дѣлаться на собраніи волостного правленія. Это собраніе, какъ извѣстно, составляется изъ должностныхъ лицъ волости, т. е. изъ старостъ, судей и писаря подъ предсѣдательствомъ старшины. По ст. 107. Общ. пол. о крест. рѣшенію волостного правленія подлежатъ только слѣдующія дѣла: 1) производство изъ волостныхъ суммъ всякаго рода денежныхъ расходовъ, утвержденныхъ уже волостнымъ сходомъ; 2) продажа частнаго крестьянскаго имущества по взысканіямъ казны или частнаго лица; и 3) опредѣленіе и увольненіе волостныхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по найму. Всѣ рѣшенія волостного правленія записываются въ книгу приказовъ волостного правленія.

Кромѣ того, такія собранія сами собой объединяли дѣятельность старостъ и старшины и по управленію, и въ области общественнаго хозяйства.

Такъ когда-то и у насъ было, но давно миновало.

Теперь староста съ міромъ, это—одна сторона, подчиненная, враждебная и защищающаяся; а волостное правленіе есть «контора», какъ у насъ зовутъ,—мѣсто казенное: тамъ старшина и писарь. Это—другая сторона, начальствующая и нападающая. Теперь всѣ денежные волостные расходы производятся старшиной; онъ же единолично продаетъ съ торговъ крестьянское имущество и по частнымъ, казеннымъ взысканіямъ; а увольняются, какъ писарь, такъ и другія должностныя лица и самъ старшина земскимъ начальникомъ, да и назначаются, въ сущности, имъ же. Всѣ служебныя дѣйствія волостного правленія, т. е. старшины и писаря, опредѣляются земскимъ начальникомъ: приказаніями или разрѣшеніями его; и правленіе, въ представленіи крестьянъ, становится все болѣе учрежденіемъ казеннымъ, ну а староста еще какъ-никакъ—своя, мірская власть.

Михайла Харламовъ, строгій учетчикъ Карпычева, еще недавно (до Карпычева) былъ самъ старшиной и представлялъ, мнѣ кажется, въ свое время идеальную, съ точки зрѣнія начальства, фигуру въ строѣ этого своеобразнаго мѣстнаго самоуправленія и поэтому именно много претерпѣлъ на своемъ посту.

По характеру мужикъ онъ энергичный, стремительный; былъ долго въ солдатахъ, гдѣ служилъ сверхсрочнымъ фельдфебелемъ. Свое новое положеніе онъ понялъ такъ: непосредственный его начальникъ есть земскій, надъ которымъ есть свои начальники; онъ—начальникъ надъ старостами, а старосты—надъ мужиками. Это ему было такъ понятно, и выходило, что всякая вещь на своемъ мѣстѣ.

Обнаруживъ въ волости большую распущенность, онъ, съ присущей ему энергіей, принялся «подтягивать» старостъ и мужиковъ, дѣйствуя не за страхъ, а за совѣсть.

Рапортуя самъ при явкахъ своихъ къ барину и исполняя только его приказанія, онъ требовалъ, въ свою очередь, отъ старостъ тоже явокъ разъ въ недѣлю въ правленіе съ рапортами и начальнически приказывалъ имъ: докладывать, испрашивать разрѣшенія и ждать распоряженія. У него само собой выходило, что волостной и сельскій міръ совсѣмъ устранялись отъ участія въ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ, ибо всякій вопросъ, по докладу старосты и рапорту старшины, разрѣшался земскимъ начальникомъ.

А такъ какъ этотъ путь длинный, въ два конца—туда и обратно—то и развились досадная волокита, путаница и сплошное недоразумѣніе. Харламовъ, мужикъ умный, самъ это скоро понялъ, но иначе поступать не могъ. По долгу службы, онъ неукоснительно доносилъ барину о неисправныхъ старостахъ, и старосты постоянно ходили сидѣть при становой квартирѣ въ кутузку.

Старосты съ міромъ очень скоро составили дружную ему оппозицію, и Харламову пришлось плохо. Старосты особенно донимали его при сборѣ податей и недоимокъ. Получивъ приказъ старшины произвести опись имущества у недоимщиковъ, они описывали сараи и амбары, т. е., предметы, къ продажѣ съ торговъ неудобные, а другого имущества, обыкновенно, «не обнаруживали». И при внезапныхъ «оборкахъ» со старшиной такого имущества не находилось. Да и вообще ему устраивались всевозможныя препятствія. Пріѣзжая въ деревню для исполненія какой-нибудь служебной обязанности, онъ не находилъ дома то старосты, то десятскихъ, то подолгу приходилось искать понятыхъ: мужиковъ тоже все дома не находилось.

Харламовъ терялъ равновѣсіе, рвалъ и метался, какъ злой одинокій волкъ, часто чувствовалъ обидную насмѣшку на почтительно-лицемѣрныхъ рожахъ мірянъ. Онъ бѣсился, арестовывалъ и сажалъ мужиковъ цѣлыми десятками. Но тогда приходили въ правленіе ихъ жены... Бабы стыдили его, говорили, что онъ бога не боится, совѣсть потерялъ, «зазнался и не знай, что о себѣ думаетъ»; бранились и ревѣли и подымали такой содомъ въ правленіи, что хоть святыхъ выноси. Сцены происходили безобразныя и для присутственнаго мѣста неприличныя. Бабъ выгоняли, но они кри-

чали и на улицѣ. Взбѣшенный Харламовъ и ихъ сажалъ въ арестантскую и чувствовалъ себя до крайности скверно. А въ волости смѣялись, говорили: «старшина съ бабами воюетъ».

Война же все разгоралась. Мужики дѣлались все болѣе непочтительными и дерзкими, старосты неисполнительными, а старшина все подозрительнѣе.

Доставалось старшинѣ, въ особенности, на сходахъ. Міряне подъ предводительствомъ своихъ старостъ чувствовали свою силу. Сходовальщика нельзя арестовать на сходѣ, несмотря ни на какое его противодѣйствіе,—это запрещаетъ обычай, сохранившій вообще на сходахъ всю свою силу (запрещеніе, напримѣръ, на сходѣ браниться никогда не нарушается). Старшину травили тутъ, какъ одинокаго волка, и любое его предложеніе вызывало цѣлую бурю криковъ; его вышучивали, высмѣивали и огромнымъ большинствомъ отвергали.

Харламовъ, издерганный своей службой, безпрерывной войной, ходилъ пѣтухомъ, надутый, красный, разсерженный, напряженно подтянувшись, выпятивъ грудь: «совсѣмъ изломался человѣкъ»—смѣялись мужики. Они смѣялись, а онъ ходилъ бокомъ, подозрительно озираясь.

Въ безпрерывной склокѣ, въ борьбѣ за порядокъ Харламову не хватало дня, и свое собственное хозяйство онъ совершенно запустилъ, а мужики на второй же годъ убавили ему жалованье, положивъ полтораста рублей въ годъ!.. Онъ былъ уволенъ послѣ того, какъ отъ поджога у него сгорѣла мякинница, потомъ амбаръ, и загорался дворъ; но уволенъ послѣ нѣсколькихъ высидокъ подъ арестомъ за неисполненіе приказаній начальства и тоже за бездѣятельность...

Теперь онъ вполнѣ въ ладахъ съ міромъ; мужики ему давно все простили и постоянно выбираютъ теперь на разныя общественныя должности, такъ какъ онъ—мужикъ честный. При учетѣ его за нимъ мірскихъ денегъ не оказалось ни копѣйки, и на службѣ онъ совершенно разсорился.

Онъ теперь въ числѣ нашихъ «сознательныхъ» и, вспоминая свою службу, говоритъ: «какъ-то совсѣмъ одурѣлъ тогда»...

С. Матвѣевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи въ концѣ XVIII в.

Конфискація церковныхъ земель, какъ отчасти и земель, находившихся въ пользованіи другихъ классовъ (главнымъ образомъ леновъ), не была рѣдкимъ явленіемъ въ З. Европѣ. Въ XVI в. были конфискованы въ Англіи земли монастырей, въ Даніи и Швеціи подверглись конфискаціи почти всѣ церковныя земли, а общинныя были объявлены королевской собственностью (въ Швеціи). То же имѣло мѣсто въ разныхъ частяхъ Германіи, а въ XVII в. была сдѣлана Карломъ X въ Швеціи попытка редукціи, возврата ленныхъ земель въ руки государства. Но нигдѣ и ни разу конфискація не получила такихъ широкихъ размѣровъ, какъ во Франціи въ эпоху революціи. Были конфискованы и объявлены національной собственностью не только всѣ безъ исключенія церковныя земли, но и часть земель дворянъ, эмигрировавшихъ и присоединившихся къ вооруженной коалиціи противъ Франціи, и имѣнія всѣхъ казненныхъ, сосланныхъ и т. п., безразлично, къ какому бы классу населенія они ни принадлежали: были ли то священники, оказавшіеся противниками конституціи духовенства, или провинившіеся буржуа, крестьяне и т. д.

И самый фактъ конфискаціи, и то обстоятельство, что сосредоточеніе въ рукахъ государства значительнаго земельнаго фонда должно было сказаться самымъ сильнымъ образомъ на экономической и соціальной жизни страны, не могли быть оставлены безъ вниманія историками и Франціи вообще, и французской революціи въ частности. И такъ это и было. Почти всѣ тѣ, кто излагалъ исторію самой революціи, какъ и тѣ, кто изслѣдовалъ экономическую жизнь страны въ ея развитіи во время и послѣ революціи, въ той или иной мѣрѣ касались въ общихъ чертахъ факта отчужденія и продажи конфискованныхъ земель и пытались опредѣлить и значеніе, и вліяніе революціонной мѣры на судьбы страны, на ея экономическій и соціальный строй. Но въ то время, какъ для однихъ историковъ отчужденіе національныхъ имуществъ, ихъ продажа, представлялись однимъ изъ величайшихъ актовъ революціи,

создавшимъ и мелкую собственность, и новую, не существовавшую прежде собственность крестьянской массы, — «безконечное количество мелкихъ собственниковъ» (Луи Бланъ), число которыхъ Тэнъ опредѣлилъ, на основаніи статьи Кошю [1]), въ 1.200.000 человѣкъ,—для другихъ все дѣло продажи рисовалось какъ «самая возмутительная земельная оргія». По ихъ мнѣнію, вся операція, произведенная революціей, пошла на пользу исключительно одной крупной буржуазіи, на пользу «кучки милліонеровъ, банкировъ, спекулянтовъ, поставщиковъ армій, которые одни скупили и церковныя, и эмигрантскія земли», продаваемыя цѣликомъ такъ, какъ они существовали тогда, т. е. отрубами. Такъ высказывался одинъ изъ такихъ историковъ, Авенель [2]), тогда какъ другой, Капефигъ [3]) доказывалъ, что всѣ земли эмигрантовъ попали въ руки, главнымъ образомъ, тѣхъ дѣльцовъ, которые «въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ держали въ арендѣ пахатныя поля, луга, огороды, замки и давно точили на нихъ зубы», т. е. въ руки фермеровъ, преобладающая роль которыхъ была позже признана вслѣдъ за Капефигомъ и однимъ изъ русскихъ историковъ. По увѣренію и Капефига, и другихъ, цѣлые департаменты попадали въ руки спекулянтовъ, вродѣ Сэнъ-Симона, якобы скупившаго почти всѣ національныя имущества и въ департаментѣ Орны, и въ департаментѣ Па-де-Калэ. «Всѣ крупные фьефы (sic) цѣликомъ переходили въ руки небольшого числа безродныхъ спекулянтовъ,—такъ писалъ Ловернь [4]),—которые явились, чтобы создать вмѣсто аристократіи имени и происхожденія возмутительную аристократію богатства и денегъ». Наконецъ, выступилъ и рядъ историковъ, изъ которыхъ одни пытались дать болѣе детальную картину послѣдствій продажи національныхъ имуществъ и доказать, что крестьянская собственность не только вовсе не увеличилась, но даже количество собственниковъ не измѣнилось, ибо земли покупали лишь тѣ, кто уже былъ и ранѣе собственникомъ, и что въ выигрышѣ была одна буржуазія (Токвиль и Лавернь), тогда какъ другіе выдвигали иные выводы. По однимъ, количество какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ собственниковъ осталось неизмѣннымъ, а лишь увеличилась средняя собственность [5]); по другимъ, крупная собственность перемѣнила лишь руки, но число собственниковъ вовсе не возросло [6]), тогда какъ третьи увѣряли, что возрасло число и мелкихъ, и крупныхъ владѣльцевъ [7]). Были и такіе, которые восхваляли буржуазію за то, что

---

[1]) Cochut, „De l'industrie agricole en France" (въ Revue des deux Mondes, 1848).

[2]) Avenel, „Lundis révolutionnaires"; Paris, 1875.

[3]) Capefigue, „Histoire des grandes opérations financières"; Paris, 1855—1860.

[4]) Lauvergne, „Histoire de la révolution dans le dép. du Var"; Toulon, 1838.

[5]) Molinari, „L'évolution et la révolution"; Paris, 1884.

[6]) Sybel, „Geschichte der Revolutionszeit"; Düsseldorf, 1887.

[7]) L. Stein, „Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich"; Leipzig, 1850.

она мечтала увеличить число мелкихъ собственниковъ и не остановилась предъ отдачей имъ національныхъ имуществъ, въ качествѣ приданнаго конституціи *).

И всѣ они въ своихъ противорѣчивыхъ и взаимно уничтожающихъ другъ друга выводахъ исходили изъ одного и того же источника, изъ рѣчей, брошюръ временъ революціи, мотивовъ декретовъ, самыхъ статей этихъ декретовъ, нерѣдко изъ рѣчей и брошюръ, произнесенныхъ и опубликованныхъ задолго до того, какъ начата была самая операція продажи національныхъ имуществъ. Если на мнѣніи однихъ отразилась мысль, высказанная въ рѣчи одного изъ членовъ конвента, въ которой онъ утверждалъ, что «лишь одни собственники были покупщиками, ибо иначе и быть не могло, разъ была принята дѣйствовавшая система отчужденія», то въ мнѣніяхъ и выводахъ другихъ нетрудно усмотрѣть слѣды вліянія иного рода. То было вліяніе не однѣхъ только рѣчей, раздававшихся еще въ 1789 г. со скамей, занятыхъ духовенствомъ, «пытавшимся, по выраженію Авенеля, остановить принятіе нечестивыхъ декретовъ (décret sacrilèges»), рѣчей, угрожавшихъ странѣ всѣми ужасами ажіотажа, разнузданной спекуляціи богачей, и туземныхъ, и иноземныхъ, и инородческихъ. Историки повторяли и всѣ эти рѣчи, и то, что писали въ брошюрахъ въ 1789 и 1790. Въ нихъ, вѣдь, рѣчь шла о бѣдныхъ, которые сдѣлаются, въ силу проектовъ законовъ о національныхъ имуществахъ, жертвой спекулянтовъ и богачей. И то, что предсказывали, подтверждалось знаменитымъ закономъ конвента, направленнымъ противъ ассоціацій крестьянъ. Авторитетъ конвента оказался болѣе, чѣмъ достаточнымъ, чтобы, въ связи съ пророчествами брошюръ и рѣчей, дать канву для созданія цѣлой картины и послѣдствій продажи, и дѣйствій тѣхъ «компаній, черныхъ бандъ,—компаній и французскихъ, и англійскихъ, и голландскихъ, и буржуазныхъ, и крестьянскихъ», которыя еще съ августа 1790 г. (когда продажа еще и не начиналась) накинулись, какъ на падаль, на національныя имущества, Но и авторитетъ многочисленныхъ декретовъ, и конституанты, и легислативы, и того же конвента, декретовъ, касавшихся продажи національныхъ имуществъ, представлялся не менѣе безспорнымъ въ глазахъ ряда другихъ историковъ. И всѣ тѣ заявленія, рѣчи, брошюры, и всѣ тѣ мотивы къ декретамъ, въ которыхъ неустанно твердили о необходимости «созданія возможно большаго числа мелкихъ собственниковъ», даже болѣе того: «созданія средствъ для бѣднѣйшихъ и для ихъ земельнаго обезпеченія», принимались ими съ такимъ же основаніемъ, какъ принимались другими рѣчи, брошюры и проч., въ которыхъ тоже съ 1789 г. не переставали кричать о спекуляціи и спекулянтахъ.

И при такого рода источникахъ, такого рода данныхъ иныхъ отвѣтовъ и дать было нельзя. Историкамъ приходилось вращаться

*) Bardoux, «La bourgeoisie française»: Paris, 1886.

въ заколдованномъ кругу противорѣчивыхъ выводовъ или прибѣгать къ фантазіи или импрессіонизму, особенно когда кое-какія новыя данныя, уже болѣе солидныя, сдѣлались извѣстными. Почти никто изъ прежнихъ историковъ не обращался къ тому главному источнику, который могъ разрѣшить всѣ противорѣчія, всѣ невѣрныя обобщенія и построенныя на зыбкой почвѣ выводы, т. е. къ самымъ актамъ продажи. И было бы нелѣпо обвинять ихъ за это. До очень недавняго времени не существовало почти и возможности пользоваться этими актами продажи. И это не потому только, что акты эти разбросаны по всѣмъ департаментскимъ архивамъ. Самое пользованіе ими было затруднено, вслѣдствіе того, что они не были приведены въ порядокъ, во многихъ случаяхъ даже еще не были розысканы, и что даже и теперь еще не вездѣ возможно поэтому использовать ихъ во всей ихъ полнотѣ. Еще менѣе возможно было и ихъ изданіе, такъ какъ на ряду съ указанными условіями существовало еще одно, только лишь въ самое послѣднее время потерявшее свою силу и значеніе. Нѣкотораго рода запретъ лежалъ на актахъ продажи, и пользованіе ими (какъ-то я имѣлъ случай убѣдиться при началѣ моихъ работъ въ архивахъ въ 1894 г.) было обусловлено обязательствомъ не опубликовывать именъ покупщиковъ національныхъ имуществъ.

То было отчасти результатомъ мнѣнія извѣстныхъ круговъ общества, смотрѣвшихъ крайне враждебно на всякаго рода намекъ на происхожденіе того или иного владѣнія, созданнаго покупкой бывшихъ церковныхъ и въ особенности эмигрантскихъ земель. Давленіе въ этомъ отношеніи было настолько значительно, что первая же попытка издать акты продажи, попытка, сдѣланная въ 1885 г. Legeay'емъ для департамента Сарты, окончилась тѣмъ, что большая часть изданія была скуплена, и изданіе стало библіографической рѣдкостью *). Смѣна настроенія общественнаго мнѣнія, происшедшая въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX, докатилась до девяностыхъ годовъ. То, что не считалось зазорнымъ въ первые годы продажи: покупка церковныхъ земель, въ которой приняли безразлично участіе не только буржуа и крестьяне, но и дворяне, даже титулованные (въ родѣ герцога де-Праленъ и мн. др.), священники и т. д., съ возвращеніемъ эмигрантовъ и съ усиленнымъ распространеніемъ мнѣнія, что изъ-за спекулятивныхъ цѣлей земли были проданы по низкой цѣнѣ, съ умноженіемъ прямыхъ доно-

*) Legeay «Documents historiques sur la vente des biens nationaux, dans le dép. de la Sarthe»; Le Mans, 1885, 3 т.—Это—не единственный случай въ исторіи книги во Франціи. Нѣчто подобное произошло и съ книгой, напечатанной въ семидесятыхъ годахъ въ Ліонѣ и посвященной изслѣдованію происхожденія дворянскихъ семей въ Lyonnais. Подобно малоизвѣстному историку Vehse, обнаружившему происхожденіе многихъ дворянъ Австріи, Даніи и др. изъ ремесленниковъ XVI в., то же пытался сдѣлать и авторъ ліонской книги. Книга была скуплена цѣликомъ и не сохранилось почти ни одного экземпляра ея.

совъ, сдѣланныхъ въ этомъ смыслѣ возвратившимися эмигрантами, породило опасенія за цѣлость пріобрѣтеннаго и создало въ общественномъ мнѣніи совершенно новую точку зрѣнія на покупщиковъ національныхъ имуществъ. «Въ общественномъ мнѣніи,—писалъ въ IX г. республики бывшій членъ конвента, Vuiller изъ Доля, министру внутреннихъ дѣлъ,—въ общественномъ мнѣніи титулъ пріобрѣтателя (acquereur) національныхъ имуществъ сдѣлался синонимомъ узурпатора и расхитителя общественнаго имущества» *). И эта точка зрѣнія царила въ теченіе всего почти XIX в. и пала всецѣло лишь къ концу столѣтія.

Понятно, отсюда, что только въ послѣднее десятилѣтіе XIX в. могли быть сдѣланы первыя попытки изслѣдованія актовъ продажи, но по очень небольшему числу дистриктовъ (подраздѣленіе департаментовъ въ эпоху революціи) и департаментовъ, а именно: для департамента Сены-и-Уазы Борисомъ Минцесомъ 1892 г. **), затѣмъ для двухъ дистриктовъ: Лана (деп. Энъ) и Тараскона (деп. Устьевъ-Роны), пишущимъ эти строки (въ 1896 г.) ***), и Спиліоти для трехъ дистриктовъ департ. Сарты, въ 1897 г. ****).

Само собою разумѣется, что ни одна изъ этихъ работъ не рѣшала и не могла рѣшить вопроса о значеніи и вліяніи продажъ на соціальный и экономическій строй страны. Въ нихъ намѣчены были лишь различные типы продажи по отдѣльнымъ мѣстностямъ, приходамъ, находящимся подлѣ крупныхъ центровъ городской жизни, какъ Парижъ, или удаленнымъ отъ нихъ (какъ Тарасконъ, Мамеръ, Френэ-сюръ-Сартъ, Сэнъ-Калэ), или находящихся подлѣ захудалаго и слабаго экономически города (какъ Ланъ). Дѣлать обобщенія и выводы только изъ такихъ отрывочныхъ данныхъ, было совершенно невозможно до изученія или изданія хотя бы значительной части актовъ продажи по различнымъ мѣстностямъ Франціи.

Необходимость въ изученіи и изданіи ихъ была очевидна, и мое предложеніе, обращенное къ одному изъ депутатовъ въ 1899 г., организовать коммиссію для этой цѣли, нашло откликъ. 27 октября 1903 года палата депутатовъ приняла кредитъ для изданія документовъ, касающихся экономической жизни во время революціи, въ частности продажи національныхъ имуществъ *****). Въ началѣ

*) „Bulletin de la commission de recherche et de publication des documents rélatifs à la vie économique de la révolution"; Paris, 1907, № 1—2, стр. 232—237.

**) B. Minzes, „Die Nationalgüterveräusserung während der französischen Revolution (dep. Seine und Oise)"; Iena, 1892.

***) «Крестьянская поземельная собственность и продажа нац. имуществъ»; Кіевъ, 1896.

****) Спиліоти, „Къ вопросу о продажѣ національныхъ имуществъ"; Кіевъ, 1897 (оттискъ изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій).

*****) Исторія возникновенія и организаціи комитета. См. въ цитиров. выше Bulletin комитета; Paris, 1906 г., № 1.

1904 г. былъ организованъ центральный комитетъ по изданію этихъ всѣхъ документовъ, и организованы были постепенно и мѣстные комитеты для изготовленія матеріаловъ на мѣстахъ.

Къ сожалѣнію, комитетъ не выработалъ сразу плана изданій актовъ продажи. Онъ не опредѣлилъ порядка изданія этихъ актовъ въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ акты эти и сохранились цѣликомъ, и даютъ почти полностью и количество проданной земли, и профессіи покупщиковъ. Затѣмъ, не установилъ онъ и порядка изданія актовъ по департаментамъ различныхъ типовъ, какъ чисто сельскихъ, такъ и такихъ, на которыхъ отражалось болѣе сильно вліяніе городскихъ центровъ. Болѣе того, только уже въ 1908 г. комитетъ принялъ систему изданія актовъ по отдѣльнымъ приходамъ, чего не было сдѣлано раньше, да вдобавокъ, установилъ совершенно неудобное правило: издавать акты каждаго департамента не цѣликомъ, а для 2—3 «типичныхъ» дистриктовъ. Наконецъ, главное вниманіе комитетъ обратилъ на изданіе наказовъ, и лишь по немногимъ департаментамъ опубликовалъ, да и то не полностью, акты продажи, притомъ лишь по департаментамъ, гдѣ существовали такіе крупные и торговые города, какъ Ліонъ, Бордо и Марсель, и гдѣ продажи должны были быть иного характера, чѣмъ тамъ, гдѣ города были слабы и болѣе походили на большія деревни, чѣмъ на города. Всего, до настоящаго времени, изданы акты по 2 дистриктамъ департ. Роны (Ліонъ и Вилльфраншъ), по деп. Устьевъ Роны (въ алфавитномъ порядкѣ всѣхъ приходовъ департамента), по деп. Жиронды по 2 дистриктамъ (Бордо и Буръ, и по отдѣльнымъ приходамъ) и сверхъ того по одному дистрикту деп. Вогезовъ (дистр. Эпиналь, главнаго города департамента). Почти закончено и изданіе актовъ продажи и по двумъ дистриктамъ деп. Илль-и-Вилэнъ (дистр. Реннъ и Бэнъ), изданіе наименѣе удачное въ качествѣ выбора департамента, такъ какъ въ актахъ нѣтъ почти отмѣтокъ о профессіяхъ покупщиковъ, и въ большинствѣ случаевъ покупокъ нѣтъ данныхъ о количествѣ проданной земли *).

Тѣмъ не менѣе крупный шагъ былъ сдѣланъ въ смыслѣ пополненія извѣстныхъ уже и раньше данныхъ относительно нѣкоторыхъ департаментовъ, и работа изслѣдователя была облегчена. Но нѣкоторая односторонность изданнаго матеріала, въ большинствѣ

*) Charlety, «Documents relatifs à la vente des biens nationaux (dép. du Rhône»), Lyon, 1906; Moulin, тоже отн. Bouches du Rhône, 3 тома, Marseille, 1908—1910 (не закончено); Marion, Benzecar et Caudrillier, тоже относ. департ. Жиронды т. 1-ый, Bordeaux, 1911; Schwab, тоже относ. деп. des Vosges, district d'Epinal, Epinal, 1911; Rebillon, тоже отн. деп. Ille-et-Vilaine (дистр. Rennes и Bain) еще не вышло. Я пользовался имъ, благодаря любезности Ребильона, въ корректурныхъ листахъ. Отмѣтимъ и самостоятельное изданіе актовъ продажи по деп. Гаръ (du Gard), Rouvier'a, составленное какъ и изданіе Charlety, по методу хронологическаго перечня актовъ.

относящагося къ мѣстностямъ съ преобладаніемъ вліянія болѣе сильнаго и зажиточнаго населенія, не давала и не даетъ еще возможности для сколько-нибудь точныхъ общихъ выводовъ..

Въ моихъ рукахъ оказались нѣкоторыя данныя по другимъ департаментамъ, которыя хотя и въ очень малой еще степени, пополняютъ изданные акты продажи. Данныя эти касаются 5 дистриктовъ деп. Котъ д'Оръ, 2 дистриктовъ Энъ, двухъ въ деп. Па-де-Калэ, двухъ въ деп. Ло, 5 въ департ. Верхней-Гаронны, двухъ въ деп. Орны, двухъ въ деп. Аллье, двухъ въ деп. Коррезы, обрывковъ актовъ продажъ по деп. Верхней-Вьенны (часть сгорѣла), одного по деп. Эндры-и-Луары *).

Такимъ образомъ въ настоящее время мы располагаемъ данными о продажахъ, произведенныхъ въ 16 департаментахъ, разбросанныхъ по всей Франціи, и сѣверной, и южной, и западной, и восточной, и наконецъ, центральной.

Если всетаки и эти данныя, несомнѣнно, не даютъ еще возможности съ полною точностью опредѣлить характеръ и направленіе, какое приняло дѣло отчужденія національныхъ имуществъ, если по нѣкоторымъ крупнымъ вопросамъ, касающимся процесса продажи, они не позволяютъ дать исчерпывающихъ отвѣтовъ, то тѣмъ не менѣе, повторяемость однихъ и тѣхъ же явленій во всѣхъ этихъ 16 департаментахъ открываетъ болѣе вѣрный путь къ установленію нѣкоторыхъ выводовъ и къ устраненію многихъ изъ тѣхъ предположеній, тѣхъ гипотезъ, которыя возникли у историковъ и, несмотря на полное почти отсутствіе данныхъ для ихъ обоснованія, все еще продолжаютъ вліять и на работы новыхъ изслѣдователей вопроса о продажѣ національныхъ имуществъ.

Въ настоящей статьѣ я попытаюсь дать посильные выводы для характеристики нѣкоторыхъ сторонъ дѣла отчужденія національныхъ имуществъ, нѣкоторыхъ непосредственныхъ послѣдствій этого отчужденія.

*) По деп. Côte d'Or дистрикты Dijon, St-Jean-de-Losne, Is-sur-Tille, Châtillon, Semur-en-Auxois (Arch. de la Côte d'Or, série Q.), по деп. de l'Aisne—Laon и Soissons (arch. de l'Aisne-série Q), по деп. du Pas de Calais—Arras и St-Omer (série Q), по деп. de la Haute Garonne—Toulouse, Villefranche, Muret, Rieux, Revel и St-Gaudens (série Q), по деп. Orne—Alençon и Mortagne (série Q), по деп. de l'Allier—Moulins и Gannat (série Q), по деп. de la Corrèze—Tulle и Uzerche (только для церк. земель, série Q), по деп. de la Haute Vienne—Limoges, Dorat, Bellac и St-Junien (главнымъ образомъ для церковныхъ и отчасти эмигрантскихъ, série Q). По департаменту Indre-et-Loire—только дистриктъ Chinon, такъ какъ акты продажи въ моментъ моихъ занятій въ архивѣ еще не были приведены въ порядокъ.

I.

Опредѣлить точные размѣры того земельнаго фонда, который создали національныя собранія, смѣнявшія другъ друга, въ настоящее время совершенно невозможно. Тѣ исчисленія, какія были сдѣланы и во время революціи, и при имперіи, опирались на суммахъ, вырученныхъ отъ продажи земель. Но, во-первыхъ, далеко не всѣ земли этого фонда были проданы, и мы не знаемъ точно, сколько осталось не проданныхъ; во-вторыхъ, продажныя цѣны— не достаточный источникъ для опредѣленія того количества земель, которое было продано и осталось на рукахъ у государства, такъ какъ при аукціонной продажѣ цѣны за одно и то же количество земли при равныхъ ея качествахъ варіировались, цѣны за различныя угодья и различныя по качеству земли были совершенно различны, и поэтому данная сумма ливровъ соотвѣтствовала самому разнообразному количеству земли. Лишь по отношенію къ одной группѣ земель, земель, конфискованныхъ у церкви, въ виду того, что конфискована была вся церковная собственность, можно приблизительно исчислить ея размѣры по отдѣльнымъ мѣстностямъ Франціи. И это исчисленіе подрываетъ въ корнѣ то представленіе о размѣрахъ церковной собственности, какое еще недавно господствовало въ исторической литературѣ. Размѣры эти далеко не достигали не только половины, но даже и одной четверти всей территоріи страны. Наиболѣе значительной была церковная собственность лишь на сѣверѣ Франціи, въ Артуа и сосѣднихъ съ нимъ мѣстностяхъ. Здѣсь были расположены наиболѣе богатыя аббатства, владѣвшіе тысячами гектаровъ земли (какъ, напр., St-Vaast, St-Eloy, Vauclerc и многіе другіе), но въ отношеніи къ землямъ, принадлежавшимъ разнымъ другимъ лицамъ и сословіямъ, они въ округѣ Сэнтъ-Омеръ составляли немногимъ болѣе, чѣмъ $^1/_5$ часть территоріи (22,1$^0/_0$), а въ округѣ Аррасъ—26,7$^0/_0$, достигая въ округѣ Laonnois (Vermandois) до максимальн. цифры—28,7$^0/_0$, т. е. нѣсколько болѣе $^1/_4$. Уже въ Пикардіи процентное отношеніе церковной земли ко всѣмъ остальнымъ падаетъ до 18,6$^0/_0$, и чѣмъ далѣе мы уклоняемся къ западу и югу, тѣмъ все болѣе и болѣе уменьшаются размѣры церковныхъ владѣній. Въ департ. Вогезовъ, по исчисленіямъ Шваба, процентныя отношенія тѣ же, что и въ Пикардіи (около 18$^0/_0$), но уже въ Бургундіи (деп. Yonne и Côte d'Or) они понижаются до 11—12$^0/_0$. Пониженіе идетъ дальше въ центральной Франціи. Въ Берри духовенству принадлежало всего около 15$^0/_0$, въ Турени—около 10$^0/_0$, въ Оверни около $3^1/_2$$^0/_0$, въ Лимузенѣ и Дофинэ—около 2$^0/_0$ съ небольшимъ, а въ Керси уже около 1,9$^0/_0$. На юго-западѣ Франціи владѣнія церкви падаютъ ниже 2$^0/_0$: въ Беарнѣ до $1^1/_2$$^0/_0$, въ Ландахъ—до 1$^0/_0$ съ небольшимъ. Нѣкоторый подъемъ

замѣтенъ въ Тулузской области (до 3,9%) *) и отчасти въ Руссильонѣ (до $2^1/_2$%) **) Такимъ образомъ, едва ли можно допустить, чтобы церковныя земли во всей ихъ совокупности превосходили своими размѣрами 10—12% всей территоріи страны, т. е. приблизительно $^1/_{10}$ части.

Иное съ землями, конфискованными у эмигрантовъ и другихъ лицъ. Ихъ размѣры могутъ быть вычислены лишь по каждому отдѣльному случаю, и сказать теперь, какъ великъ былъ земельный фондъ, образованный изъ такого рода конфискацій, совершенно невозможно. Извѣстна лишь приблизительная цифра ихъ оцѣнки, данная Роланомъ и Камбономъ, всего около $4^1/_2$ милліардовъ, т. е. цифра, повидимому, нѣсколько превышающая цифру оцѣнки церковныхъ земель.

Но каковъ бы ни былъ размѣръ земельнаго фонда, какую бы часть, большую или меньшую, территоріи страны онъ ни представлялъ собою,—несомнѣнно, что онъ являлся крупнымъ орудіемъ въ рукахъ государства. И въ данныхъ условіяхъ онъ пріобрѣталъ тѣмъ большее значеніе, что не много было такихъ приходовъ, гдѣ не оказывалась бы земли, составлявшей часть этого фонда, хотя размѣры этихъ земель были крайне неравномѣрно распредѣлены по приходамъ, отъ нѣсколькихъ арпановъ до сотенъ ихъ.

Государство получало широкую возможность либо использовать фондъ непосредственно, въ финансовыхъ цѣляхъ, либо направить его, частично, въ видахъ подъема благосостоянія малоземельной и безземельной массы сельскаго населенія. И эта послѣдняя задача являлась какъ разъ въ это именно время особенно настоятельной въ тогдашней Франціи.

Если положеніе крестьянскаго класса въ XVIII в. сдѣлалось въ высокой степени тяжелымъ и все болѣе и болѣе невыносимымъ, то причины эти крылись не въ одномъ только фактѣ существованія сеньоріальнаго режима и связанныхъ съ нимъ всякаго рода платежей и повинностей, не въ одномъ фактѣ тяготы, наложенной на земледѣльческій классъ государственными налогами и церковными десятинами,—оно коренилось и въ самой организаціи крестьянскаго землевладѣнія.

Что крестьяне владѣли землей до революціи, являлись собственниками ея,—фактъ, не нуждающійся въ подтвержденіи здѣсь. Но

*) Подъемъ % объясняется сосредоточеніемъ въ окрестностяхъ Тулузы болѣе значительныхъ церковныхъ владѣній. Въ дистриктѣ Тулузы эти владѣнія доходили до $5^1/_2$%. Въ другихъ дистриктахъ они были въ 4 раза меньшими, чѣмъ въ Тулузѣ, а въ St-Gaudens—въ 5 разъ.

**) Это не половина всѣхъ земель Руссильона, какъ-то утверждали историки вслѣдъ за Lavergne'емъ (Economie rurale съ 1789), который во второмъ изданіи той же книги отказался отъ того, что онъ утверждалъ въ первомъ, какъ ни на чемъ неоснованномъ. Boiteau повторилъ фантастическую цифру Лаверня. Тэнъ заимствовалъ ее уже у Boiteau, а по Тэну повторилъ ее одинъ изъ изслѣдователей происхожденія демократіи во Франціи.

въ XVIII в. стали обнаруживаться съ особенной яркостью и силою два явленія въ жизни крестьянства: съ одной стороны, крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи земли и между областями, и внутри каждой области между деревнями, и, наконецъ, между различными группами населенія каждаго села, неравномѣрность, которая для областей давала колебанія отъ 10—15% до 60 и болѣе %, а въ деревняхъ отъ 1% до 100% *); съ другой все болѣе и болѣе растущее разслоеніе въ крестьянской средѣ, внутри даже каждой группы, на которыя распадалось населеніе деревень, разслоеніе, создававшее почву для развитія сельскаго пролетаріата и нищенства. Если были области, гдѣ % безземельныхъ былъ сравнительно малъ (какъ въ Лимузенѣ около 16%), то были и области, гдѣ онъ достигалъ почти 80%.

Борьба съ этими явленіями, естественно, должна была быть раньше или позже начата, и начата наиболѣе заинтересованными. Въ cahiers еще едва замѣтны слѣды ея. Только въ одномъ изъ приходскихъ cahiers робко выражена мысль «о необходимости обязать сеньоровъ продать общинамъ ихъ земли хотя-бы отдѣльными клочками» **). Однако это едва ли не единственный наказъ, говорящій объ этомъ. Но уже въ 1791 г. замѣтно движеніе среди крестьянства. Фактъ продажи національныхъ имуществъ въ той формѣ, какая была принята конституантой, опасность перехода въ чужія руки тѣхъ земель, которыя являлись подспорьемъ для наименѣе обезпеченныхъ землею крестьянъ, вызывали попытки требовать сохраненія извѣстныхъ земель для нуждъ тѣхъ крестьянъ. Въ маѣ 1791 г. жители прихода St-Eloi (дистриктъ Аррасъ) обращаются къ національному собранію, къ его «мудрости» (Sagesse), въ надеждѣ, что оно не откажется внять «справедливой просьбѣ» бѣднѣйшихъ крестьянъ. Ихъ единогласное постановленіе на сходѣ гласило, что они «рѣшили настойчиво протестовать противъ продажи имущества, состоящаго изъ фермы и болота (marche)». Ихъ желаніе—во что бы то ни стало сохранить пользованіе ими, какъ то было раньше, съ незапамятныхъ временъ. Директорія дистрикта Аррасъ отвергла ихъ ходатайство, какъ необоснованное (mal fondée). Но это не успокоило крестьянъ, и 17 іюня на новомъ сходѣ они возобновили свое требованіе, мотивируя его тѣмъ, что аббатство St-Eloi отводило имъ всегда эти земли, и настаивали на оставленіи этихъ земель за ними всѣми ***). И это не единичный случай. Еще раньше, въ концѣ апрѣля 1791 г., жители прихода Crouy (ditrict Soissons), почти

---

*) См. подробныя данныя объ этомъ въ моей книгѣ: «Etat des classes agricoles á la veille de la révolution»; Paris, 1911;—и «La-proprieté paysanne en France à la veille de la révolution (principalement dans le Limousin)» въ «Bulletin de la société historique du Limousin», 1911 г.

**) Arch. des Hautes-Pyrénées, c. 272—5.

***) Arch. du Pas de-Calais, série Q: ventes de la paroisse de Mont St-Eloi. Дѣло шло о кускѣ земли въ 197 mencaudées (около 82 гект).

всѣ vignerons (винодѣлы), обращаются съ просьбой къ директору дистрикта съ просьбой оставить за ними землю аббатства St-Médard (около 718 арпановъ), хотя бы за деньги, и получили отказъ *). Тамъ, гдѣ, какъ въ департ. Сены-и-Уазы, результаты и неравномѣрнаго распредѣленія земли, и дошедшаго до крайнихъ предѣловъ разслоенія, чувствовались особенно сильно, движеніе получило широкіе размѣры. Отъ требованія раздать въ пользованіе за ренту доменныя земли, крестьянство перешло къ требованіямъ раздѣловъ, а затѣмъ и само стало фактически завладѣвать землями. «Жители деревень,—доносилъ управляющій доменами,—потеряли терпѣніе, все ожидая, что давно обѣщанный раздѣлъ земель, наконецъ, состоится. Они жаждутъ одного: начать обработку земли и производить уплату за землю, и, потерявши терпѣніе, приступили къ дѣлежу земель». И повсюду,—писалъ другой правительственный агентъ 23 февраля 1793 г.,—раздаются громкіе крики о томъ, чтобы они надѣлены были землями, такъ какъ это ихъ наиболѣе драгоцѣнное право. И онъ, въ дополненіе, указываетъ на ту опасность, которая угрожаетъ населенію въ случаѣ, если земли, которыхъ требуютъ крестьяне, будутъ продавать съ аукціона **). Результатомъ была посылка коммиссаровъ съ чрезвычайными полномочіями, произведена нарѣзка, но безъ всякой системы, безъ оказанія какой либо помощи при оборудованіи хозяйства. То «всеобщее недовольство, которое, царило,—по донесеніямъ правительственныхъ агентовъ,—во всѣхъ деревняхъ департамента», создавалось не въ одномъ только этомъ департаментѣ. Оно сказывалось и во многихъ деревняхъ Бретани, по донесенію посланнаго туда чрезвычайнаго коммиссара, Билло-Варенна, такъ же какъ и въ департаментахъ Алье, Шеръ, Ньевры,—по донесеніямъ другого коммиссара, Пуантъ д'Арменвиля. Повсюду раздавалось одно требованіе, требованіе земли.

Какъ же отвѣтили на эти требованія, что сдѣлали для устраненія одной изъ коренныхъ причинъ бѣдственнаго положенія крестьянской массы въ ея цѣломъ національныя собранія? Другими словами, какъ поступили они съ земельнымъ фондомъ сосредоточившимся въ ихъ рукахъ?

И пренія, происходившія въ конституантѣ и послѣдующихъ собраніяхъ по вопросамъ, касающимся этого фонда, и самый текстъ издаваемыхъ ими декретовъ, и рядъ административныхъ распоряженій и циркуляровъ, посылаемыхъ въ департаменты и дистрикты, съ полною очевидностью показываетъ, что главнымъ, преобладающимъ стимуломъ, побудившимъ конституанту рѣшиться конфисковать церковныя имущества, объявить ихъ собственностью націи и, наконецъ, пустить ихъ въ простую продажу, была финансовая

---

*) Arch. de l'Aisne, série Q, nos 3-й по 49, отказъ мотивированъ такъ: «à cause de l'insolvabilité» (по причинѣ несостоятельности).

**) Minzes, стр. 76 прим.

нужда, становившаяся все болѣе и болѣе настойчивой. Мотивъ ясно сквозилъ и въ рѣчи Бюзо, впервые 6 августа 1789 г. поднявшаго вопросъ о церковныхъ имуществахъ, и въ предложеніяхъ Лакоста (8 августа) и Талейрана (10 октября). Безвыходное положеніе финансовъ,—наслѣдіе стараго режима,—неудача займовъ, предложенныхъ Неккеромъ, принудили конституанту прибѣгнуть къ средству, которое въ тѣ времена считали единственно возможнымъ, единственно «счастливой» мыслью, единственно «крупной и сильной мѣрой», по выраженію Талейрана, т. е. къ конфискаціи, а затѣмъ и къ неизбѣжной, по тогдашнимъ условіямъ и воззрѣніямъ, продажѣ церковныхъ и всякихъ иныхъ объявленныхъ національными имуществъ. Вся финансовая политика не одной конституанты, а и легислативы, и конвента базировалась на этомъ средствѣ, и, естественно, весь процессъ продажи, порядокъ и способы этой продажи должны были отпечатлѣть на себѣ эту политику.

Внѣ продажи національныхъ имуществъ не видѣли иного способа использованія земельнаго фонда, и, понятно, на первый планъ былъ выдвинутъ вопросъ о возможно большемъ доходѣ, который могла и должна была дать эта продажа. Отсюда, публикаціи en masse о продаваемыхъ земляхъ, публикаціи, которыя разсылались не по одной Франціи, но и заграницу, въ Амстердамъ и др. мѣста, съ цѣлью привлечь возможно большее число конкуррентовъ. Отсюда,—какъ неизбѣжное условіе,—установленіе полной свободы, неограниченной конкурренціи при покупкахъ. Продажа должна была происходить путемъ публичнаго аукціона, по принципу, кто дастъ больше; установленъ былъ и довольно значительный промежутокъ, времени между заключеніемъ аукціона и признаніемъ за послѣднимъ покупателемъ его правъ на пріобрѣтенную землю.

Всѣ иные способы использованія земельнаго фонда были либо просто отрицаемы, либо проходились молчаніемъ. Предложенія, исходившія то отъ частныхъ лицъ, то отъ членовъ собраній, предложенія, настаивавшія либо на примѣненіи къ земельному фонду, сосредоточившемуся въ рукахъ государства, началъ кредитной операціи, которая облегчила бы пріобрѣтеніе земли бѣднѣйшими крестьянами, либо на выдѣленіе особаго фонда для обезпеченія безземельныхъ крестьянъ землею, либо,—въ виду всего этого,—на отмѣнѣ аукціона, не находили поддержки. Болѣе того: они не вызывали у большинства ни малѣйшаго вниманія. Все дѣло продажи было предоставлено свободной игрѣ соціальныхъ силъ.

Не безъ сильной и упорной борьбы удалось конституантѣ провести свою финансовую мѣру. Духовенство воспротивилась конфискаціи и завязало борьбу на почвѣ принципіальнаго вопроса, имѣетъ ли или нѣтъ церковь право владѣть недвижимой собственностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не остановилось и предъ прозрачными угрозами, стало указывать на неизбѣжность аграрной анархіи, разъ будетъ приступлено къ конфискаціи. Устами епископа Нима,

Балора, оно провозгласило полную связь вопроса о церковныхъ земляхъ съ вопросомъ о бѣдныхъ и заявило, что готово на уступки тамъ, гдѣ дѣло касается средствъ на содержаніе служителей церкви или на богослуженіе, но не тамъ, гдѣ идетъ рѣчь «о священной и неотчуждаемой патримоніи бѣдныхъ». Конфискацію приравнивали къ воровству. Съ неменьшимъ искусствомъ и съ еще большей энергіей выдвинута была и другая сторона дѣла: послѣдствія, къ какимъ приведетъ, неизбѣжно, продажа земель. Не скупились и на предсказанія. Говорили и писали, что неизбѣжными результатами конфискаціи и продажи явятся и гибель и разрушеніе землевладѣльческой культуры, этого излюбленнаго дѣтища отшельниковъ-монаховъ, и скупка земель аферистами и спекулянтами,—и что опаснѣе всего,—иноземцами, держателями государственныхъ бумагъ.

Выдвинуто было и обычное оружіе, къ которому нерѣдко прибѣгала реакція. Указывали на фактъ якобы составленнаго еврейскаго заговора, яснымъ признакомъ котораго является усиленное стремленіе евреевъ добиться уравненія гражданскихъ правъ, заговора, направленнаго къ захвату въ руки евреевъ всѣхъ конфискованныхъ земель. А рядомъ наводняли книжный рынокъ брошюрами, въ которыхъ самыми мрачными красками рисовали судьбу конфискованныхъ земель, которыя попадутъ въ руки ассоціацій спекулянтовъ.

Брошюры исходили изъ среды духовенства и его защитниковъ, написаны были горячо и пылко и не оставались безъ вліянія на умы. Защита бѣдныхъ стояла на первомъ планѣ, и самыя заголовки брошюръ подкупали читателя. Avis aux pauvres, Peuple français, vous êtes trompés, Arrêtez les fripons, таковы были заголовки этого рода брошюръ.

Агитація была настолько сильна, что національное собраніе стало опасаться создавшагося и этими рѣчами, и этими брошюрами настроенія умовъ. Подъ вліяніемъ страха, овладѣвшаго имъ, оно отвергло предложеніе Дюпона о прекращеніи арендныхъ контрактовъ на церковныя земли въ цѣляхъ предоставленія возможности большему числу лицъ участвовать въ покупкѣ земель. Лишь 2 ноября 1789 г., но вопреки требованію Мирабо, настаивавшему на открытомъ признаніи правъ націи на церковныя имущества, собраніе большинствомъ 658 противъ 346 (при 40 воздержавшихся) приняло рѣшеніе, по которому всѣ церковныя земли и имущества были объявлены находящимися въ распоряженіи націи впредь до пріисканія средствъ на содержаніе церкви и ея служителей, на поддержку бѣдныхъ и т. д. Но уже 13 ноября собраніе, подъ давленіемъ финансовыхъ затрудненій, предписало опечатать всѣ церковные документы на право владѣнія имуществами и потребовать отъ духовенства представленія въ двухмѣсячный срокъ детальной деклараціи о количествѣ всѣхъ принадлежащихъ ему имуществъ, о

суммѣ доходовъ и размѣрѣ долговъ, лежащихъ на его земляхъ, подъ угрозой строгаго наказанія за утайку или лживыя показанія. А нѣсколько позже, 18 и 19 ноября, сдѣланъ былъ новый шагъ: принято рѣшеніе о выпускѣ ассигнацій, для обезпеченія которыхъ собраніе постановило продать часть церковныхъ земель на сумму въ 400 милліоновъ въ теченіе четырехъ лѣтъ *). Оставалось оформить дѣло, объявить церковныя имущества національными, какъ признать такими же и долги, лежавшіе на этихъ церковныхъ имуществахъ, и это было сдѣлано 20—22 апрѣля и затѣмъ окончательно 14—17 мая 1792 г. двумя спеціальными декретами **).

На первомъ планѣ стояли и здѣсь почти исключительно финансовые интересы.

«Разъ вы желаете, говорилъ одинъ изъ членовъ собранія, Пріеръ де ла Марнъ, чтобы ассигнаціонныя деньги приравнивались къ звонкой монетѣ, обезпечьте ихъ спеціальной ипотекой, такой, цѣнность которой не возбуждала бы сомнѣнія, и для достиженія этой цѣли—объявите церковныя земли собственностью націи» ***). И то, что высказывалъ онъ, повторялось и докладчиками коммиссіи по упраздненію десятины, Шассе, и цѣлымъ рядамъ ораторовъ. «Декретъ 2 ноября 1789 г. останется мертвой буквой, если не будутъ отняты отъ духовенства его имущества»,—такъ высказывались одни. Благо націи, ея интересы, требуютъ окончательной конфискаціи церковныхъ земель, ибо въ этомъ—единственное средство освободить страну отъ долговъ, урегулировать финансы и спасти населеніе отъ излишняго бремени налоговъ,—утверждали другіе.

И этого всего, по мнѣнію подавляющаго большинства національнаго собранія, возможно достигнуть лишь при условіи распродажи всѣхъ церковныхъ имуществъ. Напрасны были попытки нѣкоторыхъ членовъ собранія воспротивиться рѣшенію вопроса въ такомъ смыслѣ; напрасно предлагали они попытаться сдѣлать заемъ подъ обезпеченіе церковными землями, либо выдѣлить часть ихъ въ особый фондъ, который давалъ бы государству доходы. Собраніе вполнѣ раздѣляло ту точку зрѣнія, которую нѣсколько позже, въ засѣданіи 13 іюня 1790 г. высказалъ Ларошфуко.

«Гораздо выгоднѣе для государства распродать, а не сохранить національныя имущества, потому что этимъ путемъ и будетъ погашенъ долгъ,—такъ доказывалъ свою мысль ораторъ,—и увеличится масса богатства въ странѣ, такъ какъ на мѣсто убыточнаго государственнаго управленія имуществами станетъ болѣе энергичный и дѣятельный личный интересъ» ****).

Это было преобладающимъ въ то время убѣжденіемъ. И собраніе идетъ еще дальше. Оно не ограничивается продажей лишь

*) Duvergier, „Collection des lois“, I, 86 и сл.
**) Ib., I, 178 и сл., 201 и сл.
***) „Archives parlementaires“ и „procès verbaux“.
****) Ib.

до 400 милліоновъ. Оно декретируетъ продажу всѣхъ бывшихъ церковныхъ земель, дѣлая исключеніе лишь для лѣсовъ, имѣющихъ опредѣленный minimum размѣра, а также—временно *)—для земель церковно-приходскихъ (fabriques), земель коллежей, госпиталей, мальтійскаго ордена и т. п.

Но рядомъ съ финансовыми мотивами, вызвавшими, главнымъ образомъ, актъ конфискаціи, выставлялись и другіе, являвшіеся какъ бы противовѣсомъ угрозамъ и мрачнымъ пророчествамъ духовенства и его адептовъ. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ еще въ концѣ 1789 г., стали указывать и на политическое значеніе предлагаемой конфискаціи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе пытались подчеркнуть этотъ мотивъ. И Талейранъ, и другіе выдвинули мысль о необходимости связать интересы населенія съ порядкомъ вещей, создаваемымъ національнымъ собраніемъ, и тѣмъ самымъ сдѣлать невозможнымъ возстановленіе стараго порядка вещей. Созданіе мелкихъ собственниковъ путемъ продажи имъ земли мелкими участками, вотъ то средство, которое, по мысли конституанты, должно было привести къ этому. И Талейранъ внесъ предложеніе о продажѣ земель не отрубами, а мелкими участками, о допущеніи къ покупкамъ всѣхъ и каждаго, а не однихъ лишь кредиторовъ государства. То былъ одновременно отвѣтъ и на рѣчи, раздававшіяся со скамей духовенства, и на требованія, предъявленныя наказами относительно церковныхъ земель. Результатомъ явился декретъ 14 мая 1790 г., выработанный комиссіей по отчужденію и устанавливавшій порядки и способы продажи національныхъ имуществъ. Двоякаго рода цѣль преслѣдуетъ собраніе, издавая свой декретъ: 1) установленіе правильнаго порядка въ дѣлѣ финансовъ и кредита, и 2) увеличеніе числа собственниковъ среди по преимуществу сельскихъ обывателей, увеличеніе, которое декретъ провозглашаетъ дѣламъ особенной важности, «счастливомъ» дѣломъ. Съ этой цѣлью для цѣлаго ряда, въ особенности, такого рода земель, какъ пахоть, сѣнокосы, луга, виноградники, вводится начало раздѣленія продаваемой земли на участки (lots). Но собраніе дѣйствуетъ здѣсь съ особенной осторожностью, чтобы не повредить хоть и въ малой степени преслѣдуемой имъ при продажѣ главной цѣли. Поэтому оно предписываетъ дѣлить землю тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это возможно, гдѣ то допускаетъ природа земель, и рекомендуетъ отдавать предпочтеніе покупщикамъ въ раздробь только въ томъ случаѣ, если цѣна, предлагаемая ими, выше или равна цѣнѣ, предлагаемой единоличнымъ покупателемъ. Затѣмъ уже идетъ рядъ облегченій при покупкѣ, въ разсчетѣ на покупки бѣднѣйшими. Устанавливается, что 15 дней спустя послѣ присужденія участка данному лицу, это

*) Послѣдовательно и всѣ эти земли декретами легислативы и конвента были включены въ составъ земель, подлежавшихъ продажѣ, и были продаваемы съ аукціона.

послѣднее обязано внести, въ видѣ задатка, двѣнадцатую долю всей суммы за пріобрѣтенную землю, а уплату остальной предоставляется производить тѣми же долями ежегодно съ приплатой въ 5%. «Каждый крестьянинъ,—такъ гласитъ докладъ комиссіи отчужденія (comité d'aliénation),—желающій пріобрѣсти небольшой участокъ земли, будетъ имѣть полную возможность достигнуть этого, внеся небольшой задатокъ, а затѣмъ найти средства погашенія долга въ своемъ трудѣ и въ той жатвѣ, какую онъ получитъ съ пріобрѣтенной земли; въ то же время, благодаря удобствамъ и легкости покупокъ, къ публичнымъ торгамъ будетъ привлечена масса покупщиковъ, что подыметъ цѣны на земли, а государство и казна окажутся въ барышахъ» *).

Докладчикъ вполнѣ ясно выразилъ ту двойную точку зрѣнія, которая красною нитью проходитъ чрезъ всѣ законодательныя мѣропріятія, касающіяся продажи національныхъ имуществъ, не одной лишь конституанты, но и легислативы и конвента, мѣропріятія, регулировавшія и направлявшія дѣла продажи и нерѣдко запутывавшія и задерживавшія своими колебаніями, сообразно преобладанію то одной, то другой точки зрѣнія, развитіе самого дѣла продажи. А сюда присоединилось еще одно обстоятельство, не оставшееся безъ крупнаго вліянія на ослабленіе первой изъ двухъ точекъ зрѣнія и конвента, и самой конституанты.

Еще до революціи создались во Франціи два теченія по вопросу о культурѣ земли, о лучшей системѣ, которая обезпечивала бы и процвѣтаніе земледѣлія, и богатства страны. Вопросъ, всецѣло почти поглощавшій умы въ XVIII в., былъ не въ томъ, какъ и какими средствами создать или поднять благосостояніе каждаго земледѣльца, даже цѣлаго класса ихъ. То былъ вопросъ аграрный, и, какъ таковой, онъ возбуждалъ страхъ и ужасъ у большинства, не былъ даже понятенъ громадной его части.

Споръ вращался почти исключительно вокругъ вопроса: мелкое или крупное хозяйство можетъ создать прогрессъ въ культурѣ земледѣльческой, обезпечить ростъ ея въ странѣ, безъ отношенія къ тому, насколько та или иная форма хозяйства способна служить и средствомъ обезпеченія крестьянства. Въ рядахъ какъ членовъ конституанты, такъ и послѣдующихъ собраній, оба теченія находили своихъ представителей, и вліяніемъ ихъ опредѣлялась въ значительной мѣрѣ и политика продажъ. Въ конституантѣ на первыхъ порахъ получило, видимо, преобладаніе теченіе въ пользу предпочтенія мелкой собственности и мелкой культуры. Но лишь самое ничтожное меньшинство пыталось выдвинуть на первый планъ вопросъ о надѣленіи бѣднѣйшихъ крестьянъ землею, усматривая въ этомъ одну изъ главныхъ цѣлей продажи національныхъ имуществъ. Въ комиссію о нищенствѣ (comité de mendicité) уже въ

*) Arch. N, AD XVIII: rapport au nom du comité d'aliénation.

моментъ ея образованія передана была брошюра извѣстнаго Бонсерфа, составленная еще въ 1789 г. о необходимости и средствахъ занять производительнымъ образомъ рабочихъ *), въ которой онъ настаивалъ на необходимости сохранить часть земельнаго фонда въ пользу бѣднѣйшихъ. То была не болѣе, какъ филантропическая мѣра: на большее пойти тогда не могли. Но мысль Бонсерфа была подхвачена, ее поддержало королевское общество земледѣлія, и она сдѣлалась предметомъ обсужденія въ комиссіи о нищенствѣ. Въ своемъ докладѣ національному собранію въ іюлѣ 1790 г., одинъ изъ ревностныхъ адептовъ этой мысли писалъ: «національное собраніе можетъ оказать сильнѣйшее вліяніе на искорененіе нищенства путемъ увеличенія числа собственниковъ... Отъ 15 до 20 милліоновъ арпановъ, входящихъ въ составъ національныхъ имуществъ, лежатъ безъ употребленія и пользы, и отданные въ руки бѣдняковъ и подъ культуру, они навсегда избавятъ ихъ отъ страданій и отъ нищенства. Необходимо, поэтому, чтобы бѣдняки сдѣлались собственниками, чтобы дана была полная увѣренность каждому трудолюбивому и полезному человѣку въ томъ, что у него всегда будетъ наготовѣ возможность существованія». То было и мнѣніе членовъ комиссіи, которая предложила національному собранію возложить на мѣстныя учрежденія даровую раздачу части пустопорожнихъ земель семьямъ бѣдняковъ, извѣстныхъ своей честностью, а также и оказаніе имъ помощи на первое время въ видѣ выдачи провизіи на годъ, помощи при постройкѣ жилья и т. п. То не было лишь единичнымъ заявленіемъ.

Уже и тогда, и позже, въ августѣ 1790 г., отъ сельскихъ муниципальныхъ властей общинъ, находившихся подлѣ Парижа, стали поступать въ національное собраніе требованія такого же рода. «Никогда не истребить вамъ нищенства,—писалъ одинъ изъ такихъ представителей сельскихъ общинъ,—пока вы не вернете обывателя къ земледѣлію. Вы сдѣлаете изъ него гражданина, если свяжете его съ землей и почвой, ибо истинная причина бѣдности та, что земля сосредоточивается въ немногихъ рукахъ» **). Но ни рѣчи Ларошфуко, ни посланія сельскихъ властей не оказывали дѣйствія. Какъ и рѣчь Ларошфуко еще въ іюлѣ о томъ же предметѣ, такъ и его докладъ были обойдены полнымъ молчаніемъ, и лишь смуты, начавшіяся среди крестьянства сосѣднихъ съ Парижемъ общинъ, заставили собраніе декретировать мѣру, являвшуюся въ дѣйствительности простой отпиской. Оно не хотѣло и думать объ отдачѣ для предложенной и предлагаемой настойчиво мѣры хотя бы клочка земли изъ земельнаго фонда, назначеннаго

*) Boncerf, „De la necessité et des moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers“; Paris, 1789 и 1790 (2-ое изданіе).

**) Minzes, „Die Nationalgüterveräusserung (Seine und Oise)“; Iena, 1892, стр. 69 и сл.

для продажи. Какъ и многіе изъ лицъ, стоявшихъ внѣ собранія, оно опасалось, какъ бы и всѣ 44 тысячи французскихъ общинъ не вздумали требовать того же, чего потребовали общины деп. Сены-и-Уазы, какъ бы это не повредило собственности, особенно въ виду рѣшеній нѣкоторыхъ общинъ департамента раздѣлить пріобрѣтенныя національныя имущества, лежащія въ территоріи общества, между всѣми его жителями *). 12 августа 1790 г. собраніе, въ видахъ успокоенія умовъ, предложило мѣстной администраціи выработать проектъ закона о наилучшемъ способѣ раздѣла земель, но не національныхъ,—этого оно ни въ какомъ случаѣ не допускало,—а общинныхъ, каковыя можно будетъ либо продать, либо отдавать въ аренду, либо раздѣлить. Но изъ этого предложенія на дѣлѣ ничего не вышло. Конституанта такъ и не разсматривала болѣе этого вопроса, который попыталась, гораздо позже, рѣшить легислатива закономъ о раздѣлѣ общинныхъ земель 1792 года, но безъ успѣха, ибо конвентъ отмѣнилъ обязательность раздѣла этихъ земель.

Не малую роль сыграли въ данномъ случаѣ и продолжавшіяся финансовыя затрудненія, не устраненныя продажей муниципалитетами части отданныхъ имъ національныхъ имуществъ. Необходимость въ видахъ пополненія казны обратиться вновь къ распродажѣ возможно большого количества земли казалась очевидной, и она то и вызвала предложеніе не только продать земли, оставшіяся въ распоряженіи государства послѣ уступки муниципалитетамъ земель на 400 милліоновъ, но и сократить сроки платежей по пріобрѣтаемымъ разными лицами землямъ. Попытка пойти по этому пути была сдѣлана еще въ іюнѣ 1790 г., и только съ большими усиліями удалось Ларошфуко и его сочленамъ по комиссіи о нищенствѣ отсрочить рѣшеніе вопроса о сокращеніи сроковъ платежей. Рядомъ декретовъ отъ 25, 26 и 29 іюня конституанта подкрѣпляетъ свои постановленія отъ 14 мая о порядкѣ и способахъ продажи. Но въ августѣ и сентябрѣ настроеніе быстро мѣняется, и въ самомъ національномъ собраніи, какъ и въ клубахъ, все чаще и энергичнѣе поднимается вопросъ объ измѣненіи декрета 14 мая. Тотъ самый Талейранъ, который потратилъ не мало краснорѣчія, чтобы убѣдить въ необходимости создать мелкую собственность, теперь говоритъ о необходимости удовлетворить государственныхъ кредиторовъ, а Пэнтевилль Сернонъ доказываетъ, что оздоровленіе финансовъ должно быть главною и самою существенною цѣлью продажи, предъ которой должны отступить на заднiй планъ всякія иныя соображенія **). «Нація,—проповѣдывали въ якобинскомъ клубѣ,—нація, на которой лежитъ два милліарда долга и у которой не имѣется иныхъ средствъ погасить его кромѣ продажи національныхъ иму-

*) Постановленіе общины Quincy, см. Minzes, стр. 71.
**) Arch. N., AD XVIII c.

ществъ, не должна, да и не обязана предоставлять покупщикамъ право вносить плату за пріобрѣтенную землю въ теченіе 15 (?) лѣтъ» *). Напрасны были всѣ возраженія Ларошфуко, напрасно доказывалъ онъ, что именно созданіе возможно большого числа мелкихъ собственниковъ—главная цѣль продажи и одно изъ могущественныхъ средствъ и улучшенія финансовъ, напрасно распинался за сохраненіе постановленій 14 мая. Предложенія комиссій финансовой и по отчужденію національныхъ имущества нашли полный откликъ въ національномъ собраніи, въ его большинствѣ, и декретомъ 3 ноября 1790 г. были приняты рекомендованныя двумя комиссіями новыя мѣры. Принципъ раздѣленія фермъ и метерій на мелкіе участки былъ отвергнутъ. Предписано продавать такія фермы, метеріи и домены цѣликомъ, приказано продавать такимъ же образомъ и земли, находящіяся въ моментъ ихъ продажи въ арендѣ у одного какого либо лица. Рядомъ отмѣнены были и прежнія льготы по погашенію долга за купленную землю. Для пахотныхъ и др. такого же рода земель срокъ погашенія вмѣсто 12 лѣтъ былъ установленъ всего въ $4^1/_2$ года по уплатѣ $^3/_{10}$ суммы покупки. Для всѣхъ же иныхъ земель, главнымъ образомъ городскихъ имуществъ, разсрочка допущена была на время не болѣе 2 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Единственная уступка была сдѣлана защитникамъ декрета 14 мая: примѣненіе новаго закона къ продажамъ было отсрочено до 14 мая 1791 г. Правда, въ рядѣ послѣдующихъ декретовъ не перестаютъ говорить (какъ, напр., въ декретѣ и 3, и 9 іюля 1791 г. **) о томъ, что собраніе имѣетъ постоянно въ виду созданіе возможно большаго числа мелкихъ собственниковъ. Но это—не болѣе, какъ красивыя слова: всѣмъ административнымъ властямъ дистриктовъ, производившихъ продажу національныхъ имуществъ, рекомендовалось отдавать предпочтеніе покупщикамъ участка въ цѣломъ предъ покупщиками въ раздробь, даже если и тѣ, и другіе предложатъ одну и ту же цѣну за весь участокъ ***).

Съ созывомъ легислативы наступаетъ нѣкоторое видимое измѣненіе въ политикѣ, регулирующей дѣло продажи и отчужденія, и по тому же пути идетъ и смѣнившій легислативу конвентъ. Оба собранія вновь и въ болѣе рѣшительной формѣ возвращаются къ принципу раздѣленія земель на мелкіе участки (lots), «тамъ и въ такихъ случаяхъ, гдѣ это возможно и тому не мѣшаетъ природа продаваемой земли». 14 августа 1792 г. ****), одновременно съ изданіемъ декрета, предписывавшаго обязательный раздѣлъ общинныхъ земель, принимается легислативой законъ, предписывающій раздѣ-

*) Société des Jacobins, изд. Aulard'a, I, 171.

**) Duvergier, т. I, § II декрета 3 іюля и art. 6 декрета 9 іюля.

***) Такія распоряженія я нашелъ и въ архивѣ Côte d'Or, série Q, и въ арх. de la Corrèze, série Q. и др.

****) Duvergier, IV, 306 и сл.

лять на мелкіе участки (lots) въ 1, 2, 3 и 4 арпана maximum какъ всѣ конфискованныя земли эмигрантовъ, такъ и оставшіяся непроданными и не поступившими въ продажу земли мальтійскаго ордена, церковно-приходскія (fabriques) и т. п., все это, «въ видахъ увеличенія числа мелкихъ собственниковъ», а затѣмъ либо продавать ихъ, либо отдавать въ аренду за денежную ренту. Но система разсрочекъ платежей осталась неизмѣненной, и, сверхъ того, въ видахъ финансовыхъ соображеній, было постановлено оказывать при продажахъ предпочтеніе тѣмъ, кто при покупкѣ внесетъ всю сумму разомъ. Этимъ послѣднимъ разрѣшалось торговаться на аукціонѣ и за нѣсколько участковъ. Конвентъ пошелъ еще дальше. 3-го іюня 1793 г. *) онъ декретировалъ мѣру, напоминавшую предложенія Ларошфуко. Этимъ декретомъ предписано было тѣмъ общинамъ, у которыхъ не оказалось бы въ наличности общинныхъ земель, выдѣлять изъ эмигрантскихъ земель (буде таковыя окажутся) часть ихъ, достаточную для выдачи каждому главѣ семьи, не имѣющему собственности, по 1 арпану земли въ вѣчно-наслѣдственную аренду. Но декретъ на дѣлѣ примѣненъ не былъ, и уже 13 сентября конвентъ пошелъ назадъ и замѣнилъ свой же декретъ отъ 3 іюня новымъ, — по финансовымъ соображеніямъ **). Новый законъ гласилъ, что главамъ семей, не обладающихъ собственностью, можетъ быть предоставлено право покупать участки изъ эмигрантскихъ земель до суммы въ 500 ливровъ ***), не болѣе, и производить уплату по нимъ въ теченіе 15 лѣтъ безъ начисленія процентовъ. Объ отдачѣ земель за ренту уже нѣтъ болѣе и рѣчи.

Годъ спустя, дѣлается попытка вернуться къ прежней системѣ продажъ 14 мая 1790 г., даже расширить ее. Въ засѣданіи конвента 8 сентября 1794 г. (II г. 22 фруктидора) депутатъ отъ Вандеи, Файо, потребовалъ отмѣны всего законодательства, касающагося продажъ и отчужденія національныхъ имуществъ, какъ идущаго противъ интересовъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія. «Лишь конституанта одна способна была провозгласить свободу, которая не нашла своего осуществленія, и создать законы, выгодные только для нѣсколькихъ лицъ, друзей конституціи 1789 г.»,—говорилъ онъ въ конвентѣ.

«Задача національнаго конвента иная,—онъ долженъ дѣлать все для созданія счастья всѣхъ, я хочу сказать, наибольшаго числа людей. А что же,—спрашивалъ онъ,—происходитъ на дѣлѣ?»

«Бѣдняки и несчастные не получили ни малѣйшаго облегченія отъ распродажи національныхъ имуществъ, и виною всему этому—

*) Duvergier, VI, 53 и др.

**) Ib., VI, 206.

***) Законъ этотъ нашелъ примѣненіе, какъ это видно изъ случаевъ продажи „par faveur" безземельнымъ manouvriers и др. въ дистрактахъ Figeac Cahors, Limoges и др. (série Q).

публичные торги, такъ такъ они устранили и устраняютъ санкюлотовъ отъ пріобрѣтенія земли и были выгодны лишь собственникамъ и капиталистамъ». И онъ предложилъ, въ отмѣну аукціонной продажи, произвести раздѣлъ земель между всѣми малоземельными и безземельными, съ тѣмъ, чтобы послѣ оцѣнки отдѣльныхъ участковъ надѣленные ими обязались уплатить стоимость участковъ равными долями въ теченіе 20 лѣтъ *). Но конвентъ оказался глухимъ къ предложеніямъ подобнаго рода, чисто филантропическимъ и черезчуръ упрощеннымъ. Возраженія, посыпавшіяся со стороны большинства, оказались болѣе убѣдительными и болѣе соотвѣтствующими настроенію и мнѣніямъ собранія. «Продажа земель съ публичныхъ торговъ»,—такъ говорилъ одинъ изъ членовъ конвента, представитель нижней Луары *),—«безусловно необходима: республика нуждается въ деньгахъ, чтобы укрѣпиться внутри и бороться противъ всей Европы. Да и превратить всѣхъ въ собственниковъ значило бы создать величайшую соціальную опасность, причинить громадное зло. Въ республикѣ, насчитывающей 24 милліона жителей, немыслимо, чтобы всѣ превратились въ земледѣльцевъ. Промышленность требуетъ рукъ, необходимо раздѣленіе труда. Но еще большой вопросъ, что выгоднѣе для блага и богатства страны. Вѣдь, по мнѣнію экономистовъ, необходимо отдавать предпочтеніе крупному хозяйству, какъ требующему меньшихъ расходовъ на содержаніе зданій и улучшенія, а слѣдовательно, приносящему и большій доходъ. «Наконецъ,—увѣрялъ ораторъ,—недостаточно одного труда, чтобы сдѣлать землю плодородной. Для этого необходимы орудія и средства, безъ которыхъ трудъ земледѣльца окажется безплоднымъ. Но, вѣдь, ни орудіями, ни средствами классъ бѣдныхъ не обладаетъ». Мнѣніе это, эти столь общіе тогда большинству аргументы оказались рѣшающими, и предложеніе Файо было отвергнуто. За одно съ этимъ данъ былъ отвѣтъ и на всѣ тѣ пожеланія и петиціи, которыя посылали въ конвентъ общины изъ окрестностей Парижа и деревень нѣкоторыхъ другихъ департаментовъ, какъ Шеръ, Алльe, Иль-и-Виланъ и др., петиціи, заключавшія въ себѣ почти тѣ же самыя требованія, какія поддерживали и въ конституантѣ, и въ конвентѣ Ларошфуко, Файо и др., требованія надѣленія землей путемъ раздѣла національныхъ земель (въ частности церковно-приходскихъ) и др.

Правда, нѣсколько болѣе года спустя конвентъ своимъ декретомъ отъ 31 мая 1795 г. (2 преріаля III г.) предоставилъ каждому гражданину право пріобрѣтать безъ торговъ такую подлежащую продажѣ землю, какую онъ пожелаетъ. Но тутъ же была сдѣлана оговорка, подрывавшая всю силу и смыслъ постановленія: уплата должна была быть произведена почти сразу—въ трехмѣсячный срокъ. Однако даже и этотъ проектъ закона былъ, повидимому, при-

*) Arch. N., A. Д. XVIII.

нятъ совершенно случайно. Чрезъ 8 дней декретомъ отъ 7 іюня того же года конвентъ взялъ его обратно.

При директоріи реакція, начавшаяся въ конвентѣ, приняла еще болѣе рѣшительныя формы. Все вниманіе новаго правительства сосредоточилось уже исключительно на одной финансовой сторонѣ дѣла, и забота о созданіи мелкаго собственника была забыта и исчезла. Послѣдовательно были измѣнены условія платежей за пріобрѣтенныя земли. Декретомъ 25 апрѣля 1796 г. *) установлена уплата при покупкѣ въ половинномъ размѣрѣ покупной цѣны, а почти 3 мѣсяца спустя уже требуютъ уплаты $^3/_4$ всей покупной суммы, и $^1/_4$ въ теченіе слѣдующихъ 15 мѣсяцевъ. Наконецъ, 6 ноября 1796 г. (16 брюмера V г.) вводится новая система. Съ покупщика взимаютъ при покупкѣ $^1/_{10}$ часть цѣны, затѣмъ $^5/_{10}$ ея отсрочиваютъ: платежъ половины не позднѣе слѣдующихъ 10 дней, и второй половины по истеченіи 6 мѣсяцевъ; остающіяся $^4/_{10}$ части цѣны разсрочиваются на 4 года. На этихъ основаніяхъ совершались продажи вплоть до реставраціи и ими же руководились позже, во дни имперіи, при продажѣ лѣсовъ, остававшихся прежде неприкосновенной собственностью государства, а теперь постепенно попадавшихъ въ руки оперившихся земледѣльцевъ, либо мелкихъ владѣльцевъ желѣзныхъ заводовъ (maîtres des forges), уже во времена имперіи превращавшихся въ настоящихъ крупныхъ предпринимателей, капиталистовъ, либо крупныхъ буржуа.

Такова была земельная политика, которой слѣдовали во все время революціи, политика, дѣлавшая совершенно невозможнымъ устраненіе того земельнаго зла, которое развивалось во Франціи XVIII в. Такъ же мало, какъ и въ вопросѣ о раздѣлахъ общинныхъ земель и въ вопросѣ о цѣляхъ и способахъ использованія земельнаго фонда, склонны были революціонныя собранія пойти даже по тому пути, какой въ весьма умѣренной формѣ рекомендовалъ Филанджіери, вырабатывая свой проектъ аграрной реформы. Мысль объ аграрной реформѣ была чужда большинству членовъ не только конституанты, но даже и конвента; всѣ они относились къ ней съ крайней враждебностью. Когда одинъ изъ членовъ конвента предложилъ организовать раздѣлъ общинныхъ земель на принципѣ обратно пропорціональномъ количеству владѣемой общинниками земли, конвентъ подавляющимъ большинствомъ отвергъ это предложеніе, потому что оно напоминало объ аграрномъ законѣ.

Конвентъ, вотируя законъ о раздѣлахъ общинныхъ земель, какъ извѣстно, принялъ и другой законъ, грозившій смертной казнью всякому, кто осмѣлился бы поднять аграрный вопросъ. И законъ этотъ не остался мертвой буквой.

Законодательство революціонныхъ собраній предоставляло за

*) Duvergier, IX, 98.

то полную свободу покупать то, что теперь выносилось на рынокъ, выносилось съ прямой цѣлью—умножить сумму поступленій для покрытія государственныхъ долговъ. Соціальныя задачи отступали на задній планъ, и все предоставлялось свободной игрѣ соціальныхъ силъ.

Въ этой и только въ этой сферѣ и совершалось отчужденіе земельнаго фонда, и въ этой сферѣ только и нужно изслѣдовать вопросы о послѣдствіяхъ отчужденія, произведеннаго революціей 1789 года.

И. Лучицкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БЕЗЪ ПРАЗДНИКА.

Докторъ Петръ Васильевичъ вышелъ изъ заразнаго барака со сквернымъ чувствомъ: больные ребята прибываютъ, а случаи скарлатины и дифтерита дѣлаются труднѣе и безнадежнѣе. Каждое утро въ усадьбѣ мелькаетъ гробовщикъ Макарычъ. Петръ Васильевичъ отворачивается, но это дѣла не мѣняетъ, не спасаетъ отъ скверныхъ думъ.

— Три... семь... пятнадцать, девятнадцать... — морщась считаетъ докторъ.—И хватило вѣдь!..

— Кому лошадь-то подавать, доктору или докторицѣ?

Это спрашиваетъ кучеръ Степанъ у проходящаго аптечнаго сторожа. Степанъ выѣхалъ изъ конюшни и не знаетъ, куда править—къ докторскому дому или къ родильнѣ, гдѣ живетъ женщина-врачъ.

— Я не поѣду, пускай ѣдетъ Вѣра Ивановна. Скажите: я прошу ее ѣхать въ Ягодное.

Петръ Васильевичъ человѣкъ мягкій, а сейчасъ онъ усталъ.

...Неудивительно, что непріятную просьбу онъ съ удовольствіемъ передаетъ черезъ другого: онъ увѣренъ, что Вѣра Ивановна поѣдетъ,—недаромъ ее называютъ „святою". Но онъ также заранѣе знаетъ, что она демонстративно надѣнетъ кожанъ, подыметъ воротникъ, хотя сейчасъ не холодно, возьметъ пледъ съ оскорбленнымъ видомъ, и если онъ, виновникъ поѣздки, пройдетъ мимо нея, она не оглянется, не посовѣтуется съ нимъ...

— На пріемѣ сто сорокъ, утромъ операція... Полный баракъ... Усталъ...

Докторъ съ досадой машетъ рукой, и ему въ эти минуты кажется, что къ нему кто-то несправедливъ. Если онъ станетъ думать, то, конечно, додумается до губернской управы, до статистики, до общихъ вопросовъ и т. д. Но сейчасъ ему хочется думать о чемъ-то своемъ, думать просто, какъ Петръ Васильевичъ,—который усталъ, который когда-то былъ мо-

лодъ и бодръ,—а не какъ членъ корпораціи... Онъ повертывается спиной къ больницѣ и уходитъ въ лѣсъ.

Отдѣльныя зданія земской больницы разбросаны на небольшой лужайкѣ, посерединѣ разбиты клумбы съ цвѣтами. Этими цвѣтами больница обязана трудамъ молодого населенія.

За больничными зданіями сейчасъ же начинается сосновый лѣсъ, а черезъ него тянется прямая дорога. Немного въ сторонѣ отъ дороги лежитъ прудъ. По берегамъ его не растетъ зеленая трава, а лежатъ только иглы; къ водѣ его не наклоняются вѣтви, а стоятъ сосны и верхушками смотрятся въ небо. Видъ пруда грустный, одинокій, и сосны не хотятъ знать тѣхъ, кто гуляетъ подъ ними... Одно время объ этомъ прудѣ, вѣрнѣе, о настроеніяхъ, на которыя онъ наводитъ, говорилось очень много. Виновата въ этомъ была фельдшерица Елизавета Николаевна. Она могла все свободное время просиживать подъ соснами, могла смотрѣть широкими глазами на тихую воду, на голые стволы деревьевъ, молчать и о чемъ-то упорно думать. Въ ея бытность жилось въ больницѣ хуже, безпокойнѣе: ея нервный голосъ, неуравновѣшенныя рѣчи всегда звали куда-то, а между тѣмъ, всѣ, и въ томъ числѣ она, должны были отдавать четырнадцать часовъ другимъ, а не себѣ.

Теперь, когда въ сумеркахъ подходитъ Петръ Васильевичъ, усталый, нервный, къ берегу пруда, то ему мерещится, что къ стволу сосны прислонилась дѣвушка съ лихорадочными глазами и говоритъ о томъ, чего никогда не бываетъ. Подъ этими соснами доктору, однажды, пришла мысль, что раздражительная жена его, Наталья Андреевна, мать его двухъ дѣтей, и Наташа—невѣста, на которой онъ женился и о которой когда-то мечталъ — два разныхъ существа. Это открытіе причинило ему много боли: онъ сталъ внимательнѣе вглядываться въ жену и окончательно повѣрилъ, что Наташа, другъ его студенческихъ лѣтъ, ушла туда, гдѣ теперь его молодость. Иногда, сидя подъ соснами, онъ хорошо и ясно думалъ о Наташѣ, а приходя домой зло и непривѣтливо говорилъ съ Натальей Андреевной.

— Петръ Васильевичъ, а Петръ Васильевичъ!—На дорогѣ показалась фельдшерица въ больничномъ халатѣ. Петръ Васильевичъ продолжалъ сидѣть у пруда:—если его зовутъ, то, конечно, по дѣлу,—а онъ только что много часовъ подъ рядъ лѣчилъ, толковалъ, поучалъ...

— Очень я вамъ нуженъ, Марья Евгеньевна?

— Конечно, очень... Для чего же я за вами бѣгу; — фельдшерица запыхалась, голосъ ея былъ недовольный: —

тамъ дѣда привезли столѣтняго, ему умирать пора, а не лѣчиться... у насъ и такъ мѣста нѣтъ. Еще двое дѣтей... Мѣста нѣтъ... Ольга Игнатьевна бурю подняла: у ней дѣти уже въ коридорѣ лежатъ.

— Ну, что же, положимъ ихъ посреди пыльной дороги или въ избу свеземъ, — усмѣхнулся докторъ: — такъ по-вашему сегодня?

Фельдшерица засмѣялась. — Да нѣтъ, но... но стѣнъ не раздвинешь.

Докторъ всталъ и пошелъ за фельдшерицей. Тѣнь его медленно и лѣниво закачалась по дорогѣ... У тихой воды все смолкло.

Когда бывали неурядицы въ больницѣ, „перепроизводство больныхъ", то персоналъ разговаривалъ съ докторомъ такимъ тономъ, будто виной всему былъ онъ одинъ. Докторъ не сердился: на мелочи онъ не обращалъ вниманія, а въ крупныхъ вопросахъ онъ себя чувствовалъ среди друзей.

Сейчасъ недалеко отъ госпиталя, почти подъ окнами квартиры фельдшерицы и акушерки, стоитъ телѣга съ больнымъ старикомъ. На окнѣ, закутавшись въ теплый платокъ, сидитъ акушерка и читаетъ газету. Заслышавъ изъ-подъ тряпья стоны старика, она опускаетъ газету и заговариваетъ съ древнѣйшимъ существомъ, отъ старости чернымъ и сгорбленнымъ.

— Знать, душенька его по смерти стосковалась... Всю жизнь скрипѣлъ, да скрипѣлъ, а все на солнышко Божье глядѣлъ... а теперь бѣда.

— А сколько лѣтъ твоему старику?

— А знаю я, барышня ты моя золотая? Ежели-бъ я кто была, — а то вѣдь баба только... баба. Кто ихъ считалъ... жили себѣ безъ годовъ.

Старуха жевала губами, хлюпала, держалась рукой за телѣгу, чтобы не свалиться отъ слабости и старости.

Подошелъ докторъ, сдвинулъ тряпье. Хотя и привычный, а поморщился.

— Какъ началась съ нимъ болѣзнь? Ну, и грязный твой дѣдъ, старуха.

— Да, ужъ, милосердный, не гнѣвайся, какъ со двора, такъ и на телѣгу старика...

— Да, ты, скажи, какъ хворь его началась?

— Какъ стоялъ, такъ и согнулся... Тебѣ, родимый, виднѣе. Животъ подкатило или ногу сломалъ... А теперь бѣда.

Докторъ мелькомъ осмотрѣлъ старика...

— Марья Евгеньевна, въ ванну его... А я сейчасъ приду. Завтра выписываются изъ третьей палаты... Пока потѣснитесь.

Докторъ повернулъ къ заразному бараку. Тамъ ждало его двое дѣтей.

Этотъ снаружи привѣтливый домъ былъ настоящимъ домомъ слезъ и стоновъ. Докторъ любилъ дѣтей, инстинктивно считалъ жизнь ребенка цѣннѣе. Онъ вѣрилъ, что дѣтямъ деревни будетъ житься легче, чѣмъ ихъ отцамъ сейчасъ.

Телѣга съ больнымъ подъѣхала къ крыльцу госпиталя, около больного захлопотали сторожъ и сидѣлка. Акушерка высунулась изъ окна и громко крикнула, чтобы ее услышала уходящая Марья Евгеньевна.

— Вѣдь васъ не дождешься, я уже безъ васъ пойду гулять... Мнѣ и дома хорошо, да Татьяна Алексѣевна все ноетъ.

Марья Евгеньевна только рукой махнула. Жестъ выразительный; онъ, казалось, говорилъ: „отстаньте, дѣлайте, что хотите, мнѣ безразлично“.

У Марьи Евгеньевны гоститъ пріятельница, Таня Горская.

Обѣ онѣ были на фельдшерскихъ курсахъ вмѣстѣ, но Горская, выдержавъ стоически только годъ службы фельдшерицей въ городской больницѣ, а потомъ въ частномъ родильномъ пріютѣ блестящаго приватъ-доцента, сбѣжала на высшіе курсы.

Таня Горская говоритъ, что этотъ опытъ жизни былъ горекъ. Вообще же она много балаганила, разсказывая о медицинской полосѣ своей жизни, и увѣряла, что въ ней не хватаетъ медицинскихъ и альтруистическихъ клѣточекъ.

У Марьи Евгеньевны въ больницѣ живетъ она третью недѣлю, и тутъ, стоя у окна и глядя на дворъ больницы, гдѣ двигаются все жаждущіе и страждущіе, она уже не смѣется, не балаганитъ, а только морщится и съ большимъ вопросомъ и недоумѣніемъ смотритъ на работающихъ.

Акушерка Настасья Михайловна и Марья Евгеньевна живутъ рядомъ съ амбулаторіей. У каждой изъ нихъ двѣ свѣтлыхъ комнаты, а изъ общей передней выходить дверь на балконъ. Когда къ нимъ заѣзжаютъ земскія учительницы, онѣ съ завистью смотрятъ на высокія окна, бѣлыя стѣны, сравнительный комфортъ ихъ обстановки. У каждой фельдшерицы есть диванъ, шкапъ для платьевъ, занавѣски на окнахъ, прислуга общая для обѣихъ фельдшерицъ и акушерки. „Вы живете, какъ помѣщицы“,—говорятъ учительницы и вспоминаютъ свою комнату въ углу земской школы и грязнаго сторожа, создателя ихъ земного благополучія.

„Помѣщицы“ смѣются: онѣ привыкли къ этому названію. Когда утромъ выходятъ онѣ на балконъ пить чай (Настасья

Михайловна въ половинѣ случаевъ послѣ полу-безсонной ночи), то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ сидятъ уже на травѣ, на ступенькахъ лѣстницы собравшіеся больные. Мужикъ забылъ, когда онъ всталъ, запрегъ лошадь и поѣхалъ въ больницу. Сидятъ больные и пеняютъ на барина, который задерживаетъ ихъ долго, на докторицъ, которыя, какъ помѣщицы, пьютъ чай, а ихъ не лѣчатъ. У „помѣщицъ“ лежитъ скатерть на столѣ, блеститъ самоваръ, лежитъ хлѣбъ бѣлый, — ну, чѣмъ не помѣщицы! На балконѣ со стороны амбулаторіи висятъ занавѣски, нарочно повѣшенныя для огражденія душевнаго спокойствія. Марья Евгеньевна шутитъ: „Клянусь Богомъ, я хотя и земская фельдшерица, но могу же я иногда пить чай, а иногда обѣдать“. Охраняющія занавѣски плохо исполняютъ свое назначеніе: время отъ времени онѣ раздвигаются, просовывается чья-нибудь голова, и слышится молящій голосъ:

— Барышни, родимыя, скоро вы насъ отпустите?

Фельдшерицы привыкли къ этому вопросу: до четырехъ часовъ,—время приблизительнаго окончанія пріема,—гдѣ бы онѣ ни показывались, къ нимъ будутъ приставать на разные лады и съ разными припѣвами все съ тѣмъ же вопросомъ.

Солнце сѣло, пропали тѣни... Больничныя зданія сразу посѣрѣли, выцвѣли. Люди рѣже и медленнѣе стали двигаться по двору. Голоса и звуки стали свободнѣе и полнѣе господствовать въ замирающей суетѣ дня.

Настасья Михайловна и Таня Горская медленно возвращались изъ лѣсу.

— Какъ вы думаете, Маня вернулась?

Горская близорукими глазами вглядывалась въ окна квартиры.

— Не знаю... Если ея нѣтъ, мы безъ нея напьемся чаю.

Горская пожала плечами.

Вопросъ о самоварѣ ее не безпокоитъ: ей хочется говорить съ Маней... Уйти отъ всѣхъ, не слышать больничныхъ шумовъ, вопросовъ, говорить о самихъ себѣ, о другой жизни...

Она ничего не отвѣчаетъ Настасьѣ Михайловнѣ и проходитъ первая мимо нея черезъ балконъ въ полутемную квартиру.

Небольшая комната... Кожаный темный диванъ кажется неуклюжимъ рядомъ съ маленькимъ письменнымъ столомъ. Стѣны, по бѣлизнѣ, послѣ яркости лѣсовъ и луговъ, кажутся умершими, когда-то жившими... Надъ диваномъ виситъ портретъ Вѣры Фигнеръ, а на столѣ стоитъ Гаршинъ и

Чеховъ. Все чисто, бѣло... какъ-то по-монашески. Танѣ Горской не нравится эта обстановка, какъ и вся жизнь въ больницѣ. Она оглядывается и ищетъ кругомъ себя хоть что-нибудь, что-бы согрѣло и пріютило... И только со стѣны въ темныхъ сумеркахъ смотрятъ на нее прекрасные и серьезные глаза.

Таня сѣла на диванъ и унеслась мыслями въ обстановку своей жизни... Правда, рамка красивѣе...

Окно раскрыто. Она глядитъ на качающіяся деревья. Это ее немного успокаиваетъ... Она вспоминаетъ сказку, гдѣ приходитъ Дрема Дремовичъ и машетъ длинными вѣтками, чтобы усыпить людей... Она сама это разсказывала дѣтишкамъ. Сейчасъ ей хочется спать. Она медленно и лѣниво почему-то начинаетъ рѣшать вопросъ,—къ кому же ближе подошло счастье, къ Манѣ или къ ней.

Вдругъ кто-то по сосѣдству громко заговорилъ, задвигалъ стульями. Деревья сразу перестали махать вѣтками. Таня вскочила, пришла въ себя и вышла на балконъ, откуда раздавались голоса.

Посреди балкона стояла врачъ Вѣра Ивановна. Она не успѣла раздѣться, была въ непромокаемомъ пальто и съ пледомъ въ рукахъ. Передъ ней сидѣлъ на скамейкѣ, согнувшись и опираясь на палку, докторъ.

— Какъ хотите, Петръ Васильевичъ, а я за васъ больше не поѣду,—кипятилась Вѣра Ивановна:—оставляйте на меня хоть всю больницу... но по вашей частной практикѣ ѣздить не стану.

— Частная практика, — возмутился докторъ. — Частная практика! Что я ищу ее, деньги кую? Это наша общая барщина...

— Вотъ вы и ѣздите, когда васъ приглашаютъ. Во-первыхъ, мы здѣсь не для помѣщиковъ, не для ихъ управляющихъ, а для крестьянъ. Милости просимъ, къ намъ въ больницу. А во-вторыхъ...

— Да, что съ вами случилось, наконецъ, Вѣра Ивановна?

— А то, что я туда проѣхала восемь верстъ и назадъ... а когда я вошла въ домъ, то хозяйка меня встрѣтила недовольнымъ голосомъ: „Ахъ, это вы? А мы вѣдь доктора просили пріѣхать“. Можно подумать,—вмѣсто доктора къ нимъ прачка пожаловала.

Вѣра Ивановна разсердилась окончательно. Петръ Васильевичъ поморщился; онъ прекрасно понялъ ея непріятное положеніе.

— Да, что, Вѣра Ивановна, — вмѣшалась акушерка, — охота вамъ обижаться на дамъ. Двадцать бабъ вылѣчу вмѣсто одной дамы. Двадцать бабъ!

Вѣра Ивановна ничего не отвѣтила и все съ тѣмъ же нервно-раздраженнымъ видомъ забрала свои вещи и зашагала къ своей квартирѣ.

— Настасья Михайловна, я къ вамъ пришелъ чай пить съ вареньемъ. Видѣлъ, какъ вы ночью сегодня, когда добрые люди спятъ, на жаровнѣ колдовали.

— Некогда... Поневолѣ ночью заколдуешь... Да, вѣдь, варенье мое не очень удалось, Петръ Васильевичъ. У меня съ нимъ несчастье вышло.

— Пустяки. Если у васъ скверно, у кого-же и ѣсть варенье?

Настасья Михайловна среди холостяковъ самый семейный человѣкъ: ея квартира сборный пунктъ для больничныхъ жителей. У ней въ комнатѣ стоитъ диванъ, о которомъ молва говоритъ, что онъ залитъ слезами: на немъ, въ комнатѣ маленькой женщины, переживаются и горести, и воспоминанія. Всѣ знаютъ, что у Настасьи Михайловны вкусное варенье, и что она мягкимъ голосомъ умѣетъ красиво пѣть грустныя малороссійскія пѣсни. Вѣроятно, всѣмъ извѣстно, что у нея больная душа; но, какъ люди занятые, говорятъ всѣ объ этомъ рѣдко и мало.

— Вотъ и поработали. Будемъ чай пить и отдыхать... А уважаемѣйшая Татьяна Алексѣевна будетъ намъ красивыми словами доказывать, что мы провели этотъ день совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ... Правда, нарушили какой-то законъ міровой гармоніи и красоты?

Докторъ сдвинулъ свою соломенную шляпу на затылокъ и смотрѣлъ смѣющимися глазами на Таню. За эти двѣ недѣли между ними установились шуточно-враждебныя отношенія.

— А мнѣ кажется, я буду сидѣть и молчать. Я ничего вамъ не скажу. Я устала даже глядѣть на васъ.

Горская сказала это совершенно искренно и посмотрѣла внимательно на доктора серьезными глазами.

— Благодарю... но если-бы моя усталость отъ этого уменьшилась... а то, право, не стоитъ.

Докторъ замолчалъ. Онъ лѣниво мѣшалъ ложкой въ стаканѣ и хмурился. На лицо его вернулось выраженіе усталости и озабоченности. Сейчасъ онъ былъ совсѣмъ такимъ, какъ въ моментъ, когда просилъ Вѣру Ивановну ѣхать за него въ Ягодное.

Таня сидѣла у другого конца стола, положивъ локти на столъ и вглядываясь то въ лицо доктора, то въ темноту, гдѣ зажигался одинъ огонекъ за другимъ. Было около десяти часовъ и почти темно. Къ балкону неслышно подошла

Марья Евгеньевна и сѣла на ступеньку. Она все еще была въ халатѣ, и на головѣ у ней былъ бѣлый шарфъ.

— Марья Евгеньевна, что старикъ?—первый замѣтилъ ее докторъ.

— Вспрыснула морфій... Умретъ скоро.—Марья Евгеньевна даже не обернулась.

— Чаю хотите? — спросила заботливая Настасья Михайловна.

— Ничего я не хочу... Устала... Надоѣло все... Боже, какъ надоѣло,—почти простонала Марья Евгеньевна.

— Петръ Васильевичъ, вамъ не жаль было сегодня Вѣры Ивановны?—вдругъ неожиданно для всѣхъ заговорила Таня громкимъ голосомъ.

— Жаль?—Петръ Васильевичъ даже сразу не понялъ.— Ахъ да, сообразилъ онъ:—это непріятно, но привычно.

— Нѣтъ,—вдругъ заволновалась Таня, и голосъ ея зазвенѣлъ.—Нѣтъ, это хуже, чѣмъ непріятно, гораздо... Нѣтъ, вы говорите это такъ совсѣмъ просто... А сколько женщинѣ, вы подумайте, надо силъ, чтобы ей хватило на заработокъ, на общественную жизнь, на семейную... Вѣдь много, очень много. И рядомъ съ такой работой, какъ у васъ въ земствѣ, чувствуется у женщины всегда что-то загубленное... Нѣчто крупное, важное для жизни, на что у многихъ не хватило ни силъ, ни времени. Умѣнье совмѣстить—великій талантъ! — Таня передернула сердито плечами, и показала на квартиру Вѣры Ивановны.—А тутъ ежеминутно преподносится недовѣріе, профессіональная несостоятельность...

Она ждала, чтобы ей отвѣтили,—но всѣ молчали. Возможно, что этотъ вопросъ былъ для всѣхъ давно рѣшенъ, и даже, почти навѣрное, это было именно такъ. Не хотѣлось извлекать его изъ далекой глубины.

Таня нервно заходила по балкону. За ней волочился шарфъ—она этого не замѣчала... Она волновалась, говоря объ этихъ людяхъ, а они сидѣли и спокойно пили чай.

— Какъ-то давно была я въ психіатрической больницѣ въ гостяхъ у врача,—продолжала Таня.—Помню до сихъ поръ... Въ тѣ дни я сама была на перепутьи, не знала, за что схватиться... Все всматривалась въ женщинъ идейнаго труда, науки... Хотѣла разгадать, какъ устраиваютъ онѣ свою личную жизнь, захватываетъ ли она ихъ такъ, какъ иныхъ прочихъ... Помню эту больницу, а главное, помню массу человѣческихъ глазъ. Столько жизненнаго безумія, именно жизненнаго... И на меня въ такомъ настроеніи сдѣлала страшное впечатлѣніе одна больная женщина-врачъ. Она тихо подходила ко всѣмъ и говорила спокойно безъ всякой позы. Именно такъ, какъ она провела жизнь: безъ фразъ и безъ позы.—„Зачѣмъ

держутъ меня эти злые люди—я ничего не сдѣлала. Я только все работала и очень устала... А потомъ, мнѣ некогда было подумать о себѣ"...—Хорошо это? Когда я услыхала, мнѣ холодно и жутко стало... Петръ Васильевичъ, Маня, вы меня слушаете? Настасья Михайловна?

Докторъ молчалъ: шляпа его совсѣмъ съѣхала на затылокъ, былъ виденъ хорошій вдумчивый лобъ, такой бѣлый въ сравненіи со всѣмъ лицомъ и руками. Глаза были опущены, ихъ не было видно. Докторъ не то скучалъ слегка, не то усмѣхался.

Марья Евгеньевна теперь уже не сидѣла на ступенькахъ, а стояла, прислонившись къ столу. Она скрестила руки и исподлобья, снисходительно усмѣхаясь, глядѣла на пріятельницу.

— Некогда, некогда,—повторила она.—Успокойся—намъ всѣмъ некогда, Татьяна!

Она вздохнула. Голосъ у Марьи Евгеньевны низкій, усталый, а разговаривая, она сильно щурила красивые глаза.

— Нѣтъ, ты представляешь себѣ, Маня? Правда,—моментъ, ведущій въ психіатрическую?—Таня нервно засмѣялась:— Вспомнила о жизни, а жизни уже нѣтъ! Все ушло... Вотъ и и вы всѣ тутъ... Если ужъ отдавать себя, то чему-то большому. Вотъ, напримѣръ, тамъ...—Она показала рукой въ сторону комнаты Марьи Евгеньевны, гдѣ въ окно виднѣлась бѣлая стѣна съ темнымъ портретомъ.

— А наша будничная работа всей жизни не искупитъ...— не то тихо спросила, не то утвердила Марья Евгеньевна.

— Неужели ужъ мы такъ никому и не нужны?—вдругъ заговорила обиженнымъ голосомъ Настасья Михайловна.— Вѣдь помогаемъ же мы кому-нибудь? Не на вѣтеръ отдаемъ силы.

Докторъ стоялъ у барьера балкона. Онъ отчасти слушалъ, а больше смотрѣлъ на изрытое небо, и думалъ длинную неопредѣленную думу. Кто же больше нуженъ въ этой безпокойной сложной жизни: зарницы, молніи или слабые постоянные огни? Онъ усталъ, онъ хотѣлъ спать... Въ спустившейся темнотѣ почти уже зарождались треволненія дня. Громкія слова дѣлались ненужными, а отвѣты на думу получались многогранные, противорѣчивые и широкіе, какъ сама жизнь... Вотъ въ жизни вспыхнетъ яркій пожаръ, блеснетъ молнія — люди вздрогнутъ, подбодрятся, увидятъ въ яркомъ свѣтѣ все, даже темные углы, прежде невидные... Потомъ все померкнетъ, уйдетъ въ мракъ. Безчисленныя руки, глаза, что-то творящіе, будутъ всматриваться въ темноту и искать вѣрный постоянный огонекъ, безъ котораго руки должны остановиться, глаза не смотрѣть...

— Да, постоянный вѣрный огонекъ,— пробормоталъ докторъ.

Повторяя это выраженіе, онъ всегда вспоминалъ Елизавету Николаевну. Это были ея слова... Она не захотѣла быть вѣрнымъ огонькомъ, а блестяще взвилась надъ жизнью... и ушла изъ нея совсѣмъ.

— Мы никому не нужны, какъ люди.. Всѣ кругомъ смотрятъ на насъ, только какъ на врачей, на акушерокъ, фельдшерицъ... Это скучно.—Докторъ заговорилъ не потому, что хотѣлъ сообщить что-либо важное и интересное. Нѣтъ. Его эта мысль, если она и приходила, то угнетала страшно, и чтобы какъ-нибудь освободиться, надо было разсказать, привить ее другимъ:—я сказалъ скучно, а теперь я скажу, что это больно... Смѣшно: чтобы найти близкихъ людей, намъ надо усиленно передвигаться, ѣхать въ городъ, ѣхать въ сосѣднюю больницу... имѣть дѣло съ лошадьми, верстами, кондукторами!.. Вспомнишь нѣсколько лѣтъ назадъ — все сплошь, отъ больницы до Москвы, казалось, люди близкіе... Одного тона мыслей и чувствъ... Не то теперь, все не то... И насъ прежнихъ нѣтъ...

Докторъ волновался, чиркалъ спичку, но она упрямо не зажигалась.

Въ это время на огонекъ къ балкону подошла Вѣра Ивановна съ другой фельдшерицей, Ольгой Игнатьевной. Онѣ стояли уже нѣкоторое время позади доктора и слышали его слова.

— Ничего, покушайте чернаго хлѣба, покушайте,—засмѣялась Ольга Игнатьевна:—жить да ѣсть бѣлый хлѣбъ и пирожныя вещь простая.

Ольга Игнатьевна человѣкъ очень немолодой. Гдѣ-то въ ссылкѣ у нея есть сынъ—и вотъ, на него и его семью уходятъ всѣ ея гроши. Остаться безъ башмаковъ для Ольги Игнатьевны очень просто. Но это она дѣлаетъ такъ гордо и независимо, что тѣ, кому этого знать не полагается, будутъ убѣждены, что передъ ними послѣдовательница Кнейппа. Съ Петромъ Васильевичемъ служитъ она 10 лѣтъ, уважаетъ его, но съ нѣкоторой примѣсью снисходительности за мягкость и сравнительную съ ней молодость. По настроенію ближе всего подходитъ она къ Вѣрѣ Ивановнѣ, хотя ссорится съ ней такъ же исправно, какъ и со всѣми остальными. Разсердившись, называетъ ихъ аристократами... Сама, дѣйствительно, провела всю жизнь на черномъ хлѣбѣ. Съ народомъ ладитъ прекрасно.

— Вотъ ваша книга, Татьяна Алексѣевна.—Вѣра Ивановна положила передъ Таней одинъ изъ современныхъ альманаховъ.

— Дать вамъ еще? У меня тамъ есть.

— Нѣтъ, знаете... не цѣню я новѣйшія вещи... Не люблю этихъ ошарашенныхъ, этихъ новыхъ. Они для насъ чужды, да и мы имъ не нужны и неинтересны.

— И я прочла, — вдругъ засмѣялась Ольга Игнатьевна. Она заявила это такимъ тономъ, будто тѣмъ, что она прочла эту книгу, сдѣлала кому-то великое одолженіе:—доложу вамъ, что ни книга, то новая теорія кобелизма.—Она развела руками:—Ужъ вы меня извините, стариковъ на нихъ не промѣняю!

Никто не удивлялся ея выраженіямъ: всѣ привыкли, кромѣ Горской, конечно.

Вся компанія, по настоянію Настасьи Михайловны, сѣла къ чайному столу. Надо было выпить чаю съ вареньемъ и потолковать о дѣлахъ больницы.

— У меня идеальный персоналъ,—говоритъ докторъ о своихъ сослуживцахъ.—„Это рѣдкая больница“, хвастается управа, показывая на объемистую статистику. Слѣдовательно, говорить есть о чемъ.

Всѣ собрались около стола, кромѣ одной Марьи Евгеньевны: она осталась сидѣть на ступенькахъ. Ей сегодня не по себѣ. Вчера проѣзжала она мимо одной усадьбы, и изъ оконъ услыхала музыку... Не какую-нибудь, а мастерски играли Бетховена... Марья Евгеньевна закрыла даже лицо руками: среди стоновъ, припарокъ, температуры, мелкихъ радостей и недоразумѣній вдругъ неожиданно врѣзалось что-то прекрасное и сильное.

И вотъ, со вчерашняго дня она не можетъ удержать слезъ... такъ глупо , такъ ребячливо... Но не помогаютъ никакія теоріи.

Марья Евгеньевна силится удержать слезы, слушаетъ, что говорятъ у стола. Смотритъ на клумбы, хочетъ возстановить въ памяти день, когда она съ дѣтьми доктора и съ племянницей Ольги Игнатьевны копала грядки. Въ этотъ день ей казалось необходимымъ имѣть передъ окнами табакъ и ирисъ. Будутъ квакать лягушки, будетъ цвѣсти табакъ, а Марья Евгеньевна будетъ радоваться; смѣется и прыгаетъ около нее гимназистикъ—сынъ доктора. „Радоваться, радоваться“— шепчутъ ея губы,—„почему же нѣтъ радости“. Табакъ дѣлается маленькимъ и незамѣтнымъ, стебель его склоняется къ петуньѣ, и оба пропадаютъ въ травѣ. Куда же ушелъ тотъ шумъ и ликованіе, подъ которые она 6 лѣтъ тому назадъ рѣшила ѣхать въ деревню?.. Шумъ дѣлался все тише, а ликованіе вдругъ замерло... Стало совсѣмъ тихо... Теперь глубокая пропасть отдѣляетъ Марью Евгеньевну отъ людей, которые смѣются, и отъ тѣхъ, которые ликуя борются... Въ

эту пропасть падаютъ бинты, лѣкарства, хирургическіе инструменты. Но падаютъ безъ конца: пропасть глубока, и дно ея не покрыто... Въ эту же пропасть летятъ ея годы и радости, которыхъ нѣтъ, но которыя могли бы быть...

— Господа,—заговорила вдругъ Марья Евгеньевна, —мы устали, сейчасъ двѣнадцатый часъ, а мы еще не совсѣмъ свободны. Сейчасъ пойдетъ дождь; будетъ совсѣмъ сѣро и тоскливо... А есть люди, которые слушаютъ музыку, смѣхъ... Если бы и намъ немного радости и музыки...—вѣдь мы живые.

Сдавило горло Марьи Евгеньевны, а по пальцамъ ея потекли горячія слезы. У стола смолкли. Раздался неопредѣленный звукъ: всѣ поняли, что она плачетъ...

Тотчасъ въ темнотѣ замелькала бѣлая фигура Марьи Евгеньевны, а черезъ минуту она ужъ быстро поднималась по ступенькамъ госпиталя.

На балконѣ никто не спросилъ ни о чемъ... У Ольги Игнатьевны мелькнула насмѣшливая улыбка, и у всѣхъ пропала охота говорить... Всѣ рѣшили, что пора по домамъ.

Ольга Игнатьевна повела доктора въ баракъ взглянуть на ребенка. Ему впрыснули дифтеритную сыворотку, но сердце уже было плохо. А черезъ четверть часа пришелъ сторожъ сказать доктору, что умираетъ старикъ, и Марья Евгеньевна проситъ его придти въ госпиталь.

Такъ кончился день въ больницѣ.

— — —

Всю ночь шелъ дождь. Крупныя капли его забарабанили сначала сильно и часто, а потомъ, испугавшись такой энергичной работы, повисли густой сѣткой на нѣсколько часовъ надъ землей. Первымъ лучамъ солнца удалось выбраться изъ-за тучъ только часамъ къ шести.

Когда лучи солнца заглянули на дворъ больницы, жизнь больничная, не смущаясь ни грязью, ни мокротой, уже дѣятельно перебрасывалась дѣлами изъ одного зданія въ другое. Трубы прачешной уже дымились, и въ раскрытыя двери виднѣлись многочисленные узлы бѣлья на полу и на скамейкахъ. Изъ дверей кухни слышалась перебранка почтенной кухарки Дарьи съ ея легкомысленной помощницей, не въ мѣру заспавшейся. Кучеръ Степанъ, онъ-же и дворникъ, проспавъ всю ночь, какъ убитый, вылѣзъ изъ своей каморки, вооруженный метлами и добрымъ намѣреніемъ вымести дворъ на совѣсть. Онъ даже ухмыльнулся отъ удовольствія, видя что Господь Богъ позаботился о томъ, чтобы дворъ его не только былъ выметенъ, но и вымытъ. Степанъ сѣлъ на скамейку у воротъ, прислонилъ метлы къ столбу

и сталъ сворачивать цыгарку. Свернувъ ее, онъ хотѣлъ было закурить, но случайно поднялъ голову и, заглянувъ за ворота, даже сплюнулъ съ досады.—Эна, спокой не беретъ ихъ...—пробурчалъ онъ лѣниво. Недружелюбное восклицаніе относилось къ скромной телѣгѣ съ сѣрой лошадкой. Она трусила уже нѣкоторое время по большой дорогѣ, а теперь на глазахъ Степана свернула въ березовую аллею. Этой аллеей ѣздили только въ больницу. На пригоркѣ она сворачивала въ сторону, подъ прямымъ угломъ отъ большака, ныряла внизъ, вродѣ какъ въ лощину,—здѣсь въ сырую погоду стояла всегда лужа,—а потомъ, поднявшись и пройдя нѣсколько саженей, упиралась въ больничныя ворота.

На передкѣ телѣги сидѣла баба и правила. Она то и дѣло хлестала лошадь вожжами, а сама оборачивалась и смотрѣла, что дѣлается у ней за спиной. Въ глубинѣ телѣги виднѣлось что-то широкое и закутанное въ платки.

Степанъ не ошибся: телѣга ѣхала именно къ нимъ. Когда она уже стояла въ воротахъ, то ему пришла на умъ самая простая мысль, что пріѣхали въ родильню. Слѣдовательно, до него не касается.—„Вамъ въ родильню. Такъ вотъ крыльцо... Тамъ колокольчикъ... Посильнѣе потяните“. Степанъ указалъ на родильню, двухэтажное зданіе влѣво отъ воротъ, а самъ повернулъ къ прачешной.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ къ доктору скорѣй,—сказала маленькая женщина.

Это была не крестьянка. Передъ тѣмъ, какъ спрыгнуть съ телѣги, она бережно спустила съ рукъ что-то довольно большое, наклонилась надъ нимъ, поправила солому...

— Къ доктору!—недовѣрчиво протянулъ Степанъ.—Къ доктору рано захотѣли. Они къ пріему часовъ въ одиннадцать будутъ... Обходъ сдѣлаютъ, а потомъ ужъ васъ лѣчить зачнутъ... Во-о-тамъ, подъ деревьями лошадь-то поставьте, да череду и ждите.

На лужайкѣ, окруженной ветлами и вязами, черезъ дорогу отъ амбулаторіи, было вытоптано большое мѣсто. Сюда крестьяне ставили свои телѣги и ждали подъ деревьями, пока не раскроютъ дверей амбулаторіи и не позовутъ записываться.

— Мнѣ къ доктору сейчасъ нужно... Я ѣхала четырнадцать верстъ... у меня ребенокъ боленъ... Очень боленъ... Мнѣ доктора сейчасъ нужно... сейчасъ...

Женщина говорила не то безсильно-испуганнымъ, не то измученнымъ голосомъ... Она оглядывалась по сторонамъ, глаза перебѣгали съ одного зданія на другое. Она искала домъ, гдѣ, по ея соображеніямъ, могъ жить докторъ: что ей

до словъ Степана, до начала пріема?.. Задыхается, стонетъ ея мальчикъ... Всѣ четырнадцать верстъ держала она его почти на вытянутыхъ рукахъ, чтобы не трясло.. Руки затекли, онѣмѣли совсѣмъ, едва стоитъ.

— Гдѣ докторъ живетъ? — спросила она, рѣшительно удаляясь отъ телѣги.

— Не приметъ докторъ и не допуститъ... Говорю, череду ждите.

— Господи, да нельзя же, Господи,—заметалась женщина:—да гдѣ же у васъ барышни-фельдшерицы?.. Вѣдь знаю я ихъ... знакомыя. Покажи, голубчикъ, какъ къ нимъ пройти.

Очевидно, она была здѣсь въ первый разъ.

— Фельдшерицы! Фельдшерицы спятъ... Небось спятъ...

— Да вѣдь знакомыя мои, ты покажи... Чего тебѣ? Вотъ тутъ Марья Евгеньевна есть, фельдшерица...

Степанъ ткнулъ пальцемъ въ амбулаторію.

— Ну, ужъ дѣло ваше... Къ нимъ съ боку-то ходить... Вотъ съ того самаго.

Степанъ повернулся и пошелъ себѣ спокойно въ прачешную—надо было натаскать дровъ. Женщина, взглянувъ еще разъ на ребенка и сказавъ бабѣ, которая ихъ везла, чтобы не отходила, метнулась въ сторону амбулаторіи.

Эти нѣсколько саженей, что отдѣляли телѣгу отъ амбулаторіи, шла женщина, не замѣчая, куда ступаютъ ноги: разводила руками, шептала что-то. Вѣроятно, заранѣе заступалась за право своего больного мальчика.

У самой двери встрѣтилась ей прислуга фельдшерицъ. Она шла съ пустыми кринками за молокомъ. Когда женщина сказала, зачѣмъ она здѣсь, и попросила разбудить Марью Евгеньевну, то та даже загородила собой дверь.

— Зря въ шесть часовъ будить... Ничего вамъ пользы отъ этого не выйдетъ. Все равно доктора иль докторицу ждать... А мнѣ изъ-за этого ждать непріятностевъ... Вѣдь барышни не какія-нибудь,—день-деньской хлопочутъ.

Послѣднюю фразу сказала она съ гордостью. Прислуга Малаша живетъ на этомъ мѣстѣ третій годъ и увѣряетъ, что она съ тѣхъ поръ и жизнь увидѣла и въ разумъ вошла, какъ сюда жить поступила. Она всѣмъ хвастается, что барышни ее уважаютъ, никогда на нее не кричатъ и грамотѣ обучили. Что подразумѣваетъ она подъ словомъ „уважаютъ", неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ этимъ уваженіемъ фельдшерицы купили себѣ большую преданность.

Пріѣхавшая женщина начала что-то много говорить Малашѣ, сказала, что она сама земская учительница, что она понимаетъ людей работающихъ, уставшихъ — но и он

должны понять, что у ней одинъ сынъ, и что черезъ 4 часа, когда начнется пріемъ, ужъ, можетъ быть, будетъ поздно.

Говорила она это сбивчиво и торопясь, а въ концѣ-концовъ положила руку на плечо Малаши и расплакалась.

Поразило ли это Малашу, или вспомнила она кой-что изъ слышаннаго за эти три года отъ барышенъ, но она сейчасъ же отворила дверь и впустила учительницу въ комнаты фельдшерицъ.

Когда Марья Евгеньевна увидѣла около постели растерянную и заплаканную учительницу, она сразу, конечно, ничего не поняла. Но послѣ первыхъ же словъ о ребенкѣ, который въ сильномъ жару проѣхалъ четырнадцать верстъ, а теперь лежитъ въ телѣгѣ—для Марьи Евгеньевны уже не существовало вопроса ни о раннемъ утрѣ, ни о времени начала пріема, ни даже о томъ, чья это обязанность,—ея или Ольги Игнатьевны.

Накинувъ халатъ и надѣвъ туфли на босу ногу, пошла она сейчасъ же къ телѣгѣ, велѣла открыть дверь амбулаторіи—ключи аптеки и амбулаторіи хранились у нея—и съ помощью матери внесла мальчика въ комнату.

Она осмотрѣла ребенка. Хорошаго было мало, но то, что она увидѣла, для послѣдняго мѣсяца больничной практики было картиной очень обыкновенной. Она невольно перевела глаза на мать,—сердце ея сжалось. Эта учительница была такое маленькое, такое замерзшее созданіе; вся жизнь ея держалась въ измученныхъ, тревожныхъ глазахъ. Чувство страха, близость большого горя тотчасъ передалась нервной Марьѣ Евгеньевнѣ—она подбодрилась, забыла плохо проведенную ночь, свои слезы... Надо было предпринять что-нибудь и поскорѣе...

Какъ-то года два назадъ, прививая оспу въ селѣ, Марья Евгеньевна зашла въ школу познакомиться съ учительницей. Въ больницѣ знали, что въ Лучинскомъ есть учительница, Софья Васильевна, вдова студента, бывшая педагогичка, что ее долго не утверждалъ губернаторъ, но, наконецъ, земство ее устроило. Это все, что знали о ней. Просидѣвъ около часу въ школѣ, учительница разсказала Марьѣ Евгеньевнѣ, что мужъ ея умеръ въ тюрьмѣ въ чахоткѣ, что товарищи его до сихъ поръ не возвращались изъ ссылки, что здоровье у нея скверно, что въ деревнѣ она не скучаетъ, „потому что у меня, кромѣ дѣла, есть маленькій товарищъ“. Этотъ товарищъ былъ мальчуганъ лѣтъ восьми. Онъ сидѣлъ, опираясь на кулачокъ и серьезно слушалъ разговоры матери съ гостьей...

И вотъ, своего маленькаго и, вѣроятно, единственнаго

товарища привезла почти умирающимъ эта женщина съ такими тревожно-скорбными глазами...

Марья Евгеньевна пошла и разбудила Вѣру Ивановну.

Черезъ два часа маленькій Вася лежалъ уже въ баракѣ послѣ дифтеритной прививки. Уже было пять случаевъ скарлатины, которая осложнялась дифтеритомъ... Вася былъ шестой. На обходѣ докторъ подошелъ къ Васѣ, выслушалъ фельдшерицу, осмотрѣлъ его и—безъ того хмурый, нахмурился еще больше.

— Зачѣмъ не привезли ребенка раньше? Развѣ вы не видѣли?

Софья Васильевна, сидѣвшая въ ногахъ кровати, даже вытянулась вся; глаза ея метнулись въ сторону, но губы не послушались и не проронили ни слова.

Докторъ вышелъ изъ барака и пошелъ своей обыкновенно-медленной походкой. Вдругъ онъ услышалъ, что за нимъ кто-то бѣжитъ. Онъ остановился,—съ нимъ рядомъ стояла Софья Васильевна.

— Докторъ, вы скажите, докторъ... поздно?.. ему нельзя помочь?

Она схватила доктора за руку, и онъ почувствовалъ, какъ ея рука сразу отяжелѣла... По счастью, тутъ была скамейка, онъ ее посадилъ. Тутъ только онъ замѣтилъ, какіе передъ нимъ страшные глаза.

Это была только минутная слабость. Софья Васильевна сейчасъ же пришла въ себя.

— Нѣтъ... со мной ничего... я умру потомъ... вмѣстѣ... вмѣстѣ съ нимъ. Докторъ, докторъ, сдѣлайте все, что можно...

Она держала доктора за руку, а лицо ея дергалось отъ рыданій. Доктору сдѣлалось досадно, что онъ въ баракѣ не нашелъ минутки войти больше въ ея положеніе и не поговорилъ съ ней.

— Что можно—все сдѣлаемъ. Не надо, не надо отчаиваться... Вы оставайтесь при немъ.

Докторъ довелъ ее до барака, а самъ вызвалъ Ольгу Игнатьевну и сталъ ей что-то внушать.

Черезъ нѣсколько часовъ горло ребенка стало спадать, дыханіе сдѣлалось ровнѣе и свободнѣе. Для посторонняго взгляда ребенку было много лучше. Такъ думала и мать. Докторъ въ теченіе дня заходилъ три раза. Онъ подбодрялъ мать, но самъ, повидимому, не особенно радовался этому улучшенію. Вечеромъ онъ сказалъ Марьѣ Евгеньевнѣ, чтобы за нимъ при новыхъ явленіяхъ послали ночью.

— А что?—спросила она.

— Ну, что вы, голубушка: а сердце, а пульсъ? А потомъ мать—субъектъ нервный, издерганный—я за нее боюсь.

За эти нѣсколько часовъ Марья Евгеньевна такъ поняла весь холодъ жизни Софьи Васильевны, всю боль ея привязанности, что заранѣе ужасалась возможности потери, какъ страданью, отъ котораго ей самой захочется кричать и рыдать. Съ понурой головой вошла она въ палату. Ребенокъ спалъ или былъ въ забытьи. Софья Васильевна стояла на колѣняхъ передъ кроватью, маленькая, съежившаяся и смотрѣла на лицо сына...

Марья Евгеньевна инстинктивно отвернулась отъ этого выраженія. У нея мелькнула мысль, какой это ужасъ и мука, и какое это великое рабство, эти исключительныя привязанности.

Первый вопросъ, который задавала Софья Васильевна фельдшерицамъ: „что говоритъ докторъ". Такъ было и сейчасъ. Марья Евгеньевна хотѣла сказать ей, что докторъ велитъ при малѣйшемъ измѣненіи непремѣнно послать за нимъ ночью; но, взглянувъ на мать и сына, не сказала этого. Она просто объявила, что рѣшила ночь провести въ баракѣ.

Закинувъ руки за голову, лежа на больничной кровати, провела нѣсколько часовъ Марья Евгеньевна въ баракѣ. До нея долетали то плачъ, то стоны, то вздохи и причитанія. Вздыхая, вставали няньки, подходили къ кроватямъ...

У нихъ въ палатѣ было тихо: обѣ женщины молчали. Марья Евгеньевна постоянно вставала и молча смотрѣла на мальчика, а когда она вытягивалась на спинѣ, то ей ползли въ голову мысли, свои и чужія, всѣ невеселыя. Не мѣняя положенія, слѣдила за тѣнью Софьи Васильевны... Та буквально не сводила глазъ съ лица ребенка. Иногда она гладила мальчика по волосамъ, рукѣ, и тогда губы ея что-то шептали... А иногда она становилась на колѣни, и тогда Марья Евгеньевна спрашивала себя, молится она или нѣтъ,

Въ третьемъ часу зашелъ докторъ и сказалъ, что онъ боится осложненій со стороны почекъ, а въ шесть часовъ пришла Ольга Игнатьевна и отправила Марью Евгеньевну спать.

Когда къ девяти часамъ встала Марья Евгеньевна, первой ея мыслью было, что дѣлается въ баракѣ... Когда же она вошла туда—то поняла, что было совсѣмъ плохо: появились осложненія со стороны почекъ... Докторъ и Ольга Игнатьевна стояли у кровати и что-то дѣлали надъ ребенкомъ. Выраженье лица было знакомо Марьѣ Евгеньевнѣ,—оно бывало только въ самыхъ страшныхъ случаяхъ. Ребенокъ стоналъ, а Софья Васильевна сдѣлалась неузнаваема: она плакала, жаловалась, металась отъ одного къ другому...

Вся больница относилась съ интересомъ къ Софьѣ Васильевнѣ и къ ея мальчику. Докторъ уходя попросилъ не оставлять ихъ вдвоемъ—и Ольга Игнатьевна, бросивъ работу въ аптекѣ, осталась въ баракѣ.

Къ вечеру показались угрожающіе признаки—это было начало конца. Пришелъ Петръ Васильевичъ: онъ не терялъ надежды. Въ такихъ случаяхъ у него являлась бездна энергіи и иниціативы. Но, несмотря на это, черезъ три часа начались судороги. Незадолго до того ребенокъ пришелъ въ себя, назвалъ мать и повторилъ нѣсколько разъ, „мама, почему ты на меня не смотришь? Мама, я тебя забуду“. Услышавъ его голосъ, Софья Васильевна съ тихимъ стономъ опустилась на колѣни передъ кроватью и смолкла. Когда начались судороги, докторъ шепнулъ фельдшерицѣ: „онъ умираетъ, скажите ей“—и самъ отошелъ въ сторону.. Она услышала это, посмотрѣла на доктора широкими глазами и даже какъ будто кивнула ему... Но опять не сказала ни слова, не заплакала...

Когда хотѣли подойти къ начинавшему остывать ребенку, то тихонько назвали Софью Васильевну по имени: она не откликнулась, не подняла головы.

Ребенка унесли изъ палаты, а она оставалась по прежнему неподвижной. Тогда сидѣлка взяла ее подъ руки и посадила на стулъ. Лицо ея было блѣдно, но слезъ не было. Полное безучастіе и что то полу безсознательное глядѣло изъ этихъ глазъ.. Оставаться въ палатѣ было неудобно и Вѣра Ивановна предложила перевести ее къ себѣ. Она была одинокій человѣкъ, и ей докторская квартира въ четыре комнаты была велика. Это ее не могло стѣснить. Софья Васильевна не сопротивлялась, не спрашивала ничего о ребенкѣ, а просто шла себѣ, куда ее вели. Войдя въ маленькую комнату въ одно окно, затемненное кустами бузины, она подошла прямо къ кровати и легла.

Черезъ нѣкоторое время въ комнату заглянула Вѣра Ивановна и застала ее въ томъ же положеніи. У Вѣры Ивановны всегда было больше чувства, чѣмъ словъ. Такъ и сейчасъ... Ей хотѣлось что-нибудь сказать ей, но безмолвное горе Софьи Васильевны не поощряло ни къ какимъ словамъ. Она постояла въ дверяхъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ на лицѣ, пожала плечами и рѣшила, что попроситъ зайти Петра Васильевича, такъ какъ поведенье Софьи Васильевны начинаетъ ее безпокоить, какъ врача.

Доктору самому пришла мысль навѣстить Софью Васильевну. Когда онъ, часъ спустя, подходилъ къ ея двери, ему навстрѣчу выскочила, буквально выскочила Марья Евгеньевна. Она могла только крикнуть: „Петръ Василье-

вичъ, да что это такое?"—и остановилась, кусая губы, и волнуясь до потери словъ. Докторъ вошелъ къ комнату; онъ уже издали слышалъ, что тамъ и теперь два лица, такъ какъ неслись громкія и энергичныя слова. Онъ вошелъ первый, а Марья Евгеньевна остановилась на порогѣ, страшась войти дальше. Софья Васильевна сидѣла на кровати, говорила очень быстро и время отъ времени смѣялась. Лицо ея не было блѣдно, а напротивъ, горѣли и щеки, и глаза. Она сразу замѣтила вошедшихъ, соскочила съ кровати, подошла вплотную къ доктору и взяла его за руку...

— Докторъ, знаете, докторъ... Это очень хорошо, очень... Ахъ, какъ это хорошо, если бы вы знали... Онъ умеръ, такъ и нужно... благодарю и жизнь, и всѣхъ. Меня жизнь любитъ—тутъ Софья Васильевна рѣзко засмѣялась, а въ то же время по ея лицу пробѣгали посороннія судороги, и текли обильныя слезы:—вѣдь если бы онъ выросъ, его бы повѣсили, навѣрное... Я знаю, какъ это было бы, я даже вижу, какъ болтаются его ноги въ воздухѣ... я даже вижу,—тутъ она взвизгнула и закрыла лицо руками, будто прячась отъ страшной висѣлицы.

Много ужасныхъ словъ говорила Софья Васильевна, а лицо ея такъ и не переставало то плакать, то смѣяться. Докторъ не нашелся сразу. Онъ остановился предъ потокомъ безсвязныхъ рѣчей и слушалъ ихъ, какъ разумныя... Его привела въ себя Марья Евгеньевна—она не выдержала, бросилась къ Софьѣ Васильевнѣ, взяла ее за руки и стала умоляюще повторять: „не надо, не надо, голубчикъ... не надо"... И у самой текли слезы и дрожалъ голосъ.

Докторъ послалъ Марью Евгеньевну въ аптеку сдѣлать лекарство и попросилъ ее сейчасъ прислать ему Ольгу Игнатьевну... Въ такихъ случаяхъ она была незамѣнима: у ней отсутствовали нервы, и не было этой повышенной чувствительности.

Когда Марья Евгеньевна съ силой распахнула дверь и влетѣла въ свою комнату—Таня Горская сидѣла у письменнаго стола и писала письма.

— Что случилось?—испуганно вырвалось у Горской.—Живя въ больницѣ, она невольно пріобщилась къ интересамъ персонала и знала о всѣхъ бѣдахъ и неудачахъ. Она только разъ мелькомъ видѣла Софью Васильевну—и ее, такую безпокойную и пока несломившуюся, поразила во всемъ сквозившая покорность этой женщины. А вообще Горская увѣряла, что, пока можно наблюдать двуногихъ, то какъ бы скверно ни было, а жить стоитъ.

— Ты представь: у ней острое помѣшательство... Это, конечно, пройдетъ и скоро... но ты послушай, что она гово-

ритъ,—Марья Евгеньевна ударила пальцами по столу, чтобы почувствовать острую боль и отвлечь въ руку мучительное ощущеніе:—ты послушай только... Я плакала потому, что услышала Бетховена, и что моя жизнь будни... А она смѣется, потому что умеръ ея сынъ... Ей мужъ говорилъ, сидя въ тюрьмѣ: „не бойся, не повѣсятъ—не успѣютъ, подохну самъ". И онъ умеръ... А теперь она смѣется, что сынъ избѣжалъ висѣлицы... Пока мы сами, наши сестры, матери могутъ говорить такія слова, откуда... откуда мы возьмемъ праздникъ жизни?..

Истерики съ Марьей Евгеньевной не случилось, какъ этого боялась Таня, но успокоиться и замолчать она никакъ не могла и не хотѣла.

У пруда тихо... Не слышно ни шелеста листьевъ, ни движенья травы. Иглы лежатъ, какъ мертвыя, а верхушки сосенъ неподвижно и гордо смотрятъ въ небеса.

Уже прошло нѣсколько дней послѣ смерти Васи. Горская сидитъ на пнѣ и разсѣянно перелистываетъ книгу. Недалеко отъ нея на землѣ лежитъ Марья Евгеньевна.

— Ну, что же ты такъ и не переѣдешь въ Петербургъ? Работу найдемъ—у меня друзей много.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я рѣшила... Не мѣшай мнѣ, я уже сказала.

Горская замолчала. Въ это время въ началѣ дороги показался докторъ.

— Значитъ, я завтра ѣду,—вздохнула Горская.—А всетаки у васъ было тутъ хорошо.—И она оглянулась на молчаливый лѣсъ.

— По особенному хорошо,—усмѣхнулась Марья Евгеньевна.—Въ августѣ я пріѣду въ отпускъ къ тебѣ... А вотъ и докторъ идетъ,—она понизила голосъ:—тамъ онъ работаетъ, а сюда приходитъ мечтать.

— Значитъ, вы всѣ тутъ мечтаете!—засмѣялась Горская:—у всѣхъ есть своя принцесса-греза и свои будни и праздники.

Докторъ былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ—онѣ замолчали.

Бушенъ.

О толкованіи художественнаго произведенія.

I.

Не такъ давно критикъ А. А. Измайловъ разсказалъ въ своей книгѣ «Литературный Олимпъ» о томъ, какъ онъ обратился къ Ѳедору Сологубу за личными комментаріями къ тому, что критику было неясно въ книгѣ Сологуба. Къ его удивленію, Сологубъ «вмѣсто прямого отвѣта сталъ развивать» передъ нимъ «свою теорію о томъ, что никакого личнаго комментарія автора къ своему произведенію быть не можетъ. Единственный комментаторъ писателя—его читатель. Пониманіе есть дѣло личнаго читательскаго ума... Это ничего, что одинъ пойметъ такъ, другой пойметъ иначе. Въ этомъ сила и смыслъ творчества». Поспоривъ и выслушавъ аргументы Ѳедора Сологуба, не очень оригинальные, но, какъ мы видимъ, для нѣкоторыхъ еще необходимые, критикъ остался неудовлетвореннымъ. «Творческая истина,—говоритъ онъ,—мнѣ казалась и кажется такой же единой, какъ истина математическая или философская. Есть одно шекспировское пониманіе Гамлета, и всѣ семьдесятъ другихъ пониманій будутъ ложны».

Кажется, здѣсь произошло недоразумѣніе. Кажется, одностороннее возраженіе Сологуба вызвало неправильный отвѣтъ его критика. Онъ могъ сказать: «вы меня не поняли; я совсѣмъ не хочу, чтобы вы своимъ объясненіемъ избавили меня отъ необходимости самостоятельно понять ваше произведеніе. Я васъ спрашиваю не о его темныхъ глубинахъ, а о его очевидной темнотѣ, не о его содержаніи, а о его формѣ. Покажите только, что она доступна смыслу, и я ее осмыслю».

Но осмыслить по своему читатель можетъ только то, что имѣло смыслъ для автора. Имѣло смыслъ, то есть представляло собой законченное цѣлое, систему; разъ «въ этомъ безуміи есть система», то оно можетъ быть понято. Если же оно ворохъ случайностей, то оно никакому личному читательскому толкованію

не подлежитъ. И разумѣется, такіе вопросы, относительно хотя бы «Навьихъ чаръ», были бы болѣе, чѣмъ законны. Но Сологубъ уклонился отъ отвѣта на нихъ, сбилъ вопрошателя и привелъ его къ ложной теоріи. По теоріи А. А. Измайлова о единомъ шекспировскомъ толкованіи Гамлета, выходитъ, все горе въ томъ, что Шекспира нѣтъ въ живыхъ. Вся гигантская литература о Гамлетѣ вызвана тѣмъ, что Шекспиръ умеръ, и мы не можемъ его спросить о смыслѣ Гамлета: онъ бы покончилъ всѣ наши споры. Что это утвержденіе единаго шекспировскаго пониманія есть отрицаніе критики, критику не пришло въ голову. Но не надо думать, что онъ исключеніе, и что въ его мысли все ложь. Нѣтъ, въ ней есть и частица правды, и важной правды.

Соображеніе критика въ общемъ—отголосокъ того времени, когда было ясно, что смыслъ каждаго художественнаго произведенія сосредоточенъ въ его идеѣ. Въ ней его содержаніе, въ ней его оправданіе. Она составляетъ его сущность, единую сущность, разумѣется, ибо вѣдь ничто не можетъ имѣть двухъ сущностей. Эту единую идею искали и находили; въ этомъ исканіи полагалась задача критиковъ и читателей. Истолковать произведеніе, понять его, значило отыскать его идею. Тэнъ далъ только новую формулу, новую форму старой мысли, которая даже безъ формулы была разлита въ общемъ сознаніи, да и до сихъ поръ коренится въ немъ. Когда говорятъ: «что выражаетъ это произведеніе, что хотѣлъ имъ сказать авторъ?», то явно предполагаютъ, что, во-первыхъ, можетъ быть дана формула, логически, раціонально выражающая собою основную мысль художественнаго произведенія и, во-вторыхъ, что эта формула лучше, чѣмъ комунибудь, извѣстна самому автору. Какъ и въ случаѣ спора о законѣ, единое толкованіе кажется единственно естественнымъ, автентическое толкованіе представляется безспорнымъ. А пока такого авторитетнаго разъясненія нѣтъ, каждый изъ спорящихъ считаетъ себя обладателемъ единой истины. Извѣстно стихотвореніе гр. Голенищева-Кутузова, обращенное къ «Мефистофелю» Антокольскаго; менѣе извѣстна статья К. Д. Кавелина, вызванная стихотвореніемъ гр. Голенищева-Кутузова:

«Исходя изъ несомнѣнной и всячески дознанной истины, что есть управа на все—говоритъ К. Д. Кавелинъ—я намѣренъ призвать къ суду науки и художественной критики гр. Голенищева-Кутузова за его стихотвореніе «Къ Мефистофелю». Обвиненія, которыя я на него взвожу, касаются двухъ пунктовъ. Поэтъ, во-первыхъ, неправильно понялъ созданіе Антокольскаго—его бюстъ «Мефистофель»; во-вторыхъ, онъ не понялъ вообще Мефистофеля, какимъ онъ можетъ представиться уму и сознанію современнаго человѣка, при теперешнемъ состояніи знанія.

«Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ увидалъ у Мефистофеля Антокольскаго искривленную усмѣшку на устахъ, туманъ лжи, отраву пре-

зрѣнья въ задумчиво-блуждающихъ глазахъ. Ему показалось, будто взоръ Мефистофеля надъ нимъ, поэтомъ, смѣется; будто Мефистофель язвитъ и хохочетъ, подмигиваетъ на красоту, на чувство, сжигаетъ людей огнемъ презрѣнія. Признаюсь, я въ исполненномъ глубокаго значенія произведеніи Антокольскаго не замѣтилъ ничего подобнаго. Въ искривленномъ ртѣ выражается, на мой взглядъ, совсѣмъ не хохотъ и язвительность, а глубокое душевное страданіе преждевременно состарѣвшагося человѣка. Мефистофель Антокольскаго, съ его рѣдкими волосами и болѣзненной худобой, обличаетъ не стараго, но дряхлаго человѣка, который много пережилъ, много испыталъ и завялъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Глаза его, въ которыхъ сосредоточена вся сила и вся энергія этого молодого старика, далеко не выражаютъ презрѣнія и еще менѣе того задумчиво блуждаютъ; напротивъ, взглядъ его до того силенъ, проницателенъ и сосредоточенъ, что отъ него становится жутко, холодъ пробѣгаетъ по жиламъ, когда долго на него смотришь. Поэту хотѣлось непремѣнно увидать въ Мефистофелѣ злобныя душевныя движенія, это было ему нужно для основной его мысли, которая выражена въ первой строфѣ и въ самомъ концѣ стихотворенія, и вотъ онъ приписываетъ бюсту выраженіе, котораго онъ, я думаю, не имѣетъ».

Можно ли спорить о единомъ смыслѣ художественнаго произведенія, о его единой идеѣ? Мы выросли въ убѣжденіи, что можно и должно. Въ десяткахъ русскихъ учебниковъ такъ называемой теоріи словесности, обязательныхъ для школы, повторяются когда-то полныя смысла, но теперь омертвѣвшія слова Бѣлинскаго о томъ, что «поэтъ выражаетъ идею не отвлеченно, какъ философъ, а въ живыхъ образахъ, создаваемыхъ его фантазіей»; что по прочтеніи поэтическаго произведенія въ насъ остаются «мысли, чувства и образы, группирующіеся около одной общей идеи» и т. п. Въ «Руководствѣ къ чтенію поэтическихъ произведеній» В. Острогорскаго (изданіе 5-е) розыски идеи производятся въ каждомъ изъ трехъ поэтическихъ родовъ. Идея элегіи Пушкина «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», оказывается, состоитъ въ томъ, что «въ зрѣлыхъ лѣтахъ человѣкъ съ душой, хотя раскаивается въ ошибкахъ молодости и предвидитъ много горя и заботъ въ будущемъ, но не тяготится жизнью, услаждая ее любовью, размышленіемъ и художественными произведеніями». «Идея «Мертвыхъ душъ»— опошленіе общества въ общемъ единичномъ стремленіи—къ наживѣ». «Идея «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ»—смерть вслѣдствіе суевѣрія».

Въ «Воспитательномъ чтеніи» г.г. Ц. и В. Балталонъ (Москва, 1908 г.) мы находимъ указаніе, что въ *Бѣжиномъ Лугѣ* «основная общественно-бытовая мысль — представить въ яркой картинѣ неблагопріятныя условія воспитанія въ крѣпостную эпоху крестьянскихъ дѣтей, лишенныхъ вліянія школы» и т. п. Въ новѣйшемъ

изъ рекомендованныхъ учебниковъ въ стилѣ схоластической догматики утверждаются такія непоколебимыя истины: «Кромѣ самаго содержанія, сочиненіе можетъ заключать въ себѣ *идею* или *идеи*, т. е. мысль или мысли, которыя должны являться въ сознаніи читателя *на основаніи* или *подъ вліяніемъ* сочиненія. Въ первомъ случаѣ идея сочиненія, что называется, вытекаетъ изъ его содержанія, т. е. можетъ быть изъ него *логически выведена*, во второмъ она *внушается* читателю посредствомъ дѣйствія на душу вообще; послѣднее мы встрѣчаемъ обыкновенно въ сочиненіяхъ художественныхъ, поэтическихъ». Правда, дальше что-то говорится о «естественномъ и неизбѣжномъ» «какъ бы соучастіи читателя въ творчествѣ поэта»; но это не исключаетъ того, что основная мысля поэта едина и обязательна для его читателя. «Иногда авторъ самъ формулируетъ прямо мысль своего сочиненія въ началѣ или въ концѣ его. Въ сочиненіяхъ художественныхъ, дѣйствующихъ на читателя посредствомъ образовъ, картинъ, этого обыкновенно не дѣлается за рѣдкими исключеніями, — напр., въ басняхъ снабженныхъ нравоученіемъ».

Примѣръ басни особенно здѣсь поучителенъ. Именно на баснѣ, какъ на элементарнѣйшемъ примѣрѣ, Потебня показалъ, какъ могутъ быть разнообразны и равноправны толкованія и примѣненія художественнаго произведенія. Если басня принадлежитъ къ художественнымъ созданіямъ, то во всякомъ случаѣ нравоученіе ея автора для насъ не обязательно. Это одинъ изъ возможныхъ выводовъ, не больше. Мы примѣняемъ ее, какъ пословицу, тамъ, гдѣ она подходитъ, совершенно не справляясь съ тѣмъ, какой конкретный случай, какой выводъ, какую идею имѣли въ виду ея создатель —индивидуальный художникъ или творецъ-народъ.

II,

Для теоріи искусства всякое художественное произведеніе символично, — и безпредѣльно многообразіе его примѣненій, безконечно множество тѣхъ обобщеній, для которыхъ поэтическій образъ можетъ служить иносказаніемъ. На вопросъ, какой внутренній смыслъ, какая идея этого поэтическаго произведенія, мы отвѣтимъ, что если бы эту идею можно было исчерпать въ формѣ единой абстракціи, то поэтической мысли здѣсь не было бы примѣненія; здѣсь были бы невозможны художественные пути познанія, ненужны образы, символы, иносказаніе. То, что сказано въ образѣ и посредствомъ образа, не существуетъ для самаго поэта въ видѣ отвлеченной идеи. Идею вкладываетъ тотъ, кто воспринимаетъ художественное произведеніе, кто его толкуетъ, кто имъ пользуется для уясненія жизненныхъ явленій. Гете сознавался, что у него нѣтъ отвѣта на вопросъ о томъ, какую мысль онъ хотѣлъ выразить

не только въ «Фаустѣ», полномъ раціональныхъ элементовъ и какъ бы написанномъ à thèse, но и въ «Торквато Тассо».

Это было въ маѣ 1827 года, во время обычной послѣобѣденной бесѣды у Гете, какъ всегда добросовѣстно переданной намъ благоговѣйнымъ Эккерманномъ. Кто-то изъ присутствующихъ возбудилъ вопросъ о томъ, какую собственно идею стремился воплотить Гете въ «Торквато Тассо». «*Идею*?—сказалъ Гете—и не думалъ! Предо мной была *жизнь* Тассо, предо мной была моя собственная жизнь; я старался обрисовать эти двѣ фигуры съ ихъ особенностями—и вотъ предо мной возникъ образъ Тассо; въ видѣ прозаическаго контраста я противопоставилъ ему Антоніо, причемъ у меня также было съ кого списывать. Въ общемъ придворныя, жизненныя, любовныя отношенія были вѣдь въ Веймарѣ такія же, какъ въ Феррарѣ, и я съ правомъ могу сказать о моемъ произведеніи: оно—плоть отъ плоти и кость отъ кости моей».

«Въ общемъ—продолжалъ Гете—мнѣ, какъ поэту, нигда не было свойственно это стремленія къ воплощенію абстракціи. Я воспринималъ въ моемъ существѣ впечатлѣнія—впечатлѣнія жизненныя, физическія, радостныя, пестрыя, многообразныя, какія только могло доставить мнѣ живое воображеніе. И мнѣ, какъ поэту, оставалось одно: художественно оформить и преобразовать эти ощущенія и впечатлѣнія и такъ проявить ихъ въ живвенномъ образѣ, чтобы и другіе, когда они читаютъ или слушаютъ мое изображеніе, получали тѣ же впечатлѣнія.

«Если же мнѣ когда-либо хотѣлось дать поэтическое выраженіе идеѣ, я это дѣлалъ въ небольшомъ стихотвореніи, главная мысль котораго можетъ быть едина и очевидна... Единственное произведеніе большаго объема, гдѣ я чувствую, что проводилъ единую идею, это, пожалуй, мое «Сродство душъ». Это сдѣлало романъ болѣе доступнымъ разсудку; но я не скажу, чтобы онъ сталъ отъ этого лучше. Вообще вотъ мое мнѣніе: чѣмъ недоступнѣе разсудку произведеніе, тѣмъ оно выше».

Ближайшее и необходимое послѣдствіе этой ирраціональности художественнаго произведенія—равноправіе его различныхъ толкованій.

Есть области, въ которыхъ, казалось бы, объ этомъ не можетъ быть спора. То, что каждый можетъ исполнить сонату Бетховена или воплощать на сценѣ Отелло по своему, казалось-бы, совершенно очевидно. Однако, напримѣръ, Р. Вагнеръ вынужденъ былъ настаивать на томъ, что «единое, стереотипное пониманіе произведенія искусства недопустимо. Какъ ни опредѣленно само по себѣ завершенное чисто музыкальное строеніе въ художественныхъ пропорціяхъ бетховенской симфоніи, какъ ни совершенна и недѣлима форма, въ которой она является высшимъ чувствомъ, все же невозможно свести дѣйствіе этой композиціи на человѣческое сердце къ какому-либо единому толкованію». И, вторя учителю, Ницше возму-

щался редакторами музыкальныхъ произведеній, издающими ихъ съ фразировкой. Онъ называлъ ихъ phraseurs. «Основное предположеніе, на которомъ они строютъ — замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ Фуксу—то есть, будто вообще есть вѣрное, *одно* вѣрное истолкованіе, кажется мнѣ психологически и по опыту *ложнымъ*. Композиторъ въ моментъ творчества и воспроизведенія видитъ эти тонкія тѣни въ неустойчивомъ равновѣсіи: всякая случайность, всякое повышеніе или ослабленіе субъективнаго чувства силы, объединяетъ то большіе, то меньшіе круги. Словомъ, старый филологъ, на основаніи всего своего филологическаго опыта, говоритъ: ни для поэта, ни для музыканта *нѣтъ единоспасающей интерпретаціи* (самъ поэтъ абсолютно не авторитетенъ въ истолкованіи смысла своихъ стиховъ: есть удивительнѣйшія доказательства того, какъ неясенъ и неопредѣлененъ для нихъ этотъ «смыслъ»)».

И за много лѣтъ до Ницше ту же мысль, до сихъ поръ нуждающуюся, какъ мы видимъ, въ защитѣ, высказывалъ Потебня: «Слушающій можетъ гораздо лучше говорящаго понимать, что скрыто за словомъ, и читатель можетъ лучше самого поэта постигать «идею» его произведенія. Сущность, сила такого произведенія не въ томъ, что разумѣлъ подъ нимъ авторъ, а въ томъ, какъ оно дѣйствуетъ на читателя или зрителя, слѣдовательно въ неисчерпаемомъ возможномъ его содержаніи». Нѣтъ ни этого объективнаго содержанія, ни разъ навсегда даннаго смысла, ни идеи художественнаго произведенія: есть лишь форма для всего этого, неподвижный образъ, рождающій содержаніе въ читателѣ.

III.

Вотъ это свойство художественнаго произведенія достойно того, чтобы мы не ограничивались его признаніемъ, но присмотрѣлись къ тому, какія умственныя явленія оно вызываетъ, какъ оно отражается на жизни художественнаго произведенія.

Ибо невозможно отрицать эту жизнь. Созданное художественное произведеніе не пребываетъ во вѣки-вѣковъ въ томъ образѣ, въ которомъ создано; оно мѣняется, развивается, обновляется, наконецъ, умираетъ: словомъ, живетъ.

Совершенно ясно, что художественное произведеніе есть нѣкоторое органическое цѣлое, система, элементы которой находятся въ теснѣйшей зависимости другъ отъ друга. Въ этой системѣ нѣтъ ничего болѣе или менѣе важнаго, болѣе или менѣе выразительнаго; каждая—и самая ничтожная—ея часть говоритъ о цѣломъ, говоритъ за цѣлое. Ритмъ разсказа зависитъ отъ его содержанія, образы соотвѣтствуютъ сюжету, изложеніе связано съ тенденціями; краски въ картинѣ опредѣляются гаммой тоновъ, въ которой она написана; не соотвѣтствіе дѣйствительности является

здѣсь закономъ, а внутренняя логика элементовъ Кажется, что есть что-то внутреннее и что-то внѣшнее, что есть форма и есть содержаніе, но все это соотносительно:

Nichts ist aussen, nichts ist innen.
Denn was draussen, ist auch drinnen.

И форма, и содержаніе—неотторжимыя части одного цѣлаго, опредѣляемыя желѣзнымъ закономъ цѣлесообразности, и подобно тому, какъ съѣдобная и беззащитная бабочка должна быть похожа на листокъ дерева, чтобы не погибнуть, такъ настроеніе, выраженное въ сонетѣ, должно быть передано въ его условной формѣ, въ хитросплетеніяхъ простыхъ и вмѣстѣ трудныхъ риѳмъ: внѣ сонета его содержаніе не можетъ быть выражено никакъ. Будетъ то да не то, то есть ничто. И свободный сонетъ есть абсурдъ, потому что именно скованность есть необходимое условіе его смысла. И «подмостки означаютъ міръ» совсѣмъ не потому, что въ пьесахъ отражается человѣческая жизнь, что драматическіе образы типичны, что мимика, жестикуляція, интонація воспроизводятъ дѣйствительность,—но потому, что все это вмѣстѣ взятое есть само по себѣ цѣлокупная система, особый міръ, въ которомъ все находится въ идеальномъ равновѣсіи, и каждая частность есть воплощеніе нѣкотораго цѣлаго, построеннаго по единому закону: закону своего стиля. Оттого, напримѣръ, одноцвѣтный рисунокъ не кажется неправдой, несмотря на то, что природа многоцвѣтна; оттого никакому самому заядлому раціоналисту не придетъ въ голову при видѣ духа Банко сказать, что никакіе духи по землѣ не ходятъ; нѣтъ, онъ знаетъ, что въ мірѣ трагедіи о Макбетѣ есть духи умершихъ; въ этомъ мірѣ свои законы, и зритель принимаетъ этотъ міръ цѣликомъ со всѣмъ его своеобразіемъ, со всѣми чудовищными нелѣпостями — вплоть до открытаго извращенія естества, какъ въ карикатурѣ, вплоть до внутренняго противорѣчія, какъ въ гротескѣ.

Это — статика художественнаго созданія; есть и его динамика. Это органическое цѣлое *живетъ*, живетъ своею самостоятельной жизнью, и самостоятельность эта способна поразить всякаго, кто пытался схватить общимъ взглядомъ произведеніе художника не въ его эстетической неподвижности, но въ его историческомъ движеніи. Завершенное, отрѣшенное отъ творца, оно свободно отъ его воздѣйствія, оно стало игралищемъ исторической судьбы, ибо стало орудіемъ чужого творчества: творчества воспринимающихъ. Произведеніе художника необходимо намъ именно потому, что оно есть отвѣтъ на наши вопросы: *наши*, ибо художникъ не ставилъ ихъ себѣ и не могъ ихъ предвидѣть. И — какъ органъ опредѣляется функціей, которую онъ выполняетъ, такъ смыслъ художественнаго произведенія зависитъ отъ тѣхъ вѣчно новыхъ вопросовъ, которые ему предъявляютъ вѣчно но-

вые, безконечно разнообразные его читатели или зрители. Каждое приближенiе къ нему есть его возсозданiе, каждый новый читатель Гамлета есть какъ-бы его новый авторъ, каждое новое поколѣнiе есть новая страница въ исторiи художественнаго произведенiя.

Къ сожалѣнiю, эта исторiя еще не написана. Наукой до сихъ поръ сдѣлано очень мало въ области изученiя судьбы художественныхъ произведенiй *послѣ* ихъ созданiя. Мы имѣемъ многочисленныя генеалогiи произведенiй, но не имѣемъ ихъ бiографiй, знаемъ ихъ предковъ, но не знаемъ ихъ собственной жизни. Мы иногда знаемъ, какъ зародилось произведенiе, откуда явился его сюжетъ, какъ общественный спросъ подсказалъ его настроенiе, какъ обиходныя формы воплотились въ его стиль, какiе личные поводы его вызвали, какъ все чужое и заимствованное перегорѣло въ индивидуальномъ творческомъ процессѣ и своеобразно отразилось въ готовомъ созданiи. Но разъ оно готово, изслѣдованiе отвернулось отъ него; оно входитъ въ исторiю литературы подъ датой появленiя—и какъ будто умираетъ. А вѣдь на самомъ дѣлѣ въ этотъ моментъ оно только начинаетъ жить, мы и терминъ тотъ же употребляемъ: появляется на свѣтъ. Возьмите любую исторiю русской литературы и культуры и посмотрите, что говорится въ ней, напримѣръ, о «Горѣ отъ ума» послѣ 1834 года. Ничего или почти ничего. А вѣдь мы почти вѣкъ послѣ этого прожили съ Чацкимъ, вѣкъ думали о немъ, вѣкъ питались имъ. Наша душевная исторiя есть его исторiя; онъ ею жилъ, онъ ею обогащался, не только мы имъ. Онъ выросъ за эти годы напряженной духовной жизни цѣлаго народа — и свой первоначальный обликъ онъ напоминаетъ, конечно, не больше, чѣмъ взрослый человѣкъ напоминаетъ ребенка, только что отдѣлившагося отъ матери.

Конечно, написать исторiю какого бы то ни было художественнаго произведенiя послѣ его завершенiя есть задача безконечной трудности. Нѣтъ матерiала, нѣтъ точки опоры; воспрiятiе, оцѣнка, пониманiе художественнаго произведенiя въ исторiи есть интимнѣйшiй процессъ, и объ этомъ процессѣ мы можемъ судить почти исключительно по такому грубому и случайному свидѣтельству какъ критика. Мы вѣдь знаемъ, какъ бѣдно литературное и вообще словесное изображенiе нашей душевной жизни въ сравненiи съ ея дѣйствительнымъ богатствомъ. Есть другiе способы, но отъ нихъ не остается почти никакихъ слѣдовъ. Какой свѣтъ на исторiю образовъ «Горя отъ ума» въ русскомъ обществѣ бросаетъ, напримѣръ, характеристика ихъ театральнаго воплощенiя въ эпоху романтической приподнятости: «Реальное казалось вульгарнымъ и низменнымъ. «Благородство» тона имѣло свое особенное толкованiе. Чацкаго игралъ, конечно, героическiй актеръ, трагикъ съ крупной фигурой и мощнымъ басомъ, Софью — актриса съ обая-

тельнымъ голосомъ и славившаяся только умѣньемъ декламировать на распѣвъ» *). Какъ захватывающе-интересна была бы исторія сценическаго истолкованія большихъ драматурговъ. Вѣдь эта исторія есть; вѣдь разнообразныя толкованія не просто механически и случайно смѣняютъ другъ друга; они вытекаютъ одно изъ другого, восполняютъ одно другое, чередуются въ зависимости отъ смѣны общественныхъ настроеній. Если есть разумная послѣдовательность въ человѣческой исторіи, то есть и исторія сценическаго образа, есть развивающаяся сценическая традиція — и мы ничего или почти ничего не можетъ схватить, закрѣпить, констатировать изъ этой исторіи; она несомнѣнна, но и неуловима. Еще болѣе неуловима, напримѣръ, исторія музыкальной интерпретаціи. Углубляется нашъ душевный міръ, развивается жизнь чувства, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, мѣняется пониманіе и передача музыкальныхъ произведеній. Мы играемъ Баха не такъ, какъ его играли при Бахѣ. И здѣсь есть, конечно, своя традиція, не только техническая, своя исторія,—а что мы знаемъ объ этой исторіи творчества исполнителей? Оно, конечно, не все умираетъ вмѣстѣ съ творцомъ, оно сохраняется отчасти въ душевной жизни и въ творчествѣ дальнѣйшихъ поколѣній, но воспроизвести для сравненія мы его не можемъ и должны удовлетворяться туманными, словесными опредѣленіями, восторгами современниковъ и теоретическими предположеніями.

Изученіе судьбы художественныхъ произведеній послѣ ихъ завершенія, конечно, влило бы новое содержаніе въ истрепанное изреченіе Теренція Мавра: habent sua fata libelli. Великое художественное произведеніе въ моментъ его завершенія—только сѣмя. Оно можетъ попасть на каменистую почву и не дать ростковъ, можетъ подъ вліяніемъ дурныхъ условій дать ростки чахлые, можетъ вырости въ громадное, величавое дерево. А мы, смотря на это дерево, почему-то думаемъ, что это то самое сѣмя. Конечно, изъ горошины не выростетъ дубъ, конечно, геніальное твореніе таитъ въ себѣ возможности, какихъ не имѣетъ художественная однодневка. Но все таки возможности эти раскрываются лишь въ общеніи съ міромъ, лишь въ коллективномъ творчествѣ, лишь въ исторіи. То, что мы открыли, напримѣръ, Тютчева есть не только радостное обогощеніе нашей душевной жизни, но и указаніе на печальнѣйшую и невозвратную потерю нашего существа; если бы мы всѣ семидесятые годы не отрывались отъ Тютчева, то и мы были бы другіе, и, главное, онъ былъ бы другой. Есть не только матеріальная патина старой бронзы; такой же благородный духовный налетъ даетъ старина и поэтическому произведенію. Вотъ пройдетъ полвѣка со смерти князя В. Ѳ. Одоевскаго, и его сочиненія освободятся отъ тяжелой власти какихъ-то наслѣдниковъ, ставшихъ

*) Вл. И. Немировичъ-Данченко въ «Вѣстн. Евр.» 1910 г., май.

между русскимъ читателемъ и авторомъ «Русскихъ ночей,—но, быть можетъ, будетъ уже поздно, возможность духовнаго контакта исчезнетъ, и не воскреснетъ къ новой и достойной жизни высокое духовное наслѣдіе, которое было бы долговѣчно, если бы его жизнь въ душахъ сочувственныхъ читателей шла непрерывно. Это не безплодная тоска о естественной невозможности историческихъ утратъ, а совершенно конкретное указаніе. И тотъ разрывъ въ культурной жизни средневѣковой Европы, послѣ котораго понадобилось *возрожденіе* духовныхъ богатствъ классическаго міра, отразился кореннымъ образомъ и навѣки на пониманіи этихъ богатствъ. Одна была бы Венера Милосская, если бы восторженное преклоненіе предъ ней имѣло за собой непрерывную традицію, и другая она теперь—послѣ многовѣкового погребенія. Не только руки потеряла богиня. Это погребеніе изуродовало ея священный образъ не только физически, но и морально.

IV.

Въ чемъ заключается исторія художественнаго произведенія послѣ его созданія?

Въ томъ, что образы, созданные художникомъ, остаются неподвижными, непоколебимыми, безсмертными, пустыми формами, которыя смѣняющіяся поколѣнія читателей заполняютъ новымъ содержаніемъ, новымъ смысломъ. Созданіе художника—это только ферментъ новой жизни, всякій художественный образъ есть, въ сущности, только прообразъ. Можно спорить о подлинномъ грибоѣдовскомъ Чацкомъ, но надо помнить, что этого подлиннаго грибоѣдовскаго Чацкаго нѣтъ, какъ нѣтъ сѣмени, изъ котораго уже выросъ дубъ. Грибоѣдовскаго Чацкаго, какъ устойчиваго образа, какъ нѣкотораго законченнаго содержанія, нѣтъ и никогда не было. *Грибоѣдовскій* Чацкій это прекрасная, необходимая абстракція, но это абстракція, схематическое представленіе, нуждающееся въ томъ, чтобы чье-нибудь индивидуальное пониманіе заполнило его содержаніемъ. Какъ живое слово есть абстракція въ словарѣ и живетъ только въ употребленіи, въ живой рѣчи, такъ художественное произведеніе существуетъ лишь въ своеобразномъ пониманіи отдѣльнаго человѣка. Чацкій Грибоѣдова существовалъ лишь въ умѣ Грибоѣдова. Мы можемъ посредствомъ научныхъ изысканій доискиваться представленія о томъ, чѣмъ былъ Чацкій для Грибоѣдова, что видѣлъ Грибоѣдовъ въ Чацкомъ, но нѣтъ нужды напоминать, въ какой степени это представленіе неточно, приблизительно, смутно и—главное—въ какой степени оно не опредѣляетъ того Чацкаго, который существуетъ въ нашей мысли, въ общемъ представленіи. Левъ Толстой сравнивалъ дѣйствіе художественнаго произведенія съ зараженіемъ: это сравненіе здѣсь особенно уясняетъ

дѣло: я заразился тифомъ отъ Ивана, но у меня мой тифъ, а не тифъ Ивана. И у меня мой Гамлетъ, а не Гамлетъ Шекспира. А тифъ *вообще* есть абстракція, необходимая для теоретической мысли и ею созданная. Свой Гамлетъ у каждаго поколѣнія, свой Гамлетъ у каждаго читателя. Они пользуются образомъ великаго поэта для того, чтобы выразить при его посредствѣ свое душевное состояніе, но, пользуясь имъ, они его преобразуютъ: расширяютъ или съуживаютъ, углубляютъ или опошляютъ, но во всякомъ случаѣ пересоздаютъ по образу и подобію своему. Какъ языкъ, по безсмертному опредѣленію В. Гумбольдта, есть не ergon, а energeia, не завершенный капиталъ готовыхъ знаковъ, а вѣчная дѣятельность мысли, такъ и художественное произведеніе, законченное для творца, есть для его современниковъ и потомковъ начало и выраженіе новаго творчества, оно есть *не произведеніе*, а *производительность*, долгая линія развитія, въ которой самое созданіе есть лишь точка, лишь моментъ; разумѣется, моментъ безконечной важности: моментъ перелома. Мы знаемъ уже, что нѣтъ въ искусствѣ, какъ и нигдѣ нѣтъ, творчества изъ ничего; мы знаемъ, что если традиція безъ творчества, ее обновляющаго, безсмысленна, то творчество внѣ традиціи просто немыслимо. Поэтъ, самый индивидуальный, связанъ готовыми формами, созданными до него. Онъ творитъ на языкѣ, который направляетъ его мысль; для него такъ или иначе неизбѣжны господствующіе поэтическіе роды, стихотворныя формы, жанры, сюжеты, пріемы; онъ получаетъ въ наслѣдіе—сознательное или безсознательное—запасъ поэтическихъ образовъ и оборотовъ, которыми пользуется свободно, увеличивая и видоизмѣняя ихъ массу.

Тщетно художникъ ты мнишь, что твореній твоихъ
ты создатель,
Вѣчно носились они надъ землей, незримые оку.

И заслуга величайшаго художника въ томъ, что онъ выкристализовалъ драгоцѣнные, твердые, опредѣленные кристаллы изъ темной, неопредѣленной массы насыщеннаго этого раствора.

Все это слишкомъ хорошо извѣстно и интересно лишь постольку, поскольку можетъ быть обосновано и ограничено новыми фактами. Здѣсь приходится напомнить объ этой многоопредѣляющей зависимости творца отъ среды и эпохи лишь затѣмъ, чтобы отмѣтить эту, такъ сказать, мгновенность того, что мы такъ тѣсно связываемъ съ художникомъ. Парадоксомъ будетъ, конечно, если мы скажемъ, что «Евгеній Онѣгинъ» существовалъ и до Пушкина, или что нынѣшній «Евгеній Онѣгинъ» уже оторвался отъ Пушкина, и принадлежитъ только намъ. Но парадоксъ этотъ высказанъ Алексѣемъ Толстымъ въ цитированномъ нами стихотвореніи, и маленькая доля истины растворена въ великой неправдѣ того и другого утвержденія. Наши усилія должны быть направлены на то, чтобы фактами

сдѣлать какъ можно конкретнѣе, какъ можно нагляднѣе и эту истину, и эту неправду.

Художественное произведеніе есть, такъ сказать, сгустокъ душевной жизни, настроеній, запросовъ, мысли. Чьей мысли? Развѣ только автора? Развѣ только предшествовавшихъ ему и его подготовившихъ поколѣній? Конечно, нѣтъ; конечно, когда художественное произведеніе дошло до насъ, оно уже вобрало въ себя и душевную жизнь всѣхъ поколѣній, отдѣляющихъ насъ отъ его появленія.

Въ полной мѣрѣ примѣнима къ художественному произведенію извѣстная теорія, которою Кирѣевскій пояснялъ Герцену свое преклоненіе передъ иконой: «Я разъ стоялъ въ часовнѣ, смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... Вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силой, струящейся изъ нея, отражающейся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между творцомъ и людьми».

Такимъ образомъ чудотворная сила иконы коренится для Кирѣевскаго не въ первоначальномъ ея освященіи, не въ непосредственномъ воздѣйствіи высшаго всемогущаго Существа, сразу вложившаго въ нее эту силу, но въ эмоціональномъ творчествѣ массы, въ томъ пламенномъ потокѣ чувствъ, который, вѣчно стремясь къ иконѣ, концентрировался въ ней, чтобы отнынѣ—не по чьей-то волѣ, а по самой своей сущности—превращать моленіе вѣрующихъ въ исполненіе. Всего важнѣе для насъ въ этомъ сравненіи даже не то, что образъ получаетъ свою силу отъ обращающагося къ нему коллектива, а то, что всякое новое обращеніе къ нему не отнимаетъ у него частицу силы, а, наоборотъ, усиливаетъ его. И въ этомъ образъ художественный совершенно сходенъ съ образомъ священнымъ.

Теоретики охотно сравниваютъ художественное произведеніе съ аккумуляторомъ, вмѣстилищемъ громадной силы, накопленной предшествующими поколѣніями и постепенно отдаваемой. Говорятъ о нѣкоторой какъ бы эманаціи, вѣчно отдѣляющейся отъ художественнаго произведенія, создающей вокругъ него особую атмосферу, охватывающую читателя, зрителя, слушателя. «Поэзія—говорилъ еще В. Гумбольдтъ—ставитъ насъ какъ бы въ нѣкоторое средоточіе, отъ котораго исходятъ во всѣ стороны лучи въ безконечное». При всей пригодности этихъ сравненій для опредѣленныхъ цѣлей, въ нихъ есть одинъ коренной порокъ. Эти сравненія, взятыя изъ міра матеріальной природы, имѣютъ въ основѣ идею

неизмѣннаго количества энергіи. Аккумуляторъ, отдавая сосредоточенную въ немъ силу, въ такой же мѣрѣ теряетъ ее. Эманація выдѣляется изъ активнаго вещества до тѣхъ поръ, пока энергія заключенная въ немъ, не истратится. Вѣдь и солнце грѣетъ потому, что когда-нибудь погаснетъ. А сила, заключенная въ художественномъ произведеніи, не тратится, а обновляется, умножается по мѣрѣ того, какъ дѣйствуетъ. Какъ Антей, созданіе художника набирается силъ отъ прикосновенія къ почвѣ, изъ которой выросло: къ массѣ, къ коллективу. Эманація вѣдь не только терминъ физико-химическій; давно уже имъ пользуется философія. Сторонники эманаціонныхъ теорій—гностики, неоплатоники—проводятъ аналогію между развитіемъ міра изъ Божества и исхожденіемъ лучей изъ солнца. Такимъ образомъ, эманація разсматриваетъ весь міровой процессъ, какъ постепенное ухудшеніе путемъ истеченія, и философія противополагаетъ ей идею эволюціи, идею не нисхожденія, но развитія, постепеннаго усложненія, углубленія, обогащенія. Вотъ, воспользовавшись этими философскими терминами, мы скажемъ, что объ эволюціи художественнаго произведенія, о его развитіи послѣ момента его созданія говорить полезнѣе, чѣмъ о его эманаціи. Понимать значитъ вкладывать свой смыслъ—и исторія каждаго художественнаго изданія есть постоянная смѣна этихъ новыхъ смысловъ, новыхъ пониманій. Художественное произведеніе умираетъ не тогда, когда оно въ постоянномъ примѣненіи истратило свою силу: примѣняясь, оно обновляется. Оно умираетъ тогда, когда перестаетъ быть ферментомъ броженія, когда перестаетъ заражать, когда попадаетъ въ среду *иммунную,* сказалъ бы теперешній естествоиспытатель — въ среду, не чувствительную къ его возбудительной дѣятельности.

Залогъ его жизнеспособности—его емкость. Чѣмъ больше оно можетъ вобрать содержанія, чѣмъ шире кругъ тѣхъ жизненныхъ явленій, на которыя оно можетъ дать отвѣтъ, чѣмъ сильнѣе возбудитель мысли, заключенный въ немъ, тѣмъ оно живучѣе. Его будутъ толковать, примѣнять. понимать и тѣмъ переводить изъ міра временнаго въ область безсмертнаго,

Мы знаемъ, что это необходимое разнообразіе пониманій художественнаго произведенія безконечно. Они смѣняютъ другъ друга въ исторіи, борются, сплетаются и видоизмѣняютъ первоначальный замыселъ поэта до неузнаваемости. «Венеціанскій купецъ», задуманный, какъ комедія съ Антоніо—какъ показываетъ заглавіе—въ видѣ героя, сдѣлался трагедіей Шейлока, и нѣтъ уже силы, которая заставила бы насъ смѣяться тамъ, гдѣ заливались здоровымъ смѣхомъ Возрожденія зрители «Глобуса». Для художественнаго наслажденія не обязательны ни указанія исторической критики, ни автентическое толкованіе. Что мнѣ въ замыслѣ автора, если твореніе переросло всѣ его намѣренія? Тамъ, гдѣ мы имѣемъ откровенно теедендіозное произведеніе, это очевидно; пусть поэтъ «отправляется отъ идеи»; мы

къ этому равнодушны: намъ важна не та абстракція, изъ которой онъ исходилъ, но тотъ конкретный міръ, къ которому принесли его волны его творчества. Что мнѣ въ тенденціяхъ Льва Толстого? Въ безконечномъ богатствѣ образовъ, мыслей, наблюденій, отношеній, которое называется «Анной Карениной», въ чарующемъ образѣ Анны, въ ея страшной судьбѣ и неотразимой прелести кто же могъ вычитать одно голое поученіе: «Мнѣ отомщеніе и Азъ воздамъ»? Извѣстенъ ходовой критическій шаблонъ: критикъ, несогласный съ тенденціей автора, говоритъ, что жизненная правда его талантливаго произведенія отвергаетъ его тенденцію, и факты, сообщенные имъ, убиваютъ его публицистическую преднамѣренность. Посредствомъ нехитрыхъ пріемовъ сіе обыкновенно и доказывается. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда художникъ не отправлялся отъ идеи, не иллюстрировалъ тезисъ, а творилъ свободно, его замыселъ не можетъ лишить насъ права на свободное отношеніе къ его произведенію, его толкованіе не можетъ считаться непререкаемымъ, не можетъ и не должно замѣнять намъ самостоятельную работу нашей мысли.

Вопросъ только о предѣлахъ этой работы, о ея направленіи, о ея значеніи. Чѣмъ вдумчивѣе художники, отказываясь комментировать свои произведенія, чѣмъ шире свобода, предоставляемая творческому толкованію теоріей, тѣмъ выше притязанія толкователей—и иногда чувствуется необходимость не только обуздать того или иного зазнавшагося представителя такъ называемой субъективной критики, но и попытаться найти общія теоретическія основы для того, чтобы положить предѣлъ этой самомнительной разнузданности произвольныхъ толкованій.

V.

Изъ того, что наше пониманіе перерастаетъ образы художника, создается иллюзія, будто мы своимъ индивидуальнымъ толкованіемъ даемъ нѣчто болѣе высокое. «Ты считаешь себя выше Аристотеля»,—сказали какому-то второстепенному философу».—«Конечно, я выше,—отвѣтилъ онъ:—вѣдь я стою на его плечахъ». Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исторической послѣдовательности, о разницѣ степеней, это, пожалуй, вѣрно; но полагать, что толкователь выше художника потому, что опирается на него, нелѣпо уже потому, что самый геніальный толкователь опирается, естественно, лишь на часть художественнаго замысла. А между тѣмъ, такія притязанія—дѣло обиходное. Вотъ что пишетъ старый критикъ Языковъ въ статьѣ «Безсиліе творческой мысли» («Дѣло» 1875 г. іюнь), посвященной Островскому:

«Русскіе романы и повѣсти никогда не стояли на высотѣ русской критики. Критика уясняла беллетристическія произведенія

не только читающимъ, но и самимъ авторамъ; нерѣдко она говорила то, что авторъ и не думалъ говорить... Такъ, Добролюбовъ въ «Темномъ царствѣ» повторилъ басню объ орлѣ и паукѣ и унесъ съ собою на облака Островскаго, который никогда не предполагалъ улетѣть такъ высоко («Дѣло», 1875 г., іюнь). Еще дальше пошла извѣстная въ свое время поэтесса А. П. Барыкова. Получивъ отъ редакціи «Посредника» предложеніе передѣлать «Донъ-Кихота» для народнаго чтенія, она, между прочимъ, пишетъ въ отвѣтъ: «Я очень, очень люблю и уважаю «Донъ-Кихота» и не понимаю, какъ могъ Сервантесъ надъ этимъ типомъ смѣяться и рисовать его въ каррикатурѣ... Это Сервантесъ его въ шуты гороховые нарядилъ, а *онъ* былъ самоотверженный, безстрашный, прекрасный и добрый. Я знаю «Донъ-Кихота» лучше, чѣмъ его авторъ».

Да, вѣка прошли съ созданія «Донъ-Кихота» и пересоздали его, и этого новаго нашего Донъ-Кихота, создателемъ котораго надо считать не только Сервантеса, но, напримѣръ, и Тургенева, мы пожалуй, знаемъ если не «лучше», то лучшимъ, чѣмъ Сервантесъ. Все-таки въ этой обнаженной формѣ категорическія притязанія Барыковой звучатъ забавно. Мы имѣемъ однако и болѣе высокія формы этой притязательности критиковъ. Достоевскій разсказалъ намъ, какъ Бѣлинскій, придя въ изступленный восторгъ отъ «Бѣдныхъ людей», «пламенно, съ горящими глазами» доказывалъ молодому писателю, что онъ самъ не понимаетъ своего произведенія. «Да вы понимаете-ль сами-то,—повторялъ онъ,—что вы такое написали!.. Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали?.. Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ ужъ это понимали... Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертой, разомъ, въ образѣ выставляете самую суть, чтобы ощупать можно было рукой, чтобъ самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно!»

Въ словахъ Бѣлинскаго какъ будто скрыта мысль, что Достоевскій только талантливо популяризовалъ вещи, извѣстныя до него. И странное выходитъ противорѣчіе: «самому неразсуждающему читателю» дѣлаетъ «вдругъ все понятно» тотъ, кто самъ «не можетъ быть, чтобы въ свои двадцать лѣтъ уже это понималъ». Вопросъ о томъ, что́ самъ художникъ понимаетъ въ своемъ произведеніи, сводится, конечно, къ вопросу объ условномъ значеніи слова «понимать». Къ міру, созданному художникомъ, критикъ и толкователь можетъ относиться лишь такъ, какъ познаніе самого художника относится къ міру, созданному Творцомъ вселенной: понимать его значитъ выбирать; понимать значитъ смотрѣть съ одной, хотя бы и самой возвышенной точки зрѣнія; понимать нельзя, не будучи одностороннимъ. Этой односторонности, конечно,

лишенъ истинный художникъ по отношенію къ своему произведенію. Достоевскій охватывалъ своимъ взоромъ весь міръ своего романа, Бѣлинскій видѣлъ его частицу, обострялъ ее, подчеркивалъ и уяснялъ въ степени, быть можетъ, недоступной для Достоевскаго. И вотъ отвѣтъ на сомнѣнія Бѣлинскаго: его толкованіе для насъ черезъ полвѣка—есть ничтожная доля смысла «Бѣдныхъ людей», который растетъ и ширится и охватываетъ собою всякое новое пониманіе. И какъ бы высоко ни ставилъ Тургеневъ Донъ-Кихота, его толкованіе есть лишь одна сторона «Донъ-Кихота» Сервантеса; и какъ бы ни былъ углубленъ «Вишневый садъ» въ изображеніи Художественнаго Театра, его «Вишневый садъ» есть лишь частица драмы Чехова.

И хорошо еще, если это подлинный Чеховъ, а не нѣчто въ высшей степени самостоятельное, сочиненное по поводу Чехова. Это называется субъективностью толкованія, но сплошь и рядомъ это прямое извращеніе замысла автора.* Интерпретирующее творчество плодотворно только тогда, когда опирается на созданіе художника, когда ограничивается дѣйствительнымъ истолкованіемъ настоящаго художественнаго произведенія. Истинный художникъ не нуждается въ такихъ читателяхъ; онъ ихъ боится: выходя изъ-подъ его контроля, они неминуемо должны извратить его замыселъ. Насколько дорогъ ему читатель мыслящій, настолько вреденъ читатель сочиняющій. И эти вотъ самостоятельные домыслы сочиняющаго читателя-критика или музыканта-исполнителя, или актера-истолкователя тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ выше и законнѣе полная свобода толкованія. Исторія литературы, исторія сцены, исторія критики и просто житейскій обиходъ насчитываютъ множество фантастическихъ, нелѣпыхъ, произвольныхъ толкованій художественныхъ произведеній, и основная, быть можетъ, единственная причина этихъ извращеній—неумѣніе проникнуться общимъ духомъ произведенія, нежеланіе понять его прежде всего, какъ замыселъ его творца.

Произведеніе художника есть, какъ мы знаемъ, самостоятельное, законченное, уравновѣшенное цѣлое—система—и оно должно быть истолковано *какъ цѣлое*. Въ противномъ случаѣ,—если оно не однородно, если оно въ своемъ существѣ или въ частностяхъ противорѣчиво,—его противорѣчія должны быть указаны точно, опредѣленно и обоснованно, безъ умолчаній, безъ попытокъ передѣлать чужое созданіе на нашъ ладъ и тѣмъ приспособить его къ нашему толкованію. Оно должно свободно и легко совпадать съ нашимъ пониманіемъ—безъ натяжекъ, безъ затушевыванія того, что намъ неудобно.

Между тѣмъ—мы знаемъ—такія натяжки и извращенія, особенно въ нѣкоторыхъ областяхъ художественнаго воспроизведенія, дѣло заурядное. Литературное истолкованіе, литературная критика въ этомъ повинны относительно слабо. Но извѣстно, что, напримѣръ,

сценическое истолкованіе кишитъ такими извращеніями, подчасъ невѣроятными. Конечно, положеніе артиста не то, что положеніе критика; критикъ можетъ удовлетвориться анализомъ поэтическаго образа; артистъ не можетъ уклониться отъ обязанности дать художественный синтезъ. Даже въ томъ случаѣ, когда онъ чуждъ творческаго вдохновенія, когда онъ играетъ отъ реплики къ репликѣ, въ основѣ его передачи все-таки лежитъ хоть безсознательно нѣкоторое общее представленіе объ изображаемомъ имъ характерѣ, о его роли, о типѣ. Задача изъ трудныхъ: надо творить, считаясь въ каждомъ движеніи своего творчества съ чужимъ созданіемъ, ни въ чемъ ему не противорѣча, стараясь быть свободнымъ и чувствуя себя законно связаннымъ. Естественно, что слабые выходятъ изъ этого неудобнаго положенія, разрѣшая себѣ полную, необузданную свободу—не считаясь съ опредѣленными требованіями драматурга: съ его текстомъ, его ремарками, его стилемъ, его общимъ духомъ. Этими нарушеніями воли, какъ извѣстно, богата сценическая практика, и едва ли многіе изъ театральныхъ дѣятелей могутъ похвалиться дѣйствительно благоговѣйнымъ отношеніемъ къ поэтамъ, образы которыхъ они призваны были творчески истолковать. Не даромъ величайшій драматургъ, который былъ также и актеромъ, вложилъ въ уста своему популярнѣйшему герою эту извѣстную жалобу на актерское своеволіе: «Не позволяй также шутамъ болтать болѣе, чѣмъ написано въ пьесѣ,—говоритъ Гамлетъ актеру.— Я встрѣчалъ между ними такихъ, которые для того, чтобы вызвать смѣхъ нѣсколькихъ глупцовъ, дурачились въ такихъ интермедіяхъ, когда, напротивъ, слѣдовало дать зрителямъ отдохнуть, чтобъ обдумать и усвоить видѣнное. Это нехорошо и обличаетъ только жалкое самолюбіе въ актерѣ, не брезгающемъ подобными продѣлками». Гамлетъ говоритъ объ интермедіяхъ, гдѣ импровизаціи комика предоставлено относительно свободное поле дѣйствія. Насколько же строже долженъ быть артистъ, когда рѣчь идетъ о самой ткани драмы—и какъ рѣдко бываютъ строги артисты! Если нуженъ болѣе тонкій примѣръ въ болѣе близкой намъ обстановкѣ, то достаточно напомнить, что, напримѣръ, Стокманъ у Ибсена все время протестуетъ противъ сплоченнаго *либеральнаго* большинства, а въ передачѣ Художественнаго Театра о «либеральномъ» не было ни слова; изъ Стокмана, рѣшительнаго индивидуалиста, рѣшительнаго противника всякой борьбы сомкнутыми рядами, всякой партіи уже потому, что она партія, дѣлался—въ соотвѣтственно настроенной аудиторіи—проповѣдникъ либерализма и дружной борьбы съ реакціей. По обстоятельствамъ времени, можетъ быть, эта неправда была полезна; не только политика, но и строгая мораль знаетъ условіе, которыми бываетъ оправдана pia fraus. Но искусство, какъ и наука, знаетъ только одну ложь—и одну знаетъ ей цѣну.

VI.

Едва ли не опаснѣе прямыхъ извращеній, которыя ясны, потому что грубы,—произвольныя истолкованія умолчаній драматурга. Авторъ предоставляетъ необходимый просторъ творчеству толкователя; онъ не можетъ и не хочетъ опредѣлять заранѣе каждый шагъ артиста, и нѣтъ возможности указать напередъ, чего артистъ не долженъ дѣлать. Изъ этого получается своеобразное положеніе: все, что кажется недоговореннымъ—а недоговоренность есть естественное свойство искусства—заполняется посредствомъ пріемовъ, основная тенденція которыхъ одна: не считаться съ замысломъ автора. Уже языкъ, чуткій къ колебаніямъ дѣйствительности, создалъ соотвѣтственную терминологію. Мы знаемъ сочиненное Брюлловымъ великолѣпное словечко «отсебятина» — и нигдѣ оно не стало въ такой степени узаконеннымъ терминомъ, какъ въ театральномъ быту; и, конечно, новѣйшая критика также имѣетъ на него право. Въ нѣмецкомъ театральномъ словарѣ есть также ядовитый эпитетъ «ein denkender Schauspieler»; такъ называется актеръ, щеголяющій своеобразіемъ пониманія, сочиняющій тонкіе «нюансы» безъ всякаго къ тому основанія. Заполнять своимъ творчествомъ замыселъ автора, конечно, можно и должно, но это творчество неизмѣнно должно восходить къ замыслу, считаться съ нимъ, восполнять его, а не пользоваться его недосказанностью для оправданія «отсебятины». И не часто даже въ оцѣнкѣ большихъ артистовъ мы найдемъ такое трогательное признаніе, какое слышится въ рѣчи Островскаго на обѣдѣ писателей въ честь Мартынова:

«... Можно угодить публикѣ, угождать ей постоянно, не удовлетворяя нисколько автора; примѣръ этому мы видимъ часто. Но ни одинъ изъ русскихъ драматическихъ писателей не можетъ упрекнуть васъ въ этомъ отношеніи... Вы не старались выиграть въ глубинѣ на счетъ пьесы, а, напротивъ, успѣхъ вашъ и успѣхъ пьесъ были неразрывны. Вы не оскорбляли автора, вырывая изъ роли серьезное содержаніе и вставляя, какъ въ рамку, свое, большею частью характера шутливаго, чтобы не сказать рѣзче. Ваша художественная душа всегда искала въ роли правды и находила ее часто въ однихъ намекахъ. Вы помогали автору, вы угадывали его намѣренія, иногда неясно и неполно выраженныя; изъ нѣсколькихъ чертъ, набросанныхъ неопытной рукой, вы создавали оконченные типы, полные художественной правды».

Въ наши дни не принято угадывать намѣренія авторовъ. Скорѣе наоборотъ: и театръ, и читатели склонны цѣнить тѣхъ авторовъ, которые нуждаются не въ угадкѣ, а въ выдумкѣ, которые даютъ полную свободу сочинить что-нибудь «по поводу» и ничего противъ этого сочиненія не имѣютъ—оно не можетъ ихъ извратить. И какіе же авторы могутъ быть святыней для нынѣшняго

дѣятеля сцены, когда въ отвѣтъ на соображенія, высказанныя въ этой статьѣ, одинъ извѣстный и талантливый режиссеръ отвѣтилъ, что для него, какъ для художника сцены, всякій авторъ есть лишь сырье, лишь матеріалъ—такой же матеріалъ, какимъ была жизнь для художника. Сцена не комментируетъ драматурга, не иллюстрируетъ его, а перевоплощаетъ,—какимъ бы извращеніемъ ни представлялось это перевоплощеніе, и что бы для него ни понадобилось, хотя бы искромсать Шекспира.

Къ чему *практически* ведутъ эти воззрѣнія, показываетъ недавняя жалоба одного драматурга; и, право, какъ ни цѣнить его, его весьма второстепенное литературное значеніе не лишаетъ эту жалобу основательности. «Въ одномъ лишь второмъ актѣ моей пьесы режиссеръ вводитъ *четырнадцать* новыхъ, своихъ дѣйствующихъ лицъ. Правда, онъ не далъ имъ своихъ словъ. До этого еще не дошло. Но, я думаю, скоро дойдетъ и до этого... Благодаря этому получилось слѣдующее.

«Эти 14 дѣйствующихъ лицъ появлялись въ разное время въ видѣ разнообразныхъ «просителей» и, не имѣя никакого отношенія къ развитію дѣйствія и къ пьесѣ вообще, зря отвлекали вниманіе зрителя отъ игры основныхъ дѣйствующихъ лицъ или зря заинтересовывали его, потому что зритель могъ предположить, что новое лицо появляется не даромъ. Одну особу въ ротондѣ на бѣломъ мѣху, какую-то суетливую барыню, бѣгавшую отъ одной двери къ другой, режиссеръ выпускалъ въ этомъ актѣ четыре раза. И, конечно, когда она бѣжала по сценѣ въ четвертый разъ, публика смѣялась. Но, за этимъ совсѣмъ не нужнымъ по пьесѣ и для пьесы смѣхомъ, публика не слыхала словъ моихъ, основныхъ дѣйствующихъ лицъ» *)...

Формально режиссеръ, конечно, неуязвимъ: невозможно отнять у него право создавать соотвѣтственную бытовую обстановку, творить изъ намековъ автора, развивать его замыселъ. Это его дѣло. Въ концѣ-концовъ между сценаріемъ и законченной драмой—разница только въ степени. И то и другое есть въ данномъ случаѣ только схема, которая получаетъ жизненное содержаніе отъ сценическаго воплощенія. Однѣ ремарки, на которыя такъ скупъ Шекспиръ и такъ щедры современные драматурги, представляютъ собой необозримый матеріалъ для развитія, для творчества. Какъ легко замѣнить это творчество хитрой выдумкой, имѣющей результатомъ все, что угодно, кромѣ выясненія смысла, духа, стиля произведенія. Сплошь и рядомъ артисты и критики, сосредоточивая свое вниманіе на какой-нибудь частности, забываютъ о цѣломъ, увлекаясь эстетикой оригинальнаго и своего построенія, отвлекаются отъ общаго духа произведенія, изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса,—тогда какъ художественное произведеніе можетъ быть понято и

*) Рышковъ въ «Театрѣ и Искусствѣ», 1910 г. № 3.

надлежащимъ образомъ истолковано лишь какъ нѣкоторое органическое цѣлое, охватываемое единымъ и всеобъемлющимъ объясненіемъ. И въ литературѣ, какъ и на сценѣ, громадное большинство непріемлемыхъ, нелѣпыхъ, хотя бы и чрезвычайно остроумныхъ проведенныхъ объясненій, коренится въ томъ, что критикъ комбинировалъ частности, забывая о цѣломъ. О частныхъ извращеніяхъ и говорить не стоитъ. Такихъ случаевъ, когда толкователь въ стремленіи пересоздать образъ, объяснить его на свой образецъ, видоизмѣняетъ его частности, прямо противорѣчитъ не только замыслу, но и яснымъ указаніямъ художника,—сколько угодно. Иногда въ этомъ никого винить не приходится. Вотъ, мы видѣли, изъ комедіи о венеціанскомъ купцѣ Антоніо исторія сдѣлала трагедію Шейлока. Въ немъ сосредоточился весь смыслъ пьесы, онъ сталъ ея героемъ; естественно, что вся драма перестроилась для насъ. Во-первыхъ, мы не вѣримъ въ ея благополучно-позорный исходъ для Шейлока; мы лучше Шекспира знаемъ, что Шейлокъ — тотъ Шейлокъ, котораго изобразилъ для насъ Шекспиръ — немыслимъ въ позѣ ренегата: какъ истинный трагическій герой, онъ долженъ погибнуть. И, во-вторыхъ: разъ Шейлокъ—герой драмы, то намъ не нуженъ ея пятый актъ, гдѣ его нѣтъ, гдѣ его забыли, гдѣ шутятъ и веселятся; и въ самомъ дѣлѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ театры и не ставятъ пятаго акта драмы: она кончается хоть и не трагедіей, но и не фарсомъ. Фарса о Шейлокѣ не могъ бы осмыслить и принять современный зритель.

Но это, можно думать, исключительный случай. А какъ часто самые добросовѣстные изслѣдователи, толкуя по своему художественное произведеніе, извращаютъ его въ той или иной частности! Достаточно напомнить, что Тургеневъ, въ стремленіи во что бы то ни стало противопоставить Донъ-Кихота Гамлету, замѣчаетъ: «Донъ-Кихотъ едва знаетъ грамотѣ». На самомъ дѣлѣ не только болѣзнь Донъ-Кихота связана съ его начитанностью, но онъ—и это было указано не разъ — для своего времени очень образованный человѣкъ. Но это—частность; въ общемъ пламенный панегирикъ, созданный Тургеневымъ въ честь Донъ-Кихота, есть одна изъ глубочайшихъ характеристикъ бѣднаго рыцаря—и, конечно, Сервантесъ не отказался бы ее принять. А сколько критиковъ, доходящихъ до геркулесовыхъ столповъ непониманія въ своемъ бурномъ стремленіи понять художественное произведеніе непремѣнно по своему! Полагаемъ, не нужны комментаріи къ такому, напримѣръ, эпизоду въ исторіи истолкованія Шекспира:

«Въ числѣ комментаріевъ къ «Отелло» приведемъ одинъ изъ новѣйшихъ, отличающійся несомнѣнной оригинальностью. Онъ былъ помѣщенъ въ «Запискахъ» нью-іоркскаго шекспировскаго общества и въ 1899 г. изданъ отдѣльною книгой: «A further study of the Otello». Авторъ Уэлькеръ Гивенъ имѣетъ притязаніе доказать, что всѣ предшествующіе комментаторы и критики этой трагедіи не примѣтили главной въ ней черты которая ставитъ ее еще выше,

чѣмъ признаютъ ея почитатели. По мнѣнію Гивена, Шекспиръ явился въ ней первымъ борцомъ противъ расовыхъ предразсудковъ, вывелъ въ лицѣ Отелло такого представителя черной расы, который нравственно выше и чище всѣхъ европейскихъ героевъ великаго трагика.

«Отелло-негръ и былъ рабомъ, но возвысился до степени вождя европейскаго войска, снискалъ любовь «бѣлой» патриціанки, къ тому же выросшей среди богатства и изящества, одаренной тонкой природой и чистотою, существа почти святого. Но какъ такое существо могло отдаться негру, какъ могъ допустить нѣчто подобное Шекспиръ въ Елизаветинское время въ Англіи, когда негровъ за связь съ бѣлыми женщинами закапывали живыми въ землю по грудь и умерщвляли голодомъ, причемъ за одну подачу жертвѣ пищи полагалась смертная казнь?

«Гивенъ доказываетъ невозможность такого пониманія, говоритъ что тогдашніе зрители были бы возмущены этими фактами и не позволили бы представлять такую пьесу. Если же они этого не сдѣлали, а наоборотъ, увлеклись ею, то это значило, что имъ было понятно одно такое намѣреніе Шекспира, которое осталось непонятымъ всѣми его толкователями. Намѣреніе это, по словамъ Гивена, заключалось въ томъ, чтобы представить Отелло не простымъ звѣрскимъ ревнивцемъ, но человѣкомъ нравственно-высшимъ, способнымъ на чисто-идеальную любовь. Онъ обожалъ въ Дездемонѣ совершенство физической и нравственной красоты, и ихъ любовь, ихъ бракъ—были платоническими. Вотъ, что, по увѣренію Гивена, примиряло современныхъ зрителей съ бракомъ, противъ котораго отецъ Дездемоны, Брабанціо, такъ возмущался, что умеръ съ горя по его заключеніи.

«И вотъ, новый комментаторъ положительно утверждаетъ (и этому посвящена вся его книга), что бракъ этотъ былъ заключенъ— только въ смыслѣ идеальной любви и въ глазахъ закона, но не въ смыслѣ супружескаго сожитія. Въ подтвержденіе своего взгляда Гивенъ приводитъ нѣсколько малодоказательныхъ словъ дѣйствующихъ лицъ, словъ, которымъ онъ даетъ произвольно расширенное значеніе. Но при этомъ онъ ссылается и на одинъ такой фактъ, въ которомъ позволительно видѣть, если и не доводъ, то слабое основаніе для довода. Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что, осыпанная тяжкими и грубыми оскорбленіями мужа, Дездемона велитъ прислуживающей ей Эмиліи постлать ей на слѣдующую ночь (въ которую совершилось убійство) «ея брачныя простыни». Припоминая значеніе, какое придавалось въ тѣ времена (какъ то было и въ московскомъ государствѣ) доказательствамъ непорочности невѣсты, Гивенъ утверждаетъ, что Дездемона рѣшилась опровергнуть обвиненіе, сдѣлавшись фактическою женою Отелло, а потому и хотѣла явиться вновь съ обстановкой невѣсты. Иначе, по мнѣнію Гивена, немыслимо, чтобы Дездемона велѣла постлать свадебное бѣлье именно послѣ того, какъ Отелло назвалъ ее падшею женщиной и еще хуже.

«Въ идеальности любви и самого брака критикъ видитъ черту деликатности Отелло, и ею-то Шекспиръ примирилъ свою публику съ бракомъ, который долженъ былъ казаться возмутительнымъ, и, такъ сказать, одухотворилъ этого негра, поставивъ его выше всѣхъ своихъ героевъ бѣлой расы. Въ увлеченіи своей догадкой, Гивенъ доходитъ до того, что предполагаетъ фактъ этотъ извѣстнымъ самому венеціанскому сенату, который въ противномъ случаѣ, вѣроятно, отрѣшилъ бы Отелло отъ командованія, но, зная о «фактѣ», признаетъ, что Отелло, способный къ такому воздержанію и нравственной дисциплинѣ, тѣмъ самымъ доказываетъ и свою способность повелѣвать другими» *).

Русскій изслѣдователь, познакомившій насъ съ критической экстравагантностью глубокомысленнаго американца, споритъ съ нимъ, разбиваетъ его въ подробностяхъ, ловитъ на противорѣчіяхъ, доказываетъ даже, что Отелло менѣе черенъ, чѣмъ абиссинецъ, и болѣе черенъ, чѣмъ арабъ . . . Но стоитъ ли? Не достаточно ли отвернуться отъ него и сказать читателю: прочитайте «Отелло», сосредоточьтесь, войдите въ міръ трагедіи. Едва ли остроумные доводы американскаго аболиціониста будутъ имѣть послѣ этого какой бы то ни было вѣсъ. Они,—какъ дьявольское навожденіе для вѣрующаго: приходятъ, смущаютъ, и исчезаютъ отъ одного вѣянія святого духа художественной цѣлокупности. И спорить съ такимъ критикомъ надлежитъ, не опровергая его частности, не подкапываясь подъ его постройку, но однимъ ударомъ опрокидывая ее. Такимъ ударомъ служитъ обыкновенно доводъ элементарнаго здраваго смысла, раскрывающій не то что невѣрность, а невѣроятность, и съ нею тщету и нищету хитроумнаго построенія. Оно невѣроятно, а стало быть, неинтересно: это—безпредметная игра ума, какъ всякая игра, ни въ чемъ не убѣждающая.

VII.

Каковы опасности этой игры, можно судить по тѣмъ случаямъ, когда толкованіе дѣйствительно создаетъ автора, котораго до тѣхъ поръ въ самомъ дѣлѣ не существовало. Сплошь и рядомъ благожелательнымъ толкованіемъ пытаются спасти безсмыслицу, и на время успѣваютъ и въ этомъ. Еще хуже, что эта благожелательность иногда подстрекаетъ къ безсмыслицѣ. Темныхъ изреченій оракула не было бы, если бы толпа вѣрующихъ не ломала бы себѣ голову надъ ними; и французскій сонетъ, состоящій изъ однихъ собственныхъ именъ, вѣрно, не былъ бы написанъ, если бы у поэта не было друзей, готовыхъ понять и истолковать безсмысленное. Захотѣвъ, не такъ ужъ трудно осмыслить, что угодно. Нагромоздите безъ всякаго порядка рядъ совершенно произвольныхъ

*) Л. А. Полонскій, предисл. къ „Отелло" въ „Библіотекѣ великихъ писателей" С. А. Венгерова: Шекспиръ, т. III.

знаковъ и назначьте высокую награду за разрѣшеніе этой яко бы загадки, и непремѣнно найдется хитроумная голова, которая внесетъ какую-нибудь—и вполнѣ защитимую—систему въ этотъ сумбуръ. Порядокъ буквъ во французской азбукѣ, какъ извѣстно, произволенъ: это—сохранившійся порядокъ финикійскаго алфавита; смыслъ этого порядка намъ неизвѣстенъ. А французскій острякъ внесъ въ него свой смыслъ, доказавъ, что это—драма; она извѣстна всѣмъ—Пушкинъ внесъ ее, какъ курьезъ, въ свою записную книжку: «Abbé, cédez.»—«J'ai hâché.»—«Ikaël aime Eno.»—«Pécu est resté» и т. д. Примѣровъ *такого* осмысленія безсмыслицы сколько угодно: вѣдь и оно коренится въ существѣ нашей мысли. И между людьми, которые въ разбросанныхъ по небу свѣтилахъ увидали медвѣдицу, центавра, лиру, близнецовъ, и читателями, которые съ простодушнымъ глубокомысліемъ принимаютъ въ серьезъ произведенія, пригодныя лишь въ пародіи, разница не велика. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ, какъ въ юности, раздраженный самомнительными умствованіями стараго мартиниста Рубановскаго, онъ выдалъ ему свою пародію за подлинное масонское произведеніе нѣкоего Вольфа, и какъ удалась эта игра:

«Ломая голову, какъ бы мнѣ отбиться отъ докукъ старика, я напалъ на мысль сочинить какой-нибудь вздоръ, разумѣется, въ темныхъ, мистическихъ выраженіяхъ, и выдать этотъ вздоръ за сочиненіе Вольфа. Къ этому присоединилось желаніе испытать, какъ Рубановскій будетъ находить смыслъ и объяснять то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла. Мнѣ захотѣлось самому вполнѣ, такъ сказать, наглядно убѣдиться въ совершенномъ произволѣ и ложности его толкованій, къ которымъ прибѣгалъ онъ во время нашихъ споровъ, при нашемъ общемъ чтеніи мистическихъ книгъ,—и я рѣшился на поступокъ, совершенно мнѣ несвойственный. Я написалъ девять отрывковъ. Всѣ они состояли изъ пустого набора словъ и великолѣпныхъ фразъ, безъ всякаго смысла; но въ то же время я постарался придать написанному мною нѣкоторую внѣшнюю связь и мистическое значеніе. Пріемы же я заимствовалъ изъ сочиненій Эккарстгаузена, Штиллинга и самого Лабзина. Сначала я сказалъ Рубановскому, что есть надежда списать кое-что, и, наконецъ, принесъ такъ давно желанные имъ отрывки изъ мнимыхъ сочиненій Вольфа. Я пріѣхалъ часа за два до обѣда; мы заперлись со старикомъ въ его комнатѣ, и я, не безъ внутренняго волненія и упрековъ совѣсти, прочелъ ему листовъ шесть написаннаго мною вздора. Во время чтенія я нѣсколько разъ останавливался, говоря: «Какая дичь, какая безсмыслица, какая галиматья!» Но старикъ съ сожалѣніемъ улыбался, повторяя свои выраженія, что «это не про васъ и не для васъ писано». Я попросилъ растолковать мнѣ—*и онъ толковалъ цѣлый часъ*».

И правда или неправда обѣжавшая въ прошломъ году парижскія газеты исторія о написанной ослинымъ хвостомъ и принятой за подлинное художественное произведеніе картинѣ,—она правдо-

подобна, и едва ли можно чѣмъ либо предотвратить эти неизбѣжные случаи пониманія сумбура, признанія безсмыслицы. Здѣсь неизбѣжная антиномія. Къ произведенію человѣческаго творчества надо подходить съ открытой душой, съ безконечнымъ довѣріемъ, съ рѣшимостью принять его. Зритель, читатель открываетъ неограниченный кредитъ художнику—и въ этомъ залогъ его пониманія. Но здѣсь же и опасность: легко довѣриться тому, что не имѣетъ права на это довѣріе. Рѣшившись понимать, слишкомъ легко понять то, что въ сущности не подлежитъ никакому пониманію. Здѣсь рискуетъ не только публика, здѣсь подвергается страшнѣйшему искушенію художественная честность творца. Бываютъ эпохи, когда затихаетъ спросъ на законченность, отчетливость, ясность, когда является жажда полутоновъ, и когда искусство слова объявляетъ себя поэзіей намековъ. Въ такія эпохи—и, кажется, мы только что разстались съ такою—мы чаще всего встрѣчаемся съ упадкомъ художественной добросовѣстности. Творчество замѣняется спекуляціей на догадливость, разсчетомъ на то, что повадливая мысль читателя, воспользовавшись недодуманными и безсодержательными намеками автора, сообщитъ имъ смыслъ и содержаніе, растолкуетъ по своему то, что безтолково по существу. Преднамѣренная неясность становится тягостнымъ соблазномъ даже тѣхъ, кто додумалъ до конца свою мысль; эта соблазнительная темнота прикрываетъ безпомощность тѣхъ, кому просто нечего сказать. Кончается подлинное творчество поэтовъ, начинается второсортное творчество воспринимающихъ, надъ которымъ такъ забавно издѣвался Гете:

Im Auslegen seid frisch und munter,
Legt ihr's nicht aus, so legt was unter.

Это такъ легко и просто: сочинить что нибудь свое по поводу поэта и приписать ему. Оно и заманчиво: оно поражаетъ неожиданностью и даетъ видимость глубокомыслія. Да оно и бываетъ и остроумно и глубокомысленно. Только разъясненный авторъ здѣсь не причемъ. Для толкователей этого рода—какъ правильно замѣтилъ недавно Лансонъ—«Монтень или Руссо—только гири, которыми они жонглируютъ: все дѣло въ томъ, чтобы публика удивлялась силѣ или ловкости критика». Да и въ этомъ, пожалуй, не было бы ничего страшнаго, если бы здѣсь Руссо, откровенно сочиненный, не выдавался за Руссо подлиннаго. Лансонъ упрекаетъ въ этомъ импрессіонистскую критику. «Вся бѣда въ томъ, что она никогда не остается въ границахъ. Пусть человѣкъ опишетъ, что происходитъ въ немъ, когда онъ читаетъ ту или другую книгу, и пусть онъ ограничится только изображеніемъ своей внутренней реакціи, не утверждая ничего другого—его свидѣтельство будетъ драгоцѣнно для исторіи литературы и никогда не будетъ лишнимъ. Но рѣдко критикъ можетъ устоять противъ искушенія примѣшать къ своимъ впечатлѣніямъ историческія сужденія или выдать свое

индивидуальное пониманіе за подлинную сущность предмета». Это слишкомъ естественно. Въ своей субъективности мы готовы сознаться, лишь пока мы въ области чистой теоріи. А, толкуя произведеніе искусства, мы непремѣнно приписываемъ наше толкованіе художнику. Мы считаемъ себя выразителями его намѣреній, а свое толкованіе единственно основательнымъ и правомочнымъ. Мы знаемъ только, что намъ говоритъ его произведеніе, а утверждаемъ: вотъ что онъ хотѣлъ этимъ сказать.

Въ свободѣ пониманія истины, воплощенной въ художествѣ, какъ въ религіозной свободѣ: какъ бы я ни былъ терпимъ, какъ бы я ни уважалъ религіозное разномысліе, разъ я религіозенъ, я не могу не думать, что истина воплощена наиболѣе полнымъ образомъ въ моей религіи. И какъ бы я ни понималъ, что возможны разныя точки зрѣнія на художественное произведеніе, я всегда буду считать, что моя точка зрѣнія единственно правильная. Если представленіе о томъ, что художественный образъ имѣетъ одинъ смыслъ, есть иллюзія, то это не всегда вредная иллюзія. Для творчества истолкованія она прямо необходима. Безъ извѣстнаго фанатизма невозможно найти, защищать, воплощать истину. Невозможно отстаивать истину въ убѣжденіи, что о томъ же предметѣ рядомъ съ нею могутъ существовать другія равноправныя истины. Отойдя на извѣстное разстояніе, мы можемъ чисто теоретически, я бы сказалъ: разсудочно, признавать, что нѣтъ Гамлета Шекспира, что есть Гамлетъ мой, твой, Гамлетъ Берне, Гервинуса, Барная, Росси, Мунэ-Сюлли—и что всѣ они равноправны; одинъ намъ ближе, другой дальше, болѣе или менѣе они всѣ вѣрны. Но это точка зрѣнія чисто раціональная: въ подъемѣ творчества она губительна. Критикъ или артистъ, создающій своего Гамлета, долженъ быть его фанатикомъ. *Мой* Гамлетъ есть абсолютная истина—другого нѣтъ и не можетъ быть: только въ такомъ настроеніи можно создать что нибудь дѣйствительно свое.

И, конечно, мой Гамлетъ есть Гамлетъ Шекспира. Мое толкованіе наиболѣе близко къ замыслу творца. Теоретически, абстрактно, логически я могу утверждать: вотъ мой Гамлетъ, мнѣ нѣтъ дѣла до Гамлета Шекспира. Но практически, психологически, это вѣдь невозможно; мысль воспринимающаго всегда будетъ восходить къ автору; автентическое пониманіе всегда будетъ его идеаломъ, котораго нельзя воплотить, но къ которому нельзя не стремиться Какъ бы ни было свободно толкованіе, какъ бы ни разрывало оно. съ традиціей, съ эпохой созданія, съ индивидуальностью автора, въ основѣ его—безсознательная и необходимая тенденція приписать его автору. Мы можемъ связывать Гамлета съ философскими и моральными проблемами двадцатаго вѣка, но невозможно оторвать Гамлета отъ Шекспира. Совершенно вѣрно, что у каждаго изъ насъ есть свой Гамлетъ, но совершенно также вѣрно, что есть только одинъ Гамлетъ. Читатель вѣдь есть своего рода переводчикъ: онъ переводитъ произведеніе поэта на языкъ своей

страны, своей эпохи, свой личный языкъ: переводя, онъ видоизмѣняетъ и, только видоизмѣняя, онъ добивается пониманія; но всѣ разнообразные переводы восходятъ вѣдь неизмѣнно къ единому оригиналу. Есть у насъ Фаустъ Фета, Фаустъ Холодковскаго, Фаустъ Губера, но вѣдь всѣ они суть отображеніе Фауста Гете, и каждый изъ нихъ стремится быть наиболѣе близкимъ къ единому гетевскому Фаусту, и утверждаетъ, что въ немъ говорится тоже самое, что въ подлинномъ—«nur mit ein bischen andern Worten». Совершенно тоже въ критическомъ толкованіи: неизбѣжно, что расходящіеся въ пониманіи не успокоются въ этомъ расхожденіи, не признаютъ его, но будутъ отстаивать свою правду, будутъ спорить о подлинномъ гетевскомъ Фаустѣ, сливая своего Фауста съ гетевскимъ.

А вопроса о томъ, какое изъ двухъ толкованій *вѣрнѣе*, и ставить не стоитъ. Если оставить въ сторонѣ толкованія, явно извращающія произведеніе, то прочія равноправны и равно вѣрны. Вопросъ только въ томъ, какое изъ нихъ цѣннѣе, то есть содержательнѣе, и глубже, и послѣдовательнѣе. Проведемъ аналогію съ художественными произведеніями. Что *вѣрнѣе* рисуетъ жизнь человѣческую—«Фаустъ» Гете или «Жили-были» Андреева? Вѣрнѣе?—объ этомъ нѣтъ возможности спорить; и то и другое одинаково вѣрно. Но что цѣннѣе, глубже, содержательнѣе—это ясно. Такъ и въ толкованіи художественнаго произведенія. Маленькій актеръ, маленькій критикъ толкуетъ его въ большинствѣ случаевъ не невѣрно, а ничтожно, бѣдно, скудно содержаніемъ. Надо оцѣнивать значительность этого содержанія, то есть продѣлывать новую критическую оцѣнку.

VIII.

Итакъ, теорія отказалась дать намъ догматы для сужденія о предѣлахъ толкованія художественнаго произведенія, но, полагаемъ, обогатила, усложнила наши мысли о свободѣ толкованія. Неизбѣжна эта свобода, неизбѣжны ея эксцессы. «Еще не обезпечитъ ли эта теорія права самой необузданной и нелогичной графоманіи»?—такъ возражаетъ А. А. Измайловъ Ѳедору Сологубу. Да, обезпечитъ—но что же изъ этого? И здѣсь вѣдь свобода носитъ самоисцѣляющую силу. И вездѣ спасти насъ можетъ не теорія, а тактъ, не непреклонность закона, а гибкость искусства. Какое же начало можетъ насъ охранить отъ ненужной игры, отъ разнузданности произвольнаго толкованія? Совершенно ясно: мысль объ авторѣ. Мы и такъ неизбѣжно «выдаемъ свое индивидуальное пониманіе за подлинную сущность предмета». И надо сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ, чтобы оно приблизилось къ этой «подлинной сущности». Единственный путь къ этому, это восхожденіе къ автору, къ его духовному міру, къ его замыслу, то есть не къ намѣреніямъ автора, не къ его публицистикѣ, не къ тен-

денціямъ, но къ содержанію, безсознательно вложенному имъ въ его образы. Какъ надо относиться къ этому первоначальному содержанію, лучше всего показываетъ судьба отдѣльнаго слова въ исторіи. Здѣсь даже не аналогія, ибо вѣдь слово, какъ показала теорія, тоже есть художественное произведеніе. Въ качествѣ таковаго оно также имѣетъ свою исторію, также мѣняетъ на протяженіи годовъ свой смыслъ, и цѣлая область знанія — семасіологія—изучаетъ переходы значеній слова. Мы не имѣемъ еще литературной семасіологіи, но она, конечно, должна быть и будетъ создана. И, разумѣется, ту же роль, какую играетъ «происхожденіе» слова въ опредѣленіи его нынѣшняго значенія, долженъ играть первоначальный смыслъ художественнаго произведенія при всякомъ истолкованіи. Всеопредѣляющимъ этотъ первичный смыслъ не можетъ быть: это очевидно. Юморъ первоначально значитъ жидкость; но это не мѣшаетъ намъ говорить даже о сухомъ юморѣ. Тотъ, кто впервые отъ слова «черный» произвелъ слово «чернила», не имѣлъ въ виду чернила красныя и синія, но теперь эти соединенія насъ не коробятъ и потому законны. Обозвавъ мѣщанина «подлымъ», мы не можемъ ссылаться на то, что первоначально это слово обозначало не безчестность, а принадлежность къ низшему сословію.

Между нами и первоначальнымъ значеніемъ слова стоитъ исторія; совершенно также стоитъ она и между нами и замысломъ автора. Но значитъ ли это, что намъ до этого первоначальнаго значенія, до этого замысла совершенно нѣтъ дѣла? Конечно, нѣтъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ знаніе этого первичнаго смысла обогащаетъ, углубляетъ наше толкованіе. Оттого такъ цѣнна біографія поэта, оттого такъ важны въ ней мелочи, подчасъ болѣе значительныя, чѣмъ большія событія. Мы можемъ наслаждаться стихотвореніемъ Пушкина, не зная, кто его написалъ и по какому поводу; но когда съ каждымъ стихотвореніемъ мы связываемъ живой обликъ поэта, когда мы знаемъ ближайшій поводъ, его вызвавшій, несомнѣнно, выигрываетъ наше пониманіе и наше наслажденіе. Одно дѣло «Дьяволъ» и «Крейцерова соната» внѣ времени и пространства, другое дѣло тѣ же произведенія, какъ странички изъ дневника борющагося съ собой Толстого. Вправѣ мы отвлечься отъ этой исторической обстановки? Да, конечно, вправѣ, но для поступательнаго хода человѣческой мысли полезнѣе идти инымъ путемъ: использовать до конца данное, творить въ сознательной связи съ традиціей. Намъ не дано возсоздать вполнѣ первичный замыселъ художника, и не къ этому мы стремимся; этотъ замыселъ—не наша цѣль, а регуляторъ нашего движенія къ нашей цѣли. Наше пониманіе Фауста не можетъ и не хочетъ быть гетевскимъ, но гетевскимъ пониманіемъ оно должно управляться. — «Гдѣ же, скажите предѣлъ читательскому произволу?—спросилъ критикъ Измайловъ въ разговорѣ, о которомъ мы

упомянули въ началѣ.—«Критерій для читателя—правильно отвѣтилъ Ѳедоръ Сологубъ—общій духовный обликъ поэта».

Намѣренія его не будутъ для насъ закономъ, его тенденціи не будутъ для насъ идеей, сосредоточившей въ себѣ весь смыслъ его произведенія. Не толкованіе его будетъ для насъ обязательно, но обязательно будетъ согласіе нашего толкованія съ его внутреннимъ міромъ, широко и исторически понятымъ. Вопросы объ этомъ внутреннемъ мірѣ, объ общемъ обликѣ поэта, о способахъ опредѣлить его, о затрудненіяхъ въ случаяхъ его внутреннихъ противорѣчій, о конкретныхъ его выраженіяхъ давно ждутъ научной постановки и изслѣдованія. Но и до этого изслѣдованія, полагаемъ, очевидна вся важность того изученія исторической обстановки, которое—вопреки довольно распространенному мнѣнію—не подавляетъ, а возвышаетъ всякое, самое индивидуальное толкованіе. Превосходно самъ Гете — каждое стихотвореніе котораго было, какъ извѣстно Gelegenheitsgedicht, то есть связано съ опредѣленнымъ событіемъ его жизни—указалъ въ этомъ смыслѣ истинные пути къ уразумѣнію и оцѣнкѣ Св. Писанія. «Я убѣжденъ—говоритъ онъ—что Библія становится все прекраснѣе по мѣрѣ того, какъ ее больше понимаютъ, то есть по мѣрѣ того, какъ становится все очевиднѣе и несомнѣннѣе, что каждое слово, которое мы принимаемъ въ общемъ смыслѣ и примѣняемъ къ своему частному случаю, на самомъ дѣлѣ имѣло свое особое, частное, непосредственно индивидуальное значеніе въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстной обстановкѣ времени и мѣста».

Примѣръ Библіи особенно хорошъ. Вѣроятно, ни одно созданіе человѣческаго духа не подвергалось такому количеству разнообразнѣйшихъ толкованій и примѣненій. Каждый эпизодъ Св. Писанія сталъ притчей, каждое слово поученіемъ; всякій примѣнялъ ее къ своей жизни, всякій приспособлялъ къ своему пониманію, діаметрально противоположныя толкованія Библіи покоились съ равнымъ правомъ на ея словѣ. Ибо надъ всѣмъ этимъ громаднымъ духовнымъ напряженіемъ не вѣялъ святой духъ исторіи, безпредѣльная субъективность воцарилась здѣсь столь властно, что не сомнѣвалась въ полнотѣ своихъ правъ. Умное слово Гете возвращаетъ насъ къ исторіи, къ творческому первоисточнику, къ реальному автору.

И когда мы научимся уважать автора, когда мы выше своихъ субъективныхъ построеній поставимъ углубленіе въ его подлинный замыселъ, въ его личность, въ міръ, ему подсказавшій его твореніе, — тогда и для нашей законной субъективности откроются новыя перспективы, тогда каждое новое ея завоеваніе будетъ не только формально правомѣрно, но также исторически устойчиво и творчески драгоцѣнно.

А. Горнфельдъ.

Гибель „Анны Гольманъ“.

Романъ *Густава Френсена.*

Переводъ съ нѣмецкаго **А. С. Полоцкой.**

(*Продолженіе*).

VIII.

Жизнь проходила, какъ на тысячахъ другихъ судовъ. Только на „Аннѣ Гольманъ“ не было никакого мира, никакой радости и никакого здороваго веселья, какъ бываетъ на другихъ судахъ.

Капитанъ, высокій, мрачный человѣкъ, не произносилъ ни одного не только привѣтливаго, но просто лишняго слова; холоднымъ, отрывистымъ голосомъ отдавалъ онъ свои приказанія. Онъ жилъ одинъ въ своей маленькой каютѣ, которую содержалъ въ большой чистотѣ, ѣлъ хорошо и пилъ хорошо, и пилъ много. Его лобъ, съ теченіемъ времени, казалось, отступалъ все больше назадъ, толстые усы становились все гуще и торчали все больше. Некрасивые, немного выпуклые глаза плавали надъ ними, точно въ ворвани.

Долговязый, нескладный поваръ стоялъ въ своей грязной кухнѣ и варилъ для капитана самыя лучшія кушанья, которыя ѣлъ и самъ. Остальному экипажу онъ съ мертвымъ, ничего не говорящимъ лицомъ приносилъ какую-то клейкую похлебку, которую готовилъ спустя рукава.

Съ нимъ не разговаривала ни одна душа; онъ жилъ одинъ, скрываясь за своимъ мертвымъ лицомъ, точно за окопами. Втайнѣ онъ всегда мучился страхомъ, такъ какъ зналъ о состояніи судна, и часто, какъ будто безъ умысла, разспрашивалъ то о томъ, то о семъ: — объ обшивкѣ, о днищѣ, или о машинѣ.

При каждомъ облакѣ на горизонтѣ, при каждомъ туманѣ въ Ламаншѣ, при каждомъ новомъ случаѣ смерти отъ лихорадки въ Казамансѣ онъ рѣшалъ больше не ѣздить; но

жадность всегда одерживала верхъ и онъ отправлялся въ новое путешествіе.

Первый офицеръ, трусливый, слабый человѣкъ, въ которомъ владѣльцы судна уже нѣсколько лѣтъ поддерживали надежду, что скоро сдѣлають его капитаномъ, — они и не думали объ этомъ серьезно, — ходилъ за капитаномъ, какъ смиренная тѣнь.

Второй офицеръ, жившій въ одной каютѣ съ первымъ, былъ флегматичный, равнодушный ко всему человѣкъ, говорившій очень мало. Лишь иногда онъ заявлялъ, что его невѣста, портретъ которой онъ бралъ въ руки, какъ только входилъ въ свою каюту, прекраснѣйшее созданіе въ мірѣ.

Онъ держалъ фотографію въ своей широкой, честной рукѣ и то подносилъ ее близко къ глазамъ, то отставлялъ отъ себя, то опускалъ книзу, точно хотѣлъ разсмотрѣть свою милую со всѣхъ сторонъ; и проходившіе мимо могли слышать нѣжныя слова, которыя онъ бормоталъ про себя: „Моя дорогая дѣвочка! Моя милая куколка!“ и другія въ этомъ родѣ.

Первый машинистъ былъ пьяница, уже совершенно отупѣвшій отъ водки. Правда, онъ и въ состояніи опьяненія прекрасно разбирался своими полуслѣпыми глазами въ машинѣ, которою завѣдывалъ уже двадцать лѣтъ, и съ поразительной ловкостью цѣплялся своими трясущимися руками за клапаны, краны и масленки, но машина за эти двадцать лѣтъ пришла въ полный упадокъ. Онъ всѣми силами старался скрыть ея плохое состояніе, пуская для этого въ ходъ всю хитрость, на которую еще была способна его отупѣвшая голова, а владѣльцы судна въ своей скупости охотно смотрѣли на это сквозь пальцы. По воскресеньямъ онъ мѣнялъ свой грязный, залитый масломъ костюмъ на чистый и подолгу, еще трезвый, въ свѣжей сѣрой рубахѣ стоялъ у борта, вступая въ бесѣду со всѣми проходившими, хотя бы это былъ только юнга. Пытаясь твердо смотрѣть на собесѣдника своими бѣгающими глазами, онъ говорилъ о томъ, что началъ пить только съ тѣхъ поръ, какъ ѣздитъ на этомъ суднѣ; по его мнѣнію, оно заколдовано и проклято; одна только машина находится въ порядкѣ; онъ все-таки совѣтуетъ всѣмъ уйти съ парохода и никогда больше не ступать на него ногой. Все это онъ произносилъ съ важностью и развивалъ эти мысли очень подробно; затѣмъ онъ опять спускался въ машинное отдѣленіе и основательно прикладывался къ бутылкѣ, которая всегда стояла у него подъ рукой, подъ столикомъ.

Второй машинистъ все свободное время стоялъ у борта съ красными щеками и горящими глазами и жадно

дышалъ, стараясь вобрать въ себя столько воздуха, сколько только могла вмѣстить его узкая грудь. Между вдыханіями онъ разсказывалъ Яну Гульдту, что все въ машинѣ испорчено, и вся она пришла въ упадокъ: достаточно одной хорошей бури, чтобы она стала, или котелъ лопнулъ. Но если этого даже не случится, могъ ли бы Янъ Гульдтъ выдержать работу при такой машинѣ?

И онъ смотрѣлъ на Яна Гульдта своими лихорадочными, воспаленными глазами. Онъ съ каждымъ днемъ становился печальнѣе и худѣе и ѣлъ все меньше, потому что ѣда внушала ему отвращеніе. Его жалкій видъ и вѣчныя сѣтованія были противны Яну Гульдту, но въ то же время вызывали въ немъ состраданіе.

Боцманъ былъ почти всегда занятъ какой-нибудь работой. Въ рукахъ у него вѣчно былъ тотъ или иной инструментъ, старый, заржавѣвшій хламъ—клещи или напилокъ, и за работой онъ, ворча и бормоча, бесѣдовалъ съ этимъ инструментомъ: то набрасывался на него, то хвалилъ его, то бранилъ. Если ему случалось проходить вдоль борта, онъ останавливался и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами въ воду. Матросы говорили о немъ, чте онъ смотритъ такъ, какъ будто видитъ въ водѣ трупы. Точно также останавливался онъ иногда передъ люками, какъ будто они были открыты, и тоже стоялъ такъ, какъ будто заглядывалъ въ нихъ. Матросы, замѣчавшіе все это, считали его не совсѣмъ нормальнымъ; но его тихій характеръ и сѣдые волосы заставляли ихъ воздерживаться отъ насмѣшекъ. Съ Яномъ Гульдтомъ, своимъ товарищемъ по каютѣ, онъ послѣ того, перваго разговора не обмѣнялся ни словомъ. Только иногда, когда Янъ Гульдтъ находился по близости, онъ бормоталъ слова, которыя произнесъ тогда, и которыя, повидимому, занимали его всегда:

— Гансъ Гольманъ! И я! И старый капитанъ Гульдтъ! Почтенная компанія!

И онъ дико, злобно смѣялся.

Такъ жили они, всѣ чуждые и враждебные другъ другу. Только впереди, на бакѣ, раздавался иногда смѣхъ. Матросы смѣялись надъ капитаномъ, которому давали самыя безобразныя прозвища, и устраивали повару пакости, какія только могли. Они худѣли, и сквозь загаръ на ихъ лицахъ пробивалась сѣрая блѣдность, говорившая о малокровіи: ихъ глаза утратили блескъ, а движенія стали вялыми и безвольными. Но они не замѣчали этого и утѣшали себя разсказами о судахъ, на которыхъ ходили раньше, и на которыхъ имъ жилось хорошо, да мечтами о возвращеніи на родину.

Наконецъ, послѣ долгаго, убійственно медленнаго плаванія они вошли подъ жаркимъ, безоблачнымъ небомъ въ пылающую дельту Казаманса. И началась напряженная, непрерывная работа.

Янъ Гульдтъ стоялъ безъ куртки, въ старомъ пробковомъ шлемѣ, и командовалъ неграми, которые возились внизу на баржахъ, среди мѣшковъ съ земляными орѣхами, и кричали и взывали въ трюмѣ. Часъ за часомъ стоялъ онъ, не сходя съ мѣста, въ удушливомъ зноѣ, у визжащей лебедки. Когда въ одномъ мѣстѣ работа кончалась, переходили къ другой факторіи. Солнце палило немилосердно, по вечерамъ поднимались гибельныя влажныя испаренія, подползали къ пароходу и садились на палубу бѣловатымъ туманомъ. Пароходъ вяло тащился по рѣчной тинѣ. Затѣмъ опять подходили къ факторіи; лебедка опять визжала, и негры кричали. И старая, грѣшная „Анна Гольманъ" сидѣла глубоко и бокомъ, какъ будто хотѣла остаться здѣсь на мѣстѣ и, покрывшись плѣсенью и ржавчиной, мало-по-малу погрузиться въ тинистую воду.

На двѣнадцатый день утромъ, когда надъ водой стоялъ особенно удушливый зной, капитанъ грубо набросился на одного изъ матросовъ, тихаго, блѣднаго, обезсиленнаго плохимъ питаніемъ человѣка. Матросъ ничего не отвѣтилъ; тогда капитанъ подъ какимъ-то предлогомъ позвалъ его въ рубку и тамъ ударилъ. Послѣ этого матросъ долго молча стоялъ у борта, точно пригвожденный къ нему, затѣмъ съ дикимъ крикомъ бросился въ рѣку и сейчасъ же исчезъ подъ водой. Второй машинистъ вскорѣ послѣ того, какъ они въѣхали въ дельту, слегъ и, лежа на своей койкѣ, водилъ вокругъ большими, лихорадочно блестящими глазами и тяжело дышалъ. Онъ не могъ больше ни говорить, ни думать. Изъ остальныхъ двое едва держались на ногахъ. Въ такомъ состояніи подплыли они къ послѣдней факторіи.

Въ этотъ вечеръ Янъ Гульдтъ, проходя мимо каютъ-компаніи, остановился и противъ воли прислушался къ затрудненному дыханію машиниста. Возлѣ него боцманъ со своимъ тихимъ лицомъ работалъ надъ перилами лѣстницы, которыя при спускѣ шлюпки погнулись. Янъ Гульдтъ сказалъ:

— Ты могъ бы перестать стучать, боцманъ. Стукъ безпокоитъ машиниста.

Боцманъ пересталъ работать и насмѣшливо сказалъ:

— Какое значеніе имѣетъ такой пустякъ на „Аннѣ Гольманъ"?

— Неужели ты пережилъ на ней что-нибудь еще худшее, чѣмъ это?—спросилъ Янъ Гульдтъ.—Двухъ мы уже можно считать, что потеряли, двое больны.

— О!—сказалъ боцманъ: онъ, повидимому, былъ чѣмъ-то возбужденъ, и ему хотѣлось говорить:—что все это значитъ? Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда мы перевозили въ Америку мекленбуржцевъ и цѣлыхъ три недѣли кормили ихъ свинымъ кормомъ изъ нашихъ большихъ чановъ...

— Что же за звѣрь капитанъ былъ у васъ тогда?

— О, дѣльный человѣкъ!—сказалъ боцманъ, насмѣшливо глядя на Яна Гульдта.—Онъ морилъ ихъ голодомъ и жаждой и при этомъ еще ухитрялся заработать на нихъ лишній талеръ. Я помню такой случай: разъ умерло четверо дѣтей, въ двухъ или трехъ семействахъ, маленькіе такіе, бѣлобрысые ребята. Ихъ завернули въ старые мѣшки и положили каждаго на отдѣльную доску на бортъ, вотъ въ этомъ мѣстѣ, на этомъ самомъ желѣзѣ. Сверху изъ мѣшка выглядывала маленькая прядь свѣтлыхъ волосъ, совсѣмъ маленькая, а внизу тамъ и сямъ высовывался бѣлый пальчикъ. Отцы стояли въ сторонѣ, матери лежали на палубѣ и плакали. Между ними передъ досками стоялъ ученый, бѣжавшій изъ Берлина, держалъ надгробную рѣчь и говорилъ разныя вещи, тѣ самыя, изъ-за которыхъ его въ Берлинѣ посадили въ тюрьму. Нашъ капитанъ стоялъ со своимъ крючковатымъ носомъ—такимъ самымъ, какъ у тебя—и холодными глазами неподалеку и слушалъ очень внимательно и съ удовольствіемъ: онъ былъ умный человѣкъ и много читалъ. Онъ любилъ слушать умныя рѣчи, но онѣ не трогали его сердца.

— Какъ звали этого звѣря?!—спросилъ Янъ Гульдтъ.—Ты говоришь, что онъ ухитрялся заработать на этихъ людяхъ еще лишній талеръ?

— Да,—сказалъ боцманъ и коротко и дико засмѣялся, но этотъ смѣхъ звучалъ, какъ рыданіе.—Когда четверо дѣтей скатились за бортъ, онъ потребовалъ еще отъ каждаго отца по талеру за доску и мѣшокъ.

— Какъ звали этого звѣря?—съ пылающими глазами спросилъ Янъ Гульдтъ.—Какъ звали его? Надѣюсь, онъ не былъ нѣмцемъ?

— Объ имени рѣчь впереди,—сказалъ боцманъ,—сначала слушай дальше. Когда дѣло съ мекленбуржцами и пруссаками перестало давать доходъ, Гольманы стали искать по свѣту какого-нибудь другого груза, похожаго на это. Они никогда не занимались честными дѣлами, какъ другіе судовладѣльцы, а вѣчно, точно коршунъ за падалью, рыскали по всему земному шару въ поискахъ за какимъ-нибудь дурнымъ дѣломъ. И вотъ въ семидесятыхъ годахъ „Анна Гольманъ“ стала заниматься торговлей неграми. Это было время, когда на сѣверѣ она была уже запрещена, и ею никто не

занимался; была она запрещена и въ Бразиліи. Но тамъ она еще процвѣтала втайнѣ. Ну... мы укладывали чернокожихъ почти другъ на друга, а когда они заболѣвали, мы не церемонились долго и бросали ихъ въ море. Мы зарабатывали на нихъ огромныя деньги. Но съ каждымъ годомъ это становилось опаснѣе... У старика Гольмана, того, съ которымъ моя мать еще иногда разговариваетъ передъ своимъ домомъ, было два сына. Младшій,—Гансъ, теперешній глава фирмы, тотъ, который въ Мадейрѣ сядетъ на пароходъ, мой ровесникъ.

— Я знаю его,—коротко сказалъ Янъ Гульдтъ.—У меня было съ нимъ въ Бланкенезе столкновеніе.

— И еще другой. Этотъ другой, Генрихъ Гольманъ, былъ ласковый и добрый человѣкъ. Поэтому-то старикъ и задумалъ избавиться отъ него. Онъ послалъ его въ Бразилію съ порученіемъ завязать тамъ тайныя сношенія съ нѣкоторыми членами правительства; вернется ли онъ живымъ или нѣтъ, это онъ предоставилъ на волю судьбы. Ну, мы прибыли на „Аннѣ Гольманъ“ изъ Африки съ полнымъ трюмомъ негровъ и остановились у береговъ Бразиліи. Нашъ капитанъ поѣхалъ на берегъ, встрѣтился тамъ съ Генрихомъ Гольманомъ и сталъ совѣщаться съ нимъ. На столѣ между ними было, надо полагать, достаточно всякихъ скверныхъ бумагъ. Словомъ, нагрянула полиція и арестовала ихъ обоихъ. Когда стемнѣло, выслали катера съ пушками, чтобы схватить и насъ; но первый штурманъ понялъ, въ чемъ дѣло, ушелъ въ море, высадилъ негровъ на первомъ попавшемся островѣ и взялъ курсъ на Гамбургъ. Обоихъ же арестованныхъ, нашего капитана и Генриха Гольмана, приговорили къ вѣчной каторгѣ и отправили на островъ Фернандо-Норонья. Имъ было, когда ихъ схватили, лѣтъ по сорока; значитъ, теперь имъ должно было бы быть лѣтъ по семидесяти; возможно, что они еще живы.

Глаза Яна Гульдта просіяли, и онъ сказалъ, скрежеща зубами:

— Это хорошо, что они сидятъ тамъ! Главное, что этотъ капитанъ сидитъ тамъ. Какъ звали этого звѣря?

— Его звали точь-въ-точь, какъ тебя,—сказалъ боцманъ, точно ударивъ своимъ старымъ, ржавымъ молотомъ въ грудь Яна Гульдта.

Янъ Гульдтъ громко вскрикнулъ.

— Послушай!—задыхаясь, сказалъ онъ.

Боцманъ посмотрѣлъ на него своими сверкающими глазами и ничего не сказалъ.

Янъ Гульдтъ схватился обѣими руками за перила, съ которыхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ скатились доски съ

мертвыми дѣтьми. Грудь у него такъ сдавило, что онъ не могъ произнести ни слова.

— Если Гансъ Гольманъ въ Мадейрѣ сядетъ на пароходъ,—глухо и тупо сказалъ боцманъ,—тогда на „Аннѣ Гольманъ“ будемъ опять мы всѣ трое: Гансъ Гольманъ, я и Янъ Гульдтъ. Этого я ждалъ тридцать лѣтъ.

Янъ Гульдтъ овладѣлъ собой настолько, что могъ говорить; онъ со стономъ сказалъ:

— Какое отношеніе имѣютъ ваши подлости ко мнѣ?

— О,—сказалъ боцманъ,—Генрихъ Гольманъ, который сидитъ теперь на Фернандо-Норонья, тоже не сдѣлалъ ничего дурного; но онъ былъ Гольманъ. Ты внукъ Яна Гульдта! А Янъ Гульдтъ былъ самый худшій изъ всѣхъ, кого я видѣлъ: онъ былъ дурной человѣкъ, хотя любилъ и понималъ хорошее.

Янъ Гульдтъ ударилъ себя въ грудь и дико крикнулъ:

— Если онъ былъ дуренъ, то я чистъ отъ пятъ до головы.

Боцманъ мгновеніе почти боязливо смотрѣлъ на его гордое, сіяющее лицо, и въ его глазахъ промелькнуло выраженіе отчаянія. Но сейчасъ же къ нему вернулась его тупая, упрямая вѣра, и онъ спокойно и твердо сказалъ:

— Тебя зовутъ Янъ Гульдтъ; а въ Мадейрѣ къ намъ сядетъ Гансъ Гольманъ.

Тогда Янъ Гульдтъ весело и звонко засмѣялся. Къ нему опять вернулась его прекрасная, непоколебимая самоувѣренность.

— Что же тогда произойдетъ?—сказалъ онъ.—Ужъ не думаешь ли ты, что тогда „Анна Гольманъ“ погибнетъ съ нами тремя? Изъ-за вашихъ грѣховъ?

Боцманъ не понялъ его. Онъ испуганно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Ужъ не думаешь ли ты бросить въ Мадейрѣ пароходъ? Этого ты не сдѣлаешь! Нѣтъ! Ты храбръ, какъ старый Янъ Гульдтъ, и не сдѣлаешь этого!

— Ахъ!—сказалъ Янъ Гульдтъ, опять звонко и насмѣшливо засмѣявшись.—Я... изъ страха бросить пароходъ? Я? Я?.. Я хочу увидѣть васъ обоихъ вмѣстѣ! Я хочу на васъ обоихъ увидѣть и испытать, справедливъ ли Богъ? *Вотъ, чего я хочу.*

IX.

„Анна Гольманъ“ послѣ смерти второго машиниста оставалась на рѣкѣ, у берега, еще недѣлю; затѣмъ она, дѣлая едва по пяти узловъ въ часъ, поползла къ Мадейрѣ.

Капитанъ велъ домой тяжело нагруженное судно; свои собственныя дѣлишки онъ тоже обдѣлалъ удачно. Онъ поглаживалъ свои усы, торчавшіе, какъ вѣники, и держалъ свою деревянную голову еще выше. Поваръ неустанно пересчитывалъ деньги, которыя заработалъ на табакѣ и рисѣ для негровъ, и, какъ всегда на обратномъ пути, находилъ, что ихъ далеко недостаточно; поэтому онъ началъ еще больше экономить на провизіи. Машинистъ по воскресеньямъ утромъ стоялъ въ свѣжей рубахѣ у борта, держалъ каждому проходившему настойчивѣе свою увѣщательную рѣчь и поспѣшнѣе спускался въ свою грязную машину, точно погружаясь въ свою собственную мрачную душу. У перваго офицера, какъ всегда, къ концу плаванія исчезла его вѣчная надежда стать капитаномъ; чѣмъ ближе они были къ цѣли, тѣмъ больше терялъ онъ мужество и вѣру и тѣмъ смиреннѣе и тише ходилъ за капитаномъ. Второй офицеръ держалъ свою вахту и разговаривалъ въ своей каютѣ съ портретомъ своей милой громче и нѣжнѣе, такъ какъ приближался часъ свиданія. Матросы бранились и заявляли, что никогда въ жизни больше не ступятъ ногой на гольмановское судно; и утѣшали себя тѣмъ, что черезъ три недѣли будутъ въ Гамбургѣ.

А Янъ Гульдтъ и боцманъ не слышали и не видѣли ничего, что дѣлалось вокругъ. Сталкиваясь гдѣ-нибудь въ проходѣ, они бросали другъ на друга быстрый испытующій взглядъ, и каждый ждалъ, не заговоритъ ли другой опять о томъ, что потрясало ихъ души. И оба они ждали Мадейры.

Наконецъ, однажды утромъ, подъ голубымъ небомъ и мягкимъ вѣтромъ, на синемъ морѣ точно выросъ цвѣтущій садъ. Въ десять часовъ они, окруженные шлюпками, были на рейдѣ; вечеромъ, къ восьми часамъ, пароходъ былъ уже разгруженъ. Тогда первый офицеръ поѣхалъ на берегъ за Гансомъ Гольманомъ.

Яну Гульдту пришлось принимать фрукты и вообще много хлопотать, и у него не было времени посмотрѣть, что дѣлается вокругъ. Машина опять тяжело, неровно заработала, и „Анна Гольманъ“ опять вышла въ море, а у него все еще было работы по горло. Было десять часовъ, когда онъ, наконецъ, освободился и пошелъ къ себѣ, чтобы не-

много отдохнуть передъ своей вахтой, которая должна была начаться въ двѣнадцать часовъ.

Подойдя къ двери своей каюты, онъ услышалъ стоны и какое-то хрипѣнье. Онъ рванулъ дверь; въ каютѣ было темно. Онъ крикнулъ, спрашивая, въ чемъ дѣло. Отвѣта не было. Тогда онъ зажегъ огонь и увидѣлъ, что боцманъ сидитъ на полу со стеклянными глазами, какъ тяжело больной, почти какъ умирающій; дыханіе со скрипомъ вырывалось изъ его груди, точно въ горлѣ у него закрылся клапанъ, а лицо было искажено безумнымъ страданіемъ. Янъ Гульдтъ поднялъ его и, ласково уговаривая, посадилъ на край койки. Затѣмъ онъ спросилъ его, что случилось. Къ больному мало-по-малу вернулась способность говорить, и Янъ Гульдтъ разобралъ: пассажиръ, оказывается, былъ не глава фирмы, а мальчикъ съ такимъ же именемъ, „славный мальчикъ“, какъ выразился боцманъ, очевидно, племянникъ или дальній родственникъ Гольмановъ.

Яну Гульдту вся кровь бросилась въ голову. Къ чему же вся эта грязь и лишенія, опасность лихорадки и гибели, къ чему это плаваніе на негодномъ старомъ ящикѣ! Онъ былъ такъ твердо увѣренъ, что встрѣтится съ Гансомъ Гольманомъ, какъ будто самъ Богъ призвалъ его на „Анну Гольманъ“. Онъ встряхнулъ боцмана, этого ложнаго божьяго посланца, и, дико глядя на него, сказалъ:

— Скажи мнѣ теперь, почему ты хотѣлъ, чтобы я поступилъ на „Анну Гольманъ“? Или тебя мучатъ воспоминанія о тѣхъ гнусныхъ поѣздкахъ со старымъ Яномъ Гульдтомъ, и молодой Янъ Гульдтъ долженъ былъ навести тебя на добрыя мысли? И какое преступленіе ты совершилъ вмѣстѣ съ Гансомъ Гольманомъ? Ты долженъ теперь сказать мнѣ это! Говори!

И онъ встряхнулъ его такъ, какъ будто хотѣлъ вытрясти изъ него признаніе, и, тряся его, кричалъ:

— Говори!

Боцманъ тупо сидѣлъ передъ нимъ, весь съежившись, уткнувъ подбородокъ въ грудь, опустивъ глаза, и не мѣшая Яну Гульдту бѣсноваться. Но такъ какъ Янъ Гульдтъ не выпускалъ его, онъ, тяжело дыша, съ трудомъ заговорилъ:

— Дѣло не только въ этихъ скверныхъ рейсахъ... съ Яномъ Гульдтомъ... Когда Яна Гульдта и Генриха Гольмана арестовали въ Бразиліи, и мы возвращались домой, здѣсь, въ Мадейрѣ, на пароходъ сѣлъ Гансъ Гольманъ и поѣхалъ съ нами въ Гамбургъ. Съ нимъ была пожилая родственница, при которой находилась компаньонка, молодая дѣвушка, совсѣмъ молоденькая. Ему она приглянулась. Но

она не хотѣла его. Она кричала при видѣ его. Въ одинъ вѣтреный и дождливый день... въ Бискайскомъ заливѣ... онъ сказалъ мнѣ... чтобы я заманилъ ее въ уголъ у прохода, туда, гдѣ мы недавно починяли бортъ...

Онъ громко вскрикнулъ и закорчился въ ужасныхъ мученіяхъ.

— Дальше!—сказалъ Янъ Гульдтъ, толкая его такъ изъ стороны въ сторону, какъ будто хотѣлъ сломать его и изъ обломковъ вытащить всю правду.

— Тамъ она была бы въ нашихъ рукахъ,—со стономъ продолжалъ боцманъ.—Я долженъ былъ получить деньги, а потомъ и дѣвушку. Но когда она вдругъ сообразила, что мы хотимъ сдѣлать съ ней, и увидѣла наши лица и поняла, что не можетъ спастись, она потеряла разсудокъ... и бросилась въ море... Они сказали потомъ, что это было самоубійство, и Гансъ Гольманъ остался на свободѣ. Но я послѣ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые я пережилъ на „Аннѣ Гольманъ", не могъ уже уйти съ нея. Я долженъ былъ остаться здѣсь и въ умѣ все снова видѣть и дѣлать то, что я видѣлъ и дѣлалъ. И вотъ уже сорокъ лѣтъ я ѣзжу со всѣми этими криками и стонами и со всѣми мертвецами, которые плаваютъ кругомъ въ водѣ.

— А теперь?—сказалъ Янъ Гульдтъ.—Чего ты ждалъ теперь?

И онъ грубо встряхнулъ его.

— Я все думалъ...—сказалъ боцманъ, стискивая свои костлявыя руки.—Я все думалъ, что Гансъ Гольманъ попадетъ еще когда-нибудь къ намъ на судно и поѣдетъ со мной, и тогда Богъ сжалится, и потопитъ насъ вмѣстѣ съ проклятой старой „Анной Гольманъ", и положитъ конецъ моимъ мученіямъ. И вотъ вдругъ слышу: въ слѣдующій разъ онъ сядетъ на пароходъ. Въ Мадейрѣ, гдѣ онъ сѣлъ и тогда! И въ тотъ же вечеръ, когда я получилъ это извѣстіе, я встрѣтилъ тебя! И ты пошелъ со мной! Внукъ злого Яна Гульдта, который окружилъ меня всѣми этими стонами и мертвецами и училъ меня равнодушно смотрѣть на все это! Тогда я подумалъ: теперь мы всѣ трое будемъ на „Аннѣ Гольманъ"! Теперь мы, грязные, утонемъ вмѣстѣ съ грязной „Анной Гольманъ" и провалимся въ самую преисподнюю!

И онъ дико, отчаянно засмѣялся и ударилъ себя кулакомъ по сѣдой головѣ.

— Дальше!—сказалъ Янъ Гульдтъ.—Дальше!

И онъ схватилъ боцмана за горло.

Боцманъ высвободился и, когда къ нему вернулось дыханіе, сказалъ:

— „Аннѣ Гольманъ" въ послѣдніе три года не пришлось побывать подъ штормомъ. А теперь будетъ штормъ! Я знаю! Будетъ штормъ! Въ Бискайскомъ заливѣ... И тамъ она погибнетъ. Потому что она вся, вся насквозь гнилая. А Ганса Гольмана на ней нѣтъ!

И вдругъ онъ поднялъ къ Яну Гульдту обѣ руки и умоляюще и жалобно сказалъ:

— Скажи мнѣ, что же это такое? Что же это за міръ? Онъ долженъ погибнуть съ нами! Янъ Гульдтъ и Гансъ Гольманъ погубили меня, изъ-за нихъ на мнѣ тотъ грѣхъ! изъ-за нихъ я проклятъ... Изъ-за нихъ вся моя жизнь въ грязи и крови.. Эти призраки!.. Всѣ эти годы! И крики дѣвушки, тогда, у борта! Ты здѣсь... Гансъ Гольманъ долженъ тоже быть здѣсь! Онъ долженъ быть здѣсь! Долженъ погибнуть съ нами!

Онъ впалъ въ бѣшенство, скрежеталъ зубами и извивался на полу.

Янъ Гульдтъ мрачно стоялъ и растерянно и безпомощно смотрѣлъ на него. Затѣмъ онъ взялъ себя въ руки и вышелъ.

Онъ сталъ у лѣстницы въ концѣ прохода и старался придти въ себя.

— Что сказалъ старый грѣшникъ? „Анна Гольманъ" вся сгнила и должна погибнуть? И я съ ней? Я, справедливый, невинный, красивый Янъ Гульдтъ? При первой же бурѣ намъ конецъ? Кажется, на западѣ уже виднѣются маленькія, сѣрыя тучки? Глупости! Безуміе! Если дѣло дойдетъ до этого... ну, тогда мы еще поговоримъ! Этого я не допущу! О, нѣтъ! Съ этимъ я буду бороться... если дѣло дойдетъ до этого... до самой смерти! И даже... послѣ смерти! Я буду спокойно смотрѣть на это? О, нѣтъ! Нѣтъ! Если я хотѣлъ сказать Гансу Гольману правду въ глаза, то съ Богомъ я поговорю еще не такъ... если дѣло приметъ *такой* оборотъ,

Отъ высокомѣрнаго гнѣва и злобы на Бога онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вдругъ онъ услышалъ за собой ласковый дѣтскій голосъ, въ изумленіи обернулся и увидѣлъ худенькаго мальчика, лѣтъ тринадцати, съ узкимъ лицомъ, голубыми, необыкновенно ясными глазами и темнорусыми, мягкими, вьющимися волосами. По всему его виду было замѣтно, что это одно изъ тѣхъ существъ, которыя любятъ все прекрасное. Онъ вѣжливо спросилъ, не знаетъ ли Янъ Гульдтъ, гдѣ боцманъ; онъ не можетъ открыть одного изъ своихъ чемодановъ.

Янъ Гульдтъ по своему обыкновенію сейчасъ же предложилъ свои услуги.

— Я попробую его открыть,—сказалъ онъ.

Онъ принесъ инструменты, сталъ въ маленькой, уютной каютѣ на колѣни передъ чемоданомъ и, несмотря на свое возбужденіе, весело заговорилъ съ мальчикомъ. Въ сосѣдней каютѣ возилась съ сундуками и бѣльемъ пожилая женщина, сопровождавшая мальчика.

Веселость и непринужденность молодого моряка расположили мальчика въ его пользу. Онъ охотно отвѣчалъ Яну. Потомъ собрался съ духомъ и медленно, стараясь сохранить спокойный видъ, сказалъ:

— Я уже четыре раза былъ въ Мадейрѣ: у меня легкія немножко не въ порядкѣ... Но теперь мнѣ лучше. Два раза я ѣздилъ на Вермановскомъ суднѣ, и два раза на пароходѣ Гамбургъ-Африканской линіи. На нашемъ пароходѣ я ѣду въ первый разъ. Но мнѣ кажется, что матросы на „Аннѣ Гольманъ" не менѣе веселы и привѣтливы, чѣмъ на другихъ судахъ.

Янъ Гульдтъ понялъ, къ чему клонитъ мальчикъ, сейчасъ-же насторожился и сказалъ, также нащупывая почву, какъ и тотъ.

— Почему бы имъ не быть такими же веселыми и привѣтливыми?

И онъ посмотрѣлъ на мальчика съ холоднымъ ожиданіемъ.

Мальчикъ почувствовалъ, что его затаенныя мысли разгаданы; онъ понялъ также, что наткнулся на неумолимое сопротивленіе и суровую правдивость, и лицо его покрылось яркимъ румянцемъ.

Тогда душу Яна Гульдта вдругъ озарилъ яркій свѣтъ.

— Вотъ! Вотъ оно! Вотъ для чего я пришелъ на „Анну Гольманъ"! Я долженъ сказать, и показать этому мальчику, какъ обстоитъ дѣло съ гольмановскими судами, чтобы когда-нибудь, когда онъ выростетъ и станетъ во главѣ фирмы, онъ положилъ конецъ этому позору и построилъ новыя, крѣпкія суда.

И онъ коротко, точно Іона передъ Ниневіей, сказалъ:

— Суда, на которыхъ ты ѣздилъ, хороши и хорошо содержатся, и людямъ на этихъ судахъ живется хорошо; гольмановскіе-же суда плохи и плохо содержатся, и людямъ на нихъ живется плохо.

Губы мальчика задрожали, и къ горлу у него подступило рыданіе. Онъ подавилъ его, и съ трудомъ проговорилъ:

— Въ гимназіи... на перемѣнахъ... они говорили мнѣ это уже три раза.

Нѣсколько мгновеній они молчали. Янъ Гульдтъ возился надъ замкомъ съ мрачнымъ и безстрастнымъ видомъ; мальчикъ тихо плакалъ.

— Когда ты выростешь,— увѣренно и побѣдоносно сказалъ Янъ Гульдтъ,—и начнешь принимать участіе въ дѣлѣ, такъ, лѣтъ черезъ десять, ты долженъ будешь позаботиться о томъ, чтобы все это исправить. Ты не долженъ терпѣть, чтобы фирма, какъ теперь, наживалась на голодѣ, горѣ и смерти другихъ людей; она должна жить честнымъ заработкомъ. Рабочіе должны получать свою долю, должны жить, какъ люди. Такъ поступаютъ другія пароходныя компаніи.

Мальчикъ поднялъ голову, которую держалъ опущенной чуть-ли не до земли, и недѣтскимъ, короткимъ движеніемъ обѣихъ рукъ, которое подходило бы взрослому мужчинѣ, далъ понять, что объ этомъ говорить излишне. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Я не успокоюсь прежде, чѣмъ наша фирма не станетъ работать такъ же честно, какъ другія.

Янъ Гульдтъ внутренно заликовалъ, и вся душа его переполнилась радостью:

„Богъ великъ; а Янъ Гульдтъ его мужественный поборникъ".

— Если хочешь,—сказалъ онъ,—зайди ко мнѣ завтра въ мою каюту, тогда я разскажу тебѣ все, что знаю объ „Аннѣ Гольманъ". Я покажу тебѣ, въ какомъ состояніи находится все здѣсь, и разскажу, какъ это дѣлается на судахъ другихъ владѣльцевъ.

— Я приду,—сказалъ мальчикъ,—я хочу знать все точно, чтобы потомъ меня никто не могъ обмануть.

— Тогда ты будешь знать,—съ стариковской мудростью сказалъ Янъ Гульдтъ, — какъ смотритъ на всѣ эти вещи простой человѣкъ, и какъ ему живется, и сможешь хорошо дѣлать твое дѣло и все-таки стать богатымъ... Ну, вотъ твой чемоданъ и открытъ... Я пойду...

И онъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ, который купилъ себѣ по полученіи званія штурмана, послѣ окончанія экзаменовъ, вытеръ потъ, выступившій у него на лбу, подъ бѣлокурыми волосами.

Онъ вышелъ, вернулся опять въ свою каюту, толкнулъ въ плечо боцмана, который, сгорбившись и сжимая руками виски, сидѣлъ на койкѣ, и сказалъ радостнымъ, торжествующимъ голосомъ:

— Послушай, боцманъ, я знаю теперь, зачѣмъ я пришелъ на „Анну Гольманъ"! Я, внукъ стараго Яна Гульдта, разскажу и покажу внуку стараго злого Гольмана все то дурное, что сдѣлали его предки? Онъ хорошій человѣкъ! Съ нимъ Гольманы станутъ другими людьми! *Вотъ* что будетъ теперь!

Боцманъ отнялъ руки отъ висковъ и посмотрѣлъ на Яна Гульдта невидящими глазами.

— Онъ хорошій человѣкъ?—сказалъ онъ.—Хорошій человѣкъ, говоришь ты?

И онъ насмѣшливо кивнулъ головой и дико засмѣялся.

— Такъ? Да? Тогда ты можешь быть увѣренъ, что „Анна Гольманъ" утонетъ! Хорошіе Гольманы должны всегда убираться съ дороги. Они или умираютъ отъ чахотки, или съ ними случается что-нибудь, какъ съ Генрихомъ Гольманомъ въ Бразиліи, или какъ съ этимъ. Такъ было у нихъ всегда. Хорошіе погибаютъ. Теперь я знаю навѣрно, что насъ ждетъ смерть! А Ганса Гольмана нѣтъ здѣсь! Гдѣ Гансъ Гольманъ? Онъ долженъ погибнуть съ нами!

И онъ кричалъ и проклиналъ Бога, міръ котораго—проклятый домъ умалишенныхъ, и билъ себя кулакомъ по сѣдой головѣ.

— Онъ долженъ быть здѣсь! Онъ долженъ утонуть вмѣстѣ съ нами! Онъ долженъ погибнуть съ нами!

Янъ Гульдтъ сидѣлъ напротивъ него, на стулѣ, у тусклаго иллюминатора, положивъ на колѣни сжатыя въ кулакъ руки. Имъ вдругъ опять овладѣли жуткія сомнѣнія.

— Я... погибнуть? Я... на „Аннѣ Гольманъ"?

Отъ бѣшенаго гнѣва волосы у него становились дыбомъ.

— Я? Я буду бороться до самой смерти. Даже... послѣ смерти! Пусть *онъ* увидитъ!

X.

Не имѣло никакого смысла говорить о состояніи парохода съ капитаномъ или первымъ офицеромъ. Янъ подумалъ, не поговорить ли ему объ этомъ со вторымъ офицеромъ; но этотъ честный парень, кромѣ своихъ ежедневныхъ обязанностей и портрета своей невѣсты, видимо, не былъ способенъ интересоваться ничѣмъ на свѣтѣ. Такимъ образомъ онъ не могъ сдѣлать ничего, развѣ только незамѣтно осмотрѣть обѣ шлюпки. И такъ жилъ онъ, неся на себѣ одномъ всю тяжесть дикой и горькой мысли, что они плывутъ на суднѣ, которое при первомъ же хорошомъ толчкѣ должно погибнуть.

Но онъ сносилъ эту мысль, онъ даже игралъ ею въ своей задорной, почти насмѣшливой вѣрѣ, что Богъ долженъ быть „справедливъ", и что эта справедливость не можетъ не проявиться.

— Чтобы я утонулъ съ „Анной Гольманъ"? Я? Пришедшій сюда, чтобы отомстить и возстановить справедли-

вость? Я? Самый чистый и прямой изъ всѣхъ штурмановъ? И этотъ мальчикъ, который хочетъ загладить грѣхи своихъ отцовъ? Это невозможно. О нѣтъ! Это не можетъ случиться. Дивны пути Господни, это правда; но не могутъ же они быть такими окольными, нѣтъ, этого мы не можемъ допустить.

Днемъ, какъ только онъ освобождался и входилъ въ свою каюту, къ нему тихо и вѣжливо стучался мальчикъ. Онъ ловко переступалъ черезъ высокій порогъ и садился на деревянный стулъ у иллюминатора; Янъ Гульдтъ сидѣлъ на койкѣ, согнувшись подъ верхней койкой и положивъ руки на бока.

Въ каютѣ было такъ тѣсно, что ихъ колѣни почти сталкивались, а ихъ дыханіе сливалось, точно въ знакъ ихъ тайнаго единенія.

Они бесѣдовали обо всемъ, что зналъ Янъ Гульдтъ: о чемъ говорилъ, сидя въ своей коляскѣ, со своей служанкой у дороги въ Эвельгенне старый Гольманъ; и какъ капитанъ Гульдтъ мучилъ на „Аннѣ Гольманъ" бѣлыхъ и чернокожихъ, и былъ виной смерти не одного изъ нихъ; какъ бросилась въ море въ своемъ страхѣ дѣвушка; и о тѣхъ, кто умиралъ въ Казамансѣ, о каждомъ суднѣ, которое погибло, объ ужасномъ состояніи „Анны Гольманъ", о грязи и отвратительной ѣдѣ и обо всѣхъ звѣрствахъ кровопійцъ-эксплоататоровъ. Мальчикъ впивалъ все это, какъ горькое питье; лобъ его покрывался морщинами, но онъ держался бодро и храбро, слушалъ, точно не желая оставить ни капли въ чашѣ, которую ему предстояло испить. Вѣдь онъ собирался современемъ сызнова наполнить весь кубокъ, сверху до низу, хорошимъ питьемъ.

Онъ задавалъ множество вопросовъ, которые ясно показывали, что у него не было никакихъ способностей къ практической жизни. Разспросивъ въ сотый разъ обо всемъ подробно, онъ глубоко вздыхалъ, точно послѣ работы надъ непосильной ариѳметической задачей, и съ мягкою боязливостью, съ болѣзненной любовью къ фантастическому, начиналъ какъ бы играть съ этой зловѣщей „Анной Гольманъ", съ ея переборками, стеньгами, лѣстницами и трюмами. Онъ спрашивалъ о частяхъ судна, которыя остались еще съ того времени, просилъ Яна Гульдта выйти съ нимъ на палубу и робко смотрѣлъ на неуклюжія, старыя подпорки, на лѣстницу, верхнюю палубу и старую желѣзную обшивку на кормѣ. И съ глазами, горѣвшими отъ жизненнаго и душевнаго возбужденія, онъ разсказывалъ, что въ прошлую ночь,— во снѣ или на яву, онъ не знаетъ,—онъ видѣлъ всѣ трюмы какъ будто въ сумеречномъ свѣтѣ: четыре этажа, одинъ

надъ другимъ, и всѣ были полны людьми, лежавшими, точно толстые слои какой-то темной массы; они стонали отъ голода и духоты, и стоны ихъ становились все громче, и отъ напора раздвинулись стѣны судна; заклепки затрещали, и швы разошлись, и онъ увидѣлъ блестящую воду, и въ ней свѣтлыхъ рыбъ съ ихъ большими выпученными глазами. Но онъ не боится! Богъ не потерпитъ, чтобы они оба, невинные и желающіе только одного: исправить наконецъ вину другихъ людей, погибли.

Янъ Гульдтъ съ глубокой серьезностью кивалъ головой, глаза его горѣли, и онъ думалъ:

— *Этотъ* всю свою жизнь не забудетъ того, что слышалъ на «Аннѣ Гольманъ», и сотворитъ чудеса, когда выростетъ.

И его высокомѣрная душа торжествовала въ сознаніи своей важности и праведности.

Разъ мальчикъ схватилъ его за руку и тихо и торжественно предложилъ показать ему что-то. Онъ повелъ его по проходу въ свою хорошенькую каюту, мягко освѣщенную висячей лампой, и показалъ ему висѣвшій на стѣнѣ надъ комодомъ недурно сдѣланный рисунокъ, изображавшій внутренность церкви. Это была старинная, деревенская церковь съ очень толстыми стѣнами, высоко продѣланными въ нихъ небольшими окнами и низкими дверями. Вокругъ алтаря, въ которомъ находился простой образъ Спасителя и его апостоловъ, стояли, точно крѣпкая стража святилища, красивыя каменныя колонны со сводами.

— Видите ли, — тихо сказалъ онъ, — я въ іюлѣ всегда ѣзжу съ матерью и сестрой на Сильтъ, гдѣ у насъ есть домъ. Тамъ я иногда хожу съ однимъ старымъ ткачемъ, нашимъ сосѣдомъ, по окрестностямъ, когда онъ разноситъ свою работу. Разъ мы пришли въ Кейтумъ и увидѣли церковь; она была открыта, и мы вошли. Ткачъ сѣлъ на скамью въ одномъ изъ послѣднихъ рядовъ, такъ что вся церковь была передъ нимъ; я же сталъ ходить по церкви. Когда я вернулся къ нему, я увидѣлъ, что онъ молится. Глаза у него были широко раскрыты, и онъ какъ будто однимъ взглядомъ обнималъ все, что можно было видѣть съ его мѣста: ряды скамей, стѣны съ ихъ окнами, своды вокругъ алтаря и самый алтарь. У него былъ такой видъ, какъ будто Богъ во всей своей святости наполнялъ всю церковь, и край его одежды лежалъ на старыхъ плитахъ. Я сѣлъ рядомъ съ нимъ и тоже сталъ смотрѣть и ждать, не будетъ ли такъ и со мной, потому что по его глазамъ можно было видѣть, что мѣсто заставляетъ его молиться. И, понимаете, мои мысли сначала хотѣли улетѣть далеко, но когда онѣ, какъ пойманныя ла-

полетѣли къ окну, то своды оконъ задержали ихъ,

и онѣ все снова возвращались внутрь, а когда онѣ хотѣли вылетѣть изъ двери или пролетѣть мимо алтаря, имъ тоже всюду приходилось поворачивать назадъ, такъ какъ толстыя стѣны крѣпко держали ихъ, а красивые, мощные своды все снова возвращали ихъ внутрь. И скоро онѣ совсѣмъ отказались отъ намѣренія улетѣть. Онѣ играли и порхали вокругъ сводовъ, алтаря и по всему зданію; то были прекрасныя, большія мысли, полныя чудесной вѣры въ доброту и помощь Господа, которыя никогда не могутъ измѣнить. И я долго сидѣлъ такъ и чувствовалъ себя умиротвореннымъ и счастливымъ.

Янъ Гульдтъ былъ гораздо больше внукомъ стараго, суроваго Яна Гульдта, чѣмъ мальчикъ—внукомъ суровыхъ Гольмановъ. Онъ не понялъ мечтателя. Чудеса природы едва волновали его, рано объѣхавшаго всѣ моря; чудеса искусства не трогали его никогда. Съ любопытствомъ человѣка, который хочетъ вернуть уклонившагося въ сторону разсказчика къ его темѣ, онъ спросилъ:

— Ну, что же было дальше? Что сдѣлалъ тотъ человѣкъ?

Мальчикъ былъ погруженъ въ созерцаніе картины; онъ, повидимому, снова сидѣлъ въ этой церкви въ Кейтумѣ. Онъ не сразу понялъ вопросъ.

— О,—сказалъ онъ,—больше не было ничего!.. Ахъ, да, еще что-то! Мы долго сидѣли молча; потомъ ткачъ сказалъ мнѣ: «Вѣришь ли ты въ то, во что вѣримъ тайно я и многіе здѣсь»?—«Во что же вы вѣрите»? сказалъ я. «Когда наступаютъ сумерки», сказалъ онъ, «въ эту церковь приходятъ мертвецы, которые лежатъ здѣсь по кладбищамъ и которые погибли здѣсь на отмеляхъ и въ далекомъ морѣ, и сидятъ въ своей старой церкви. Иногда ихъ немного, иногда же они еле помѣщаются, такъ какъ многихъ изъ нихъ гонитъ сюда тоска изъ ихъ могилъ, или изъ моря, или изъ воздуха, или изъ звѣздъ, Богъ знаетъ еще оттуда. Они сидятъ на скамьяхъ, на галлереѣ и на подоконникахъ, и смотрятъ на алтарь и тихо думаютъ». Такъ сказалъ человѣкъ, о которомъ моя мать говорила, что она не думаетъ, чтобы онъ могъ лгать. Я потомъ часто бывалъ въ этой церкви и всегда чувствовалъ себя тамъ счастливымъ, и на душѣ у меня было какъ-то тихо. Поэтому я нарисовалъ ее на память, и я твердо вѣрю, что все кончится хорошо.

Янъ Гульдтъ посмотрѣлъ на картину и нагнулся даже надъ ней, какъ будто она его интересовала. Онъ понялъ все это по-своему и подумалъ:

— Онъ молится передъ этой картиной, чтобы „Анна Гольманъ" благополучно добралась до Гамбурга, и чтобы у

него хватило храбрости высказать своему дядѣ, что онъ думаетъ о фирмѣ.

Такъ вотъ каковъ былъ юный пассажиръ. Такой умный, милый и почти святой человѣчекъ. И «Анна Гольманъ», плавающая почти сорокъ лѣтъ, погибнетъ какъ разъ теперь, когда на ней находятся два такихъ человѣка?

Поэтому Янъ Гульдтъ на своей вахтѣ расхаживалъ по мостику медленными, степенными шагами и спокойными глазами смотрѣлъ на далеко раскинувшееся, тихо волнующееся море. И въ умѣ своемъ обсуждалъ со всѣхъ сторонъ самые высокіе вопросы и, какъ это дѣлаютъ многіе нѣмцы въ рудникахъ, и на поляхъ, и на широкихъ моряхъ, воображалъ, что отлично понимаетъ дѣла и поступки вѣчной власти. Какъ чудесно все это сложилось! Какимъ счастьемъ было его быстрое рѣшеніе поступить на «Анну Гольманъ». Да, честный и твердый человѣкъ можетъ многое! Онъ можетъ взять приступомъ небо и разбудить ангеловъ, если они заснули! Ночью въ свои свободные часы онъ спалъ тѣмъ блаженнымъ сномъ, который обѣщанъ праведнымъ.

Такъ продолжалось недѣлю.

Судно, глубоко сидя въ водѣ, медленно и вяло, съ тяжело пыхтящей машиной двигалось на сѣверъ, къ родинѣ. Наконецъ, они вошли въ Бискайскій заливъ. И второй и третій день прошли, и Бискайскій заливъ былъ уже почти пройденъ. Они уже ждали, что вотъ-вотъ покажется Уэссанскій маякъ. И вдругъ налетѣлъ штормъ.

Утромъ дулъ еще легкій юго-западный вѣтеръ, и небо было ясное. Въ полдень вѣтеръ улегся, и часа два было совсѣмъ тихо. Затѣмъ на сѣверо-западѣ показалась темно-сѣрая туча, за ней поползли другія, взобрались выше и, точно туго набитые мѣшки, стали надвигаться другъ на друга. Затѣмъ онѣ быстро поднялись еще выше, начали смѣшиваться и понеслись по разнымъ направленіямъ. Вскорѣ надъ моремъ пронесся первый порывъ съ косымъ дождемъ, и сейчасъ-же показались высокія, грозныя волны. Къ вечеру онѣ уже сталкивались и налетали другъ на друга, какъ это всегда бываетъ въ Бискайскомъ заливѣ. Но всетаки буря всю ночь была не сильнѣе обыкновенной бискайской бури.

„Анна Гольманъ“ сначала держалась недурно, такъ какъ когда-то была хорошимъ судномъ. Но когда вѣтеръ еще усилился, и разыгралась настоящая буря, испорченная машина не могла больше бороться, какъ слѣдуетъ, съ набѣгающими валами. Нѣсколько времени это ей удавалась; но скоро волны положили „Анну Гольманъ“ на бокъ, и ей пришлось терпѣть свирѣпые удары валовъ, которые набро-

сились на перегруженное судно, какъ волны на тяжелаго ратника, стоящаго на колѣняхъ. Меньше, чѣмъ черезъ часъ появилась опасность, что люки и подпорки, которыя были изношены, больше не выдержатъ этихъ ударовъ.

Капитанъ, начавшій трезвѣть, велѣлъ снести внизъ нѣсколько толстыхъ досокъ, валявшихся на верхней палубѣ, и Янъ Гульдтъ съ самымъ сильнымъ изъ матросовъ, обвязавшись канатомъ, спустились на переднюю палубу и кое-что исправили. Но на суднѣ было всего четыре такихъ доски: о томъ, чтобы ихъ было больше, никто не позаботился. Да если бы даже эта работа и оказалась успѣшной «Анна Гольманъ» вся сгнила и пришла къ своему концу. Цѣпи, скрѣпы, люки, машины и, прежде всего, обшивка и ея заклепки,—все это не могло выдержать напора тяжелыхъ валовъ.

Прежде чѣмъ на бурныя, сѣрыя волны спустился сумракъ, на мостикъ поднялся боцманъ и доложилъ, что въ трюмѣ воды на три фута. Онъ выкрикнулъ это съ искаженнымъ лицомъ, устремивъ глаза на Яна Гульдта, какъ человѣкъ, возвѣщающій о дикомъ, злобномъ торжествѣ. Они еще не успѣли ничего отвѣтить, какъ набѣжалъ тяжелый валъ, разбилъ ветхую спасательную шлюпку, бросился съ обломками въ пѣнящейся пасти черезъ машинный кожухъ на другую шлюпку, захватилъ и ее и умчался съ обѣими. Двое матросовъ, которые какъ разъ въ это время старались покрѣпче привязать шлюпки, были вмѣстѣ съ ними унесены. Въ то же мгновеніе оборвалась якорная цѣпь. Судно легло совершенно на бокъ и безпомощно позволяло валамъ перекатываться черезъ себя.

Боцманъ, схватившись обѣими руками за перила лѣстницы, повернулъ къ Яну Гульдту полное отчаянія лицо и горько съ дикой, страстной жалобой, покрывая шумъ вѣтра и моря, крикнулъ:

— Это—смерть, Янъ Гульдтъ... А Ганса Гольмана нѣтъ здѣсь.

Янъ Гульдтъ съ обезумѣвшимъ лицомъ бросился къ нему, грубо схватилъ его за плечи и, толкая его съ лѣстницы, крикнулъ:

— Еще далеко до этого! Еще далеко. Я еще здѣсь!

Они взяли четверыхъ матросовъ, захватили инструменты и, выждавъ удобный моментъ, побѣжали на ютъ. Тамъ они принялись вставлять запасный руль. Янъ Гульдтъ работалъ, какъ тигръ въ западнѣ, боцманъ, съ тупой, привычной добросовѣстностью. Оба матроса работали изо всѣхъ силъ, съ лицами, облитыми потомъ и водой. Они не переставали громко браниться, возмущаясь тѣмъ, что цѣпи и болты

перержавѣли, и на суднѣ нѣтъ ни одной вещи, которая была бы въ порядкѣ; еще немного, говорили они, и мы погибли бы. Боцманъ перебилъ ихъ, крикнувъ съ дикимъ безсмысленнымъ смѣхомъ:

— Что, вы не видите, что мы уже погибли?

Но они разсердились и, пытаясь шутить, отвѣчали, что дѣло все-таки не такъ плохо.

Такъ работали они часъ или два; наконецъ, руль былъ налаженъ. Янъ Гульдтъ съ матросомъ и юнгой сталъ у него. Мѣсяцъ то выглядывалъ изъ-за тучъ, то опять прятался за ними.

Такъ прошло время до полуночи. И имъ удавалось коекакъ держать курсъ въ открытое море.

Но вскорѣ послѣ полуночи, когда Янъ, обдаваемый пѣной, съ маленькимъ юнгой по правую руку и съ матросомъ по лѣвую, стоялъ у руля, набѣжали особенно высокіе валы,— сначала два менѣе сильныхъ, потомъ третій, налетѣвшій съ такой силой, что «Анна Гольманъ» задрожала и заколебалась отъ носа до кормы. Сейчасъ-же послѣ этого у него явилось неясное ощущеніе, что судно стало какъ будто безжизненнымъ; оно подалось назадъ и опять, какъ прежде, безсильно стало поперекъ волнъ.

Онъ не могъ понять, что случилось, и окликнулъ матроса и юнгу.

Маленькій юнга первый сообразилъ, въ чемъ дѣло, и крикнулъ ему:

— Машина стала!

Онъ не хотѣлъ этому повѣрить, вытеръ воду и потъ съ лица и знакомъ приказалъ юнгѣ спуститься и посмотрѣть.

Въ это время приблизился слѣдующій валъ, и Янъ указалъ юнгѣ на него. Но маленькій, серьезный, храбрый юнга уже двинулся въ путь. Волна подхватила его и унесла.

Янъ Гульдтъ еще нѣсколько времени стоялъ съ матросомъ у руля. Но видя, что машина попрежнему не дѣйствуетъ, они крѣпко привязали его и спустились внизъ.

Въ началѣ прохода, у двери въ машинное отдѣленіе, стоялъ первый машинистъ и боролся съ двумя кочегарами, которые старались столкнуть его внизъ, въ машину, откуда поднимался рѣдкій паръ. Они не переставали кричать:

— Это ты довелъ ее до этого, изъ-за тебя мы должны теперь погибнуть.

Они оторвали его руки отъ перилъ и дверной ручки, за которыя онъ цѣплялся, и съ дикими проклятіями столкнули его внизъ, въ мертвую машину.

Янъ Гульдтъ бросился вверхъ по лѣстницѣ мимо двухъ

другихъ кочегаровъ, которые обвязывали себѣ грудь гнилыми спасательными поясами и при этомъ то и дѣло прикладывались къ своимъ бутылкамъ. Онъ пробѣжалъ мимо нихъ и поднялся на мостикъ. Капитанъ, шатаясь отъ качки а также, вѣроятно, отъ вина, тщетно пытался зажечь сигнальный огонь. Въ промежуткахъ между усиліями онъ кричалъ:

— Гдѣ боцманъ? Гдѣ боцманъ? Онъ говоритъ всѣмъ, что мы погибнемъ, и погубитъ насъ своимъ безумнымъ суевѣріемъ.

Первый штурманъ стоялъ за нимъ и со своимъ обычнымъ жалкимъ видомъ старался помочь ему. Второй, красивый, мужественный человѣкъ, немного выше Яна Гульдта, молча и неподвижно стоялъ у борта, смотрѣлъ на воду и украдкой бросалъ взгляды на портретъ своей милой, который держалъ въ мокрой рукѣ.

Янъ Гульдтъ понялъ, что пароходомъ уже никто не управляетъ, и опять спустился внизъ.

Онъ спустился за мальчикомъ и вошелъ въ проходъ съ той стороны, гдѣ находилась кухня. Здѣсь стояли послѣдніе матросы со смертельно блѣдными, серьезными лицами, по колѣни въ потокахъ воды. Они схватили его за непромокаемую куртку и попытались говорить съ нимъ въ грохотѣ бури и плескѣ и шумѣ воды. Они спрашивали его, согласенъ-ли онъ, что капитанъ и поваръ такъ же виноваты, какъ и Гольманы, въ томъ, что они должны умереть такими молодыми и такой ужасной смертью. Если это такъ—Гольману они, къ сожалѣнію, не могутъ сдѣлать ничего—то они не хотятъ, чтобы тѣ двое умерли съ поднятыми руками, честной смертью моряковъ; они рѣшили столкнуть ихъ въ машину, гдѣ лежитъ уже машинистъ. Они честные и порядочные люди, изъ хорошихъ семействъ, и не чувствуютъ себя виноватыми ни въ чемъ. Должна же быть какая-нибудь справедливость и правосудіе; вѣдь этимъ человѣкъ отличается отъ животнаго.

Онъ вполнѣ понялъ ихъ и почувствовалъ къ нимъ любовь за то, что они сказали: вѣдь это было такъ близко его сердцу. Но у него была совсѣмъ другая вѣра. Онъ громко и увѣренно, съ горящими глазами, закричалъ:

— Не думайте же, что мы умираемъ! Пусть я буду проклятъ, если я вѣрю, что мы умремъ здѣсь! Помощь придетъ,— это такъ же вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь! Я знаю это! Я знаю больше другихъ людей!

Они повернули его и указали ему внизъ; здѣсь, когда волна на секунду сбѣгала, при лунномъ свѣтѣ было видно, какъ расшатаны переборки.

— Судно не выдержитъ и десяти минутъ.

Но онъ топнулъ ногой и закричалъ, какъ безумный, увѣряя ихъ:

— Я знаю, мы не погибнемъ. Не дѣлайте этого! Подождите еще! Подите наверхъ и посмотрите: сейчасъ придетъ помощь. Я знаю это! Я знаю это отъ самого Бога.

Онъ оставилъ ихъ, пробѣжалъ въ проходъ и съ трудомъ открылъ дверь въ каюту мальчика. Первое, что онъ увидѣлъ, при свѣтѣ висячей лампы, была няня, которая въ сосѣдней маленькой каюткѣ мертвая стояла на колѣняхъ передъ своей койкой, съ петлей на вытянутой шеѣ. Мальчикъ съ сухими, застывшими глазами сидѣлъ на комодѣ, передъ изображеніемъ церкви. На полу стояла вода.

Увидя Яна Гульдта, мальчикъ зарыдалъ:

— Боцманъ былъ здѣсь и сказалъ намъ, что сейчасъ мы утонемъ. Тогда она сказала, что не хочетъ живой попасть въ эту страшную воду, и лучше повѣсится, и сдѣлала это.

Онъ прижалъ мальчика къ себѣ и, не обращая вниманія на весь этотъ ужасъ, напрягъ все свое упорство:

— Будь спокоенъ! Мы не утонемъ. Иди со мной! Такъ! Упирайся крѣпче ногами! Будь увѣренъ, что мы не погибнемъ! Это невозможно! Откуда-нибудь да придетъ помощь! Видишь-ли, это несчастье должно было случиться; должно было дойти до этого, чтобы ты ясно увидѣлъ и испыталъ на себѣ всѣ эти ужасы. Не падай духомъ! Пойдемъ, поищемъ боцмана.

Онъ пошелъ обратно по проходу, держа за плечо мальчика, который храбро боролся съ водой, и толкнулъ дверь своей каюты. Боцманъ сидѣлъ на койкѣ, его маленькое сѣрое лицо выражало неописуемую муку. Онъ поднялъ голову и простоналъ:

— Почему Ганса Гольмана нѣтъ здѣсь? Почему? Что же это за смерть, почему я долженъ умереть одинъ?!

Янъ Гульдтъ поднялъ его и сказалъ:

— Вставай! Иди за мной! Мы не погибнемъ! У насъ трехъ есть еще дѣло въ Гамбургѣ! Мы должны пойти къ Гансу Гольману и поговорить съ нимъ! Мы трое! Мы, пережившіе все: мальчикъ—все, что произошло за сто лѣтъ, ты и я—за пятьдесятъ. Другіе, можетъ быть, и погибнутъ—этого я не знаю; я не знаю ихъ жизни—но мы увидимъ этими нашими глазами обоихъ заключенныхъ на Фернандо-Норонья, если они еще живы, и Ганса Гольмана. Вставай! Я знаю, что говорю!

Они вышли въ проходъ; мальчикъ, которому вода иногда доходила до пояса, держался за руку Яна Гульдта, за нимъ шелъ боцманъ, котораго мальчикъ тоже держалъ за руку. Въ каютѣ повара, мимо которой имъ пришлось проходить,

лампа коптила, столъ былъ опрокинутъ, счета и денежные билеты плавали по водѣ; самого повара въ ней не было. Съ большимъ трудомъ, обдаваемые пѣной, заливаемые набѣгающими валами, поднялись они по лѣстницѣ, уже шатавшейся въ пазахъ, и достигли верхней палубы.

Кочегары стояли, какъ и прежде, вышедшими изъ орбитъ глазами смотрѣли на море, пѣли какой-то тягучій англійскій псаломъ и пили. Недалеко отъ нихъ, неподвижно и прямо, какъ всегда, стоялъ въ совершенномъ одиночествѣ второй офицеръ со своей красивой фигурой нѣмецкаго крестьянина. Отъ времени до времени онъ смотрѣлъ на портретъ своей невѣсты, который держалъ въ мокрой рукѣ, подносилъ его къ губамъ и цѣловалъ; отъ портрета уже ничего не оставалось: онъ цѣловалъ мокрый сѣрый картонъ; иногда онъ поднималъ глаза и смотрѣлъ на темное сѣрое море, не приближается ли откуда-нибудь помощь. Три матроса, раньше стоявшіе возлѣ каюты повара, стояли плечо къ плечу, держа другъ друга за талію, у подъема на мостикъ и смотрѣли впередъ; въ рукѣ у средняго, котораго крѣпко держали оба крайніе, блестѣлъ ножъ. Отъ времени до времени красный огонь ракеты съ мостика освѣщалъ эту мрачную сцену; потомъ опять налеталъ вѣтеръ, приносившій съ собой дождь и туманъ, и гасилъ свѣтъ. Они, держа за плечо другъ друга, стали рядомъ съ матросами.

Не простояли они и нѣсколькихъ минутъ, какъ впереди вышибло второй люкъ, а вскорѣ послѣ этого и первый. Тяжелой массой хлынула вода въ трюмъ, видѣвшій столько людей и всякаго добра. А онъ, казалось, съ жадностью глоталъ воду, точно насытившись всѣми муками и тяжелой работой. „Анна Гольманъ" стала медленно погружаться въ воду.

Когда верхняя палуба совершенно исчезла подъ водой, матросъ, котораго держали его товарищи, вырвался и съ безумнымъ крикомъ бросился на мостикъ. Онъ съ поднятымъ ножемъ подступилъ къ капитану и указалъ ему на лѣстницу. Его оба товарища подскочили къ нему. Тогда капитанъ, выпрямившись и держась за перила, прошелъ мимо нихъ къ лѣстницѣ и съ видомъ человѣка, входящаго въ ванну, вошелъ въ воду, которая сейчасъ же унесла его. Матросъ вернулся на прежнее мѣсто и, успокоившись, сталъ опять смотрѣть на море. Его товарищи стали рядомъ съ нимъ.

Янъ Гульдтъ стоялъ, поддерживая одной рукой шатавшагося мальчика, другую сжимая въ бѣшеномъ гнѣвѣ. Онъ видѣлъ, что еще моментъ—и „Анна Гольманъ" совсѣмъ погрузится въ воду. И онъ неистовствовалъ и бѣсился въ своей необузданной, высокомѣрной душѣ на Бога, и скрежеталъ зубами, и оскаливалъ на него зубы, какъ тигръ:

— Если меня сейчасъ унесетъ водой, я пойду, куда захочу. Я не покорюсь. О нѣтъ! Это еще не конецъ. Я... я хочу видѣть капитана Гульдта и Ганса Гольмана. Я хочу.

Онъ встряхнулъ мальчика, подхватилъ боцмана и, дико размахивая руками, крикнулъ:

— Мы еще поговоримъ съ капитаномъ Гульдтомъ и съ Гансомъ Гольманомъ и съ тѣмь, что тамъ наверху! Мы трое! Мы явимся передъ ними, и пусть у нихъ глаза вылѣзутъ отъ удивленія! Мы трое! Вотъ идетъ послѣдняя волна. Вотъ...

„Анна Гольманъ" вдругъ зашаталась, какъ будто у нея закружилась голова; потомъ она откинулась наискось назадъ и погрузилась въ воду. Цѣпляющіяся человѣческія руки были оторваны съ бѣшеной силой. Руки поднялись кверху, показались надъ водой и опять опустились.

Яну Гульдту казалось, что онъ еще держитъ мальчика, а рядомъ съ мальчикомъ стоитъ боцманъ. Непромокаемый плащъ и часть рубки несли его, онъ могъ обхватить ее протянутыми руками... Волна заливаетъ его. Опять наверхъ. Но вѣдь это все напрасно. Тысячи миль воды! Напрасно!.. Волна! Она не заливаетъ, она поднимаетъ его. Но... онъ почти безъ чувствъ. Но не сдаваться! Не сдаваться! Впередъ! Мы трое! Къ капитану Гульдту! Тяжелая работа! Ножъ въ рукѣ! Крѣпко держать! Впередъ черезъ смерть... Черезъ узкую, тяжелую дверь...

. . . .

Четверть часа спустя, въ первомъ проблескѣ разсвѣта, показался маленькій, темный пароходъ; крѣпкимъ носомъ и сильной машиной онъ храбро разрѣзывалъ тяжелыя волны и увѣренно велъ свою борозду. Сейчасъ же вслѣдъ за нимъ показался высокій, сѣрый, чистый и красивый пароходъ, съ линіями огней у бортовъ, точно золотыми шнурами; увѣренно и быстро двигался онъ впередъ. За нимъ, двойной кильватерной колонной показались направлявшіеся къ Азорскимъ островамъ десять нѣмецкихъ броненосцевъ. Тяжело сидѣли они въ водѣ, покачиваясь, въ своей бронѣ, точно въ сѣрой орденской мантіи. Впереди прямо и смѣло шла „Германія", точно говоря: смотрите на новое, сильное отечество! На Германію! Мать и прибѣжище всѣхъ своихъ дѣтей! Въ десяти метрахъ отъ нея уже подъ водой плыла, носомъ внизъ, мертвая „Анна Гольманъ". Вахтенный смотрѣлъ впередъ и время отъ времени поднималъ руку, чтобы отбросить въ сторону ленту фуражки, которою сѣверо-западный вѣтеръ билъ его по лицу. Онъ не видѣлъ молодыхъ людей, которые, скорчившись, неслись по волнамъ, точно отдыхая послѣ послѣдней тяжелой и непосильной работы.

Онъ не видѣлъ и Яна Гульдта, который, откинувъ назадъ необузданную голову, несся на своемъ непромокаемомъ

плащѣ и на расщепленной деревянной стѣнѣ рубки по успокаивающемуся морю, отъ времени до времени обливаемый волной, оглушенный, потрясенный чудовищнымъ событіемъ. Въ углахъ его скрежещущаго рта и въ раздувающихся, покрытыхъ пѣной ноздряхъ, лежала яростная рѣшимость требовать своего права, отстоять свое дѣло, довести до конца задуманное.

Янъ Гульдтъ, внукъ стараго гольмановскаго капитана, былъ въ пути.

XI.

И грезилось обезумѣвшему Яну Гульдту:

Съ неизмѣнной рѣшимостью, легко преодолѣвавшей всѣ препятствія, онъ, не сгибаясь, не шевельнувъ ногой, поднялся на волну, точно на стеклянный откосъ, и безъ труда, несомый все той же гнѣвной рѣшимостью, очутился надъ волнующимся моремъ, гребни котораго пѣнились у его ногъ. Мальчикъ стоитъ рядомъ по правую руку отъ него, а рядомъ съ мальчикомъ стоитъ боцманъ.

Они осмотрѣлись и увидѣли своихъ товарищей, несущихся по волнамъ, и „Анну Гольманъ“, уже погрузившуюся въ воду. Но затѣмъ они окинули взглядомъ волнующееся море, надъ которымъ на востокѣ уже занимался свѣтъ, и имъ сейчасъ же стало ясно, куда имъ надо плыть, и они пустились въ путь.

Такъ какъ въ ихъ мокромъ платьѣ ихъ пробирала дрожь, они плотнѣе запахнули свои куртки и понеслись впередъ, легко преодолѣвая сопротивленіе вѣтра и воздуха, надъ самыми волнами. Ихъ несла внутренняя, свободная, могучая сила рѣшимости, жгучій, мрачный гнѣвъ, какой испытываетъ поселянинъ, когда выходитъ на охоту, чтобы убить звѣрей, опустошающихъ его поля. И эту рѣшимость Янъ какъ будто несъ въ необузданной груди и за своихъ обоихъ товарищей. Поэтому они все время неподвижно держались рядомъ съ нимъ, точно были соединены другъ съ другомъ желѣзнымъ прутомъ. Такъ неслись они миля за милей, легко, точно летя по воздуху, къ западу, пока передъ ними не очутилась земля: островъ Фернандо-Норонья у береговъ Бразиліи...

Тогда они умѣрили свою скорость и, колеблясь, какъ флагъ подъ порывистымъ вѣтромъ, медленно подплыли поближе и скоро увидѣли хижину, покрытую толстымъ бѣловатымъ тростникомъ. Они понеслись туда и прошмыгнули подъ среднее изъ трехъ высокихъ густолиственныхъ деревьевъ, вѣтви которыхъ доходили почти до самой хижины. Меньше, чѣмъ въ тридцати шагахъ отъ нихъ, передъ темнымъ входомъ въ хижину, у маленькаго костра, сидѣли, по обычаю дикарей, на корточкахъ два человѣка и

ѣли. Сбоку, въ ста шагахъ отъ нихъ тихо шумѣло море, разбиваясь о песчаный берегъ. Во всей картинѣ было что-то особенное, именно то, что бываетъ въ картинахъ, какъ будто она могла вдругъ исчезнуть, или какъ будто она существовала только въ воображеніи, или какъ будто это былъ только миражъ или отраженіе того, что было когда-то на этомъ мѣстѣ... Но кто можетъ говорить или слушать объ этихъ вещахъ безъ того, чтобы душа не была охвачена смутнымъ ужасомъ, а мысли не разбѣжались, какъ стадо овецъ, надъ которыми во мракѣ ночи кричатъ вороны.

Они стояли другъ возлѣ друга, выстроившись въ рядъ, подъ лиственной сѣнью средняго дерева. А капитанъ Гульдтъ и Генрихъ Гольманъ, сѣдые, съ желтыми, морщинистыми лицами, изнуренными голодомъ и лихорадкой, сидѣли на корточкахъ у своего маленькаго костра. На лбахъ, съ которыхъ они сдвинули назадъ большія заношенныя соломенныя шляпы, у нихъ были выжжены желтыя клейма въ формѣ колеса съ четырьмя спицами.

— Сколько уже времени мы здѣсь, Гульдтъ?—мягкимъ, усталымъ голосомъ спросилъ Генрихъ Гольманъ.

Капитанъ Гульдтъ жестко и иронически засмѣялся:

— Ты опять спрашиваешь? Ты думаешь, что я когда-нибудь отвѣчу иначе? Пятнадцать лѣтъ на Фернандо-Норонья и десять лѣтъ въ этой хижинѣ.

Генрихъ Гольманъ долго молча смотрѣлъ на огонь. Затѣмъ онъ съ мучительной, глубокой тоской мягко и печально сказалъ:

— Я хотѣлъ бы передъ смертью еще разъ увидѣть Альстеръ и верхушки гамбургскихъ церквей.

— Это ты говоришь всегда,—жестко и гнѣвно сказалъ Янъ Гульдтъ.—Къ чему это? Ты вѣдь знаешь, что не можешь поѣхать домой съ клеймомъ на лбу! Или ты собираешься въ такомъ видѣ сидѣть въ конторѣ у Гольмановъ или дома у нихъ на верандѣ? Ну, теперь ты будешь молчать?

Генрихъ Гольманъ весь съежился отъ этихъ суровыхъ словъ и нѣсколько времени молчалъ, боязливо поглядывая своими большими глазами на товарища. Затѣмъ онъ тихо и робко сказалъ:

— Каждый годъ, уже, значитъ, десять разъ я посылалъ домой письмо. Лавочникъ въ деревнѣ всегда говорилъ мнѣ, когда я долженъ отправить его, чтобы оно получилось во время.

Капитанъ Гульдтъ вынулъ изъ огня полѣно, очевидно, для того, чтобы бросить его въ сосѣда, или ударить его и сказалъ, дрожа отъ ярости:

— Когда же оно должно было получиться?

— На Рождество,—жалобно сказалъ Генрихъ Гольманъ, поспѣшно отодвигаясь.

Но капитанъ Гульдтъ уже такъ сильно ударилъ его по плечу суковатымъ полѣномъ, что тотъ заплакалъ и сказалъ:

— Не запрещалъ ли я тебѣ писать о насъ домой? Ты хочешь, чтобы они тамъ въ Гамбургѣ и Бланкенезе смѣялись надъ нами: надъ нашими пятнадцатью годами въ Фернандо-Норонья, надъ нашими желтыми, изсохшими лицами и надъ колесомъ на нашихъ лбахъ? Чтобы они говорили: смотрите, вотъ эти люди двадцать пять лѣтъ тому назадъ еще торговали людьми! Смотрите, это послѣдніе, еще продававшіе людей! Смотрите, они все еще бродятъ среди живыхъ! Смотрите, они хотятъ еще увидѣть новый вѣкъ! Неужели у тебя нѣтъ гордости настолько, чтобы молчать и ждать, пока кончится проклятая жизнь и придетъ проклятая смерть?

Побитый съ тихимъ стономъ сказалъ:

— Я всегда писалъ по-испански и такъ, что почти ничего нельзя было разобрать. И имени я тоже не подписывалъ. Я только хотѣлъ, чтобы что-нибудь мое, хоть кусочекъ бумаги и нѣсколько буквъ, попало на родину и домой. Вѣдь я не увижу дома больше никогда.

И онъ поднялъ кверху руки, и сказалъ съ безграничной скорбью въ изможденномъ лицѣ:

— Скажи-же мнѣ, капитанъ, почему я долженъ такъ несказанно страдать? Эти страшные годы на ужасномъ песчаномъ островѣ, гдѣ я научился этому отвратительному испанскому языку и заучилъ наизусть ужасные молитвенники, а нѣмецкія книги, которыя были моей радостью, такъ забылъ, что теперь не могу даже читать ихъ; гдѣ я такъ безумно тосковалъ по родинѣ и по нѣмецкимъ книгамъ, что впалъ въ меланхолію! А потомъ десять лѣтъ въ этой проклятой хижинѣ! Когда ты сидишь въ челнокѣ и удишь рыбу, я сижу и смотрю на море, туда, гдѣ находится наша родина. Я не могу больше представить ее себѣ; я совсѣмъ не помню ея, знаю только, что она прекрасна, и что тамъ такая чудесная прохлада.

Онъ схватился за виски, рвалъ себя за рѣдкіе, сѣдые волосы и плакалъ:

— Видишь ли, ты добровольно взялъ на себя команду надъ „Анной Гольманъ“, ты хотѣлъ разбогатѣть вмѣстѣ съ моимъ отцомъ и братомъ; ты былъ холоднымъ, умнымъ зрителемъ въ человѣческомъ театрѣ и, грабя и обирая, смѣялся. Я же, ты знаешь это, и Богъ знаетъ это тоже... я въ тридцать лѣтъ еще совсѣмъ не зналъ жизни. Я не зналъ, что я дѣлалъ, и что дѣлали вы.

Капитанъ опять схватилъ полѣно, которое бросилъ обратно въ огонь, и съ дико вспыхнувшими глазами сказалъ:

— Что за дѣло мнѣ и Богу до того, что у тебя было

мягкое сердце, и ты не былъ виноватъ? Ты думаешь, что онъ спрашиваетъ объ этомъ? Ты здѣсь, потому что тебя поймали вмѣстѣ со мной. И я радъ, что ты здѣсь, что у меня есть одинъ изъ проклятыхъ Гольмановъ, на котораго я могу излить свое бѣшенство, когда думаю о нихъ. На тебя! На тебя!

И онъ ударилъ его полѣномъ.

Янъ Гульдтъ, стоя со своими обоими спутниками подъ деревомъ, слышалъ и видѣлъ все это, и думалъ въ дикомъ гнѣвѣ:

— Что-же такое Богъ? И гдѣ онъ?

И онъ призывалъ его. Но его гнѣвъ кричалъ только внутри его, въ его сердцѣ; онъ не могъ ни открыть рта для брани, ни поднять руки для удара. Ихъ сердца грызъ и томилъ яростный гнѣвъ; но они стояли молча и прямо.

— Я долженъ посмотрѣть, — съ сердцемъ, пылающимъ злобой, подумалъ онъ,—такъ-же ли обстоитъ дѣло и съ Гансомъ Гольманомъ.

И они опять отправились въ путь.

Навстрѣчу имъ дулъ рѣзкій вѣтеръ; они легко справлялись съ нимъ и помчались по направленію къ родинѣ, несомые его сильной, безудержной, гнѣвной волей. Онъ точно держалъ ее въ лѣвой рукѣ, которую все время съ дикой, упрямой силой сжималъ въ кулакъ. Мимо нихъ проносились парусныя суда и пароходы: разъ большая барка очутилась какъ разъ на ихъ пути, они проскользнули мимо снастей, отдѣлившись на моментъ другъ отъ друга, точно воздухъ, который то разступается, то снова сжимается. Увидя передъ собой англійскій берегъ, они затрепетали, какъ флагъ подъ порывистымъ вѣтромъ, взвиться ли имъ наверхъ и понестись прямо надъ Англіей, или-же избрать круговой водный путь. Они склонились на сторону воднаго пути, потому что онъ былъ пріятнѣе и имъ, какъ морякамъ, болѣе знакомъ. Берегъ въ утренней дымкѣ отошелъ въ сторону. Мимо. Вдали у фрисландскихъ острововъ и у Гельголанда показалась бѣлоснѣжная пѣна прибоя. Мимо. Надъ Шаргеркомъ стояло облако серебристо-сѣраго песка; но они не пріостановились ни на минуту. Словно чайки, несущіяся утромъ, когда разсѣивается туманъ надъ водой, но въ образѣ утопленниковъ съ наглухо застегнутыми изъ-за утренней свѣжести куртками, съ которыхъ еще текла вода, скользнули они въ Эльбу, поднялись по ней, пронеслись по всему Гамбургу и остановились на другомъ берегу Альстера. Они проскользнули черезъ великолѣпный садъ и вошли прямо въ домъ, который открылся передъ ними. И они очутились въ уютной комнатѣ, выходившей въ задній садъ.

Здѣсь, въ глубинѣ широкаго кресла, у стола, съ газетой

въ рукѣ, сидѣлъ маленькій, изящный Гансъ Гольманъ, и красивая, старая женщина лѣтъ семидесяти, сидѣвшая въ шляпѣ и пальто напротивъ него, разговаривала съ нимъ.

Со слезами на глазахъ и дрожащими губами она сказала:

— Я не родная по крови вамъ, Гольманамъ, я родственница ваша только по мужу; но я ношу ваше имя. И я пришла отъ его матери, которая лежитъ на полу и бьетъ землю руками. Ему было тринадцать лѣтъ. Въ тринадцать лѣтъ умереть такой ужасной, такой внезапной смертью.

Гансъ Гольманъ вынулъ изо рта сигару и серьезно и укоризненно сказалъ:

— Столько шуму изъ-за одного мальчика.

Она съ вспыхнувшимъ гнѣвомъ сказала:

— Ты навѣрно радъ, что онъ погибъ?

Онъ опять заглянулъ въ газету, затѣмъ хладнокровно отвѣтилъ:

— Онъ не достаточно интересуетъ меня, чтобы я могъ сказать: я радъ или не радъ. Ты не можешь отрицать, что людей очень много, и что многіе умираютъ молодыми. А особенно на морѣ.

Старая женщина, ломая руки, покачала сѣдой головой, затѣмъ овладѣла собой и сказала:

— Если бы наши суда были хороши и крѣпки, и одно изъ нихъ или два, или даже шесть погибло, весь Гамбургъ сказалъ-бы: „Жаль! Намъ жаль людей, и корабля, и владѣльцевъ“. Но такъ какъ это наши суда, то весь портъ, всѣ рабочіе, всѣ матросы, всѣ капитаны, всѣ судовладѣльцы говорятъ: „Конечно, Гольманы! Этимъ должно было кончиться!“ На насъ, Гольманахъ, лежитъ проклятіе множества людей, погибающихъ моряковъ, родителей, матерей, дѣтей,— и будетъ лежать еще шестьдесятъ лѣтъ: ибо наши грѣхи взыщутся на нашихъ дѣтяхъ, и жизнь ихъ будетъ разрушена.

Гансъ Гольманъ стряхнулъ пепелъ со своей сигары и, улыбаясь, сказалъ:

— Все это звучитъ недурно! Получается впечатлѣніе, что мы, Гольманы, все-таки молодцы.

Женщина горько кивнула головой.

— Мы носимъ клеймо, на лбу, какъ твой братъ Генрихъ. Твоя сестра и сводный братъ все еще получаютъ въ сочельникъ тѣ ужасныя письма съ нѣсколькими неразборчивыми испанскими строчками. Знаетъ-ли твой отецъ объ этомъ, видѣлъ ли онъ ихъ и содрогнулся-ли передъ ними?

Она закрыла лицо руками и горько заплакала. И съ горькимъ рыданіемъ и дикимъ, гнѣвнымъ стономъ сказала:

— Я хотѣла бы, чтобы насъ, наконецъ, поразилъ какой-нибудь страшный ударъ, который уничтожилъ-бы насъ, ко-

торый отнялъ бы у насъ честь; чтобы портовый контроль или какой-нибудь почтенный купецъ...

Гансъ Гольманъ громко разсмѣялся и, покачавъ головой, сказалъ:

— Вотъ и видно, что ты въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаешь.

Затѣмъ онъ поднялся съ кресла и, выпрямивъ, свою маленькую фигурку, серьезно сказалъ:

— Мнѣ надо въ контору. Я думаю, ты не поѣдешь сегодня же обратно въ деревню, а погостишь у меня? До моего возвращенія у тебя остается цѣлыхъ шесть часовъ, и ты сможешь на досугѣ отдаться своимъ интереснымъ мыслямъ.

Старая женщина встала и рѣзко и сухо сказала:

— Я еще никогда, насколько я помню, не гостила у тебя съ тѣхъ поръ, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, во время того путешествія, бросилась въ море моя молодая компаньонка, которая наканунѣ жаловалась мнѣ, что ты преслѣдуешь ее своими предложеніями...

Она посмотрѣла на него и вышла изъ комнаты.

Янъ Гульдтъ постоялъ со своими спутниками еще немного, чтобы посмотрѣть, какимъ будетъ Гансъ Гольманъ, когда останется одинъ. Но онъ услышалъ только, какъ тотъ тихо и совершенно спокойно сказалъ самому себѣ: „Это пріятно, что боцманъ лежитъ на днѣ Бискайскаго залива... старый пьяница“... и при этомъ прищелкнулъ пальцами.

Тогда Янъ Гульдтъ въ безумномъ гнѣвѣ подумалъ:

— Что такое Богъ? И гдѣ онъ? И почему онъ не слышитъ?

И онъ громко призвалъ его. Но его гнѣвъ кричалъ только внутри его, въ его сердцѣ; онъ не могъ ни открыть уста для брани. ни поднять руки для удара. Ихъ сердца терзалъ и томилъ самый яростный гнѣвъ; но они молча и неподвижно стояли на своемъ мѣстѣ.

„Теперь уже нельзя откладывать, — подумалъ онъ въ своемъ гнѣвномъ неистовствѣ,—пора мнѣ сказать правду въ лицо ему самому“.

Они повернулись и выскользнули изъ дома, двери и стѣны котораго разступились передъ ними... И, несомые еще болѣе дикой рѣшимостью и гнѣвомъ, холодно и высокомѣрно поднявъ кверху лица, они, точно стрѣлы, взлетѣли кверху, все выше, выше, пока не попали въ безконечно ширившуюся голубую ночь, и полетѣли сквозь нее все дальше, дальше. И, наконецъ, они остановились передъ высокими стѣнами, которыя въ сѣрой мглѣ блестѣли, точно отлитыя изъ болѣе свѣтлой сѣрой стали.

Янъ Гульдтъ постучался тамъ, гдѣ какъ будто виднѣлась дверь. Онъ стучалъ такъ дико, рѣзко и сильно, что у него заболѣла рука. Но звукъ все-таки получался такой,

какъ если бы въ тихой комнатѣ ударилась о доску муха. И отвѣта не было.

Тогда боцманъ открылъ ротъ и сказалъ:

— Вотъ видишь: что тебѣ отъ твоей невинной жизни и отъ твоей вѣры, что все должно придти въ порядокъ и кончиться хорошо? Ты видишь, что въ мірѣ хозяйничаетъ не Богъ, а дьяволъ. Зачѣмъ я, бѣдняга, не остался въ своей каютѣ, гдѣ я былъ, когда ты нашелъ меня? Я хочу вернуться опять на „Анну Гольманъ“ и лечь на свою койку, хоть она и мокрая, и лежать до тѣхъ поръ, пока небо и земля не разлетятся на куски.

Маленькій Гансъ Гольманъ мягкимъ движеніемъ положилъ свою руку на руку боцмана и сказалъ:

— Не иди туда! Тамъ вокругъ тебя будетъ всегда все то злое, что такъ долго мучило тебя. Иди со мной: я знаю наверху, на Сильтѣ, старую, крѣпкую церковь. Тамъ каждую ночь собирается множество мертвецовъ—среди нихъ есть и моряки—и всѣ они радуются, что сидятъ подъ защитой крѣпкихъ стѣнъ, и смотрятъ на алтарь и вѣрятъ, что Господь стоитъ на стражѣ.

Такъ сказалъ онъ своимъ милымъ голоскомъ и, дотрагиваясь своей нѣжной рукой и до Яна Гульдта, тихо сказалъ:

— Пойдемъ съ нами.

Но Янъ Гульдтъ вырвалъ свою руку, дико засмѣялся и, повернувшись къ желѣзной стѣнѣ, сталъ громко кричать обо всемъ томъ, что разрывало его душу.

Тогда его спутники оставили его одного и отправились на Сильтъ.

Онъ же громко кричалъ:

— Генрихъ Гольманъ! Капитанъ Гульдтъ! Эмигранты! Ихъ дѣти! Негры! Дѣвушка! Мертвые товарищи! Мой отецъ! Моя мать! Я, штурманъ Гульдтъ... И ты не говоришь ничего?! Ты допускаешь все это, даешь этому повторяться уже тысячу лѣтъ?

И онъ стучалъ кулаками о дверь. Но это звучало жалко и убого.

Тогда въ немъ вспыхнуло неистовое бѣшенство; онъ потерялъ разумъ и соображеніе. Съ глухими проклятіями онъ бросился всѣмъ тѣломъ на стальную дверь.

Этотъ толчекъ сразу, вдругъ оглушилъ его.

Онъ еще зналъ, гдѣ онъ; и у него было еще смутное ощущеніе, что онъ презираетъ Бога, передъ вратами котораго стоитъ, и въ знакъ этого онъ еще плюнулъ въ дверь; но дикій, бѣшеный гнѣвъ исчезъ. Его душа была полна тупого, презрительнаго равнодушія.

Равнодушный ко всему, стоялъ онъ и размышлялъ о томъ, что же ему теперь дѣлать. И послѣ нѣкотораго раз-

думья ему показалось самымъ лучшимъ—разъ ужъ все на свѣтѣ такъ сѣро и безсмысленно—продолжать свою службу моряка, но на какомъ-нибудь маленькомъ одинокомъ суднѣ, и такъ прясть до конца нить своей жизни. И онъ повернулся и опять отправился въ путь и такъ, въ такомъ состояніи отупѣнія, дошелъ до моря.

Увидя море, онъ опять сталъ размышлять, въ какую сторону ему направиться, и рѣшилъ, что самое лучшее для него отправиться въ Лондонъ и поискать тамъ службы на одномъ изъ многочисленныхъ, большихъ, бродячихъ кораблей, которые бороздятъ всѣ моря, которые, забывъ о родинѣ и о радости, ползутъ вокругъ земного шара, точно унылые жуки вокругъ жесткаго и кислаго яблока. Жизнь на такомъ суднѣ представлялась ему самой одинокой, спокойной и безстрастной жизнью. Да, онъ такъ и сдѣлаетъ...

XII.

Его замѣтили рыбаки, возвращавшіеся домой послѣ перенесеннаго шторма вслѣдъ за нѣмецкой эскадрой. Онъ несся по волнамъ на своемъ непромокаемомъ плащѣ и обломкѣ рубки. Губы его были сомкнуты, покрытыя пѣной ноздри неестественно расширены: все откинутое назадъ лицо выражало дикую, жестокую рѣшимость; лѣвая рука была такъ крѣпко сжата, что, когда ее раскрыли, на ладони оказались четыре глубокія раны. Такъ какъ въ его мертвомъ лицѣ было столько рѣшимости, и онъ былъ такъ молодъ и несся рядомъ съ ними, они втащили его въ лодку. Они положили его возлѣ люка для рыбы, въ защищенное отъ вѣтра мѣсто, куда доходили лучи отъ восходившаго солнца, и накрыли своими старыми куртками, которыя сняли съ себя, такъ какъ вѣтеръ тоже утихалъ.

Въ своей одиноко лежащей деревушкѣ, къ югу отъ Уэссана, они снесли его на берегъ и внесли въ ближайшій домикъ, въ которомъ жила еще не старая вдова рыбака съ двумя сыновьями-подростками. Тамъ они положили его на желтый глиняный полъ маленькой прихожей, которая въ глубинѣ расширялась и переходила въ кухню. Прежде чѣмъ уйти къ своимъ женамъ, они добродушно пошутили, обращаясь къ вдовѣ:

— Когда онъ очнется, Жанетта, ты можешь оставить его себѣ. Но ты должна будешь пригласить насъ на свадьбу: вѣдь мы принесли его тебѣ.

Вдова пощупала ему, какъ умѣла, пульсъ, послушала сердце и рѣшила, что онъ закоченѣлъ и очень истощенъ. Она укутала его всѣми одѣялами, которыя нашлись у нея

въ домѣ и, снявъ съ очага семь большихъ камней, еще теплыхъ отъ утренняго кофе, положила ихъ рядомъ съ нимъ, такъ что онъ какъ будто уже лежалъ въ могилѣ, обложенной камнями. Затѣмъ она пошла съ мальчиками на свое маленькое поле, чтобы выкопать послѣдній картофель. Она думала: „къ вечеру онъ умретъ" и молилась за его блуждавшую во мракѣ душу.

Около полудня, когда солнце поднялось высоко и согрѣло маленькую желтую переднюю, его вырвало—вышло немного воды—и онъ нѣсколько пришелъ въ себя. Нѣкоторое время онъ лежалъ въ оцѣпенѣніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ послѣ ужаснаго паденія, и тупо думалъ все о томъ же: да, самое лучшее будетъ, если онъ поступитъ на пароходъ. Такъ лежалъ онъ, молча, съ полузакрытыми глазами, ничего не видя и не сознавая.

Солнце поднялось, заглянуло въ полуоткрытую дверь и лучъ его, точно прямой золотой посохъ, легъ въ длину рядомъ съ нимъ, и сталъ медленно придвигаться къ нему. Когда онъ придвинулся такъ близко, что раздѣлилъ уже темно-сѣрые камни съ очага на свѣтлыя и темныя половины, вошла дѣвочка лѣтъ четырехъ, и увидѣла Яна и солнечную полосу рядомъ съ нимъ. Такъ какъ онъ моргалъ глазами, ей стало любопытно, что изъ этого выйдетъ, и она сѣла на порогъ и долго сидѣла, не спуская съ него глазъ. Въ ея маленькой головкѣ появилась догадка, что дверь мѣшаетъ солнцу войти въ комнату, и она попробовала открыть ее настежь. Но такъ какъ это ей не удалось, вся эта исторія показалась ей слишкомъ продолжительной, и она ушла. Затѣмъ на порогѣ сѣла сѣро-голубая въ солнечномъ свѣтѣ ласточка, поклевала носикомъ, встряхнулась и послѣдовала примѣру дѣвочки.

Онъ не видѣлъ именно этого, хотя уже наполовину открылъ глаза. Онъ лежалъ въ полузабытьи и мучился жестокостью старика, который билъ горящимъ полѣномъ другого старика, безсовѣстностью худощаваго человѣка съ быстрыми движеніями, разговаривавшаго со старой женщиной, и тѣмъ, что Богъ ничего не дѣлаетъ, чтобы помѣшать всему этому, ничего не говоритъ, живетъ за желѣзными стѣнами, и уши у него желѣзныя, такія большія, какъ дверь. Что ему дѣлать, если таковъ міръ и таковъ Господь Богъ? Что дѣлать? Сидѣть въ церкви на Сильтѣ, какъ тѣ двое? Кто они эти двое? Откуда вошли въ его жизнь старый сѣдой морякъ съ маленькимъ лицомъ и нѣжный хрупкій мальчикъ? Онъ зналъ, что они были его несчастными спутниками, больше онъ не зналъ ничего. Все было сѣро, спутано и холодно. Единственно, что было ему ясно, это, что онъ поступитъ на бродячее судно, гдѣ всегда остаются бездомные, и мѣ-

няются остальные. Вѣдь онъ только и умѣетъ, что быть морякомъ. Значитъ, дальше, въ Лондонъ. Почему онъ прервалъ свое путешествіе? Почему онъ лежитъ здѣсь такъ, какъ будто его бросили сюда, среди камней?

Онъ сбросилъ одѣяла, такъ что камни покатились къ стѣнѣ, шатаясь всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, совершенно не сознавая, гдѣ онъ и что съ нимъ. Онъ удивился, что сталъ двигаться вдругъ медленнѣе, чѣмъ прежде, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и остановился въ дверяхъ, все еще съ полузакрытыми глазами, съ крѣпко стиснутыми зубами, съ глухимъ проклятіемъ на синихъ губахъ. На его сухихъ, бѣлокурыхъ спутанныхъ волосахъ играло и ликовало солнце.

Въ этотъ моментъ изъ-за угла показалась женщина со своими двумя мальчиками. Они уронили лопаты и мѣшки, которые держали въ рукахъ, и стали кричать что-то, чего онъ не понялъ. Онъ равнодушно смотрѣлъ на нихъ, нѣсколько смущенный этой неожиданной встрѣчей, но нисколько не удивленный ихъ чужеземными лицами и одеждой; вѣдь онъ былъ въ пути, проѣзжалъ черезъ чужія страны. Удивляло его только то, что онъ не зналъ, по какому направленію ему надо теперь идти.

— Въ Лондонъ,—сказалъ онъ, поясняя жестомъ, что не знаетъ направленія.

Женщина наконецъ оправилась отъ своего изумленія. Она знаками дала ему понять, что онъ долженъ сначала чего-нибудь поѣсть и выпить, заставила его сѣсть на каменную скамью у очага и живо принялась за дѣло. Она послала дѣтей за всѣмъ необходимымъ и раздула деревяннымъ поддуваломъ огонь, причемъ не переставала выражать свое удивленіе, по женскому обыкновенію, то и дѣло всплескивая руками. Затѣмъ она поставила передъ нимъ горячій кофе, дала ему кусокъ прекраснаго темнаго хлѣба, и онъ съ жадностью поѣлъ. Кровь въ немъ стала обращаться живѣе, и онъ немного ожилъ. Но душа его продолжала тупо копаться въ томъ тяжеломъ, что она пережила съ обоими стариками передъ хижиной и съ маленькимъ человѣкомъ на верандѣ и передъ желѣзными стѣнами, высившимися въ темно-сѣрой мглѣ. Она спросила его, какъ его зовутъ; чтобы онъ понялъ ее, она указала на себя и своихъ дѣтей и назвала ихъ имена и свое; но онъ не зналъ своего имени. Она спросила его о названіи судна, причемъ назвала по имени подвѣшенный къ потолку деревянный корабликъ своихъ мальчиковъ; но онъ не зналъ и этого. Въ его душѣ было живо только то, что онъ пережилъ со своими двумя бѣдными спутниками въ далекомъ воздушномъ странствіи, и все

это пережитое вызывало въ немъ только тупое, равнодушное, безнадежное желаніе.

Дальше, дальше! Въ Лондонъ! И онъ, прибѣгнувъ по обычаю моряковъ въ чужой странѣ къ англійскому языку, опять спросилъ дорогу въ ближайшую гавань и въ Лондонъ.

Женщина, вообще бойкая и неглупая, не знала, что ей сдѣлать, чтобы удержать его. Она еще успѣла вспомнить о старой шерстяной шапкѣ своего мужа и нахлобучить ее ему на голову; затѣмъ ей пришлось отпустить его.

По ея приказанію, мальчики бѣжали за нимъ цѣлый часъ. Каждый разъ какъ они подходили къ нему слишкомъ близко, они останавливались; затѣмъ, когда разстояніе между ними увеличивалось, опять тихонько бѣжали за нимъ и кричали ему, какъ ему идти. На послѣднемъ перекресткѣ они указали ему большую дорогу и дальнѣйшее направленіе. На свѣжемъ вечернемъ воздухѣ онъ настолько пришелъ въ себя, и сознаніе его настолько прояснилось, что онъ замѣтилъ, что они не собираются идти дальше, и понялъ, что долженъ поблагодарить ихъ. Онъ протянулъ имъ руку и попытался сказать, что желаетъ, чтобы имъ не пришлось пережить то, что пережилъ онъ (при этомъ онъ опять-таки думалъ только о безумномъ странствованіи втроемъ и о горестномъ знаніи, которое оно принесло); но они, испуганно отшатнувшись, бросились бѣжать и исчезли, какъ молодые жеребята, въ облакѣ пыли.

Онъ добрался до ближайшей гавани, а оттуда до Бреста. По дорогѣ онъ произносилъ всегда только названіе города, въ который стремился, но все еще совершенно не сознавалъ, гдѣ находится. Изъ Бреста онъ въ качествѣ матроса на маленькомъ грязномъ грузовомъ пароходѣ переѣхалъ въ Плимутъ. Когда товарищи по судну спрашивали его, откуда онъ, онъ отвѣчалъ имъ тономъ, въ которомъ отражался его безотрадный и необыкновенный опытъ: „Издалека“. Если же они настаивали, онъ рѣзко уклонялся отъ бесѣды, какъ человѣкъ, которому этотъ тяжелый опытъ далъ право быть рѣзкимъ. На восьмой день своего путешествія, онъ, совершенно не почувствовавъ нужды въ деньгахъ, прибылъ въ Лондонъ въ какомъ-то тупомъ, полусонномъ состояніи, совершенно забывъ все, что было до гибели „Анны Гольманъ“, съ душой, цѣликомъ заполненной и истерзанной тяжелымъ событіемъ странствія втроемъ. То, что онъ узналъ во время этого странствія о Богѣ, справедливости и человѣческой душѣ, мрачной тѣнью стояло въ его душѣ. Его голосъ звучалъ равнодушно и тускло, онъ совершенно утратилъ тотъ полный, прекрасный звукъ, который всегда, точно колокольный звонъ, пѣлъ въ немъ.

Не отвлекаясь ничѣмъ, онъ обошелъ всю гавань въ по-

искахъ парохода, который взялъ бы его. На нѣкоторыя суда его не хотѣли взять, потому что онъ не могъ назвать ни своего имени, ни мѣста, откуда пріѣхалъ, и съ тупымъ упрямствомъ и упорной настойчивостью стоялъ на своемъ желаніи ѣхать въ качествѣ офицера, а не матроса. Наконецъ, онъ попалъ на огромный, очень мрачный на видъ пароходъ, который шелъ съ грузомъ въ портъ Аделаиду въ Австраліи, гдѣ долженъ былъ получить новый фрахтъ.

Они хотѣли принять его въ матросы; но такъ какъ онъ не могъ вспомнить своего имени и, кромѣ того, что пріѣхалъ изъ Плимута, не могъ дать о себѣ никакихъ свѣдѣній, то они колебались. Но первый офицеръ, который былъ спортсменомъ и украсилъ стѣны своей каюты пятьюдесятью призами, полученными за побѣды на всѣхъ спортивныхъ площадкахъ отъ Лондона до Сингапура и отъ Капштадта до Санъ-Франциско, сказалъ со свойственной англичанамъ рѣшительностью:

— Что намъ за дѣло до этого, капитанъ? Парень съ виду молодецъ и волосы у него русые. Русые—это хорошая старая раса, и въ нихъ еще горитъ старый языческій огонь. Посмотрите только на его лицо!

Такимъ образомъ, онъ снова отправился въ плаваніе, матросомъ на „Альбертѣ“.

Матросы любили его и были съ нимъ ласковы. Они прозвали его „Томъ Джинджеръ“, какъ англійскіе моряки называли рыжихъ, потому что ихъ волосы напоминаютъ цвѣтомъ инбирное варенье, подшучивали надъ этимъ прозвищемъ, въ общемъ-же не особенно занимались этимъ страннымъ случаемъ. Но первый офицеръ продолжалъ относиться къ нему съ большимъ интересомъ, который еще усилился, когда онъ убѣдился, что незнакомецъ получилъ хорошее образованіе и хорошо понимаетъ морское дѣло.

Три недѣли спустя случилось, что третій офицеръ, поступившій на пароходъ съ зачатками тяжелой болѣзни, слегъ и умеръ. Тогда первый офицеръ предложилъ капитану взять на его мѣсто незнакомца. Онъ сказалъ:

— Онъ годится, капитанъ; я ручаюсь. И я думаю, что мы сдѣлаемъ этимъ еще и доброе дѣло. Сколько тяжелаго долженъ былъ пережить бѣдняга, чтобы все прошлое исчезло изъ его памяти!

Такъ „Томъ Джинджеръ“ сдѣлался третьимъ офицеромъ. Въ слѣдующемъ году, послѣ усердныхъ занятій англійскимъ языкомъ со своимъ покровителемъ, онъ сдалъ въ Англіи экзаменъ на штурмана и сталъ плавать на „Альбертѣ“.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БЕЗЪ ЕВРЕЕВЪ.

I.

Въ началѣ итальянскаго похода Суворова, на пути къ Аддѣ, гдѣ ждали его французы, онъ двинулъ чуть не $^3/_4$ арміи подъ Брешію,—никому и ни къ чему ненужный городишко съ ничтожнымъ гарнизономъ, сдавшимся безъ выстрѣла,—дабы заранѣе обезпеченной побѣдой, въ реляціи пріобрѣтшей эпическіе размѣры (ибо въ ней говорится и о «жестокомъ пушечномъ огнѣ» и объ «упорномъ сопротивленіи»), поднять общій «духъ» передъ серьезнымъ дѣломъ.

Ибо—каждый военный знаетъ, каково моральное значеніе «перваго успѣха».

Русскій національизмъ,—новоявленный, «нововременный» въ прямомъ и переносномъ смыслѣ слова—идетъ по стопамъ «Чудо-Богатыря». Онъ также начинаетъ кампанію пальбой по крѣпости, которая не можетъ защищаться. Для пробы силъ онъ выбралъ евреевъ,—наиболѣе слабыхъ изъ своихъ многочисленныхъ враговъ и противниковъ.

Правда, какъ и въ стародавнихъ реляціяхъ, онъ старается изобразить своего противника необычайно мощнымъ, «міръ попирающимъ»,—вродѣ того миѳическаго «Жидовина», противъ котораго вся былинная застава богатырская могла выслать, какъ достойнаго противника, только самого Илью Муромца. Да и того Жидовинъ чуть-чуть не зарѣзалъ...

Проба силъ на евреяхъ идетъ въ настоящее время, какъ извѣстно, по всему административному фронту. При «объединенности» кабинета не могло, естественно, остаться въ сторонѣ и военное вѣдомство: на очередь сталъ вопросъ объ исключеніи евреевъ изъ арміи.

Военное министерство вопросомъ этимъ было захвачено, въ значительной степени, врасплохъ, ибо до послѣдняго времени еврейскаго вопроса, какъ таковаго, въ арміи не существовало. Конечно, то тамъ, то здѣсь, въ полковомъ собраніи поругивали «жидковъ», кое-кто жаловался, что они портятъ фронтъ, но «во-

проса» не было. Въ военной печати онъ не затрагивался. Не характерно-ли, что въ «Военномъ Сборникѣ» за 50 слишкомъ лѣтъ его существованія я до послѣднихъ годовъ не нашелъ ни одной статьи, посвященной евреямъ. Болѣе того. Въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ авторамъ приходилось попутно касаться евреевъ,—о нихъ даются благопріятные отзывы. Такъ, предводитель дворянства Пинскаго уѣзда «по поводу окончанія работъ по первому, послѣ введенія всеобщей воинской повинности призыву въ уѣздѣ» пишетъ («Военный Сборникъ» 1875. № 3): «Ревизія 1875 г.... производилась весьма тщательно и достигла блестящихъ результатовъ, благодаря твердой рѣшимости еврейскаго населенія безукоризненно исполнить свою обязанность... По самый конецъ призыва, еврейское населеніе выказало относительно новой повинности полную добросовѣстность: самое назначительное число не явилось, и не было ни одного случая укрывательства послѣ взятія жеребья... «еврейское сословіе отбыло повинность въ совершенно правильной пропорціи относительно христіанскаго населенія». А въ 1883 г. *В. В—въ*, въ статьѣ «Изъ практики присутствій по воинской повинности, (Воен.-Сборн. № 9), говоритъ: «относительно призыва еврейскаго населенія нельзя не замѣтить, что поставленные въ надлежащую обстановку на службѣ евреи вырабатываются и усердно, исправно несутъ свои обязанности».

На столбцахъ военной печати «еврей» появляется, строго говоря, только въ послѣ-революціонную эпоху. Сначала—изрѣдка, потомъ—чаще; когда-же ударилъ во всѣ барабаны воинствующій націонализмъ и стало извѣстно о готовящемся законопроектѣ—«изгнанія»—антиеврейскія статьи посыпались, какъ горохъ.

Въ чемъ тутъ суть, видно изъ мелкаго, но очень характернаго факта.

Въ числѣ компетентныхъ лицъ, писавшихъ о «евреяхъ въ арміи», значится небезъизвѣстный генералъ Куропаткинъ. Генералъ высказывался о евреяхъ дважды. Въ первый разъ, въ статьѣ «Ловча, Плевна, Шейново» (Воен. Сборникъ 1883 г. № 7) онъ писалъ: «И татары и евреи умѣли и будутъ впредь умѣть такъ-же геройски сражаться и умирать, какъ и прочіе русскіе солдаты». Въ 1910 г. онъ снова вернулся къ этому вопросу, въ 3-мъ томѣ своей «Россіи для русскихъ». На этотъ разъ онъ пишетъ: «Существуетъ и все усиливается на Руси племя, которое совершенно непригодно къ военной службѣ—это евреи... Начальники... съ основаніемъ относятся съ недовѣріемъ къ ихъ мужеству... Нижніе чины... также относятся недружелюбно, не ожидая отъ нихъ поддержки въ бою». Словомъ, «для части, назначенной идти въ бой, они составляютъ источникъ не силы, а слабости». Поэтому «представляется вполнѣ необходимымъ избавить армію отъ евреевъ» (т. III. стр. 388).

Если бывшій главнокомандующій арміями не полѣнился такимъ образомъ сдѣлать «направо-кругомъ», чтобы занять должную позицію

по еврейскому вопросу, то тѣмъ съ большей легкостью бросились въ атаку «субалтерны», впервые опредѣлявшіе свое отношеніе къ «евреямъ-солдатамъ». Я не буду утомлять читателя цитатами изъ ихъ произведеній: они всѣ похожи одно на другое. Во всѣхъ ихъ—чрезвычайно много готовности и очень мало содержанія. Статьи различаются только по длинѣ, въ зависимости отъ запаса словъ, которымъ обладаетъ тотъ или иной военный публицистъ: отъ поэмообразныхъ писаній Далинскаго, до краткихъ, но крѣпкихъ «словъ» и замѣтокъ А. Смирнова, Тифона и иныхъ,—замѣтокъ, больше похожихъ на рапорты начальству, чѣмъ на публицистику. Напримѣръ: «Евреи въ большинствѣ къ строевой службѣ не пригодны, для защиты отечества не приспособлены, а на нестроевыхъ должностяхъ въ строевыхъ частяхъ нежелательны» *). Точка.

Какъ правило, авторы, о которыхъ идетъ рѣчь. не только не приводятъ въ подкрѣпленіе своихъ мыслей какихъ либо реальныхъ, дѣйствительныхъ фактовъ, но не пытаются даже разбить тѣ «цифры и документы», которые выдвигаются ихъ противниками,—въ частности, книгой Усова («Евреи въ арміи». СПБ. 1911), критикѣ которой посвящена значительная часть военныхъ «антиеврейскихъ» статей. Одинъ ссылается на недостатокъ времени для провѣрки фактическаго матеріала, другой—на отсутствіе подъ рукой соотвѣтствующихъ данныхъ; третій, наконецъ, откровенно заявляетъ, что какого-то тамъ «Правительственнаго Вѣстника», на который, въ частности, ссылается г. Усовъ, онъ не только не видѣлъ, но и видѣть не желаетъ, такъ какъ «безъ него знаетъ съ самаго дѣтства, что евреи всѣми способами уклоняются отъ военной службы».

Попадаются, правда, въ писаніяхъ ихъ сообщенія, что «въ одномъ полку... одинъ полковникъ... одному еврею», или «одинъ еврей... въ одномъ полку... одному капитану». Но анонимный фактъ есть анекдотъ,—не больше. А на анекдотахъ базироваться нельзя. Обличительныя-же рѣчи, фактами не подкрѣпленныя,—лирика. Но на лирикѣ не построишь законопроекта,—даже у насъ, гдѣ имѣется только мертвый инвентарь конституціоннаго государства, въ видѣ «законодательныхъ палатъ» и «основныхъ законовъ».

«Факты» были такимъ образомъ нужны, во что бы то ни стало. Ихъ не было въ распоряженіи военнаго министерства. Стало-быть, ихъ надо было собрать. Министерство прибѣгло къ анкетѣ, разославъ въ войсковыя части подробные опросные листы о службѣ евреевъ.

Шагъ—рискованный. Ибо, когда въ 40 хъ годахъ въ Пруссіи, гдѣ антисемитизмъ былъ въ извѣстныхъ кругахъ не слабѣе нашего, въ обстановкѣ, совершенно аналогичной, была произведена

*) Русскій Инвалидъ, 1911. № 122.

подобная анкета, она привела не къ сокращенію, а къ расширенію правъ евреевъ въ арміи *). Шагъ—рискованный, но вмѣстѣ съ тѣмъ—единственно возможный: иначе не откуда было взять нужные факты.

Результаты анкеты, разработка которой только что закончена въ Главномъ Управленіи генеральнаго штаба, «не подлежатъ пока оглашенію». Но и по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя дошли «съ мѣстъ», можно съ достаточнымъ основаніемъ полагать, что результаты эти, въ общемъ и конечномъ итогѣ, мало удовлетворительны.

Во 1-хъ, потому, что многіе командиры частей истолковали, повидимому, обращеніе къ нимъ совсѣмъ превратно. Имъ представилось, что начальство хочетъ, при изгнаніи евреевъ, просто сослаться на ихъ голосъ, что вся суть именно въ этомъ голосѣ, въ «да» или «нѣтъ». Въ старой китайской арміи была такая боевая команда: «состройте врагу самую страшную рожу». Вотъ именно въ смыслѣ такой команды и была истолкована анкета. И многіе, не по разуму усердные, командиры состроили такое страшное лицо, что фактовъ къ нему никакимъ тщаніемъ не подберешь. И потому ихъ анкетные листы пошли въ Главное Управленіе генер. штаба съ утвержденіями весьма категорическими, но безъ фактовъ.

Во 2-хъ, даже правильно понявшіе смыслъ анкеты начальники—съ увѣренностью можно сказать—не дали нужныхъ министерству фактовъ, — по той-же причинѣ, по которой не дала ихъ Прусская анкета: потому что въ дѣйствительной жизни ихъ нѣтъ.

II.

Уже изъ самой обстановки, въ которой сложился грядущій законопроектъ объ исключеніи евреевъ, ясно, что главный основной (если не единственный) интересъ его — его симптоматичность. По существу, онъ очень мало касается арміи, на боеспособность которой, при $1^1/_2$ милліонномъ составѣ, не могутъ, конечно, повліять

---

*) Докладъ Министра Внутреннихъ дѣлъ Соединенному Ландтагу въ 1847 г., резюмировавшій результаты этой анкеты, выполненной, къ слову сказать, съ истинно-нѣмецкой добросовѣстностью, характеризуя службу евреевъ-солдатъ въ мирное и военное время, заключается слѣдующими словами.

„Сводя воедино содержаніе доставленныхъ отвѣтовъ на анкету, надлежитъ считать доказаннымъ на опытѣ, что евреи, несущіе службу въ Прусской арміи ни въ чемъ сколько-нибудь замѣтно не отличаются отъ солдатъ, поставляемыхъ христіанскимъ населеніемъ; что въ военное время они служатъ не хуже остальныхъ пруссаковъ, а въ мирное время—также не отстаютъ отъ сослуживцевъ-христіанъ; что, далѣе, еврейское исповѣданіе само по себѣ нигдѣ не сказывалось, какъ препятствіе къ исправному несенію службы». (Die Juden als Soldaten. 2-e Auflage. Berlin. 1897. стр. VII.).

вкрапленные въ ряды то здѣсь, то тамъ, нѣсколько десятковъ тысячъ—пусть даже малопригодныхъ—солдатъ; но онъ близко касается нашей внутренней политики, являясь яркой иллюстраціей новѣйшей «національной» программы.

Къ оцѣнкѣ его съ этой стороны мы можемъ, однако, подойти, установивъ твердо, что арміи онъ не нуженъ, что «военныхъ» основаній для него нѣтъ. Конечно, проще всего было-бы сдѣлать это анализомъ того матеріала, который дала анкета. Но, какъ мы указали, на этотъ матеріалъ наложена печать «секретно»: защитники законопроекта не хотятъ раньше времени показывать «страшнаго лица». И въ этомъ они совершенно правы.

Но матеріала для насъ, и помимо данныхъ анкеты, найдется достаточно.

Начнемъ съ боевой непригодности евреевъ.

Генералъ Ухачъ-Огоровичъ въ своей «Военной Психологіи» справедливо, хотя и не вполнѣ грамотно, указываетъ, что «человѣкъ состоитъ изъ двухъ половинъ: физической и духовной».

Съ этихъ двухъ сторонъ—ибо обѣ «половины», хотя и не въ равной степени, принимаютъ участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ — и надлежитъ изслѣдовать еврея-солдата.

Физическую малопригодность евреевъ къ военной службѣ не считаетъ возможнымъ отрицать даже такой горячій апологетъ ихъ, какъ г. Усовъ. «Что еврейское населеніе, въ общемъ, слабѣе физически нееврейскаго — въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Лучшимъ мѣриломъ для опредѣленія физическаго развитія изслѣдуемаго субъекта признается отношеніе окружности его груди къ росту, евреи-же являются самымъ узкогрудымъ племенемъ въ Россіи» (ст. 43).

Съ предразсудкомъ, такъ категорически формулированнымъ г. Усовымъ, приходится встрѣчаться довольно часто. Но въ этой формулировкѣ вѣрно — да и то относительно—только одно: евреи обладаютъ болѣе узкой грудью, чѣмъ многія другія племена.

Это—фактъ дѣйствительный, научно установленный, какъ для русскихъ, такъ и для зарубежныхъ евреевъ. Такъ, для галиційскихъ евреевъ онъ доказанъ работами Майера и Коперницкаго, для баварскихъ—Ранке и Рюдингеромъ, для итальянскихъ—Ливи, для англійскихъ—Джекобсомъ и Спильманомъ; для русскихъ, кромѣ старинной (70-хъ годовъ) работы Снегирева, которой пользовался Усовъ, можно указать Блехмана, Вайсенберга, Зака, Элькинда, для различныхъ возрастовъ и различныхъ мѣстностей констатировавшихъ узкогрудость евреевъ.

Но что изъ этого слѣдуетъ?

Если признавать «лучшимъ мѣриломъ годности» отношеніе груди къ росту, то, основываясь на немъ, пришлось-бы признать менѣе годными къ военной службѣ, чѣмъ евреи, цѣлый рядъ народностей, напр., авганцевъ, туркменъ, эстовъ, персовъ, ибо

у нихъ отношеніе это менѣе благопріятно, чѣмъ у евреевъ *). Но туркменъ мы, послѣ среднеазіатскихъ походовъ, считаемъ далеко не безопаснымъ противникомъ; такого-же мнѣнія, по своему боевому опыту, англичане объ авганцахъ; объ эстахъ также не приходилось слышать дурныхъ отзывовъ; да и персовъ—со стороны физической годности ихъ—тоже по сіе время никто не браковалъ.

И обратно: если строить комплектованіе арміи на такомъ принципѣ, чтобы народности, дающія, въ среднемъ, наибольшій % «большой окружности» (свыше 55% роста), пользовались преимущественнымъ правомъ призыва подъ знамена, то въ первую очередь, въ первые ряды русской арміи пришлось-бы выдвинуть: айновъ Сахалина, вотяковъ, карагасовъ, лопарей, цыганъ люли, мещеряковъ, пермяковъ, самоѣдовъ, теленгетовъ и черемисовъ, ибо у всѣхъ ихъ указанный % раза въ 4 больше великорусскаго.

Вообще, «господствующее племя», при распредѣленіи правъ на военную службу по даннымъ пропорціямъ, окажется въ положеніи незавидномъ, какъ видно изъ слѣдующей таблички.

	Изъ 100 чел. имѣютъ окружность груди:		
	Малую.	Среднюю.	Большую.
Великороссы	19	65	16
Малороссы	5	44	53
Латыши	—	33	67
Литовцы	3	39	58
Поляки	5	60	35

И если мы сравнимъ данныя о великороссахъ съ данными о евреяхъ (по изслѣдованіямъ Элькинда, Яковенко, Блехмана, Ивановскаго и Свидерскаго), то разница получится вовсе ужъ не такая значительная.

Великороссы	19	65	16
Евреи	26	61	13

Мы не будемъ, однако, особенно останавливаться на указанномъ «мѣрилѣ годности», потому что высокую оцѣнку его мы находимъ только въ стѣнахъ воинскихъ присутствій. Научная-же антропологія относительно давно уже отказалась признавать его за достаточный, рѣшающій показатель и опредѣленіе «годности» народа

*)

	Изъ 100 челов. имѣютъ грудь:			
	Малую.	Среднюю.	Большую.	По изслѣдованіямъ:
Авганцы	56	39	5	Мацѣевскаго и Пояркова, Данилова, Яворскаго, Харузина, Грубе, Элькинда, Яковенко, Блехмана, Ивановскаго, Свидерскаго.
Персы	44	42	14	
Туркмены	36	59	5	
Эсты	25	64	11	
Евреи	26	61	13	

она ищетъ не въ одномъ изолированномъ анатомическомъ фактѣ, а въ цѣломъ комплексѣ фактовъ. Были сдѣланы даже попытки выработать новую формулу опредѣленія годности,—формулу, которая охватывала-бы нѣсколько признаковъ. Примѣромъ такой попытки можетъ служить показатель Пилье. Но малочисленность научныхъ работниковъ въ этой области прикладной антропологіи не дала до настоящаго времени возможности поставить нужныя исканія сколько-нибудь широко и полно.

Гораздо важнѣе, съ научной точки зрѣнія, для опредѣленія «годности» тѣ данныя, которыми характеризуется жизненная устойчивость, жизненная способность народа: данныя эти—долголѣтіе, естественный приростъ, сопротивляемость болѣзнямъ.

По всѣмъ этимъ тремъ пунктамъ евреи выгодно отличаются отъ не-евреевъ.

Въ отношеніи смертности статистика свидѣтельствуетъ, что въ Пруссіи въ 1878—82 гг. на 1000 умирало: 25 не-евреевъ и 18 евреевъ; въ 1893—97 гг.—22 и 15; въ Амстердамѣ данное соотношеніе для не-евреевъ и евреевъ въ возрастѣ 20—50 лѣтъ—60 и 31. Въ Нью-Іоркѣ, гдѣ положеніе евреевъ не можетъ считаться особенно хорошимъ, смертность на тысячу выражается такими цифрами: евреевъ—15, нѣмцевъ—22, англичанъ—26, янки—32, ирландцевъ — 33, итальянцевъ — 35, чеховъ — 44. (Pol. Anthrop. Revue, 1907, № 2, 139). Еще болѣе интересныя данныя приводитъ Фишбергъ (The comparative pathology of the Jews. N. I. Med. journal, 1901, March-April). Въ Будапештѣ половина евреевъ доживаетъ до 50 лѣтъ, въ то время какъ у христіанъ половина доживаетъ только до 30 лѣтъ; возраста 85—90 лѣтъ достигаетъ 8% евреевъ и только 2,4% христіанъ. Даже смертность дѣтей (до 5 лѣтъ), которая въ жизненной обстановкѣ еврея должна была бы непремѣнно быть высокой, даетъ 10% противъ 14% у христіанъ. Совершенно аналогичныя данныя имѣются для Лондона, Пруссіи, Голландіи. Въ Австріи отмѣчается большее преобладаніе рожденій надъ смертностью, чѣмъ у христіанъ (30,8% и 28,3%). Для Алжира преобладаніе это сказывается еще съ большей рѣзкостью, притомъ не только въ отношеніи европейцевъ, но и магометанъ. Въ Румыніи (по даннымъ 1884—1886 гг.) у евреевъ на 1 смертн. случай приходилось 2,10 рожденій, у христіанъ—1,62 и т. д.

Столь же показательны данныя о заболѣваемости. Вѣнское статистическое бюро констатируетъ, что, по сравненію съ мадьярами, нѣмцами, словенцами и сербами, евреи отличаются наименьшей заболѣваемостью. Наиболѣе опасныя болѣзни—туберкулезъ, пневмонія, тифоиды, малярія и пр.—уносятъ среди евреевъ меньше жертвъ, чѣмъ среди другихъ народностей. Такъ, напр., по даннымъ 1890 года, въ Нью-Іоркѣ отъ чахотки умерло евреевъ въ 7 разъ меньше, чѣмъ негровъ, въ 6 разъ меньше, чѣмъ ирландцевъ и т. д. По даннымъ Фишберга, смертность евреевъ отъ ча-

хотки составляетъ всего 5,76% смертныхъ случаевъ противъ 19,44% у ирландцевъ, 14,12% у нѣмцевъ и 13,04% у англичанъ. Еще крупнѣе различіе въ заболѣваемости lues'омъ и заболѣваніяхъ на почвѣ алкоголизма. И только діабетъ можетъ почитаться типичной еврейской болѣзнью.

Наша военная статистика полностью подтверждаетъ это заключеніе: смертность среди евреевъ солдатъ представляется наименьшей. Если же заболѣваемость можетъ показаться, по военно-статистическимъ отчетамъ, нѣсколько повышенной, то легко опредѣлить, что повышеніе это относится, главнѣйше, къ новобранцамъ и объясняется большимъ, по сравненію съ остальными контингентами, процентомъ евреевъ, принимаемыхъ, по оффиціальной терминологіи, «вопреки мнѣнію врачей». Даже въ области болѣзней органовъ дыханія, къ которымъ узкогрудые евреи должны были бы, казалось, быть болѣе предрасположены, —по изслѣдованію д-ра С. Н. Хозяшева («Болѣзни органовъ дыханія въ русской арміи». Спб. 1911), наибольшій % заболѣваній падаетъ на гвардейскія, гренадерскія и крѣпостныя части, т. е. какъ разъ тѣ, въ которыхъ евреевъ или вовсе нѣтъ, или имѣется ничтожный процентъ.

Суммируя вышесказанное и учитывая условія жизни еврейской массы, нельзя не присоединиться къ мнѣнію виднаго и авторитетнаго антрополога Ripley'я, признающаго за евреями «безпримѣрную жизненную стойкость» (an unprecedented tenacity of life).

Между тѣмъ каждому, кто представляетъ себѣ достаточно вѣрно условія современной войны, совершенно ясно, что именно «жизнестойкостью» опредѣляется годность людского состава арміи въ боевой обстановкѣ. Крупная физическая сила, стальныя мышцы, неимовѣрные бицепсы—все это было рѣшающимъ факторомъ въ ту эпоху, когда исходъ боя рѣшался тѣмъ же путемъ, что и исконно-русскіе кулачные бои, «стѣнка на стѣнку».

Усовершенствованіе оружія уравняло природное различіе мышечной силы противниковъ, даже въ условіяхъ столь рѣдкой нынѣ штыковой схватки. Конечно, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы «требованія физической годности» отошли на задній планъ: они попрежнему являются главными, пожалуй, даже исключительными. Но самое расходованіе силы производится совершенно иначе, чѣмъ раньше. Современная война требуетъ отъ солдата способности выносить въ теченіе долгаго промежутка времени невысокія, относительно, напряженія, въ то время, какъ прежняя война требовала короткихъ моментовъ огромнаго напряженія физической силы. Другими словами, «сила» въ дѣйствительномъ, тѣсномъ, значеніи слова смѣнилась «выносливостью». Или, что то же, рѣшающее значеніе отъ атлетики перешло къ жизнестойкости.

Переходъ этотъ, какъ мы видѣли, скорѣе въ пользу евреевъ, чѣмъ обратно. Ибо та быстрая утомляемость, которой намъ придется коснуться ниже, даже въ условіяхъ современнаго *боя*, менѣе

вредоносна, чѣмъ могла быть въ прежнемъ, короткомъ, не затяжномъ бою. Въ условіяхъ же *похода*,—передвиженій, маршей-маневровъ, въ которыхъ нынѣ лежитъ главная тяжесть войны (по сравненію съ былымъ, съ какой-нибудь «пяти-переходной системой»)—характерная жизнестойкость еврея дѣлаетъ его вполнѣ пригоднымъ «боевымъ матеріаломъ».

Что касается стрѣлковыхъ способностей, которыми наряду съ выносливостью исчерпываются въ сущности боевыя требованія, предъявляемыя военной дѣйствительностью рядовому, то и здѣсь обычное шельмованіе евреевъ представляется мнѣ преувеличеннымъ. Правда, анкета, произведенная Офицерской стрѣлковой школой, устанавливаетъ, что по стрѣльбѣ евреи занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Но, во 1-хъ, есть народности, которыя стрѣляютъ еще хуже и въ числѣ ихъ татары, о боевой непригодности которыхъ вообще не говорятъ. Во 2-хъ, среди тѣхъ же евреевъ, по даннымъ этой анкеты, есть группа, которая стрѣляетъ лучше «среднихъ» русскихъ. Это—евреи, попавшіе въ стрѣлковые полки. Они даютъ: стрѣлковъ 1-го разряда 25,28%, 2-го разр. 37,62%, 3-го 25,08% и не проходившихъ курса стрѣльбы 12,02%; среднее-же для русскихъ—23,24%, 35,36%. 27,67% и 13,73%. Если принять во вниманіе, что указанная группа составляетъ 1/6 попавшихъ въ анкету евреевъ, положеніе приходится признать вовсе не такимъ уже безнадежнымъ.

III.

Но обвиненіе въ физической негодности есть слабѣйшее изъ обвиненій, предъявляемыхъ къ евреямъ - солдатамъ. Даже самые ярые «антиевреи» какъ будто сознаютъ шаткость своихъ утвержденій въ данной области. И потому на первое мѣсто выдвигается *психологическая* немощь еврея, дѣлающая его негоднымъ солдатомъ, неспособнымъ къ боевому порыву, склоннымъ къ паникѣ,—не только неустойчивымъ въ испытаніяхъ, но легко деморализующимъ и другихъ.

Еврей не способенъ къ риску жизнью, онъ всегда цѣпляется за нее, онъ не пойдетъ ни на что, гдѣ есть «физическая опасность». Отчего нѣтъ евреевъ - авіаторовъ?—побѣдоносно спрашиваетъ одинъ изъ новѣйшихъ обличителей еврейства, Далинскій. «Авіація—самое прогресивное занятіе современнаго человѣчества». (В. Сб. 1911 № 10, стр. 91).

Утвержденіе этой «немощи» строится, по преимуществу, на теоретическихъ выкладкахъ. Дѣлались, правда, отдѣльныя попытки обосновать это на фактахъ, но тѣ разрозненные эпизоды, которые приводятся нѣкоторыми, очевидно, недостаточны, тѣмъ болѣе, что достовѣрность многихъ анекдотовъ болѣе чѣмъ сомнительна.

Ни въ одной изъ зарегистрованныхъ военной исторіей паникъ нѣтъ какихъ-либо указаній на то, что виновниками ихъ были солдаты-евреи. На каждый отдѣльный случай бѣгства или уклоненія отъ боя еврея можно привести случаи героизма и самопожертвованія другого еврея-солдата. Что-же касается «массы», то здѣсь боевой опытъ приводитъ къ благопріятнымъ выводамъ. Я не буду указывать столь рельефный, по существу своему, примѣръ, какъ боевая работа евреевъ при оборонѣ Праги въ 1794 г. Объ одушевленіи и стойкости, проявленныхъ «жидовскимъ полкомъ» въ эти дни, много писалось. Примѣръ этотъ, дѣйствительно, характеренъ, какъ единственный въ новѣйшей исторіи случай, когда евреи дрались въ составѣ своего единоплеменнаго полка и дрались за свои очаги, за свою семью. Они знали, чѣмъ грозитъ взятіе Праги ея жителямъ: не даромъ впослѣдствіи, учитывая то, что произошло послѣ паденія Праги, Императоръ Павелъ признавалъ взятіе ея... не дѣйствіемъ воинскимъ, а единственно закланіемъ жидовъ. Въ виду того, что обстановка и цѣль всякой борьбы являются рѣшающимъ моментомъ въ созданіи «духа»,—я не считаю возможнымъ строить какія-либо заключенія на примѣрѣ Пражской обороны: ибо условія, въ которыхъ приходится нести военную службу еврею въ современномъ государствѣ, слишкомъ отличны. Въ настоящее время и обстановка, и цѣль войны, обыкновенно, далеки и чужды ему. Но и въ этихъ условіяхъ военная исторія не даетъ данныхъ для осужденія евреевъ: разницы между еврейскими и иноплеменными контингентами не замѣчается. Послѣ войны «за освобожденіе Европы» 1813—1815 гг., когда евреи впервые появились въ рядахъ прусской арміи, канцлеръ гр. Гарденбергъ писалъ графу ф. Гроте (4 янв. 1815 г.): «Послѣдняя война показала, что на довѣріе, оказанное евреямъ государствомъ, которое приняло ихъ въ свое лоно, они отвѣтили искреннею преданностью. Молодые люди іудейскаго исповѣданія оказались прекрасными боевыми товарищами солдатъ-христіанъ, и мы видѣли въ ихъ средѣ примѣры истиннаго героизма и самаго похвальнаго презрѣнія къ опасностямъ войны». Послѣднія войны вплоть до русско-японской, какъ показываетъ цифровой матеріалъ, приводимый въ изданіи Комитета для борьбы съ антисемитизмомъ, и аналогичный трудъ Усова, въ полной мѣрѣ подтверждаютъ слова Гарденберга.

Вполнѣ поэтому понятно, что «анти-евреи» строятъ свою аргументацію почти исключительно на соображеніяхъ, такъ сказать, теоретическихъ. При этомъ одни теоретики ищутъ себѣ опоры въ «общемъ характерѣ еврейской исторіи». Такъ, генералъ Ухачъ-Огоровичъ отмѣчаетъ, что «одинъ ученый изслѣдователь» (кто? С. М.) свидѣтельствуетъ, что «въ эпоху царей евреи были такіе ненадежные солдаты, что ихъ царь (кто? С. М.) былъ вынужденъ поручать оборону страны и свою личную охрану чужеземнымъ наемнымъ войскамъ; въ евреяхъ было такъ мало воинской пред-

пріимчивости къ дальнимъ завоеваніямъ, что одинъ видъ моря пугалъ ихъ». Изъ этой цитаты нельзя однако составить себѣ представленія о негодности евреевъ. Въ частности, фактъ найма войскъ оставляетъ, по моему, открытымъ вопросъ: кто въ данномъ случаѣ былъ «не надеженъ»—царь или народъ.

Подробнѣе и основательнѣе, смотря по Прутковски, «въ корень», подходитъ къ тому-же вопросу Далинскій (В. Сб. 1911 г., №№ 11 и 12 и отд. изданіе).

По его мнѣнію, евреи *не могутъ* быть воинами органически, потому что таковъ желѣзный законъ ихъ расовой особенности: Европеецъ можетъ быть трусомъ или героемъ, негодяемъ или честнѣйшимъ человѣкомъ. Его кровь — «чистѣйшая кровь арійца»— даетъ самую широкую амплитуду нравственныхъ колебаній, открываетъ ему возможность стать тѣмъ, чѣмъ онъ самъ захочетъ. Но еврей... Онъ былъ трусомъ, когда ночью, измѣннически перебивъ первенцевъ египетскихъ, уходилъ изъ страны, пріютившей нѣкогда выселенцевъ, давшей возможность имъ изъ 70 человѣкъ размножиться въ народъ, насчитывавшій свыше 600 тысячъ однихъ способныхъ носить оружіе. Они украли, уходя, драгоцѣнности египтянъ, тѣхъ самыхъ, за счетъ которыхъ они жили 430 долгихъ лѣтъ, «поставляя любовницъ фараонамъ и знатнымъ сановникамъ и давая деньги въ ростъ». Они были трусами въ дни паденія Іерусалима, когда Титъ въ рѣчи къ войскамъ со справедливымъ презрѣніемъ говорилъ: «вы побѣдили самый безстыдный, мятежный и коварный народъ». Они были вѣроломными трусами, когда звали мавровъ на города отогрѣвшей ихъ, бездомныхъ скитальцевъ, Испаніи. И позже, когда разсыпались по безчисленнымъ гетто Европы—рабы по виду, рабы по духу—они были тѣми-же презрѣнными трусами, что въ дни царей Израильскихъ.

Такъ говоритъ новѣйшій «строевой» историкъ евреевъ.

Другіе теоретики ссылаются на соціальныя особенности еврейскаго племени, на его расовую склонность къ торговлѣ. Еврей— торгашъ, и этимъ все сказано. Къ значенію профессіональнаго фактора въ данномъ случаѣ мы еще вернемся. Пока же отмѣтимъ лишь, на сколько поверхностны и рискованны могутъ быть подобныя характеристики, даваемыя, обыкновенно, съ лету. На дняхъ мнѣ попалась на глаза такая характеристика народа:

«Ему не важны средства, лишь бы цѣль была достигнута... Онъ коваренъ и хитеръ, онъ рѣдко идетъ прямо къ цѣли—у него недостаетъ для этого искренности... Тенденція ко лжи, свойственная торговцамъ и спекулянтамъ, всегда сгибающимъ свою спину передъ вліятельными лицами. Вѣрность своему слову и даже подписаннымъ контрактамъ... не привилась въ его нравахъ. Другая индивидуальная черта—это его нерѣшительность... Безконечные пересуды и никогда—положительное рѣшеніе... Онъ не трудолюбивъ... Скрытая ненависть ко всему иноплеменному, ревнивое желаніе срав-

няться съ ними и даже превзойти ихъ и такимъ образомъ избавиться отъ необходимости унижаться передъ ними—все это создало духовную силу, связывающую всѣ разрозненные элементы... Индивидуальныя качества его, какъ солдата,... далеко не блестящи... Онъ любитъ жизнь... и боится смерти... Но трезвъ, скроменъ, вслѣдствіе воспитанія и необходимости... Можетъ довольствоваться неприхотливой пищей, одеждой и помѣщеніемъ... смѣтливъ, наблюдателенъ»...

Вы думаете, что это октябристъ пишетъ о евреяхъ?

Нѣтъ. Это г. Рощицкій писалъ о японцахъ...

Евреи, дѣйствительно, не воинственны до болѣзненности, до неспособности во многихъ случаяхъ къ самообоpонѣ. Качество, навѣявшее такія горькія, кровью писанныя строки Бялику. Но кто воинственнѣенъ, по нынѣшнимъ временамъ, когда даже команчи, подвигами которыхъ упивались мы въ школьные годы, смѣнили свои томагавки на заступы и кирки? И развѣ тотъ-же генералъ Куропаткинъ, въ томъ же III томѣ своей «Россіи», въ которомъ онъ клеймитъ евреевъ, не жалуется на «отсутствіе воинственности у русскаго племени... на отсутствіе одушевленія» и т. п.? Число воинственныхъ въ томъ или другомъ народѣ опредѣляется числомъ не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, не стоящихъ на своемъ «дѣлѣ». Поэтому не воинственѣенъ крестьянинъ, рабочій, купецъ, писатель. Добавьте сюда всѣ профессіи—вплоть до военной.

Гораздо болѣе серьезнымъ соображеніемъ было-бы указаніе на *физіологическія* особенности еврейскаго племени. Ихъ почему-то забыли критики еврейства. Какъ правило, еврей впечатлителенъ и нервенъ. Онъ легко возбудимъ. Фактъ общеизвѣстный, научно доказанный И. А. Сикорскимъ, А. С. Миноромъ и уже цитированнымъ мною Фишбергомъ, что функціональные неврозы и психозы, особенно неврастенія и истерія, встрѣчаются чаще среди евреевъ, чѣмъ среди неевреевъ.

Данныя для военной психологіи мало благопріятныя. Впечатлительный человѣкъ утомляется скорѣе. Между тѣмъ вопросъ нервной утомляемости—вопросъ особливо острый для современнаго боя, съ его опустошительнымъ огнемъ, его длительностью, пустотой поля сраженія, давящей мозгъ несоизмѣримо тяжелѣе, чѣмъ блескъ оружія людской стѣны, движущейся навстрѣчу, чѣмъ лѣсъ вражескихъ копій въ бояхъ прошлаго. Бѣдность звуковъ, частое жуткое затишье. Неизвѣстность событій, развертывающихся на необозримомъ пространствѣ, на десяткахъ верстъ... Все это требуетъ или грубаго элементарнаго нервнаго вещества, мало способнаго къ иному возбужденію, кромѣ возбужденія непосредственнаго, «видомъ», или внутренняго огня, творящаго несокрушимую стойкость, единаго дающаго побѣду.

Очевидно, что ни того, ни другого качества у евреевъ нѣтъ: ибо по интеллигентности они переросли уже предѣлъ непосред-

ственной возбудимости; что-же касается внутренняго огня, то было-бы противоестественно, если-бы онъ у нихъ былъ.

Если бы вопросъ стоялъ объ *одиночномъ* боѣ, одинъ на одинъ, евреевъ можно было-бы цѣнить не особенно высоко. Но при развѣдкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, гдѣ выдвигаются на первый планъ способности интеллектуальныя, еврей долженъ скорѣе выдѣляться, чѣмъ отставать отъ другихъ. По крайней мѣрѣ, въ сѣтованіяхъ, которыя раздавались по поводу недочетовъ нашей развѣдочной части въ послѣднюю войну, упреки полностью падаютъ на «господствующую народность», на великороссовъ. «Передача устныхъ приказаній въ бою черезъ нашихъ нижнихъ чиновъ была невозможна, такъ какъ они перевирали непонятную имъ рѣчь... Нашему солдату невозможно было разсказать дорогу къ какому-нибудь пункту въ незнакомой мѣстности... У насъ настолько развилось «немогузнайство» въ прошлую компанію, что если-бы Суворовъ воскресъ и поговорилъ съ нашими Кирилками, онъ бы опять умеръ отъ огорченія» (Развѣдчикъ, 1911 г. № 943). Пишетъ это, между прочимъ, тотъ самый г. Далинскій, который почему-то считаетъ, что «отъ еврея всѣ качества» (конечно, отрицательныя) нашей арміи. Указанные недочеты, по самому существу своему, могутъ относиться къ евреямъ меньше, чѣмъ къ остальнымъ, такъ какъ даже такіе убѣжденные враги евреевъ, какъ требующій ихъ изгнанія изъ арміи г. Тарасовъ, не только констатируютъ высшую, чѣмъ у остальныхъ національностей Россіи, грамотность, но признаютъ даже ихъ «такъ сказать, превосходство въ умственномъ развитіи передъ другими». (Цит. кн. стр. 19).

Въ одиночномъ бою, повторяю, слѣдуетъ предпочесть сибирскаго звѣролова, казака или кавказскаго горца еврею изъ черты осѣдлости. Но въ бою «массовомъ», каковымъ, за рѣдкими исключеніями, и является современный бой,—указанныя свойства евреевъ,—ихъ нервность и впечатлительность,—не могутъ, по моему мнѣнію, играть особо вредной роли. Въ самыхъ «еврейскихъ полкахъ» ихъ 4—5 на роту, въ строю-же, пожалуй, и того меньше. Уже одна эта вкрапленность предрѣшаетъ фактическую невозможность для нихъ опредѣлить собою психологію войсковой части, съ которой они идутъ въ бой. Какъ свидѣтельствуетъ даже ген. Ухачъ-Огоровичъ *), «колебаніе и малодушіе нѣкоторыхъ субъектовъ исчезаютъ подъ воздѣйствіемъ массы». Повышенная еврейская нервность можетъ, въ крайнемъ случаѣ, только скорѣе выявить сложившуюся психологію — въ формѣ ли безумнаго удара въ штыки или паническаго бѣгства; но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, это будетъ проявленіемъ не ихъ личной воли, но воли той массы, съ которой они въ данный моментъ слиты. Вотъ почему въ тѣ моменты, когда психологія толпы складывается лихорадочно-быстро, рѣзкимъ толчкомъ,—еврей легко

*) Военная психологія, стр. 197.

можетъ метнуться въ глаза наблюдателю; при нормальномъ-же развитіи событій, при медленномъ наростаніи боя, напр., — его быстрая нервная утомляемость отнимаетъ у него ту силу сопротивленія психологіи толпы, которая могла быть у него въ началѣ дѣйствія. Это, конечно, далеко не положительное качество: это— качество безличное. Но какой-либо угрозы цѣлому отъ него нѣтъ.

Качество это, «безличность»,—очень характерно для еврея-солдата. Въ немъ нѣтъ красокъ для яркой батальной картины, но нѣтъ и для анаѳемы. Нѣтъ тѣхъ красокъ, которыя мы нашли-бы, говоря о евреѣ внѣ арміи. Тамъ — онъ опредѣленевъ, онъ ярокъ, ибо черезъ него—его видомъ, жизнью, мыслью, чувствомъ—говоритъ тысячелѣтняя его исторія. Но здѣсь, въ рамкахъ арміи, въ жизни, гдѣ всякій шагъ регулированъ уставомъ, гдѣ на всякое движеніе есть разрѣшеніе или запретъ, переодѣтый въ мундиръ, онъ теряетъ всѣ тѣ черты и особенности, на которыхъ, привычно, останавливается глазъ «на волѣ». Онъ затеривается въ массѣ такихъ же худогрудыхъ, невидныхъ, всегда полу-испуганныхъ новой, несвычной обстановкой солдатиковъ, «Кирилокъ», которыхъ поставляетъ пригородная, ремесленная и мелкоторговая Русь. Онъ не выдѣляется изъ этой массы. Вотъ все, что можно сказать о немъ.

Иначе и не можетъ быть. Тѣ черты, которыя выше намѣчены,— эта узкая грудь, и ростъ малый, и нервная утомляемость,—это не «еврейскія», это не «расовыя качества»: это качества того класса, къ которому принадлежитъ въ значительной части еврейство.

Мы не будемъ напоминать обличителямъ «еврейской расы», что семитизмъ *русскихъ* евреевъ отрицается представителями современной научной антропологіи почти единогласно, что каждое новое изслѣдованіе все крѣпче утверждаетъ за ними права на то же арійское происхожденіе, которымъ такъ гордится Шеманскій. Для насъ важнѣе другой фактъ, также достаточно уже освѣщенный современной наукой,—тотъ фактъ, что соматическія особенности еврейскаго народа являются результатомъ своеобразнаго вліянія среды» *), а отнюдь не расы. Ихъ опредѣляетъ не «кровь», но «профессія».

IV.

Изслѣдовать какой-либо народъ въ отношеніи его боевой годности можно, въ условіяхъ современности, только разсматривая его, какъ «пирамиду профессій» и изслѣдуя отдѣльно каждый слой, каждую плиту этой пирамиды. Равноцѣнности — въ смыслѣ военной годности—между ними нѣтъ и быть не можетъ.

Весь циклъ еврейскихъ профессій связанъ съ городомъ. Город-

*) *Элькиндъ*. Евреи. Москва. 1.

ское же населеніе во всѣ времена давало менѣе годный боевой матеріалъ. Еще генералъ Горнъ въ 1828 г. жаловался на пониженіе годности прирейнскаго населенія, вслѣдствіе роста фабричной промышленности. Тотъ-же фактъ, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, былъ научно обоснованъ Донатомъ на гигіеническомъ конгрессѣ въ Будапештѣ (1894 г.). Въ Швейцаріи изслѣдованіями Шулера и Бурхардта установлено, что въ фабричныхъ кантонахъ бракуется ежегодно 20—23% призыва, въ то время какъ въ непромышленныхъ раіонахъ—не свыше 14—18%. Прусское правительственное разслѣдованіе, предпринятое въ 1902 г., установило, что въ раіонѣ III арм. корпуса, напр., городское населеніе дало 41% годныхъ, въ то время какъ сельчане дали 61%. Далѣе, той-же антропологіей твердо установлено различіе въ физическомъ развитіи различныхъ слоевъ даже городского населенія (Ничефоро, Ливи, Лонге, Брентано и др.; особенно можно рекомендовать трудъ Белльмана, съ особой тщательностью анализирующій вліяніе профессій и преемственности ихъ). Съ другой стороны, доказано, что вредное вліяніе той или иной профессіи сказывается въ городской обстановкѣ съ особою силою. Такъ въ Jahrbuch für Nationalökonomie und statistik (15 т., стр. 655) мы находимъ слѣдующія данныя: кузнецы, слесаря, формовщики даютъ непригодныхъ къ военной службѣ въ городахъ 32%, въ селеніяхъ 27, 9%; сапожники и портные въ городахъ—68%, въ селеніяхъ—45, 1%, и т. д.

Вредное вліяніе профессій на физическое развитіе должно было сказаться у евреевъ особенно сильно, въ виду, во 1-хъ, скученности, въ какой они живутъ и вліяніе которой на пониженіе физической годности такъ рельефно показалъ на примѣрѣ 3, 4 и 10-го (т. е. самыхъ населенныхъ округовъ Парижа) Манувріе, и, во 2-хъ, въ виду характерной для огромнаго большинства евреевъ бѣдности,—являющейся также, какъ извѣстно, понижающимъ факторомъ.

Спеціальные антропологическіе труды, посвященные евреямъ, полностью подтверждаютъ, что физическіе недочеты, выше перечисленные, обусловлены исключительно жизненной обстановкой. Такъ Джекобсъ и Спильманъ отмѣчаютъ, что вэстэндскіе евреи Лондона даютъ лучшій ростъ и лучшее отношеніе груди къ росту, чѣмъ евреи истэндскіе, находящіеся въ худшихъ жизненныхъ условіяхъ. Аналогичный примѣръ представляетъ Венгрія, гдѣ евреи поставлены въ лучшія условія, чѣмъ ихъ сородичи изъ черты осѣдлости, и они даютъ значительно лучшія пропорціи. Вайсенбергъ (Arch. f. Anthrop. т. XXIII) объясняетъ задержку въ физическомъ развитіи евреевъ «усиленнымъ умственнымъ трудомъ, наступающимъ очень рано въ силу обязательнаго посѣщенія школы еще на 5-мъ году; весьма антигигіеничными условіями и весьма строгимъ режимомъ хэдера; отсутствіемъ физическихъ упражненій; преобладаніемъ занятій, не требующихъ большого физическаго напряженія и обычно

связанныхъ съ сидячимъ образомъ жизни; ранними браками». Ripley устанавливаетъ низкорослость евреевъ, какъ результатъ невыгодныхъ житейскихъ условій (Globus т. L XXVI, № 2).

Сказанное о физическомъ развитіи полностью приложимо и къ «психологіи».

До извѣстной степени физическое слабосилье, какъ можно думать, непосредственно связано съ характернымъ для евреевъ недостаткомъ воинственности. Менѣе здоровый, болѣе слабый человѣкъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, неизбѣжно оказывается и болѣе робкимъ, менѣе воинственнымъ. Еще большее значеніе имѣетъ въ данномъ отношеніи тотъ циклъ профессій, который доступенъ евреямъ. Въ массѣ своей они принадлежатъ къ классу, живущему, главнымъ образомъ, обмѣномъ, а этотъ классъ особенно сильно заинтересованъ въ томъ, чтобы охранить жизнь отъ рѣзкихъ толчковъ и вооруженныхъ конфликтовъ, которые могутъ нарушить обмѣнъ и порвать торговыя сношенія. Издавна купецъ противопоставляется въ этомъ случаѣ воину, какъ рѣзко противоположный по психологіи типъ...

Традиціонная отверженность отъ остальныхъ племенъ и угнетеніе создали въ еврействѣ внѣшнее единство. Благодаря этому, указанная профессіональная черта легко принимается за племенную еврейскую особенность. Въ дѣйствительности однако еврейское единство—чисто внѣшнее, обусловленное правовымъ положеніемъ. Это—единство русской тюрьмы, гдѣ сбиты въ одну яму самое свѣтлое и самое чадное, что есть въ мірѣ,—фальшивомонетчики и геніи духа, скотоложцы и люди, душу свою положившіе за други своя.

На дѣлѣ всѣ внутреннія отношенія въ еврейской средѣ построены на конкуренціи, и конкуренціи безоглядной, вообще свойственной данному классу и тѣмъ болѣе классу, насильно вмѣстившему чуть не цѣлый народъ. Зомбартъ *) такъ формулируетъ нормы, принципіальными сторонниками которыхъ евреи являются въ теченіе всѣхъ послѣднихъ столѣтій: сфера дѣятельности каждаго хозяйственнаго субъекта ни въ какомъ направленіи не ограничена никакими объективными положеніями, касается ли дѣло величины сбыта, или разграниченія профессій; каждый хозяйственный субъектъ во всякое время долженъ заново завоевать свою позицію и во всякую данную минуту защищать ее отъ посягательствъ со стороны; онъ также вправѣ отвоевать для себя за счетъ другихъ столько экономическаго простора, сколько можетъ; всѣ экономическіе процессы надлежитъ регулировать лишь по личному усмотрѣнію въ интересахъ возможно большей цѣлесообразности. Какое «единство» можетъ быть построено на такихъ принципахъ? Не является-ли при наличіи ихъ всякая связь только временнымъ,

*) Евреи и хозяйственная жизнь. Рус. пер. Спб. 1912, стр. 179.

союзомъ, непрочнымъ, способнымъ рухнуть ежеминутно, если этого потребуетъ экономическій просторъ? Сильнѣйшимъ связующимъ цементомъ является, какъ мы говорили, угнетеніе. При немъ достаточно надежна и традиціонная религіозная связь. Но тамъ, гдѣ угнетенія нѣтъ, еврейство легко теряетъ единство. Число крещеній, напримѣръ, какъ замѣчено, растетъ обратно пропорціонально гнету: особенно много ихъ было въ XIX столѣтіи и, въ частности, въ послѣдней его трети. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Берлинѣ, напр., можно говорить уже объ «исчезновеніи еврейства».

То, что мы считаемъ цѣлымъ, есть искусственный агломератъ, и тѣ специфически-еврейскія черты, которыя многимъ кажутся племенными особенностями, легко можно стереть простымъ разрушеніемъ той искусственной ограды, которой они созданы.

Мнѣ невольно вспоминаются судьбы столь нашумѣвшей въ свое время теоріи Ломброзо о прирожденномъ преступникѣ.

Развѣ не такимъ-же прирожденнымъ преступникомъ, физическимъ и нравственнымъ уродомъ рисуется большинству современниковъ еврей? Въ свое время Ломброзо пришлось отъ первоначально чисто физико-антропологическаго замысла ошельмованія человѣка перейти къ осложненной антрополого-психіатрической теоріи, а затѣмъ, не удержавшись на ея наклонной плоскости, сознаться, что «несравненно важнѣе индивидуальныхъ, органическихъ причинъ могутъ быть причины, стоящія въ зависимости отъ общихъ и экономическихъ условій» и такимъ образомъ собственными руками разбить идола предопредѣленной преступности. Такъ и намъ по отношенію къ евреямъ отъ теоріи расоваго рахитизма и прирожденной «рабской психологіи»—силой фактовъ, силой жизни самой неизбѣжно придется прійти къ соціальнымъ условіямъ, какъ къ основному въ данномъ случаѣ фактору. Намъ придется признать вторичными всѣ явленія, которыми, какъ признакомъ неизлѣчимой болѣзни, пугаютъ насъ антисемиты. Они желаютъ отсѣчь часть тѣла, болѣзнь котораго есть только результатъ общаго зараженія организма. Не правильнѣе ли было бы заняться леченіемъ самого организма? Ибо, воистину, не мы «болѣемъ евреями», но «евреи болѣютъ нами».

V.

Повсюду, гдѣ воинская служба есть *повинность*, уклоненіе отъ нея неизбѣжно. Кромѣ лицъ, непосредственно, органически заинтересованныхъ въ наружной и внутренней охранѣ существующаго уклада государства, всѣ остальные, подчиненные элементы стремятся къ максимальному уклоненію. Это—законъ. И границы ему

ставятся чисто «физическія»—въ видѣ стѣны полицейскихъ мѣръ, ограниченій, наказаній, вплоть до окончательной невозможности существованія «уклонившагося» въ другомъ мѣстѣ, кромѣ тюрьмы. Гдѣ и покуда можно—уклоняются легально, пріобрѣтеніемъ льготъ. Если это невозможно, уклоняются нелегально: пріобрѣтеніемъ фиктивныхъ свидѣтельствъ о болѣзни, подкупомъ—кто можетъ, кто не можетъ — побѣгомъ. Явленіе повсемѣстное, что уклоненіе незаконное растетъ строго пропорціонально сокращенію освобожденій по льготамъ, или сокращенію самыхъ льготъ. Это подтверждается хотя бы новѣйшей исторіей призывовъ во Франціи и у насъ, въ Россіи. Обычно, въ этомъ винятъ «развитіе антимилитаризма»; но, право-же, онъ тутъ непричемъ, и вся суть только въ первомъ, въ основномъ порокѣ современной военной службы: въ томъ, что она *повинность*. Любопытно отмѣтить, что законность уклоненій отъ военной службы признаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже «правые». Такъ, Далинскій оправдываетъ «нѣтчиковъ» Московской Руси, ибо, по его словамъ, они «не могли согласиться съ новымъ режимомъ службы».

Въ исторіи коренной Руси легче всего, пожалуй, прослѣдить этотъ законъ уклоненія, какъ мы его назвали. Уже въ московскую эпоху приходилось метать громы, ибо, чѣмъ дальше отъ Москвы, чѣмъ слабѣе была, стало-быть, возможность непосредственнаго воздѣйствія, тѣмъ упорнѣе уклонялась окраина отъ несенія военной повинности.

Еще рѣзче сказался «законъ уклоненія» при Петрѣ. Несочувствіе царскимъ начинаніямъ, въ связи съ слабостью тогдашней полицейской силы, повело къ тому, что, кажется, ни въ одну эпоху не было такихъ побѣговъ изъ арміи, какъ тогда. Тщетно усугубляли наказанія. Въ 1700 г. (27, IX) указано было бѣглыхъ вѣшать; 19 января 1705 г.—изъ каждыхъ троихъ—одного вѣшать, другихъ бить кнутомъ и ссылать въ каторгу на-вѣчно; указъ 4 іюня 1705 г. редактированъ въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ: «учиня наказаніе—ссылать на каторгу въ Петербургъ». Въ 1708 г. пошли еще дальше. Боярскій приговоръ 22 января кое-чѣмъ прямо напоминаетъ нынѣ дѣйствующее военно-еврейское законодательство: «записывать рекруты съ отцы, и прозвищи, и съ лѣты, и въ рожи, и въ примѣты, кто холостъ или женатъ, и женъ ихъ имена съ отчествомъ... и кто у нихъ въ томъ селѣ или деревнѣ дядья или братья, или свойственники». «За ихъ побѣги тѣ ихъ отцы и дяди, братья и свойственники съ женами и дѣтьми посланы будутъ въ ссылку... а бѣглецы, какъ будутъ сысканы, казнены будутъ смертью».

И тѣмъ не менѣе жестокіе шли побѣги. Въ 1710 году изъ числа 5745 рекрутъ, посланныхъ подъ Ригу, бѣжало 1669 человѣкъ. Въ томъ же году изъ партіи въ 660 человѣкъ бѣжало 304; изъ партіи полк. Франка по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ

бѣжало 517 чел.; изъ партіи пор. Колычева въ 425 чел. удалось сдать на службу только 80, остальные бѣжали*).

Опуская позднѣйшее рекрутское время (когда будущихъ воиновъ зачастую везли въ колодкахъ и содержали на пути въ острогахъ), ибо, при особенностяхъ комплектованія того времени, побѣги не могутъ служить доказательствомъ нашего «закона», перейдемъ прямо къ эпохѣ, когда воинская повинность стала «священнѣйшей обязанностью» каждаго русскаго гражданина. Безчисленныя льготы, которыя оказалось возможнымъ ввести въ уставъ, благодаря чрезвычайному превышенію «солдатскаго предложенія» надъ «спросомъ», открыли широкій путь для уклоненій легальныхъ. Благодаря этому, нелегальныя уклоненія были относительно рѣдки, а недоборы, конечно, исключеніемъ. Но съ теченіемъ времени, съ ростомъ ежегодныхъ контингентовъ, чудодѣйственное значеніе «льготы» стало ослабѣвать, и дѣйствіе «закона уклоненія» не замедлило проявиться въ самой откровенной формѣ. Какъ характерный примѣръ, я позволю себѣ привести корреспонденцію изъ Псковской губ., напечатанную не такъ давно въ газетѣ «Рѣчь» (№ 316, 1911 г.).

«На дняхъ закончился пріемъ новобранцевъ по здѣшней губерніи. Со времени русско-японской войны общее число призываемыхъ увеличилось почти вдвое, но съ того же времени и желаніе избавиться отъ воинской повинности стало проявляться вдвое сильнѣе. За послѣдніе годы призываемые стараются всяческими способами освободиться отъ солдатчины: кто побогаче, пытается дѣйствовать деньгами, а у кого нѣтъ достаточнаго капитала, тотъ портитъ себя. Портитъ, калѣчитъ себя призываемая деревенская молодежь тоже всяческими способами: иной растравляетъ себѣ глаза, натирая ихъ нюхательнымъ табакомъ, другой вливаетъ себѣ въ ухо азотную или сѣрную кислоту, третій отрубаетъ себѣ указательный палецъ правой руки и т. д. Чаще всего практикуется порча глазъ и ушей. Въ островскомъ и опочецкомъ уѣздахъ изъ-за глазъ и ушей бракуются до 10 проц. всѣхъ «лобовыхъ» призываемыхъ. Къ порчѣ своего здоровья и къ подкупу прибѣгаетъ пока лишь эта категорія призываемыхъ къ отбытію воинской повинности; но большой процентъ браковки среди лобовыхъ ведетъ къ тому, что сдаютъ въ солдаты льготныхъ третьяго и даже второго разряда, и эту категорію призываемыхъ, чтобы пополнить комплектъ новобранцевъ, принимаютъ на военную службу уже безъ строгой браковки. Въ прошломъ году по опочецкому уѣзду были сданы въ солдаты всѣ льготные 3-го и 2-го разряда; но военное вѣдомство вернуло обратно изъ воинскихъ частей, за непригодностью къ военной службѣ, 60 человѣкъ и сдѣлало по этому случаю

*) Столѣтіе Военнаго Министерства, т. IV, кн. I. Отд. I, ч. I, стр. 66—67 и приложенія.

замѣчаніе пріемной коммиссіи. Въ текущемъ году въ опочецкомъ уѣздѣ повторилась прошлогодняя исторія: опять приняли на военную службу льготныхъ 3-го и 2-го разряда; передаютъ, что на этотъ разъ будетъ командирована въ Опочку особая коммиссія для переосвидѣтельствованія всѣхъ принятыхъ на военную службу молодыхъ людей въ этомъ году.

«Богатые считаютъ, что могутъ «спасти» своихъ дѣтей при помощи нѣсколькихъ сотъ рублей (до 500).

«До сихъ поръ, чтобы освободиться отъ солдатчины, портили себя лишь лобовые призываемые, теперь же и льготные, особенно 3-го разряда, убѣдившись изъ практики, что льгота не спасаетъ ихъ отъ военной службы, начинаютъ тоже портить себя и прибѣгать къ другимъ средствамъ».

Если таково было на протяженіи столѣтій отношеніе къ военной службѣ «господствующаго племени», то какого отношенія должны мы ожидать отъ «покоренныхъ», отъ инородцевъ? Однимъ изъ патріотовъ въ обличеніе окраинъ составлена и напечатана въ Военномъ Сборникѣ такая табличка недобора, составленная по даннымъ объ исполненіи призыва въ 1906 году.

Тверская губернія	0	Великороссы.
Плоцкая »	58 %	Поляки!
Сувалкская »	69 %	Литовцы!
Елисаветпольская губ. . . .	44 %	Армяне!
Тифлисская » . . .	34 %	Грузины!

И въ этомъ, пожалуй, нѣтъ ничего неправдоподобнаго... У евреевъ, если ихъ положенье сравнивать съ остальными «инородцами», больше причинъ къ уклоненію, чѣмъ у остальныхъ. Они наиболѣе безправны, и отношеніе къ нимъ въ казармѣ во время исполненія ими священнѣйшей обязанности, несомнѣнно, хуже, чѣмъ къ кому-либо иному. Я не имѣю въ виду обвинять въ чемъ-либо военное министерство: по закону и по уставу евреи ничѣмъ не отличены отъ христіанъ. Дѣло въ укладѣ внѣуставномъ, опредѣляемомъ личнымъ отношеніемъ начальствующихъ лицъ къ еврейскому вопросу. А отношеніе это только въ рѣдкихъ случаяхъ благопріятно. Антисемитизмъ, въ самыхъ зоологическихъ формахъ своихъ, держится очень цѣпко какъ въ средѣ офицерства, такъ, особенно, въ средѣ начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ. Эти господа нерѣдко обращаютъ для еврея казарму поистинѣ въ лобное мѣсто. Теперь, кажется, стало легче, но еще въ недавнее, сравнительно, время, въ періодъ 6-ти лѣтней службы, многократно случалось, что евреи, послѣ нѣкотораго «стажа» въ казармѣ, симулировали кражу со взломомъ, что влекло за собой, по закону, лишеніе воинскаго званія и 2—3 года арестантскихъ ротъ. Истинный характеръ этихъ кражъ виденъ изъ того, что издано было постановленіе: евреевъ за подобныя преступленія не лишать воин-

скаго званія и сдавать не въ арестантскія роты, а въ дисциплинарные баталіоны, безъ сокращенія срока службы. Какимъ-же кошмаромъ должна вставать передъ человѣкомъ военная жизнь, если онъ предпочитаетъ ей арестантскія роты или, хуже того, тѣ искалѣченія, которыя приходится наблюдать теперь!

Такимъ образомъ фактъ крупнаго уклоненія евреевъ долженъ былъ бы считаться фактомъ нормальнымъ, какъ по соображеніямъ, приведеннымъ выше, такъ и потому, что торговое сословіе, къ которому въ большинствѣ принадлежатъ евреи, какъ показываетъ статистика городскихъ призывовъ, всегда отличалось особенной склонностью къ уклоненію. Вполнѣ естественно поэтому было бы, если бы еврейское населеніе давало недоборъ. Оказывается однако, что евреи исполняютъ свою повинность сполна.

Въ книгѣ Усова собранъ огромный статистическій матеріалъ, заимствованный изъ строго оффиціальныхъ источниковъ и доказывающій, что пресловутаго недобора евреевъ не только не существуетъ, но, обратно, существуетъ постоянный, иногда довольно значительный, переборъ. Если считаться съ процентнымъ отношеніемъ евреевъ къ остальнымъ народностямъ Россіи, то надо признать, что они выставляютъ относительно больше солдатъ, чѣмъ остальное населеніе. По даннымъ переписи 1897 г. на сто мужчинъ 20—29 лѣтъ было нижнихъ чиновъ: у евреевъ—12,8, у остальныхъ—11,7. Еще болѣе крупный переборъ г. Усовъ констатируетъ для отдѣльныхъ губерній и отдѣльныхъ лѣтъ. Такъ, въ 1897 г. въ Ковенской губ., отъ евреевъ, составляющихъ всего 13,25% населенія, потребовано было по разверсткѣ 25,89%, а въ 1898 г.— даже 28,23% всего числа новобранцевъ губерніи. Рядомъ вычисленій Усовъ устанавливаетъ, что во многихъ губерніяхъ черты осѣдлости евреевъ призывается, относительно, въ 1½—2 раза больше, чѣмъ не евреевъ и т. д.

Но на установленіе факта перебора тратить силы, строго говоря, и незачѣмъ уже потому, что онъ не отрицается и самимъ правительствомъ. Такъ, въ оффиціальной статистикѣ выполненія воинской повинности по Виленскому военному округу (за 1894—1903 г.) мы встрѣчаемъ прямое указаніе, что евреевъ принимается на службу значительно больше, чѣмъ слѣдовало бы по %-ной нормѣ, въ виду особыхъ принудительныхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ уклоненія ихъ. Разверстка дѣлается съ учетомъ, такъ сказать, ожидаемаго крупнаго уклоненія: не мудрено, что она во многихъ случаяхъ приводитъ къ перебору.

Къ слову сказать, такой порядокъ призыва—не спеціально еврейскій: изъ тѣхъ же отчетовъ мы видимъ, что литовцы, латыши и жмудины названнаго раіона находятся не въ лучшихъ условіяхъ. Для нихъ, за послѣднее отчетное десятилѣтіе % принятыхъ опредѣляется въ 78,01, тогда какъ общій % ихъ въ раіонѣ—всего 69,15.

Фактъ «перебора», конечно, недостаточенъ для опроверженія обвиненій въ уклоненіи. Вѣдь предразсудокъ этотъ основывается на томъ, что евреи, давая, пусть даже нѣсколько больше, чѣмъ полагается съ нихъ по закону, солдатъ, не даютъ столько, сколько требуетъ съ нихъ, пусть незаконно, правительство. Больше того: они *не могутъ* дать требуемаго количества, такъ какъ, забирая даже льготныхъ 1-го разряда, присутствія не могутъ собрать назначеннаго по разверсткѣ количества, ибо число неявляющихся къ призыву, по оффиціальнымъ даннымъ, дѣйствительно огромно. Объ этомъ говоритъ и собранный Усовымъ матеріалъ, какъ видно изъ слѣдующей выписки, сводящей результаты призыва за 30 лѣтъ.

Потребовано было по разверсткѣ — 525.591; призывалось 1.481.041; принято 425.512; не явилось къ призыву 333.043, не добрано—100.079.

Въ цифрѣ неявившихся, а не въ недоборѣ или неправильности разверстки, и лежитъ центръ тяжести вопроса. На ней и слѣдуетъ сосредоточить все вниманіе. Большой близорукостью было бы стараться замаскировать этотъ дѣйствительно огромный % не являющихся къ призыву.

Но онъ не опасенъ для евреевъ, потому что онъ—не только объяснимъ, но и долженъ показаться, послѣ объясненія, скорѣе слишкомъ малымъ, чѣмъ обратно.

Объясненіе неявки, какъ правильно указываетъ Усовъ, надо искать прежде всего въ эмиграціи и недочетахъ метрикацій, вводящихъ въ призывные списки не малое число мертвыхъ душъ.

На этотъ счетъ книга Усова даетъ богатый матеріалъ, но я позволю себѣ привести свои цифры, нѣсколько отличныя отъ цифръ Усова, такъ какъ со времени выхода его книги изъ печати появился новый статистическій матеріалъ по данному вопросу.

Зависимость неявки отъ эмиграціи оспаривать, конечно, не приходится, ибо, если человѣкъ выселился, то, очевидно, онъ не можетъ явиться въ присутствіе. Эмиграція евреевъ настолько значительна, что въ теченіе ряда лѣтъ она превосходитъ естественный приростъ еврейства, и этотъ фактъ установленъ твердо статистикой. Весь вопросъ, все разногласіе только въ томъ,—гдѣ причина, и гдѣ слѣдствіе: есть-ли неявка—результатъ эмиграціи, или эмиграція--результатъ ожидаемаго призыва? Антиевреи утверждаютъ послѣднее; мы же склонны утвердать первое. Провѣрить, кто правъ, не трудно.

Во 1-хъ, истинныя причины эмиграціи—ясны уже изъ самаго характера ея. Если-бы уклоненіе было руководящимъ мотивомъ, мы наблюдали-бы: а) что эмигрируетъ преимущественно молодежь до-призывного возраста, б) что цифра эмиграціи должна быть болѣе или менѣе постоянной въ теченіе ряда лѣтъ, и скорѣе съ наклонностью къ пониженію, такъ какъ запасъ мужской молодежи долженъ истощаться постепенно такой односторонней эмиграціей;

в) что составъ еврейскаго населенія, какъ въ Россіи, такъ и въ странахъ эмиграціи долженъ быть ненормальнымъ: въ первой должно быть рѣшительное преобладаніе стариковъ, женщинъ и дѣтей, въ послѣднихъ—взрослыхъ мужчинъ; г) что должна наблюдаться прямая зависимость между оффиціальнымъ недоборомъ и эмиграціей даннаго года. На дѣлѣ же—нѣтъ ни перваго, ни второго, ни третьяго, ни четвертаго.

Начнемъ съ состава. Характерная особенность еврейской эмиграціи, по сравненію съ эмиграціей другихъ народовъ,—это «семейный» составъ ея: крупный % женщинъ, дѣтей и стариковъ, Прежде всего, бросается въ глаза огромное количество женщинъ: среднее за 10 лѣтъ для русскихъ евреевъ—76,3 на 100 мужчинъ, въ то время какъ русскіе даютъ всего 17,6, литовцы—41,3, поляки—44,1, финны—51,8. И это численное соотношеніе у евреевъ съ годами все растетъ, давъ за послѣднее отчетное 5-лѣтіе (1906—1910)—79,9%.

Столь-же многочисленны и дѣти, составившія за послѣднее 5-тилѣтіе 25,4% выселившихся евреевъ.

Взятая отдѣльно, мужская эмиграція евреевъ рѣзко опять-таки отличается отъ остальныхъ народностей, какъ видно изъ слѣдующей таблички:

Съ 1900 по 1909 г.	до 14 л.	14—44.	свыше 45 л.
Евреи	24,8%	69,8%	5,4%
Финны	9,2%	88,2%	2,6%
Литовцы	8.0%	90,3%	1,7%
Поляки	9,4%	88,2%	2,4%
Русскіе	7,3%	90,2%	2,5%

Думается, одного взгляда на эту табличку достаточно, чтобы уяснить себѣ, что меньше всего въ эмиграціонномъ уклоненіи можно обвинять евреевъ Это—не бѣгство мужской молодежи извѣстнаго возраста; это—«исходъ» племени въ нормальномъ составѣ семей. Для вящшаго подтвержденія, можно привести еще двѣ-три очень характерныхъ цифры: во 1) ничтожный % возвращающихся: въ то время какъ русскихъ, напримѣръ, возвращается свыше $^2/_5$, евреевъ—меньше $^1/_{10}$: это—эмиграція безвозвратная; 2) относительно значительныя средства, которыми располагаютъ эмигрирующіе. Хотя число неимущихъ у евреевъ больше, чѣмъ у остальныхъ эмигрантовъ (88,2% имѣющихъ менѣе 50 долларовъ), но средняя на человѣка выше: 31,6 у евреевъ противъ—23,9 у финновъ, 20,4—у русскихъ, 14,6—у поляковъ, 13,8—у литовцевъ. Объясняется это тѣмъ-же «семейнымъ» переселеніемъ, съ ликвидаціей всего имущества на бывшей родинѣ. Наконецъ, въ 3) въ то время, какъ русскіе, эмигрирующіе въ Соединенные Штаты, имѣютъ въ мѣстѣ эмиграціи родню только въ половинѣ случаевъ и 2,6% эмигрируетъ, не имѣя тамъ ни родныхъ, ни знакомыхъ,

еврейскіе эмигранты въ 93,5% имѣютъ родню въ мѣстахъ эмиграціи, и лишь въ 1,7% не имѣютъ никого. Это родственное начало эмиграціи, на мой взглядъ, чрезвычайно показательно.

Далѣе. Мы указывали, на неизбѣжность постоянства цифры эмиграціи, если она обусловлена призывомъ, и нѣкоторой наклонности ея къ уменьшенію. На дѣлѣ мы видимъ иное. Сопоставленіе цифръ эмиграціи съ цифрами оффиціальнаго недобора даетъ:

	1901.	1902.	1903.	1904.	1905.	1906.	1907.	1908
Недоборъ	1327	1691	1970	11.155	11.608	11.270	10.789	10.666
Эмиграція (только въ С. Щ.). . .	37·660	37.876	47.689	77.544	92,388	125.234	114.932	71.978

Изъ этихъ же цифръ видно, что какой либо непосредственной зависимости между недоборомъ и эмиграціей никакъ не установишь. Если взять три первыхъ года, мы видимъ, что недоборъ увеличивается на 300 чел. въ годъ, въ то время какъ эмиграція въ первые два года одинакова, а въ третій—рѣзко возрастаетъ. Въ 1904 г. недоборъ почти въ 6 разъ больше предшествовавшаго года, эмиграція же возрасла лишь въ $1^1/_2$ раза. Въ 1906 году эмиграція увеличивается съ 92 т. на 125, недоборъ—падаетъ. Недоборы 1907—1908 гг. почти одинаковы, между тѣмъ какъ разница въ эмиграціи—равна 50.000. Недоборъ падаетъ послѣ лѣтъ наиболѣе усиленной эмиграціи и т. д. Словомъ, чѣмъ пристальнѣе всматриваешься въ эти цифры, тѣмъ меньше видишь между ними прямой связи. За то тѣ объясненія, которыя даются колебаніямъ эмиграціи Усовымъ,—«погромная зависимость», устанавливаемая имъ для подъемовъ въ нѣкоторые годы, паденіе имиграціи въ 1907 г. въ связи съ экономическимъ кризисомъ въ Соединенныхъ Штатахъ и т. п.—естественны и понятны.

Не менѣе крупнымъ доводомъ за то, что недоборъ есть *только* результатъ эмиграціи, являются размѣры ея, которые настолько велики, что цифра неявившихся къ призыву, казалось бы, должна считаться ничтожной при такой ежегодной потерѣ. Во всякомъ случаѣ было бы достаточно одной эмиграціи, чтобы объяснить хроническій недоборъ безо всякой злонамѣренности.

Тѣмъ не менѣе, въ объясненіе недобора мы располагаемъ еще однимъ, и не малоцѣннымъ аргументомъ—недочетами метрикацій.

Метрикаціи я коснусь только вскользь. Отчасти потому, что вопросъ этотъ съ исчерпывающей полнотой изложенъ у Усова, и мнѣ не хотѣлось бы повторять его, отчасти же и потому, что фактъ колоссальной неурядицы въ этомъ дѣлѣ настолько несомнѣненъ, что Варшавскій статистическій комитетъ выбрасываетъ по сіе время при своихъ вычисленіяхъ данныя о еврейскомъ населеніи, какъ завѣдомо и совершенно неточныя. Это не предразсудокъ, но твердо неоднократными провѣрками установленный фактъ. Фактъ, въ сущности, опять-таки не спеціально еврейскій, такъ

какъ и во всей Россіи, вплоть до культурнѣйшихъ прибалтійскихъ губерній, дѣло регистраціи населенія поставлено достаточно плохо. Кто изъ тѣхъ, кому приходилось участвовать въ пріемныхъ комиссіяхъ, не становился въ тупикъ, когда на вызванную фамилію отзывалось чуть не десять одинаково голыхъ, одинаково бѣлоголовыхъ Ивановыхъ, Семеновыхъ, разобрать которыхъ другъ отъ друга «по документамъ» не представлялось никакой возможности. Или, напротивъ, на вызванную фамилію ея владѣлецъ, несомнѣнно, находившійся на лицо, упорно не отзывался, не узнавая въ ней своего привычнаго «имени». О мусульманахъ и говорить нечего: установить тожество Хайбулатова съ Семеджановымъ не сможетъ ни одинъ юристъ, а вѣдь съ этимъ тожествомъ приходится считаться въ ежедневной практикѣ любого эскадрона. И если только съ евреями происходятъ недоразумѣнія на этой почвѣ, то объясняется это, по вѣрному и откровенному указанію г. Апухтина (Рус. Инв. № 103), просто «предубѣжденіемъ». Тамъ, гдѣ вѣрятъ татарину и эсту, *еврею* не вѣрятъ.

Для полноты картины намъ остается коснуться еще одного, правда, второстепеннаго вида «уклоненій»: это «уклоненіе» уже послѣ пріема въ войска и уклоненіе отъ строевой службы.

Число евреевъ, освобождаемыхъ по болѣзненности отъ службы уже послѣ пріема, несомнѣнно, довольно высоко. Но надо принимать во вниманіе, что цифра такихъ освобождаемыхъ вообще очень высока въ нашей арміи, благодаря несовершенству пріема. По даннымъ «Развѣдчика» (№ 943), за послѣдніе годы около 15% набора оказывалось слабыми и негодными къ службѣ, а въ иныхъ частяхъ % такихъ неправильно принятыхъ доходилъ до 30%. Спеціальныя работы, имѣющіяся по этому вопросу и выясняющія причины непомѣрной убыли молодыхъ солдатъ въ первые мѣсяцы службы (Шапировъ, ген. Циккельнъ и др.), не дѣлаютъ въ данномъ случаѣ какихъ-либо различій между племенными контингентами и не находятъ данныхъ для выдѣленія евреевъ изъ общей массы. Но если бы даже % ихъ и былъ значительнѣе, это легко можно было бы объяснить еще меньшей, чѣмъ для остальныхъ, разборчивостью коммиссій при зачисленіи евреевъ на службу.

Равнымъ образомъ, неправильно и утвержденіе, что еврей, попавъ въ войско, всѣми правдами и неправдами стремится отдѣлаться отъ строя и, въ силу этого, евреями переполнены нестроевыя команды всякаго рода и т. п. Переполненіе это, дѣйствительно, существующее въ иныхъ частяхъ, обусловлено не желаніемъ евреевъ, но волею начальства. Если въ однихъ полкахъ замѣчается тенденція усиленно ставить евреевъ въ строй, въ цѣляхъ воспитанія и муштрованія ихъ, то въ другихъ—наблюдается обратное стремленіе,—очистить отъ нихъ строй («дабы не портить фронта») назначеніемъ на нестроевыя должности и даже въ денщики. Послѣднее обстоятельство вынудило даже въ недавнемъ прошломъ нѣкоего ге-

нерала Прѣлова издать особый циркуляръ о неназначеніи евреевъ въ денщики за ихъ непригодностью къ службѣ: пусть-де лучше портятъ строй и казенныя винтовки, чѣмъ офицерскіе самовары.

О числѣ нестроевыхъ евреевъ можно до нѣкоторой степени судить по числу непроходившихъ стрѣльбы: объ этомъ есть данныя въ той стрѣлковой анкетѣ, на которую мы уже ссылались. Изъ нея видно, что число нестрѣлявшихъ евреевъ колеблется отъ 27-30% въ гренадерскихъ—до 12,02% въ стрѣлковыхъ частяхъ, въ то время какъ поляки даютъ, 24,09 и 15,10%, нѣмцы 31,48 и 12,06, литовцы 45,16 и 8,16. Такимъ образомъ, и здѣсь какого-либо рѣзкаго отклоненія не въ пользу евреевъ не замѣчается.

VI.

Пересматривая, одно за другимъ, обвиненія, нынѣ выдвинутыя противъ еврея, какъ солдата, мы не нашли ни одного реальнаго, «военнаго» основанія для проектируемаго его исключенія, Еврейство несетъ свою повинность со всей тщательностью, которую допускаетъ его ослабленный эмиграціей и бытовыми условіями составъ.

И до того труднымъ кажется мнѣ подыскать какое-либо дѣйствительное, понятное всякому непредубѣжденному человѣку объясненіе для столь внезапно поднятаго вопроса о замѣнѣ личной повинности для евреевъ денежной, что, если бы не громы, которые мечетъ націоналистическая печать, я бы затруднился отвѣтить на вопросъ: что же, въ сущности, предполагаемый законопроектъ—кара или милость?

Отвѣтить на такой вопросъ и въ самомъ дѣлѣ вовсе не такъ просто, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Мнѣ приходилось слышать, съ одной стороны, отъ интеллигентныхъ евреевъ, что освобожденіе отъ воинской повинности будетъ сочтено ими за «генеральный погромъ». Г. Усовъ цѣлой книгой, книгой большого труда, старается обосновать право еврея на военную службу, доказать незаслуженность оскорбленія, наносимаго еврейству исключеніемъ изъ арміи. Цѣлый рядъ евреевъ, участниковъ минувшей войны, печатно заявили протестъ противъ предполагаемаго исключенія.

Съ другой стороны, Danzers-Armee-Zeitung, сообщая о предстоящемъ изгнаніи евреевъ изъ нашей арміи, заявляетъ, что русскіе евреи весьма довольны этимъ законопроектомъ. Мнѣ пришлось слышать, что, съ другой стороны, правые крестьяне въ Думѣ собираются горячо протестовать противъ такой несправедливой льготы евреямъ. Чего либо оскорбительнаго они, видимо, въ этомъ законопроектѣ не усматриваютъ.

Не лишне прибавить, что въ царствованіе Александра и въ первые годы Николая I, когда евреи были еще освобождены отъ

рекрутской повинности, русскіе неоднократно протестовали противъ этой льготы. «Когда всѣ націи въ Россіи даютъ рекрутъ, то почему съ однихъ жидовъ взимаютъ вдвое деньгами за рекрута? За что они таковыми выгодами пользуются противъ Россіянъ?»— говорится въ «Запискѣ», поданной въ 1802 г. Еврейскому Комитету. И тамъ-же: «Россіянинъ вчетверо заплатитъ противъ еврея— освободи его только отъ рекрутства».

Такая противорѣчивость мнѣній вполнѣ понятна, ибо противорѣчивъ и самый вопросъ.

Нигдѣ, пожалуй, такъ ярко не сказывается характерная для современнаго государства искусственность уклада, съ неизбѣжно проистекающей изъ этого путаницей элементарно-ясныхъ понятій, какъ именно въ области военной службы.

Война въ идеалѣ, — если слово это можно примѣнить къ кровопролитію,—въ томъ образѣ, въ которомъ мыслится она народу,—не просто историческій эпизодъ, какъ было когда-то въ «наемную» эпоху; не просто политическая комбинація, какъ представляется она верхамъ современнаго государства; не биржевой спортъ высокаго азарта и высокой выручки, каковой является она для капиталистовъ; для демократіи война есть актъ народной воли, необходимостью скованный, актъ страшной силы, кровнаго напряженія, сознательнаго и въ то же время не размышляющаго самоотреченія. Въ основѣ такой боевой службы лежитъ чувство, высоту котораго безсильно стараются передать словомъ «священное»,— чувство готовности и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимости стать грудью, по первому бранному кличу, на защиту того Цѣлаго, незамѣтной, но полноцѣнной и неотторжимой частицей котораго являются данные люди. Нужно-ли говорить, что это чувство не декретируется, не укладывается въ рамки постановленій... И быть оно можетъ только тамъ, гдѣ есть «Цѣлое».

Но въ современномъ государствѣ этому чувству не нашли другого обозначенія, какъ слово «повинность».

И мало того, что этотъ подвигъ для Цѣлаго, настолько свѣтлый что и жертвой его назвать нельзя, ибо кто изъ умиравшихъ за своихъ, за свое, съ кѣмъ душой и кровью связанъ, думалъ о жертвѣ—мало того, говорю я, что этотъ подвигъ въ современномъ строѣ называется повинностью, она еще считается самой тяжелой изъ всѣхъ, какія налагаетъ для своей пользы государство! Правда, наряду съ этимъ, не замѣчая логическаго противорѣчія, люди говорятъ о почетности этой повинности, которая есть священнѣйшій и высшій долгъ и т. д.

Изъ этой двойственности толкованія проистекаетъ и двойственность мотивовъ изъятія изъ этой повинности.

Съ одной стороны, освобождаютъ за «службу Сусанина» «бѣлопашцевъ»—потомковъ Сабинина, котораго мы знаемъ по «Жизни за Царя»; освобождаютъ цѣлыя категоріи профессій, «относящихся

къ существеннымъ народнымъ нуждамъ»; освобождаютъ священниковъ; освобождаютъ единственныхъ сыновей, признавая этимъ, въ разрѣзъ съ сущностью военнаго и гражданскаго долга, что семью должно ставить выше «Цѣлаго».

Съ другой стороны, освобождаютъ ошельмованныхъ, ограниченныхъ въ гражданскихъ правахъ лицъ, утверждая тѣмъ, что къ знамени, какъ къ «священной хоругви», могутъ прикасаться только гражданскичистыя руки.

И въ то же время сдаютъ въ солдаты «за бунтъ» студентовъ, какъ раньше сдавали крѣпостныхъ неисправимо дурного поведенія.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ современномъ государствѣ одинаково считается наказаніемъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ—исключеніе изъ военной службы, въ другихъ—зачисленіе въ войска. Одинъ и тотъ-же фактъ освобожденія отъ воинской повинности можетъ быть и великой милостью, и позорнымъ наказаніемъ.

Это противорѣчіе во взглядахъ сказывается и въ интересующемъ насъ случаѣ. Еврейская интеллигенція видитъ несомнѣнный позоръ; русскіе крестьяне—столь-же несомнѣнную милость.

На самомъ же дѣлѣ, это—ни то, ни другое.

Ошибиться въ оцѣнкѣ было, впрочемъ, легко, такъ какъ того, свидѣтелями чего мы сейчасъ являемся, на Руси еще не было.

Чтобы понять истинный смыслъ исключенія евреевъ, придется напомнить исторію евреевъ въ нашей арміи. До 1827 г. евреи, наряду съ купцами и другими аналогичными по занятіямъ группами русскаго населенія, были освобождены отъ несенія воинской повинности натурой. Отъ Петра и до Николая I евреи разсматривались, такимъ образомъ, совершенно правильно, какъ профессіональная, а не племенная группа. Съ эпохи Николая Павловича, эпохи усиленной руссификаціи и нивеллировки, евреи вводятся въ армію, въ тѣхъ-же руссификаторскихъ и нивеллирныхъ видахъ. Видно это изъ того, что евреевъ положено было брать втрое больше, чѣмъ христіанъ, а съ 1841 г. съ «неполезныхъ» евреевъ и впятеро больше. По силѣ § 10 Рекрутскаго Устава брали всѣхъ, кто не имѣлъ «болѣзней или недостатковъ, несовмѣстимыхъ съ военной службой. Прочія же, требуемыя общими правилами качества, оставлялись безъ разсмотрѣнія». Весьма показательные съ этой точки зрѣнія факты можно найти также въ исторіи кантонистовъ.

Тотъ-же характеръ, хотя и въ ослабленной съ воцареніемъ Александра II формѣ, носила еврейская служба и въ послѣдующіе годы. Эта эпоха, въ рѣзкихъ чертахъ, можетъ быть охарактеризована, какъ эпоха загонянія евреевъ въ армію—всѣми средствами, вплоть до круговой поруки и штрафовъ, за послѣдніе годы дошедшихъ до милліонныхъ суммъ въ годъ,—и, параллельно съ этимъ, ограниченія ихъ въ служебныхъ правахъ путемъ соотвѣтственныхъ циркуля-

ровъ. Сопоставленіе этихъ двухъ фактовъ особо ясно отмѣчаетъ политико-педагогическое значеніе, придававшееся въ то время отбыванію воинской повинности инородцами. Армія признавалась не только наилучшей, но и единственной надежной школой народа. И потому замѣтно было стремленіе влить въ нее возможно больше элементовъ, въ государственномъ отношеніи ненадежныхъ, дабы очистить *ихъ*. Это было временемъ, когда верхи Россіи вѣрили въ ассимиляціонную нашу силу; вѣрили, что Россія, Великороссія, переваритъ Польшу, Литву, татаръ и евреевъ,—какъ переварила когда-то Чудь бѣлоглазую, Мерю, Весь и иныхъ.

На нашихъ глазахъ, въ дни, нами пережитые, произошло великое крушеніе, котораго я уже дважды имѣлъ случай касаться *). Пришлось на горькомъ, но неоспоримомъ опытѣ убѣдиться, что не только переварить инородцевъ, но и своихъ единокровныхъ перевоспитать армія не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вскрылся и непоправимой неуспѣхъ всей долгой руссификаціонной политики на окраинахъ. 1904—1906 гг. явились, по словамъ патріотовъ, экзаменомъ инородцевъ на «великороссійцевъ». И они, по свидѣтельству тѣхъ-же патріотовъ, не только не выдержали испытанія, но проявили безнадежную тупость къ преподаннымъ имъ политическимъ наукамъ.

«Какъ къ мачехѣ пасынокъ не можетъ чувствовать глубокой любви, которую чувствуетъ родной сынъ къ матери, — такъ и инородецъ не можетъ стать истиннымъ сыномъ Россіи и ея арміи» (Збомирскій).

Руководители русской политики оказались передъ дилеммой: или установить ту форму совмѣстной жизни съ окраинами, которой требуютъ онѣ, или отречься, навсегда и безповоротно, отъ слiянія съ ними, ставъ въ положеніе завоевателей къ завоеваннымъ. Они выбрали послѣднее.

Но на этомъ коренномъ переломѣ, прежде чѣмъ переступить грань, надо было пересмотрѣть свои силы, подсчитать средства. И вотъ тогда-то брошенъ былъ тревожный, истерическій крикъ: «Берегите армію»!

Для поддержанія новыхъ отношеній нужна была иная армія: она не могла уже быть открытой всѣмъ, какъ раньше. И если новыя условія настоятельно требовали очищенія всего административнаго аппарата отъ «инородцевъ», то тѣмъ паче справедливо было это для арміи. «Армія должна состоять изъ русскихъ людей, вполнѣ здоровыхъ отъ вредно-политическихъ и физическихъ недуговъ, не пополняя свои ряды элементами другихъ національностей» (Б. Збомирскій. Развѣдчикъ, 1911, № 1075 **).

---

*) „Марсова потѣха", Р. Бог. 1911, № 9 и „Помпонная идеалогія", Р. Бог. 1911 г. № 10.

**) Збомирскій оговаривается, впрочемъ, что рѣчь идетъ только о ниж-

Збомирскій крутъ: онъ требуетъ удаленія всего не-русскаго. Другіе снисходительнѣе: они согласны на отборъ. Они признаютъ возможнымъ оставить въ арміи инородцевъ, надежность, «русскость» которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Они ставятъ цѣлью реформы «созданіе національной русской арміи, т. е. ея моральное оздоровленіе, допущеніемъ въ ея ряды только неопороченныхъ лицъ русской національности и тѣхъ иноплеменникозъ и инородцевъ, которые органически слились съ русскимъ государствомъ, и отношеніе которыхъ къ Россіи, ея единству и ея интересамъ отожествлены съ отношеніемъ къ этимъ вопросамъ русской народности» *).

Итакъ, вмѣстѣ съ внутренней политикой, вступаетъ въ новую фазу и дѣло оздоровленія арміи, составлявшее со времени русско-японской войны постоянную и неослабную заботу военнаго министерства. Мы пережили періодъ исключительнаго увлеченія «подготовкой», въ недочетахъ которой видѣли первоначально главную причину неудачъ; было мгновеніе господства «матеріальной части», приведшее къ интендантскимъ и инымъ процессамъ; прошла затяжная полоса работы надъ «духомъ», полоса усиленнаго «воспитанія», приведшая къ безнадежному сознанію его невозможности «при современномъ шаткомъ политическомъ воспитаніи народа, агитаціи, нравственной распущенности, при пополненіи арміи на короткій срокъ мало сознательными людьми, часто страдающими тѣми или другими физическими недостатками, людьми, прошедшими зачастую заводы, фабрики, побывавшими на различныхъ другихъ отхожихъ промыслахъ, въ неблагопріятной атмосферѣ, при 10% составѣ инородцевъ» *). Теперь сталъ на очередь вопросъ объ отборѣ, какъ средствѣ радикальнаго оздоровленія арміи.

Мысль не нова. Мы встрѣчались уже съ нею въ исторіи. Правда, прусская военная реформа, оздоровившая армію послѣ Іенскаго погрома, — та самая реформа, которую столь охотно и столь настойчиво всегда и всѣ ставятъ въ образецъ,—шла путемъ обратнымъ. И въ арміи прусской былъ тогда произведенъ отборъ: были выброшены изъ арміи всѣ, кто въ минувшую постыдную кампанію выказалъ малодушіе или военную безграмотность. Но смыслъ и сила реформы были не въ отборѣ, а въ томъ, что, очистивъ составъ, она раскрыла тѣсныя до того рамки арміи для всѣхъ прусскихъ подданныхъ, безъ различія вѣры или національности. Слабѣйшей стороной старой арміи при-

---

нихъ чинахъ. „Я не касаюсь команднаго состава инородцевъ, которые слившись съ русскими, не являются какъ бы нарушающимъ элементомъ духа русской арміи".

*) Чумаковъ. Къ пересмотру устава о воинской повинности. Военный Сборникъ 1910 г. № 5.

**) Збомирскій. Развѣдчикъ. № 1075.

знано было то, что она была арміей не прусскаго государства, а прусскаго племени. И суть реформы, какъ я сказалъ, была въ переходѣ отъ арміи узко-національной къ арміи государственной.

Характерно, что этимъ-же путемъ пошли и ученики нѣмцевъ—младотурки въ преобразованіи своихъ вооруженныхъ силъ: закономъ 1909 г. обязанность военной службы, до сего времени составлявшая право только мусульманъ, была распространена на христіанъ и на евреевъ, подданныхъ Турціи.

Наша реформа вдохновляется, повидимому, инымъ идеаломъ. Она намѣрена взять за образецъ султана Абдулъ-Гамида. Опасаясь проникновенія въ армію противогосударственныхъ элементовъ, этотъ достойный монархъ производилъ тщательный отборъ даже между мусульманскими своими подданными, стремясь, по возможности, комплектовать свои войска коренными турками — османами, хотя, какъ указывали неоднократно его совѣтники, преимущество это тяжелымъ бременемъ ложилось на его вѣрнѣйшихъ, на его единственно вѣрныхъ подданныхъ.

Именно на этомъ принципѣ готовятся строить и нашу реформу, не смущаясь тѣмъ, что намъ придется идти путемъ, обратнымъ нормальному: отъ арміи государственной къ арміи «племенной», отъ арміи государства россійскаго къ арміи русскаго племени.

Давно извѣстно, что теорія—одно, а практика—другое. Столь стройно и звучно формулированиая программа отбора, установленная въ основныхъ чертахъ своихъ съ такой завидной опредѣленностью, на практикѣ грозитъ представить невѣроятныя трудности. Для проведенія ея въ жизнь необходимо разсортировать имѣющіяся у насъ народности по степени «зараженія вредно-политическпми и физическими недугами» (Збомирскій).

Попытка произвести такую разсортировку уже сдѣлана въ литературѣ и привела къ результатамъ неожиданнымъ.

VIII.

Въ 1905 году, осенью Россія такъ рисовалась анархо-соціалисту Малато сквозь рѣшетку камеры въ парижской тюрьмѣ La Santé.

«Сибирь, населенная потомками ссыльныхъ, захвачена идеями соціальной демократіи. Польша, Литва, Волынь, Крымъ, т. е. Западъ и Югъ, области развивающейся промышленности, вливаютъ свои силы въ движеніе мірового пролетаріата. Остается, въ центрѣ, необъятная Россія—еще темная, еще покорная раба... Россія набожныхъ мужиковъ и свирѣпыхъ казаковъ. Это—русская Вандея, и она огромна. Но, какъ ни обширна ея площадь, она суживается день ото дня. Сѣть желѣзныхъ путей опутываетъ ее, пролегаетъ внутрь и вмѣстѣ съ движеніемъ людей несетъ ей движеніе мысли».

«Съ ея неисчислимыми массами пролетаріата, взросшаго на идеяхъ общинности, русская революція будетъ приливомъ, передъ которымъ не устоитъ ничто.

«Ея волны, падая и вздымаясь вновь, смоютъ старыя учрежденія, кастовые и классовые барьеры. Западный потокъ и потокъ славянскій сольются, чтобы дать новые всходы и жизнь одряхлѣвшей Европѣ» *).

Я знаю людей, которые теперь, черезъ шесть лѣтъ, только плечами пожмутъ, читая пророчества Малато. Фейерверкъ! И какое незнакомство съ дѣйствительной обстановкой, съ истинной политической конъюнктурой. Люди эти—«лѣвые».

И, обратно, я знаю людей, которые теперь, черезъ 6 лѣтъ, не только повторяютъ слова Малато на всѣ лады, на всѣ голоса, но еще усугубляютъ ихъ. Люди эти—«правые».

Въ самомъ дѣлѣ, перемѣнились роли. Когда я читаю, теперь, въ наши дни, или слушаю тѣхъ, кого, привычно, называемъ мы «лѣвыми»,—какъ часто Россія представляется мнѣ какимъ-то заброшеннымъ, замершимъ полемъ, заросшимъ волчцомъ и колючей травой, мертвымъ полемъ, которое не отзовется на голосъ... Страной стона, не ропота... Страной надломленныхъ людей, какъ люди пустыни Бялика.

«И расточилъ ихъ Господь, и обрекъ ихъ на сонъ безъ исхода...

«Тяжкій, великій урокъ, и память для рода и рода».

Но когда я слышу правыхъ... инымъ полнится слухъ. Въ ихъ рѣчахъ и писаніяхъ жизнь Россіи, точно актъ великой трагедіи, гдѣ на пиру побѣдителей, сквозь гулъ заздравныхъ рѣчей, громъ трубъ и литавръ слышатся жуткіе, непонятно тревожные звуки... Въ подземельяхъ замка, въ которомъ идетъ пиръ, въ чадной мглѣ, видится мутный блескъ оружія и дымъ зажигаемыхъ въ тишинѣ факеловъ... Сдержанное дыханіе сотенъ, готовыхъ броситься на приступъ... А кругомъ, за стѣнами, глухой шопотъ сближающихся тысячъ, тысячъ, тысячъ... Идутъ!

Такъ говорятъ патріоты. Такое впечатлѣніе вынесъ я изъ чтенія «Вѣстника Русской Конницы», и «Новаго Времени», и «Земщины»...

Въ мрачной оцѣнкѣ современности коренится и осложненіе поднятаго военной реформой вопроса объ отборѣ. Ибо хотя—по выраженію Далинскаго,—«народностей у насъ, ухъ, какъ много» **), для правыхъ, придерживающихся оцѣнки Малато, оказывается воистину много званныхъ, но мало избранныхъ.

Малато плохо видѣлъ изъ-за своей рѣшетки. Онъ, правда, «вѣрно» оцѣнилъ Сибирь, съ ея чуть-ли не автономистическими вожделѣніями. Онъ провидѣлъ опасность Польши, но не во всемъ объемѣ, ибо, какъ

---

*) *Malato.* Les classes sociales. Paris. 1907.

**) Воен. Сборн. № 10, 1911 г.

соціалистъ, онъ учелъ только силы пролетаріата и оставилъ безъ вниманія главную опасность для Россіи сегодняшняго дня—«Ягеллоновскую идею, идею польской государственности и ненависти ко всему русскому, которая за послѣднее время не только не ослабѣла» *), но приводитъ даже къ тому, что «польскія панянки не стыдятся для блага ойчизны принимать на себя роль невѣстъ на прокатъ, чтобы сманивать русскихъ юношей и обращать ихъ въ католичество» **). Онъ не понялъ также Литвы, гдѣ «гнѣздится революція и идетъ незамѣтная, но упорная партизанская война противъ господствующей національности»; онъ забылъ про Украйну, гдѣ «пустило сильные корни въ народъ» и «растетъ мазепинство, страшный врагъ нашъ, неизмѣримо болѣе опасный, чѣмъ всѣ польскіе, финляндскіе, грузинскіе и всякіе другіе сепаратизмы, вмѣстѣ взятые, ибо всѣ эти сепартизмы покушаются на инородческія окраины Россіи, а мазепинство имѣетъ цѣлью разрушеніе единства русскаго народа и бьетъ по самой основѣ величія Россіи» ***); Malato упустилъ изъ виду Финляндію, этотъ минный горнъ, готовый къ взрыву въ любую минуту, подведенный подъ самую столицу Имперіи; незамиренный Кавказъ; онъ не досмотрѣлъ Туркестана, въ которомъ туземцы рѣжутъ русскихъ чиновниковъ, а русскіе чиновники посылаютъ въ Думу соціалъ-демократовъ; онъ пренебрегъ латышами и эстами; онъ обошелъ Крымъ, гдѣ, какъ недавно еще писало «Русское Знамя», открыто проповѣдуется въ мечетяхъ идея отторженія отъ Россіи и возрожденія Крымскаго ханства; онъ забылъ остальныхъ русскихъ мусульманъ, поголовно охваченныхъ, по указанію правой прессы, панисламизмомъ. Они никогда не были надежны, и «еще въ войну 1877—78 г.г., не отрицая гуманности къ нимъ правительства, выражали свое сочувствіе не Скобелеву, не Гурко.... среди нихъ расходились въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ портреты Абдулъ-Гамида, Мухтара-паши». Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, стало еще хуже. «Гласъ нашихъ миссіонеровъ, убѣжденно, доказательно предупреждающихъ общество о надвигающемся засильѣ,—гласъ въ пустынѣ. Въ самомъ сердцѣ Россіи двѣ улицы—Малая и Большая Татарскія». ****).

Наконецъ, и картину «русской Вандеи» данную французскимъ анархистомъ, русскіе «правые» находятъ пріукрашенной: по ихъ убѣжденію, мужики вовсе не такъ уже набожны. Да и насчетъ «свирѣпости казаковъ» они несогласны тоже. Курмояровъ, въ № 226 «Русскаго Инвалида», клянется по «личному опыту и наблюденію», что «только благополучники утверждаютъ, что у нихъ все въ порядкѣ», а на самомъ дѣлѣ — «Донъ катится по наклону». «Стыдъ, великое горе, покрыло тихій Донъ. Вотъ

*) Окраины Россіи. 1911. № 39—40, стр. 536.

**) Id. № 46, стр. 121.

***) Московскія Вѣдомости, 252.

****) *Евдокимовъ.* Движеніе панисламизма. „Рус. Инв.“ 1911 г. № 225.

ужъ помутился Донъ сверху до низу»: безпорядки въ майскихъ лагеряхъ, насилья надъ представителями власти по станицамъ, «буйная распущенность казачьяго простонародья», «стремленіе смѣнить дѣдовскій чекмень на фабричную жакетку»... Чего ужъ хуже?!

Воистину, труденъ при этихъ условіяхъ отборъ. И удивительно ли, что въ писаніяхъ военныхъ публицистовъ начинаютъ мелькать.. мещеряки, вотяки и самоѣды, о которыхъ раньше знали только этнографы. А г. Тарасовъ въ цитированной нами книгѣ (стр.36—37) восхищается боевыми качествами камчадаловъ.

Но камчадалы — не выходъ. Если на основаніи вышеприведенныхъ, правой печатью данныхъ характеристикъ производить комплектованіе арміи, кадры ея окажутся совсѣмъ не соотвѣтствующими ни пространственному, ни международному положенію Россіи. Правда, Россія можетъ еще позволить себѣ роскошь довольно широкаго отбора: она довольствуется въ настоящее время всего 30% призыва, въ то время какъ Германія беретъ уже 52,8%, Австрія 60%, Франція—даже 84%. Но даже и при такихъ условіяхъ обойтись одними «набожными мужиками», очевидно, отнюдь невозможно: отъ излишней строгости отбора приходится отказаться.

Военное министерство не вняло поэтому голосу крайнихъ правыхъ и рѣшило на первыхъ шагахъ ограничиться только самымъ необходимымъ: оставить въ арміи «сомнительныхъ» и выбросить только «несомнѣнныхъ». И вмѣстѣ съ тѣмъ, новымъ уставомъ о воинской повинности подготовить почву къ перенесенію тяжести ея на «господствующую народность».

Въ первую очередь прошли финляндцы. Законопроектъ объ исключеніи ихъ принятъ. Онъ прошелъ сравнительно спокойно ибо съ «отдѣльностью Финляндіи» всѣ давно и основательно свыклись. За ними стали на очередь евреи.

Это—пробный шаръ, за которымъ *должны* послѣдовать другіе. Ибо на евреяхъ остановиться не можетъ позволить націоналистамъ ихъ государственная мудрость. Въ самомъ дѣлѣ, сильнѣе ли станетъ полуторамилліонная армія, если изъ нея исключатъ нѣсколько десятковъ тысячъ евреевъ, распыленныхъ по гарнизонамъ всей Россіи? Надежнѣе-ли станетъ армія отъ того, что изъ нея выбросятъ нѣсколько десятковъ тысячъ сомнительныхъ людей? Но вѣдь сколько останется ихъ еще! Вѣдь останутся всѣ тѣ племена, оцѣнку которыхъ мы только-что читали. Можно-ли говорить о національной арміи—пока въ національзованной казармѣ толпятся поляки, литва, латыши, татары... Очевидно, придетъ и ихъ чередъ.

Я помню, что проекты исключенія, хотя-бы поляковъ, подымались уже и раньше неоднократно. Мнѣ самому пришлось видѣть не такъ давно такой проектъ, весьма подробно, обоснованный и статистическими и историческими справками, не менѣе, словомъ, убѣдительный, чѣмъ законопроектъ еврейскій. И я увѣренъ, что

послѣ разрѣшенія еврейскаго вопроса мы еще встрѣтимся съ этимъ и другими аналогичными проектами.

Но не будемъ загадывать впередъ. Не станемъ касаться и вопроса, насколько надежнѣе станетъ оплотъ Великой Россіи, когда литовцевъ въ рядахъ арміи смѣнятъ черемисы, а евреевъ—чукчи. Мы живемъ настоящимъ, мы на «сегодняшнее» смотримъ.

И пока, мы не видимъ еще факта — мы видимъ только попытку.

И не актъ государственной мудрости, даже не актъ угнетенія или попранія правъ, какъ говорятъ нѣкоторые, видимъ мы въ этой попыткѣ выбросить за бортъ арміи одно изъ племенъ, несшее до сегодня, наряду съ русскимъ, военную тяготу,—но актъ государственной паники.

С. Мстиславскій.

Красные выборы.

I.

Ровно пять лѣтъ тому назадъ Германія переживала одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ своей политической исторіи. 13 декабря 1906 г. тогдашній канцлеръ имперіи, кн. Бюловъ, придравшись къ отказу рейхстага вотировать 29 милл. марокъ на веденіе колоніальной войны въ юго-западной Африкѣ, распустилъ непокорное народное представительство и, вмѣшавшись съ давно невиданной энергіей въ самую гущу избирательной борьбы, принялъ непосредственное участіе въ «дѣланіи» новыхъ парламентскихъ выборовъ.

Требованіе кредитовъ на колоніальныя надобности было отклонено соединенными силами центра и соціалъ-демократіи. Поэтому избирательный пароль, данный теперь правительствомъ всѣмъ охранительнымъ элементамъ, гласилъ: «противъ черныхъ и красныхъ!» Но, давая этотъ пароль, кн. Бюловъ преслѣдовалъ не только цѣль созданія новаго парламентскаго большинства, гарантирующаго ему финансовую возможность безпощадной расправы съ готтентотами,—эта цѣль, въ сущности, была легко достижима и въ старомъ рейхстагѣ—намѣренія имперскаго канцлера шли значительно дальше: своей тактикой онъ разсчитывалъ, съ одной стороны, сокрушить могущество соціалъ-демократіи, со своими 80 парламентскими мандатами становившейся все болѣе неудобной для правительства,—съ другой стороны, нанести чувствительный ударъ католическому центру и такимъ путемъ освободить себя отъ необходимости за-

искивать предъ этой властолюбивой партіей ватиканскихъ прислужниковъ.

Но, объявляя открытую войну двумъ крупнѣйшимъ политическимъ силамъ страны, кн. Бюловъ, какъ искусный стратегъ, долженъ былъ, конечно, своевременно озаботиться созданіемъ достаточно прочной опоры для себя въ рядахъ другихъ партій современной Германіи. Эту опору онъ и нашелъ въ лицѣ консерваторовъ и... либераловъ всѣхъ толковъ и направленій (отъ Бассермана до Наумана), которые при благосклонномъ содѣйствіи имперскаго канцлера заключили между собой избирательную коалицію и, опираясь на могущественную поддержку правительственнаго аппарата, развили въ странѣ лихорадочную реакціонно-націоналистическую агитацію. Усилія бюловскаго блока не остались совершенно безплодными, и тяжелый угаръ шовинистическаго возбужденія оказалъ сильное вліяніе на настроеніе широкой массы избирателей. Выборы 25 января 1907 г.—эти, по установившейся нѣмецкой терминологіи, «готтентотскіе» выборы—принесли имперскому канцлеру значительное удовлетвореніе. Правда, центръ разбить ему не удалось, и послѣдній, увеличивъ на 300 тыс. количество своихъ голосовъ, вернулся въ парламентъ въ прежней силѣ,—зато соціалъ-демократія потерпѣла частичное пораженіе: несмотря на приростъ голосовъ въ 250 тыс., она потеряла почти половину своихъ мандатовъ и провела въ новый рейхстагъ всего лишь 43 депутата. Однако главнымъ успѣхомъ «готтентотскихъ» выборовъ съ точки зрѣнія кн. Бюлова было то, что онъ располагалъ теперь въ парламентѣ достаточно крупнымъ консервативно-либеральнымъ большинствомъ и, благодаря этому, могъ себя чувствовать независимымъ отъ надоѣдливой опеки католиковъ.

Описанный исходъ выборовъ былъ встрѣченъ бурными проявленіями восторга въ рядахъ всего буржуазнаго общества. Въ ночь съ 25 на 26 января улицы нѣмецкихъ городовъ сдѣлались свидѣтелями шумныхъ патріотическихъ манифестацій. Въ Берлинѣ огромная толпа устроила подъ окнами канцлерскаго дворца настоящую овацію кн. Бюлову, и даже самъ императоръ Вильгельмъ въ порывѣ радостнаго возбужденія съ балкона своего палаццо обратился съ широковѣщательной рѣчью къ народу. Въ этой рѣчи онъ обѣщалъ націи наступленіе новой эры въ Германіи и говорилъ о «разбитой» и «поверженной» соціалъ-демократіи. Въ ту же памятную ночь саксонскій король Августъ, не будучи въ состояніи сдержать своего восторга отъ патріотическаго исхода выборовъ въ его «красныхъ владѣніяхъ» (въ Саксоніи с.-д. потеряли цѣлыхъ 14 мандатовъ), срочно телеграфировалъ своему царственному собрату въ Берлинѣ: «Хорошо жить! Еще не умерла старая саксонская вѣрность!»

Такъ родился «готтентотскій» рейхстагъ 1907 г., открывшій собой одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ политической исторіи

Германіи. Послѣдующія пять лѣтъ дѣятельности этого замѣчательнаго парламента распадаются на двѣ почти совершенно равныя по продолжительности эпохи, знаменовавшія собой господство двухъ различныхъ партійныхъ комбинацій: консервативно-либеральнаго блока кн. Бюлова и «черно-голубого блока» консерваторовъ и центра.

Какъ ни странно звучитъ само по себѣ это словосочетаніе, консервативно-либеральный блокъ остался не только кратковременной предвыборной коалиціей,—съ открытіемъ новаго рейхстага онъ превратился даже въ офиціальное правительственное большинство въ парламентѣ. Наивные политики либеральнаго бюргерства, восхищенные нѣсколькими туманными намеками имперскаго канцлера, пророчили теперь избирателямъ наступленіе новой эры въ общественной жизни Германіи и съ негодованіемъ отвергали предупрежденія немногихъ скептиковъ, говорившихъ, что, въ сущности, ничего особеннаго не случилось, и все въ этомъ лучшемъ изъ міровъ останется по-старому. Конечно, на повѣрку оказалось, что именно скептики то и были правы.

За все, болѣе чѣмъ двухлѣтнее существованіе бюловскаго блока, либераламъ удалось провести лишь одну единственную прогрессивную реформу—новый законъ о союзахъ и собраніяхъ. Къ сожалѣнію, однако, и эта единственная прогрессивная реформа была, по требованію консерваторовъ, настолько обезображена цѣлымъ рядомъ реакціонныхъ ограниченій, что потеряла, по крайней мѣрѣ, половину своего положительнаго значенія. Всѣ же остальные крупные законодательные акты 1907—8 гг. носятъ на себѣ столь опредѣленно выраженную печать аграрно-консервативныхъ вожделѣній, что въ характерѣ ихъ партійнаго происхожденія не приходится ни минуты сомнѣваться. Въ этотъ же первый періодъ существованія прошлаго рейхстага былъ принятъ, между прочимъ, и новый законъ о реформѣ военнаго флота, сыгравшій, какъ мы сейчасъ увидимъ, роковую роль въ исторіи консервативно-либеральнаго сожительства.

Законъ о реформѣ флота понижалъ срокъ дѣйствительной службы военныхъ судовъ съ 25 до 20 лѣтъ. Естественнымъ послѣдствіемъ данной реформы явилась потребность въ постройкѣ 5 новыхъ броненосныхъ гигантовъ, а естественнымъ послѣдствіемъ этой потребности—необходимость обезпечить финансовую возможность осуществленія рѣшенныхъ преобразованій. Поставленный предъ этой послѣдней задачей кн. Бюловъ нашелъ выходъ изъ непріятнаго положенія въ проектѣ такъ называемой «финансовой реформы», долженствовавшей давать государственной казнѣ ежегодно около 500 милл. марокъ лишнихъ доходовъ. По существу дѣла, эта «реформа» сводилась къ повышенію нѣкоторыхъ старыхъ и введенію цѣлаго ряда новыхъ налоговъ, причемъ 400 милл. предполагалось добыть при помощи косвеннаго обложенія, а 100 милл. путемъ пря-

мого налога на болѣе крупныя наслѣдства: кн. Бюловъ хотѣлъ быть пріятнымъ обѣимъ частямъ своей парламентской коалиціи!

Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Консерваторы рѣшительно отказались вотировать «финансовую реформу» до тѣхъ поръ, пока изъ нея не будетъ выкинутъ налогъ на наслѣдства; либералы же, опасаясь окончательно потерять всякій престижъ въ странѣ, не соглашались разстаться съ этимъ единственнымъ демократическимъ привкусомъ въ общемъ довольно-таки горькой для народныхъ массъ финансовой пилюли. Результатомъ обнаружившихся глубокихъ разногласій явилось распаденіе въ іюлѣ 1909 г. консервативно-либеральнаго блока и отставка его хитроумнаго творца, кн. Бюлова.

Теперь началась новая эпоха въ существованіи «готтентотскаго» рейхстага. Кн. Бюлова на канцлерскомъ посту замѣстилъ «молчаливый философъ» Бетманъ-Гольвегъ, и этой перемѣнѣ въ рядахъ высшаго правительства соотвѣтствовала такая же перемѣна и въ группировкѣ парламентскихъ партій. Либералы силой вещей были отброшены въ оппозицію, и на мѣсто противоестественной коалиціи «карпа и кролика» теперь сталъ болѣе прочный и жизнеспособный союзъ католическаго попа съ дикимъ помѣщикомъ. Минувшіе съ тѣхъ поръ $2^1/_2$ года были періодомъ неограниченнаго торжества «черно-голубого блока», и надо отдать справедливость входящимъ въ его составъ партіямъ—онѣ сумѣли за этотъ сравнительно короткій срокъ вызвать къ себѣ глубокую ненависть въ самыхъ широкихъ слояхъ населенія. Что дала, въ самомъ дѣлѣ, странѣ эпоха господства «черно-голубого блока»? Подвести ей итоги въ настоящее время не такъ-то трудно. Блокъ додѣлалъ бюловскую «финансовую реформу», замѣнивъ налогъ на наслѣдства рядомъ другихъ косвенныхъ налоговъ, ввелъ новый налогъ на судоходство, т. е. иными словами способствовалъ удорожанію воднаго транспорта, внесъ многочисленныя ухудшенія въ существующее законодательство о государственномъ страхованіи, усилилъ преслѣдованіе рабочаго движенія, подготовилъ реформу германскаго уголовнаго уложенія, грозящую пролетаріату новыми скорпіонами, и приступилъ даже къ энергичной кампаніи въ пользу ограниченія коалиціоннаго права рабочихъ. Единственнымъ свѣтлымъ исключеніемъ на этомъ мрачномъ фонѣ политической дѣятельности консервативно-клерикальной реакціи являются лишь законъ о страхованіи частныхъ служащихъ, принятый рейхстагомъ наканунѣ самаго роспуска, да введеніе довольно демократической конституціи въ Эльзасъ-Лотарингіи, обязанной, впрочемъ, своимъ осуществленіемъ лишь энергичной поддержкѣ социалъ-демократической фракціи.

Естественнымъ результатомъ работъ «черно-голубыхъ» явился огромный ростъ раздраженія и недовольства противъ господствующей политики не только въ пролетарскихъ кругахъ, но

также и въ широкихъ слояхъ буржуазнаго общества. Тяжелая рука культурно-политической реакціи такъ жестоко и безпощадно опустилась на страну, что даже дряблый и безкровный германкій либерализмъ вынужденъ былъ невольно ощетиниться. Эта рѣзкая перемѣна въ настроеніи широкихъ массъ населенія нашла свое наиболѣе яркое выраженіе въ рядѣ ландтагскихъ и дополнительныхъ рейхстагскихъ выборовъ, ознаменовавшихся блестящими побѣдами лѣвыхъ партій, особенно же соціалъ-демократіи *).

Массовое народное недовольство, вызванное общеполитическими причинами, съ середины прошлаго года нашло себѣ новую пищу въ фактѣ необыкновеннаго вздорожанія жизни, сильно ударившаго по карману городское, а отчасти и сельское населеніе. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на выясненіи причинъ общаго повышенія цѣнъ на предметы массоваго потребленія,—достаточно будетъ сказать, что въ Германіи это повышеніе зависитъ главнымъ образомъ отъ характера экономической политики имперіи, направленной на одностороннюю защиту интересовъ крупнаго помѣстнаго землевладѣнія. Согласно недавнимъ вычисленіямъ мюнхенскаго профессора Л. Брентано, система господствующихъ нынѣ сельско-хозяйственныхъ пошлинъ приноситъ прусскимъ юнкерамъ ежегодно никакъ не менѣе 900 милл. марокъ дохода, переплачиваемаго нѣмецкимъ потребителемъ только на четырехъ хлѣбныхъ злакахъ (пшеница, рожь, овесъ и ячмень). При такихъ условіяхъ, вполнѣ естественно и понятно, что осенняя дороговизна 1911 г. должна была въ огромной степени усилить раздраженіе демократическихъ слоевъ населенія противъ виновниковъ этой новой напасти, противъ «хлѣбныхъ ростовщиковъ» и «эксплуататоровъ народа», т. е. все противъ тѣхъ же партій «черно-голубого блока». И чѣмъ ближе подходила къ концу послѣдняя сессія «готтентотскаго» рейхстага, тѣмъ глубже злоба и негодованіе охватывали широкія народныя массы, и тѣмъ чаще по адресу господствующей коалиціи раздавалась угроза: «Погодите-жъ, въ день выборовъ мы съ вами поквитаемся»!

При господствѣ такого настроенія старый рейхстагъ былъ, наконецъ, 6 декабря 1911 г. распущенъ императорскимъ указомъ. Никто, кромѣ «черно-голубыхъ» братьевъ и ихъ канцлера, не пролилъ слезъ по бѣдномъ покойникѣ, такъ много погрѣшившемъ при жизни противъ народныхъ интересовъ и заставившемъ страну пережить длинный рядъ тяжелыхъ, черныхъ лѣтъ. И едва двери парламента захлопнулись за пестрой толпой недавнихъ народныхъ представителей, какъ на обширномъ полѣ избирательной битвы закипѣла ожесточенная борьба между различными политическими

---

*) С.-д. за два года 1910—1911 провели на дополнительныхъ выборахъ 10 депутатовъ и такимъ образомъ повысили численность своей рейхстагской фракціи съ 43 до 53 чел.

партіями. Но на этотъ разъ предвыборная ситуація имѣла совершенно иной видъ, чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ. Отъ шовинистскаго угара «готтентотскихъ» выборовъ не осталось больше и слѣда, и группировка политическихъ силъ страны приняла теперь гораздо болѣе нормальный и естественный характеръ. По одну сторону избирательнаго поля въ тѣсномъ союзѣ оказались партіи «черно-голубого» блока: центръ, антисемиты и консерваторы различныхъ оттѣнковъ,—все, что есть въ странѣ наиболѣе дикаго, некультурнаго и злобно-реакціоннаго; по другую сторону соціалъ-демократы, свободомыслящіе и національ-либералы, т. е. вся прогрессивная Германія «отъ Бассермана до Бебеля». Кажется, еще никогда за всю 40-лѣтнюю исторію германскаго парламентаризма рѣзкое размежеваніе между правой и лѣвой политическими концентраціями не выступало такъ ярко и отчетливо, какъ на нынѣшнихъ выборахъ. Именно это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на всю только что протекшую избирательную кампанію и въ сильнѣйшей степени отразилось на окончательномъ исходѣ великой политической битвы.

II.

Люди, переживавшіе парламентскіе выборы въ Англіи, Франціи или Соединенныхъ Штатахъ, нашли бы избирательную кампанію въ Германіи необыкновенно сѣрой, будничной и однотонной. Въ самомъ дѣлѣ, выборы въ народное представительство въ одной изъ названныхъ странъ ставятъ на ноги буквально все населеніе и сопровождаются цѣлымъ рядомъ яркихъ, поражающихъ вниманіе явленій. Созываются огромные митинги подъ открытымъ небомъ, устраиваются шумныя манифестаціи на площадяхъ и на улицахъ, произносятся пламенныя рѣчи, въ политическую борьбу вовлекаются не только взрослые граждане, но и дѣти, на помощь агитаціи привлекаются всѣ новѣйшія завоеванія науки и техники. населеніе засыпается непрерывнымъ дождемъ избирательныхъ воззваній, брошюръ и летучихъ листковъ и мало-по-малу подъ комбинированнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ вліяній доходитъ до состоянія непрерывнаго политическаго кипѣнія, нерѣдко находящаго себѣ выходъ въ различнаго рода эксцессахъ и кровавыхъ столкновеніяхъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль страна бываетъ выбита изъ колеи нормальной жизни и во все это время думаетъ, говоритъ, интересуется, пишетъ и читаетъ только о выборахъ и по поводу выборовъ. Когда англійское либеральное министерство въ послѣдній разъ распускало парламентъ, оно было очень озабочено вопросомъ о томъ, какъ бы періодъ избирательной кампаніи не совпалъ по времени съ наступающими святками, т. к. въ этомъ послѣднемъ случаѣ вся рождественская торговля должна

была бы пойти на смарку. И, дѣйствительно, срокъ новыхъ выборовъ былъ установленъ съ такимъ расчетомъ, чтобы къ 10 декабря политическая битва по всей линіи была бы уже закончена.

Совсѣмъ иную картину видимъ мы въ Германіи. Взять, напр., только что закончившуюся избирательную кампанію. Не подлежитъ сомнѣнію, что она была одной изъ наиболѣе страстныхъ и оживленныхъ, пережитыхъ когда-либо страной,—и, однако, какъ въ общемъ спокойно, методично и разсудочно все время велась политическая борьба! Конечно, на протяженіи 7 недѣль усиленной избирательной агитаціи при желаніи можно насчитать немало яркихъ моментовъ и отдѣльныхъ оригинальныхъ выступленій. Такъ, въ Гамбургѣ въ день выборовъ была устроена массовая импозантная манифестація съ требованіемъ избирательнаго права для женщинъ. Въ Мюнхенѣ въ тотъ же день по городу разъѣзжали извозчики и автомобили, сверху до низу увѣшанные разноцвѣтными избирательными афишами и немолчнымъ ревомъ своихъ мѣдныхъ рожковъ привлекавшіе къ себѣ вниманіе прохожихъ. Въ Берлинѣ по улицамъ бѣгали большія и маленькія собаки, къ спинамъ которыхъ были привязаны воззванія различныхъ политическихъ партій. Во многихъ мѣстахъ послѣднія, не ограничиваясь сухой прозой предвыборныхъ плакатовъ старались тронуть сердце избирателя хромоногими виршами или символическими картинами. Дрезденскіе націоналъ-либералы пошли еще дальше и въ цѣляхъ политической агитаціи рѣшили использовать столь модное въ настоящее время воздухоплаваніе: они пустили надъ городомъ небольшой баллонъ съ привязаннымъ къ нему воззваніемъ въ пользу своего кандидата д-ра Гинце (эта экстраординарная мѣра не помѣшала, впрочемъ, д-ру Гинце провалиться). Вечеромъ въ день главныхъ выборовъ и затѣмъ въ дни слѣдующихъ за ними перебаллотировокъ на улицахъ, передъ зданіями редакцій большихъ газетъ, скоплялись огромныя толпы народа, не расходившіяся до глубокой ночи и бурно реагировавшія на различныя извѣстія объ исходѣ голосованія. Въ нѣкоторыхъ городахъ при этомъ—назову Берлинъ, Кельнъ, Дортмундъ, Саарбрюккенъ и др.—дѣло доходило до шумныхъ манифестацій на улицахъ и кое гдѣ даже до столкновеній съ полиціей.

Какъ однако ни красочны и ни драматичны порой названные моменты, они остаются все-таки только отдѣльными яркими штрихами, лишь еще рѣзче подчеркивающими спокойствіе и однотонность основного фона картины. Пріѣзжая въ періодъ избирательной кампаніи въ нѣмецкій городъ, вы развѣ только по разноцвѣтнымъ объявленіямъ о предвыборныхъ собраніяхъ могли бы догадаться, что страна переживаетъ сейчасъ моментъ великаго политическаго рѣшенія. Ни по внѣшнему виду улицъ, ни по характеру заполняющаго ихъ движенія, ни по лицамъ и разговорамъ прохожихъ вы этого не замѣтили бы. И если бы вы даже,

заинтересовавшись ходомъ избирательной борьбы, отправились на одно изъ многочисленныхъ предвыборныхъ собраній, — вы, вѣроятно, были бы сильно разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ: ни пламенныхъ рѣчей, ни рѣзкаго столкновенія мнѣній, ни бурныхъ страстныхъ сценъ, такъ захватывающе дѣйствующихъ на толпу напряженныхъ слушателей! Все очень умно, толково, дѣловито, но спокойно, удивительно спокойно. И подобный характеръ собраній вполнѣ понятенъ. При господствующей въ Германіи глубокой политической дифференціаціи, на собранія, созываемыя какой-либо одной партіей, по правилу ходятъ только ея сторонники, противники же или вовсе не являются или, если и являются, то лишь очень рѣдко выступаютъ съ возраженіями. Откуда же взяться въ такомъ случаѣ особому оживленію на собраніяхъ? Еще у либераловъ, плохо организованныхъ и мало дисциплинированныхъ, гдѣ чуть не каждый членъ партіи имѣетъ по всѣмъ вопросамъ свое особое мнѣніе, иногда разгораются довольно интересные дебаты. На собраніяхъ же центра или соціалъ-демократіи пренія можно услышать лишь крайне рѣдко. При такихъ условіяхъ роль городскихъ избирательныхъ собраній въ Германіи сравнительно не очень велика (иное дѣло въ деревнѣ), и, созывая ихъ, партіи преслѣдуютъ главнымъ образомъ цѣли воодушевленія собственныхъ сторонниковъ и произведенія нѣкотораго внѣшняго эффекта.

Впрочемъ, эта бѣдность драматическаго элемента въ германской избирательной кампаніи отнюдь не означаетъ собой равнодушія населенія къ политическимъ судьбамъ страны. Совсѣмъ наоборотъ. На двухъ послѣднихъ выборахъ 1907 и 1912 гг. въ голосованіи участвовало по 85% общаго количества избирателей,— фактъ, ярко свидѣтельствующій о глубокомъ интересѣ самыхъ широкихъ круговъ націи къ исходу избирательной борьбы. Но только внѣшнее проявленіе этого интереса, благодаря на рѣдкость холодному темпераменту нѣмцевъ и особымъ политическимъ условіямъ ихъ страны, принимаетъ здѣсь совершенно иныя формы, чѣмъ, напр., въ Англіи или Франціи. Политическая борьба въ Германіи изъ сферы открытой общественной жизни переносится въ частную жизнь каждаго гражданина и потому протекаетъ мало замѣтно для поверхностнаго наблюдателя. Отъ этого однако борьба сама по себѣ отнюдь не становится менѣе горячей и ожесточенной.

Въ нѣмецкой избирательной агитаціи первенствующая роль принадлежитъ, несомнѣнно, печатному слову. Каждый нѣмецъ читаетъ ежедневно по вечерамъ «свою» газету и почерпаетъ изъ нея обычно всю свою политическую, экономическую и иную мудрость. Уже этого одного факта совершенно достаточно для того, чтобы дать въ руки борющихся политическихъ партій могущественное орудіе для воздѣйствія на души избирателей. Оттого-то каждая изъ этихъ партій прилагаетъ въ предвыборный періодъ самыя энергичныя усилія для увеличенія числа своихъ

абонентовъ. Вліяніе ежедневной прессы дополняется распространеніемъ летучихъ листковъ, находящихся въ непосредственной связи съ различными моментами избирательной кампаніи. Распространеніе это происходитъ нѣсколько разъ въ теченіе всего предвыборнаго періода, причемъ къ послѣднему передъ днемъ голосованія листку прилагается избирательный бюллетень съ именемъ партійнаго кандидата и небольшая карточка съ указаніемъ номера и бюро того избирательнаго участка, въ которомъ данный избиратель долженъ подать свой голосъ. Летучіе листки распространяются обычно въ колоссальномъ количествѣ — сотняхъ тысячъ и даже милліонахъ экземпляровъ—и попадаютъ буквально въ каждую квартирку.

На-ряду съ письменной агитаціей огромную роль въ подготовкѣ выборовъ играетъ еще такъ наз. Kleinagitation, буквально «мелкая агитація», т.-е. повседневная агитація въ сферѣ частной, служебной, профессіональной и всякой иной жизни массы избирателей. Различныя партіи прибѣгаютъ при этомъ къ помощи различныхъ методовъ и средствъ для оказанія наибольшаго вліянія на слѣдующія за ними группы населенія. Соціалъ-демократы пользуется для достиженія названной цѣли главнымъ образомъ могучимъ аппаратомъ профессіональнаго движенія на всѣхъ большихъ и малыхъ профессіональныхъ собраніяхъ (а они устраиваются въ каждомъ крупномъ городѣ ежедневно десятками), на фабрикахъ и заводахъ, въ ресторанахъ и пивныхъ, за рабочимъ станкомъ и въ частной квартирѣ за дружеской бесѣдой. Вездѣ членами партіи (являющимися обычно одновременно и членами союзовъ) неустанно ведется энергичная и упорная предвыборная агитація. Католическій центръ опирается въ своей избирательной борьбѣ преимущественно на огромное вліяніе церковной огранизаціи: пасторская каѳедра, алтарь и исповѣдальня являются еще понынѣ его испытаннымъ орудіемъ въ дѣлѣ желательной политической «обработки» болѣе отсталыхъ слоевъ населенія. Консерваторы, держащіе въ своихъ рукахъ всю мощь административнаго правительственнаго аппарата, наряду съ щедрой раздачей «дешевой» водки и не менѣе «дешевыхъ» сигаръ пускаютъ въ ходъ всѣ мѣры самаго грубаго и беззастѣнчиваго давленія на совѣсть непокорнаго избирателя. Наконецъ либералы находятъ обширное поприще для своей агитаціонной дѣятельности въ мірѣ банковъ, биржи, торговыхъ конторъ, промышленныхъ заведеній и т. д. съ ихъ многочисленнымъ штатомъ служащихъ, приказчиковъ, кліентовъ и всякихъ иныхъ зависимыхъ или полузависимыхъ людей. Вся эта мало замѣтная, но неустанная и потому крайне дѣйствительная ежедневная, ежечасная агитація въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пропитываетъ собой атмосферу всей страны и ко дню выборовъ доводитъ массы избирателей до высочайшей степени политическаго напряженія. Таковъ германскій методъ избирательной кампаніи. Лучше онъ или хуже, чѣмъ француз-

скій или англійскій,—вопросъ другой, но что онъ очень дѣйствителенъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Внѣшнее спокойствіе нынѣшней предвыборной борьбы объясняется также отчасти и той позиціей, которую на этотъ разъ заняло имперское правительство. Выше я уже упоминалъ о томъ, что въ 1907 г. кн. Бюловъ принялъ дѣятельное участіе въ «дѣланіи» новыхъ парламентскихъ выборовъ. Бетманъ-Гольвегъ, къ счастью, не обнаружилъ подобной активности. Правда, въ своемъ «новогоднемъ письмѣ», появившемся въ офиціозной «Norddeutsche Allg. Zeitung»», канцлеръ сдѣлалъ попытку выйти изъ своего «философскаго» спокойствія и обратился ко всѣмъ буржуазнымъ партіямъ съ призывомъ составить общую коалицію для совмѣстной борьбы съ соціалъ-демократіей. Однако традиціонный избирательный пароль, пускавшійся въ ходъ чуть-ли не каждымъ имперскимъ канцлеромъ, прозвучалъ на этотъ разъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и не произвелъ никакого впечатлѣнія на либеральныя партіи, по адресу которыхъ онъ собственно и былъ направленъ. Потерпѣвъ неудачу съ своей попыткой «Sammlungspolitik», Бетманъ-Гольвегъ однако не сразу успокоился. Въ особомъ обращеніи къ государственнымъ служащимъ, напечатанномъ все въ той же «Nordd. Allg. Zeitung», онъ объявилъ, что подача соціалъ-демократическаго избирательнаго бюллетеня не совмѣстима съ присягой, даваемой каждымъ гражданиномъ при поступленіи на правительственную службу, и что, поэтому, долгъ и обязанность всякаго чиновника вотировать на выборахъ за представителей охранительныхъ партій. Однако и это второе выступленіе имперскаго канцлера увѣнчалось не большимъ успѣхомъ, чѣмъ первое. Громкій ропотъ, раздавшійся въ отвѣтъ на обращеніе Бетмана-Гольвега изъ рядовъ низшихъ слоевъ бюрократіи, не оставлялъ никакого сомнѣнія въ характерѣ настроенія большинства послѣдней, и ни для кого въ Германіи не составляетъ секрета, что многіе десятки тысячъ чиновниковъ подъ защитой тайны голосованія опустили въ урнѣ избирательные бюллетени съ именами соціалъ-демократическихъ кандидатовъ.

Потерпѣвъ такимъ образомъ полное фіаско въ своихъ попыткахъ оказать вліяніе на ходъ избирательной кампаніи, Бетманъ-Гольвегъ снова впалъ въ состояніе столь привычнаго ему «философскаго» покоя и предоставилъ дальнѣйшій ходъ вещей ихъ естественному теченію. Благодаря этому, избиратели были избавлены отъ излишняго давленія правительственнаго аппарата, и предвыборная борьба политическихъ партій могла развиваться въ болѣе или менѣе свободныхъ условіяхъ. Конечно въ городѣ, а не въ деревнѣ (о томъ, что дѣлалось въ предвыборный періодъ въ сельскихъ мѣстностяхъ читатель увидитъ ниже).

Отъ этой общей характеристики методовъ и формъ избирательной борьбы перейдемъ теперь къ болѣе близкому ознакомленію съ дѣятельностью и работой отдѣльныхъ политическихъ партій.

Это ознакомленіе тѣмъ болѣе поучительно и интересно, что какъ разъ въ эпоху выборовъ всѣ, если можно такъ выразиться, партійныя индивидуальности принимаютъ наиболѣе яркія и законченныя очертанія.

III.

Огромный, длинный залъ, нѣсколько низкій для своихъ гигантскихъ размѣровъ, залитъ до краевъ черной, волнующейся человѣческой массой. Люди сидятъ за столами, стоятъ въ проходахъ между стульями, лѣпятся по стѣнамъ, густо заполняютъ хоры и даже лѣстницы на хоры. Съ высоты эстрады, занятой представителями прессы и наиболѣе почетными лицами мѣстной партійной организаціи, видно только безконечное море головъ, все утонувшее въ синеватыхъ клубахъ дыма. Въ собраніи жарко и душно. Чувствуются напряженіе и приподнятость, вызываемыя всегда большимъ скопленіемъ людей.

На трибунѣ старый вождь соціалъ-демократической партіи, вотъ уже въ девятый разъ выставляемый кандидатомъ въ рейхстагъ отъ одного и того же избирательнаго округа. Онъ—одинъ изъ немногихъ еще оставшихся въ живыхъ ветерановъ движенія, одинъ изъ той все рѣдѣющей «стаи славной», которая заложила основы нынѣшняго могущества партіи пролетаріата и теперь мало-по-малу сходитъ со сцены. Тяжелая болѣзнь наложила свою жестокую руку на организмъ этого гиганта въ человѣческомъ образѣ, согнула его фигуру, покрыла его голову сплошною сѣдиной. Въ обычное время, подчиняясь предписанію врачей, старый вождь рѣдко появляется на публичныхъ собраніяхъ. Но въ моментъ избирательной борьбы, когда на долгій срокъ впередъ рѣшаются политическія судьбы страны, онъ долженъ, онъ не можетъ не быть на посту!

— Товарищи и уважаемые слушатели! — начинаетъ ораторъ. Смѣшанный гулъ тысячеголосой толпы, наполнявшій передъ тѣмъ обширное помѣщеніе, постепенно затихаетъ, и въ огромномъ залѣ воцаряется мертвая тишина.

— Ровно пять лѣтъ тому назадъ въ этомъ же самомъ залѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ вами послѣ жестокой битвы 25 января. Вы помните, невеселое настроеніе господствовало въ то время въ нашихъ рядахъ. На «готтентотскихъ» выборахъ 1907 г. мы потерпѣли частичное пораженіе, и многіе вѣрные товарищи подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этой неудачи впали въ нѣкоторое уныніе и малодушіе. Буржуазный міръ торжествовалъ свою временную побѣду надъ пролетаріатомъ, и, чѣмъ громче раздавались ликованія въ станѣ враговъ, тѣмъ сумрачнѣе становилось въ нашемъ лагерѣ. Но жизнь течетъ, и отношенія измѣняются. Пять лѣтъ, отдѣляющія насъ отъ рожденія «готтентотскаго» рейхстага, прошли не даромъ. И, если мы окинемъ въ настоящее время взо-

ромъ наши политическія позиціи, то будемъ поражены поистинѣ исполинской разницей между положеніемъ соціалъ-демократіи «тогда» и «теперь». За этотъ короткій промежутокъ времени число членовъ нашей партіи болѣе, чѣмъ удвоилось; наша пресса проникла въ самые отдаленные уголки страны; наше парламентское и коммунальное представительство обнаружило небывалое развитіе; наша роль, наше значеніе въ политической жизни страны увеличилось, какъ никогда въ прошлые годы. Кто осмѣлится теперь говорить о «поверженной» и «разбитой» соціалъ-демократіи? Кто осмѣлится предрекать намъ близость неизбѣжнаго конца?

Ораторъ на минуту останавливается и дѣлаетъ небольшую передышку. Обширный залъ оглашается шумными рукоплесканіями.

— Но гдѣ же, въ чемъ заключается причина этихъ поразительныхъ успѣховъ соціалъ-демократіи?—продолжаетъ ораторъ.— Она заключается, несомнѣнно, въ той энергіи и настойчивости, въ той готовности къ жертвамъ, въ той вѣрѣ въ торжество нашего дѣла, которыя обнаружили въ послѣдніе годы тысячи и десятки тысячъ нашихъ товарищей. Но не только въ этомъ одномъ. Тайна нашихъ побѣдъ кроется также и въ характерѣ той правительственной политики, которая явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ «готтентотскихъ» выборовъ и господства «черно-голубого блока».

— Вѣрно!—громко раздается въ толпѣ, и залъ снова оглашается аплодисментами.

Теперь ораторъ переходитъ къ политической жизни страны въ теченіе минувшаго пятилѣтія и къ оцѣнкѣ переживаемаго Германіей предвыборнаго момента. Крупными, яркими штрихами, при бурномъ одобреніи слушателей, онъ рисуетъ картину внутренней эволюціи имперіи со времени рожденія «готтентотскаго» рейхстага: положеніе партіи послѣ выборовъ 1907 г.; жалкую исторію консервативно-клерикальной коалиціи; паденіе кн. Бюлова; созданіе реакціоннаго «черно-голубого блока» и результаты его болѣе, чѣмъ двухлѣтняго парламентскаго господства. По мѣрѣ развертыванія политической панорамы настроеніе въ залѣ постепенно повышается, голосъ оратора крѣпнетъ, и возбужденіе среди слушателей замѣтно растетъ. Рѣчь стараго вождя все чаще прерывается бурными рукоплесканіями, криками «браво», «правильно», «очень хорошо» и т. д., а когда, характеризуя соціальную политику «черно-голубого блока», онъ упоминаетъ о томъ, что, согласно новому закону о страхованіи рабочихъ, пособіе будутъ получать не всѣ вдовы, лишившіяся своего кормильца, а только вдовы-«инвалиды», залъ оглашается громовымъ:

— Пфуй!

— Гдѣ выходъ изъ создавшагося невозможнаго положенія? Гдѣ путь, по которому страна могла бы выбраться изъ того историческаго тупика, въ который ее загнала политика господствующихъ партій? Этотъ выходъ, этотъ путь—въ разгромѣ «черно-

голубого блока» на предстоящихъ выборахъ въ рейхстагъ. По мнѣнію оратора, данная цѣль въ настоящее время вполнѣ достижима, такъ какъ и германскій либерализмъ послѣ печальнаго опыта послѣднихъ пяти лѣтъ пришелъ къ выводу о необходимости освобожденія Германіи отъ ига консервативно-клерикальной реакціи. Конечно, соціалъ-демократіи не приходится предаваться какимъ-либо иллюзіямъ на счетъ стойкости, послѣдовательности и демократичности нѣмецкихъ либераловъ,—исторія бюловскаго блока у всѣхъ еще въ памяти,—но, поскольку либералы захотятъ вести серьезную войну съ «черно-голубыми» братьями, они могутъ всегда разсчитывать на дѣятельную поддержку пролетаріата.

— Товарищи!—заканчиваетъ ораторъ свою съ силой и энергіей сказанную рѣчь.—Въ теченіе 30 лѣтъ вы оказывали мнѣ честь избраніемъ меня на почетный и отвѣтственный постъ вашего парламентскаго представителя. Насколько хватало моихъ силъ и способностей, я всегда стремился оправдать ваши надежды и ожиданія. И, если теперь, въ началѣ четвертаго десятилѣтія вы снова сочтете меня достойнымъ представлять ваши интересы въ рейхстагѣ я могу вамъ только обѣщать, что и въ дальнѣйшей своей дѣятельности я останусь тѣмъ же, чѣмъ я былъ до сихъ поръ.

Ораторъ кончилъ и медленно сходитъ съ трибуны. Залъ оглашается криками «браво» и бурными, долго не смолкающими рукоплесканіями. Многіе встаютъ съ своихъ мѣстъ и въ порывѣ воодушевленія машутъ шляпами и платками.

Раздается рѣзкій звонокъ, и предсѣдатель, гарантируя каждому оппоненту полную свободу слова, приглашаетъ присутствующихъ высказываться по поводу рѣчи соціалъ-демократическаго кандидата. Однако, желающихъ не находится: представителей другихъ партій въ залѣ, видимо, нѣтъ, а единомышленники во всемъ согласны съ ораторомъ. Тогда слово беретъ самъ предсѣдатель и въ краткой, но съ воодушевленіемъ и огонькомъ сказанной рѣчи напутствуетъ собравшихся на трудную работу.

— Всѣ предзнаменованія,—говоритъ онъ—обѣщаютъ соціалъ-демократіи на нынѣшнихъ выборахъ блестящую побѣду, но пусть присутствующіе не обольщаются ложными надеждами. Побѣду надо завоевать, а для этого прежде всего необходимы энергія, упорная работа, готовность къ жертвамъ и дисциплина, желѣзная дисциплина!

— Правильно! Вѣрно!—громко подтверждаетъ толпа.

Свой горячій призывъ предсѣдатель заканчиваетъ пожеланіемъ успѣха партіи въ начинающейся избирательной кампаніи и громкимъ «Hoch»! въ честь интернаціональной соціалъ-демократіи. При послѣднихъ словахъ вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, подымается со своихъ мѣстъ, въ воздухѣ мелькаютъ шапки и шляпы, и обширный залъ троекратно оглашается громовымъ:

— Hoch! Hoch! Hoch!

Собраніе закрыто. Недалеко отъ эстрады раздаются хорошо

знакомые звуки рабочей «Марсельезы». Тысячи голосовъ сразу подхватываютъ эту популярнѣйшую пѣсню пролетарской Германіи, и подъ мощные аккорды соціалистическаго гимна рабочая масса начинаетъ медленно выливаться изъ зала на улицу...

Я нарочно подробно остановился на описаніи соціалъ-демократическаго предвыборнаго собранія, такъ какъ все въ немъ чрезвычайно характерно для политической партіи пролетаріата: и самый методъ агитаціи, и поведеніе кандидата, и воодушевленіе массы, и ея готовность къ жертвамъ во имя общаго соціалистическаго дѣла, и ея поразительная дисциплина, чувствующаяся въ каждомъ движеніи, въ каждомъ порывѣ, чуть-ли не въ каждомъ вздохѣ собравшейся многотысячной толпы. И справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти прекрасныя качества нѣмецкой рабочей массы нашли себѣ въ періодъ избирательной кампаніи необыкновенно широкое примѣненіе.

Слѣдуя своей обычной тактикѣ, соціалъ-демократія выставила и на нынѣшнихъ выборахъ своихъ кандидатовъ во всѣхъ 397 округахъ страны *). И, вполнѣ сознавая огромное значеніе настоящей избирательной кампаніи, она сумѣла развить на всемъ протяженіи имперіи поистинѣ исполинскую агитацію. Ея обширная пресса въ теченіе 7 недѣль была охвачена настоящей избирательной горячкой и думала и писала только о томъ, что такъ или иначе касалось предстоящихъ выборовъ. Ея типографіи печатали, а ея организаціи распространяли въ городѣ и въ деревнѣ милліоны экземпляровъ иллюстрированныхъ и не иллюстрированныхъ листковъ, плакатовъ и воззваній къ населенію. Ея агитаторы неутомимо разъѣзжали по странѣ и созывали тысячи разнообразныхъ собраній, проникая подчасъ въ самые глухіе уголки чисто сельскихъ областей и районовъ. Рабочіе, служащіе, чиновники, крестьяне, нѣмцы, датчане, поляки—всѣ въ большей или меньшей степени подвергались политической «обработкѣ» со стороны партіи пролетаріата, никто не ускользалъ отъ дѣйствія смѣлаго соціалъ-демократическаго слова. Насколько широка и всеобъемлюща была эта лихорадочная агитація, можно прекрасно судить хотя бы по тому факту, что въ Берлинѣ было устроено даже одно спеціальное собраніе слѣпцовъ—соціалъ-демократовъ, на которомъ оживленно обсуждались вопросы, касающіеся избирательной борьбы **). Въ день самыхъ выборовъ 12 января представителей партіи можно было найти въ каждомъ

---

*) Ни какая другая партія не рѣшилась на подобный шагъ. Нац.-либералы выставили 200 кандидатовъ, центръ—183, прогрессисты—175, консерваторы—132 и т. д. Общее количество выставленныхъ всѣми партіями кандидатовъ достигало 1428 чел.

**) Немногимъ изъ русскихъ читателей, вѣроятно, извѣстно, что германская с.-д.-ія принимаетъ очень близко къ сердцу интересы слѣпцовъ, входящихъ въ составъ ея организаціи, и издаетъ для нихъ даже спеціальный органъ «Neue Zeit», печатаемый особымъ шрифтомъ для слѣпыхъ.

избирательномъ локалѣ, занятыхъ распространеніемъ с.-д. избирательныхъ бюллетеней, контролемъ за правильностью выборнаго производства, работой въ участковыхъ избирательныхъ комитетахъ, тасканіемъ лѣнивыхъ избирателей, и т. д. Въ эти трудныя недѣли энергичную поддержку людьми, совѣтомъ, указаніями, устной и печатной агитаціей, нерѣдко даже деньгами оказывали партіи профессіональные союзы. Какое огромное значеніе имѣло это обстоятельство для успѣха избирательной борьбы соціалъ-демократіи, конечно, нечего доказывать,—это ясно само собой.

И, если принять во вниманіе, что для выполненія всей колоссальной избирательной работы, громадность которой начинаешь, какъ слѣдуетъ, понимать, только наблюдая ее собственными глазами, потребовались десятки, если не сотни тысячъ преданныхъ и энергичныхъ людей; если принять далѣе во вниманіе, что эти десятки тысячъ людей, дѣйствительно, нашлись, и что всѣ они въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ выполняли свой нелегкій трудъ совершенно безвозмездно, получая отъ партіи только возмѣщеніе собственныхъ расходовъ,—то придется признать, что широкая масса соціалистическаго пролетаріата обнаружила во время избирательной кампаніи такую силу идеализма, сознательности и преданности общему дѣлу, какой мы тщетно стали бы искать въ лагерѣ ея буржуазныхъ противниковъ.

IV.

Однимъ изъ характернѣйшихъ моментовъ нынѣшнихъ выборовъ является сильное внѣдреніе соціалъ-демократіи въ чисто деревенскіе районы. Политика «черно-голубого блока» до такой степени ожесточила широкія массы демократическаго населенія, что даже скромный, набожный нѣмецкій крестьянинъ началъ обнаруживать признаки самаго подлиннаго политическаго недовольства. И потому, какъ ни сильно и ни могущественно давленіе административно-церковнаго аппарата въ деревнѣ,—въ той стѣнѣ, которая отгораживаетъ сельскихъ избирателей отъ остального міра, все чаще начинаютъ обнаруживаться предательскія бреши. Благодаря этому, оппозиціоннымъ партіямъ, и прежде всего соціалъ-демократіи, во время нынѣшней избирательной кампаніи впервые удалось проникнуть въ такіе неприступные медвѣжьи углы, о завоеваніи которыхъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ не могло быть и рѣчи. Въ теченіе предвыборнаго періода мнѣ не разъ приходилось бывать на сельскихъ избирательныхъ собраніяхъ, и, я думаю, читатель на меня не посѣтуетъ, если я подѣлюсь съ нимъ своими впечатлѣніями, вынесенными изъ одной такой агитаціонной поѣздки въ деревню...

Было около 9 ч. утра, когда наша небольшая компанія высади-

лась на маленькой жел.-дорожной станціи, затерянной среди безконечныхъ холмовъ и долинъ южной части Германіи. Кромѣ меня, поѣхавшаго на агитацію изъ любопытства, здѣсь находилось еще 7 человѣкъ: самъ «агитаторъ», служащій союза металлистовъ въ ближайшемъ крупномъ центрѣ; предсѣдатель соціалъ-демократической организаціи въ сосѣднемъ крошечномъ городкѣ, молодой интеллигентный столяръ, устроитель предстоявшаго намъ сегодня собранія, товарищъ предсѣдателя, высокій, черный сапожникъ, съ увѣсистымъ тюкомъ агитаціонной литературы подъ мышками; и, наконецъ, еще четверо рабочихъ изъ того же городка, съ различными духовыми инструментами въ рукахъ. Присутствіе музыкальныхъ инструментовъ меня особенно интриговало, и я не преминулъ спросить «агитатора» объ ихъ назначеніи. Однако тотъ въ отвѣтъ только лукаво улыбнулся и загадочно бросилъ:

— А вотъ увидите.

Мѣстность, въ которой мы находились, носила чисто сельскій характеръ и считалась неприступной твердыней центра. На прошлыхъ выборахъ кандидатъ послѣдняго прошелъ здѣсь въ первомъ же избирательномъ «турѣ», собравъ до 75% всѣхъ поданныхъ голосовъ,—остальныя партіи получили всего лишь по 1000-1500 записокъ. Соціалъ-демократическихъ собраній никогда въ округѣ до сихъ поръ не бывало, и крестьяне, со словъ агитаторовъ центра, рисовали себѣ представителей пролетаріата въ видѣ какихъ-то невѣдомыхъ существъ съ песьими головами и пышущими изо рта языками пламени. Сегодня имъ предстояло впервые увидать этихъ страшныхъ чудовищъ во-плоти и, конечно, разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Все это успѣлъ намъ разсказать словоохотливый столяръ-предсѣдатель во время пути отъ вокзала до небольшой деревенской пивной, въ которой назначено было собраніе. Тѣмъ интереснѣе должна была быть предстоявшая намъ встрѣча.

Несмотря на то, что всѣ объявленія о собраніи, вывѣшенныя за два дня передъ тѣмъ въ селѣ, были кѣмъ-то сорваны, а мѣстами даже соскоблены, низкій темноватый залъ пивной при нашемъ появленіи оказался переполненнымъ разношерстной деревенской публикой. Пріятно изумленные этимъ обстоятельствомъ, мы быстро размѣстились за единственнымъ свободнымъ столомъ въ переднемъ концѣ комнаты и хотѣли было уже, не теряя драгоцѣннаго времени, приступить непосредственно къ дѣлу. Но тутъ совершенно неожиданно обнаружилось крупное препятствіе. Къ намъ подошелъ хозяинъ пивной и, путаясь и сбиваясь, какъ провинившійся школьникъ, объявилъ, въ концѣ концовъ, что, къ его величайшему сожалѣнію, соціалъ-демократическое собраніе сегодня никакъ не можетъ состояться. Онъ, хозяинъ, правда, обѣщалъ «господину предсѣдателю» свое помѣщеніе, но крестьяне, узнавъ объ этомъ, пригрозили его заведенію бойкотомъ, а онъ, какъ человѣкъ бѣдный и многосемейный, не можетъ рисковать своимъ

положеніемъ. Къ тому же онъ, въ сущности, даже и не хозяинъ, а только арендаторъ пивной и, потому, все зависитъ не отъ него, а отъ самого владѣльца предпріятія.

«Господинъ предсѣдатель» былъ возмущенъ этимъ вѣроломствомъ до глубины души.

— Но, позвольте,—накинулся онъ на арендатора,—вѣдь не только вы, а и самъ владѣлецъ пивной мнѣ также обѣщалъ залъ подъ собраніе! Гдѣ онъ? Мы его сейчасъ возьмемъ за жабры!..

Однако владѣльца пивной не оказалось дома, а его жена—рыхлая, сырая женщина,—перепуганная внезапнымъ появленіемъ раздраженнаго «соци», упорно твердила, что ничего не знаетъ и слезно просила оставить ее въ покоѣ. Положеніе становилось совершенно критическимъ. Однако предсѣдатель не хотѣлъ такъ скоро сдаться. Не добившись толку отъ жены хозяина, онъ заявилъ арендатору, что, такъ какъ владѣлецъ пивной три дня назадъ категорически обѣщалъ ему залу подъ собраніе и такъ какъ слова своего тотъ назадъ не взялъ, то собраніе, несмотря ни на что, должно здѣсь состояться. Предсѣдатель рѣшительно взялъ въ руки колокольчикъ и, обратившись къ присутствующимъ, началъ:

— Уважаемые слушатели!..

Кончить однако ему не удалось. При первыхъ же звукахъ рѣчи предсѣдателя группа крестьянъ человѣкъ въ 15 подъ предводительствомъ какого-то толстаго, грузнаго господина, оказавшагося членомъ мѣстнаго патріотическаго ферейна воиновъ-инвалидовъ, приступила къ спасенію отечества при помощи обструкціи. Дробный стукъ пивныхъ кружекъ по столу, крики «долой!», свистъ, улюлюканье, собачій лай и кошачье мяуканье,—все слилось въ какую-то дикую какофонію, наполнявшую невысокую залу харчевни. Предсѣдатель переждалъ, пока первое волненіе, вызванное выступленіемъ обструкціонистовъ, нѣсколько улеглось, и сдѣлалъ новую попытку обратиться къ собранію. Однако и вторая попытка его увѣнчалась не большимъ успѣхомъ, чѣмъ первая. Обструкціонный концертъ возобновился съ удвоенной силой, вдобавокъ скандалисты завели еще стоявшій въ углу граммофонъ, и тотъ сталъ пронзительно наигрывать какой-то разухабистый военный маршъ.

Становилось ясно, что при такихъ условіяхъ вести собраніе невозможно. Но что было дѣлать? Сдаться и уйти изъ села, оставивъ поле битвы за противникомъ? Покориться судьбѣ и пропустить столь удобный случай для агитаціи? Это было бы слишкомъ обидно. Мы медлили съ окончательнымъ рѣшеніемъ, точно надѣясь, что какой-нибудь счастливый случай поможетъ намъ съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія. И мы, дѣйствительно, не ошиблись. Должно быть, разыгрывающаяся сцена для всякаго элементарно-порядочнаго человѣка представляла слишкомъ возмутительное зрѣлище, потому что одинъ изъ присутствовавшихъ въ

залѣ крестьянъ, въ концѣ-концовъ, не выдержалъ и, обратившись къ публикѣ, воскликнулъ:

— Пойдемте прочь отсюда! У меня есть достаточно большое помѣщеніе для собранія,—тамъ мы сможемъ спокойно побесѣдовать о выборахъ!

Предложеніе это было сочувственно принято большинствомъ присутствующихъ, и почти вся толпа, вываливъ изъ негостепріимной пивной наружу, двинулась по широкой деревенской улицѣ къ указанному мѣсту. Во главѣ толпы очутилась наша компанія, и тутъ-то по знаку, данному предсѣдателемъ, музыканты взялись за свои инструменты. Эффектъ этого дѣйствія оказался поистинѣ необычайный: въ нѣсколько минутъ на громкіе звуки музыки сбѣжалась почти вся деревня, и когда наше шествіе приблизилось къ цѣли своего движенія, толпа, слѣдовавшая за нами, состояла, по меньшей мѣрѣ, изъ 250—300 чел. Теперь я понялъ назначеніе музыкальныхъ инструментовъ!

«Помѣщеніе», о которомъ говорилъ намъ свободолюбивый крестьянинъ, на повѣрку оказалось большой, довольно чистой и свѣтлой конюшней, могущей вмѣстить отъ 100—150 чел. Къ конюшнѣ примыкалъ четырехугольный, огороженный заборомъ дворъ, на которомъ могли расположиться остальные слушатели: черезъ открытую широкую дверь до нихъ должны были доноситься слова оратора. Мы съ облегченіемъ вздохнули: казалось, всѣ мытарства были кончены, и мы могли хотя бы въ столь оригинальной обстановкѣ открыть злополучное собраніе. Однако, не тутъ-то было. Едва публика успѣла занять отведенныя ей мѣста, какъ на горизонтѣ появился мѣстный жандармъ и, рѣшительными шагами подойдя къ нашей группѣ, объявилъ еще не начавшееся собраніе противозаконнымъ на томъ основаніи, что оно не было ему, какъ полагается, заявлено за 24 часа. Это было уже прямо комично. Предсѣдатель вытащилъ изъ кармана текстъ закона о собраніяхъ и союзахъ и попросилъ браваго блюстителя порядка прочитать тѣ его статьи, которыя гласятъ о томъ, что избирательныя собранія не подлежатъ заявкѣ полиціи. Сконфуженный жандармъ покраснѣлъ, какъ піонъ, и поспѣшилъ благоразумно удалиться. Въ воротахъ онъ столкнулся съ высокимъ грузнымъ католическимъ патеромъ, привѣтствовавшимъ его, какъ добраго знакомаго. Патеръ медленно прошелъ черезъ разступившуюся передъ нимъ толпу и, остановившись у входа въ конюшню, присѣлъ здѣсь на услужливо кѣмъ-то ему подставленный деревянный обрубокъ.

Но вотъ, всѣ затрудненія, наконецъ, улажены, всѣ препятствія преодолѣны, и собраніе сельскихъ избирателей объявляется открытымъ. Предсѣдатель, примостившійся на какомъ-то большомъ перевернутомъ вверхъ дномъ ящикѣ, указываетъ въ краткихъ чертахъ на значеніе наступающихъ выборовъ и затѣмъ предоставляетъ слово самому «референту».

— Уважаемые слушатели!—начинаетъ референтъ.—Я выступаю здѣсь передъ вами въ качествѣ представителя партіи, пользующейся въ деревнѣ самой отвратительной репутаціей. Изъ центровской прессы и отъ центровскихъ агитаторовъ вы знаете, конечно, что мы, соціалъ-демократы, ужасные люди, что мы хотимъ уничтожить религію, разрушить семью и государство, изгнать королей изъ страны и передать отечество непріятелю. Не такъ-ли?

— Правильно!—громко подаетъ реплику какой-то пожилой сѣдобородый крестьянинъ, примостившійся на длинной колодѣ, изъ которой поятъ лошадей.

— Но, если вѣрно все то, что насказали вамъ о насъ агитаторы центра,—продолжаетъ ораторъ,—то не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ Германіи всетаки находится $3^1/_4$ милл. избирателей, которые голосуютъ за эту изумительную партію? Неужели вы думаете, что всѣ эти 3 милліона круглые дураки, что они такъ-таки ровно ничего не понимаютъ въ политикѣ?

Вопросъ поставленъ рѣзко и умѣло и, видимо, производитъ нѣкоторое впечатлѣніе на собраніе. Ораторъ улавливаетъ смутное колебаніе, начинающееся въ душахъ присутствующихъ, и спѣшитъ использовать его въ своихъ интересахъ.

— Мы хотимъ уничтожить религію?—говоритъ ораторъ.—Ничего подобнаго! Наоборотъ, мы считаемъ религію частнымъ дѣломъ каждаго человѣка, въ которое партія не можетъ и не должна вмѣшиваться. Мы хотимъ разрушить бракъ и семью? Какой вздоръ! Развѣ сами мы не имѣемъ семей? Развѣ сами мы живемъ внѣ брака?—Мы хотимъ предать отечество непріятелю? Гнусная ложь! Вмѣстѣ съ нашими товарищами въ другихъ странахъ мы стремимся къ полному уничтоженію войны и установленію всесвѣтнаго мира.—Мы хотимъ замѣны монархіи республикой? Вѣрно. Но развѣ у насъ въ составѣ Германской имперіи уже нѣтъ въ настоящее время трехъ республикъ,—трехъ ганзейскихъ городовъ Гамбурга, Бремена и Любека? И развѣ народу живется тамъ хуже, чѣмъ въ различныхъ герцогствахъ и королевствахъ?...

Ораторъ говоритъ о ближайшихъ требованіяхъ соціалъ-демократіи, о политическомъ положеніи въ странѣ, о господствѣ «черно-голубого блока» и его преступленіяхъ, — говоритъ ясно, рѣзко, упрощая до послѣдней степени свое изложеніе и стараясь все время иллюстрировать свои слова различными примѣрами. Цифръ и логическихъ разсужденій онъ избѣгаетъ, какъ огня. Зато сильно налегаетъ на шутки, пословицы и прибаутки. Съ точки зрѣнія общепринятыхъ городскихъ масштабовъ его рѣчь, пожалуй, и не выдерживаетъ строгой критики, она слишкомъ ужъ проста, слишкомъ груба и схематична. Но я смотрю на окружающую публику и начинаю понимать, что иначе здѣсь нельзя говорить. Что за люди, что за лица кругомъ! Гигантскія фигуры—косая сажень въ плечахъ,—съ квадратными физіономіями, пудо-

выми кулаками, въ смазныхъ высокихъ сапогахъ, съ неизмѣнными крючковатыми трубками въ зубахъ. Мы, горожане, кажемся предъ ними какими-то тщедушными карликами. При взглядѣ на эти фигуры невольно какъ-то жутко становится, жутко за то живое, человѣческое слово, которому выпало на долю расшевелить сознательную мысль въ глубинѣ этихъ тяжелыхъ, темныхъ череповъ.

И однако человѣческое слово всетаки дѣйствуетъ! Чѣмъ долѣе говоритъ ораторъ, тѣмъ несомнѣннѣе, тѣмъ явственнѣе обнаруживается перемѣна въ настроеніи собранія. Первоначальное недовѣріе постепенно смѣняется интересомъ, а интересъ мало-по-мал переходитъ въ прямое сочувствіе и симпатію къ этому невысокому, живому человѣку, такъ смѣло выступающему на защиту всѣхъ угнетенныхъ и обиженныхъ, и къ его колючимъ саркастическимъ словамъ. Чувствуется—и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе,—что подъ вліяніемъ выслушанной рѣчи въ этихъ четырехугольныхъ темныхъ головахъ начинается какая-то мучительная работа мысли, что въ ихъ сознаніи, порабощенномъ суевѣріями и предразсудками, медленно приподымается какая-то тяжелая завѣса, и старый, такъ хорошо знакомый и привычный міръ вдругъ открывается предъ ними весь въ новыхъ краскахъ, весь въ новомъ небываломъ освѣщеніи. Они еще не убѣждены, еще не перешли на сторону новаго ученія,—о, нѣтъ!—но ихъ прежнее цѣльное міросозерцаніе сегодня дало непоправимую трещину...

Ораторъ кончилъ. Раздаются громовыя рукоплесканія. Здѣсь, въ деревнѣ, хлопаютъ не такъ, какъ въ городѣ. Апплодируютъ, точно изъ пушекъ стрѣляютъ. Сомнѣнія нѣтъ, — рѣчь произвела на присутствующихъ очень сильное впечатлѣніе: вѣдь ничего подобнаго они еще никогда въ жизни не слыхали! Одинъ молодой крестьянинъ, сидящій неподалеку отъ меня, находится въ совершенномъ восторгѣ: влюбленными глазами онъ смотритъ на оратора, неистово хлопаетъ въ ладоши и почти вопитъ:

— Браво! Браво!

Предсѣдатель звонитъ и приглашаетъ несогласныхъ съ только что выслушанной рѣчью выступить съ возраженіями. Всѣ взоры невольно обращаются на высокую фигуру патера, продолжающаго спокойно сидѣть у входа въ конюшню. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ подымается и проситъ слова.

— Дѣти мои!—начинаетъ патеръ вкрадчивымъ слегка хрипловатымъ голосомъ,—вы слышали только что волка, явившагося къ вамъ въ овечьей шкурѣ, и апплодировали его словамъ. Но волкъ всегда остается волкомъ, и горе вамъ, если, соблазнившись его сладкими рѣчами, вы отдадите свои голоса партіи переворота. Вы погубите тѣмъ самымъ свое тѣло здѣсь, на землѣ, и свою душу, тамъ, на небесахъ!

Патеръ театрально подымаетъ руку вверхъ и окидываетъ пристальнымъ взоромъ все собраніе. Однако, теперь, непосредственно

послѣ рѣчи с.-д. агитатора этотъ привычный жестъ не производитъ на «стадо Христово» никакого впечатлѣнія. Патеръ, видимо, и самъ чувствуетъ, что съ одними заклинаніями и декларацiями здѣсь сейчасъ ничего не подѣлаешь, а потому, оставивши въ сторонѣ жестикуляцію и паѳосъ, спѣшитъ перейти къ «опроверженію» соціалистическихъ лжеученій. Я слушаю это замѣчательное опроверженіе, и на память мнѣ невольно приходятъ слова гоголевскаго Ивана Никифоровича: «Господи Боже мой, чего тутъ только нѣтъ! Хотѣлъ бы я знать, чего тутъ только нѣтъ!» Цитата изъ Бебеля и цитата изъ Каутскаго, слова Либкнехта и слова Лассаля, старыя басни о соціализмѣ, въ которыя теперь больше ужъ никто не вѣритъ, и глупыя базарныя сплетни о жизни и дѣятельности вождей пролетарскаго движенія. И все это, густо сдобренное многочисленными текстами изъ священнаго писанія и крѣпко посоленное грубыми шутками и остротами!

Референту не стоитъ, конечно, особаго труда по достоинству раздѣлаться съ той пестрой окрошкой, которую представляетъ изъ себя рѣчь католическаго патера. И надо отдать ему справедливость — онъ не жалѣетъ при этомъ ни рѣзкихъ словъ, ни ядовитаго сарказма, ни гнѣвнаго негодованія по адресу духовенства, активно вмѣшивающагося въ политику. Для патера наступаетъ тяжелый моментъ: онъ то краснѣетъ, то блѣднѣетъ и подъ конецъ, не выдержавъ непривычнаго испытанія, вскакиваетъ съ своего мѣста и удаляется прочь.

Поле битвы такимъ образомъ остается за нами, и, когда ораторъ заканчиваетъ свои возраженія, конюшня оглашается еще болѣе шумными рукоплесканіями, чѣмъ въ первый разъ. Собраніе завоевано—это не подлежитъ больше ни малѣйшему сомнѣнію. Крестьяне довѣрчиво подходятъ къ намъ, берутъ летучіе листки, номера газетъ и избирательные бюллетени и обѣщаютъ въ день выборовъ голосовать за соціалъ-демократическаго кандидата *). Прощаясь съ нами и крѣпко, по медвѣжьи, пожимая намъ руки, они приглашаютъ:

— Пріѣзжайте къ намъ еще разъ! До свиданья!

Уже сидя въ поѣздѣ желѣзной дороги на обратномъ пути домой, референтъ говорилъ мнѣ:

— Сила честнаго демократическаго слова поистинѣ огромна. Передъ ней ничто не можетъ устоять. Я глубоко убѣжденъ, что, если бы въ каждой нѣмецкой деревнѣ можно было устроить хотя бы по одному такому собранію, какое мы съ вами видѣли се-

*) Послѣ 12 января я поинтересовался узнать, какъ голосовали крестьяне того села, гдѣ происходило описанное собраніе. Оказалось, что изъ 163 поданныхъ въ селѣ бюллетеней 57 было соціалъ-демократическихъ. На выборахъ же 1907 г. за с.-д. въ этомъ селѣ не было подано ни одного голоса!

годня,—отъ «черно-голубого блока» остались бы только рожки да ножки! Но какъ ихъ устроить? Въ этомъ-то весь вопросъ!

V.

Совсѣмъ иную картину представляетъ собой предвыборная дѣятельность либерализма. Первое, что рѣзко бросается въ глаза, когда начинаешь ее сравнивать съ вышеописанной соціалъ-демократической дѣятельностью, — это огромная количественная разница между ними. Возьмите любой крупный городъ,—Лейпцигъ, Мюнхенъ, Бреславль, не говоря уже о Берлинѣ или Гамбургѣ, — въ періодъ избирательной кампаніи с.-д. то и дѣло созываютъ по 5, 7, 10 массовыхъ собраній одновременно, причемъ залы всѣхъ этихъ собраній обычно ломятся отъ наплыва публики, и тысячи желающихъ еще не находятъ себѣ въ нихъ мѣста. Не то у либераловъ. Либералы никогда не созываютъ больше одного собранія въ одинъ и тотъ же вечеръ, и лишь рѣдко залъ этого единственнаго собранія бываетъ, дѣйствительно, переполненъ. Не иначе и съ летучими листками. Если соціалъ-демократы рѣшаютъ обратиться къ населенію съ какимъ-либо лозунгомъ или призывомъ, они всегда дѣлаютъ это въ чрезвычайно широкомъ масштабѣ: распространяются сотни тысячъ экземпляровъ воззваній, и весь городъ бываетъ буквально наводненъ соціалъ-демократическими партійными «летучками». Иное дѣло опять-таки либералы: во-первыхъ, съ призывами къ населенію они обращаются вообще очень рѣдко; а во-вторыхъ, если иногда и обращаются, то дѣлаютъ это далеко не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ соціалъ-демократы.

Скромность масштабовъ политической дѣятельности либерализма объясняется прежде всего его никуда негодной организаціей. Какъ извѣстно, германскій либерализмъ лишенъ необходимаго внутренняго единства: онъ распадается на двѣ партіи,—болѣе лѣвую «прогрессивную народную партію» и болѣе правую «національ-либераловъ». Несмотря на большую идейную и тактическую близость, существующую между обоими названными теченіями, отношенія между ними довольно натянутыя, и нерѣдки случаи, когда обѣ партіи на выборахъ выставляютъ кандидатовъ другъ противъ друга. Такъ было на этотъ разъ, напр., въ Гессенѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Хуже однако, чѣмъ это отсутствіе внутренняго единства, тотъ полный организаціонный хаосъ, который представляетъ собой каждая изъ двухъ названныхъ партій въ отдѣльности. Если бы вы задали вождямъ прогрессистовъ или національ-либераловъ вопросъ, сколько же членовъ насчитываютъ руководимыя ими партіи, вы поставили бы ихъ въ очень затруднительное положеніе, ибо этого въ точности никто не знаетъ. Либеральныя партіи не образуютъ собой стройной

централизованной организаціи съ сотнями мѣстныхъ отвѣтвленій и регулярно собирающимися законодательными съѣздами, какой является, напр., соціалъ-демократія. Совсѣмъ наоборотъ. Либеральныя партіи состоятъ изъ довольно расплывчатыхъ мѣстныхъ и областныхъ группъ и объединеній, слабо связанныхъ другъ съ другомъ и съ центромъ и дѣйствующихъ по большей части, какъ нѣмцы говорятъ, auf eigene Faust, т. е. мало заботясь о рѣшеніяхъ высшихъ партійныхъ инстанцій и постановленіяхъ собственныхъ партійныхъ конгрессовъ. При этомъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ политическихъ и соціальныхъ условій, эти областныя либеральныя туманности, смотря по городу или государству, обнаруживаютъ весьма существенныя отличія другъ отъ друга. Такъ, напр., южно-германскій, въ особенности же баварскій и баденскій либерализмъ, можетъ въ общемъ похвалиться довольно живымъ и демократическимъ характеромъ. Наоборотъ, либерализмъ саксонскій или рейнско-вестфальскій, по существу дѣла, мало чѣмъ отличается отъ партій самой черной реакціи.

Эта слабая организованность германскаго либерализма, конечно, не является какой-либо случайностью, а вполнѣ естественно вытекаетъ изъ его своеобразнаго соціальнаго состава. Соціалъ-демократія опирается на единый, цѣльный общественный классъ съ общими интересами и общими стремленіями,—ей, поэтому, относительно легко охватить этотъ классъ звеньями строгой централизованной организаціи и вывести на поле избирательной битвы не пестрыя толпы многочисленныхъ сторонниковъ, а стройные дисциплинированные рабочіе легіоны. Не то у либераловъ. Помню, на одномъ предвыборномъ собраніи видный либеральный кандидатъ заявилъ, что подъ понятіе прогрессивнаго бюргерства подходятъ: промышленники, купцы, банковскіе дѣятели, люди свободныхъ профессій, государственные и коммунальные чиновники, частные служащіе и мелкіе сельскіе хозяева. Попробуйте-ка, въ самомъ дѣлѣ, сочетать въ единое партійное цѣлое всю эту пеструю и разноязычную компанію! Неудивительно, что германскій либерализмъ оказывается не въ силахъ удовлетворительно справиться съ поставленной предъ нимъ трудной задачей. Въ послѣдніе годы большія надежды въ смыслѣ собиранія либеральныхъ силъ возлагаются на основанный въ 1909 г. такъ наз. Hansabund, поставившій своей задачей защиту политическихъ интересовъ промышленности и торговли. Въ нынѣшней избирательной кампаніи «денежные мѣшки» Hansabund'a сыграли очень крупную роль и несомнѣнно сильно облегчили либеральнымъ партіямъ ихъ борьбу съ реакціей. Удастся-ли однако новой организаціи вдохнуть душу живу въ хилое тѣло нѣмецкаго либерализма и стянуть его разрозненныя силы въ единую боевую фалангу,—подлежитъ очень большому сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ въ настоящее время еще не представляется возможнымъ.

Необыкновенная пестрота соціальнаго состава неизбѣжно осуждаетъ либеральныя партіи на вялую, нерѣшительную, половинчатую политику. Онѣ хотятъ всѣмъ угодить, обо всѣхъ позаботиться и потому слишкомъ часто вызываютъ противъ себя лишь всеобщее неудовольствіе. По извѣстному выраженію Апокалипсиса, онѣ не холодны и не горячи, а только теплы и, потому, лишены твердости характера, дѣйственнаго мужества, энергіи и двигающей горами вѣры въ свое дѣло. Зайдите на либеральное предвыборное собраніе, и вы почти всегда будете поражены отсутствіемъ огня и настроенія въ присутствующей человѣческой толпѣ. Кругомъ—просѣянная «чистая» публика: откормленныя сытыя физіономіи, блестящіе бѣлые воротнички, душистыя сигары, перстни и толстыя золотыя цѣпочки на толстыхъ округлившихся животахъ. Все это въ большинствѣ случаевъ рыцари банка, биржи и прилавка, у которыхъ есть только одинъ манящій идеалъ—золотой телецъ; только одно, дѣйствительно, мощное стремленіе—собственное обогащеніе. Они снисходительно слушаютъ оратора, въ особенно удачныхъ мѣстахъ снисходительно же ему аплодируютъ и по окончаніи положеннаго времени расходятся по ресторанамъ и кафэ въ полной увѣренности, что своимъ присутствіемъ на собраніи они принесли уже вполнѣ достаточную жертву на алтарѣ партійнаго дѣла. При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что самопожертованіе и воодушевленіе меньше всего являются добродѣтелями либеральной арміи, и что почти вся огромная техническая работа, связанная съ избирательной компаніей, выполняется у либераловъ при помощи наемнаго персонала. Курьезнѣе всего однако то, что какъ разъ именно эти люди не перестаютъ твердить о своей преданности «идеальнымъ» цѣлямъ и задачамъ и сердито нападаютъ на соціалъ-демократію за то, что та защищаетъ будто бы одни лишь «матеріальные» интересы.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что выдержать послѣдовательно роль политической Mädchen für alles,—прислуги, годной на всякую работу,—германскому либерализму удается далеко не всегда. Всетаки доминирующимъ элементомъ въ его рядахъ является крупный индустріальный и торговый капиталъ, и это накладываетъ особый отпечатокъ на всю дѣятельность обѣихъ либеральныхъ партій. Онѣ въ общемъ болѣе или менѣе прогрессивны въ области политической, религіозной и культурной, но зато достаточно реакціонны въ области соціальной политики. Не говоря уже о націоналъ-либералахъ, относящихся явно враждебно къ вопросамъ рабочаго законодательства, даже болѣе лѣвые прогрессисты далеко не всегда являются надежными сторонниками различнаго рода соціальныхъ реформъ. Для характеристики германскаго либерализма весьма показателенъ также тотъ фактъ, что введеніе новыхъ исключительныхъ мѣропріятій противъ рабочаго движенія и соціалъ-демократіи не встрѣчаетъ съ его стороны особенно большихъ принципіальныхъ возраженій. По крайней

мѣрѣ, вождь Hansabund'a, проф. Риссеръ, на одномъ избирательномъ собраніи въ Мюнхенѣ заявилъ, что либеральное бюргерство готово было бы принять активное участіе въ борьбѣ съ красной опасностью, если бы ему было обезпечено подобающее мѣсто въ правящемъ механизмѣ Германской имперіи.

Ко всѣмъ своимъ вышеперечисленннымъ свойствамъ нѣмецкіе либералы (безъ различія направленій) вдобавокъ еще отчаянные націоналисты и имперіалисты. Предвыборныя рѣчи либеральныхъ ораторовъ прямо до тошноты пестрили выраженіями въ родѣ: «наше нѣмецкое отечество», «наше милое нѣмецкое отечество», «наши національные интересы», «наша національная гордость» и т. д. А о вопросахъ вооруженія, объ усиленіи арміи и флота ораторы говорили не иначе, какъ съ дрожью благоговѣйнаго трепета въ голосѣ. Одинъ видный представитель Hansabund'a дошелъ въ своемъ патріотическомъ усердіи даже до того, что назвалъ стремленіе соціалъ-демократіи къ всеобщему братству народовъ не утопіей,—нѣтъ, а преступленіемъ. Вечеромъ въ день второй серіи перебаллотировокъ (22 января) мнѣ пришлось быть на большомъ либеральномъ собраніи, созванномъ для сообщенія публикѣ результатовъ голосованія. День этотъ въ политическомъ отношеніи выдался очень удачный, «черно-голубой блокъ» терпѣлъ повсюду пораженія, и число оппозиціонныхъ побѣдъ съ каждымъ часомъ увеличивалось. Подъ вліяніемъ столь радостныхъ извѣстій настроеніе въ собраніи быстро повышалось (это было единственное либеральное собраніе съ подъемомъ, которое мнѣ пришлось видѣть за все время избирательной кампаніи) и, достигнувъ своего апогея, вылилось, наконецъ, въ массовое пѣніе «Deutschland, Deutschland über alles»! Какъ это было характерно для германскихъ либераловъ! И какъ мало это гармонировало съ настроеніемъ соціалъ-демократическихъ собраній, оглашавшихся въ тотъ же самый вечеръ бурными кликами: «Да здравствуетъ нѣмецкій, да здравствуетъ международный пролетаріатъ!»

VI.

Какъ ни велика разница, существующая между соціалъ-демократіей и либерализмомъ, между ними есть однако и цѣлый рядъ несомнѣнныхъ точекъ соприкосновенія: какъ ни какъ, оба они говорятъ на языкѣ современной культуры, оба цѣнятъ и признаютъ современную цивилизацію, и оба стремятся—конечно, далеко не въ равной мѣрѣ и не одинаковыми способами—къ ея дальнѣйшему развитію и усовершенствованію. Соціалъ-демократію и либерализмъ раздѣляютъ въ настоящее время глубокія принципіальныя и тактическія разногласія. Но, если даже и считать оба эти теченія полярно-противоположными, то невозможно все-таки отрицать, что

оба они являются полюсами одного и того же міра, міра капиталистическаго.

Совсѣмъ иной характеръ носятъ двѣ другія крупныя политическія силы Германіи: католическій центръ и консерваторы *). Переходя къ знакомству съ ихъ избирательной тактикой и дѣятельностью, испытываешь невольно такое чувство, точно изъ свѣтлыхъ, просторныхъ комнатъ современнаго жилища по скользкимъ ступенямъ спускаешься глубоко внизъ, въ какіе-то темные погреба и подвалы давно минувшей эпохи. Это сравненіе отнюдь не простое реторическое украшеніе, а, къ сожалѣнію, самая подлинная, самая непреложная дѣйствительность. Мрачнымъ духомъ средневѣковой реакціи, духомъ вѣдьмъ и костровъ, рыцарскихъ потѣхъ и крестовыхъ походовъ вѣетъ отъ партій «черно-голубого блока», самымъ фактомъ своего существованія отрицающихъ глубочайшія основы современной культуры, современнаго правового государства, современной научной свободы и религіозной терпимости.

Взять, напр., хотя бы католическій центръ. Сколько бы его вожди ни пытались это отрицать, центръ былъ и остается чисто-конфессіональной политической партіей. Онъ родился подъ ударами бисмарковскаго Kulturkampf'а, какъ протестъ противъ угнетенія католической религіи, онъ выросъ и сдѣлался большимъ на защитѣ интересовъ этой религіи, онъ поддерживаетъ и въ настоящее время свое могущество лишь путемъ систематическаго гальванизированія религіознаго фанатизма, вызваннаго въ населеніи 40 лѣтъ назадъ правительственными репрессіями. Только на этой почвѣ центру и удалось то, къ чему тщетно стремятся германскіе либералы,—удалось сковать въ единый, стройный политическій организмъ самые разнообразные соціальные элементы: предпринимателей и рабочихъ, помѣщиковъ и крестьянъ, лицъ свободныхъ профессій и бюрократовъ высшаго ранга. Но какъ ни велико нынѣшнее могущество центра,—у него нѣтъ и не можетъ быть будущаго. Гордая центровская «башня» въ состояніи еще нѣкоторое время держаться при помощи умѣлой эксплуатаціи религіозныхъ традицій католическаго населенія, но, въ концѣ-концовъ, она должна будетъ рухнуть, такъ какъ все направленіе современнаго прогресса работаетъ въ сторону ослабленія, а не усиленія религіознаго чувства. Тѣмъ самымъ подрывается фундаментъ, на которомъ построена политическая мощь центра, и этому послѣднему уже просто въ интересахъ собственнаго самосохраненія не остается ничего больше, какъ всѣми способами тормазить поступательный ходъ современной культуры и фанатизировать народныя массы непрерывными воплями о томъ, что католическая религія находится въ

*) Формально консерваторы подраздѣляются на двѣ партіи: «Нѣмецкіе консерваторы» и «Имперская партія». Разница между этими партіями однако настолько незначительна, что о нихъ можно смѣло говорить, какъ объ единомъ политическомъ цѣломъ.

опасности. Центръ это и дѣлаетъ и—надо отдать ему справедливость—дѣлаетъ съ поразительнымъ искусствомъ и умѣніемъ.

Я, вѣроятно, никогда не забуду одного замѣчательнаго центровскаго собранія, пережитаго мной во время послѣдней избирательной кампаніи, гдѣ для меня съ поразительной яркостью обнаружилась тайна политическаго могущества нѣмецкаго клерикализма. Дѣло происходило въ одномъ изъ довольно крупныхъ городовъ южной Германіи, наканунѣ дня первой серіи перебаллотировокъ. Городъ этотъ съ давнихъ поръ считался неприступной твердыней центра и неизмѣнно въ первомъ же избирательномъ турѣ посылалъ въ рейхстагъ кандидата ультрамонтановъ. На этотъ разъ, однако, счастье измѣнило католикамъ: ихъ кандидатъ попалъ въ перебаллотировку съ соціалъ-демократомъ и, такъ какъ послѣдняго энергично поддерживали либералы, то была опасность, что центръ потеряетъ свой насиженный мандатъ. Съ цѣлью предупрежденія столь тяжелаго удара католики пустились на самыя отчаянныя средства и, между прочимъ, наканунѣ рѣшительнаго дня созвали большое собраніе центровскихъ избирателей, на которомъ руководители партіи должны были дать своимъ сторонникамъ послѣднее напутствіе на завтра. Въ началѣ собраніе это ничѣмъ особеннымъ не отличалось отъ обычнаго плана политическихъ предвыборныхъ собраній. Сперва говорилъ самъ уважаемый г. кандидатъ, изливавшій потоки неприличной ругани по адресу соціалъ-демократіи; затѣмъ говорилъ редакторъ мѣстной католической газеты. И только уже въ самомъ концѣ собранія, когда публика готовилась совсѣмъ было расходиться, на трибуну неожиданно взошелъ высокій, молодой, весь закутанный въ черную сутану католическій священникъ съ блѣднымъ вдохновеннымъ лицомъ и лихорадочно горящими глазами. При его появленіи толпа какъ-то сразу насторожилась. Священникъ молитвенно вытянулъ впередъ свои худыя, узловатыя руки и, обратившись къ собранію, глухимъ, нервнымъ, полнымъ сдержанной страсти голосомъ началъ:

— Во имя Христа, нашего Спасителя, я заклинаю васъ, братья! Стойте чутко на стражѣ, ибо врагъ человѣческій не дремлетъ! Трудныя времена переживаетъ святая вѣра Христова. Несмѣтныя полчища враговъ обложили станъ Господень. Либералы и соціалъ-демократы, Дьяволъ и Вельзевулъ, въ тѣсномъ союзѣ работаютъ на погибель нашей матери Церкви. Подкупомъ и насиліемъ, коварными рѣчами и лицемѣрнымъ сочувствіемъ они обольщаютъ тысячи колеблющихся и увлекаютъ ихъ души на путь вѣчной погибели. Ихъ цѣль—уничтоженіе религіи, ихъ задача—разрушеніе церкви Христовой, ихъ радость—паденіе партіи центра, единственнаго оплота христіанскихъ началъ въ политической и общественной жизни. Но да не будетъ этого! Завтра—день великаго рѣшенія. Во имя Христа, нашего Спасителя, во имя матери святой Церкви, во имя будущаго блаженства вашихъ безсмертныхъ душъ, я за-

клинаю васъ, братья, завтра голосовать только за кандидата партіи центра!..

Священникъ оказался великолѣпнымъ ораторомъ. Его рѣчь длилась недолго—всего 15-20 минутъ,—но онъ сумѣлъ затронуть ею какія-то глубокія струны въ душахъ присутствующихъ, сумѣлъ цѣликомъ овладѣть собраніемъ, увлечь его, захватить, зажечь, заразить своимъ горячимъ вдохновеніемъ. И, когда послѣдній звукъ пламенной рѣчи, наконецъ, замолкъ, и священникъ, отирая капли пота съ блѣднаго лба, сошелъ съ трибуны,—въ залѣ разразилась настоящая буря восторга: люди что-то кричали, зачѣмъ-то вскакивали съ мѣстъ, хлопали въ ладоши, стучали ногами, барабанили пивными кружками по столамъ. Огромная двухтысячная толпа буквально бѣсновалась и неистовствовала, и горе было бы всякому оппоненту, рѣшившемуся выступить на этомъ собраніи,—его разорвала бы на клочки озвѣрѣвшая нафанатизированная масса!

На другой день кандидатъ центра побѣдилъ своего соперника большинствомъ въ нѣсколько сотенъ голосовъ, и мнѣ думается, что въ этомъ провалѣ соціалъ-демократа не послѣднюю роль сыграло и описанное мной собраніе.

Не слѣдуетъ думать при этомъ, что разсказанный мной фактъ представляетъ собой какое-либо рѣдкое исключеніе. Наоборотъ, онъ чрезвычайно типиченъ для всего характера предвыборной агитаціи центра, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что въ деревнѣ, гдѣ центру не приходится опасаться контроля гласности и общественнаго мнѣнія, онъ дѣйствуетъ еще болѣе беззастѣнчиво, еще болѣе откровенно. Въ сельскихъ мѣстностяхъ священники сплошь да рядомъ ведутъ агитацію за католическихъ кандидатовъ съ церковной каѳедры, допрашиваютъ на исповѣди избирателя, за кого онъ будетъ подавать голосъ, грозятъ лишеніемъ царствія небеснаго въ случаѣ подачи оппозиціоннаго избирательнаго бюллетеня, заставляютъ дѣтей въ школахъ молиться за «благополучный» исходъ выборовъ, подстрекаютъ наиболѣе темную часть крестьянства къ избіенію с.-д. ораторовъ и распространителей летучихъ листковъ и т. д. и т. д. до безконечности. И все это дѣлается, конечно, во имя распятаго Спасителя, во имя святой вѣры Христовой!..

Центръ обязанъ своей политической мощью тому огромному вліянію, которое онъ умѣетъ оказывать на сердца и умы католическаго населенія. Иначе обстоитъ дѣло у консерваторовъ. Потомки средневѣковыхъ феодальныхъ бароновъ, грабившихъ на большихъ дорогахъ безоружныхъ путниковъ,—они вплоть до настоящаго дня сохранили въ полной неприкосновенности культъ кулака и сабли, какъ наилучшихъ методовъ разрѣшенія всѣхъ сложныхъ вопросовъ современности. Слишкомъ некультурные и ничтожные для того, чтобы оказывать какое-либо духовное вліяніе на массы, консерваторы ищутъ и находятъ единственную опору для своего господства лишь въ грубой силѣ, въ безпощадномъ по-

давленіи всѣхъ инакомыслящихъ элементовъ, въ самомъ беззастѣнчивомъ и вопіющемъ административно-правительственномъ терроризмѣ (вѣдь весь бюрократическій аппаратъ въ Вост. Пруссіи, гдѣ главнымъ образомъ и произрастаютъ консерваторы, находится въ ихъ рукахъ). Основнымъ принципомъ практической политики этихъ нѣмецкихъ Марковыхъ и Пуришкевичей являются знаменитыя слова римскаго цезаря: «Пусть ненавидятъ, лишь бы боялись!» И, конечно, даннымъ принципомъ приникнута отъ начала до конца вся ихъ избирательная тактика и дѣятельность.

Можно было бы заполнить цѣлые томы описаніемъ всѣхъ тѣхъ насилій, беззаконій, превышеній власти, злоупотребленій и самыхъ подлинныхъ преступленій, которыя были совершены консерваторами въ теченіе только нынѣшней избирательной кампаніи. Я не имѣю здѣсь, однако, ни времени, ни возможности подробно останавливаться на этой темѣ, и, потому, ограничусь лишь нѣсколькими наиболѣе характерными и типичными примѣрами.

Въ декабрѣ 1910 г. либеральная организація остэльбскаго округа Кольбергъ-Кёслинъ разослала владѣльцамъ 242-хъ находящихся въ округѣ ресторановъ и пивныхъ открытыя письма съ запросомъ, согласны-ли послѣдніе предоставить свои залы подъ либеральныя собранія во время избирательной кампаніи въ рейхстагъ. Результатъ этой анкеты получился слѣдующій: 70 владѣльцевъ ресторановъ вовсе не отвѣтили на запросъ, 155 отвѣтили отказомъ и только 17 отвѣтили положительно. Изъ 155, отвѣтившихъ отрицательно, 153 мотивировали свой отказъ единственно тѣмъ, что они боятся преслѣдованій со стороны администраціи.

Такъ, въ четырехъ десяткахъ консервативныхъ округовъ свобода слова и собраній для оппозиціонныхъ партій фактически почти совершенно уничтожается. Но это не удовлетворяетъ еще благородныхъ аграріевъ. Время и ростъ политическаго сознанія массъ постепенно пробиваютъ бреши даже въ самыхъ неприступныхъ твердыняхъ реакціи. Въ эпоху нынѣшнихъ выборовъ и соціалъ-демократамъ, и либераламъ удавалось иногда устраивать свои собранія въ самыхъ глухихъ уголкахъ Вост. Пруссіи. И вотъ для того, чтобы противодѣйствовать этому проникновенію политической заразы въ ихъ исконныя вотчины, консерваторы организовали въ цѣломъ рядѣ мѣстъ особыя банды громилъ, разгонявшихъ оппозиціонныя собранія, забрасывавшихъ грязью и каменьями ихъ участниковъ, стрѣлявшихъ даже подчасъ въ кандидатовъ и ораторовъ. Въ округѣ Грюнбергъ, не довольствуясь обычными мѣрами воздѣйствія, консерваторы прибѣгли къ поистинѣ героическому средству и заставили одного изъ своихъ молодцовъ въѣхать верхомъ на лошади въ залъ, гдѣ происходило либеральное собраніе.

Но не только свобода устной агитаціи подвергалась жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны реакціоннаго юнкерства. Тѣ же вопіющія насилія и беззаконія характеризовали и всѣ остальные мо-

менты выборнаго производства. Такъ, вопреки предписаніямъ центральнаго правительства, избирательные участки сплошь да рядомъ устанавливались столь ничтожныхъ размѣровъ (были участки, насчитывавшіе по 15—20 избирателей), что о тайнѣ голосованія, конечно, не могло быть и рѣчи. Самыя избирательныя бюро очень часто помѣщались въ замкахъ бароновъ или въ квартирахъ полицейскихъ чиновниковъ, причемъ роль избирательныхъ урнъ играли такіе мало подходящіе для этой цѣли предметы, какъ сигарные ящики, суповыя миски и т. п. Напоенные допьяна батраки и крестьяне подвозились гуртомъ на большихъ деревенскихъ телѣгахъ къ избирательнымъ помѣщеніямъ и подъ надзоромъ надсмотрщиковъ съ плетками въ рукахъ опускали въ урну консервативные бюллетени. Патріотическіе ферейны ветерановъ въ парадной формѣ и съ распущенными знаменами подходили церемоніальнымъ маршемъ съ отставными баронами во главѣ къ избирательнымъ бюро и по командѣ голосовали за спасителей трона и отечества. Зато горе было всѣмъ «неугоднымъ» избирателямъ, всѣмъ сторонникамъ оппозиціонныхъ партій! Съ ними въ Вост. Пруссіи не церемонились: ихъ воззванія и плакаты конфисковывались, ихъ представители выгонялись изъ помѣщеній избирательныхъ бюро, а они сами подчасъ даже совсѣмъ не допускались къ урнѣ для подачи голоса (такъ было, напр., въ округѣ Нейштеттинъ). Не довольствуясь описаннымъ, консерваторы шли подчасъ еще дальше и вступали уже въ самый недвусмысленный конфликтъ съ германскимъ уголовнымъ уложеніемъ. Такъ, въ округѣ Остербургъ-Штендаль они за фальшивой подписью с.-д. кандидата распространяли летучіе листки съ призывомъ къ с.-д. избирателямъ на перебаллотировкѣ воздерживаться отъ голосованія (въ дѣйствительности с.-д. организація дала пароль поддерживать либерала). Въ округѣ Лигницъ они пытались (но, конечно, безуспѣшно) подкупить соціалъ-демократическаго секретаря въ цѣляхъ облегченія побѣды ихъ кандидата. Въ округѣ Штральзундъ... Въ округѣ Глогау...

Но довольно, довольно. И приведенныхъ фактовъ уже вполнѣ достаточно для того, чтобы бросить яркую полосу свѣта на характеръ и методы избирательной борьбы историческихъ «опоръ престола и монархіи».

VII.

Заголовокъ новогодняго номера «Simplizissimus'a» украшала слѣдующая символическая картина: на фонѣ безпредѣльной снѣжной равнины, съ виднѣющимися въ отдаленіи силуэтами деревенской колокольни и развалинами стариннаго феодальнаго замка, чернѣетъ одинокая деревянная скамейка. На скамейкѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидятъ католическій попъ и дикій помѣщикъ. Имъ холодно и жутко, и они старательно прикрываютъ свои тѣла не-

большимъ дырявымъ зонтикомъ, распростертымъ надъ ихъ головами. Но зонтикъ малъ и не въ состояніи защитить ихъ грузныя фигуры отъ падающаго сверху частаго снѣга... густого снѣга изъ красныхъ избирательныхъ бюллетеней. Подпись подъ картиной лаконически гласила: «12 января».

Каррикатура «Simplizissimus'a» оказалась поистинѣ пророческой. Конечно, всѣ въ Германіи ожидали—да и какъ было этого не ожидать?—сильнаго сдвига на нынѣшнихъ выборахъ влѣво и значительнаго усиленія соціалъ-демократіи. Но то, что въ дѣйствительности случилось 12 января, оставило позади себя всѣ самые оптимистическіе разсчеты. Политическая буря свирѣпствовала въ этотъ день съ еще никогда небывалой силой, и къ вечеру вся страна была, дѣйствительно, покрыта густымъ слоемъ «краснаго снѣга» избирательныхъ бюллетеней.

Уже первыя свѣдѣнія о результатахъ выборовъ давали нѣкоторое представленіе о размѣрахъ тѣхъ перемѣнъ, которыя народное голосованіе произвело въ соотношеніи политическихъ силъ страны. 13 января утромъ стало извѣстно, что центръ сумѣлъ въ первомъ же избирательномъ турѣ провести въ своихъ «todsicheren» («вѣрныхъ, какъ смерть», по образному нѣмецкому выраженію) сельскихъ округахъ 81 депутата изъ 103, бывшихъ у него въ рейхстагѣ передъ концомъ существованія послѣдняго, консерваторы—27 (изъ 66), имперская партія—5 (изъ 25) и соціалъ-демократы—64 (вмѣсто 53). Печально гласили первоначальныя извѣстія для либераловъ: націоналъ-либераламъ удалось въ первый день завоевать только 4 (изъ 51), а прогрессистамъ даже ни одного (изъ 49) мандата. Невольно получалось впечатлѣніе, что «черно-голубой блокъ» вышелъ изъ битвы 12 января значительно ослабленнымъ, но что все раздраженіе, все негодованіе широкой массы избирателей пошло на пользу исключительно соціалъ-демократіи. Еще бы: въ 1907 г. она смогла провести въ первомъ избирательномъ турѣ лишь 29 и даже въ знаменитомъ 1903 г. только 53 депутата! Наоборотъ, либерализмъ казался совершенно размолотымъ между двумя огромными политическими жерновами: консервативно-клерикальной реакціей, съ одной стороны, рабочей демократіей, съ другой.

Опубликованныя нѣсколько дней спустя цифровыя данныя о количествѣ голосовъ, поданныхъ за отдѣльныя партіи, внесли нѣкоторыя поправки въ первоначальное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касалось положенія либераловъ. Именно, эти данныя обнаружили, что партіи «черно-голубого блока», считая въ ихъ числѣ и поляковъ, собрали 12 января круглымъ счетомъ $4^1/_2$ милл. голосовъ, т. е. на 300 тыс. меньше, чѣмъ въ 1907 г. (одинъ центръ потерялъ почти 150 тыс.); наоборотъ, вся лѣвая, «отъ Бассермана до Бебеля», получила въ суммѣ почти $7^1/_2$ милл. голосовъ, или на 1,350 тыс. больше, чѣмъ въ эпоху «готтентотскихъ» выборовъ. Изъ этого колоссальнаго прироста оппозиціонныхъ голосовъ на

долю прогрессистовъ приходится 325 тыс., на долю націоналъ-либераловъ—35 тыс. и на долю соціалъ-демократіи—почти цѣлый милліонъ (точно 991 тыс. голосовъ). Такимъ образомъ, по сравненію съ выборами 1907 г. партія пролетаріата сдѣлала исполинскій скачекъ вверхъ и объединяетъ въ настоящее время свыше трети (34,8%) всѣхъ германскихъ избирателей! Впрочемъ, какъ показываютъ приведенныя цифры, и либерализмъ, особенно лѣвый, обнаружилъ на нынѣшнихъ выборахъ значительные успѣхи.

Исходъ народнаго голосованія 12 января произвелъ огромное впечатлѣніе на страну. Отвѣтъ націи на безумную политику «черно-голубого блока» былъ ясенъ и категориченъ до послѣдней степени. И, конечно, вполнѣ естественно и понятно, что результаты главныхъ выборовъ вызвали различныя чувства въ различныхъ политическихъ лагеряхъ страны: бурный восторгъ и воодушевленіе въ рядахъ демократіи, особенно же соціалъ-демократіи, и, наоборотъ, уныніе, страхъ и озлобленіе въ станѣ консервативно-клерикальной реакціи. Въ ночь, слѣдовавшую за днемъ этихъ выборовъ, саксонскій король уже не чувствовалъ больше потребности оповѣщать міръ о прелестяхъ человѣческаго существованія, а словоохотливый германскій императоръ избавленъ былъ отъ необходимости прибѣгать къ услугамъ своего краснорѣчія. Въ эту ночь, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, улицы большихъ городовъ были переполнены ликующими толпами народа, но то были другія толпы, и распѣвали онѣ не патріотическія пѣсни юнкерско-буржуазной Германіи, а революціонные гимны соціалистическаго пролетаріата.

Страна сказала свое рѣшающее слово, сказала вѣско и внушительно. Но составъ будущаго рейхстага все еще далеко не опредѣлился. Изъ 397 депутатовъ парламента 12 января было выбрано только 208. Въ 189 округахъ предстояли перебаллотировки, въ которыхъ участвовали: 121 с.-д., 64 націоналъ-либерала, 53 прогрессиста, 42 консерватора, 29 членовъ партіи центра, 17 членовъ имперской партіи и 50 представителей различныхъ мелкихъ политическихъ группъ и теченій. И теперь-то наступилъ критическій часъ для либеральныхъ партій: какова будетъ ихъ тактика на перебаллотировкахъ? Сохранятъ-ли онѣ мужество и трезвую голову и останутся вѣрны своему первоначальному лозунгу «противъ черно-голубого блока», подъ знакомъ котораго онѣ вступили въ избирательную борьбу, или же, перепуганныя колоссальнымъ ростомъ соціалъ-демократіи, онѣ снова, какъ это уже бывало неоднократно, спасуютъ передъ призракомъ красной опасности и, во имя защиты основъ собственности и порядка, бросятся въ объятія политической реакціи? Отъ того или иного поведенія либераловъ зависѣлъ окончательный исходъ избирательной компаніи, т. к. въ цѣломъ рядѣ округовъ либеральные голоса давали перевѣсъ либо соціалъ-демократіи, либо «черно-голубому блоку». Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дни, слѣдующіе непосредственно за главными выборами, во

многихъ либеральныхъ головахъ упорно вертѣлась мысль о спасительномъ бѣгствѣ въ лагерь реакціи. Однако, ожесточеніе, вызванное въ широкихъ массахъ населенія трехлѣтнимъ хозяйничаніемъ консерваторовъ и центра, было такъ велико, что это бѣгство не смогло принять повальнаго характера, и такимъ образомъ практическіе результаты народнаго вотума 12 января не были окончательно погублены.

Относительная твердость, проявленная на нынѣшнихъ выборахъ обычно столь безхарактернымъ германскимъ либерализмомъ (собственно, его лѣвымъ крыломъ—прогрессистами), тѣмъ болѣе замѣчательна, что со стороны правительства тотчасъ же послѣ перваго голосованія была сдѣлана попытка къ «собиранію» всѣхъ буржуазныхъ партій воедино, для совмѣстной борьбы съ соціалъ-демократіей, по крайней мѣрѣ, на перебаллотировкахъ. Попытка эта, однако, потерпѣла снова полное фіаско, такъ какъ прогрессисты совсѣмъ не явились на совѣщаніе представителей партій, созванное для данной цѣли Бетманъ-Гольвегомъ, а націоналъ-либералы, хотя и явились, оказались недостаточно сговорчивыми. Реакціонный блокъ противъ пролетаріата на этотъ разъ такимъ образомъ не состоялся, и дальнѣйшее развитіе избирательной борьбы было предоставлено естественному ходу событій.

Положеніе партій послѣ крушенія объединительныхъ стремленій правительства представлялось въ общемъ видѣ такъ: соціалъ-демократы, рѣшительно отклонивъ всякія сепаратныя соглашенія съ другими организаціями по отдѣльнымъ округамъ, поддерживали, согласно постановленію прошлогодняго іенскаго партейтага, каждаго кандидата, дававшаго обѣщаніе выступать въ парламентѣ противъ всякаго ухудшенія избирательнаго права въ рейхстагъ, противъ ограниченія коалиціоннаго права и права собраній и союзовъ, противъ усиленія наказаній за политическія преступленія и всякихъ попытокъ исключительныхъ законовъ и, наконецъ, противъ повышенія пошлинъ и налоговъ на продукты массоваго потребленія. Въ свою очередь, на крайнемъ правомъ флангѣ консерваторы соглашались оказывать помощь на перебаллотировкахъ только тѣмъ кандидатамъ, которые обязывались выступать въ рейхстагѣ противъ всякаго ограниченія власти императора и правительства и за поддержку всѣхъ мѣропріятій, касающихся борьбы съ соціалъ-демократіей и дальнѣйшаго развитія нынѣшней таможенной пошлины. Центръ безусловно поддерживалъ всѣхъ кандидатовъ правыхъ партій, либералы же, какъ и слѣдовало ожидать, раскололись на два лагеря: націоналъ-либералы отдали почти всѣ свои голоса «черно-голубому блоку», проваливая на перебаллотировкахъ не только с.-д., но кое-гдѣ даже прогрессистовъ (такъ было, напр., въ Шлезвигъ-Голштиніи и нѣкоторыхъ др. мѣстахъ); прогрессисты же въ лицѣ своего центральнаго правленія высказа-

лись за рѣшительное продолженіе борьбы съ консервативно-клерикальной реакціей.

Къ сожалѣнію, однако, далеко не всѣ мѣстныя организаціи прогрессистовъ, а въ особенности далеко не всѣ прогрессистскіе избиратели послѣдовали данному изъ центра паролю,—дѣйствительно энергично онъ проводился только въ Баваріи и Эльзасъ-Лотарингіи, и это обстоятельство едва не привело къ настоящей политической катастрофѣ. Именно, благодаря малодушію и близорукости прогрессистовъ, во время первой серіи перебаллотировокъ, 20 января, лѣвая потеряла цѣлыхъ 16 мандатовъ, перешедшихъ въ руки «черно-голубого блока». Но вслѣдъ за тѣмъ въ поведеніи широкой массы либеральныхъ избирателей сразу наступила рѣзкая перемѣна: напуганная неблагопріятнымъ исходомъ первыхъ перебаллотировокъ, эта масса какъ-то сразу и стихійно хлынула влѣво, и дальнѣйшія перебаллотировки—22 и 25 января—превратились уже въ полное торжество оппозиціи, въ особенности крайней лѣвой оппозиціи. Окончательный суммарный исходъ парламентскихъ выборовъ 1912 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ скобкахъ приведены цифры 1907 г.):

Названіе партій.	Голоса. (въ тыс.).	Мандаты.
Соціалъ-демократы	4.250 (3.259)	110 (43)
Центръ	2.035 (2.179)	93 (104)
Націоналъ-либер.	1.672 (1.637)	44 (56)
Прогрессисты	1.558 (1.233)	43 (50)
Консерваторы	1.129 (1.060)	42 (67)
Поляки	442 (454)	18 (20)
Имперск. партія	370 (472)	14 (25)
Антисемиты	356 (473)	13 (20)
Эльзасъ-Лотарингцы	99 (103)	7 (8)
Вельфы	91 (78)	5 (2)
Баварск. крестьянск. союзъ	48 (76)	3 (1)
Нѣмецк. „ „	29 —	2 —
Датчане	17 (15)	1 (1)
Литовцы	6 (4)	— —
Дикіе	86 (208)	2
	12.206 (11.263*)	397

Приведенная таблица чрезвычайно интересна и поучительна. При взглядѣ на нее прежде всего становится ясно, что основная задача нынѣшней избирательной кампаніи можетъ считаться достигнутой: «черно-голубой» блокъ, дѣйствительно, разбитъ. Онъ располагаетъ въ настоящее время только 162 голосами (центръ, консерваторы, имперская партія и антисемиты) вмѣстѣ 216, которые онъ имѣлъ въ старомъ рейхстагѣ. Если къ голосамъ названныхъ партій даже

*) Въ цифру 12.206 входятъ также 10 тыс. голосовъ, разбившихся между отдѣльными кандидатами, и около 8 тыс. признанныхъ недѣйствительными.

прибавить еще голоса поляковъ, вельфовъ, эльзасцевъ, датчанъ и дикихъ,—хотя далеко не по всѣмъ вопросамъ названныя группы солидарны съ «черно-голубыми»,—то и тогда въ окончательномъ итогѣ получится все-таки лишь 195 голосовъ, т. е. нѣсколько меньше половины. Такимъ образомъ, консервативно-клерикальнаго большинства въ новомъ рейхстагѣ не существуетъ, и это обстоятельство должно оказать очень значительное вліяніе на общее направленіе дальнѣйшей политики правительства.

Потери «черно-голубого блока» на нынѣшнихъ выборахъ очень велики: антисемиты вышли изъ избирательной битвы совершенно разгромленными, обѣ группы консерваторовъ лишились въ суммѣ 36 мандатовъ и оставили на полѣ брани цѣлый рядъ крупныхъ партійныхъ именъ. Въ новомъ рейхстагѣ нѣтъ больше вождя «Союза сельскихъ хозяевъ»; д-ра Резике; нѣтъ пламеннаго барда аграрнаго юнкерства, д-ра Гана; нѣтъ и знаменитаго друга Пуришкевича, Ольденбургъ-Янушау. Даже самъ «некоронованный король» Пруссіи, вождь консерваторовъ, фонъ-Гейдебрандъ, лишь съ крайнимъ напряженіемъ силъ могъ удержать свой мандатъ.

Еще большее значеніе имѣетъ ослабленіе католическаго центра. Онъ потерялъ на этотъ разъ почти 150 тыс. голосовъ и 11 мандатовъ и по количеству своихъ парламентскихъ полномочій опустился до уровня 1877 г. Въ числѣ ранъ, полученныхъ центромъ на полѣ избирательной битвы, есть двѣ особенно мучительныхъ и тяжелыхъ: это—Дюссельдорфъ и Кёльнъ, особенно Кёльнъ, безъ котораго, по словамъ крупнѣйшаго вождя ультрамонтановъ, Тримборна, посылавшагося въ рейхстагъ какъ разъ этимъ городомъ, невозможно себѣ вообще представить центръ. Несмотря на самыя отчаянныя усилія католиковъ, имъ не удалось таки отстоять этой старинной твердыни германскаго клерикализма, и теперь надъ церковными главами «Нѣмецкаго Рима» развѣвается красное знамя соціалъ-демократіи. Исторія такимъ образомъ завершила свой кругъ и вернула рейнскую столицу Германіи той партіи, которая 64 года тому назадъ начала отсюда свое побѣдоносное движеніе на страну *). Пожалуй, не менѣе симптоматично, чѣмъ потеря Кёльна, также и относительное паденіе центровскихъ голосовъ въ Рейнско-Вестфальскомъ промышленномъ районѣ: по сравненію съ прошлыми выборами центръ увеличилъ здѣсь количество послѣднихъ всего лишь на 5000, въ то время, какъ с.-д. за то же время—на 112 тыс. Видимо, партія «Истины, свободы и права» (девизъ Центра) начинаетъ терять свои рабочіе батальоны, и это означаетъ начало конца для ея неприступной «башни»...

Лѣвая,—соціалъ-демократы, прогрессисты и націоналъ-либералы вмѣстѣ съ обоими крестьянскими союзами,—располагаетъ въ новомъ рейхстагѣ 202 голосами, т. е. очень маленькимъ, но все-таки

*) Въ 1848 г. К. Марксъ издавалъ въ Кельнѣ «Новую Рейнскую Газету».

абсолютнымъ большинствомъ. Существуй въ Германіи нормальное распредѣленіе страны на избирательные округа, лѣвая имѣла бы 247, а «черно-голубой блокъ» со всѣми своими союзниками — только 150 мандатовъ. На лѣвой наибольшее вниманіе привлекаетъ къ себѣ, конечно, соціалъ-демократія. Ея успѣхи на нынѣшнихъ выборахъ носятъ почти сказочный характеръ. Она—единственная партія, которая выиграла 12 января, выиграла за счетъ всѣхъ остальныхъ—центра, консерваторовъ, либераловъ и антисемитовъ. Однимъ ударомъ она увеличила число своихъ депутатовъ въ рейхстагѣ болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза, и такимъ образомъ за неудачу 1907 г. взяла въ 1912 г. поистинѣ блестящій реваншъ. Саксонія снова превратилась въ «красное королевство», пославъ въ рейхстагъ 19 с.-д. изъ общаго количества 23 своихъ депутатовъ; Баварія утроила число выбираемыхъ ею представителей пролетаріата—9 вмѣсто 3,—Эльзасъ-Лотарингія болѣе, чѣмъ удвоила—5 вмѣсто 2. Партіей впервые завоеваны: Гагенъ—бывшій округъ Евгенія Рихтера—и императорская резиденція Потсдамъ, отъ котораго прошелъ извѣстный Карлъ Либкнехтъ. О Кёльнѣ и Дюссельдорфѣ упоминалось уже выше. Не удалось однако соціалъ-демократіи и на этотъ разъ захватить знаменитый первый берлинскій избирательный округъ, гдѣ прогрессистъ Кэмпфъ побѣдилъ соціалъ-демократа Дювелля большинствомъ всего лишь .... 9 голосовъ, голосовъ канцлера и 8 министровъ, живущихъ какъ разъ въ этомъ районѣ. Впрочемъ, такое пораженіе, пожалуй, стоитъ побѣды. Съ своими 110 мандатами и своими $4^1/_4$ милл. голосовъ—цифры еще небывалыя въ исторіи международнаго соціализма—соціалъ-демократія вступаетъ въ рейхстагъ въ качествѣ сильнѣйшей политической партіи страны, могущей въ ходѣ парламентской работы нерѣдко занимать доминирующее положеніе. Это очень выгодно и почетно, но это ко многому обязываетъ...

VIII.

Выборы закончились, волненіе, вызванное ими, постепенно улеглось, и общественная жизнь Германіи начинаетъ мало-по-малу входить въ свое нормальное русло. Что же дальше? Каково значеніе, каковъ смыслъ только что закончившейся политической битвы? Каковы перспективы, открываемыя предъ страной народнымъ голосованіемъ 12 января?

Остановимся прежде всего на непосредственныхъ, т. е. парламентскихъ результатахъ выборовъ. Первое, что бросается въ глаза при взглядѣ на нынѣшній составъ имперскаго рейхстага, — это отсутствіе въ немъ какого-либо однороднаго устойчиваго большинства. Въ самомъ дѣлѣ, «черно-голубой» блокъ разгромленъ и вмѣстѣ со всѣми своими союзниками располагаетъ максимумъ

195 мандатами, т. е. на 4 меньше, чѣмъ это требуется для абсолютнаго большинства. Однако и объединенная лѣвая имѣетъ въ суммѣ только 202 мѣста, — ея численность превышаетъ такимъ образомъ абсолютное большинство всего лишь на 3 голоса. Съ столь ничтожнымъ перевѣсомъ силъ вообще невозможно править страной, а въ данномъ случаѣ еще и сугубо невозможно, такъ какъ сама лѣвая крайне неоднородна, — особенно велики противорѣчія между соціалъ-демократами и національ-либералами, — и только по нѣкоторымъ вполнѣ опредѣленнымъ вопросамъ она можетъ выступать болѣе или менѣе единодушно. Столь своеобразная группировка партій въ новомъ рейхстагѣ дѣлаетъ его естественно мало работоспособнымъ и ставитъ даже подъ вопросъ самую долговѣчность его существованія.

Впрочемъ, въ Германіи съ ея полуабсолютистской конституціей отсутствіе прочнаго устойчиваго большинства въ палатѣ не имѣетъ такого первостепеннаго значенія, какъ, напр., въ Англіи или Франціи: здѣсь «надпартійное» правительство можетъ, не располагая въ парламентѣ прочной опорой, работать съ такъ наз. перемѣннымъ большинствомъ. Такъ, повидимому, намѣревается поступить и Бетманъ-Гольвегъ. Для «національныхъ требованій», т. е. для требованій, касающихся вооруженій и вопросовъ таможенной политики, онъ всегда будетъ имѣть готовое большинство въ лицѣ праваго блока плюсъ національ-либералы. Въ области политическаго и культурнаго прогресса, отчасти и въ области налоговаго законодательства, правительство, вѣроятно, очень часто сможетъ опираться на поддержку всей лѣвой отъ національ-либераловъ до соціалъ-демократовъ включительно. Въ сферѣ соціальной политики къ услугамъ канцлера имѣется большинство изъ с.-д., прогрессистовъ и центра. Наконецъ, не исключена возможность образованія въ нѣкоторыхъ случаяхъ «черно-краснаго» большинства, т. е. большинства, состоящаго изъ с.-д. и католиковъ. Практически это означаетъ перемѣщеніе равнодѣйствующей правительственной политики нѣсколько влѣво, такъ какъ отнынѣ рѣшающей партіей въ парламентѣ становятся національ-либералы. Во всякомъ случаѣ покушеніе на рейхстагское избирательное право или коалиціонное право, введеніе исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-демократіи и т. п. реакціонные замыслы, въ послѣднее время серьезно угрожавшіе пролетаріату, въ новомъ рейхстагѣ почти что невозможны. Вѣроятенъ, наоборотъ, медленный и постепенный, но все-таки довольно явственный соціально-политическій прогрессъ.

Пожалуй, важнѣе, чѣмъ это—непосредственно-практическое, агитаціонно-воспитательное значеніе только что закончившихся выборовъ. Два крупныхъ, поистинѣ историческихъ преобразованія стоятъ сейчасъ въ порядкѣ дня германской жизни: это демократизація прусскаго избирательнаго права и перераспредѣленіе

страны на избирательные округа при выборахъ въ рейхстагъ. Осуществленіе двухъ названныхъ реформъ будетъ означать собой паденіе политическаго господства аграрнаго юнкерства и превращеніе Германіи изъ полуабсолютистскаго феодально-военнаго государства въ передовую политически-свободную демократію. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно въ *этомъ* отношеніи голосованію 12 января суждено сыграть большую историческую роль. Тяжелый ударъ, нанесенный на нынѣшнихъ выборахъ консервативно-клерикальной реакціи, воспламенитъ народныя массы къ дальнѣйшей борьбѣ и ускоритъ такимъ образомъ завоеваніе ими столь назрѣвшихъ преобразованій.

Не останутся нѣмецкіе выборы безъ вліянія и на международныя отношенія. Въ наше время, полное кошмарныхъ призраковъ всеевропейской войны, вотумъ 12 января явился исполинской демонстраціей въ пользу сохраненія мира. $4^1/_4$ милл. голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ соціалъ-демократіи, громко манифестировали твердую волю трудящагося населенія Германіи жить въ дружбѣ и согласіи съ другими народами. Значеніе даннаго факта поистинѣ громадно. Подобно тяжелому ядру каторжника, эти $4^1/_4$ милл. голосовъ будутъ сковывать свободу движеній имперіалистски-настроенныхъ руководителей нѣмецкой политики и заставлять ихъ умѣрять свои вожделѣнія и аппетиты. Тѣмъ самымъ только что закончившіеся выборы выходятъ за рамки исключительно внутригерманскихъ отношеній и пріобрѣтаютъ уже серьезное интернаціональное значеніе.

В. Майскій.

Кругооборотъ.

I.

— Что вы слышали про «Чудо»?—Таковъ былъ слѣдующій вопросъ, послѣ справокъ о погодѣ, который задавали хозяева своимъ гостямъ на «five o'«clock» осенью прошлаго года, когда появились первыя сообщенія про то, что Рейнгардтъ готовитъ къ постановкѣ мистерію «Чудо», при чемъ дѣйствіе будетъ происходить не на сценѣ, а въ католическомъ соборѣ. И на предложенный вопросъ гость отвѣчалъ то, что всѣ уже знали изъ газетъ, т. е. что новая пьеса безъ словъ представитъ собою послѣднее слово театральныхъ исканій, что сценарій пишетъ Фольмеллеръ, музыку — Энгельбертъ Гумпердинкъ, а соборъ будетъ строиться

по чертежамъ Дернбурга («знаете, братъ знаменитаго германскаго министра колоній»).

И когда хозяева отвѣчали классическими восклицаніями: «Is it so!», «How lovely!»—гость прибавлялъ еще «слухи въ цифрахъ», тоже обошедшіе всѣ газеты.

— Въ пьесѣ будутъ участвовать двѣ тысячи человѣкъ. Костюмы обошлись въ 13 тысячъ ф. ст. Вся постановка обойдется въ 80 тысячъ ф. ст... Въ «Чудѣ» реализмъ доведенъ до послѣдняго: не только шелкъ, бархатъ, мѣха и доспѣхи на участвующихъ настоящіе, но даже лысины и сѣдыя бороды изготовлены великимъ парикмахеромъ Времснемъ. Макстъ Рейнгардтъ спеціально черезъ газеты вызывалъ 200 плѣшивцевъ и 200 стариковъ съ сѣдыми бородами.

— Видѣли ли вы уже «Чудо?»—справляются теперь хозяева у гостей на «five o'clock» послѣ обмѣна мнѣній по поводу погоды.

— Что вы думаете о «Чудѣ?» — слѣдуетъ затѣмъ вопросъ.

Отвѣтъ бываетъ двоякаго рода:

— Поразительное проявленіе новаго исканія въ области театра!—восклицаютъ одни.

— How religious!—восклицаютъ пожилыя дѣвицы. И послѣднее мнѣніе такъ распространено, что священникъ нашего округа въ прошлое воскресенье произнесъ даже проповѣдь въ церкви по поводу «Чуда». Одно утреннее представленіе спеціально было дано для священниковъ разныхъ вѣръ. Я слышу здѣсь безконечные споры о «Чудѣ» и читаю въ журналахъ и газетахъ не менѣе длинныя статьи о немъ.

Спорящіе расходятся въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но всѣ согласны, что мистерія «Чудо», поставленная въ *Олимпіи*, превращенной въ католическій соборъ, представляетъ собою поразительно смѣлое «исканіе». Послѣдній терминъ употребляютъ всѣ, какъ нѣчто вполнѣ понятное и опредѣленное. Желая уяснить себѣ, что именно подразумѣвается подъ словомъ «исканіе», я обратился къ авторамъ, написавшимъ спеціальныя изслѣдованія объ этомъ *), и былъ нѣсколько разочарованъ. Я узналъ, что «новое движеніе» въ театрѣ зародилось въ 1881 году въ Мейнингенѣ. Тамъ впервые, въ придворномъ театрѣ, во время представленія «Юлія Цезаря» появилась «настоящая толпа». Но «исканія» совсѣмъ не заключаются въ реализмѣ. Напротивъ, они совпадаютъ съ «стремленіемъ современной литературы освободиться отъ тираніи безусловнаго реализма».

---

*) Я просмотрѣлъ слѣдующія книги и брошюры:

«Max Reinhardt». Von Siegfried Jacobsohn. Berlin.

„Die neue Shakespearebühne des Münchner Hoftheaters". Von Gerhard Amundsen. Münich.

„Moderne Regie; ein Buch für Theaterfreunde». Von Max Alberty. Frankfort.

„Die ethische Aufgabe der Schaubühne". Von Max Martersteig. Leipzig.

Литература раньше театра сбила съ себя эти колодки. Важный шагъ по пути исканія былъ сдѣланъ мюнхенскимъ придворнымъ театромъ въ 1889 году, когда былъ поставленъ «Король Лиръ» «на упрощенной сценѣ». Герардъ Амундсенъ въ своей книжкѣ «Die neue Shakespearebühne» подробно разсказываетъ про «исканія» этого театра послѣ 1889 года.

«Старая сцена,—говоритъ Амундсенъ,—остроумно комбинировавшая принципы старой шекспировской сцены-платформы, употребленіе занавѣсей и подмостокъ въ глубинѣ сцены, не выдержала требованій реализма и не имѣла смѣлости отречься отъ условнаго сценическаго реализма, когда дѣйствіе происходило не въ комнатѣ. Новая постановка Шекспира въ мюнхенскомъ придворномъ театрѣ совершенно не гонится за сценическими иллюзіями. Она вполнѣ *стилизованная*. Передъ нами попытка осуществить въ обыкновенномъ театрѣ многознаменательныя идеи Künstlertheater, построеннаго въ Мюнхенѣ въ 1908 году, т. е. идеи «театра рельефа». «Künstlertheater» сдѣлалъ, — продолжаетъ Амундсенъ, — смѣлую попытку отдѣлаться разъ навсегда отъ старой сцены-«ящика», типъ которой создалъ съ теченіемъ времени оргію реализма. «Почему,— спрашиваютъ мюнхенскіе реформаторы,—должны мы представлять въ «ящикѣ» только потому, что это нравилось испорченному вкусу Renaissance? Почему мы должны израсходовать всю нашу энергію, руководимые дѣтскимъ желаніемъ создать иллюзію реальности, которая тѣмъ менѣе художественна, чѣмъ больше приближается къ дѣйствительности? Греческая драма разыгрывалась не въ «ящикѣ». Шекспировскія пьесы ставились на открытой платформѣ. Почему намъ теперь не имѣть своего рода открытую сцену, которая соотвѣтствовала бы спеціальнымъ нуждамъ пьесы? Выводомъ изъ всѣхъ этихъ предпосылокъ явился театръ, въ которомъ сцена-«ящикъ», сцена-«ниша» съ ея реализмомъ была упразднена. Дѣйствующія лица являлись «въ рельефѣ».—Конечно,—продолжаетъ авторъ,— идея имѣетъ свои неудобства, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ легко устранимы. Театръ «рельефъ» только первая попытка; это —лишь смѣлое исканіе; но, несомнѣнно, думаетъ Амундсенъ, Künstlertheater указываетъ, гдѣ будетъ найдено разрѣшеніе проблемы. Принципы Künstlertheater блестяще примѣнены въ 1909 году въ дрезденскомъ Residenztheater проф. Шумахеромъ. Однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и геніальныхъ искателей въ области театра является теперь Максъ Рейнгардтъ, — говоритъ Зигфридъ Якобсонъ въ книгѣ «Max Reinhardt».

Величайшая ошибка будетъ сдѣлана, если мы въ Рейнгардтѣ увидимъ реалиста и продолжателя мейнингенскихъ традицій. Проблема театра, по мнѣнію Рейнгардта, - говоритъ Якобсонъ,—заключается въ томъ, чтобы *найти точный стиль*, соотвѣтствующій каждой отдѣльной драмѣ, и поставить ее сообразно съ этимъ на сценѣ.

Такимъ образомъ, классическая драма должна быть поставлена классически, символическая-символически, а современная реалистическая драма—со всѣми мельчайшими реалистическими подробностями.

Вотъ что сообщили мнѣ объ «исканіяхъ» въ области театра четыре спеціалиста. Вы видите, что громкія слова «современныя проблемы» и «исканія» сводятся къ реформѣ театральной техники.

Я былъ на первомъ представленіи «Чуда» и внимательно прочиталъ все то, что писалось о мистеріи. И мнѣ кажется, что дѣло обстоитъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ изображаетъ Амундсенъ или Якобсонъ.

Передъ нами не «исканіе» какой-то новой техники въ области сцены, а завершеніе цѣлаго историческаго цикла, пройденнаго театромъ *и храмомъ* въ Англіи, цѣлый кругооборотъ. Я постараюсь намѣтить этотъ кругооборотъ, имѣющій, какъ мнѣ кажется, самое серьезное соціологическое значеніе. Но предварительно надо сказать, что такое «Чудо». Это — мистерія безъ словъ, т. е. возвращеніе къ первобытнымъ *дѣйствамъ*, происходившимъ въ церквахъ Англіи. Пьеса поставлена въ *Олимпіи*. Это—не театръ, а колоссальное зданіе, выстроенное изъ стекла, желѣза и камня и приспособленное для выставокъ. Формой оно напоминаетъ манежъ, но надо соединить десять громадныхъ манежей, чтобы получить нѣкоторое представленіе о размѣрахъ *Олимпіи*. Теперь зданіе внутри превращено въ громадный соборъ по типу Кельнскаго. Зрители сидятъ вдоль сѣверной и южной стѣнъ. Западная стѣна—входная дверь; восточная—колоссальныя створчатыя двери, черезъ которыя виденъ горный пейзажъ,—громадныя сосны и деревня. Сценой является внутренность собора.

Сценарій мистеріи удивительно напоминаетъ въ одномъ мѣстѣ «Сестру Беатрису» Метерлинка. Въ соборѣ полумракъ. Смутно виднѣется пьедесталъ съ Мадонной на немъ. Слышенъ перезвонъ церковныхъ колоколовъ («настоящихъ»). Доносятся голоса священниковъ, читающихъ латинскія молитвы. И *Олимпія* такъ велика, что впечатлѣніе такое, будто вы дѣйствительно зашли въ соборъ и слышите вдали голоса. Затѣмъ свѣтлѣетъ. Цѣлая система разноцвѣтныхъ электрическихъ фонарей производитъ удивительные свѣтовые эффекты на разноцвѣтномъ бархатѣ и на парчѣ статуи Мадонны. Церковь наполняется монахинями. Затѣмъ раскрываются громадныя двери, и видна гора, залитая толпой молящихся. Въ церковь входятъ священники, дьяконы и служки съ крестами, хоругвями и парчевыми балдахинами, и начинается служба. Мощные звуки громаднаго органа наполняютъ соборъ. Молящіеся одѣты въ платья XIV вѣка. Вотъ идутъ зажиточные горожане въ длинныхъ кафтанахъ, обшитыхъ мѣхомъ, цеховые, крестьяне, а за ними «калики перехожіе», хромые, слѣпцы, страдающіе пляской св. Витта, разслабленные, дряхлые старцы. На носилкахъ вносятъ

больныхъ, такъ какъ Мадонна славится чудесами. И сегодня происходитъ чудо. Къ концу службы вдругъ одинъ разслабленный поднимается съ носилокъ; его поддерживаютъ сперва, но потомъ онъ самъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ. Его распухшія ноги, обмотанныя тряпками, отвыкли ходить; но вотъ онѣ крѣпнутъ. Разслабленный подходитъ къ Мадоннѣ и падаетъ на колѣни, и изъ груди 2000 человѣкъ вырывается одинъ крикъ: совершилось чудо! Затѣмъ служба кончается, и соборъ пустѣетъ. Это все «запѣвъ», а пѣсня будетъ впереди.

Въ соборѣ остается одна молодая монахиня, которой настоятельница поручила запереть громадныя двери; но молодая монахиня заглядѣлась на пляшущихъ на горѣ и заслушалась музыки. У дверей собора пляшутъ дѣти; монахиня сама начинаетъ плясать, и это подсматриваетъ «шпильманъ», таинственное лицо, напоминающее не то судьбу, не то дьявола, не то смерть на знаменитыхъ рисункахъ Ганса Гольбейна Encomium Moriae. На роль шпильмана выписанъ изъ Вѣны извѣстный актеръ Палленбергъ, вѣроятно потому, что умѣетъ хохотать какимъ то особымъ «сатанинскимъ» образомъ. Замѣтивъ пляшущую монахиню, шпильманъ приводитъ къ дверямъ собора рыцаря. Надо замѣтить, что, такъ какъ доспѣхи на немъ настоящіе, то пришлось для этой роли спеціально искать очень большого и очень сильнаго человѣка. Рыцарь въ полномъ вооруженіи, стоящій у дверей собора, — удивительно красивая картина. Монахиня заглядѣлась на рыцаря; но тутъ входитъ настоятельница. Она замѣчаетъ открытыя двери, запираетъ ихъ и за ослушаніе велитъ молодой монахинѣ простоять всю ночь на колѣняхъ передъ Мадонной. Двери заперты. Молодая монахиня одна; но вотъ доносятся дьявольскій хохотъ шпильмана и звуки его свирѣли; раздается стукъ въ двери. Монахиня пробуетъ ихъ открыть, но ключи унесены. Она въ отчаяніи, а стукъ все раздается. Монахиня подбѣгаетъ къ Мадоннѣ и молитъ о чудѣ: пусть она откроетъ двери. И, когда чуда не происходитъ, монахиня въ бѣшенствѣ вырываетъ младенца у Мадонны и швыряетъ на полъ, но младенецъ, какъ огненный снопъ, исчезаетъ въ воздухѣ. Мадонна простираетъ руки. Двери раскрываются, и входитъ рыцарь. Монахиня снимаетъ клобукъ, кладетъ его у ногъ Мадонны и убѣгаетъ съ рыцаремъ. Свершается новое чудо: Мадонна спускается съ пьедестала, снимаетъ корону и парчевую ризу, надѣваетъ клобукъ и становится неподвижно, вся залитая свѣтомъ. Вошедшая настоятельница съ ужасомъ зоветъ монахинь. Мадонна исчезла. Вѣсть передается за стѣны собора, который наполняется испуганными прихожанами. Затѣмъ всѣ набрасываются на стоящую неподвижно Мадонну, принимая ее за монахиню; ее хотятъ бить; но Мадонна поднимается въ воздухъ и снова опускается. Всѣ тогда понимаютъ, кто она, и падаютъ на колѣни. Кончается «вступленіе» мистеріи и начинается «интермеццо»:

приключенія бѣглой монахини за стѣнами монастыря. Ее захватываетъ рыцарь-разбойникъ, у котораго ее потомъ отнимаетъ принцъ. Принца убиваетъ его отецъ-король,—котораго любовницей она становится. Потомъ бѣглая монахиня попадаетъ въ руки инквизиціи и освобождается народнымъ возстаніемъ. Затѣмъ монахиня становится одной изъ проститутокъ, слѣдующихъ за арміей. И всюду монахиню сопровождаетъ таинственный шпильманъ, подъ видомъ то шута, то предсѣдателя суда, то сводни-старухи. Постановка мистеріи—изумительная: ничего подобнаго по грандіозности, по исторической вѣрности и по красотѣ ни одинъ театръ никогда, конечно, не видалъ.

И вотъ заключительная сцена. Мы опять въ соборѣ, гдѣ чудесная монахиня одна. Она снимаетъ клобукъ, надѣваетъ корону, парчевую ризу и садится на пьедесталъ. Она снова Мадонна. И тутъ раскрывается дверь. Вѣтеръ и снѣгъ загоняютъ въ соборъ бѣглую монахиню, въ лохмотьяхъ и босую, съ мертвымъ младенцемъ на рукахъ, котораго она кладетъ у ногъ Мадонны. За стѣнами собора раздается сатанинскій хохотъ шпильмана, слыша который бѣглая монахиня падаетъ безъ чувствъ у статуи. Мадонна наклоняется и беретъ младенца на руки. Соборъ наполняется. Монахини спѣшатъ сообщить о новомъ чудѣ, о возвращеніи Мадонны.

«Интермеццо» кончено. Соборъ опять пустъ. Бѣглая монахиня поднимается съ пола. Теперь на ней уже не лохмотья, а снова клобукъ. Она убираетъ церковь и открываетъ громадныя двери. Все, что здѣсь разсказано, молодая монахиня видѣла во снѣ. О томъ, что дѣйствіе—сонъ, долженъ напоминать зрителю перезвонъ колоколовъ, который все время слышенъ, покуда продолжается «интермеццо». Если говорить о *техникѣ*, то двухъ мнѣній о «Чудѣ» быть не можетъ. Такой постановки никогда еще не бывало. Въ «Чудѣ» виденъ поразительно смѣлый размахъ удивительно талантливаго режиссера, располагающаго громадными средствами и имѣющаго въ распоряженіи первоклассныхъ артистовъ. Но когда рѣчь заходитъ о пьесѣ, какъ о *художественномъ исканіи*, мнѣ невольно припоминаются слова Л. Н. Толстого: «художественное впечатлѣніе, т. е. зараженіе, получается только тогда, когда авторъ самъ по своему испыталъ какое-либо чувство и передаетъ его, а не тогда, когда онъ передаетъ чужое, переданное ему чувство. Этого рода *поэзія отъ поэзіи* не можетъ заражать людей, а только даетъ подобіе произведенія искусства, и то только для людей съ извращеннымъ эстетическимъ вкусомъ» *). Соборъ, поставленный великимъ зодчимъ, заражаетъ религіознымъ настроеніемъ даже раціоналиста, потому что зодчій глубоко вѣрилъ. Средневѣковая наивная легенда о чудѣ вызываетъ слезы у невѣрую-

*) „Что такое искусство“.

щаго, потому что опять-таки его заражаетъ глубокое религіозное чувство автора. Талантливый и образованный человѣкъ теперь можетъ легко поддѣлать *форму* средневѣковой легенды, но не въ состояніи поддѣлать наивную *вѣру*, которой у культурнаго человѣка XX вѣка быть не можетъ. Вотъ почему «стилизованная» легенда, несмотря на все искусство поддѣлки, не будетъ заражать, а безъ зараженія не можетъ быть искусства. Дѣйствительно вѣрующій человѣкъ не превратилъ бы теперь религію въ театральное зрѣлище. Сценарій «Чуда» написанъ, а мистерія поставлена людьми чрезвычайно талантливыми и образованными, но, конечно, у нихъ нѣтъ наивной вѣры. Вотъ почему «Чудо» поражаетъ наши глаза, но «настроенія» оно не даетъ никакого.

II.

А между тѣмъ мистерія, поставленная въ *Олимпіи*, пріобрѣтаетъ сразу громадный и глубокій смыслъ, если мы взглянемъ на нее, какъ на заключительный моментъ великаго круговорота. Передъ нами символъ смерти двухъ союзниковъ, ставшихъ впослѣдствіи непримиримыми врагами, символъ, о которомъ, конечно, меньше всего думалъ Рейнгардтъ или Карлъ Фолльмеллеръ.

Извѣстно, что въ моментъ своего зарожденія драма была тѣсно связана съ вѣрой. Интенсивное религіозное чувство создало драматическое дѣйствіе. Колыбелью Мельпомены во всѣхъ странахъ былъ храмъ. Я не буду совершенно касаться здѣсь античнаго театра, такъ какъ мнѣ необходимы только два-три момента изъ исторіи англійской драмы. Наиболѣе сильно вѣрующіе христіанскіе народы въ Европѣ имѣли раньше всего національную драму, въ которой религіозный и бытовой элементъ были такъ тѣсно спаяны, что приводили въ изумленіе много вѣковъ спустя энциклопедистовъ. «До сравнительно недавняго времени Autos sacramentales (родъ мистерій) ставились еще въ Мадридѣ,—пишетъ Вольтеръ.—Кальдеронъ написалъ болѣе двухсотъ подобныхъ представленій.—У меня передъ глазами, продолжаетъ Вольтеръ,—одна изъ подобныхъ пьесъ, напечатанная въ Вальядолидѣ и называющаяся «Devocion de la missa». Въ ней участвуютъ мусульманскій король Кордовы, ангелъ, непотребная женщина, два солдата шута и дьяволъ. Одинъ изъ шутовъ, Паскаль Вивасъ, влюбленъ въ Аминту, причемъ соперникомъ имѣетъ магометанскаго солдата Леліо. Дьяволъ и Леліо хотятъ убить Виваса и увѣрены, что отправятъ его прямо въ адъ, такъ какъ солдатъ только что совершилъ смертный грѣхъ. Но Паскаль Вивасъ поручаетъ священнику тутъ же служить мессу, и дьяволъ теряетъ всякую силу надъ солдатомъ. Въ то время, какъ служатъ мессу, начинается сраженіе. И дьяволъ пораженъ, когда видитъ солдата одновременно и въ битвѣ, и у алтаря. Чортъ

хорошо знаетъ, что «тѣло не можетъ быть одновременно въ двухъ мѣстахъ», но ему не вѣдомо, что подъ видомъ Паскаля, покуда этотъ молится, сражается ангелъ. Король Кордовскій, конечно, разбитъ на голову; Паскаль женится на своей непотребницѣ, и пьеса кончается восхваленіемъ массъ» *). Философъ раціоналистическаго вѣка совершенно не въ состояніи былъ понять наивную вѣру Autos sacramentales, но, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ нѣсколько глубокихъ замѣчаній. «Кто повѣрилъ бы, что въ этой пропасти безвкусныхъ грубостей время отъ времени мы находимъ геніальныя черты, и, кромѣ того, театральную трескотню (fracas de théâtre), которая можетъ позабавить и даже заинтересовать,—говоритъ Вольтеръ.—Быть можетъ, нѣкоторыя изъ этихъ варварскихъ пьесъ (т. е. Autos sacramentales, ставившихся въ церкви) не слишкомъ отдалены отъ произведеній Эсхила, въ которыхъ греческая религія *игралась* на сценѣ, какъ впослѣдствіи въ Испаніи—христіанская. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, какъ не Auto sacramentale, приковываніе Прометея Вулканомъ къ скалѣ, причемъ Сила и Доблесть служатъ помощниками? И если авторы испанскихъ мистерій вывели на сцену (въ церкви) дьявола, то Эсхилъ сдѣлалъ тоже самое для фурій. Если Паскаль Вивасъ слушаетъ мессу, то развѣ въ *Эвменидахъ* старая жрица не правитъ священную службу»? **)

Въ Англіи, какъ и въ Испаніи, сильное религіозное чувство породило сперва мимическую драму, затѣмъ явились діалоги. Въ Англіи, какъ и въ Испаніи, церковь и театръ представляли собою вначалѣ сіамскихъ близнецовъ, повидимому, нераздѣльно соединенныхъ. Какъ и въ Испаніи, въ Англіи первоначальная форма драматическихъ представленій пережила три фазиса. «Въ исторіи средневѣковой мистеріи,—говоритъ проф. Стороженко,—можно различить три періода, три послѣдовательныхъ фазиса развитія: въ начальномъ періодѣ, обнимающемъ приблизительно X и XI вѣка, мистерія еще не имѣла характера самостоятельнаго представленія; составляя только часть праздничной литургіи, она даже не игралась, а пѣлась на латинскомъ языкѣ. Мѣстомъ ея представленія была церковь, а авторами и исполнителями лица духовнаго сана и ихъ причты. Сюжеты ея вращались около трехъ великихъ моментовъ евангельской исторіи—Рожденія, Смерти и Воскресенія Спасителя... Съ теченіемъ времени область мистеріальныхъ сюжетовъ значительно расширилась: вошло въ обычай драматизировать не только событія Новаго Завѣта, но Ветхаго и житій святыхъ; сообразно этому допускалось больше свободы въ обращеніи съ сюжетами. Авторы литургическихъ мистерій строго держались текста св. писанія и позволяли себѣ только перефразировать его, оттого литургическая мистерія имѣетъ по большей части чисто-

*) «Oeuvres complètes de Voltaire», vol. VII, p. 176 (Изд. 1874).
**) Ib.

эпическій характеръ. Но мало по малу искусство проникаетъ и въ эту заповѣдную область: то тамъ, то здѣсь авторы позволяютъ себѣ вставлять въ рѣчи дѣйствующихъ лицъ слова, которыя хотя и не находятся въ св. писаніи, но находятся въ соотвѣтствіи съ ихъ традиціоннымъ характеромъ; появляется стремленіе заглянуть въ душу дѣйствующихъ лицъ, оттѣнить индивидуальности; еще нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи—и грубые задатки религіозной драмы вырабатываются въ форму болѣе художественную, хотя еще кой-гдѣ носящую на себѣ ясные слѣды своего первоначальнаго литургическаго происхожденія» *).

Тогда вѣра была сильна, и драматическія произведенія, навѣянныя ею, несмотря на наивность, производятъ сильное впечатлѣніе. Отъ того времени до насъ дошли поразительныя по глубинѣ чувства мистеріи, переизданныя въ Англіи много разъ **). Вотъ, напр., схематическая жизнь человѣка «Everyman», идущая до сихъ поръ въ провинціальныхъ театрахъ во время страстной недѣли. Въ началѣ мистеріи является «Вѣстникъ», объясняющій значеніе ея.

«Прошу васъ всѣхъ прослушать съ благоговѣніемъ эту вещь, по формѣ моральную пьесу,—названіе которой *Призывъ смертнаго*,—показывающую нашу жизнь и смерть, и какъ мимолетны наши дни».

Дальше Вѣстникъ объясняетъ, что блага міра, наполняющія жизнь человѣка,—дымъ, если вспомнить о смерти.

«Здѣсь вы увидите, какъ *Дружба*, *Веселье*, *Сила*, *Наслажденіе* и *Красота* поблекнутъ, какъ майскій цвѣтъ. Ибо вы услышите, какъ небесный царь призываетъ смертнаго на судъ передъ своимъ лицомъ. Внимайте всему, что Онъ скажетъ». И зрители, явившіеся въ церковь, чтобы молиться и чтобы видѣть мистерію, конечно слушали, обливаясь холоднымъ потомъ, съ сокрушеніемъ твердя про себя слова страшнаго гимна:

„Quid sum miser tunc dicturus,
Quem patronum rogaturus,
Cum vix justus sit securus"?

(«Что скажу я Верховному судьѣ? Кто мнѣ подастъ помощь, когда даже праведникъ будетъ трепетать за себя»?)

А на подмосткахъ, поставленныхъ среди церкви, наполненной грознымъ рокотомъ органа, *Смерть* декламировала: «Я вижу тамъ *Смертнаго*. Какъ мало думаетъ онъ теперь обо мнѣ! Его мысль занята чувственными наслажденіями и земными богатствами. *Смертный*, остановись! Куда ты идешь такъ весело? Иль ты забылъ про своего Творца?»

---

*) *Проф. Н. Стороженко*, „Предшественники Шекспира". Т. I, стр. 12—13.

**) У меня подъ руками сборникъ „Old Religious Plays", изданный Дентомъ.

— Я не готовъ еще!—бормочетъ въ страхѣ *Смертный*.—Я не знаю тебя. Кто ты?

— Я—*Смерть*. По Божьему велѣнію мнѣ повинуются всѣ».

Плачъ и стонъ наполняли тогда зрительный залъ, т. е. церковь.

Глубокой вѣрой проникнуты также пьесы второго періода, о которомъ говоритъ проф. Стороженко, т. е. того времени, когда въ литургическую мистерію вторгается психологическій и бытовой элементъ. Вотъ, напр., мистерія «Потопъ», также помѣщенная въ сборникѣ «Old Religious Plays». Въ началѣ ея Богъ говоритъ, что долготерпѣнію его пришелъ конецъ.

— Я, Богъ, создавшій небеса и землю изъ ничего, вижу, что народъ мой дѣлами и помышленіями погрязъ въ грѣхахъ. Духъ мой не будетъ пребывать больше въ человѣкѣ, который отнынѣ мой врагъ, хотя и подобенъ мнѣ лицомъ... Я разрушу все, что создалъ: звѣрей, червей, птицъ, ибо мнѣ досаждаетъ все живое, что копошится на землѣ.—Въ тотъ вѣкъ наивной вѣры зрители, слушая въ церкви-театрѣ эти слова, только трепетали и не задавались вопросами, поставленными скептиками XVIII вѣка: «Могъ ли Богъ предупредить зло, но не желалъ?.. Желалъ ли онъ это сдѣлать, но не могъ?.. Если онъ желалъ и могъ предупредить зло, то почему же Онъ истребилъ тогда все живое»? «Я не понимаю, зачѣмъ Господь создалъ человѣческій родъ, чтобы утопить его и замѣнить его потомъ родомъ, еще болѣе злымъ и испорченнымъ!» *),—такъ восклицаетъ деистъ XVIII-го вѣка. Скептическая мысль людей XII-го и XIII-го вѣковъ коснулась не библейскаго разсказа, а только деталей его. Только народъ, никогда не видавшій моря и, быть можетъ, никакой другой воды, кромѣ ручьевъ, могъ придумать ковчегъ, какъ онъ описанъ въ Библіи. Наивные авторы мистеріи были англичане, хорошо понимавшіе, что во время потопа волны, конечно, были не меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ Атлантическомъ океанѣ въ осеннія бури. А если такъ, то въ плоскодонной баркѣ, ничѣмъ не оснащенной, нельзя было бы плавать. Ковчегъ опрокинуло бы первой волной. И вотъ въ мистеріи мы имѣемъ сцену построенія ковчега. Ной прилаживаетъ бушпритъ, ставитъ мачты, прикрѣпляетъ реи и выбленки, а жены патріарха, Сима и Яфета кроятъ и шьютъ паруса. И когда ковчегъ оснащенъ, Ной разсуждаетъ, какъ здравомыслящій англійскій рыбакъ:

„With topmast high and bowsprit.
With cords and ropes, I hold all fit
To sail forth at the next weete“.

(Имѣя гротъ-мачту, бушпритъ и снасти, я готовъ поднять паруса съ отливомъ).

*) *Voltaire*, «Dictionnaire Philosophique».

Или вотъ мистерія, проникнутая такой глубокой и наивной вѣрой, что она волнуетъ и раціоналиста XX вѣка. Называется она «Марія Магдалина и апостолы» *). Бытовой элементъ, тѣмъ не менѣе, вторгается съ самаго начала.

Марія Магдалина. Слушайте, апостолы! Іисусъ всталъ изъ гроба. Я видѣла его сама. Я говорила съ нимъ и осмотрѣла его язвы. Какая жалость видѣть ихъ, но онѣ принесли міру исцѣленіе!

Ѳома. Молчи, жена! Не ври сказокъ, а говори правду. Молю тебя о томъ. Ни за что не повѣрю, чтобы Христосъ, котораго распяли у меня на глазахъ, воскресъ бы. Не трать словъ, потому я вракъ не люблю. Господь нашъ умеръ. Увы! я знаю правду!

И когда Марія Магдалина всетаки стоитъ на своемъ, Ѳома грозитъ ей:

„If thou mock, I will break thy head".

(«Если ты будешь смѣяться надъ нами, я тебѣ голову разобью»). Кромѣ глубокой вѣры, надо отмѣтить еще своеобразный реализмъ. И тогда были Рейнгардты, не останавливавшіеся ни передъ чѣмъ. «Въ своей благочестивой наивности они скорѣе готовы были вывести на сцену Адама и Еву въ ихъ первобытной наготѣ, или заставить св. Анну разрѣшиться отъ бремени въ присутствіи всей публики, чѣмъ отступить отъ буквы библейскаго или новозавѣтнаго апокриѳическаго сказанія» (Н. Стороженко).

Наступаетъ наконецъ третій періодъ развитія средневѣковой мистеріи (XIV—XVI вѣкъ). Она окончательно порываетъ всякую связь съ богослуженіемъ. Дѣйствіе ея переносится на площадь, улицу, ярмарку, а завѣдываніе ея постановкой мало-по-малу переходитъ изъ рукъ духовенства въ руки свѣтскимъ любителей (Trading companies въ Англіи, gremios въ Испаніи). Оставаясь религіозной по своему сюжету,—говоритъ проф. Стороженко,—мистерія тѣмъ не менѣе ежеминутно приноситъ въ жертву возвышенный интересъ религіознаго назиданія интересамъ чисто мірского свойства, примѣняется къ измѣнчивому вкусу разнокалиберной публики, допускаетъ комическіе эпизоды и скандальныя сцены и торжественно проклинается церковью».

III.

Итакъ союзъ храма съ театромъ, продолжавшійся почти пять вѣковъ, распался. Какъ монахиня въ мистеріи «Чудо», театръ ушелъ изъ церкви своимъ путемъ и испыталъ безчисленныя приключенія. Недавніе союзники стали непримиримыми врагами. Храмъ проклялъ театръ и служителей его, какъ слугъ и приспѣшниковъ сатанинскихъ. Театръ отвѣтилъ тѣмъ, что прославлялъ и выставлялъ въ

*) Сборникъ „Old Religious Plays". p. p. 139—146.

соблазнительномъ свѣтѣ все то, что приводило церковь въ ужасъ: плотскую любовь, наслажденіе жизнью, радость. Церковь считала страсти великимъ грѣхомъ, а театръ выставлялъ ихъ какъ то, для чего только и стоитъ жить. Церковь отлучала Мольера и Адріанну Лекуврёръ. Театръ подрывалъ авторитетъ своего бывшаго союзника и, при каждой возможности, становился открытымъ врагомъ. Каждый изъ союзниковъ-враговъ на новомъ пути достигъ необыкновеннаго блеска, развитія и вліянія. Я не собираюсь, конечно, описывать судьбы союзниковъ-враговъ въ теченіе трехъ вѣковъ. Мы перенесемся поэтому сразу въ XX вѣкъ, причемъ ограничимся только Англіей.

Мы видимъ обоихъ союзниковъ-враговъ одряхлѣвшими, потерявшими вліяніе и растерявшими силы по дорогѣ; но въ то же время окруженными блескомъ. На первый взглядъ положеніе ихъ кажется необыкновенно прочнымъ. На континентѣ теперь общее мѣсто, что церковь и вѣра въ Англіи стоятъ крѣпко, какъ скала. Это принимается за доказанное, а незыблемостью вѣры въ Англіи объясняется даже прочность ея политическихъ учрежденій. Но чуть только мы попробуемъ провѣрить ходячій тезисъ, какъ натолкнемся на нѣчто неожиданное. Всѣ изслѣдователи современной Англіи констатируютъ, что вѣра идетъ стремительно на убыль, и что церковь здѣсь совершенно одряхлѣла. Недавно большое впечатлѣніе въ Англіи произвели очерки изъ народной жизни Стифена Рейнольдса «A Poor Man's House». Въ одномъ изъ этихъ очерковъ фигурируетъ патріархъ рыбакъ Тони. «Религія,— говоритъ онъ,—дѣло не наше, а поповское. Попамъ за это деньги платятъ». Религія, по мнѣнію Тони, можетъ интересовать также людей, избравшихъ ее себѣ, какъ «hobby». Послѣдніе именно засыпаютъ рыбачьи деревни душеспасительными брошюрами, «начиненными адскимъ огнемъ». «Какое намъ дѣло до всего этого?— говоритъ скептикъ Тони?—Я знаю только, что черезъ столько-то лѣтъ буду лежать, оскаливъ зубы, подъ дерномъ». Но очерки Рейнольдса, несмотря на всю ихъ талантливость, вѣдь только беллетристика. Намъ надобны болѣе серьезные авторитеты, чѣмъ Тони, для доказательства, что вѣра стремительно идетъ на убыль. Еще въ 1830 году Уильфредъ Уордъ находилъ самой характерной чертой нашего времени то, что церковь въ Англіи находится на смертномъ одрѣ. «Никакая человѣческая сила,—писалъ 35 лѣтъ спустя Мэтью Арнольдъ,—не можетъ спасти теперь государственную церковь въ Англіи».

«Религія, какъ откровеніе или какъ концепція о жизни, зависящей отъ сверхъестественной санкціи, несомнѣнно постепенно исчезаетъ теперь,—констатируетъ извѣстный коммонеръ (членъ министерства) и публицистъ Мастермэнъ въ своей книгѣ, выдержавшей съ 1909 года четыре изданія.—Терпимость къ чужому мнѣнію, любовь къ ближнимъ, симпатія и цивилизація возрастаютъ

и крѣпнутъ. Постепенно ослабѣваетъ у англичанъ убѣжденiе, что они отвѣтственны еще передъ кѣмъ-нибудь, кромѣ какъ передъ собою и человѣчествомъ. Такимъ образомъ, жизнь современнаго англичанина все менѣе и менѣе становится проникнутой соображенiями о жизни «по ту сторону». Массы не хотятъ терпѣть страданiй на землѣ въ разсчетѣ, что за это онѣ получатъ награду на томъ свѣтѣ». Ослабленiе вѣры не только не повело къ «одичанiю» большихъ англiйскихъ городовъ, а, напротивъ, теперь нравы тамъ несомнѣнно лучше и чище, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ,—говоритъ Мастермэнъ,—массы въ англiйскихъ городахъ жили и умирали, какъ звѣри; но только немногiе рѣшились бы тогда отрицать существованiе Создателя или отнестись критически къ загробной жизни. «Атеистъ» тогда былъ такъ же непопуляренъ, какъ «республиканецъ». Толпу тогда такъ же легко было подбить на разгромъ дома «унитарiанца» *), какъ на бунтъ противъ «папистовъ». Теперь церковь ничего подобнаго сдѣлать уже не въ силахъ. А между тѣмъ теперь церковь напрягаетъ всѣ усилiя, чтобы имѣть какое-нибудь влiянiе на жизнь народа. Гуманитарная и соцiальная работа церкви оцѣнена, но религiозная проповѣдь почти равна нулю. Церкви въ этомъ отношенiи приходится бороться не съ враждебнымъ отношенiемъ, а съ полнымъ индифферентизмомъ. Прежде церковь могла утверждать, что ослабленiе вѣры равносильно гибели общества; но массы видятъ, что общество крѣпнетъ только съ теченiемъ времени. Теперь всюду все ослабѣваетъ возможность появленiя «ривайвалиста»—проповѣдника, т. е. новаго Уэсли или Уайтфильда, которые пробудили бы въ городскомъ населенiи страхъ передъ адскимъ огнемъ и вызвали бы стремленiе взыскать «небесный градъ» **).

Недавно Чарльзъ Бузсъ, авторъ капитальнаго изслѣдованiя о трудящемся населенiи Лондона, произвелъ анкету для выясненiя вопроса, насколько усердно лондонцы посѣщаютъ церкви. Результаты съ точки зрѣнiя религiи получились самые плачевные. «Религiя въ этомъ округѣ (Попларъ), такъ сказать, распалась на куски,—констатируетъ одинъ изъ изслѣдователей (Доллингъ).— Богъ не занимаетъ нашихъ мыслей. Мы даже не страшимся его. Смерть мы встрѣчаемъ спокойно, потому что намъ нечего оставлять

*) Рацiоналистическая секта. Я беру изъ Церковнаго Ежегодника (Year Book of the Churches) нѣсколько строкъ. „Унитарiанцы не вѣрятъ ни въ Троицу, ни въ божественность Христа, ни въ Библiю, какъ боговдохновенную книгу, ни въ загробную жизнь, ни въ другiе ортодоксальные догматы. Они вѣрятъ, что Богъ единъ, и что человѣчество—братская семья. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ богословiе и религiя унитарiанцевъ". (p. 205). Изъ того же ежегодника мы узнаемъ, что въ Англiи теперь 290, въ Ирландiи 35, а въ Шотландiи 6 унитарiанскихъ церквей. Къ „унитарiанцамъ" принадлежитъ, между прочимъ, Джозефъ Чемберлэнъ.

**) *C. F. G. Masterman*, «The Condition of England», изд. 1911 года, стр. 218—220.

и нечего чаять въ будущемъ. Небеса не привлекаютъ насъ, потому что мы были бы тамъ не у мѣста, а «адъ потерялъ всѣ свои ужасы». Наиболѣе усердными посѣтителями церквей въ Англіи являются, какъ извѣстно, средніе классы. Но каждый наблюдатель знаетъ, что тутъ глубокая вѣра не причемъ: въ церковь ходятъ, потому что это «фешіонебельно», потому что «всѣ» такъ дѣлаютъ, потому что надо, наконецъ, чѣмъ нибудь наполнить время въ воскресенье между сытнымъ завтракомъ и еще болѣе сытнымъ обѣдомъ! «Смыслъ исчезъ изъ фразъ, которыя еще твердятся,—говоритъ изслѣдователь.—Церковь знаетъ только отливъ. Сознаніе, что люди братья, несомнѣнно крѣпнетъ въ Англіи; крѣпнетъ также сознаніе обществомъ своей отвѣтственности передъ индивидуумомъ; но всѣ эти теченія идутъ мимо церкви. И вотъ мы видимъ, какъ церкви въ Англіи, сознавая это, занимаются или стремятся заняться выработкой соціальныхъ и гуманитарныхъ реформъ. По прежнему шумно воюютъ между собою разныя секты, но это не отъ избытка жизненныхъ силъ, а для того, чтобы увѣрить *себя*, что онѣ еще не умерли. Всѣми силами церкви заманиваютъ подростковъ (игрою въ солдатики, напр.); но съ теченіемъ времени и подростки ослабѣваютъ» *). «Подавляющее большинство населенія Англіи, повидимому, не желаетъ больше принимать понятія о грѣхѣ, на избавленіи отъ котораго (грѣха) построена религія»,—говоритъ Чарльзъ Бузсъ въ своемъ изслѣдованіи о религіозности Лондонцевъ. «Большинство сознательно вычеркнуло религію изъ своего обихода и не любитъ даже, когда напоминаютъ о ней»,—показываетъ одинъ изъ священниковъ, опрошенныхъ Чарльзомъ Бузсомъ. «Церкви всѣхъ сектъ пустуютъ въ Англіи»,—читаемъ мы въ видѣ вѣчнаго припѣва почти на каждой страницѣ изслѣдованія. «Массы совершенно индифферентны къ религіи». «Если бѣдняки ходятъ въ церковь, то только потому, что ихъ заманиваютъ туда взяткой» **).

---

*) „The Condition of England", p. 222.

**) Англійскіе священники прибѣгаютъ иногда къ крайне своеобразнымъ пріемамъ, чтобы имѣть кого нибудь въ церкви. Клэрджимэнъ уподобляется рыболову, знающему, какую наживу наладить для ерша, для окуня и для щуки. Подростковъ заманиваютъ тѣмъ, что послѣ службы имъ раздаютъ солдатскіе мундиры и ружья. Подъ звуки барабановъ и подъ свистъ дудокъ клэрджимэнъ маршируетъ потомъ со своей «boys brigade» по улицамъ. Юношей и дѣвушекъ стараются соблазнить, чтобы они пошли въ церковь, концертами и даже... танцовальными вечерами. «Пойте, пляшите, но только предварительно выслушайте проповѣдь»,—какъ бы говоритъ священникъ. На дверяхъ церкви неподалеку отъ моего дома я вижу афишу: «The most pleasant evening» (т. е. «здѣсь можно самымъ интереснымъ образомъ провести вечеръ»). Для заманиванія взрослыхъ рабочихъ опять другая сноровка. Въ полдень, напр., копачи отдыхаютъ и закусываютъ у раскопанныхъ трубъ. Клэрджимэнъ говоритъ копачамъ: «На улицѣ дождь и холодно. Зачѣмъ вамъ полдничать подъ открытымъ небомъ? Я вамъ открою церковь. Можете явиться туда со всѣмъ имуществомъ. Жуйте ваши тартинки, запи-

Средніе классы въ Англіи всегда являлись главной опорой государственной церкви, но они по выраженію изслѣдователя, «gradually are going back to Paganism (т. е. «постепенно возвращаются къ язычеству»). «Характерная особенность Англіи въ религіозныхъ вопросахъ заключается въ томъ, — говоритъ Мастермэнъ,—что ослабленіе вѣры не обусловливается развитіемъ атеизма. Англія сама не сознаетъ процесса постепеннаго исчезанія культа. И когда какой нибудь классъ отдаетъ себѣ отчетъ, процессъ полнаго охлажденія къ религіи бываетъ уже завершенъ». Англійскіе священники, констатируя этотъ процессъ, пытались объяснить его примитивно. Извѣстный священникъ, докторъ Хортонъ, напр., объясняетъ явленіе увеличеніемъ пьянства среди рабочихъ классовъ и отсутствіемъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ. Для доказательства онъ ссылается на то, что у хорошихъ проповѣдниковъ церкви полны, а пустуютъ только у безталанныхъ священниковъ, не умѣющихъ связать двухъ словъ. Свѣдущіе люди указали Хортону, что дѣло не въ краснорѣчивыхъ клэрджимэнахъ. Есть опредѣленный контингентъ «church goers», т. е. посѣщающихъ церковь. Хорошій проповѣдникъ можетъ *отвлечь* у безталаннаго клэрджимэна этихъ church goers, но онъ не въ состояніи *увеличить* ихъ числа притокомъ извнѣ. Публика вообще абсолютно индифферентна къ тому, кто будетъ проповѣдывать: новый ли Бурдалу, или косноязычный. Талантливый современный англійскій священникъ и романистъ, Силасъ Хоклигъ, объясняетъ упадокъ вліянія церкви тѣмъ, что она вмѣшалась въ имперіализмъ и потворствуетъ войнѣ. Но когда же церковь была противъ войны? Другіе священники пытаются объяснить отмѣченное явленіе тѣмъ, что церковь всегда служила интересамъ класса богатыхъ и сильныхъ людей. Второго февраля опубликовано горячее возваніе епископа Оксфордскаго (доктора Гора), призывающаго церковь стать въ передовыхъ рядахъ борцовъ за соціальныя реформы. Такая дѣятельность церкви, конечно, очень похвальна, но она не можетъ привести назадъ вѣрующихъ по той простой причинѣ, что ту работу, на которую указываетъ епископъ, дѣлаетъ теперь (и неизмѣримо лучше) парламентъ. Религія въ Англіи ослабѣваетъ; но «народилась мораль безъ вѣры, -- говоритъ Мастермэнъ; — мы несомнѣнно констатируемъ наростаніе братской любви, не порожденной страхомъ наказанія или ожиданія награды за гробомъ». «Ядро вопроса заключается въ слѣдующемъ: прогрессъ этики въ Англіи сопровождается упадкомъ религіи. Этотъ процессъ приводилъ въ изумленіе Гладстона еще сорокъ лѣтъ тому назадъ... Призракъ міра, лежащаго

вайте ихъ какао, бесѣдуйте между собою. Я прошу васъ только сидѣть спокойно 20 минутъ, покуда я вамъ скажу проповѣдь». Другой священникъ велитъ открыть церковь въ два часа утра. Бездомные могутъ зайти туда, чтобы прикурнуть на скамьяхъ. За это голытьба должна утромъ терпѣливо выслушать проповѣдь.

«по ту сторону», постепенно блѣднѣетъ». *). Я привожу свидѣтельство не только умнаго, знающаго и талантливаго государственнаго дѣятеля, но и *вѣрующаго*.

Церковь въ Англіи съ середины XIX вѣка дѣлала отчаянныя усилія, чтобы удержать позиціи, штурмуемыя точными знаніями. Сперва церковь пробовала отстаивать всѣ линіи укрѣпленій, какъ онѣ были выведены еще въ XVI и въ XVII вѣкахъ. Всего лишь въ пятидесятыхъ годахъ конклавъ десяти тысячъ священниковъ предалъ проклятію книгу «Essays and Reviews», написанную священникомъ Темпелемъ и содержащую очень сдержанную критику Библіи. Этотъ священникъ впослѣдствіи былъ архіепископомъ Кентерберійскимъ и первосвятителемъ англиканской церкви. Всего только въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка англійскій епископъ Вильберфорсъ имѣлъ смѣлость вызвать на публичный диспутъ Гексли. «Духовный лордъ» (титулъ епископовъ въ Англіи) былъ глубоко убѣжденъ, что онъ отстоитъ не только всѣ догматы, но и традиціи англиканской церкви; Вильберфорсъ заранѣе говорилъ, что «матеріалистъ» будетъ разбитъ на голову. Публичный диспутъ дѣйствительно кончился страшнымъ пораженіемъ, своего рода Цусимой; но не епископу досталась побѣда. Одинъ изъ диспутантовъ, когда противникъ разгромилъ его, не зная, что отвѣтить, отъ волненія упалъ въ обморокъ. И то былъ не Гексли. Тогда англиканская церковь, подобно аэронавту, видящему, что шаръ спускается въ море, выбросила за бортъ страшно много. Какъ дико было бы епископу Вильберфорсу читать теперь разсужденія священниковъ и епископовъ, доказывающихъ, что законъ эволюціи не противорѣчитъ Библіи! Съ какимъ ужасомъ видѣли бы священники, осудившіе въ 1854 году «Essays and Reviews», клэрджимэновъ, внимательно изучающихъ такіе трактаты, какъ «The First Eafter Dawn» (Чарльза Тёрнера Горхэма), являющіеся критическимъ изслѣдованіемъ евангельскихъ показаній о воскресеніи Христа!

Стоитъ раскрыть любую страницу «Церковнаго Ежегодника», чтобъ получить представленіе о тѣхъ отчаянныхъ усиліяхъ, которыя дѣлаетъ въ Англіи церковь для собственнаго спасенія, т. е. примиренія религіи и разума, традиціи и науки.

— Мы поднимаемся?—спрашиваетъ инженеръ въ *L'Ile Mystérieuse*, который такъ владѣлъ нашимъ воображеніемъ въ дѣтствѣ.

— Нѣтъ, падаемъ.

— Бога ради, бросайте все!

— Мы поднимаемся ли?

— Нѣтъ, еще падаемъ.

— Dehors tout ce qui pèse!

(Вонъ все, что имѣетъ малѣйшій вѣсъ).

И несчастные аэронавты, потерпѣвшіе крушеніе въ воздухѣ,

*) «The Condition of England», p.p. 223—226.

обрубаютъ канаты, поддерживающіе корзину. Совершенно аналогичное мы наблюдаемъ въ Англіи. Въ лицѣ передовыхъ теологовъ церковь выбросила за бортъ очень многое и, наконецъ, обрубаетъ канаты «корзины», т. е. разстается съ основными догматами. Я говорю о «New Theology» священника Кэмпбелля. «Относительно божественности Христа, — говоритъ свящ. Кэмпбелль, — New Theology учитъ, что божественность то же самое, что и человѣчность въ высшемъ своемъ проявленіи. Характеръ Іисуса Назарянина есть высшее проявленіе божественнаго человѣческаго въ исторіи. Нѣкоторые изъ послѣдователей New Theology, утверждаютъ, что наши свѣдѣнія о Іисусѣ, какъ историческомъ лицѣ, слишкомъ скудны и недостовѣрны, чтобы мы могли строить на нихъ какіе-нибудь выводы, поэтому смотрятъ на Іисуса изъ Новаго Завѣта скорѣе какъ на символъ божественно-человѣческаго, къ которому родъ людской долженъ стремиться. По мнѣнію «новыхъ теологовъ», надо установить границы между историческимъ Христомъ и между Христомъ нашей вѣры. Это ничуть не умаляетъ моральнаго величія его ученія. Библія—обыкновенная книга, не накладывающая спеціальныхъ обязательствъ на совѣсть... Нѣкоторыя изъ чудесъ, упоминаемыхъ въ Библіи,—только символы, а другія—народныя сказки. Царство Божіе для котораго каждый христіанинъ долженъ работать, на землѣ... Нѣтъ грѣха противъ Бога, который не былъ бы грѣхомъ противъ человѣка» *).

New Theology, выбросившая за бортъ всѣ догматы, приближается къ проповѣдникамъ этическаго ученія, прямо заявившимъ себя «агностиками». Наряду съ New Theology мы видимъ въ Англіи священниковъ, проповѣдующихъ такъ, какъ будто ничто не измѣнилось за сто лѣтъ. Они говорятъ слова, о смыслѣ которыхъ не думаютъ, или, если думаютъ, то не вѣрятъ сами. Передъ нами типичные «повапленные гробы».

Итакъ, церковь и театръ были въ Англіи когда-то тѣсными союзниками, которые потомъ раздѣлились, пошли разными дорогами и стали врагами. Первый союзникъ видѣлъ блестящіе дни; въ его рукахъ была сила; онъ властвовалъ надъ умами; но въ первое десятилѣтіе двадцатаго вѣка мы находимъ его одряхлѣвшимъ, потерявшимъ силу, умирающимъ. На немъ великолѣпныя одежды. Быть можетъ, старикъ никогда не носилъ въ дни юности такихъ дорогихъ нарядовъ. Сильные міра считаютъ полезнымъ давать старику блестящіе наряды, такъ какъ все еще вѣрятъ, что старикъ имѣетъ громадное вліяніе. И платье такъ великолѣпно, что со стороны, съ континента, кажется, будто старикъ мощенъ, а между тѣмъ ноги у него согнулись и дрожатъ...

*) „The Year Book of the Churches“, for 1908, p. p. 49–50.

IV.

Съ теченіемъ вѣковъ сильно одряхлѣлъ другой союзникъ-врагъ, видавшій тоже блестящіе дни. Почему одряхлѣлъ одинъ союзникъ, мы знаемъ. Онъ никакъ не могъ сговориться, несмотря на всѣ попытки, съ разумомъ и съ знаніемъ. Почему одряхлѣлъ другой союзникъ-врагъ? Въ исторіи литературы есть какой то странный законъ, въ силу котораго форма художественнаго произведенія (эпосъ, драма, романъ) зависитъ не отъ каприза автора, а отъ той или другой степени развитія общества. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ національная драма и національный романъ (а также національная церковь) достигли высокаго развитія, т. е. въ Испаніи и въ Англіи, процвѣтаніе драмы и романа находится въ обратной пропорціи. Другими словами, въ тотъ періодъ, когда процвѣтала драма, романъ былъ въ зачаткѣ; когда развился романъ, упала драма. Послѣдняя возрождается въ Англіи и въ Италіи каждый разъ, когда почему либо падаетъ романъ. Прибавлю еще, что расцвѣтъ романа совпадаетъ въ Англіи и въ Испаніи съ періодами интенсивной общественной жизни, а расцвѣтъ драмы—съ упадкомъ ея. Я не стану входить здѣсь въ объясненіе причинъ упадка театра въ Англіи, а констатирую только фактъ, что къ концу перваго десятилѣтія двадцатаго вѣка театръ такъ же совершенно одряхлѣлъ, какъ и его прежній союзникъ, ставшій потомъ врагомъ. И точно такъ же, какъ и церковь, театръ въ Англіи дѣлалъ и дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы помолодѣть. Трудно больной, котораго неминуемо ждетъ смерть, бросается отъ лѣкарства къ лѣкарству. «Быть можетъ, старина, тебя возродитъ реальная драма», — спрашиваетъ современный очень талантливый писатель Джонъ Голсуорзи (Galsworthy) и предлагаетъ цѣлый рядъ пьесъ *The Silver Box*, *Justice*, *Strife* и въ самые послѣдніе дни «фантазію въ трехъ актахъ» *The Pigeon*. Произведенія эти очень талантливы. Они доказываютъ, что талантливый писатель, если непремѣнно захочетъ, можетъ уложить свои мысли въ такую стѣснительную и ограниченную форму, какъ драма. Лукрецій вѣдь нашелъ же возможнымъ изложить философскій трактатъ въ стихахъ! Но единственная попытка не создаетъ *національнаго театра*. Наиболѣе типичной для творчества Голсуорзи является драма *Борьба* (Strife), построенная на столкновеніи капитала и труда во время большой стачки на оловянномъ рудникѣ. Мы имѣемъ тутъ, съ одной стороны, упрямыхъ директоровъ, а съ другой—не менѣе упрямыхъ рабочихъ. Вначалѣ они идутъ за болѣе крайними вождями, а потомъ, когда стачка затягивается, и голодъ забирается въ каждый коттеджъ, выдвигаются умѣренные рабочіе, доказывающіе необходимость какого-нибудь компромисса, хотя бы для этого пришлось оставить товарищей. Я приведу выдержку изъ одной

сцены. Митингъ забастовавшихъ рабочихъ. Старикъ Томасъ, Полоній рудника, доказываетъ, что необходимо принять хозяйскія условія, поторговавшись немного. На платформу взбирается при крикахъ «не пускайте его», представитель крайней партіи, по прозвищу «Джэго».

— Вы кричите: «не пускайте его!» И это—свобода слова! Я не долго буду говорить. Подумайте хорошенько. Зашли вы далеко впередъ, а теперь сразу хотите свернуть въ сторону. Мы всѣ шли вмѣстѣ, а теперь вы хотите раздѣлиться. Мы, машинисты, поддержали васъ, а теперь вы насъ собираетесь бросить на произволъ судьбы. Знай мы заранѣе, что вы за народъ, мы бы палецъ о палецъ не ударили. Вотъ все, что я хочу вамъ сказать, ребята. Вы затѣваете скверное дѣло, чтобы спасти свои шкуры.

Рабочіе склоняются къ мнѣнію Томаса и представителя трэдъ-юніона Харнесса, тоже рекомендующаго умѣренность. Но на платформу поднимается вождь наиболѣе непримиримыхъ, Дэвидъ Робертсъ. Умѣренные кричатъ ему: «Долой!» «Не хотимъ слушать!» Но Робертсу удается наконецъ говорить. «Вы почувствовали теперь голодъ и забыли, изъ-за чего идетъ стачка,—начинаетъ онъ.—Я вамъ это объяснялъ много разъ. Борьба идетъ между тѣломъ и присосавшейся къ нему пьявкой; между тѣми, которые изнашиваютъ себя съ каждымъ ударомъ кирки, и существомъ, жирѣющимъ отъ этого труда. Существо это—капиталъ. Онъ покупаетъ по своей цѣнѣ силу мышцъ и чужую мысль. Развѣ моя мысль не была куплена за семьсотъ фунтовъ *) и развѣ это не принесло компаніи сто тысячъ ф. ст.? Капиталъ беретъ отъ васъ все, что можетъ, и отдаетъ вамъ возможно меньше. Капиталъ говоритъ вамъ: «Мнѣ очень жаль васъ, бѣдняжки. Я знаю, ваше житье плохое». Но онъ не дастъ вамъ шести пенсовъ изъ своихъ дивидендовъ, чтобы вы могли улучшить свое положеніе. Таковъ капиталъ. Вы слышали много теплыхъ словъ. Многіе ли изъ тѣхъ, которые такъ жалѣли рабочихъ, согласятся на увеличеніе подоходнаго налога на одинъ пенсъ? Таковъ капиталъ! Это—блѣднолицое чудовище съ каменнымъ сердцемъ. Слушайте! Стачка тянется долго. Мы страдаемъ; но положеніе компаніи тоже отчаянное. И вотъ теперь, когда она прижата къ стѣнѣ, вы хотите сдаться... Сегодня утромъ я видѣлъ одного изъ директоровъ, мистера Скэнтльбери, присланнаго сюда компаніей. Это—груда мяса; это—боровъ, отъѣвшійся на нашъ счетъ, лѣнивый волъ, который можетъ подняться только тогда, когда его корму грозитъ опасность. Я заглянулъ въ глаза этому борову и усмотрѣлъ тамъ *страхъ*, страхъ за свои дивиденды, за свое жалованье. Страхъ этотъ присущъ теперь всѣмъ директорамъ. Они—какъ дѣти, заблудившіяся ночью въ лѣсу и вздрагивающія при каждомъ шорохѣ.

*) Робертсъ сдѣлалъ изобрѣтеніе.

Слушайте! Уполномочьте мнѣ сказать директору, присланному сюда: «Поѣзжайте назадъ въ Лондонъ. Рабочіе твердо стоятъ на своихъ требованіяхъ» (*Ропотъ*). Дайте мнѣ это право и, клянусь вамъ, черезъ недѣлю вы получите все то, что вы требуете».

Повторяется нѣчто подобное, какъ въ сценѣ на форумѣ въ шекспировской драмѣ. Рабочіе, требовавшіе не задолго до того, чтобы условія, предложенныя хозяевами, были приняты, кричатъ теперь: «браво, браво!» Рѣшено продолжить стачку. Борьба продолжается; но компанія напрягаетъ всѣ усилія. Голодъ начинаетъ свирѣпствовать на рудникѣ, и жертвами его становятся двѣ женщины. И вотъ наконецъ предприниматели соглашаются принять представителей трэдъ-юніона для заключенія мира. «Знаете ли вы—говоритъ секретарь компаніи секретарю трэдъ-юніона,—что условія мира, только что подписанныя, тѣ самыя, которыя мы съ вами выработали до начала стачки? И изъ-за чего тогда всѣ эти ужасы? (голодъ и смерть двухъ женщинъ).

— Въ этомъ весь вопросъ!—сардонически отвѣчаетъ секретарь трэдъ-юніона.—Занавѣсъ падаетъ. Другими словами: трагическая нелѣпость является результатомъ существованія «блѣднолицаго чудовища съ каменнымъ сердцемъ», которому имя Капиталъ. Въ фантазіи въ трехъ актахъ *Голубь*, поставленной надняхъ, Голсуорзси опять развиваетъ мысль, которую можно формулировать словами Шекспира:

„Something is rotten in the state of Denmark“

(есть нѣчто гнилое въ Датскомъ королевствѣ). Современное общество таково, что люди, которые, при другихъ условіяхъ, могли бы быть уважаемыми гражданами, становятся бродягами, непотребными женщинами или пьяницами. Всѣ мѣры, рекомендуемыя теперь для борьбы съ нищенствомъ, бродяжествомъ и преступностью, включительно до частной благотворительности (хотя бы она принимала даже евангельскій характеръ), только слабые палліативы. Такова основная мысль пьесы *Голубь*.

«Нѣтъ, для возрожденія англійскаго театра нужны не реалистическія драмы, поднимающія самые серьезные соціальные вопросы, а совсѣмъ иное»,—говорятъ другіе директоры. И вотъ, мѣсяцъ тому назадъ самый серьезный и образованный изъ англійскихъ актеровъ, сэръ Гербертъ Три, стоящій во главѣ лучшаго лондонскаго театра «His Majesty's», сдѣлалъ неожиданное выступленіе. До сихъ поръ сэръ Гербертъ Три ставитъ при содѣйствіи Крэга Шекспира; теперь тотъ же режиссеръ поставилъ, съ такою же заботливостью, какъ «Бурю»,—«Orpheus in the Underground». И это на весь сезонъ. Знаете, что такое эта пьеса? Слегка измѣненная оперетка Оффенбаха «Орфей въ Аду». Н. К. Михайловскій, въ хорошо извѣстной статьѣ, много лѣтъ тому назадъ блестяще выяснилъ «историческое» значеніе композитора забубен-

ныхъ оперетокъ. «Смѣхъ Оффенбаха есть отголосокъ хохота Вольтера, отголосокъ, достойный большого вниманія по своей общедоступности. Оффенбахъ,—это легіонъ, и легіонъ, котораго всѣ слушають и смотрять, несмотря на свой кажущійся ригоризмъ и презрительное отношеніе къ опереткамъ. Кругъ явленій, осмѣиваемыхъ Оффенбахомъ, почти тотъ же, что кругъ явленій, осмѣиваемыхъ Вольтеромъ. Пріемы смѣха, опять-таки, весьма часто совершенно совпадаютъ». «Я отнюдь не говорю,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Н. К. Михайловскій,—чтобы масса выносила изъ Оффенбаха какія-либо опредѣленныя идеи и чувства. Но она далеко не всегда выносила ихъ изъ смѣха Вольтера. Выносится и залегаетъ въ душѣ, у большинства безсознательно, извѣстный тонъ, разрабатываемый уже самою жизнью... Оффенбахъ есть дѣтище Франціи, и всѣ нѣмецкіе вице-Оффенбахи по необходимости плохи» *). Оффенбахъ не столько дѣтище Франціи, сколько дѣтище второй имперіи. Теперь *общественное* значеніе его утеряно и во Франціи. Это бросается въ глаза каждому, кто видѣлъ въ Парижѣ «обозрѣніе» или оперетку. Я достаю съ полокъ запыленную папку, которой много лѣтъ не касался. Среди другихъ пьесъ, имѣвшихъ громадный успѣхъ во времена Наполеона III, въ папкѣ лежитъ «Orphée aux Enfers» Гектора Кремье. Я перелистываю книжечку и наталкиваюсь постоянно на фразы, имѣвшія во время второй имперіи значительный смыслъ и подхватывавшіяся на лету публикой, которая сама уже комментировала ихъ значеніе. Таковы, напр., восклицанія Юпитера: «Pour l'honneur de la mythologie»! Или: «Les faibles mortels ont l'oeil sur nous! Sauvons les apparences au moins!» (слабые смертные смотрятъ на насъ. Сохранимъ по крайней мѣрѣ благопристойность!) Или еще: «Tout pour le décorum et par le décorum!» (все—для приличія и черезъ посредство приличія!). Наполеону III было что прикрывать мантіей приличія.

Сэръ Гербертъ Три, ставя при содѣйствіи Крэга *Орфей въ Аду*, «приспособилъ» оперетку къ англійскимъ нравамъ и, такимъ образомъ, отнялъ у ней даже тотъ остатокъ смысла, который еще не вывѣтрился за полвѣка (оперетка поставлена впервые въ 1858 г.). Во первыхъ, измѣнено нѣсколько заглавіе. Такъ какъ слово «Адъ» въ Англіи считается непристойнымъ, то оно замѣнено «Underground» (т. е. «Подъ землей»). Соотвѣтственно съ этимъ смягчены не только шокирующія сцены, какъ напр. обольщеніе Эвридики Юпитеромъ, переодѣвшимся музой, но и куплеты въ родѣ слѣдующихъ:

„Si l'on comprend la vie,
Amis, c'est en enfer!
Vive le vin! vive Pluton!
Et nargue du qu'en dira-t-on!“

*) *Н. К. Михайловскій.* «Сочиненія», т. I, стр. 406—407.

(Если, друзья, гдѣ нибудь понимаютъ жизнь, такъ это въ аду. Да здравствуетъ вино! Да здравствуетъ Плутонъ! И плевать на все, что другіе скажутъ!). «Культъ сатаны» провозглашался во время второй имперіи болѣе остроумно, чѣмъ впослѣдствіи! Въ оперeткѣ Оффенбаха Орфей отправляется на Олимпъ, а потомъ въ Адъ подъ вліяніемъ «Общественнаго мнѣнія». Желая проявить «исканія», сэръ Гербертъ Три ввелъ, вмѣсто «Opinion Publique», M-rs Grundy. «Передъ нами торжество г-жи Грѐнди надъ духомъ зла»,—объясняетъ намъ англійскій текстъ пьесы. Эвридика сдѣлана ученой дамой, получившей университетское образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Орфей приводитъ ее въ бѣшенство тѣмъ, что играетъ одну и ту же арію «Che farò» на струнныхъ и духовыхъ инструментахъ, до губной гармоники включительно. И, несмотря на всѣ эти «исканія», несмотря на зажигательную музыку, не выдохшуюся за пятьдесятъ лѣтъ; несмотря на «стильную» крэговскую постановку (въ третьемъ актѣ, напр., вмѣсто декораціи ада, интенсивно черный фонъ, на которомъ «рельефами» выступаютъ всѣ обитатели ада въ ярко красныхъ платьяхъ); несмотря на все это, въ театрѣ стоитъ по истинѣ адская скука. Приходилось ли вамъ читать когда нибудь «перелицованную Энеиду»? Помните ли вы безконечное описаніе того, какъ Турнъ готовился къ бою противъ троянцевъ:

«Для куль—то галушкй сушили,
А бомб—то з глини наліпили,
А слив солоних—для картеч;
Для щитів ночви припасали,
І дна із діжок вибивали
І приправляли всім до плеч».

Описаніе тянется на нѣсколькихъ страницахъ и дѣйствуетъ, какъ хорошій пріемъ сульфонала. Совѣтую всѣмъ, страдающимъ безсонницей, попробовать. Но ученая пародія сэра Герберта Три, съ ея покушеніями на «новыя исканія», нагоняетъ уже не скуку, а оцѣпенѣніе.

V.

Съ попыткой возродить англійскій театръ выступилъ талантливый и, кажется, совершенно неизвѣстный въ Россіи писатель Барри. «Театръ порожденъ, когда человѣчество было еще мало, поэтому,—разсуждаетъ Барри,—для возрожденія сцены требуются пьесы, въ которыхъ фантазія сплетается съ дѣйствительностью, требуются произведенія, которыя перенесли бы насъ назадъ на много лѣтъ, когда каждый видитъ еще Пана». И Барри пишетъ замѣчательную пьесу, въ которой появляется Панъ. Пьеса называется «Peter Pan» и идетъ вотъ уже девятый годъ изъ вечера въ вечеръ. Въ 1911 году Барри передѣлалъ свою пьесу въ романъ *)

*) „Peter and Wendy“, by J. M. Barrie. London. 1911.

и, такимъ образомъ, у насъ есть большая возможность судить о томъ, что хотѣлъ сказать авторъ. «Всѣ дѣти, кромѣ одного *), становятся взрослыми. Они скоро узнаютъ, что станутъ взрослыми, и вотъ какъ Уэнди узнала про это. Однажды, когда ей было только два года, она сорвала цвѣтокъ и побѣжала съ нимъ къ матери. Я думаю, Уэнди тогда была очень мила, потому что мать ея M-rs Дарлингъ прижала руку къ сердцу и воскликнула: «Почему ты на всю жизнь не можешь остаться такой, какъ теперь»! Только это тогда и произошло; но съ тѣхъ поръ Уэнди узнала, что должна стать взрослой. Вы всегда узнаете про это, когда вамъ минуетъ два. Тогда уже начало конца». Такъ начинается произведеніе Барри. Фантазія тѣсно переплетается съ дѣйствительностью. Отецъ Уэнди—прозаическій city-man, высчитывающій на бумажкѣ, имѣетъ ли онъ достаточно денегъ, чтобы разрѣшить себѣ еще одного ребенка. Изъ экономіи, вмѣсто гувернантки, мистеръ и миссисъ Дарлингъ держатъ при дѣтяхъ собаку Нана, которая служитъ и за няньку, т. е. купаетъ ребятишекъ, укладываетъ ихъ спать, стираетъ на нихъ бѣлье и водитъ гулять въ садъ. «Никогда не было болѣе счастливой семьи, покуда не появился Питеръ Панъ. Впервые M-rs Дарлингъ услышала про Пана, когда она убирала умы своихъ дѣтей. Каждая добрая мать имѣетъ обыкновеніе ночью, когда дѣти засыпаютъ, рыться въ ихъ умахъ и приводить тамъ въ порядокъ все то, что попало туда за день... Совсѣмъ, какъ будто кто укладываетъ ящики комода. Матери съ улыбкой перебираютъ одну вещь, недоумѣвая, гдѣ ребенокъ могъ подобрать ее; онѣ дѣлаютъ пріятныя и не совсѣмъ пріятныя открытія. Онѣ нѣжно прижимаютъ, какъ котенка, къ щекѣ одно и съ ужасомъ подальше прячутъ другое. И когда ребенокъ утромъ просыпается, всѣ дурныя страсти и капризы, съ которыми онъ пошелъ спать, оказываются спрятанными на днѣ его ума. На самомъ же верху лежатъ, провѣтренныя и готовыя для носки, лучшія намѣренія и мысли». Въ умѣ дѣтей находится карта, на которой отмѣчена Несуществующая страна (Neverland), гдѣ живетъ Питеръ Панъ. «Neverland всегда, въ большей или меньшей степени, островъ, съ яркими красными пятнами, съ коралловыми рифами, съ подозрительнымъ кораблемъ, стоящимъ на рейдѣ, съ дикарями и пещерами. Въ Neverland живутъ гномы, занимающіеся портняжнымъ дѣломъ, и принцессы съ шестью старшими братьями. Тамъ стоитъ развалившаяся избушка, въ которой живетъ баба-яга съ крючковатымъ носомъ. То была бы не трудная карта, будь на ней обозначено только это. Но на ней отмѣчены еще первый день въ школѣ, катехизисъ, отцы, круглый прудъ, рукодѣлье, убійства, вычитанныя въ книжкахъ, повѣшенье, глаголы, требующіе дательнаго падежа, дни, когда подается шоколадный пуддингъ, три пенса за то,

*) Питера Пана.

что сами выдернули молочный зубъ и т. д. И неизвѣстно, находится ли все это на одномъ и томъ же островѣ, или есть нѣсколько островов, сливающихся вмѣстѣ. Конечно Несуществующія страны не похожи одна на другую. Въ Несуществующей странѣ Джона, напримѣръ, есть лагуна, съ летающимъ надъ нею фламинго, въ котораго мальчикъ стрѣляетъ. Въ Несуществующей же странѣ Майкеля, который еще очень малъ, надъ фламинго летаетъ лагуна. Джонъ въ своей Несуществующей странѣ живетъ въ перевернутой на пескѣ лодкѣ, тогда какъ Майкель живетъ въ вигвамѣ, а Уэнди—въ шалашѣ, покрытомъ искусно сшитыми листьями. У Джона нѣтъ друзей въ Neverland'»ѣ, къ Майкелю друзья тамъ приходятъ ночью. У Уэнди имѣется ручной волкъ, покинутый родителями. Но въ общемъ, всѣ Несуществующія страны имѣютъ между собою родовое сходство. На ихъ волшебныхъ берегахъ играютъ дѣти. Мы тоже когда то были тамъ; до насъ доносится еще отдаленный ревъ прибоя; но никогда уже болѣе намъ не суждено высадиться на берегъ...

Время отъ времени, роясь въ умахъ своихъ дѣтей, M-rs Дарлингъ находила вещи, которыхъ не могла понять. И сильнѣе всего ее смущало имя Питера Пана, на которое она наталкивалась. Она не знала никакого Питера, а между тѣмъ находила его въ умахъ Джона и Майкеля. Что же касается ума Уэнди, то онъ весь былъ исчерченъ именемъ Пана, которое было написано гораздо болѣе крупными буквами, чѣмъ какое-либо другое слово. И когда M-rs Дарлингъ глядѣла на слово «Питеръ Панъ», ей казалось, что въ буквахъ его есть что-то вызывающее.

— Да, онъ дѣйствительно смотритъ крайне задорно,—соглашалась съ сожалѣніемъ Уэнди.

— Но кто, моя дорогая?

— Питеръ Панъ, конечно.

Сперва M-rs Дарлингъ ничего не понимала, но, роясь въ собственныхъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, она вспомнила и нѣкоего Питера Пана, жившаго въ странѣ фей. Про него разсказывали, что, когда дѣти умирали, онъ провожалъ ихъ нѣкоторое время, чтобы они не пугались. M-rs Дарлингъ тогда вѣрила въ Пана, но теперь, замужемъ, она сомнѣвалась, чтобы такое лицо существовало.

— Наконецъ,—сказала она Уэнди,—Питеръ Панъ теперь былъ бы уже большой.

— О, нѣтъ! Онъ не выросъ, — конфиденціально сообщила Уэнди матери.—Питеръ—съ меня ростомъ.

Она думала сказать, что Питеръ равенъ ей по возрасту и по уму. M-rs Дарлингъ посовѣтовалась съ мистеромъ Дарлингомъ, но тотъ только презрительно улыбнулся.

— Все это глупости, идущія отъ Нана. Ничего болѣе умнаго

отъ собаки нельзя было ждать. Не обращайте вниманія. Все пройдетъ само собою.

Но это не прошло «само собою». Скоро безпокойный Питеръ Панъ нанесъ M-rs Дарлингъ сильный ударъ. Дѣти испытали очень странныя приключенія» *).

Ночью въ открытое окно дѣтской влетѣлъ Питеръ Панъ въ сопровожденіи крошечной феи Звенящій колокольчикъ, изящно одѣтой въ тщательно прикроенный листъ.

Шумъ разбудилъ Уэнди. Теперь, вмѣсто романа, я возьму пьесу. Дѣвочка вѣжливо кланяется Питеру Пану.

— Какъ васъ зовутъ?—спрашиваетъ «мальчикъ, который никогда не становится взрослымъ».

— Уэнди Мойра Анджела Дарлингъ. Какъ ваше имя?

— Питеръ Панъ.

— Это все?

— Да,—отвѣчаетъ нѣсколько рѣзко мальчикъ. Впервые убѣждается онъ, что имя нѣсколько коротко.

— Мнѣ очень жаль,—говоритъ дѣвочка.

— Ничего. Неважно.

Уэнди спрашиваетъ, гдѣ живетъ Питеръ.

— Второй поворотъ направо, а затѣмъ прямо до разсвѣта.

— Что за странный адресъ! Затѣмъ Питеръ Панъ сообщаетъ дѣвочкѣ подробности о происхожденіи фей.

— Видите ли, Уэнди, когда ребенокъ смѣется впервые, смѣхъ распадается на тысячи брызгъ, которые раскатываются во всѣ стороны. И изъ каждой капельки зарождается фея. Собственно говоря, у каждаго мальчика и у каждой дѣвочки должны были бы быть собственныя феи; но дѣти знаютъ теперь такъ много, что скоро перестаютъ вѣрить въ фей. И каждый разъ, когда ребенокъ говоритъ: «я не вѣрю въ фей», какая-нибудь фея падаетъ на землю мертвой.

Питеръ Панъ уговариваетъ Уэнди улетѣть съ нимъ въ Несуществующую страну, гдѣ онъ живетъ съ другими мальчиками.

— Я не умѣю летать!—говоритъ Уэнди.

— Я научу васъ. Я покажу, какъ прыгнуть на спину вѣтру, чтобы мчаться впередъ.

Просыпаются Майкель и Джонъ, братья Уэнди, которымъ Панъ тоже показываетъ, какъ летать. Мальчики пробуютъ полетѣть, но падаютъ съ постели.

— Слушайте! Какъ вы это дѣлаете?—спрашиваетъ Джонъ, потирая ушибленное колѣно.

— Думайте про чудесное и удивительное!—учитъ Питеръ Панъ.—Эти мысли поднимутъ васъ въ воздухъ.—И Питеръ снова показываетъ, какъ летать.

*) «Peter and Wendy», p. p. 1—12.

— Я понялъ, Уэнди!—кричитъ Джонъ, хотя сейчасъ же убѣждается, что ничего не понялъ.

«Ни одинъ изъ нихъ не могъ подняться даже на дюймъ,—читаемъ мы въ романѣ,—хотя даже Майкель зналъ уже двусложныя слова, тогда какъ Питеръ Панъ не зналъ и азбуки. Конечно, Питеръ смѣялся надъ ними, потому что никто не будетъ летать раньше, чѣмъ на него упадутъ пылинки съ крылышекъ фей». Къ счастью, къ рукамъ Питера пристала пыль съ крылышекъ крошечной феи, явившейся съ нимъ. Панъ подулъ эту пыль на дѣтей, и результаты получились изумительные.

— Сожмите плечи такимъ образомъ, — командуетъ Питеръ Панъ,—и за мною.

И дѣти убѣждаются, что могутъ летать. Они тогда улетаютъ въ Несуществующую страну, въ Neverland, гдѣ есть все то, что такъ занимаетъ воображеніе дѣтей. На островѣ, конечно, есть пираты. Мальчики могли бы ихъ назвать такъ же легко, какъ Донъ-Кихотъ всѣхъ тѣхъ рыцарей, которыхъ перечисляетъ своему оруженосцу, когда видитъ стадо барановъ. «Тотъ, кто стоитъ впереди, наклонивъ голову, какъ бы прислушиваясь, съ золотыми дублонами въ ушахъ вмѣсто серегъ, скрестивъ обнаженныя руки, это—красавецъ итальянецъ Чеко, вырѣзавшій свое имя ножемъ на спинѣ смотрителя тюрьмы въ Гао. Этотъ черный великанъ, стоящій позади его, перемѣнилъ уже много именъ съ тѣхъ поръ, какъ отбросилъ свое собственное имя, которымъ смуглолицыя матери до сихъ поръ пугаютъ своихъ дѣтей на берегахъ Гуаджо-мо. Вотъ Билль Джуксъ, котораго каждый дюймъ кожи татуированъ, тотъ самый Билль Джуксъ, который на шкунѣ «Моржъ» получилъ отъ Флинта 72 удара плетью, покуда отдалъ мѣшокъ съ луидорами. Рядомъ съ нимъ Куксонъ, котораго считаютъ, хотя это не доказано, братомъ Чернаго Мёрфи. Дальше стоитъ Старки-джентльменъ, бывшій когда-то школьнымъ надзирателемъ и сохранившій еще изящную манеру убивать. Далѣе видны Скайлайтъ и добродушный ирландецъ Сми, убивающій, такъ сказать, безъ желанія причинить вредъ. Онъ—единственный нонконформистъ въ шайкѣ Хука. За нимъ идутъ криворукій Нудлеръ, Муллинсъ, Мэйсонъ и другіе злодѣи, которыхъ всѣ давно уже знаютъ у береговъ испанской Америки. А между достойнымъ экипажемъ виденъ знаменитый пиратъ Джэмсъ Хукъ, подписывающійся Джасъ Хукъ, единственный человѣкъ, котораго страшится знаменитый Морской Поваръ». «Хукъ—безстрашный разбойникъ. Про него говорятъ, что пугаетъ его только видъ собственной крови, которая очень густа и необыкновеннаго цвѣта». А пѣсня, которую поютъ пираты! Каждый англійскій мальчикъ ее знаетъ такъ же твердо, какъ зналъ Донъ-Кихотъ рецептъ своего удивительнаго бальзама. Каждый разъ, когда пираты начинають пѣть, въ театрѣ раздаются смѣхъ и аплодисменты.

«Yo ho, yo ho, the pirate life,
The flag o'skull and bones,
A merry hour, a hempen rope,
And hey for Davy Jones!»

(Гей! гей! Пиратская жизнь: флагъ съ черепомъ и скрещенными костями, веселый часъ, пеньковая петля и да здравствуетъ дьяволъ!).

Въ Neverland, конечно, нѣтъ недостатка въ краснокожихъ, подползающихъ къ пиратамъ въ громадномъ крокодилѣ, особенно не взлюбившемъ капитана пиратовъ, въ феяхъ и русалкахъ...

Дѣти долго пробыли вмѣстѣ съ Паномъ въ Несуществующей странѣ, а затѣмъ возвратились домой. «Сперва Нана (собака-нянька) привязывала на ночь ихъ ноги къ постелямъ, чтобы дѣти не могли улетѣть снова съ Питеромъ Паномъ; но они подросли, стали практичны и разучились совершенно летать. Общеніе съ Паномъ блѣднѣетъ въ памяти. Черезъ годъ Майкель заявляетъ сестрѣ: «Быть можетъ, Уэнди, совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ Питера Пана?» Уэнди, дольше всѣхъ помнившая Питера Пана, выросла и вышла замужъ. «Питеръ для нея теперь только горсточка пыли, оставшаяся въ ящикѣ съ игрушками». Она почти забыла, что «когда-то умѣла летать».

Красивая пьеса, удивительная обстановка, прекрасная игра,—все это содѣйствуетъ тому, что *Питеръ Панъ* идетъ изъ вечера въ вечеръ вотъ уже много лѣтъ.

VI.

«Для возрожденія англійскаго театра требуются не фантастическія пьесы, будящія въ человѣкѣ смутныя воспоминанія о томъ, когда онъ еще составлялъ съ природой одно цѣлое, а нѣчто другое,—говорятъ другіе реформаторы.—Требуется, во-первыхъ, возвращеніе къ религіознымъ сюжетамъ, а, во-вторыхъ, возможно большая правда въ игрѣ. Судью долженъ играть судья, мельника—мельникъ, монаха—монахъ и т. д. Проектъ этотъ принадлежитъ ректору Болнхерстскаго собора священнику Соуорду. И для доказательства своего тезиса священникъ написалъ пьесу «Гластонбери», поставленную въ провинціи. Лондонцы увидятъ ее только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Содержаніемъ пьесы служитъ эпизодъ изъ исторіи гоненія на монастыри и монаховъ при Генрихѣ VIII. Крайне любопытно, что протестантскій священникъ возвращается къ временамъ католицизма, чтобы въ немъ найти яркія краски и религіозное настроеніе. Пьеса была поставлена на-дняхъ въ Бедфордѣ. Въ ней участвуютъ восемь монаховъ, и всѣ эти роли исполнялись священниками, причемъ аббата игралъ самъ авторъ. «Вполнѣ понятно,—читаемъ мы въ мѣстной газетѣ,—что игра была необыкновенно реальна. Когда братъ Христофоръ бросаетъ

смѣлый вызовъ королевскимъ посланникамъ, вы видите передъ собою не актера, а смѣлаго защитника церкви, отстаивающаго ее отъ посягательства со стороны государства. Крайне сомнительно, чтобы мірянинъ могъ бы прочувствовать такъ роль, какъ священникъ». Мы узнаемъ дальше изъ газетнаго отчета, что, хотя на роль Генриха VIII не нашелся король, но «мэра игралъ бывшій мэръ, архиваріуса—архиваріусъ, а мельника—мельникъ». Такимъ образомъ, если развить мысль священника Соуорда, идеальная постановка «Ревизора» была бы такая: на роль Сквозникъ-Дмухановскаго — градоначальникъ, Аммоса Ѳедоровича играетъ судья, про котораго въ старинной русской комедіи XVIII вѣка говорится: «сущій истины Іуда и предатель». Свистунова, Пуговицына и Держиморду можно выписать изъ любого провинціальнаго города и т. д.

«Для возрожденія англійскаго театра требуется пьеса-диспутъ,— сказалъ недавно Бернардъ Шоу въ лекціи, прочитанной въ *Times-Club*.—Классическіе образцы подобной пьесы далъ Ибсенъ. Въ глубинахъ человѣческаго сердца таятся страсти, не имѣющія ничего общаго съ тѣми примитивными страстями, которыя наблюдаются всѣми и которыя до сихъ поръ эксплоатировались драматургами. Эти затаенныя страсти подобны «вещамъ въ себѣ», до постиженія которыхъ добираются философы. Ибсенъ первый прозондировалъ невѣдомыя глубины; но не эти пьесы подразумѣваетъ Бернардъ Шоу, имѣющій въ виду, главнымъ образомъ, *Кукольный домикъ*. Въ этой пьесѣ «диспутъ» помѣщенъ въ концѣ, т. е. въ той сценѣ, въ которой Нора объясняется съ Торвальдомъ Гельмеромъ. По мнѣнію Бернарда Шоу, это—ошибка. Къ концу пьесы публика устаетъ и не въ состояніи уже воспринять новыя мысли. Надо новыя пьесы писать такъ, чтобы «диспутъ» заключался въ первомъ актѣ, покуда публика еще свѣжа. Свою заслугу Бернардъ Шоу видитъ главнымъ образомъ въ томъ, что писалъ именно такія пьесы. Одною изъ послѣднихъ по времени «пьесъ-диспутовъ» является драма Зангвилля «Богъ войны» (The War God), поставленная съ громаднымъ успѣхомъ осенью 1911 года. Передъ нами диспутъ на темы о войнѣ и мирѣ, о міровой политикѣ, анархизмѣ и религіи. Для насъ, русскихъ, пьеса представляетъ еще тотъ интересъ, что въ ней подъ именемъ графа Фритіофа выводится Л. Н. Толстой. Во всякомъ случаѣ графъ Фритіофъ загримированъ, какъ Толстой, и проповѣдуетъ непротивленіе злу насиліемъ. Антитезой является проповѣдникъ вооруженныхъ столкновеній, канцлеръ Готіи, графъ Торгримъ (Бисмаркъ), глубоко убѣжденный, что безъ войны человѣческое общество превратится въ устричные садки. Война вообще необходима человѣчеству, а въ частности Готіи. Въ то же время канцлеръ—ревностный христіанинъ или во всякомъ случаѣ считаетъ себя имъ. Въ одномъ изъ дѣйствій графъ Торгримъ обращается съ молитвой къ Богу воинствъ. Государственный канцлеръ подго-

товляетъ Готію къ войнѣ съ «коварнымъ Альбомъ». Если послѣдній будетъ побѣжденъ, Готія явится владычицей всего міра. И для достиженія побѣды Торгримъ посылаетъ шпіоновъ и настаиваетъ на сооруженіи новыхъ броненосцевъ, летучихъ кораблей и аэроплановъ. Контрастомъ съ тѣмъ, что дѣлаетъ и думаетъ государственный канцлеръ, является его бюргерская внѣшность: халатъ, табакерка и сантиментальныя обращенія къ портрету покойной жены. Канцлеръ подготовляетъ кровавую войну, а дома у него тридцатилѣтняя баталія съ экономкой, которая всегда выходитъ побѣдительницей. Графъ Торгримъ готовъ спокойно послать на смерть сотни тысячъ людей, между тѣмъ, онъ—нѣжный отецъ. Онъ желаетъ устроить для своего единственнаго сына Осрика самую лучшую военную карьеру. Путемъ интригъ графъ Торгримъ направляетъ большинство толпы, недовольной тяжелыми налогами, введенными въ Готіи съ цѣлью вооруженія,—противъ проповѣдника мира, графа Фритіофа, котораго убиваетъ революціонерка Лэди Норнэй.

И вотъ послѣдній актъ пьесы. Прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Фритіофа, но жизнь и кончина его успѣли уже обрости миѳами. Создался новый культъ воскресшаго и вознесшагося на небо старика. Появилась сильно распространенная секта «фритіанцевъ», взявшихъ символомъ своей вѣры голубя съ масличной вѣтвью въ клювѣ. Личный секретарь канцлера, Карлъ Блюмъ заявляетъ себя фритіанцемъ и оставляетъ службу. Къ ужасу своему канцлеръ убѣждается, что сынъ его Осрикъ, отказавшійся отъ блестящей карьеры, тоже тайный послѣдователь Фритіофа. Чтобы возстановить сына противъ массъ, канцлеръ открываетъ ему, что Фритіофа убили соціалисты. Осрикъ объясняется со своею невѣстою лэди Норнэй и узнаетъ, что именно она застрѣлила старика. Молодой человѣкъ въ бѣшенствѣ душитъ невѣсту и убиваетъ себя на могилѣ Фритіофа. Самоубійство сына сломило канцлера. Къ тому же присоединяется немилость: молодому королю Готіи передали ядовитую остроту канцлера, и послѣднему велѣно немедленно выйти въ отставку. Кончается пьеса нѣмой сценой. На улицѣ фритіанцы поютъ гимнъ, въ которомъ говорится о мирѣ и всеобщей любви. Старый канцлеръ внимательно прислушивается; лицо его изображаетъ глубокое волненіе. Наконецъ, графъ Торгримъ молча прикалываетъ къ сюртуку значекъ съ изображеніемъ голубя и масличной вѣтви, т. е. символъ фритіанцевъ. Миръ побѣдилъ бога войны. Въ исторіи, конечно, бываетъ не такъ: когда «графы Торгримы» находятъ почему-либо надобнымъ принять новый культъ или новую теорію, они берутъ только *форму*, одинъ мертвый символъ, оставляя при себѣ всѣ старыя воззрѣнія... На придачу пьеса написана бѣлыми стихами. Англичанъ поражаетъ, когда «языкомъ боговъ» говорятъ на сценѣ о такихъ обыкновенныхъ вещахъ, какъ автомобили, спортъ, обѣды съ экономкой...

Мой знакомый рецензентъ такъ выразилъ свое негодованіе по поводу того, что пьеса написана стихами: «it is not poetry, but prose run mad» (это не поэзія, а взбѣсившаяся проза). Я не могъ не вспомнить при этомъ, что у насъ когда-то по поводу «Евгенія Онѣгина» критики ужасались, какимъ образомъ Пушкинъ могъ говорить въ стихахъ про такія же «вульгарныя» вещи, и сказалъ сердитому рецензенту, что мы имѣемъ великую комедію, въ которой чеканными стихами упоминается про разодранный локоть лакея; поэтому меня нисколько не удивляетъ, что въ произведеніи Зангвилля бѣлыми стихами говорится про спортъ и про баталіи съ экономкой.

Кстати надо прибавить, что пьесу «Богъ войны» поставилъ въ своемъ театрѣ сэръ Гербертъ Три (онъ же игралъ графа Торгрима). Сэръ Гербертъ, какъ я упомянулъ уже, теперь ставитъ *Орфея въ аду*.

Мы видѣли, что, хотя отдѣльнымъ лицамъ удавалось написать талантливыя вещи, но это не спасло англійскій театръ отъ полнаго одряхлѣнія. Хорошимъ доказательствомъ является эволюція *мюзикъ-холла* за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Прежде въ Англіи были театры (мелодрама, комедія, фарсъ и «музыкальная комедія») и *мюзикъ-холлъ*. Затѣмъ постепенно мюзикъ-холлъ началъ вторгаться въ область театра. Мюзикъ-холлы имѣли колоссальный успѣхъ, и владѣльцы ихъ тоже проявили «исканія». Рядомъ съ клоунами, акробатами, дрессировщиками собакъ и куръ, фокусниками, куплетистами и танцорами, директоры мюзикъ-холловъ стали приглашать знаменитыхъ оперныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, драматическихъ артистовъ съ міровымъ именемъ и великихъ композиторовъ. *Мюзикъ-холлы* платятъ бѣшеныя деньги, и знаменитости, послѣ нѣкоторой нерѣшительности, пошли. Гдѣ выступаетъ Режанъ? Въ *мюзикъ-холлѣ*. Гдѣ декламируетъ Сара Бернаръ, держа въ вѣчномъ страхѣ публику, что вотъ-вотъ разсыплется? Въ *мюзикъ-холлѣ*. Гдѣ дирижируетъ Леонкавалло при постановкѣ «Паяцовъ»? Опять же въ *мюзикъ-холлѣ*. По закону мюзикъ-холлы могутъ ставить только такіе эскизы, которые занимаютъ не больше сорока минутъ. И вотъ «исканія» первоклассныхъ драматурговъ сводятся не только къ тому, чтобы уложить свою мысль въ архаическую, неуклюжую, фальшивую и неудобную рамку, но и къ тому, чтобы пьеса продолжалась ни на секунду больше, чѣмъ 40 минутъ. «Паяцы» продолжаются больше 40 минутъ, но директоръ предложилъ композитору урѣзать дѣтище, и Леонкавалло согласился. Зато гонораръ онъ получилъ прямо-таки безумный. *Паяцы*, дирижируемые Леонковалло, сцена изъ «Өеодоры» съ Сарой Бернаръ, «Какъ она лгала своему мужу» Бернарда Шоу (и онъ пошелъ въ *мюзикъ-холлъ*!) являются «нумерами» программы. До «Паяцовъ» какой-то «профессоръ» выводитъ дрессируемыхъ моржей, а послѣ оперы (безъ всякаго антракта) выходятъ два клоуна, переодѣтые

бабами, и начинаютъ закатывать другъ другу затрещины и пинки въ сѣдалище. «Эскизъ», въ которомъ выступаетъ Сара Бернаръ, зажатъ между «нумерами» комическаго куплетиста и артиста, играющаго на роялѣ... носомъ.

Противъ «исканій» мюзикъ-холловъ начали походъ директоры театровъ: Лина Ашвель, сэръ Гербертъ Три, Джорджъ Александръ и др. Всѣ они исходятъ изъ положенія, что мюзикъ-холлы, ставя «эскизы», подрываютъ дѣла театровъ. Ежегодно, когда мюзикъ-холлы должны обновить свои патенты и когда каждый можетъ опротестовать выдачу ихъ, директоры театровъ дѣлаютъ это. Передъ началомъ 1912 года директоры проявили особую настойчивость; но окончательно проиграли дѣло. И когда директора театровъ убѣдились, что дѣло проиграно окончательно, они сами пошли по слѣдамъ мюзикъ-холловъ: на дняхъ директоръ лондонскаго *Shakespeare Theatre* просилъ выдать ему патентъ на введеніе, кромѣ драмы, еще «нумеровъ», т. е. танцевъ и куплетовъ. Сэръ Гербертъ Три рѣзко осуждалъ серьезныхъ драматическихъ актеровъ, которыхъ колоссальные гонорары соблазняютъ выступать въ *мюзикъ-холлахъ*. Теперь сэръ Гербертъ самъ соблазнился и съ этой недѣли выступаетъ въ драматическомъ эскизѣ въ мюзикъ-холлѣ *Палэсъ*.

Мы видѣли, какъ другой союзникъ, ставшій потомъ врагомъ той, съ которой былъ соединенъ нѣсколько вѣковъ, одряхлѣлъ. Старикъ театръ можетъ еще прикинуться то глубокомысленнымъ, то воинственнымъ, то сантиментальнымъ. Онъ можетъ еще притвориться, будто молодѣетъ, вспоминая то время, когда Панъ училъ человѣчество «летать». Старикъ можетъ даже кряхтя проплясать забубенный танецъ, вспомнивъ старинную бравурную пѣсенку:

Evohé! Bacchus m'inspire,
Je sens en moi
Son saint délire!
Evohé! Bacchus est roi!

Но пусть эта прыть никого не обманетъ. Время старика *прошло*. Онъ—зажившійся обломокъ другой эпохи, другого общественнаго строя. Старикъ *умираетъ*. И когда у него началась агонія, ее называли совершенно неподходящимъ терминомъ «исканія». По поводу страннаго термина ученые нѣмцы пишутъ длинныя диссертаціи, причемъ выходитъ, что «исканія» это—замѣна полотна съ намазанными деревьями ширмами. Какъ будто не все равно, во что завернуть трупъ: въ бѣлый ли саванъ или въ лиловую хламиду, обшитую бахромой? Во что ни заворачивайте тѣло, застывшія мышцы не станутъ упругими, не забьется похолодѣвшее сердце, не потечетъ по венамъ и артеріямъ горячая кровь, не заблестятъ стеклянные глаза! Я видѣлъ въ Лондонѣ «Сумурумъ», другое «исканіе» Макса Рейнгардта. Это—тоже пьеса безъ словъ, но только построена

она не на религіозной, а на арабской сказкѣ. «Исканія» проявились, между прочимъ, въ томъ, что дѣйствующія лица выходили на сцену не изъ за кулисъ. Я опоздалъ нѣсколько, и занавѣсъ уже взвился. Въ корридорѣ у ложъ бенуара я нашелъ шейковъ, евнуховъ, воиновъ и носильщиковъ, выстроенныхъ въ рядъ. Чтобъ попасть на сцену, они проходили по украшеннымъ бумажными цвѣтами длиннымъ мосткамъ, перекинутымъ черезъ весь театръ. Сидя въ креслахъ, я могъ видѣть толстыя и поджарыя ноги, намазанныя охрой и сурикомъ. И были зрители, находившіе все это «оригинальнымъ» и «смѣлымъ»!

Старикъ одряхлѣлъ. И вотъ наступаетъ заключительный моментъ. Символомъ, о которомъ, конечно, не думали ни Максъ Рейнгардтъ, ни Карлъ Фолльмеллеръ, является послѣдняя сцена мистеріи «Чудо», когда оборванная, постарѣвшая монахиня, послѣ ряда приключеній, возвращается въ старый соборъ. Умирающій старикъ—театръ, послѣ четырехъ вѣковъ, встѣчается съ дряхлой, тоже дышащей на ладонъ, старухой, съ которой шесть вѣковъ жилъ въ согласіи, покуда союзники не поссорились и не стали врагами не на жизнь, а на смерть. Умирающій протягиваетъ руки къ умирающей. Театръ возвращается къ мистеріи, притомъ къ примитивной. Онъ снова ищетъ вдохновенія въ церкви. Кругооборотъ завершенъ и не начнется снова. Театръ не можетъ возродится въ мистеріи, такъ какъ нѣтъ главнаго, что давало шесть вѣковъ назадъ такой глубокій смыслъ наивнымъ по формѣ пьесамъ: нѣтъ вѣры.

Вотъ мысли, на которыя навело меня представленіе «Чуда», поражающее своимъ блескомъ и грандіозностью.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

1. «Остается Россія». —2. Изъ рѣчи П. Н Дурново. Ликвидація по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Желательныя и нежелательныя дѣти.—3. О нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ школьной политики. Режимъ для учителей.—4. Народное просвѣщеніе и логика борьбы съ крамолой. Лозунгъ г. Говорухи-Отрока и его практическое примѣненіе.—5. Школьные исполнители предначертаній по борьбѣ съ крамолой.

«Міровая жизнь перестраивается на новыхъ началахъ, которыя и должны привести человѣчество на край гибели... Турція и Персія преобразуются по масонскому шаблону. И даже... Китай увлеченъ общимъ революціоннымъ теченіемъ... Остается Россія,—хранительница православія, хранительница той животворной силы, которая одна только можетъ спасти міръ отъ близкой гибели. Что-

то будетъ съ ней? Устоитъ ли она передъ всесокрушающимъ напоромъ революціоннаго и антихристіанскаго теченія?»

Такъ плачетъ синодальный миссіонеръ Скворцовъ въ «Колоколѣ». Въ порывѣ скорби, разумѣется, извинительно не замѣтить, что Россія остается не одна. Есть еще Абиссинія. Можно отыскать и нѣкоторыхъ другихъ естественныхъ союзниковъ. Турція противъ «антихристіанскаго теченія» не устояла, Персія не устояла, Китай не устоялъ, а Сіамъ стоитъ, Афганистанъ стоитъ, Бухара и Марокко держатся. Впрочемъ, это и не такъ важно. Пусть даже Россія остается одна. Что-жъ дѣлать,—немного насъ, но мы славяне. Вотъ только—стоитъ ли Россія твердо, непоколебимо, какъ столбъ, какъ земля на трехъ китахъ? Что въ народной жизни происходятъ сложные процессы развитія и движенія,—объ этомъ, конечно, спора быть не можетъ. И намъ съ г. Скворцовымъ нечего другъ отъ друга отечественные грѣхи утаивать: въ народѣ и у насъ есть большое стремленіе къ переустройству на новыхъ началахъ; маленькое ослабленіе надзора,—и у насъ неминуемо заведутся «масонскіе шаблоны». Если кто стоитъ непоколебимо и сопротивляется «духу времени», если кто «можетъ спасти міръ отъ гибели», то лишь охранительная Россія,—нѣкоторая часть россійскаго населенія, и притомъ, говорятъ, не слишкомъ многолюдная. Въ ней, и только въ ней, вся надежда спасти и отечество, и весь міръ. Но, повторяю, стоитъ-ли она, или движется? И если не стоитъ и движется, то куда? Попытаемся припомнить нѣкоторые факты.

Вотъ дано окончательное направленіе дѣлу еврея Бейлиса по обвиненію его въ убійствѣ съ ритуальною цѣлью. И признаться, я затрудняюсь понять, въ какомъ вѣкѣ отъ Рождества Христова живетъ та «Россія», которая, во что бы то ни стало, желаетъ создать ритуальный процессъ и, сверхъ того, спасти отечество и міръ отъ революціонной гибели. Убитъ мальчикъ,—ищите убійцу и судите, этого требуетъ государственный порядокъ. Убитъ, если вѣрить газетнымъ описаніямъ, звѣрски. Возможно,—бываютъ напр., убійцы-садисты; съ уголовной точки зрѣнія, это—важное отягчающее вину преступника обстоятельство. Вполнѣ вѣроятно, что въ средніе вѣка этому дѣлу былъ бы приданъ ритуальный характеръ: первобытныя средства сообщенія, неподвижность населенія, повальная неграмотность, и, вслѣдствіе этого, незнакомство одного народа съ жизнью другого, открывавшее дорогу для всевозможныхъ фантастическихъ предположеній, подозрѣній и легендъ... Но предъявлять подобныя обвиненія при существованіи желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ, ротаціонныхъ машинъ, повсемѣстнаго распространенія прессы, тѣснѣйшаго и повседневнаго соприкосновенія и взаимнаго знакомства народовъ... Конечно, полудикіе люди, въ культурномъ смыслѣ не ушедшіе отъ среднихъ вѣковъ, есть понынѣ. Въ глухихъ закоулкахъ и понынѣ возможны и обвиненія въ ритуальныхъ убійствахъ, и суды надъ вѣдьмами. Но

процессъ Бейлиса не есть нѣчто захолустное. Ему явно желаютъ придать всероссійскій характеръ. Это—боевое выступленіе охранительной Россіи; ея виднѣйшіе и приватные, и высокоофиціальные дѣятели настаиваютъ на обвиненіе, нелѣпость котораго давнымъ давно доказана и очевидна для каждаго современнаго намъ культурнаго человѣка. Одно изъ двухъ: 1) если группы и лица, настаивающія на этомъ обвиненіи, вѣрятъ въ него, то ихъ умственное развитіе очень отстало отъ вѣка, и по отношенію къ нимъ необходимо выполнить чисто культурную миссію,—школы, напр., для нихъ построить или общеобразовательные курсы завести; 2) если они знаютъ, какъ вопросъ о ритуальныхъ убійствахъ рѣшенъ наукой, если они возбуждаютъ дѣло ради какихъ-либо заднихъ цѣлей, то французскіе охранители, провалившіеся на дѣлѣ Дрейфуса, были все таки умнѣе: сами себя обвиненіями въ средневѣковомъ невѣжествѣ не позорили. По словамъ газетъ, г. Замысловскій со своими друзьями и единомышленнками особенно старается произвести дѣломъ Бейлиса скандалъ на весь міръ. Кто же эти Замысловскіе и К°? Тайные-ли враги охранительной Россіи, желающіе ее опозорить? Услужливые ли друзья, которые опаснѣе враговъ? Или люди, въ культурномъ отношеніи, не вышедшіе изъ состоянія средневѣковаго младенчества?

Къ какому вѣку они принадлежатъ? Какую вѣру исповѣдуютъ? Г. Скворцовъ называетъ православной и христіанской группу, которая, по его мнѣнію, твердо стоитъ на мѣстѣ и тѣмъ можетъ спасти міръ. И этотъ пунктъ, казалось бы, не долженъ возбуждать сомнѣній. И еще не такъ давно это было безспорнымъ. Но вотъ цѣлый рядъ православныхъ священниковъ изъ неурожайныхъ губерній непрестанно жалуется: даже имъ, пастырямъ церкви, запрещаютъ помогать ихъ голодающимъ прихожанамъ и духовнымъ чадамъ; у нихъ, у пастырей, отбираютъ деньги, собранныя на пропитаніе голодныхъ пасомыхъ; ихъ, пастырей, обязываютъ подпиской закрывать только что открытыя столовыя для бѣднѣйшихъ прихожанъ; мало того, ихъ, пастырей, преслѣдуютъ за самое намѣреніе помочь духовнымъ чадамъ. Въ газетахъ то и дѣло приходится читать:

Слобода Николаевская, Астраханской губерніи. Мѣстный священникъ и фельдшеръ стали выдавать пособія голодающимъ. Явился приставъ; грозя увольненіемъ и арестомъ, отобралъ подписку, что помощь голоднымъ будетъ прекращена; затѣмъ къ фельдшеру на квартиру нагрянулъ урядникъ съ двумя стражниками и т. д. *).

Сердобскъ. У священника села Студеновки о. Юнаковскаго произведенъ обыскъ. Причина—составленіе списка голодающихъ Студеновки **).

Эти мѣры, возникнувъ съ осени прошлаго года въ неурожайныхъ губерніяхъ, нынѣ начинаютъ принимать характеръ повсемѣстный

---

*) «Утро Россіи», 31 декабря 1911.

**) «Русское Слово», 13 января 1912 г.

и общій. Недавно въ Диканькѣ, Полтавской губерніи, нѣкій добрый человѣкъ былъ тронутъ бѣдственнымъ положеніемъ мѣстныхъ вдовъ и сиротъ. Желая помочь имъ, онъ обратился къ приходскому батюшкѣ съ просьбой о содѣйствіи. И батюшка отвѣтилъ: «*не имѣю на это разрѣшенія*» *). Православный священникъ не смѣетъ безъ разрѣшенія полицейской власти помочь вдовамъ и сиротамъ своего прихода. Православнаго священника преслѣдуютъ за составленіе списка голодающихъ,—точнѣе, за простую попытку выяснить, кто изъ его прихожанъ бѣдствуетъ. Скажите любому иноземцу, что это происходитъ въ православномъ государствѣ, — онъ не повѣритъ. Да и невозможно вѣрить, ибо это прямое отступничество отъ основныхъ началъ православія, не только разрѣшающаго, но и обязывающаго совершать дѣла милосердія. Больше скажу: я былъ бы благодаренъ г-ну Скворцову, если бы онъ, въ качествѣ миссіонера, назвалъ хоть одну изъ существующихъ государственныхъ религій, которою можно было бы оправдать преслѣдованіе духовнаго лица за помощь единовѣрцу? Смѣю думать, что такой религіи, даже языческой, нѣтъ и быть не можетъ. Существуетъ, правда, вульгарный ницшеанизмъ съ его максимой: «падающаго толкни». Но это не религія. Да Ницше такъ прямо и называлъ себя антихристомъ.

Въ средневѣковье ушли. Главнѣйшія этическія основы въ вѣрѣ отцовъ, мало сказать, забыли, — прямо отвергли. И все таки г. Скворцовъ собирается что-то спасать отъ напора. Но что именно? Вопросъ на первый взглядъ странный. Какъ что спасать? Есть извѣстные законы, есть извѣстный порядокъ, поддерживаемый и укрѣпляемый извѣстными органами государственной власти: правительство, Совѣтъ, Дума и т. д. Да, это есть. Но что именно спасать,—все таки неясно. Вотъ 15 января началась послѣдняя сессія третьей Думы. На эту сессію, какъ на послѣднюю, выпала ликвидація старыхъ запросовъ. И Дума то подавляющимъ большинствомъ, то единогласно или почти единогласно принимаетъ формулы: дѣйствія администраціи незакономѣрны, объясненія правительства неудовлетворительны, «товарищъ министра вноситъ совершенно неправильное освѣщеніе», «министръ не принялъ никакихъ мѣръ къ возстановленію правъ невинно осужденнаго», администрація незаконно вмѣшивается «въ гражданскія правоотношенія между княземъ Амилахвари и крестьянами», и т. д. Даже сами представители правительства въ отдѣльныхъ случаяхъ не отрицаютъ, что беззаконіе произошло, но министерство ничего не могло подѣлать. А помимо всѣхъ этихъ частностей, лидеръ правительственнаго большинства, г. Гучковъ даетъ въ публичномъ засѣданіи Думы съ трибуны такую общую характеристику создавшагося порядка:

„Господа, тяжелые и жуткіе дни переживаетъ Россія, глубоко взволно-

*) „Современное Слово“ 15 января 1912 г.

вана народная совѣсть, какіе-то мрачныя призраки средневѣковья встали предъ нами. Неблагополучно въ нашемъ государствѣ. Опасность грозитъ нашимъ народнымъ святынямъ. А гдѣ же они, охранители этихъ святынь: святыни алтаря и святыни трона? Почему безмолвствуетъ голосъ іерарховъ? Почему бездѣйствуетъ государственная власть"? *)

Что случилось? Нашествіе иноплеменниковъ? возстаніе? масоны? революціонеры? Ничего подобнаго,—просто въ Петербургѣ проживаетъ малограмотный сибирскій крестьянинъ, по имени Григорій Распутинъ, которому приписываютъ черезчуръ оригинальное отношеніе къ седьмой заповѣди. И, по мнѣнію, повторяю, не кадета, не лѣваго, а лидера правительственнаго большинства, этого достаточно, чтобы святыни оказались въ опасности, и въ Россіи настали тяжелые и жуткіе дни. Если такъ, если отъ столь ничтожныхъ причинъ возникаютъ такіе ужасы, то что же это за государственность, что это за порядокъ? При извѣстныхъ условіяхъ можно понимать подобныя самообличенія и самобичеванія. Люди говорятъ: да, у насъ много грѣховъ, признаемъ ихъ, раскаемся всенародно и потщимся очиститься отъ нихъ. Въ публичномъ покаяніи, соединенномъ съ намѣреніемъ исправиться, иногда бываетъ много трогательнаго. Но въ данномъ случаѣ ни малѣйшаго намѣренія исправиться не видно. Да и на раскаяніе не похоже: преимущественно по средамъ, съ открытіемъ засѣданія въ Таврическомъ дворцѣ, одинъ органъ власти, Дума, выноситъ противъ другого органа правительства, болѣе или менѣе тяжкія обвиненія въ беззаконіи; потомъ предсѣдатель закрываетъ засѣданіе, разговоры прекращаются, и все, какъ было, такъ и остается. Не видно, чтобы весьма тяжкія формулы кого-либо безпокоили или имѣли какія-либо послѣдствія. Если такъ, то что же противопоставить «масонскимъ шаблонамъ»? Что защищать отъ напора? Порядокъ, при которомъ представители администраціи могутъ безнаказанно ниспровергать даже законы о собственности? Устройство, при которомъ органы государственной власти предаются завѣдомо безплодному, по публичному самообличенію и самобичеванію? Твердыни, существованію которыхъ, по отзыву лидера правительственной партіи, грозитъ ничтожнѣйшее дуновеніе вѣтра, взмахъ воробьиныхъ крыльевъ? Гроза надвигается, Ганнибалъ у воротъ. Надо спасать, а что—неизвѣстно. До такой степени неизвѣстно, что въ печати, и притомъ не всегда лѣвой, существуетъ цѣлый рядъ догадокъ и предположеній. Относительно нѣкоторыхъ чиновъ синодальнаго вѣдомства предполагаютъ, что имъ интересно не столько православіе, вѣра или иныя высокія цѣнности, сколько установившееся распредѣленіе церковныхъ суммъ, вслѣдствіе коего миссіонеры обзаводятся прекрасными дачами въ Крыму. О цѣлыхъ бытовыхъ группахъ предполагаютъ, что для нихъ опять таки важны не какія-либо высокія истины, а возможность суще-

*) Рѣчь г. Гучкова въ засѣданіи Думы 25 января 1912 г. Цит. по „Рѣчи", 26 января.

ствовать въ значительной мѣрѣ за счетъ государства. Въ преимущественномъ интересѣ къ «темнымъ деньгамъ» обвиняютъ другъ друга сами охранители. Если бы подлежащія спасанію общегосударственныя цѣнности и блага были извѣстны, ясны, то, разумѣется, подобныя обвиненія и предположенія не имѣли бы того кредита, какимъ они теперь пользуются. Спасать-то единомышленники г. Скворцова спасаютъ, но нѣчто такое, что легче подразумѣвать, чѣмъ называть.

Конечно, мы не дѣти. Можемъ понимать и подразумѣваемое. О спасеніи міра отъ гибели говорится больше для краснорѣчія. Гдѣ ужъ чужихъ ребятъ качать,—свои кричатъ. Россію же г.г. Скворцовы хотятъ спасти вовсе не отъ гибели, а, приблизительно, отъ слѣдующихъ напастей: отъ всеобщаго избирательнаго права, отъ организаціи общественнаго контроля, который охранялъ бы законность, отъ отмѣны исключительныхъ положеній и возврата къ нормальному порядку управленія, отъ неприкосновенности личности, отъ свободы совѣсти, слова, собраній, союзовъ и т. д. И ни причемъ тутъ ни масоны, ни революціонеры. Эти не напасти, а блага признаны необходимыми для страны въ извѣстныхъ оглашенныхъ во всеобщее свѣдѣніе актахъ верховной власти. Но такъ какъ съ несомнѣнностью выяснилось, что эти политическія блага должны привести къ большимъ соціальнымъ реформамъ и перемѣнамъ, то страхъ соціальныхъ реформъ и перемѣнъ и есть главная движущая пружина въ системѣ охранительнаго мышленія.

Значитъ, извѣстно, что́ именно они спасаютъ. Только спасаніе-то чѣмъ дальше, тѣмъ больше походитъ на потрясеніе: спасали Столыпина отъ революціонеровъ, а въ тылу очутилась охрана. Святыни алтаря спасали отъ враговъ слѣва, — кстати сказать, воображаемыхъ, ибо никто слѣва и не собирался ихъ осквернять. А пришла гроза, какъ увѣряетъ г. Гучковъ, совсѣмъ съ другой стороны. Говорили: церковь православная должна быть государственной и господствующей; это—conditio sine qua non; только въ этихъ предѣлахъ допустимо осуществленіе свободы совѣсти, если оно вообще допустимо. Во имя этого лозунга воевали съ иновѣрцами, съ инославцами, со старообрядцами, съ сектантами, со свободомыслящими, со многими иными дѣйствительными и воображаемыми противниками. Но пришелъ урядникъ, и «разъяснено» обязательное велѣніе божественнаго закона: кормите алчущихъ, поите жаждущихъ. На огромномъ пространствѣ Россіи въ необыкновенно убѣдительной для голодающаго, въ большинствѣ православнаго, населенія формѣ разъясняется и внушается чинами полиціи: завѣты Евангелія, законъ, признаваемый церковью божественнымъ, подчинены усмотрѣнію становаго пристава или земскаго начальника. Почему такія дѣйствія не считаются опаснѣйшей противоправительственной пропагандой,—судить не берусь. Но принципъ-то государственной церкви какъ укрѣпили! Навѣрное, самарскіе

или оренбургскіе крестьяне плохо понимали, что такое государственная церковь. Ну, а теперь, чай, будутъ знать—хорошо объяснилъ г. урядникъ. А что значитъ: *господствующая* церковь? Созвали съѣздъ старообрядцевъ-единовѣрцевъ,—въ нѣкоторомъ родѣ соборъ, и притомъ организованный по лучшимъ завѣтамъ церковной старины: съ представительствомъ и отъ міранъ, и отъ пастырей. На предсѣдательскомъ мѣстѣ православный архіепископъ; присутствуютъ миссіонеры синода. И все бы хорошо, да явилась обидная мысль: у старообрядцевъ соборы, съѣзды, дѣятельная приходская жизнь; у нѣкоторыхъ сектантовъ тоже; а у православныхъ нѣтъ ничего: священникъ да «отдѣльные прихожане»—вродѣ «отдѣльныхъ посѣтителей», каковыми считаютъ студентовъ университета. Частенько даже церковнаго старосту избрать по своему вкусу не разрѣшается. Потому—*господствующая* церковь. Негосподствующіе живутъ общественно, думаютъ, совѣщаются, перестраиваютъ, наравнѣ съ цѣлымъ міромъ, свою жизнь на новыхъ началахъ. Для господствующихъ—неугодно ли исторію Гермогена съ Иліодоромъ, разыгрываемую въ теченіе почти мѣсяца, при участіи какихъ то дамскихъ религіозныхъ салоновъ, докторовъ тибетской медицины, астрологовъ, странниковъ, юродивыхъ, цирковыхъ атлетовъ... Г. Гучковъ правильно замѣтилъ, что встаютъ «мрачные призраки средневѣковья». Только средневѣковье-то это типично-византійское, съ его цирковыми партіями, «зелеными», «голубыми», евнухами, случайными дамами, съ затѣйливымъ переплетомъ интригъ, на почвѣ которыхъ, нерѣдко по пустопорожнимъ поводамъ, выростали цѣлыя событія, потрясавшія и церковь, и государство.

Исторія Гермогена съ Иліодоромъ не настоящее потрясеніе. Еще одинъ ударъ по престижу и буря въ стаканѣ. Но это лишь начало. Продолженіе слѣдуетъ. «Камарилью», игру закулисныхъ бюрократическихъ интригъ мы давно знаемъ. Организація и собираніе союзниковъ, якшанье съ Гамзѣями, съ полезными или производящими впечатлѣніе людьми изъ низовъ внесли новый элементъ въ замкнутые прежде кружки сановной знати,—явились странники Мити, Иліодоры и т. д. Этотъ пришлый элементъ вплелся въ сѣть интригъ, организовалъ «мнѣніе народа», посылку депутацій, телеграммъ, петицій. И появилась закулисная интрига нѣсколько новаго типа. Объ ея характерѣ вначалѣ можно было лишь догадываться. Но, съ выступленіемъ на арену знаменитаго «салона гр. Игнатьевой» и особенно послѣ неудачъ бывшаго саратовскаго губернатора гр. Татищева, стало довольно ясно, что стиль получается византійскій. Теперь онъ опредѣлился еще яснѣе. Если именно эту отчасти новую закулисную величину, именно этотъ «призракъ средневѣковья» г. Гучковъ разумѣлъ, говоря о «тяжелыхъ и жуткихъ дняхъ», то съ нимъ трудно спорить. Штука, дѣйствительно, опасная, чреватая всякими прелестями, которыя извѣстны каждому, кто знакомъ съ исторіей Византіи.

Думалъ ли, могъ ли думать когда-нибудь Столыпинъ, что «приметъ онъ смерть отъ коня своего»? Едва ли и кудесники предсказывали ему это. Еп. Гермогенъ, почти 10 лѣтъ посвятившій истерической борьбѣ съ «революціонерами», могъ ли думать, что онъ найдетъ своего Кулябку? Г. Гучковъ, когда онъ привѣтствоалъ введеніе военно-полевыхъ судовъ, предполагалъ ли хоть на минуту, что ему придется дрожать отъ страха передъ какими-то призраками какого-то средневѣковья? Предполагали ли всѣ вообще охранители, что машина, организованная ими, повезетъ ихъ назадъ, въ глубь прошедшихъ вѣковъ, къ утратѣ культурнаго облика, и, сверхъ того, какъ сооруженіе противоестственное, будетъ ихъ самихъ взрывать на воздухъ? Догадываются ли хоть теперь, что частичные взрывы лишь начало? Повидимому, немножко и временами догадываются. Но вѣдь у нихъ есть чѣмъ и утѣшить себя:

— Вотъ не допустили таки «масонскихъ шаблоновъ», добились того, что важнѣйшія обѣщанія манифеста 17 октября понынѣ невыполнены, устроили такъ, что Россія остается одна, хотя вся «міровая жизнь перестраивается на новыхъ началахъ».

Для нихъ это сознаніе, кажется, должно быть сладкимъ.

II.

«Благоволите оглянуться кругомъ:

со всѣхъ сторонъ горизонтъ покрытъ мрачными тучами: на сѣверѣ мятежная провинція, которая никого и ничего не хочетъ слушать; на западѣ вооруженныя съ ногъ до головы могущественныя государства; на югѣ и востокѣ горятъ пожары, грозящіе намъ близкою опасностью»...

Въ столь страшное время нужны деньги, деньги и деньги. Достаточно ли у насъ денегъ? Что мы видимъ?

„Существующія крѣпости упраздняются, а новыя не воздвигаются. Нѣтъ новыхъ ассигновокъ на предметъ обученія войскъ. 60 процентовъ арміи ютятся кое-какъ, не имѣя хорошихъ помѣщеній, такъ какъ нѣтъ средствъ на постройку казармъ. Трехлѣтняя служба войска лишаетъ возможности призыва войскъ къ полицейскимъ обязанностямъ. Слѣдовательно, надо имѣть хорошую полицію, а для этого средствъ также не хватаетъ».

Даже на полицію не хватаетъ, а между тѣмъ,

«увлекаемыя какимъ-то бурнымъ потокомъ разныхъ теоретическихъ утопій, наши общественныя учрежденія... стремятся неудержимо къ увеличенію расходовъ на народное начальное и всякое другое образованіе».

Такъ говорилъ П. Н. Дурново въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 26 января*). Оглянувшись вообще кругомъ, благоволите обратить, въ частности, болѣе пристальное вниманіе на то, какъ «мятежная провинція», «увлекаемая какимъ-то бурнымъ потокомъ

*) Цит. по „Голосу Москвы“, 27 января.

разныхъ теоретическихъ утопій», стремится къ «народному начальному и всякому другому образованію». Происходитъ нѣчто ужасное. Беру для иллюстраціи офиціальную бумагу нолинскому земству отъ бывшаго казанскаго, а нынѣ кіевскаго попечителя учебнаго округа г. Деревицкаго. Нолинское земство просило разрѣшенія открыть параллельные классы при мѣстной женской гимназіи. Въ отвѣтъ на это г. Деревицкій прислалъ нѣчто вродѣ обвинительнаго акта. Оказывается, напр., что вятское губернское и уѣздныя земства всемѣрно стремятся къ тому, чтобы среднюю школу сдѣлать «возможно болѣе доступной для населенія». Мало имъ начальныхъ училищъ,—они хотятъ и среднюю школу сдѣлать доступной. Правда, начальствомъ установлено серьезное препятствіе,—«такъ какъ плата за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для многихъ родителей непосильна или обременительна». Но земства, въ нарушеніе установленнаго порядка, стараются «обученіе въ средней школѣ сдѣлать или совершенно безплатнымъ, или низвести плату за ученіе до возможнаго минимума».

„Такъ, изъ... вѣдомости усматривается, что, напр., въ кукарской женской гимназіи дѣти жителей слободы Кукарки обучаются въ I—IV классахъ безплатно".

Совсѣмъ безплатно!..

„Равнымъ образомъ, въ орловской женской гимназіи плата за ученіе для различныхъ категорій плательщиковъ установлена въ размѣрѣ 2, 3. 5, 10, 15 рублей... Столь же низка плата за ученіе въ глазовской женской гимназіи (6 р.), царевосанчурской прогимназіи (4—12 р.), въ котельнической гимназіи (10—15 р.) и др".

Вслѣдствіе такого нежелательнаго и вреднаго, по мнѣнію Деревицкаго, нарушенія порядка, вятскія среднія учебныя заведенія наполнены учащимися изъ крестьянской, наименѣе культурной среды:

„такихъ учениць въ воткинской гимназіи 90%, въ омутнинской прогимназіи 87%, въ кукарской гимназіи 80%, въ орловской—67%" и т. д.

Зло легко бы пресѣчь. «Дѣти изъ столь некультурной среды, какъ мѣщанская и особенно крестьянская, являются на пріемныя испытанія чаще всего съ очень слабою подготовкой». Ихъ на экзаменѣ легко рѣзать. Но земства и тутъ нарушаютъ порядокъ—пускаютъ въ ходъ всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы «склонить (экзаменаціонныя требованія) въ сторону снисходительности».

„Мѣра этой снисходительности, по донесенію одного изъ предсѣдателей педагогическаго совѣта, иллюстрируется такими числовыми данными: на весеннихъ испытаніяхъ въ 1908 г. было зачислено кандидатками на поступленіе 74% всѣхъ экзаменовавшихся, въ 1909 г.—86%".

Въ 1908 г. порѣзали всего 26%. А въ 1909 г. и того меньше,—только 14%. Что же это такое? Куда мы идемъ? Въ заключе-

ніе г. Деревицкій приходитъ къ тому же по существу выводу, какой высказалъ и П. Н. Дурново въ Государственномъ Совѣтѣ:

„не объ открытіи новыхъ параллелей въ учебныхъ заведеніяхъ Вятской губерніи должна идти рѣчь, а о постепенномъ закрытіи существующихъ" *).

Общее мятежное состояніе умовъ Вятской губерніи помощникъ попечителя казанскаго учебнаго округа г. Остроумовъ въ личной бесѣдѣ съ однимъ изъ мѣстныхъ дѣятелей опредѣлилъ кратко, но выразительно:

— Чортъ васъ возьми! Вы, кажется, у себя во всѣхъ деревняхъ гимназіи наоткрываете.

— Этому, ваше превосходительство, нужно только радоваться,—возразилъ г-ну Остроумову собесѣдникъ.

— Какому чорту тутъ радоваться то? **)

Конечно, Вятская губернія занимаетъ нѣсколько исключительное положеніе: здѣсь нѣтъ или почти нѣтъ своего первенствующаго сословія, которое въ другихъ губерніяхъ, пользуясь предоставленными ему правами и возможностями, пресѣкаетъ пагубу излишняго движенія. Въ другихъ районахъ мятежной провинціи, гдѣ имѣется наслѣдственный оплотъ противъ «теоретическихъ утопій», дѣло такъ далеко не зашло. Однако, и въ этихъ районахъ населеніе воспользовалось годами смуты, чтобы сдвинуть вопросъ о народномъ образованіи съ мертвой точки. Подъ шумъ и грохотъ «успокоительной» политики, въ минуту, когда начальству было не до школьныхъ увлеченій, быстро росли начальныя училища, увеличивалось жалованье учителямъ, во многихъ селахъ стали появляться не только городскія училища, но и прогимназіи, даже гимназіи; многіе города, десятки лѣтъ безуспѣшно хлопотавшіе о разрѣшеніи имѣть среднюю школу, получили, наконецъ, желаемое. Возникло не мало частныхъ школъ, и притомъ иногда настолько доступныхъ, что обученіе въ нихъ стоитъ не дороже, чѣмъ въ школахъ казенныхъ. Въ казенныхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ выросъ процентъ «кухаркиныхъ дѣтей». Возникло нѣсколько новыхъ высшихъ школъ. Возникли новыя организаціи для внѣшкольнаго образованія... Словомъ, несомнѣнно, сдѣланы нѣкоторыя количественныя завоеванія въ области народнаго образованія. Не такъ ужъ они крупны, но и не совсѣмъ ничтожны. Г. Дурново, безспорно, имѣетъ основаніе сокрушаться. Однако, не все же мрачно въ мятежной провинціи. Есть и отрадныя явленія. Ихъ легко замѣтить на примѣрѣ той же Вят-

*) Офиціальное отношеніе г. Деревицкаго на имя нолинской земской управы. Цит. по „Вятской Рѣчи", 23 декабря 1911 г.

**) „Вятская Рѣчь" (№ 16 ноября 1911 г.), откуда я заимствую этотъ разговоръ, увѣряетъ, что онъ воспроизведенъ „съ стенографической точностью".

ской губерніи. Прискорбно стремленіе мѣстныхъ дѣятелей чуть не во всѣхъ Кукаркахъ заводить гимназіи (а на полицію расходовать не желаютъ). Но развѣ не отрадно видѣть, что вотъ и г. Деревицкій принялъ мѣры, и г. Остроумовъ пресѣкаетъ, и педагоги, посылаемые ими, потачки не даютъ. И это не въ одной Вятской губерніи. Вообще начальство спохватилось, и со временъ г. Шварца систематически, настойчиво стремится возстановить нарушенный порядокъ. Напору низшихъ, «некультурныхъ» сословій въ среднюю школу поставленъ дополнительный заслонъ: проводится тенденція повышать плату за ученіе. При существованіи частныхъ и, въ особенности, дешевыхъ школъ, это средство могло бы стать опаснымъ или, по крайней мѣрѣ, не достигающимъ своей цѣли. Но гг. Шварцъ и Кассо легко нашли способъ обезопасить свое дѣло съ этой стороны. Открытіе новыхъ частныхъ школъ тормозится. Относительно старыхъ и уже открытыхъ приняты мѣры. Общимъ распоряженіемъ на частныя учебныя заведенія распространено дѣйствіе циркуляровъ о процентной нормѣ для евреевъ. Евреи, не находящіе мѣста въ казенныхъ училищахъ, были выброшены и изъ частныхъ среднихъ школъ. Число учениковъ въ послѣднихъ понизилось. Учредители и содержатели, такимъ образомъ, оказались вынужденными повысить плату за ученіе. Богатыри мысли и дѣла на томъ не успокоились. Не такъ давно газеты описывали одинъ изъ пріемовъ, практикуемыхъ, между прочимъ, въ одесскомъ округѣ. Начальству не нравится та или иная частная средняя школа. Учебный округъ располагаетъ педагогами, которые знаютъ, какъ надо дѣйствовать въ этихъ случаяхъ. Въ школу, признанную лишней или неподходящей, попечитель округа назначаетъ одного изъ такихъ спеціалистовъ директоромъ, инспекторомъ или предсѣдателемъ педагогическаго совѣта; два или три другихъ спеціалиста назначаются въ качествѣ учителей.

Любимцы округа, получивъ назначеніе въ намѣченную къ закрытію гимназію, начинаютъ заводить въ ней свои порядки... На учениковъ начинаютъ сыпаться за каждый пустякъ строжайшія взысканія. Въ ихъ средѣ и въ средѣ родителей возникаетъ паника. Болѣе пугливые берутъ дѣтей и переводятъ въ другія учебныя заведенія... Количество учениковъ начинаетъ таять, средства истощаются, учредители попадаютъ въ безвыходное положеніе...

Нѣкоторые изъ такихъ спеціалистовъ по уничтоженію частныхъ училищъ пользуются славой, ихъ имена пріобрѣли популярность *). И, сколько я знаю, знаменитости этого рода есть не только въ одесскомъ учебномъ округѣ. Вотъ что пишетъ, напр., «Кіевская Мысль» о дѣятельности только что вышедшаго въ отставку попечителя кіевскаго учебнаго округа, г. Зилова:

*) „Рѣчь", 28 декабря 1911 г.

Онъ явился къ намъ съ опредѣленной программой ликвидаціи частныхъ учебныхъ заведеній... И огромное поле его дѣятельности усѣяно мертвыми костями погибшихъ... Система разгрома проста и однообразна. Прежде всего—ревизія. Затѣмъ предложеніе объ устраненіи директора-учредителя и назначеніе, взамѣнъ его, новаго директора изъ своихъ людей. Отказъ отъ такого предложенія влечетъ за собою обязательное закрытіе *).

Откажешься принять на службу спеціалиста по изгнанію учениковъ—школа закрывается немедленно. Примешь спеціалиста—все равно закрытіе.

Кромѣ системы карательныхъ ревизій, широко примѣнялась еще система карательныхъ экзаменовъ подъ наблюденіемъ чиновника изъ округа **).

Чтобы получить извѣстныя права по образованію, ученикамъ частныхъ школъ надо выдержать экзаменъ въ присутствіи и подъ контролемъ оффиціальныхъ представителей министерства народнаго просвѣщенія, а эти послѣдніе такъ высоко держатъ знамя, что экзамены превращаются то въ «уманьскую рѣзню», то въ «бѣлоцерковскую осаду», то въ «полтавскую битву». Наконецъ, г. Зиловъ пользовался всякимъ вообще «законнымъ поводомъ», чтобы уничтожить нежелательную конкуренцію правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ. Въ Черниговѣ женская гимназія закрыта, вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ ея преподавателей, что представитель округа слишкомъ строго экзаменуетъ ученицъ ***).

Въ Тульчинѣ, когда скончался учредитель частной гимназіи, то учебному заведенію грозило закрытіе на томъ основаніи, что, если умеръ учредитель, то должна умереть и созданная имъ школа ****).

«Только благодаря заступничеству г. Балашева», законы о правахъ наслѣдниковъ и правопреемниковъ не были ниспровергнуты, и дѣти, обучающіяся въ тульчинской гимназіи, не лишились возможности продолжать образованіе. Но это, какъ выражается «Кіевская Мысль», «счастье», а счастье по самой природѣ своей—удѣлъ немногихъ.

Уже этихъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы судить, насколько односторонне освѣщена картина г-номъ Дурново. Есть «увлеченіе какимъ-то бурнымъ потокомъ разныхъ теоретическихъ утопій»; есть «неудержимое стремленіе». Но есть и надлежащій отпоръ и этимъ «утопіямъ», и этому «стремленію». О начальномъ образованіи у насъ рѣчь впереди. Но средняя школа сдѣлалась еще менѣе доступной, чѣмъ это было въ 1905 г. Повышается не только плата за ученье. Повышаются и требованія относительно форменной одежды. Помѣстивъ ребенка въ казенную среднюю школу, ро-

*) „Кіевская Мысль“, 4 января 1912 г.
**) Тамъ же.
***) „Русское Слово“, №№ 22 сентября и 5 октября 1911 г.
****) „Кіевская Мысль“, 4 января.

дители обязываются завести цѣлый гардеробъ: «зимняя форма», «лѣтняя форма», — послѣдняя въ нѣсколькихъ (не менѣе двухъ) экземплярахъ; мѣстами, когда объявлена обязательной «лѣтняя форма», ученикъ не смѣетъ надѣть зимнюю одежду; нельзя явиться въ бѣлой («лѣтней») курткѣ и темныхъ («зимнихъ») брюкахъ или въ «зимней» курткѣ при «лѣтнихъ» брюкахъ; мѣстами нельзя къ старой поношенной курткѣ сшить новыя брюки, ибо начальство строго слѣдитъ, чтобы не было ни малѣйшей разницы въ цвѣтѣ; если испортилась какая-либо часть костюма, то либо шей все новое, либо прекращай ученье. Еще строже въ женскихъ школахъ. «Саратовскія, напр., казенныя женскія гимназіи получили изъ казанскаго учебнаго округа модели — куклы гимназистокъ младшаго и старшаго классовъ въ форменныхъ костюмахъ, которыхъ гимназіи должны придерживаться неукоснительно» *).

«Покрой юбокъ разбивается по классамъ. Въ извѣстныхъ классахъ долженъ быть извѣстный фасонъ. Въ однихъ классахъ юбки должны быть пошире, въ другихъ поуже, — конечно извѣстнаго цвѣта». Шляпки должны быть «строго опредѣленнаго типа вплоть до ширины полей и мѣста для значка» **).

Съ каждымъ переходомъ изъ одного класса въ другой приходится такимъ образомъ обзаводиться наново. Само собою понятно, какъ это отражается на «малокультурныхъ сословіяхъ».

— Такъ вамъ не на что содержать вашу дочь? — спросила начальница Балашевской гимназіи у матери одной ученицы.

— Нѣтъ.

— А *ты* чѣмъ занимаешься?

— Прачка.

— Удивительно! И прачки-то полѣзли въ гимназію. Сама прачка, — и дочь учи этому ремеслу. Пошла домой!..

— ...А вы чѣмъ занимаетесь? — спрашиваетъ та-же начальница другую мать.

— Я — учительница профессіональной школы.

— Портниха! Совѣтую вамъ взять дочь изъ гимназіи и обучать своему ремеслу. Она неспособна ***).

Нѣтъ, повторяю, напрасно г. Дурново видитъ только мрачныя явленія: много въ Россіи и свѣтлаго. Много «свѣтлаго» достигается мѣропріятіями, имѣющими такъ сказать, экономическое значеніе. Много дѣлается и средствами чисто педагогическими.

Въ оханской женской гимназіи ученицы изъ крестьянскаго сословія подвергнуты презрительному отношенію со стороны преподавателей, позволяющихъ себѣ насмѣшки надъ ихъ костюмомъ и выговоромъ. Это отмѣчено на уѣздномъ земскомъ собраніи въ докладѣ одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ ****).

---

*) «Школа и Жизнь», 14 ноября 1911 г.

**) Изъ практики Балашевской женской гимназіи, — «Саратовскій Вѣстникъ» 11 сентября 1911 г.

***) «Школа и Жизнь», 19 декабря 1911 г.

****) «Школа и Жизнь», 17 ноября 1911 г.

Насмѣшки надъ костюмомъ, сшитымъ не первоклассной, конечно, портнихой, надъ манерами и т. д. практикуются широко въ очень многихъ среднихъ школахъ. Но это, разумѣется, имѣетъ лишь нравственное значеніе. Существеннѣе то свойство кухаркиныхъ дѣтей, на которое указываетъ попечитель казанскаго учебнаго округа въ извѣстной уже намъ бумагѣ на имя нолинской земской управы: «мало подготовлены къ усвоенію учебнаго матеріала средней школы и мало развиты въ общекультурномъ и нравственномъ смыслѣ», мѣшаютъ «водворить» въ школахъ «должныя требованія въ учебновоспитательномъ отношеніи». Г. Деревицкій рекомендуетъ прекратить «снисходительное отношеніе» къ дѣтямъ на экзаменахъ. Но, само собою разумѣется, недопустимо снисходительное отношеніе и на урокахъ. На эту часть обращено большое вниманіе. Недавнимъ осеннимъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія предлагается «предъявлять къ ученикамъ серьезныя требованія, какъ касательно положеннаго въ программѣ учебнаго матеріала, такъ и исполненія ими назначенныхъ имъ письменныхъ работъ». Въ изустныхъ инструкціяхъ преподавателямъ мысль письменныхъ предложеній пріобрѣтаетъ болѣе полную выразительность. Такъ, напр., попечитель харьковскаго округа г. Соколовскій, ревизуя таганрогскую мужскую, гимназію,

усиленно рекомендовалъ возможно строже относиться къ неуспѣвающимъ ученикамъ, особенно старшихъ классовъ, предлагалъ помнить, что *«тройку нужно предпочитать четверкѣ, а двойку—тройкѣ»* *).

И преподаватели это помнятъ. Требовательность водворилась чрезвычайная. Ученическія самоубійства изъ-за строгостей, изъ-за двоекъ и единицъ стали эпидемическимъ явленіемъ русской жизни, Оппозиціонная и временами правая печать говоритъ о безчеловѣчіи, о водвореніи «педагогическихъ пріемовъ Ирода». Но, разумѣется, это огульное сужденіе легко опровергнуть. Да вотъ, напримѣръ, фактъ:

Въ Нижнемъ Новгородѣ въ мѣстномъ маріинскомъ женскомъ институтѣ дочь губернатора Хвостова не успѣвала въ нѣмецкомъ языкѣ. Г. Хвостовъ обратился въ Петербургъ, и *его дочь была освобождена отъ обученія нѣмецкому языку, несмотря на Высочайше утвержденныя правила объ обязательности* обученія послѣднему *для всѣхъ* воспитанницъ института**).

Ребенку изъ «хорошей, культурной» семьи всегда будетъ оказано снисхожденіе. «Культурнымъ» дѣтямъ, навѣрное, и харьковскій попечитель не поставитъ двойки, вмѣсто тройки. Это различіе надо имѣть въ виду. Г. Соколовскій ревизовалъ таганрогскую гимназію и предлагалъ дѣйствовать какъ можно строже, послѣ одной нашумѣвшей «исторіи»: директоръ въ присутствіи преподавателей

*) «Утро Россіи», 12 декабря 1911 г.
**) «Школа и Жизнь», 12 декабря 1911 г.

членовъ родительскаго комитета и многихъ родителей собственноручно избилъ нѣсколькихъ учениковъ. А на обращенные къ нему по этому поводу вопросы и протесты отвѣтилъ:

— «Да, билъ и буду бить и выгонять».

Родители по телеграфу просили попечителя округа оградить дѣтей отъ кулачной расправы *). И слова г. Соколовскаго можно понимать, какъ косвенный отвѣтъ. Будь родители «культурнѣе», конечно, и директоръ не рискнулъ бы драться, да и попечитель округа послѣ такой исторіи не сталъ бы призывать учителей къ чрезвычайной строгости.

Въ январѣ нынѣшняго года газеты писали о другой школьной исторіи. Ученикъ мелитопольскаго реальнаго училища Миша Колубаевъ явился на уроки одѣтымъ не согласно правиламъ (брюки лѣтнія, а куртка зимняя). Начальство приказало немедленно переодѣться. Мальчикъ побѣжалъ домой. Но, когда вернулся, уроки уже начались, и вступило въ силу другое правило: опоздавшихъ не пускаютъ въ училище до окончанія урока. Разгоряченный бѣгомъ, одѣтый въ одну «лѣтнюю» куртку мальчикъ цѣлый часъ провелъ на холодѣ, передъ дверьми училища, ожидая, когда швейцаръ впуститъ. Въ результатѣ скарлатина и черезъ два дня смерть. На похоронахъ родители погибшаго назвали директора убійцей и за это привлечены къ судебной отвѣтственности. Судъ отнесся къ нимъ мягко,—приговорилъ всего къ штрафу въ 5 руб. Это дѣло, въ которомъ кругомъ виноватыми оказались родители погибшаго мальчика и вполнѣ правыми педагоги мелитопольскаго реальнаго училища, обратило на себя нѣкоторое вниманіе. Прогрессивная печать, какъ водится, поговорила о «безсмысленныхъ и глубокожестокихъ школьныхъ драмахъ» **). Надо, однако, замѣтить, что правила, подобныя мелитопольскому (не впускать опоздавшихъ или рано пришедшихъ учениковъ) отнюдь не новость. Во многихъ городскихъ, уѣздныхъ и тому подобныхъ училищахъ для низшихъ сословій эта мѣра примѣнялась давно. Теперь она проникла въ среднія школы, и ея умѣстность доказывается соображеніями, порою чрезвычайно оригинальными.

«*Двинскъ.* Директоръ реальнаго училища Оношко придумалъ способъ поддерживать въ помѣщеніи училища нормальную температуру. Онъ приказалъ сторожамъ не впускать и не выпускать учениковъ по одиночкѣ, а непремѣнно группами, не менѣе шести человѣкъ, мотивируя это распоряженіе тѣмъ, что *при болѣе рѣдкомъ открываніи дверей внутри лучше сохраняется тепло*" ***).

Конечно, дѣтей культурныхъ и благородныхъ родителей г. Кассо не позволитъ морозить и подвергать риску простуды изъ-за годичной экономіи въ нѣсколько десятковъ рублей на топливѣ. И если

*) „Русское Слово", 13 мая 1911 г.
**) „Кіевская Мысль", 4 января.
***) „Русское Слово", 17 января 1912 г.

въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ эта экономія стала больше значить, чѣмъ здоровье дѣтей, то именно потому, что въ среднюю школу «полѣзли» элементы некультурные и неблагородные. Кто же эти элементы? Попечитель казанскаго округа попытался дать уже извѣстную намъ цифровую справку: въ воткинской гимназіи 90% ученицъ изъ *крестьянской* среды и т. д. Но, разумѣется, справка эта страдаетъ нѣкоторой огульностью. Замѣнивъ сословный признакъ («крестьяне») профессіональнымъ (родъ занятій), мы получимъ болѣе точную картину. Даже въ вятскихъ дешевыхъ среднихъ школахъ значительная часть учащихся—дѣти торговцевъ, приказчиковъ, заводскихъ, земскихъ и городскихъ служащихъ, сельскихъ учителей, волостныхъ старшинъ и писарей и т. д. Для массоваго земледѣльца средняя школа—даже вятская—остается мало доступной роскошью, которою могутъ пользоваться лишь «крѣпкіе мужички»,—«сильные» столыпинской ставки. Въ школахъ обыкновенныхъ, а стало быть и дорогихъ, некультурнымъ элементомъ является тотъ же по существу разночинецъ, только болѣе крупный. Прачки и кухарки—исключеніе, а въ большинствѣ—торговцы, приказчики, мелкіе акцизные, почтовые и всякіе другіе чиновники, канцелярскіе служащіе, учителя низшихъ школъ, ремесленники, квалифицированные рабочіе. Вся эта «мелкота» въ экономическомъ смыслѣ часто стоитъ ниже, чѣмъ даже «крѣпкіе крестьяне». Тянется она буквально «изъ послѣднихъ жилъ» и тянется, — какъ давно замѣчено,—куда не слѣдуетъ. Еще министръ Уваровъ «соображалъ, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназію для разночинцевъ». Еще тогда, при Уваровѣ, офиціальныя учрежденія и лица говорили объ этой средѣ то же, что теперь говоритъ и г. Деревицкій: она некультурна, неподготовлена, понижаетъ уровень средняго образованія и уже по одной этой причинѣ является элементомъ нежелательнымъ. Такъ было. Такъ и есть. Двѣ существенно различныя породы дѣтей, и два существенно различныхъ къ нимъ отношенія. Къ желательнымъ элементамъ начальство относится гуманно. Но нельзя же требовать, чтобы таково же было отношеніе—скажемъ для примѣра—къ евреямъ. Разъ еврейскія дѣти признаны элементомъ нежелательнымъ, то и правила для нихъ соотвѣтствующія: кому не нравится,—пусть уходитъ; чѣмъ больше уйдетъ, тѣмъ лучше. Точно также, разъ министерствомъ народнаго просвѣщенія признано, что дѣти «некультурной среды»—элементъ нежелательный, то . . . какой же разумный хозяинъ бережетъ и холитъ худую траву въ полѣ? Холить смѣшно. Беречь—съ какой стати? Вонъ въ томскомъ реальномъ училищѣ сразу уволено 42 ученика. За что? А за то, что въ передней одна преподавательская калоша оказалась облитой сѣрной кислотой. Съ умысломъ или нечаянно калошѣ причиненъ ущербъ, и кѣмъ именно,—неизвѣстно. «Виновныхъ» начальству открыть не удалось. И за вину неиз-

вѣстнаго «преступника» выброшено на улицу 42 ученика *). Саратовскимъ среднимъ школамъ помогла не калоша, а старый, давно позабытый и, казалось бы, потерявшій всякое спасательное значеніе «циркуляръ»: ученикъ, не явившійся въ срокъ безъ уважительныхъ причинъ изъ отпуска (послѣ вакацій), считается выбывшимъ изъ учебнаго заведенія. Послѣ рождественскихъ вакацій «срокъ явки»—7-го января. Въ этотъ день вообще въ школахъ правильной работы нѣтъ, да ее, конечно, тотчасъ послѣ большого перерыва и невозможно наладить. Сверхъ того, 7 января пришлось между двумя неучебными днями (пятница 6 января и воскресенье 8 января). Конечно, «въ срокъ» многіе ученики не явились. О результатахъ можно судить по слѣдующему письму, напечатанному 14 января «Саратовскимъ Листкомъ»:

„Сынъ моего родственника, живущаго за нѣсколько сотъ верстъ отъ Саратова, въ числѣ многихъ другихъ, не могъ явиться въ (реальное) училище 7 января и не представилъ удостовѣренія о причинахъ опозданія. Вслѣдствіе этого ему, какъ и другимъ такимъ же ученикамъ, предложено не посѣщать училища".

Всѣ «неявившіеся въ срокъ изъ отпуска» признаны и объявлены «выбывшими». Однако начальство не желаетъ дѣйствовать безъ разбору: родителямъ уволенныхъ учениковъ «предложено. . . подать прошенія о пріемѣ вновь въ училище, съ указаніемъ уважительныхъ причинъ опозданія, и если администрація училища признаетъ объясненіе достаточнымъ, а причины заслуживающими вниманія, то можетъ разрѣшить посѣщеніе училища» **). Сколько-нибудь желательнымъ элементамъ, навѣрное, будетъ оказано возможное снисхожденіе. А элементъ нежелательный, «понижающій уровень средней школы», и жалѣть нечего: худая трава изъ поля вонъ... Къ этой послѣдней школоочистительной цѣли направлено, вѣдь, и то средство, которое рекомендуетъ преподавателямъ, между прочимъ, попечитель харьковскаго учебнаго округа г. Соколовскій: вмѣсто четверки—тройка, вмѣсто тройки—двойка. Это по преимуществу дезинфекціонное средство: одна или двѣ двойки въ годовомъ выводѣ, и нежелательный элементъ на законномъ основаніи можетъ быть исключенъ за малоуспѣшность.

Весною 1911 г. въ симбирской гимназіи, по словамъ мѣстныхъ «Волжскихъ Вѣстей», сразу 34 ученика «за малоуспѣшность не были допущены къ экзаменамъ и не оставлены на второй годъ въ томъ же классѣ, но просто безъ согласія родителей исключены». Расправа, на первый взглядъ, огульная. Однако, отецъ одного изъ учениковъ письмомъ въ редакцію той же газеты обратилъ вниманіе, что не всѣ «двоечники» подверглись равной участи.

---

*) «Русское Слово», 26 января 1912 г.

**) «Саратовскій Листокъ», 14 января.

„Мой сынъ,—пишетъ онъ,—учился въ пятомъ классѣ *первый* годъ, имѣетъ 3 неудовлетворительныхъ годовыхъ отмѣтки, возрастъ 17 лѣтъ. Поведеніе 5, пропущенныхъ уроковъ почти не было, въ четвертомъ классѣ учился одинъ годъ... При наличности всего этого, безъ моего вѣдома, совѣтъ его исключилъ. Другой ученикъ, рядомъ съ нимъ сидящій, въ прошломъ году за 4 неудовлетворительныхъ отмѣтки былъ, однако, не исключенъ, а оставленъ на второй годъ въ пятомъ же классѣ. Возрастъ тотъ же. Нынѣ имѣетъ 2 неудовлетворительныхъ отмѣтки, но онъ все-таки не исключенъ, а допущенъ къ экзамену“ *).

Первогодникъ съ тремя двойками исключенъ. Второгодникъ съ двумя двойками допущенъ къ экзаменамъ, и, быть можетъ, ему помогутъ выдержать ихъ. А если это сынъ несомнѣнно культурныхъ, несомнѣнно благородныхъ родителей, то ему, навѣрное, помогутъ. Объ огульной, слѣпой расправѣ тутъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи. Не бегемотъ въ посудной лавкѣ качучу пляшетъ, а надлежаще подобранные «воспитатели юношества» энергически и всевозможными способами искореняютъ «сорныя травы». При полотьбѣ всегда и вездѣ дѣло не обходится безъ того, чтобы не повредить кое-гдѣ желательныя, «хорошія» растенія. Ошибки неизбѣжны. И, замѣчая ихъ, хозяева обыкновенно сердятся и «взыскиваютъ». Въ данномъ случаѣ мы видимъ, что хозяева,—по крайней мѣрѣ, попечители учебныхъ округовъ,—если и выражаютъ недовольство, то лишь по поводу излишней, по ихъ мнѣнію, снисходительности и чрезмѣрнаго обилія нежелательныхъ элементовъ. Это—вѣрный знакъ, что полольщики цѣлесообразно истребляютъ подлежащее истребленію.

III.

Г. Дурново говорилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, словно обломокъ далекаго прошлаго—не то «послѣдышъ», не то выходецъ изъ царства тѣней. Въ его рѣчи такъ много страннаго, временами прямо забавнаго игнорированія общеустановленныхъ понятій, что углубиться въ нее почувствуетъ желаніе скорѣе юмористъ, чѣмъ положительный мыслитель. А жаль. Тому лагерю, къ которому принадлежитъ г. Дурново, есть что сказать по поводу нынѣшней школьной политики. И если бы выступилъ отъ имени этого лагеря ораторъ болѣе современный и болѣе откровенный, чѣмъ г. Дурново, онъ могъ сказать много такого, что заставило бы серьезно задуматься. Возьмите хотя бы искорененіе нежелательныхъ элементовъ. Что собственно происходитъ? Какъ бы тамъ ни было, но государственная власть ассигнуетъ средства, содержитъ существующія школы, строитъ новыя, открываетъ двери желающимъ учиться, — пусть плохо, негостепріимно открываетъ, а все таки ежегодно къ концу августа школы биткомъ набиты. Выполнивъ это, чины учебнаго вѣ-

*) «Волжскія Вѣсти», 12 мая 1911 г.

земства начинаютъ работу въ обратномъ направленіи—выживать дѣтей изъ школы, вышвыривать ихъ на улицу поодиночкѣ, группами, сразу цѣлыми десятками... Оставимъ въ сторонѣ вопросы человѣколюбія. Оставимъ въ сторонѣ вопросы культуры. Полезно ли, вредно ли народное просвѣщеніе,—нечего рѣшать. Но даже съ узкодѣловой, чисто-финансовой точки зрѣнія,—неужели нельзя найти болѣе остроумный способъ тратить ежегодно милліоны рублей? А затѣмъ,—какое политическое значеніе могутъ имѣть столь странные труды? Вѣдь, результатъ ихъ очевиденъ: комплектуются кадры людей, имѣющихъ достаточный поводъ при первой же возможности свести счеты съ властью, которую они считаютъ отвѣтственной за расправы, производимыя «педагогами». Платить-то за разбитые горшки будутъ не гг. Зиловы, Деревицкіе или Соколовскіе. Подобная система недопустима, непозволительна съ лѣвой и общепрогрессивной точки зрѣнія. Но, вѣдь, и съ точки зрѣнія правыхъ, охранительныхъ группъ, нѣтъ ничего хорошаго въ расходованіи государственныхъ средствъ на то, чтобы накапливать въ странѣ горючій матеріалъ,—лучше ужъ, въ самомъ дѣлѣ, тратить на полицію. Многое другое, столь же понятное и для правыхъ, и для лѣвыхъ, могла бы высказать группа г-на Дурново. Но говорить за нее мы не призваны. Дѣло это не наше. Для насъ важнѣе изучить и понять установившуюся систему. Ея нѣкоторыя особенности мы только что видѣли. Присмотримся внимательнѣе къ другимъ наиболѣе характернымъ явленіямъ нынѣшняго школьнаго быта.

Въ прогрессивной прессѣ неоднократно высказывались по адресу руководителей школьной политики прямыя обвиненія въ лицемѣріи.

Прежде, — читаемъ въ одномъ изъ такихъ отзывовъ, принадлежащемъ „Кіевской Мысли", — тормазы развитію школъ были откровеннѣе. Говорили просто, что „въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ черезъ мѣру умножился приливъ молодыхъ людей"... писали опредѣленные циркуляры о томъ, что гимназіи должны освободиться отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, прачекъ и т. п. людей, дѣтей коихъ вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ", и т. д. Теперь нельзя, конечно, съ думской каѳедры заговорить о вредѣ образованія для „кухаркиныхъ дѣтей", и мы слышимъ, наоборотъ, рѣчи, полныя заботы о развитіи просвѣщенія. На дѣлѣ же и эти рѣчи, и старые циркуляры даютъ одинъ эффектъ.

Можно, однако, и теперь заговорить и о вредѣ образованія вообще, и о закрытіи дороги кухаркинымъ дѣтямъ въ частности. Да и говорятъ объ этомъ. Спора нѣтъ, лицемѣріе въ наше время хоть отбавляй. Но и откровенность изумительная. Дѣло лишь въ томъ, что по данному вопросу—о народномъ образованіи—соотношеніе общественныхъ силъ крайне неблагопріятно для реакціи. Въ этомъ пунктѣ духовные наслѣдники и правопреемники гр. Д. А. Толстого и К. П. Побѣдоносцева имѣютъ противъ себя не только своего исконнаго врага—«безпочвенную интеллигенцію», но и значительную часть дворянскихъ круговъ, мелкое и среднее чиновни-

чество, торговопромышленный классъ. При этихъ условіяхъ отбросить стихійный напоръ народныхъ массъ въ школу нѣтъ физической возможности. Наслѣдники Побѣдоносцева вынуждены уступать и отступать. Но они перестали бы быть сами собою, если бы не старались пользоваться предоставленной имъ возможностью свести сдѣланныя уступки на нѣтъ. Въ порядкѣ законодательномъ учебное вѣдомство предполагало открыть къ началу 1911—12 учебнаго года 31 среднюю школу и 152 городскихъ училища; въ порядкѣ исполнительномъ оно открыло 15 среднихъ школъ (сокращеніе на 52%) и 35 городскихъ училищъ (сокращеніе на 77%). Сталкиваясь во время пріемныхъ экзаменовъ непосредственно съ родительскою массою и тѣми сложными общественными вліяніями (въ частности, «протекціями»), которыя стоятъ за нею, даже «люди въ футлярахъ» пасуютъ, и классы заполняются. Оставаясь наединѣ съ дѣтьми въ классахъ, футлярные люди принимаютъ свой естественный видъ. Попадая въ сферу общественныхъ вліяній, какія есть и въ Думѣ, и въ Совѣтѣ, самъ г. Кассо за дополнительныя ассигновки на народное образованіе. Въ тиши канцелярій дѣло идетъ обычнымъ порядкомъ:

До сихъ поръ,—писало, напр., „Современное Слово",—остается мертвымъ капиталъ свыше милліона рублей изъ суммъ, оставленныхъ покойнымъ Чижовымъ. Послѣ покойнаго Солодовникова остались цѣлыхъ 32 милліона на постройку школъ въ 4 губерніяхъ. Прошло десять лѣтъ... дѣло постройки школъ не двигается совершенно... Министерство народнаго просвѣщенія проявило полное безучастіе...

Есть милліоны, пожертвованные на устройство сельско-хозяйственныхъ институтовъ въ Екатеринославской губерніи и Одессѣ. Они гдѣ-то лежатъ. А пока

Екатеринославъ и Одесса включены въ самую отдаленную очередь для открытія тамъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ *)

Люди проводятъ десяти-милліонную фиксированную ассигновку на начальныя школы и проводятъ, какъ будто, не безъ настойчивости. И въ то же время десятки милліоновъ пожертвованныхъ суммъ остаются безъ движенія. И къ нимъ установилось такое отношеніе, словно кто-то задается цѣлью отбить у возможныхъ жертвователей всякую охоту жертвовать на образованіе.

Это—ходы все-таки второстепеннаго значенія. Главное и основное обезвреживаніе всѣхъ уступокъ достигается реакціей при посредствѣ режима, установленнаго для учителей и создавшаго во всѣхъ школахъ, и въ низшихъ и въ среднихъ, «преподавательскій кризисъ», который по существу едва-ли чѣмъ отличается отъ «профессорскаго кризиса», въ университетахъ. Въ университетахъ важнѣйшія каѳедры порою остаются незамѣщенными. Въ среднихъ

*) Цит. по «Кіевской Мысли», 13 іюля 1911 г.

школахъ не такъ ужъ рѣдко цѣлыми мѣсяцами, по полугодіямъ, нѣтъ преподавателей главнѣйшихъ предметовъ (русскій языкъ, математика, исторія и т. д.) *). И то же самое въ школахъ низшихъ, — начиная съ городскихъ училищъ (по Положенію 1872 г.).

Пустующія каѳедры приходится замѣщать кое-какъ и кѣмъ-нибудь. На мѣстахъ преподавателей, инспекторовъ и директоровъ среднихъ школъ то тамъ, то здѣсь оказываются люди, безграмотность которыхъ документально устанавливается газетами, городскими и земскими управами, просвѣтительными обществами: маленькой офиціальной бумаги не умѣютъ написать безъ синтаксическихъ погрѣшностей и грубѣйшихъ этимологическихъ ошибокъ **). Для подготовки учителей начальныхъ школъ пришлось установить упрощенные способы,—завести «педагогическіе курсы» при городскихъ училищахъ, а жизнь заставила ввести и дальнѣйшія упрощенія: за некомплектомъ штатныхъ учителей преподаваніе на «педагогическихъ курсахъ» иногда поручается «учительскимъ помощникамъ», т. е. лицамъ, которыя обыкновенно и сами-то имѣютъ всего лишь званіе начальнаго учителя. И все-таки даже упрощенныхъ учителей не хватаетъ. При такихъ условіяхъ не очень ужъ опасны проекты новыхъ университетовъ, политехникумовъ и т. д., ибо профессоровъ нѣтъ. Не опасны проекты новыхъ среднихъ школъ, — учителей все равно не найдете. Всеобщее обученіе? Г. Коковцовъ согласенъ дать субсидію,—только найдите учителей. Общеизвѣстно, какъ достигнуто столь остроумное положеніе въ высшихъ школахъ: однихъ профессоровъ увольняютъ, другихъ ставятъ въ такое положеніе, что они сами не считаютъ возможнымъ продолжать службу. Въ среднихъ школахъ преподавателей «привлекаютъ» на службу еще безцеремоннѣе. «Кіевская Мысль» подвела цифровой итогъ стремленій попечителя округа Зилова привлечь учителей въ среднія школы. Оказалось,что за 5 лѣтъ выброшены со службы около 80 директоровъ и инспекторовъ, около 1000 учителей, и «перемѣщено, сорвано въ мѣстъ, переброшено свыше 800» и, разумѣется, эти цифры характерны не только для кіевскаго округа. Условія службы таковы, что бѣгство учителей стало повальнымъ явленіемъ. Для иллюстраціи нѣсколько газетныхъ замѣтокъ:

---

*) «Управленіе виленскаго учебнаго округа не располагаетъ кандидатами для занятія должностей преподавателей русскаго языка и словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ остаются не занятыми вакансіи преподавателей по этому предмету» («Школа и Жизнь 21 ноября 1911 г.). Аналогичныя свѣдѣнія имѣются относительно казанскаго, харьковскаго и московскаго учебныхъ округовъ.

**) Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ,особо примѣчательные случаи педагогической безграмотности наблюдаются въ Казанскомъ округѣ, т. е. какъ разъ тамъ, гдѣ г. Деревицкій требовалъ изгнанія кухаркныхъ дѣтей для поднятія уровня средняго образованія.

«Изъ порѣчской женской гимназіи бѣгутъ всѣ преподаватели. Въ настоящее время осталось только два педагога... Въ гимназіи занятія происходятъ только по нѣкоторымъ предметамъ, часа два въ день, и часто бываютъ пустые дни, когда совсѣмъ не бываетъ уроковъ». *).

Въ омской мужской гимназіи за два только мѣсяца бѣжали со службы 5 преподавателей; сверхъ того, нѣкоторыми другими, не оставившими службу, поданы прошенія о переводѣ. Характерно, что одинъ изъ преподавателей прослужилъ въ гимназіи всего два дня и сбѣжалъ; другой сбѣжалъ, прослуживъ всего три дня **).

Въ слободской гимназіи съ 16 августа по 16 октября не были учителей физики и географіи, до декабря не было учителя исторіи. На рождествѣ и послѣ рождества сбѣжали: учитель математики, учитель русскаго языка, учитель чистописанія и рисованія. Жалуются гимназистки:

— То одного учителя нѣтъ, то другого. До рождества почти не было уроковъ исторіи, а потомъ, когда пріѣхалъ учитель, стали задавать по исторіи листовъ по десять въ день» ***).

Въ этой передачѣ газетныхъ замѣтокъ удерживаю слово: «сбѣжали», получившее нѣсколько техническій смыслъ: оставили службу, такъ какъ не могли примириться съ ея условіями. Средняя школа, очевидно, такъ же (если не больше), поражена, какъ и высшая. О правильной работѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Стоитъ зданіе съ вывѣской: «гимназія», «реальное училище» и т. д.; въ немъ пріѣзжащіе и отъѣзжающіе люди въ вицмундирахъ «даютъ уроки». Школа все замѣтнѣе пріобрѣтаетъ характеръ педагогическаго постоялаго двора, куда собираются дѣти въ надеждѣ, что, если не тотъ, то другой кочующій учитель что-либо разскажетъ, задастъ какой-либо урокъ.

Изъ среднихъ школъ учителя «бѣгутъ». Въ низшихъ, разумѣется, еще хуже. Бытовыя условія, на которыя обречена жизнь народнаго учителя, всегда были тяжки .Теперь въ сознаніе реакціонныхъ круговъ вошла мысль: нѣмецкій учитель разбилъ французовъ въ 1870 г., русскій учитель въ 1905 г. устроилъ революцію. И учитель превратился въ существо поднадзорное, изгоняемое по первому доносу, при малѣйшемъ сомнѣніи въ политической благонадежности. Это парія, илотъ, съ которымъ можетъ расправиться всякій, кому не лѣнь. Въ отдѣльныхъ случаяхъ народнаго учителя при желаніи начальство просто бьетъ,— въ буквальномъ смыслѣ слова бьетъ, кулаками ****). Въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ учительницъ начальствующія лица считаютъ себя въ правѣ требовать медицинскаго свидѣтельства о невинности *****). Въ видѣ общей мѣры, къ семейнымъ учителямъ и учительницамъ чины инспекціи лѣзутъ прямо

*) «Школа и Жизнь», 21 ноября 1911 г.

**) «Утро Россіи», 30 сентября 1911 г.

***) «Вятская Рѣчь», 5 марта 1911 г.

****) Напр., случай съ учителемъ двухкласснаго училища Николаевымъ въ Каменецъ-Литовскѣ Подольской губ. („Современное Слово“ 20 сентября 1911 г.).

*****) Случай въ Майкопскомъ уѣздѣ. («Одесскія Новости», 14 сентября 1911 г.).

въ супружескую спальню—циркулярно предписываютъ, напримѣръ, не имѣть болѣе двухъ дѣтей; виновные въ рожденіи третьяго ребенка немедленно увольняются со службы *). Чины инспекціи могутъ вообще устанавливать какіе угодно законы для учителей, Напримѣръ:

„Учительницамъ воспрещается снимать квартиры ближе двухъ кварталовъ отъ квартиръ учителей **).

„Воспрещается дѣлать платья и прически по вкусу" ***).

„Модныхъ прическокъ волосамъ на головѣ не дѣлать ****).

О приказахъ ни въ какомъ случаѣ не выходить замужъ, выписывать на свои средства только извѣстныя газеты, записаться въ союзъ русскаго народа достаточно лишь упомянуть; это—слишкомъ обычное въ наше время. Когда читаешь многочисленныя распоряженія и предписанія мѣстныхъ чиновъ учителямъ, то невольно возникаетъ мысль,—не стараются ли провинціальные представители учебнаго вѣдомства обнаруживать то качество, которымъ отличается г. Кассо и которое «Новымъ Временемъ» опредѣлено, какъ похвальное умѣнье «грохать», — т. е. изобрѣтать мѣры, до такой степени похожія на злую шутку, что онѣ обращаютъ на себя общее вниманіе? Не стремятся ли маленькіе юпитеры, подражая большимъ, дѣлать въ доступной имъ области «яркую политику»? Многому просто отказываешься вѣрить. Передо мною, напр., такое газетное сообщеніе: директоръ народныхъ училищъ Кубанской области отдалъ приказъ станичнымъ учителямъ не имѣть при себѣ своихъ законныхъ женъ безъ особаго на то разрѣшенія дирекціи *****). Если хотите, тутъ можно подозрѣвать своеобразную логику: учитель обязанъ жить въ предоставленной ему квартирѣ при училищѣ; женѣ его казенной квартиры не предоставлено, въ училищѣ она — лицо постороннее: а постороннія лица не могутъ находиться, а тѣмъ паче жить въ учебномъ заведеніи, безъ особаго разрѣшенія начальства. Значитъ, учитель пусть живетъ въ казенной квартирѣ, какъ полагается по штату; но ни его жена, ни его дѣти находиться здѣсь не имѣютъ права. Точь въ точь по такому методу у насъ нерѣдко и законы «разъясняются». И все-таки, — что это? неужели правда, а не злая шутка? А главное, — каково живется людямъ, обязаннымъ выполнять распоряженія, которыя порою крайне трудно отличить отъ злостной выдумки? Вѣдь, это же не жизнь. Это—голгоѳа. И чтобъ выдержать ее, надо быть человѣкомъ либо ужъ очень преданнымъ

*) Предписаніе, напр., чердынскаго инспектора народныхъ училищъ, „Кіевская Мысль", 3 мая 1911 г.

**) Изъ декрета павлодарскаго инспект. Степанова· „Одесскія Новости", 5 марта 1911 г.

***) Изъ этого же документа.

****) Изъ распоряженіи тарскаго инспектора народныхъ училищъ. „Сибирь", 7 сентября 1911 г.

*****) „Утро Россіи", 26 января 1902 г.

дѣлу (до готовности претерпѣть за него моральныя и матеріальныя муки), либо несчастнымъ, которому некуда больше дѣться. Въ такой системѣ вольготно могутъ чувствовать себя лишь люди особеннаго устройства, — въ родѣ того полтавскаго «педагога», который въ своей школѣ не только возстановилъ тѣлесныя наказанія, но еще и отъ себя придумалъ — передъ поркой посыпать тѣло ученика растертымъ стручковымъ перцемъ *). Но съ людьми особеннаго устройства мы еще познакомимся. А пока рѣчь идетъ просто объ учителяхъ. Они поставлены въ условія невыносимыя. Теперь имъ преподносятъ новую милость—лишеніе льготы по воинской повинности, при чемъ эта дополнительная мѣра принимается одновременно съ обсужденіемъ законопроекта объ ассигновкахъ на всеобщее обученіе.

Формально—уступки стихійному стремленію къ знанію, ассигновки, проекты всеобщаго обученія. Въ дѣйствительности—система дѣйствій и мѣръ, фатально ведущихъ къ «обезвреженію» уступокъ и къ регрессу Школьнаго дѣла. Но, разумѣется, этотъ разладъ между формальнымъ и дѣйствительнымъ явился не совсѣмъ потому, что министры, октябристы, націоналисты суть лицемѣры; вѣрнѣе,— совсѣмъ не потому. И чтобы покончить съ этимъ вопросомъ о лицемѣріи или нелицемѣріи, сдѣлаю тутъ же одно общее замѣчаніе. Лично я полагаю, что среди, напр., октябристовъ есть люди, искренно желающіе двинуть впередъ народное просвѣщеніе въ Россіи. Но это ничего не мѣняетъ. Силою обстоятельствъ эти искренніе друзья просвѣщенія, пока они остаются на избранной ими соціально-политической позиціи, во многихъ случаяхъ вынуждены дѣйствовать, какъ его злѣйшіе враги.

IV.

Пусть октябристы или націоналисты X, У, Z,—друзья просвѣщенія. Но они враги того критическаго отношенія къ желательному имъ общественному порядку, которое они называютъ революціонностью. Школы надо строить. Но каково населеніе, культурныя потребности котораго онѣ предназначены обслуживать? Беру хотя бы такую замѣтку «Голоса Москвы».

Тревожны „деревенскія сказки" по поводу столѣтней годовщины наполеонова нашествія. „Росказни группируются вокругъ *вѣчнаго въ нашей деревнѣ вопроса* о землѣ. Изъ устъ въ уста на базарахъ, ярмаркахъ, у сельскихъ кабаковъ идетъ слухъ о предстоящемъ будто въ 1912 г. дополнительномъ надѣлѣ крестьянъ за счетъ помѣщиковъ". Ждутъ, что будетъ передана „крестьянамъ въ полную собственность вся помѣщичья земля», а помѣщикамъ будутъ оставлены только усадьбы, культурные участки (сады, пасѣки, рыбные пруды и т. п.)". „На этой почвѣ появилась въ селахъ агитація въ томъ направленіи, чтобы заблаговременно сжигать помѣщичьи

*) „Утро", 24 декабря 1911 г.

усадьбы и вырубать и свозить принадлежащіе помѣщикамъ лѣса и этимъ путемъ достигнуть полнаго перехода всѣхъ помѣщичьихъ земель во владѣніе крестьянъ" *).

Я подчеркнулъ слова: вѣчный въ нашей деревнѣ вопросъ. «Вѣчный», быть можетъ, и гипербола, но гипербола извинительная: всѣ знаютъ, каково въ общихъ чертахъ умонастроеніе земледѣльческой Россіи, ни для кого не секретъ, что это умонастроеніе сложилось давно, и ни у кого нѣтъ надежды, что оно въ теченіе, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ десятилѣтій измѣнится. Оно всегда, неизмѣнно для всѣхъ охранительныхъ группъ служитъ причиной тревоги, которая то стихаетъ, какъ бы полузабывается, то вновь обостряется — иногда, какъ вотъ теперь, безъ всякаго резоннаго повода. Столь же тревожно, если не тревожнѣе, умонастроеніе рабочей, фабрично-заводской Россіи. Такимъ же постояннымъ источникомъ тревоги служитъ и настроеніе умовъ обширныхъ разночинныхъ, по преимуществу городскихъ слоевъ. Таковы родители. Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ: таковы, конечно, и дѣти, питаемыя въ семьѣ «революціонными» настроеніями и «революціонными» взглядами. Офиціальными инструкціями на учителей возлагается обязанность воспитать дѣтей въ духѣ, „желательномъ охранительнымъ группамъ, внушить вѣрность и преданность извѣстнымъ началамъ. Но, помимо того, что по существу неисполнимо порученіе переломить и преодолѣть вліяніе среды, общихъ условій, создающихъ «революціонныя» настроенія въ народной массѣ,—нѣтъ достаточнаго контингента лицъ, которыя захотѣли бы хоть кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи. Учителя есть всякіе. Среди нихъ найдутся люди и очень реакціоннаго образа мыслей. Но въ цѣломъ эту корпорацію подозрѣваютъ — и небезосновательно—въ критическомъ отношеніи къ тому порядку вещей, который желателенъ охранительнымъ группамъ вообще и октябристамъ—въ частности. Охранительная и въ частности октябристская печать не разъ ужъ ставила этотъ вопросъ: школы де конечно необходимы, но прежде всего надо создать кадры «благонадежныхъ» учителей. Какъ разъ теперь въ руководящихъ политическихъ кругахъ пользуется нѣкоторымъ кредитомъ предположеніе, что отъ „революціонности» можетъ излечивать служба въ рядахъ арміи: фронтъ, молъ, выбиваетъ изъ человѣка стремленіе критиковать и воспитываетъ привычку къ субординаціи, къ безпрекословному исполненію приказаній. Сообразно этой модной идейкѣ и возникъ проектъ «провести учителей черезъ армію, такъ какъ это имѣетъ (или можетъ имѣть) большое воспитательное значеніе». Это средство, за неимѣніемъ другого, болѣе надежнаго, хотятъ испробовать. Лично я думаю, что нынѣшняя модная идейка, если ее удастся осуществить, скоро смѣнится

*) „Голосъ Москвы“, 31 января 1912 г.

противоположной тенденціей: введя въ ряды арміи значительное число рядовыхъ, которые, по своему общеобразовательному уровню, стоятъ выше офицерской среды, наши охранители почувствуютъ, къ какимъ это ведетъ неудобствамъ, и энергически станутъ очищать войско отъ заразы. Но, каковы бы ни были результаты, они—дѣло будущаго. А пока надо считаться съ тѣмъ, что есть: учителя часто неблагонадежны,—значитъ надъ ними нуженъ бдительнѣйшій надзоръ, ихъ необходимо держать въ спасительномъ страхѣ. И на сцену является та система сыска и безцеремонныхъ расправъ, которую поддерживаютъ всѣ охранительныя группы, до октябристовъ включительно, и которая ставитъ учителей въ невыносимое положеніе.

Надзоръ нуженъ, разумѣется, не только за учителями. Не такъ давно пресса была вынуждена обратить вниманіе на случай съ «неблагонадежнымъ приготовишкой». Восьмилѣтній ученикъ приготовительнаго класса гомельской гимназіи въ разговорѣ съ товарищами на перемѣнѣ «неодобрительно отозвался о покойномъ министрѣ Столыпинѣ». Разговоръ былъ услышанъ «доносчикомъ» изъ учениковъ старшихъ классовъ. «Доносчикъ» сообщилъ по начальству. И восьмилѣтняго ребенка за обнаруженный у него крамольный образъ мыслей педагогическій совѣтъ исключилъ изъ гимназіи *). Въ этомъ маленькомъ эпизодѣ отразилась цѣлая картина быта и нравовъ. Дѣти съ нѣжнѣйшаго возраста живутъ отчасти интересами старшаго поколѣнія. И за ними уже съ приготовительнаго класса начальство имѣетъ наблюденіе и лично, и черезъ посредство «доносчиковъ», такъ сказать, «боевыхъ академистовъ» средняго и младшаго возраста. Возникъ ученикъ—шпіонъ, когда доброволецъ, а иногда и настоящій секретный или полусекретный агентъ. Всякаго обнаруженнаго «крамольника» немедленно подвергаютъ карѣ. Въ случаяхъ обыкновенныхъ расправу чинитъ мѣстное начальство, эпизоды болѣе серьезные доходятъ до свѣдѣнія и окончательнаго рѣшенія высшихъ инстанцій. Объ одномъ изъ такихъ «серьезныхъ» эпизодовъ недавно разсказалъ печатно А. С. Пругавинъ: интимный дневникъ ученика 8 класса Николая Маликова случайно попалъ въ руки полиціи; среди обыкновенныхъ юношескихъ записей о переживаемомъ начальство усмотрѣло и крамольныя мысли; дѣло дошло до министра народнаго просвѣщенія, и ученикъ Николай Маликовъ за то, что онъ въ своемъ бережно хранимомъ интимномъ дневникѣ записывалъ «преступныя» мысли, сосланъ въ Вологодскую губернію на 5 лѣтъ. «Избіеніе младенцевъ», «жестокія безсмысленныя расправы», —пишетъ А. С. Пругавинъ **)... Но станьте на точку зрѣнія тѣхъ же хотя бы друзей народнаго просвѣщенія октябристовъ, которые одобряли

---

*) „Саратовскій Вѣстникъ", 14 декабря 1911 г.
**) „Школа и Жизнь", 23 января 1912 г.

массовую ссылку студентовъ, сожалѣя лишь, что въ числѣ сосланныхъ оказались не только «виноватые», но и «невинные». Съ несомнѣнностью установлено, что у дѣтей являются тѣ же крамольныя мысли, какими заражена страна. Предполагается, однако, что есть дѣти, у которыхъ этихъ мыслей нѣтъ, есть даже такіе школьники, которыхъ хоть въ союзъ русскаго народа записывай или въ охранное отдѣленіе на службу опредѣляй. Опытомъ дознано, что крамольная мысль имѣетъ необыкновенно убѣдительную силу, — въ особенности для юношества. Гомельскому приготовишкѣ, высказавшему неблагопріятное мнѣніе о Столыпинѣ, всего 8 лѣтъ. Однако, и отъ него зараза можетъ перейти на другихъ дѣтей. Сыскъ въ школахъ—занятіе гнусное. Разыскивать и карать восьмилѣтнихъ «крамольниковъ» не только предосудительно, но и нелѣпо. И тѣмъ не менѣе логика борьбы за желательный порядокъ противъ враговъ его требуетъ тщательно искать источники возможной заразы и безпощадно удалять ихъ. Ссылку на 5 лѣтъ за юношескія мысли въ интимномъ дневникѣ, полагаю, и октябристы— по крайней мѣрѣ, нѣкоторые—согласятся признать эксцессомъ. Но даже въ подобныхъ эксцессахъ есть, съ охранительной точки зрѣнія, полезная для дѣла сторона: можетъ быть, страхъ побудитъ кое-кого изъ родителей отвращать юношество отъ мыслей, за которыя легко подвергнуться человѣколюбію г-на Кассо.

Разумѣется, сыскъ, хотя бы и самый изощренный, способенъ открывать лишь нѣкоторые источники заразы. Многое отъ него ускользаетъ. Всетаки дѣти-крамольники остаются въ школахъ и заражаютъ своимъ вліяніемъ некрамольниковъ. И вотъ, на подмогу сыску являются разныя дополнительныя мѣропріятія. По свѣдѣніямъ «Школы и Жизни»,

„одинъ изъ видныхъ представителей вѣдомства народнаго просвѣщенія сообщаетъ, что во ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ онъ сумѣлъ достичь полной разобщенности учащихся... Нескрываемая радость сквозитъ въ каждой строчкѣ доклада, который встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ въ министерствѣ" *).

Мѣры строжайшей изоляціи одного ученика отъ другого—вотъ что должно помочь прямому сыску. Неисправимый крамольникъ пусть остается, доколѣ не уличенъ. Некрамольники должны быть спасены отъ заразы. Въ этихъ видахъ всѣ учащіеся отданы подъ особо строгій и гласный учебно-полицейскій надзоръ и подчинены разнымъ детально разработаннымъ правиламъ. По выходѣ изъ учебнаго заведенія учащіеся должны идти прямо домой. По правиламъ, напр., александровской (Владимірской губ.) гимназіи, они не смѣютъ даже зайти въ лавку и купить себѣ карандашъ или тетрадь **). По правиламъ красноуфимской гимназіи, ученикъ не

*) „Школа и Жизнь", 17 октября 1911 г.

**) „Школа и Жизнь", 17 ноября 1911 г.

смѣетъ зайти и къ товарищу,—разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, если «представлено согласіе на то родителей» *). Послѣ обѣда разрѣшается употребить часъ или два на прогулку. Къ этому времени по городу на заранѣе намѣченныхъ «наблюдательныхъ пунктахъ» находятся дежурные преподаватели, надзиратели и мѣстами вновь учрежденные «чины внѣкласснаго надзора». Начальствующія лица непосредственно или черезъ своихъ агентовъ наблюдаютъ, на сколько ревностно всѣми этими чинами выполняется возложенная на нихъ обязанность. Все это имѣетъ, примѣрно, такой видъ:

Вы можете встрѣтить на любой улицѣ любого (провинціальнаго) города странныхъ и подозрительныхъ людей обоего пола, растерянно разсматривающихъ каждаго подростка, рыскающихъ по закоулкамъ и разыскивающихъ добычу... Они дрогнутъ на морозѣ, вязнутъ въ сугробахъ, подвергаются часто серьезной опасности со стороны обывательскихъ и бродячихъ собакъ **)..

Это—чины внѣкласснаго надзора. Они наблюдаютъ за каждымъ ученикомъ, появившимся на улицѣ, слѣдятъ, какъ онъ идетъ, съ кѣмъ, куда... Все должно быть извѣстно начальству... Такъ продолжается до 6—7 часовъ вечера. Въ это заранѣе назначенное время учащіеся должны «разойтись по домамъ». И ужъ больше отнюдь изъ квартиръ своихъ не выходить. Съ этого времени они не имѣютъ права выйти изъ дому даже въ сопровожденіи родителей. Слѣдить за исполненіемъ правилъ вмѣнено въ обязанность не только чинамъ учебнаго вѣдомства, но и чинамъ полиціи. Фактически послѣдніе ведутъ обыкновенно наблюденіе лишь тамъ, гдѣ есть «наряды»: не допускаютъ запрещаемаго правилами посѣщенія театровъ, кинематографовъ, земскихъ собраній, засѣданій городской думы и т. п. Наблюденіе за улицами лежитъ по преимуществу на «педагогахъ». Они должны «провѣрять квартиры» (всѣ ли ученики дома?). Они должны слѣдить, не появится ли ученикъ на улицѣ въ запретное время. За подростками, вдругъ появившимися на улицѣ, ведется «слѣжка», съ примѣненіемъ обычныхъ пріемовъ, практикуемыхъ охранными филерами. Надо, однако, сказать, что филеры на улицахъ наблюденіе имѣютъ, но въ квартиры вламываются по «ордеру» или словесному приказанію начальства. Для чиновъ внѣкласснаго надзора «ордеръ» не обязателенъ; преслѣдуя вдругъ прошмыгнувшаго подростка, они порою не стѣсняются «звонить» въ ученическія квартиры въ 11—12 часовъ ночи, подымаютъ на ноги всю семью, ведутъ допросъ: а почему у васъ дѣти не спятъ? или—почему у нихъ глаза не заспаны, хотя они уже находятся въ кроватяхъ? Общія основанія надзора выработаны по иниціативѣ и подъ

*) Тамъ же.
**) „Саратовскій Вѣстникъ", 18 декабря 1911 г.

руководствомъ покойнаго П. А. Столыпина, Мысль послѣдняго оказалась столь счастливой, что, примѣняя ее на практикѣ, учебное вѣдомство вступило въ непрерывный рядъ конфликтовъ не только съ учениками и родителями, но и съ цѣлыми городскими общественными управленіями (напр., Москвы, Смоленска). И въ другомъ отношеніи мысль оказалась счастливой,—къ ней понадобились разныя бытовыя дополненія. Вотъ одно изъ такихъ дополненій, практикуемое въ нѣкоторыхъ женскихъ гимназіяхъ Саратовской губерніи.

Классныя наставницы, передъ отправкою на указанный имъ наблюдательный постъ, обращаются въ классахъ или на перемѣнахъ къ ученицамъ съ просьбою:

— Милыя вы мои! Пожалѣйте вы меня... Ну, что вамъ стоитъ, миленькія, посидѣть дома въ мое дежурство.

Дѣти... входятъ въ положеніе. И, смѣясь и подтрунивая, «снисходятъ» къ начальству *).

Сидятъ дома, потому что объ этомъ келейно «просятъ» наставницы или наставники, которымъ физически, а многимъ и морально, тяжело бѣгать по улицамъ за дѣтьми. Сидятъ дома и потому, что родителямъ страшно пустить ребенка на улицу, гдѣ «дежурятъ» аргусы, фантазія которыхъ въ любую минуту можетъ принять крайне неожиданное направленіе. Лучше и спокойнѣе сидѣть дома. Двѣ «прогулки»—въ классъ и изъ класса—все таки сдѣланы. А это, вѣдь, максимальная уступка гигіенѣ, какую допускаетъ режимъ такихъ «образцовыхъ» одиночныхъ тюремъ, какъ петербургскіе «Кресты». Гигіена ниспровергнута. Но изоляція достигается. Она занимаетъ важное мѣсто среди другихъ мѣръ удаленія школьниковъ отъ источниковъ крамольной заразы. Эти внѣшнія мѣры нужны, важны, но, разумѣется, онѣ недостаточны. Мало удалить заразу. Гораздо важнѣе сдѣлать организмъ ребенка къ ней невоспріимчивымъ. И надъ этой послѣдней задачей прилежно работаютъ охранительные умы. Производится цѣлый рядъ интересныхъ опытовъ, направленныхъ къ подавленію интеллектуальныхъ интересовъ привычками къ субординаціи. Нѣкоторые изъ этихъ опытовъ,—«потѣшные», напримѣръ,—хотя и пріобрѣли популярность, но среди самихъ охранителей возбуждаютъ большія сомнѣнія. Организуются «патріотическія» чтенія и лекціи для учащихъ и учащихся. Особенно серьезное вниманіе на эту часть обращено въ Московскомъ учебномъ округѣ, гдѣ такія лекціи читаетъ самъ попечитель округа г. Тихомировъ, самоотверженно старающійся ниспровергнуть ученія Дарвина и Геккеля, какъ несогласныя съ истинами откровенія. Едва ли не повсемѣстно усиливается обязательное посѣщеніе церковныхъ службъ. Все это, разумѣется старо, давно извѣстно. Но среди стараго есть кое-что и оригинальное.

*) „Саратовскій Вѣстникъ", 18 декабря 1911 г.

Давно уже замѣчено, что нѣкоторыя склонности, неодобряемыя моралистами, какъ бы предохраняютъ человѣка отъ увлеченія разными превратными и опасными идеями. Суть дѣла достаточно характеризуется хотя бы слѣдующимъ историческимъ анекдотомъ, о которомъ сочла нужнымъ недавно вспомнить «Школа и Жизнь». Нѣкогда передъ бывшимъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа Голубцовымъ

> предстала группа провинившихся гимназистовъ: одни были пойманы въ трактирахъ, другимъ инкриминировалось посѣщеніе представленія произведенія Шекспира съ участіемъ Сальвини. Первымъ его превосходительство въ мягкой формѣ объяснилъ, что попойки воспрещены гимназическимъ уставомъ, и совѣтовалъ имъ потерпѣть до окончанія гимназіи.
> — „А съ вами—обратился онъ грозно къ любителямъ театра—у меня будетъ разговоръ иной" *)..

Бахусъ и Венера не только пріятные, но и безопасные въ политическомъ отношеніи боги. Отъ нихъ очень далеко до превратныхъ бредней. Аполлонъ же, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ у него завелись жрецы, подобные Шекспиру, Шиллеру, возбуждаетъ большія сомнѣнія и подозрѣнія. Отъ Шекспира до «нигилизма», и «отрицанія основъ» рукой подать. За служеніе первымъ, политически благонадежнымъ богамъ можно и не взыскивать строго. Ну, а Шекспиръ—дѣло серьезное. Эту давно извѣстную истину очень краснорѣчиво высказалъ членъ Государственнаго Совѣта г. Говоруха-Отрокъ на недавнемъ курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ качествѣ гласнаго, г. Говоруха-Отрокъ обревизовалъ земскую библіотеку и доложилъ собранію, что въ ней «онъ не нашелъ никакихъ революціонныхъ книгъ, имѣющіяся же тамъ *порнографическія изданія слѣдуетъ оставить, какъ лучшее средство противъ революціи*» **)... Разумѣется, о терминахъ: «революція» и «порнографія», съ г. Говорухой-Отрокомъ намъ, вѣроятно, понадобилось бы очень спорить. Да они и сами по себѣ условны и неопредѣленны. Но существо мысли, высказанной политическимъ единомышленникомъ и сотрудникомъ г-на П. Н. Дурново по Государственному Совѣту, не нуждается въ особыхъ комментаріяхъ. Революціонныя идеи суть именно идеи,—продуктъ интеллектуальныхъ интересовъ; пресѣкая идеи, мы далеко не вполнѣ достигаемъ желательнаго, ибо стремленіе къ нимъ остается; но если допустить и поощрять раздраженіе спинно-мозговыхъ центровъ, то дѣятельность головного мозга неминуемо ослабѣетъ, интеллектуальные интересы понизятся, и мы будемъ гарантированы отъ стремленія ко всякимъ вообще идеямъ. Истина, повторяю, старая, давно извѣстная. Знаменательно лишь, что нынѣ она возглашается открыто, гласно, и при томъ, какъ тактическій лозунгъ: не пренебрегайте

*) „Школа и Жизнь", 21 ноября 1911 г.
**) „Южная Заря", 22 декабря 1911 г.

«лучшимъ средствомъ противъ революціи». И провозглашенъ этотъ лозунгъ не первымъ встрѣчнымъ: г. Говоруха-Отрокъ—замѣтный представитель тѣхъ руководящихъ политическихъ круговъ, отъ которыхъ многое зависитъ и въ общей, и въ школьной политикѣ.

Я не знаю, какого, мнѣнія г. Кассо о тактическомъ лозунгѣ, провозглашенномъ г. Говорухою-Отрокомъ. Но многое заставляетъ думать, что у послѣдняго кое-гдѣ среди чиновъ учебнаго вѣдомства въ «мятежной провинціи» есть единомышленники. Сошлюсь лишь на нѣкоторые факты. Школьникамъ посѣщать кинематографы вообще запрещается. За кинематографами установлена строгая цензура. Многія такъ называемыя «идейныя картины» (напр., снимки съ неурожайныхъ селъ и деревень, событія, связанныя съ именемъ Л. Н. Толстого, и т. д.) администрація часто не позволяетъ демонстрировать и передъ взрослыми. Разумѣется, учебному начальству извѣстно, что нельзя же дѣтей оставить совсѣмъ безъ развлеченій и зрѣлищъ. И оно поступаетъ такъ: избираетъ какой-либо одинъ кинематографъ, подвергаетъ имѣющіяся въ немъ картины своей спеціальной цензурѣ; владѣлецъ обязывается демонстрировать только то, что процензуровано учебнымъ начальствомъ, а послѣднее на этомъ условіи разрѣшаетъ учащимся посѣщать избранный кинематографъ. Плоха или хороша эта система,—рѣшать не будемъ. Установленъ принципъ, что юношеству разрѣшается видѣть лишь тѣ картины, которыя предварительно разсмотрѣны и одобрены школьной администраціей. Намъ остается лишь принять этотъ принципъ къ свѣдѣнію и... процитировать воспроизведенную «Кіевской Мыслью» афишу одного изъ такихъ избранныхъ учебнымъ начальствомъ полтавскихъ кинематографовъ:

«Театръ Иллюзіонъ... Къ свѣдѣнію всѣхъ учащихся: ...разрѣшено начальствомъ всѣмъ учащимся исключительное посѣщеніе только театра Иллюзіонъ. Роковые соблазны. Знаменитая потрясающая драма, рисующая аристократическую современную жизнь. Спѣшите видѣть. Картина въ 3 частяхъ и имѣетъ 2000 метровъ. Какъ часто мужья, сами того не сознавая, толкаютъ своихъ женъ на измѣну... Молодая жена давно скучаетъ... Другъ мужа давно ее любитъ и рѣшилъ добиться взаимности. Женщины любятъ искренно, и, отдавшись ему однажды, она полюбила его всею силою женской души. Она стала жить двойственной жизнью, дома ей стало скучно. Вся жизнь ея сосредоточилась на любимомъ Павѣ, свѣтскомъ, миломъ, интересномъ баронѣ Шильренѣ... Въ краткихъ словахъ нельзя вполнѣ передать этой картины,—ее надо видѣть» *).

Пусть запрещаются картины голодной деревни,—онѣ, дѣйствительно, наведутъ юношество на разныя гуманныя и народолюбивыя мысли, которыя министерство народнаго просвѣщенія, въ силу хроническаго недоразумѣнія, изстари признаетъ нежелательными и «революціонными». Но адюльтеръ, но клубничка почему одобряются? Порнографія-то, если позволено употребить этотъ терминъ

*) Цит. по „Утру Россіи“, 8 декабря 1911 г.

г-на Говорухи-Отрока, зачѣмъ признается воспитательнымъ зрѣлищемъ для дѣтей?

Вообще не допускается посѣщать и театральныя зрѣлища. Подъ безусловнымъ запретомъ находятся тѣ пьесы, которыя школьная власть признаетъ «революціонными» или просто вредными въ воспитательномъ отношеніи. Что теперь признается революціоннымъ или вреднымъ,—объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующая краткая справка. Въ Херсонѣ учащимся запретили посѣщать театръ, имѣющій такой репертуаръ: «Антигона» Софокла, «Свыше нашей силы» Бьернсона, «Три сестры» Чехова и т. п.; въ Никольскѣ-Уссурійскомъ для учащихся запрещенъ «Ревизоръ» Гоголя; въ Рыбинскѣ—«Власть тьмы» Толстого; въ Смоленскѣ—«Отъ нея всѣ качества» Толстого *). Почему даже «Антигона» попала подъ запретъ,—догадаться нелегко. Но это показатель, до какой степени придирчива и подозрительна педагогическая цензура. Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что начальству ничего неизвѣстно о воспитательномъ значеніи театра. Нѣтъ, отчего же,—если хорошая и въ особенности «патріотическая» пьеса, то побывать на ней не только не возбраняется, но иногда и рекомендуется. Очень хорошія и очень «патріотическія» пьесы начальство нерѣдко даже ставитъ въ самомъ зданіи училища, разыгрывая ихъ силами самихъ учащихся. Да вотъ, напр., совсѣмъ недавно нѣкоторыми эриванскими педагогами, при содѣйствіи супруги вицегубернатора кн. Чегодаевой, былъ организованъ ученическій спектакль, на которомъ гимназистки сыграли

фарсъ „Комната № 56“ и буффонаду „Нимфа и Сатиръ“ съ демонстрированіемъ передъ юной публикой интимныхъ принадлежностей женскаго бѣлья **).

Если въ Эривани нѣтъ единомышленниковъ г-на Говорухи-Отрока, то кому же могло понадобиться столь игривое зрѣлище? Если «Нимфа и Сатиръ» съ «интимными принадлежностями женскаго бѣлья» не «лучшее средство противъ революціи», то въ какомъ качествѣ они появились на ученическомъ спектаклѣ?

«Если прослѣдить современную намъ жизнь среднихъ учебныхъ заведеній,—пишетъ «Смоленскій Вѣстникъ»—то нетрудно замѣтить... обаяніе новаго для провинціи вида искусства». Это новое для провинціи искусство—*балетъ*. Энергію любители и насадители балета проявляютъ порою изумительную. Въ Витебскѣ, напр., какая-то дама-патронесса лично разъѣзжала по домамъ къ родителямъ учениц и убѣждала содѣйствовать или, по крайней мѣрѣ, не препятствовать устройству «художественныхъ» вечеровъ съ гимназистками въ трико и костюмахъ балеринъ. Затѣѣ придана такая окраска, что, по словамъ мѣстнаго корреспондента,

---

*) „Школа и Жизнь“, 12 декабря 1911 г.

**) „Современное Слово“, 11 января 1912 г.

многіе родители не рѣшались высказать вслухъ свое отрицательное отношеніе:

— Неудобно, знаете ли, такъ сказать, *патріотическое дѣло,* а. во-вторыхъ, начальница гимназіи хочетъ *).

Конечно, балетъ не порнографія; какъ и всякое искусство, онъ имѣетъ свои права и свою сферу. Но одно дѣло—искусство, требующее таланта, огромной подготовительной работы въ теченіе ряда лѣтъ, непрестаннаго труда все время, пока продолжается служеніе этому искусству. И совсѣмъ другое дѣло—«хорошенькая» полураздѣтая женщина, одинъ видъ которой, какъ еще покойный Щедринъ замѣтилъ, чрезвычайно содѣйствуетъ укрѣпленію благонамѣреннаго легкомыслія. Для этого второго «искусства»,—какъ, видимо, и полагаютъ тѣ же хотя бы витебскіе просвѣтители,—не нужно ни таланта, ни долгой подготовки, ни труда; нѣсколько «уроковъ балетныхъ танцевъ», «интересная наружность», соотвѣтственный костюмъ,—и получится зрѣлище. которое и пріятно для любителей, и можетъ «воспитательно» дѣйствовать на реалистовъ и гимназистовъ старшихъ классовъ и, навѣрное, создастъ атмосферу, чрезвычайно непроницаемую для «революціонной заразы». Разумѣется, не такъ ужъ легко этимъ новшествамъ пробивать дорогу. Помимо сопротивленія со стороны родителей, преподавателей, да и самихъ учащихся, много значитъ и косность преподавательской среды: казённый педагогъ изстари слишкомъ prude; его фантазія частенько даже въ невиннѣйшихъ и необходимѣйшихъ явленіяхъ жизни болѣзненно ищетъ грязи. Это переходитъ по наслѣдству. Переломить вѣковую традицію старому педагогу такъ же трудно, какъ трудно было старому жандарму Новицкому примириться съ новѣйшими пріемами охраны а là Зубатовъ и Рачковскій. «Много пота утереть» придется единомышленникамъ г-на Говорухи-Отрока, прежде чѣмъ они овладѣютъ большинствомъ школъ. Но уже теперь всетаки сдѣланы серьезныя завоеванія. А главное,—удалось найти магическую формулу: «патріотическое дѣло», «лучшее средство противъ революціи»... «Сезамъ, отворись»... Кто вооружился этимъ волшебнымъ заклинаніемъ, для того въ Россіи нѣтъ неприступныхъ позицій.

Даже сюда, къ предѣламъ, съ которыхъ открываются виды на Содомъ, ведетъ логика «активной борьбы» противъ тѣхъ исторически неизбѣжныхъ реформъ, которыя желательны и необходимы большинству населенія страны. Далеко залетѣли дѣятели въ родѣ г-на Говорухи Отрока. Но жизнь, во многихъ отношеніяхъ ускользающая изъ-подъ ихъ руководства, ведетъ еще дальше.

*) „Смоленскій Вѣстникъ“, 23 сентября 1911 г.

V.

Логика борьбы ведетъ порой ко всякимъ средствамъ, для средняго, обыкновеннаго человѣка этически непріемлемымъ. Значитъ, требуются также—исполнители, соотвѣтствующіе средствамъ. Эту послѣднюю задачу вполнѣ рѣшить не удалось и, думаю, не удастся. Учителей «некомплектъ». Въ томъ неполномъ комплектѣ, какой есть, видимо, преобладаютъ люди, не подходящіе, на охранительный взглядъ,—иначе не было бы обвиненій въ лѣвизнѣ, кадетизмѣ и т. д. Но имѣются, несомнѣнно, и приспособленные дѣятели. И они не только начальству служатъ; они и себя не забываютъ.

Уфа. 26 ученицъ педагогическихъ курсовъ и 18 ученицъ IV класса прогимназіи подали жалобу, что они не могутъ спокойно заниматься вслѣдствіе того, что предсѣдатель позволяетъ себѣ безцеремонно брать многихъ за талію, грудь, руки, иногда задаетъ такіе вопросы, о которыхъ приличнѣе умолчать *).

Станица *Каменская*, Донской области. Ученицы 8 класса казенной гимназіи in corpore сдѣлали заявленіе начальницѣ о недопустимомъ поведеніи одного изъ учителей и просили защитить ихъ отъ него; онъ ихъ преслѣдуетъ на улицѣ, отпускаетъ шуточки, хватаетъ за руки и т. д. **).

По нынѣшнимъ временамъ, это еще ничего. Приходится порою нашимъ дѣтямъ быть подъ воспитательнымъ вліяніемъ настоящихъ богатырей мысли и дѣла.

На *житомирскомъ* вокзалѣ надзирателемъ сыскной полиціи Бѣлинскимъ задержанъ учитель казенной и частной гимназій, его жена и двѣ мѣстныя дѣвушки 18 и 20 лѣтъ. Задержанные были доставлены въ сыскное отдѣленіе, гдѣ изъ допроса увозимыхъ дѣвушекъ выяснилось, что учитель обманнымъ образомъ *увозилъ ихъ для продажи заграницу* ***).

Правда, этотъ богатырь, обвиняемый въ поставкѣ живого товара на заграничные рынки, состоитъ учителемъ не «предметовъ», а танцевъ, но это лишь разница образовательныхъ цензовъ, — не больше.

Я далекъ отъ намѣренія исчислять гг. преподавателей, развивающихъ педагогическіе принципы Дюлу. Да это и невозможно. Не только покушенія и непристойности, но и прямыя преступленія этого рода лишь въ рѣдкихъ случаяхъ получаютъ огласку. Въ Ташкентѣ одинъ изъ современныхъ «педагоговъ» въ теченіе цѣлаго года совращалъ своихъ ученицъ, и только, когда одной изъ его жертвъ послѣ совершеннаго надъ нею преступленія понадобилась врачебная помощь, эта воспитательная дѣятельность вышла наружу.

*) «Саратовскій Вѣстникъ» № 78, 1911 г.
**) «Утро Россіи», 1 декабря 1911 г.
***) «Одесскія Новости», 14 мая 1911 г.

Оказалось, нѣкоторые родители знали, чему подверглись ихъ дочери, но «молчали» *). Многое въ такихъ случаяхъ побуждаетъ молчать: боязнь «опозорить» дочь, если ея несчастье станетъ предметомъ дознанія и слѣдствія; боязнь привлечь репрессіи, отъ которыхъ можетъ пострадать вся семья и т. д. Послѣдній мотивъ, между прочимъ, видимо, сыгралъ не малую роль въ дѣлѣ знаменитаго астраханскаго о. Строкова: о немъ тоже знали, но говорить боялись. Того священника, который сдѣлалъ оффиціальное заявленіе о преступленіи надъ его дочерью, предупреждали, что это ему «даромъ не пройдетъ», и таки не прошло: у жалобщика оказалась какая-то старая вина передъ начальствомъ, нынѣ онъ разжалованъ изъ священниковъ въ псаломщики, его сынъ исключенъ изъ семинаріи за невзносъ платы. Молчаніе о «педагогахъ» покушающихся еще понятнѣе. Мнѣ лично пришлось выслушать жалобу родительницъ относительно одной женской школы: нѣкоторые учителя любезничаютъ, или даже «пристаютъ»... «Нельзя ли, молъ, объ этомъ написать?» Но, когда я посовѣтовалъ родительницамъ обратиться съ жалобой къ учебному начальству, и когда мы детальнѣе разобрались въ предъявляемыхъ ими фактахъ, то вышло, что «приставать»-то, несомнѣнно, «пристаютъ», но доказать этого нельзя. Грань между «приставаньемъ» и нѣсколько чрезмѣрной «отечески-нѣжной ласковостью» обращенія часто не можетъ быть опредѣлена объективными признаками. И любую ученицу, которую подобная «ласковость» оскорбляетъ, при желаніи легко обвинить въ «испорченномъ воображеніи».

Лишь немногое изъ непотребствъ, чинимыхъ современными намъ воспитателями юношества, доходитъ до всеобщаго свѣдѣнія. И все-таки много такихъ непотребствъ стало достояніемъ гласности. Часто приходится печати отмѣчать ихъ. И много уже героевъ этого рода обнаружено. Конечно, власть не равнодушно взираетъ на ихъ дѣятельность. Вотъ, напримѣръ, въ Глазовѣ преподаватель мѣстной мужской гимназіи Красновъ за развращеніе учениковъ (гомосексуализмъ) приговоренъ вятскимъ окружнымъ судомъ къ шестилѣтнимъ каторжнымъ работамъ **), въ Угличѣ учитель мѣстной женской гимназіи Малининъ за гнусное преступленіе надъ 14-лѣтней ученицею той же гимназіи приговоренъ ярославскимъ окружнымъ судомъ на $1^1/_2$ года къ арестантскимъ отдѣленіямъ ***). Однако, обвиняемый въ такомъ же преступленіи о. Строковъ, по свѣдѣніямъ газетъ, донынѣ благоденствуетъ: «получилъ доходнѣйшій приходъ, продолжаетъ священствовать» ****) И одинъ ли о. Строковъ? Беру

*) «Сибирь», № 48, 1911 г.

**) Судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ этого наказанія, опредѣленнаго согласно вердикту присяжныхъ засѣдателей, двухлѣтнимъ заключеніемъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ. «Вятская Рѣчь», 3 января 1912 г.

***) «Русское Слово», 24 декабря 1911 г.

****) «Утро Россіи», 18 декабря 1911 г.

хотя бы такое сообщеніе изъ Омска, уже хорошо прославленнаго благочестивыми подвигами протоіерея Голосова:

«Въ № 268 «Омскаго Вѣстника» помѣщено было письмо учениковъ омской центрально-фельдшерской школы, разсказывавшихъ, какъ недавно назначенный смотритель и воспитатель школы на глазахъ у учениковъ пристаетъ къ кухаркамъ, горничнымъ, которымъ приходится защищаться отъ его ласкъ». Какъ только появилось письмо, такъ всѣ усилія мѣстной администраціи, а равно и директора названной школы «были направлены на то, чтобы добиться, кто авторъ письма». Газета же «Омскій Вѣстникъ» на основаніи усиленной охраны оштрафована на 300 рублей *).

Такъ было въ исторіи и о. Голосова, и о. Строкова, такъ было и во многихъ другихъ аналогичныхъ исторіяхъ. Начинаютъ протестъ и борьбу прежде всего сами учащіеся. Временами протестъ сразу же принимаетъ бурныя формы. Дѣло, напр., о тифлисскомъ «педагогѣ» Акоповѣ, преданномъ суду за гомосексуализмъ, возникло лишь послѣ того, какъ одинъ изъ учениковъ, «сознавъ всю мерзость и гадость, въ которую его втянулъ Акоповъ,... набросился на своего мучителя и нанесъ ему нѣсколько ножевыхъ ранъ, изступленно крича при этомъ: вотъ тебѣ, мерзавецъ, — получи за всѣхъ и за все» **). Къ дѣтямъ, если имъ своевременно не приходитъ на помощь учебное начальство, присоединяются отцы, мѣстное общество, печать, мѣстная и столичная; при этомъ дѣло рѣдко обходится безъ штрафовъ на газеты, безъ офиціальныхъ заявленій, что появившіяся свѣдѣнія ложны. Но разоблачители не успокаиваются, предъявляютъ новыя обстоятельства... Въ однихъ случаяхъ имъ удается одерживать относительную побѣду,—такъ напр., Голосовъ исчезъ изъ омскихъ предѣловъ. Въ другихъ—энергія разоблачителей остается безъ замѣтныхъ результатовъ. Можно припомнить, наконецъ, случаи, когда «клонится подъ грозою то ихъ, то наша сторона», и неизвѣстно, «кто устоитъ въ неравномъ спорѣ». То же, напр., дѣло о. Строкова все еще не вышло изъ періода борьбы между обществомъ и властными покровителями обвиняемаго. И почти всегда на сторонѣ изобличаемыхъ оказывается важное преимущество: омскій воспитатель, обвиняемый въ наглядномъ обученіи юношества, какъ надо обращаться съ женскою прислугой, «развилъ въ школѣ шпіонство и доносы» ***), о. Голосовъ—видный дѣятель союза русскаго народа, дружба между о. Строковымъ и Иліодоромъ установлена и засвидѣтельствована документально. Будь на мѣстѣ о. Строкова или омскаго воспитателя человѣкъ неблагонадежнаго образа мыслей, можно ли сомнѣваться, что обвиненія противъ нихъ нашли бы горячій откликъ со стороны начальства. Какъ бы рада была охранительная печать случаю крикнуть: вотъ они каковы лѣвые, вотъ какая свобода имъ нужна! Но въ томъ и суть, что это не

*) «Современное Слово», 10 января 1912 г,
**) «Одесскія Новости», 4 сентября 1911 г.
***) „Современное Слово", 10 января 1912 г.

лѣвые. Разумѣется, и не въ томъ суть, что они правые. Среди послѣднихъ могутъ быть и есть нравственно опрятные люди. Въ герояхъ современности, о которыхъ мы говоримъ, всего важнѣе ихъ талантъ не останавливаться ни передъ чѣмъ, что можетъ понадобиться въ сложной системѣ искорененія превратныхъ идей. Крайне цѣнны и, безъ сомнѣнія, необходимы люди, обладающіе этими талантами. Но у нихъ не только таланты. У нихъ есть и соотвѣтственныя этимъ талантамъ «качества», и, пользуясь первыми, по неволѣ надъ терпѣть и вторыя. Заразиться скверною болѣзнью легко. Но, когда зараза вошла въ кровь,—приходится быть жертвой собственнаго темперамента и на многое махнуть рукой, Зараза даетъ себя чувствовать не только въ формѣ, такъ сказать, сексуальныхъ явленій. Приспособленные къ системѣ дѣятели могутъ сказать свое слово (да и говорятъ) и въ сферѣ казнокрадства, взяточничества, вымогательства и т. д. Имъ не чужда нѣкоторая общая разнузданность, проявляемая то въ видѣ рукоприкладства, то въ видѣ непристойной ругани на урокахъ и т. п.

Я знаю: какъ ни ужасны факты, какъ ни много ихъ, но герои современности лишь вкраплены въ преподавательскую среду. Въ цѣломъ она стоитъ гораздо выше, чѣмъ можетъ казаться поверхностному наблюдателю, на основаніи чисто фактическаго матеріала. Есть въ ней беззавѣтные труженники. Есть въ ней люди большой духовной красоты. И все-таки герои современности не механически только вкраплены, они и химически дѣйствуютъ. Они «дѣлаютъ тонъ» въ школьной музыкѣ. И во многихъ отношеніяхъ этотъ тонъ опаснѣе, чѣмъ даже эпидемическія выходки по сексуальной части. Выходки все-таки — выходки. Тонъ есть нѣчто нормальное, законное, — регуляторъ пьесы. Каковъ этотъ регуляторъ, можно судить по многому изъ того, что сказано выше. Чего стоитъ хотя бы «внѣшкольный надзоръ», ежедневная, обязательная уличная слежка за подростками, на потѣху уличнымъ мальчишкамъ, которые порой ухитряются завлекать почтенныхъ надворныхъ и коллежскихъ совѣтниковъ въ глухіе переулки и, достигнувъ этой цѣли, спускаютъ цѣпныхъ собакъ. Уже эти систематическія выступленія передъ публикой много говорятъ. Въ дополненіе къ приведенному фактическому матеріалу напомню еще два случая.

Передо мной документъ—опроверженіе, исходящее отъ группы членовъ педагогическаго совѣта бѣлгородской женской гимназіи. Весною 1911 г. въ харьковской газетѣ «Утро» была напечатана замѣтка о тяжкомъ школьномъ эпизодѣ: ученица 5 класса получила на экзаменѣ по алгебрѣ двойку, и это такъ потрясло ее, что она пыталась отравиться. Группа членовъ совѣта гимназіи, называя ученицу полнымъ именемъ, пишетъ, «опровергая» эту замѣтку:

„Въ дѣлѣ оцѣнки испытаннаго ею (ученицею такой-то) нервнаго потрясенія со всею рѣшительностью можно сказать, что на добрую половину было оно дѣланнымъ, и самое отравленіе—простою симуляціей, фарсомъ.

совсѣмъ не мастерски разыграннымъ"... „Вечеромъ того же дня она (ученица такая-то) съ отличнымъ аппетитомъ поужинала и на другой день такъ же пообѣдала. Отравленіе, такимъ образомъ, къ общему благополучію, разрѣшилось улучшеннымъ аппетитомъ".

Двойка на экзаменахъ поставлена, и не одна, а двѣ. Но ученица-симулянтка и въ году имѣла двойки.

„Надѣясь на кривую, что вывезетъ. Л. (въ подлинникѣ полная фамилія) приступила къ экзаменамъ и на первыхъ же двухъ провалилась. Никакой. на повѣрку выходитъ, жертвы, какъ громко кричитъ авторъ замѣтки, экзаменовъ здѣсь нѣтъ. На лицо—сознательная лѣность, при небогатыхъ природныхъ дарованіяхъ, а въ результатѣ одно безсильное, съ такими негодными средствами покушеніе или настойчивое желаніе, не говѣя, какъ говорятъ, съѣсть пасху" *).

Подписали: предсѣдатель совѣта, начальница, инспекторъ, три преподавателя. Считать ихъ героями современности—какія основанія? Но какъ назвать эту попытку публично, печатно ошельмовать ребенка, эти издѣвательскія шуточки, это острословіе? «Симулянтка», видите ли... Но что же это за педагоги, которые явно не знаютъ, какъ сложенъ вопросъ о дѣтскихъ симуляціяхъ, какъ легко у дѣтей напускное, «симулированное» переходитъ въ настоящее, а иногда и трагически непоправимое? Люди выступили коллективно на публику, совершили, по меньшей мѣрѣ, актъ неприличія, невѣжества, и, видимо, сами этого не сознаютъ и не понимаютъ.

Еще примѣръ публичнаго выступленія:

Въ Ромнахъ въ женской гимназіи былъ устроенъ танцовальный вечеръ. Много танцовали. Гимназистка Чорке вышла въ корридоръ отдохнуть. Въ это время откуда-то появился „инспекторъ по внѣшкольному надзору". Замѣтивъ, что ученица Чорке не держитъ руки по швамъ (на танцевальномъ-то вечерѣ!) „быстро устремился на нее, однимъ правильно разсчитаннымъ ударомъ сбилъ ее съ мѣста и привелъ въ истерику. Этой побѣды г-ну инспектору было мало. Замѣтивъ тутъ же другую ученицу, онъ схватилъ ее за непонравившійся ему почему-то рукавъ. У третьей ученицы инспекторъ послѣ короткой борьбы отнялъ вѣеръ".

Словомъ, такъ распорядился, что «вечеръ закончился общимъ плачемъ: плакали ученицы, плакала и начальница, только г. инспекторъ былъ на высотѣ положенія» **). Если такой тонъ выдерживается въ публичныхъ выступленіяхъ, то что же происходитъ вдали отъ публики, въ классахъ? Не даромъ хроника школьной жизни превратилась, съ одной стороны, въ безконечный рядъ фантастическихъ поступковъ, распоряженій, похожденій, а съ другой—въ столь же безконечный рядъ протестовъ: тамъ учащіеся протестуютъ противъ жестокости, безпощадности; здѣсь требуютъ, чтобы такой-то или такой-то преподаватель не велъ себя развратно; тамъ возму-

---

*) „Утро", 3 іюня 1911 г.

**) „Утро Россіи", 4 января 1912.

щаются просто неприличнымъ поведеніемъ того или иного учителя; здѣсь ученики пытаются объяснить учителю, что нельзя драться, нельзя употреблять въ классѣ на урокахъ площадныя слова... Эта странная борьба двухъ поколѣній то и дѣло отливается въ форму эксцессовъ; на сцену появляются пощечины, ножи, кинжалы, револьверы съ одной стороны, военные суды и смертные приговоры—съ другой. И сами же охранители—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ—говорятъ, что получается отнюдь не искорененіе революціонной заразы, а нѣчто прямо противоположное. Иначе и быть не можетъ: задача поставлена такая, что она неминуемо приводитъ къ собственной противоположности.

А. Петрищевъ.

Обозрѣніе иностранной жизни.

I. Китайская республика.—II. Намѣчающіяся измѣненія въ системѣ европейскихъ союзовъ.

I.

Совершился фактъ, которому самые заядлые политическіе скептики придаютъ огромное значеніе. Срединная имперія превратилась въ Срединную республику. И этотъ эпитетъ фигурируетъ въ томъ самомъ императорскомъ эдиктѣ 12 февраля н. ст., которымъ маньчжурская династія отрекается отъ престола. «Будущій Китай получитъ названіе «Великой Срединной цивилизованной республики»—говорятъ заключительныя строки эдикта, подписаннаго вдовствующей императрицей.—Я и императоръ уходимъ на покой и мирно будемъ проводить отнынѣ жизнь нашу. Я вѣрю, что народъ сохранитъ о насъ добрую память. А мы издали будемъ наслаждаться зрѣлищемъ счастья нашего народа». Императрица мотивируетъ свой отказъ отъ престола тѣмъ, что громадное большинство населенія и армія на сторонѣ республики. Такимъ образомъ «само небо желаетъ, чтобы Китай сталъ республикой. А я изъ-за интересовъ одной моей семьи отнюдь не намѣрена идти противъ воли всего народа. Наблюдая издали событія всего міра и со вниманіемъ вслушиваясь въ голосъ собственной страны, я приняла рѣшеніе уйти вмѣстѣ съ императоромъ и возвратить народу ту самую верховную власть, которая ему принадлежитъ. Глубоко уважая стремленіе народа, который страдаетъ и страстно желаетъ мира, я въ

духѣ священныхъ книгъ нашихъ заявляю, что страна есть собственность народа, а не императора, и что отъ народа, а не отъ императора зависятъ судьбы ея» *).

Кто писалъ этотъ единственный въ своемъ родѣ историческій документъ,—намъ не важно. Очень можетъ быть, тотъ самый хитроумный Юань-Ши-Кай, который еще недавно увѣрялъ всѣхъ,—какъ мы въ свое время сообщили читателю,—что $^7/_{10}$ китайцевъ и слышать не хотятъ о республикѣ, а всей душею и мыслью стоятъ за славную монархію. Авторство Юань-Ши-Кая, пожалуй, довольно явственно прокидывается въ тѣхъ лестныхъ словахъ, которыми декретъ награждаетъ ловкаго государственнаго человѣка: «Великъ опытъ Юань-Ши-Кая. Велико его знаніе стараго строя и новаго, и онъ способенъ на мудрую политику, которая примиритъ сѣверъ съ югомъ. Поэтому лучше всего передать ему всю власть и поручить ему вступить въ соглашеніе съ вождями движенія для установленія республиканскаго строя». Но кто бы ни былъ виновникомъ этого манифеста, его устами говорила, очевидно, сама историческая необходимость. Мы, конечно, еще не знаемъ, въ какія формы выльется новый режимъ и насколько онъ будетъ проченъ на всемъ широкомъ пространствѣ Китая. Но начало свободнаго развитія учрежденій положено. Важно, кстати сказать, что въ эдиктѣ недвусмысленно выражаются стремленія формирующагося государства создать на почвѣ республиканскихъ учрежденій истинное равноправіе пяти главныхъ народностей Китая и вмѣстѣ съ тѣмъ войти полноправнымъ членомъ въ семью культурныхъ государствъ, убѣдить которыя въ политической зрѣлости китайцевъ указъ считаетъ ближайшей задачей новаго правительства.

Конечно, политическія учрежденія не принадлежатъ къ разряду мертвыхъ архитектурныхъ сооруженій, для прочности и удобства которыхъ достаточно располагать хорошимъ строительнымъ матеріаломъ и возводить зданіе по плану. Общество—не механическая совокупность различныхъ элементовъ, а ихъ живая связь и взаимодѣйствіе, словомъ, организмъ, который нуждается въ безпрепятственномъ ростѣ и благопріятной средѣ. Удастся-ли китайскому народу сразу найти такую политическую форму, которая будетъ наименѣе стѣснять естественныя стремленія входящихъ въ этотъ организмъ живыхъ клѣточекъ, сказать пока трудно. Но необходимо, во всякомъ случаѣ, констатировать тотъ фактъ, что страна, быв-

*) Подлинный текстъ эдикта очень различно переводится во французской, англійской и нѣмецкой печати, что и не удивительно въ силу совершенно своеобразнаго духа китайскаго языка, на которомъ почти каждое мало-мальски отвлеченное слово вызываетъ очень отличную отъ европейскихъ языковъ ассоціацію идей. Переводить съ китайскаго приходится лишь приблизительно. Я даю переводъ, который, какъ мнѣ кажется, точнѣе и непосредственнѣе передаетъ характеръ подлинника и основанъ на сопоставленіи различныхъ варіантовъ, данныхъ европейской прессой.

шая до сихъ поръ символомъ неподвижности, сдѣлала за послѣднія пять-шесть лѣтъ по пути прогресса шаги, скорости которыхъ можетъ позавидовать любое изъ государствъ, давно живущихъ культурною жизнью.

Дѣйствительно, когда начинаешь припоминать новѣйшіе этапы политической эволюціи Китая, то приходится удивляться поистинѣ головокружительной быстротѣ, съ какой громадное человѣческое скопленіе, именуемое Китаемъ, совершало завоеванія въ области свободы и цивилизаціи. Въ свое время, лѣтъ шесть тому назадъ, когда офиціально была признана старымъ правительствомъ необходимость коренныхъ политическихъ реформъ, мы отмѣтили всю многозначительность этого факта и съ тѣхъ поръ не переставали знакомить читателей «Русскаго Богатства» съ новыми фазисами того процесса развитія, которымъ была охвачена Срединная имперія. Не ослѣпляясь исключительной быстротой этой эволюціи, но и не желая отдѣлываться по отношенію къ современной китайской исторіи дешевымъ скептицизмомъ, мы все время старались уяснять смыслъ совершавшихся событій и, по мѣрѣ пониманія, искать ихъ причины, какъ во внутреннемъ развитіи самой страны, такъ и въ ея сближеніи съ культурными государствами.

Было бы, можетъ быть, черезчуръ претенціозно играть роль пророка въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ перспективы переворота въ странѣ, до сихъ поръ сохранившей значительныя особенности. Но все же, вдумываясь въ элементы жизни современнаго Китая, мы должны сказать, что настоящее и въ немъ опредѣлялось прошедшимъ, и что лишь малое знаніе европейцами внутренней исторіи огромной имперіи позволяло имъ преувеличивать косность «сыновъ Гана». Еще десять лѣтъ тому назадъ, извѣстный французскій географъ, въ новомъ изданіи своего описанія Китая говорилъ: «Вотъ и Китай приходитъ въ движеніе: великій, невообразимый сюрпризъ для большой публики, которая считаетъ эту страну закристаллизовавшейся, на вѣки застывшею, между тѣмъ какъ ея исторія показываетъ какъ разъ противоположное. Въ высшей степени несправедливо продолжать говорить о неподвижности Срединной имперіи, ибо нигдѣ не пронеслось столькихъ революцій, вызывавшихъ перевороты въ обществѣ, и нигдѣ не было испробовано большаго количества различныхъ правительственныхъ системъ. Измѣняясь такимъ образомъ, сыны «Средины» дѣйствовали въ соотвѣтствіи съ принципомъ, который былъ выраженъ однимъ изъ самыхъ старыхъ ихъ мудрецовъ, цитированныхъ еще Конфуціемъ: «чтобы улучшить себя, старайся перерождаться каждый день»! *)

Достаточно припомнить главнѣйшія политическія событія послѣднихъ лѣтъ, чтобы видѣть, какъ энергично старый Китай «пе-

---

*) Elisée (et Onésime) Reclus, «L'Empire du Milieu»; Парижъ, 1902. стр. 578.

перерождался» въ новый. О парламентарныхъ учрежденіяхъ въ Китаѣ впервые заговорилъ императорскій эдиктъ 1 сентября 1906 г., въ которомъ обѣщалась конституція, какъ только народъ созрѣетъ для нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось на необходимость развивать народное образованіе, улучшать финансы, реорганизовать армію и полицію. Въ 1907 г. другой эдиктъ учредилъ совѣщательный органъ, какъ бы переходную ступень къ представительному правленію. Указъ 27 августа 1908 г. возвѣщалъ о намѣреніи императора созвать правильный парламентъ и провозгласить конституцію на девятомъ году со времени изданія манифеста. А 3 декабря того же 1908 г. пришлось подтвердить содержаніе прежняго указа новымъ. Все это происходило подъ давленіемъ усиливавшейся оппозиціи и революціонныхъ выступленій передовыхъ элементовъ населенія, которые не удовлетворялись оттягиваніемъ конституціи на долгій срокъ. Въ 1909 г. напоръ освободительныхъ силъ вылился въ три обширныя петиціи, изъ которыхъ первыя двѣ были отвергнуты, тогда какъ третья, опиравшаяся на могучія симпатіи почти всѣхъ классовъ, повела къ изданію декрета 31 октября, опредѣлявшаго общественныя группы, среди которыхъ должно было избираться имперское собраніе (или сенатъ). Годъ спустя, 3 октября 1910 г., этотъ сенатъ дѣйствительно былъ собранъ. Онъ заключалъ 262 члена, изъ которыхъ 98 были назначены императоромъ и насчитывали въ своихъ рядахъ императорскихъ принцевъ, маньчжурскихъ и китайскихъ перовъ, представителей различныхъ министерствъ, извѣстныхъ ученыхъ и очень крупныхъ землевладѣльцевъ, тогда какъ другіе 98 членовъ являлись делегатами отъ провинціальныхъ собраній, игравшихъ роль подготовительныхъ мѣстныхъ парламентовъ, а остальные назначались Большимъ Совѣтомъ и различными правительственными учрежденіями.

Мы знаемъ, какъ непослѣдовательно велъ себя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ этотъ парламентъ, то удивляя правительство и иностранцевъ смѣлостью и энтузіазмомъ своихъ революціонныхъ требованій, то вступая на путь малодушныхъ уступокъ и дешеваго маккіавелизма. Не даромъ европейскіе наблюдатели только руками разводили, слѣдя за внезапными поворотами въ настроеніи этихъ, правда не вполнѣ настоящихъ представителей народа, и неоднократно восклицали, что для того, чтобы понять странные эпизоды этой оппозиціи, нужно обладать душей китайца, въ которую трудно проникнуть чужестранцу.

Лѣтомъ прошлаго года, «Русское Богатство», въ одной изъ своихъ корреспонденцій съ востока, дало читателямъ исторію этого учрежденія, сначала возбудившаго такія пламенныя надежды, а затѣмъ потерявшаго всякій кредитъ и популярность... Движеніе какъ-будто шло на убыль...

Но китайская революція возгорѣлась съ удвоенною силою какъ разъ тогда, когда всѣ ее считали почти угасшей. Ранней осенью

1911 г., въ южномъ Китаѣ вспыхнуло возстаніе, имѣвшее цѣлью сопротивленіе правительственному плану національзаціи желѣзнодорожныхъ линій и быстро охватившее весь бассейнъ Янъ-Цзы, а затѣмъ болѣе или менѣе затронувшее и весь остальной Китай, несмотря на удачное мѣстами сопротивленіе правительственныхъ войскъ. Прибытіе извѣстнаго революціонера, Суэнъ-Йи-Сьена (Сунъ-Ятъ-Сэнъ), который уже не одинъ десятокъ лѣтъ борется со старымъ режимомъ во имя свободы, демократіи и соціальныхъ реформъ, подкрѣпило революціонныя стремленія и, несмотря на двуличную политику Юань-Ши-Кая, помогло поставить ребромъ вопросъ о необходимости выбора между монархіей и республикой.

Конечно, мы не знаемъ, каковъ будетъ ближайшій результатъ принципіальнаго признанія республики. Теперь дѣло въ практическомъ осуществленіи принципа. Сунъ-Ятъ-Сэнъ, который былъ избранъ временнымъ президентомъ республики на собраніи провинціальныхъ делегатовъ въ Шанхаѣ, очень охотно, повидимому, уступилъ теперь свое мѣсто Юань-Ши-Каю, избранному «единогласно» президентомъ новой республики на засѣданіи національнаго собранія 16 февраля въ Нанкинѣ. Но еще вопросъ, доволенъ ли онъ этимъ въ душѣ: мы говоримъ, конечно, не о его личныхъ чувствахъ, а о его общественныхъ идеалахъ. Еще недавно, въ письмѣ къ Юань-Ши-Каю, Сунъ-Ятъ-Сенъ, выражая свою радость по поводу присоединенія стараго государственнаго дѣятеля къ республиканской партіи, дѣлалъ однако совершенно резонное возраженіе противъ самаго факта выбора высшаго сановника новаго строя отрекающеюся за всю свою династію отъ престола императрицей *). Тутъ открывается широкая область гипотезъ. Что значитъ это отступленіе Сунъ-Ятъ-Сэна передъ Юань-Ши-Каемъ? Вѣдь искренній и безкорыстный китайскій революціонеръ не можетъ же не знать двуличной и глубоко эгоистической натуры «сильнаго человѣка». Вѣритъ ли онъ въ цѣлесообразность принципа «лиха бѣда начать» и полагаетъ, что не надо на первыхъ порахъ разбивать армію республиканцевъ междуфракціонной борьбой? Или же онъ предвидитъ неизбѣжность пораженія представляемыхъ имъ крайнихъ элементовъ въ борьбѣ за наиболѣе демократическія формы новаго строя? Знаменательно, въ самомъ дѣлѣ, что Сунъ-Ятъ-Сэнъ, называющій себя соціалистомъ и издавна пропагандирующій необходимость коренной аграрной реформы, все это послѣднее время слабо отмежевывается отъ общей оппозиціонной арміи и, повидимому, желаетъ лишь коллективнаго напора на правительство со стороны всѣхъ враговъ стараго строя,

*) Повидимому въ китайскомъ подлинникѣ нѣтъ, собственно, слова „отреченіе“. Это обстоятельство вызвало уже тревогу на столбцахъ лѣвыхъ республиканскихъ органовъ, которые видятъ здѣсь подвохъ со стороны составителей манифеста, говорящаго о добровольномъ „уходѣ“ династіи: кто ушелъ, тотъ можетъ и вернуться,—аргументируютъ крайніе элементы, не довѣряющіе эдикту.

съ какихъ бы концовъ горизонта они ни сошлись подъ знаменемъ освободительнаго движенія. По крайней мѣрѣ, тѣ требованія соціальныхъ реформъ, которыя еще недавно выдвигались его учениками, совершенно отступили на задній планъ передъ общимъ походомъ на правительство. Высшая ли это мудрость, или же разочарованіе въ томъ дѣлѣ, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь? Думаетъ ли онъ, что важно прежде всего установить республиканскую форму, хотя бы въ самомъ несовершенномъ видѣ, для того, чтобы въ рамкахъ ея стала возможной борьба за программу крайнихъ партій? Или выжидаетъ событій и сбирается съ силами, чтобы съ новой энергіей вмѣшаться въ ходъ современной китайской исторіи? Трудный вопросъ, тѣмъ болѣе трудный, чѣмъ скуднѣе наши свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ о событіяхъ на дальнемъ востокѣ.

Не забѣгая въ будущее, мы считаемъ данный моментъ какъ разъ подходящимъ для анализа тѣхъ особенностей стараго строя въ Китаѣ, которыя въ своемъ развитіи могли привести къ перевороту и которыя, однако, черезчуръ легко упускались изъ виду европейцами. Объ этихъ своеобразныхъ сторонахъ китайской національной жизни мы уже имѣли случай не одинъ разъ говорить съ нашимъ читателемъ по поводу то того, то другого вопроса. Теперь намъ хотѣлось бы окинуть общимъ взглядомъ совокупность этихъ особенностей, помогающихъ намъ понять, почему такъ легко рухнули, казалось бы, необычайно прочныя, заросшія почтеннымъ историческимъ мохомъ твердыни стараго Китая. Съ этой точки зрѣнія основную черту Срединной имперіи нужно видѣть въ томъ, что, несмотря на свою столь длинную исторію и столь старинную культуру, она развивалась такъ медленно, что донесла до соприкосновенія съ послѣдними словами современной цивилизаціи первобытныя родовыя и демократическія учрежденія и идеи, позволяющія ей съ большей легкостью перейти къ республиканскому строю, чѣмъ это могли сдѣлать государства, продвинувшіяся далѣе ея и находящіяся на полпути историческаго развитія.

Если вдуматься хорошенько въ соціально-политическій строй Китая, то онъ являетъ намъ зрѣлище своеобразнаго просвѣщеннаго абсолютизма, вродѣ того, который господствовалъ въ Европѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ, но съ сохраненіемъ такихъ чертъ первобытнаго родового строя и корпоративной группировки населенія, какія въ Европѣ замѣчались развѣ при самомъ началѣ среднихъ вѣковъ, когда новый укладъ сталъ слагаться изъ учрежденій варварскихъ племенъ, вступившихъ въ борьбу съ античной цивилизаціей, отчасти разрушившихъ ее, но и постепенно усвоившихъ нѣкоторыя ея стороны. Эта чрезвычайная отсталость китайской цивилизаціи и дала возможность старымъ демократическимъ стремленіямъ народа найти удовлетвореніе въ тѣхъ формахъ политической свободы и гражданственности, которыми наше современное

общество напоминаетъ первобытныя народоправства. Возьмемъ два-три элемента китайскаго строя и вскроемъ ихъ смыслъ, ускользающій отъ поверхностнаго наблюдателя.

Каковъ, напр., характеръ власти въ китайской имперіи? Политическая власть въ старомъ Китаѣ, какъ извѣстно, организована по типу семьи. Верховная власть является преображеніемъ въ сферѣ общей политики той власти, которою пользуется патріархальный глава семьи въ сферѣ частныхъ отношеній. Императоръ считается «отцомъ и матерью» своихъ подданныхъ. Его власть въ теоріи безгранична и носитъ священный характеръ власти отца, который при жизни управляетъ всѣми своими домочадцами, да и по смерти сохраняетъ мистическое господство надъ своимъ родомъ, присоединяясь къ сонму божественныхъ предковъ. Отсюда безграничность и святость императорской власти. Императоръ уступаетъ по достоинству лишь верховному божеству китайцевъ, «великому богу небесъ». Всѣ остальныя божества, геніи и духи должны повиноваться его велѣніямъ. Китайская поговорка наивно выражаетъ мощь владыки: «И орелъ — рыба, когда прикажетъ сынъ неба». Всѣ императорскіе указы, согласно старинной формулѣ, должны оканчиваться грозной фразой: «Да вострепещутъ всѣ и да повинуются». Въ принципѣ священный характеръ китайскаго императора даже не зависитъ отъ его личныхъ достоинствъ: «Какъ ни старъ колпакъ, но его надѣваютъ на голову, и какъ ни новы и чисты сапоги, ихъ обуваютъ на ноги. Кіе и Чеу были презрѣнными злодѣями, но зато царями; Чингъ-Тангъ и Ву-Вангъ были великими святыми, но зато простыми подданными».

Но у этой блестящей, сверхчеловѣческой стороны императорской власти есть оборотная, вогнутая сторона. Императоръ, перестающій быть отцомъ для своихъ подданныхъ, теряетъ и свой священный характеръ. И уже давно европейцы отмѣтили съ изумленіемъ, что въ этомъ случаѣ китаецъ становится на точку зрѣнія француза временъ Великой революціи, для котораго, согласно знаменитой якобинской конституціи 24 іюня 1793 г., въ случаѣ угнетенія, возстаніе противъ власти есть «священнѣйшее право и самый непреложный долгъ народа». Китайскіе мудрецы говорятъ: «Императоръ и подданный, если они нарушаютъ законъ, одинаково виновны» А народная поговорка гласитъ: «Если ты пріобрѣтешь любовь народа, то пріобрѣтешь и императорскую власть надъ нимъ. А потеряешь любовь, долженъ потерять и власть». Императоръ, считая себя верховнымъ существомъ, считаетъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственнымъ передъ народомъ не только за все хорошее, но и за все дурное, что происходитъ въ его царствованіе. Съ наивной откровенностью китайскій императоръ заграждаетъ уста лукавому царедворцу, столь обычному въ культурныхъ государствахъ, который сталъ бы прославлять монарха за благополучіе народа подъ его скипетромъ и умалчивалъ бы о народныхъ бѣдствіяхъ въ его цар-

ствованіе. Мораль, изучаемая китайскими императорами, энергично говоритъ устами владыки: «Холодно ли народу,—я тому причиною. Голодно ли ему,—то моя вина. Впадаетъ ли онъ въ какое несчастіе—обвиняйте меня». По словамъ мудреца Мэнъ-Цзы, «отвѣтственность возрастаетъ вмѣстѣ съ властью: справедливо поднять руку на царя, когда онъ самъ нарушаетъ справедливость. Сопоставьте всѣ эти афоризмы и изреченія сѣдой древности,—и вы поймете ту атмосферу демократическаго настроенія, которая проникаетъ душу самаго подлиннаго китайца, могущаго одновременно падать ницъ передъ богдыханомъ и считать себя вправѣ поднимать руку на неправеднаго властелина...

Возьмемъ другой вопросъ,—о характерѣ управленія. Страна очень древней цивилизаціи, Китай тѣмъ не менѣе не успѣлъ выработать того мертвящаго централизма, который, какъ обручами, сжимаетъ на континентѣ Европы свободу гражданина и ростъ мѣстной жизни и мѣшаетъ самодѣятельности личностей, группъ и учрежденій. Послушаемъ опять мыслящаго изобразителя страны и жизни китайцевъ: «Въ дѣйствительности, китайцы пользуются традиціонными свободами, которыхъ недостаетъ большинству націй западной Европы. Они могутъ свободно путешествовать по всѣмъ частямъ Имперіи, не встрѣчая жандарма, который спросилъ бы у нихъ паспортъ. Они занимаются любой профессіей безъ всякихъ патентовъ, дозволеній и разрѣшеній со стороны кого бы то ни было. Свобода печати и расклейки объявленій повсюду соблюдается. И народное собраніе происходитъ въ публичныхъ мѣстахъ безъ всякаго извѣщенія полиціи. Даже въ безпокойномъ городѣ Кантонѣ правительство никогда не пыталось закрыть двери Минглунъ-Танга, или «дворца свободнаго обсужденія *).

Съ другой стороны, мандарины и старомодная бюрократическая интеллигенція жестоко стригутъ народъ и безгранично увеличиваютъ приходящіеся съ него, въ сущности, очень скромные налоги. Но все это до поры до времени. Если чиновникъ переходитъ границы хищничества или жестокости, то привыкшее къ широкимъ муниципальнымъ свободамъ населеніе дружно возмущается, и когда на стѣнахъ зданій расклеиваются объявленія, предписывающія какому-нибудь губернатору или судьѣ «отъ имени всего города» немедленно удалиться, то сопротивленіе становится безполезнымъ. Повсюду составляются публичныя собранія, рѣшаютъ изгнаніе тирана и посылаютъ ему депутаціи съ извѣщеніемъ о волѣ города, предлагая съ вѣжливой ироніей блестящій паланкинъ для ухода и прося сановника, въ случаѣ повиновенія, «оставить городу на память сапоги», которые будутъ повѣшены съ тріумфомъ на городскихъ стѣнахъ.

Старинный принципъ самоуправленія и автономіи областей и

*) Ibid. стр. 610.

во время революціи далъ себя знать съ особенною силою. Комично было читать разсужденія европейцевъ по поводу содержанія императорскихъ указовъ, объявлявшихъ учрежденіе въ городахъ и провинціяхъ особыхъ подготовительныхъ собраній, которыя должны были играть роль мѣстныхъ предварительныхъ парламентовъ. Послушать почтенныхъ корреспондентовъ,—то была неслыханная, великая и благодѣтельная реформа, вводимая императорскимъ правительствомъ въ виду общей политической незрѣлости народа, съ цѣлью подготовленія его къ представительному правленію. На самомъ же дѣлѣ это было простымъ закрѣпленіемъ на бумагѣ незапамятнаго обычая, существующаго во всей Срединной имперіи и состоящаго въ томъ, что всѣ естественныя ячейки и группировки людей, начиная отъ собранія главъ семействъ въ деревняхъ и кончая представителями городовъ и областей, функціонирующихъ рядомъ съ бюрократіей, участвуютъ повсюду въ рѣшеніи важныхъ мѣстныхъ дѣлъ и постановляютъ резолюціи даже по такимъ, казалось бы, вопросамъ обще-государственнаго характера, какъ размѣры податей, которыя та или другая область, городъ, сельская община должны вносить на поддержаніе имперскаго бюджета. Въ одной изъ предшествовавшихъ статей я уже упоминалъ, въ какой степени мѣстные бюджеты превышаютъ своими размѣрами бюджетъ центральнаго правительства, а, съ другой стороны, какимъ необходимымъ условіемъ для обложенія населенія является его сознательное согласіе на участіе въ государственныхъ тягостяхъ. Такимъ образомъ императорскіе декреты только спеціализировали дѣятельность мѣстныхъ органовъ на вопросахъ выработки новыхъ политическихъ учрежденій.

Много также писалось о значеніи суевѣрій и традицій китайской жизни, препятствующихъ, молъ, развитію прогрессивныхъ идей и учрежденій. Но и въ этой сферѣ китаецъ обнаруживаетъ свойства ума, которыя, наоборотъ, дѣлаютъ изъ него человѣка, энергично стремящагося къ новымъ формамъ жизни и мысли, какъ только онъ сознаетъ ихъ полезность. Добросовѣстные изслѣдователи китайской жизни теперь приписываютъ все чаще и чаще распространеніе такихъ невыгодныхъ мнѣній о населеніи Срединной имперіи миссіонерамъ всевозможныхъ національностей, которые, сталкиваясь съ могучимъ скептицизмомъ китайцевъ во всѣхъ вопросахъ «потусторонности» и ихъ нежеланіемъ хвататься за новое религіозное ученіе, распускали пристрастные слухи о «сынахъ Гана», какъ о людяхъ, держащихся всѣми силами за безсмысленные вѣковые предразсудки. Предразсудки были какъ разъ на сторонѣ обвинителей. Наиболѣе серьезны наблюдатели всколыхнутаго революціоннымъ движеніемъ Китая поражаются, наоборотъ, тѣмъ свободомысліемъ, которое обнаруживаютъ его обитатели, и тѣмъ сознательнымъ и глубокимъ, тѣмъ страстнымъ стремленіемъ къ усвоенію новыхъ идей, которыми проникнута и трепещетъ душа современ-

наго китайца. Устроенныя на европейскій ладъ школы и новыя туземныя газеты пользуются огромной популярностью въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Китая. При этомъ у «сыновъ Гана» отнюдь не замѣчаются та торопливая подражательность и желаніе обезьянить европейцевъ, которыя нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ охватили японцевъ. Здѣсь, наоборотъ, мы видимъ стремленіе вдумчиво отнестись къ выбору хорошаго и дурного среди новшествъ и къ энергичному преслѣдованію лишь тѣхъ задачъ, которыя вытекаютъ изъ самой реформирующейся жизни. Этому способствуетъ серьезное отношеніе китайцевъ къ просвѣщенію, которое имъ передалось отъ стародавнихъ временъ. Недаромъ слово «кіао» на ихъ языкѣ обозначаетъ и образованіе, и религію: просвѣщеніе человѣка является такимъ образомъ для нихъ настоящимъ культомъ! Это стремленіе, правда, принимало въ теченіе долгаго времени карикатурную форму надѣленія людей чинами въ соотвѣтствіи со степенью знаній, обнаруживаемыхъ ими на офиціальныхъ экзаменахъ. Но за этой карикатурной формой скрывалось серьезное содержаніе, а именно чисто демократическій взглядъ на значеніе сознательнаго участія гражданъ въ управленіи родиной. Предположите только измѣнившееся положеніе вещей и прогрессъ настоящей науки, и вы легко можете себѣ представить, какой запасъ энергіи будетъ обнаруженъ китайцами, когда политическія учрежденія страны будутъ опираться на правильно функціонирующую конституцію, а свобода личности поддерживаться демократическимъ строемъ...

Здѣсь, конечно, возникаетъ вѣчный вопросъ, вопросъ соціальный, усложняющій рѣшеніе политическихъ задачъ. Въ какой степени столкновеніе классовыхъ и групповыхъ интересовъ допуститъ осуществленіе истинной республики и широкой демократіи? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что медленность развитія экономической жизни Китая, отсутствіе хорошихъ путей сообщенія (за исключеніемъ каналовъ), бѣдность могучихъ техническихъ орудій современности, малое проникновеніе во внутренность страны продуктовъ и идей мірового обмѣна,—все это должно было задержать соціальную эволюцію страны, придать неподвижность общественной организаціи и закристаллизовать существующіе классы и профессіи въ устойчивыя историческія группы. Но теперь дѣло не можетъ идти такъ дальше. Пламя экономическаго и идейнаго прогресса, раздутое живымъ общеніемъ съ западно-европейцами, пожретъ не мало старинныхъ формъ жизни. И вотъ, возникаетъ вопросъ: не вызоветъ ли это разъ начавшееся великое броженіе той яростной соціальной борьбы, которая повсюду въ цивилизованныхъ странахъ мѣшаетъ дружному осуществленію всѣмъ обществомъ крупныхъ общественныхъ же задачъ?

Китай пока преимущественно сельская страна, гдѣ по меньшей мѣрѣ двѣ трети населенія съ незапамятныхъ временъ заняты

земледѣліемъ, принявшимъ характеръ замѣчательно интенсивнаго и цѣлесообразнаго огородничества, но при отсутствіи усовершенствованныхъ орудій. Съ другой стороны, городское населеніе Китая отличается преобладаніемъ въ немъ класса виртуозовъ-ремесленниковъ, которые могутъ производить съ замѣчательнымъ искусствомъ прочные и красивые продукты домашняго потребленія, но не могутъ снабдить страну, за отсутствіемъ крупныхъ фабрикъ, потребовавшимися теперь въ такомъ количествѣ продуктами большой индустріи. Въ городахъ же сохранился еще очень значительный слой торговцевъ,—китайцы страстные коммерсанты по природѣ,—которые точно также должны будутъ испытать тяжелую конкуренцію могучихъ соперниковъ въ лицѣ крупныхъ капиталистовъ и концессіонеровъ, скопившихся въ открытыхъ европейцамъ пунктахъ страны и быстро растущихъ въ числѣ и вліяніи по мѣрѣ того, какъ Срединная республика будетъ все дальше и дальше вовлекаться въ міровой процессъ. Обратите, наконецъ, вниманіе на существованіе того класса интеллигенціи, который былъ вызванъ къ жизни потребностями правительства въ образованной бюрократіи и который, вслѣдъ за паденіемъ традиціоннаго мандарината, долженъ будетъ зарабатывать средства къ жизни тяжелымъ трудомъ, являясь въ то же время слоемъ людей съ наиболѣе широкими общественными перспективами. Сопоставьте вмѣстѣ всѣ эти элементы, вызовите воображеніемъ картину ихъ столкновенія при ускорившемся темпѣ общественной жизни,—и вы легко поймете, въ какой степени на почвѣ современнаго Китая можетъ воспылать жаркая соціальная борьба между этими различными классами населенія, и въ какихъ размѣрахъ эти соціальныя коллизіи могутъ усложнить вопросы политическаго прогресса, открывая возможность эгоистическимъ честолюбцамъ, вродѣ Юань-Ши-Кая, наигрывать на интересахъ то той, то другой группы и, опираясь на нихъ, ставить свободѣ и демократіи самыя серьезныя препятствія.

Мы оставили подъ конецъ разсмотрѣніе еще одного вопроса, который можетъ оказаться если не роковымъ, то чреватымъ опасностями для молодой республики. Не надо быть особенно проницательнымъ наблюдателемъ, чтобы замѣтить, что если почему-либо китайская революція охватила такое громадное пространство и привела съ такой легкостью къ столь кореннымъ преобразованіямъ, то потому, что до сихъ поръ Китай былъ глубоко мирной страной, и его арміи вовсе не представляли собою такого спеціальнаго органа нападенія и защиты, какимъ онѣ являются въ рукахъ государственной власти и привилегированныхъ сословій на почвѣ старыхъ культурныхъ странъ. Огонь революціи, правда, захватилъ чуть ли не прежде всего солдатъ, и именно тѣхъ изъ нихъ, которые являются піонерами современной военной реформы, совершающейся въ Китаѣ. Но все же постоянное войско въ Срединномъ государствѣ до такой степени еще мало приняло спеціальный ха-

рактеръ послушнаго орудія въ рукахъ носителей власти, такъ еще слабо отличается по характеру, настроенію, дисциплинѣ, общимъ жизненнымъ воззрѣніямъ отъ всего прочаго населенія, что любой китаецъ, вооруженный современнымъ ружьемъ, стóитъ почти столько же въ бою, сколько солдатъ дисциплинируемыхъ на европейскій ладъ отрядовъ. Китаецъ въ блузѣ и китаецъ въ мундирѣ не только мало разнятся одинъ отъ другого по ихъ идеямъ, но они не особенно много разнятся и по ихъ боевой способности. Достаточно поэтому небольшого энтузіазма, чтобы отрядъ гражданъ могъ, напр., явиться серьезнымъ препятствіемъ для военныхъ экзекуцій и карательныхъ экспедицій. Кромѣ того, Китай переживаетъ въ настоящее время ту бунтовскую эпоху, какую переживала разрыхленная революціями Франція до половины XIX вѣка, когда возможны были еще побѣдоносныя уличныя возстанія и братанія войскъ съ народомъ. Тогда не было еще той разницы въ техникѣ вооруженія и,—что бы ни говорили апологеты современныхъ «демократическихъ» армій,—и той разницы въ духѣ военныхъ и штатскихъ элементовъ, которая въ настоящее время проявляется съ такою силою на территоріи наиболѣе культурныхъ государствъ и, несмотря на пропаганду передовыхъ идей, превращаетъ пока армію, предназначенную въ теоріи противъ внѣшнихъ враговъ, въ ту «соціальную жандармерію», которую такъ пропагандировалъ старый рубака и свирѣпый усмиритель коммуны, Галлиффэ, прямо заявлявшій, что, по его мнѣнію, настоящая роль войска должна бы заключаться въ защитѣ имущихъ отъ неимущихъ.

Спрашивается теперь, долго ли Китай будетъ отставать въ организаціи арміи отъ нашихъ «культурныхъ» странъ? А если нѣтъ, то не грозитъ ли Срединной республикѣ возможность, по пути быстраго и радикальнаго преобразованія, натолкнуться на существованіе вышколенной, хорошо вооруженной арміи на европейскій ладъ, которая можетъ явиться грознымъ оружіемъ реакціи и народнаго подавленія въ рукахъ господъ положенія, вродѣ Юань-Ши-Кая?

Предоставимъ, впрочемъ, будущему рѣшать эти вопросы. А пока пожелаемъ Китаю безпрепятственнаго развитія демократическихъ учрежденій и установленія гражданской свободы, въ которыхъ такъ нуждаются и болѣе культурныя страны. Во всякомъ случаѣ, уже одинъ тотъ фактъ, что въ Китаѣ провозглашена республика, — мало того, даже одно слово «Китайская республика» означаетъ серьезный переворотъ въ воззрѣніяхъ современнаго человѣчества. Такія явленія имѣютъ міровое значеніе. Конечно, не важны сами по себѣ голыя слова и бумажныя формулы. Но важенъ тотъ взрывъ энтузіазма, тотъ пафосъ общественнаго творчества, который отдѣляется отъ нихъ и не можетъ не вызывать у другихъ народовъ совершенно естественнаго желанія подражать. Въ свое время было замѣчено, что подражаніе, столь часто играющее въ

исторіи роль реакціоннаго начала, можетъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, стать могущественнымъ рычагомъ всеобщаго преобразованія. И это тѣмъ болѣе, что весь міръ превращается въ настоящее время изъ низшаго организма, съ независимыми, плохо связанными между собою членами, въ высшій организмъ, который повсюду прорѣзывается гигантскими нервами и узлами современныхъ орудій матеріальнаго и идейнаго общенія людей: желѣзными дорогами, печатью, телеграфами, телефонами, разносящими во мгновеніе ока по всему лицу земли пріемы рѣшенія соціальныхъ и политическихъ задачъ каждой частной страной.

II.

Между тѣмъ, какъ молодой Китай старается сбросить съ себя архаическую скорлупу, государства современной Европы, живущей столь сложною и противорѣчивою жизнью, стремятся создать все болѣе и болѣе обширныя формы международныхъ отношеній и, въ частности, союзовъ съ цѣлью удовлетворить противорѣчивыя задачи: расширить свои колоніальныя владѣнія и увеличить политическую мощь, а въ то же время ослабить возможность столкновенія на этой дорогѣ съ соперниками.

Пружиной новыхъ, намѣчающихся комбинацій служитъ отношеніе двухъ наиболѣе демократическихъ государствъ Запада, Франціи и Англіи, къ великой милитаристской и полу-феодальной монархіи средней Европы. Еще недавно система группировки европейскихъ державъ могла быть выражена формулой двухъ трехъ-атомныхъ молекулъ, выступающихъ болѣе или менѣе враждебно одна противъ другой: Германіи, Австріи и Италіи, составляющихъ тройственный союзъ, на одной сторонѣ; Франціи, Англіи и Россіи, образующихъ «сердечное соглашеніе», на другой. Но теперь дѣло идетъ, повидимому, о комбинаціи еще высшаго типа. Двѣ молекулы стремятся образовать болѣе сложное соединеніе, причемъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, дѣло, вѣроятно, не обойдется безъ вытѣсненія однихъ атомовъ и замѣны ихъ другими.

Какъ бы то ни было, суть какъ будто назрѣвающаго измѣненія въ политической конъюнктюрѣ современной Европы заключается, повидимому, въ томъ, что усиливается сродство между народами, приближающимися болѣе одинъ къ другому по степени ихъ культуры и гражданственности, и ослабляется тяга между несродными между собою государственными тѣлами. Нѣтъ, напр., никакого сомнѣнія, что тяготѣніе между Франціей и Англіей, насчитывающее уже около восьми лѣтъ, стало проявляться все замѣтнѣе по мѣрѣ того, какъ Франція стала разочаровываться, во-первыхъ, въ боевой силѣ Россіи, во-вторыхъ, въ степени нелюбви своей союзницы къ Гер-

маніи, и по мѣрѣ того, какъ у обоихъ сосѣдей, раздѣленныхъ Ламаншемъ, начали обостряться опасенія и національная зависть къ растущей не по днямъ, а по часамъ промышленной и колоніальной мощи Германской имперіи. Но это взаимное притяженіе двухъ демократическихъ странъ и отталкиваніе ихъ отъ третьей, сохранившей болѣе значительные слѣды феодализма и независимой отъ народа монархической власти, усложнялись еще не особенно дальновидной, но до извѣстной степени понятной политикой соглашенія вольнолюбивой Англіи съ оставшейся бюрократическою и полу-абсолютистскою Россіей.

Тутъ со стороны Великобританіи происходила и происходитъ та же самая иллюзія, жертвою которой въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 15 лѣтъ была Франція. Переоцѣнка военной силы Россіи и боязнь враждебной русской политики внушили руководителямъ Британской имперіи, вытянувшей свои щупальцы надъ обширнымъ міромъ колоній, мысль укрѣпить свое положеніе въ Азіи и особенно въ становящейся мятежною Индіи договоромъ съ Россіей. Мы знаемъ, къ чему ведетъ эта политика соглашенія между двумя пропитанными столь различнымъ политическимъ духомъ государствами. Какъ раньше, при союзѣ съ Франціей, офиціальная Россія пользовалась призракомъ Германіи только для того, чтобы выкачивать изъ населенія Третьей республики громадное количество золотой влаги и орошать ею безплодныя пустыни своего бюродержавія, такъ и теперь та же офиціальная Россія пользуется совмѣстной дѣятельностью съ Англіей, чтобы вмѣшиваться въ персидскую національную политику то съ цѣлью поддержанія деспотизма мятежнаго шаха, то для наказанія военной юстиціей армянскихъ и другихъ фидаевъ, служившихъ молодому Ирану *). Но уже замѣчаются симптомы такого же охлажденія Англіи къ своей недавней союзницѣ, какое въ свое время прокинулось въ передовыхъ слояхъ Французской республики. Тогда безпримѣрный въ военной исторіи разгромъ Россіи Японіей подѣйствовалъ на пылкое воображеніе французскихъ шовинистовъ, какъ холодный душъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ демократическіе элементы Франціи стали все больше отдаляться отъ офиціальной Россіи, видя, съ какой рѣшительностью восточный союзникъ расправлялся на французскія деньги съ оппозиціонными элемен-

*) Среди нѣкоторыхъ заядлыхъ консерваторовъ Англіи эта политика англо-русскаго сотрудничества въ Персіи безцеремонно провозглашается необходимостью, причемъ аргументація упрощается до нельзя: «конституціонный режимъ производилъ до сихъ поръ въ Персіи одинъ хаосъ», а потому — необходимо „совмѣстное владѣніе Персіей (a condominium) со стороны Россіи и Великобританіи“. Такъ буквально стоитъ въ статьѣ: Robert Machray, „The Fate of Persia“; „The Fortnightly Review“, 1912, февраль, стр. 302.

тами въ самой Россіи и съ національностями окраинъ. Правда, это послѣднее настроеніе не удержалось послѣ того, какъ наша реакція осталась побѣдительницей. Но скептическое отношеніе къ военной мощи Россіи все же значительно расхолаживаетъ руссофильство правительственныхъ круговъ Франціи, у которыхъ упоминаніе объ «альянсѣ» осталось лишь традиціонной фразой, не заключающей въ себѣ почти никакого реальнаго содержанія.

Подобный же процессъ отрезвленія начинаетъ происходить въ Англіи, которая вотъ уже пять лѣтъ какъ плаваетъ въ фарватерѣ русской политики. На почвѣ старинной вольнолюбивой страны растетъ все больше и больше оппозиція противъ мирволенія офиціальнымъ притязаніямъ Россіи, желающей вести свою собственную линію, не особенно считающуюся съ историческими задачами внѣшней политики Англіи. Уже не въ однихъ радикальныхъ, а и въ либеральныхъ, даже въ консервативныхъ кругахъ Англіи слышатся недвусмысленные крики «долой казацкій союзъ!», представляющіе противовѣсъ сомнительнымъ обоюднымъ визитамъ въ родѣ собранной съ бору по сосенкѣ «самозванной» депутаціи англичанъ на берега Невы. И число настроенныхъ противъ Россіи органовъ растетъ вплоть до недавняго появленія еженедѣльника, носящаго многозначительное заглавіе: «Мрачнѣйшая Россія». Конечно, близорукіе политики Парижа и Лондона могутъ еще мечтать о цѣнности «сердечныхъ» экскурсій англо-франко-руссовъ въ столицы трехъ государствъ. Но здравый смыслъ британцевъ и присущая политикѣ Англіи, несмотря на ея могучій національный эгоизмъ, нота извѣстнаго свободолюбія должны все болѣе укрѣплять скептицизмъ англійскаго народа по отношенію къ результатамъ, которые великая колоніальная имперія можетъ извлечь изъ своего сотрудничества съ полуархаической Россіей *).

Вполнѣ, поэтому, естественно, что у англичанъ зародилась мысль, вмѣсто того, чтобы охранять храмину своихъ политическихъ комбинацій заржавѣлымъ громоотводомъ Россіи, пойти навстрѣчу къ самой грозовой тучѣ, войти въ тѣ слои атмосферы, гдѣ можетъ назрѣть столь пугающая Англію война съ Германіей, короче сказать, условиться съ возможнымъ врагомъ. Съ этой точки зрѣнія и должно разсматривать недавнее посѣщеніе Германіи виконтомъ Холдэномъ, который какъ разъ занимаетъ въ Соединенномъ королевствѣ постъ военнаго министра. Любопытенъ уже самъ по себѣ выборъ этого парламентера. Любопытенъ какъ въ смыслѣ характеристики политическихъ нравовъ Англіи, такъ и по отношенію

*) Въ небезынтересной статьѣ о внѣшней политикѣ Англіи, принадлежащей перу виднаго соціалъ-демократическаго писателя, довольно давно живущаго среди британцевъ, недурно представлены главнѣйшіе моменты назрѣвающаго перелома во взглядахъ населенія на руссофильскую политику Грея. См. Th. Rothstein, „Englands auswärtige Politik"; въ „Die Neue Zeit", № отъ 26 января 1912, стр. 581—596.

къ самой личности вѣстника мира. Холдэнъ—по профессіи юристъ, по образованію — философъ. И въ то же время онъ—верховный руководитель англійской арміи, — фактъ, который можетъ показаться чудовищнымъ въ полу-феодальной Германіи, но, который, напр., вполнѣ понятенъ для французовъ, гдѣ штатскіе министры становились и становятся во главѣ военнаго министерства, (вспомнимъ хотя бы Фрейсинэ, Берто и настоящаго военнаго министра, Мильрана). Но этого мало. Англія отправила глашатаемъ мира въ Германію человѣка, который славится знаніемъ нѣмецкаго языка и считается знатокомъ нѣмецкой философіи, составляющей, какъ извѣстно, «умственную родину» образованнаго германца. Холдэнъ, шотландецъ по происхожденію, написавшій трудъ о своемъ великомъ соотечественникѣ, Адамѣ Смитѣ, воспитывался отчасти и въ Германіи, слушалъ въ Гёттингенскомъ университетѣ лекціи Лотце, погружался въ хляби гегельянской метафизики и далъ англичанамъ (въ сотрудничествѣ съ Кемпомъ) хорошій переводъ главнаго труда Шопенгауера, «Міръ, какъ воля и представленіе». Этого-то человѣка Великобританія шлетъ посломъ Германіи съ тѣмъ, чтобы разсѣять лишнія недоразумѣнія между двумя странами и подчеркнуть желательность миролюбивой политики.

Визитъ этотъ, повидимому, пришелся по вкусу нѣмцамъ. О немъ не только отозвался благопріятно канцлеръ въ рейхстагѣ, но посѣщеніе Холдэна очень благопріятно комментировалось большинствомъ германской прессы. А по другую сторону Нѣмецкаго моря, въ стѣнахъ «матери парламентовъ», важность этого шага подчеркивалась рѣчами Асквита и Грея, старавшихся уяснить значеніе сближенія между Германіей и Англіей и, кстати, парализовать полу-воинственную словесность импульсивнаго Чёрчилля, который въ роли морского министра продолжаетъ обнаруживать ту же самую необдуманную запальчивость, какую онъ проявилъ во время стачечнаго движенія прошлаго года въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ *).

Что выйдетъ дальше изъ попытки сближенія между Англіей и Гер-

*) Все болѣе и болѣе колеблющаяся въ послѣднее время политика Грея, который желалъ бы обезоружить критику противниковъ его руссофильскихъ тенденцій признаніемъ возможности установленія приличнаго modus vivendi съ Германіей, заставляетъ даже его сторонниковъ требовать отъ либеральнаго кабинета выхода изъ дилеммы: „или мы должны, укрѣпляя наши сухопутныя силы всяческими способами, превратить тройственное соглашеніе въ военную реальность, или же мы должны такъ или иначе измѣнить нашу политику, ведущую насъ на край войны, въ которой насъ оставятъ биться одних. Но мы не можемъ продолжать неопредѣленно долго политику всяческихъ даровъ по отношенію къ нашимъ союзникамъ за ихъ проблематическую помощь",—читаемъ мы въ статьѣ либеральнаго члена палаты общинъ: C. S. Goldman, «Eleven years of foreign policy», въ «The Nineteenth Century», 1912, февраль, стр. 226.

маніей, сказать, конечно, трудно. Но если дипломатамъ, а главное, народамъ двухъ странъ удастся обломать острія боевой политики, направленной взаимно однимъ государствомъ прямо въ грудь другого, то, можетъ быть, дѣло европейскаго мира сдѣлаетъ значительный шагъ впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранится надобность въ той парадоксальной согласованности политики русской безотвѣтственной бюрократіи и политики англійскаго свободолюбиваго народа, которая вредитъ, какъ внутреннему русскому, такъ и общеевропейскому и даже міровому прогрессу.

Нѣтъ сомнѣнія, что ослабленіе взаимнаго недовѣрія и опасеній между величайшей военной и величайшей морской державами Стараго Свѣта пойдетъ на пользу свободѣ и демократіи во всемъ мірѣ. Теперь наступаетъ какъ разъ такой моментъ, когда въ политической исторіи Германіи обнаруживается нѣкоторый уклонъ къ лучшему. Правда, не слѣдуетъ преувеличивать непосредственное значеніе недавнихъ выборовъ, которые дали перевѣсъ въ нѣсколько голосовъ либеральному блоку надъ клерикально-консервативнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали нѣмецкую соціалъ-демократію самой многочисленной партіей въ нѣмецкомъ парламентѣ. Ждать крутого поворота въ области германской политики пока еще рано, и не надо быть большимъ пессимистомъ, чтобы усомниться, напр., въ возможности проводить широкія политическія и соціальныя реформы при помощи новаго рейхстага. Развѣ мы не могли убѣдиться изъ исторіи съ выборами президіума, что прочнаго либеральнаго большинства въ нѣдрахъ нѣмецкаго представительства пока еще нѣтъ? Если національ-либералы, перепуганные негодующими письмами своихъ избирателей, отказались выставить своего кандидата на новыхъ президентскихъ выборахъ, мало того, убрали изъ бюро своего вице-президента, такъ что высшій органъ рейхстага оказался состоящимъ изъ двухъ свободомыслящихъ (президента и вице-президента) и изъ одного соціалъ-демократа (перваго вице-президента), то не ясно ли, что и въ болѣе серьезныхъ вопросахъ, касающихся уже не внутреннихъ распорядковъ парламента, а существенныхъ задачъ внѣшней и особенно внутренней политики, націоналъ-либеральная партія послѣдуетъ обычному влеченію своего боязливаго сердца и не разъ будетъ смѣшиваться съ черно-голубымъ блокомъ?

Мало этого. Нельзя вполнѣ довѣрять и либерализму бюргерскихъ радикаловъ Германіи, всѣхъ этихъ блѣдно-розовыхъ прогрессистовъ, которые заполняютъ свою прессу статьями, исповѣдующими самый горячій лойялизмъ, quand même, и ручающимися даже за соціалъ-демократовъ, что они не будутъ особенно упорствовать въ своей соціалистической и республиканской догмѣ. Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться прямо или косвенно такъ называемой «національной чести» Германіи,

расширенія ея внѣшней и колоніальной мощи, усиленія арміи и флота, прогрессисты будутъ дружно идти съ консерваторами (къ которымъ, вѣроятно, будетъ отъ времени до времени присоединяться и центръ) и вотируютъ безъ особаго сопротивленія расширенную программу военныхъ и морскихъ издержекъ, съ такою настойчивостью пропагандировавшуюся патріотами во время лѣтняго кризиса и переговоровъ съ Франціей *). Нѣтъ, видно «философическій» канцлеръ, Бетманъ-Гольвегъ, хорошо знаетъ душу своихъ соотечественниковъ, когда заявляетъ съ трибуны парламента, что именно усиленіе соціалъ-демократіи на выборахъ заставляетъ его бороться противъ дальнѣйшей демократизаціи политическаго строя Германіи, и читаетъ либераламъ, словно провинившимся школьникамъ, нотацію по поводу того, что ихъ либерализмъ передвинулся влѣво. Въ его рѣчи даже европейскій миръ и судьбы нормальнаго развитія культурныхъ странъ ставятся въ зависимость отъ того, насколько будетъ прочно стоять твердыня современной полу-феодальной, полу-милитаристской имперіи, которая, молъ, только и охраняетъ политическое равновѣсіе нашихъ дней **).

И вотъ, того роста оппозиціоннаго и вольнолюбиваго духа, котораго мы не ждемъ отъ самостоятельной эволюціи нѣмецкихъ либеральныхъ партій, можно ожидать отъ измѣненія въ отношеніяхъ между Германіей и Англіей, измѣненія, способнаго ослабить страхъ типичнаго нѣмецкаго бюргера передъ коварнымъ Альбіономъ и заставить его болѣе скептически относиться къ правительственнымъ планамъ дальнѣйшаго вооруженія. У нѣмецкихъ патріотовъ будетъ тогда несомнѣнно менѣе поводовъ носиться съ призракомъ британскаго леопарда, старающагося, молъ, наложить свою грозную лапу на всѣ богатыя экзотическія страны, которыя могли бы такъ понадобиться быстро разростающейся Германской имперіи.

Съ другой стороны, ослабленіе антагонизма между нѣмцами и англичанами можетъ сказаться благопріятно и на политикѣ Третьей республики. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тотъ воинственный тонъ, какой приняли органы буржуазной печати на западѣ отъ Вогезовъ во время переговоровъ съ Германіей, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что Франція и ея руководители считали возможнымъ въ эту смутную и чреватую сюрпризами эпоху раз-

*) Это признаютъ и стремящіеся къ лѣвому блоку ревизіонисты. Ихъ органъ вполнѣ допускетъ, что въ «области вооруженій. въ важнѣйшихъ колоніальныхъ вопросахъ... политика блока лѣвыхъ партій» будетъ «безпомощно разсыпаться» (см. Max Schippel, «Die Reichstagswahlen»; «Sozialistische Monatshefte»; № отъ 31 января 1912 г., стр. 80).

**) Мы не считаемъ пока нужнымъ останавливаться подробно на первыхъ, лишь платоническихъ выраженіяхъ различныхъ партійныхъ точекъ зрѣнія въ рейхстагѣ. Любопытно будетъ, однако, видѣть, какъ далеко либералы пойдутъ за соціалъ-демократами въ поддержкѣ хотя бы умѣренной программы, какъ ее развилъ ревизіонистъ Франкъ.

считывать на помощь Англіи. Кто слѣдилъ за французской печатью, тотъ не могъ не замѣтить, что нота «національнаго достоинства» въ буржуазныхъ органахъ, (если не считать, конечно, вѣчно кричащихъ шовинистскихъ газетъ) зазвучала рѣзко только на слѣдующій день послѣ рѣчи Ллойдъ-Джорджа, только послѣ заявленія популярнаго министра, что Англія не можетъ разсматривать посылку нѣмецкой канонерки въ Агадиръ и вообще германскую политику въ Марокко иначе, какъ актъ, задѣвающій существенные англійскіе интересы. Эта рѣчь была точно рычагомъ, поднявшимъ шлюзы французской «любви къ отечеству и народной гордости». Галльскій пѣтухъ сталъ кричать очень громко, какъ только услышалъ за своей спиной дружественное рычаніе уже упомянутаго леопарда. А въ настоящее время нѣтъ ни одного органа французской печати, за исключеніемъ соціалистическихъ и синдикалистскихъ изданій, который не восторгался бы необыкновенной непреклонностью, обнаруженной французской націей (читай: военными, капиталистами и газетчиками) во время переговоровъ съ завогезскимъ сосѣдомъ. Въ особенности эта національная кичливость и восхваленіе своего спартанскаго самообладанія проявились въ послѣднее время, когда франко-германскій договоръ, подписанный еще 4 ноября 1911 г., обсуждался для окончательной ратификаціи во французскомъ парламентѣ. Тутъ печать вторила шуму патріотическаго фонтана, который забилъ широкой волной не только въ импульсивной палатѣ депутатовъ, но и въ болѣе степенномъ сенатѣ.

Не знаменательно ли, что Клемансо, нѣкогда пожинавшій свои лучшіе лавры въ борьбѣ противъ колоніальной политики Ферри, произнесъ въ Верхней палатѣ (11 февраля н. с.) чуть ли не самую шовинистскую рѣчь, еле-еле приправленную философскими разсужденіями о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, — рѣчь, въ которой онъ выражалъ свое недовольство франко-германскимъ договоромъ и, не предлагая никакого практическаго вывода, тѣмъ не менѣе бросалъ рядъ патріотическихъ фразъ, обладавшихъ даромъ вызывать сочувствующіе возгласы крайнихъ реакціонеровъ. Не имѣя духа сказать прямо ни да, ни нѣтъ по отношенію къ обсуждавшемуся трактату, нападая на своего «друга» Пуанкарэ во имя высокихъ интересовъ отечества, онъ производилъ фуроръ на скамьяхъ правыхъ словами: «Мы не подписываемся подъ приговоромъ отреченія и національнаго паденія, произнесеннымъ нашими сосѣдями. Мы—преемники великой исторіи (nous venons d'une grande histoire), и мы желаемъ сохранить это величіе», на что заядлый реакціонеръ, Годэнъ-де-Виллэнъ, закричалъ во все горло: «Вотъ истинно французскія слова!»... А когда Клемансо снова воскликнулъ: «А, г. Бетманъ-Гольвегъ не будетъ доволенъ? Ну и пусть его не будетъ доволенъ», то ему отвѣтилъ снова громъ апплодисментовъ на различныхъ скамьяхъ сената, и снова въ

насыщенномъ шовинистскимъ электричествомъ воздухѣ прорѣзался крикъ Годэна-де-Виллэнъ: «Браво, г. Клемансо, вотъ еще истинно-французское слово!»

Для насъ, повторяемъ, почти нѣтъ сомнѣнія, что вся эта шовинистская шумиха, все это восхваленіе «твердой«, «національной» политики, вся эта игра въ патріотизмъ, разъ уже заразившая Францію ядомъ военной и клерикальной реакціи, въ волнахъ которой чуть не захлебнулась республика во время дѣла Дрейфуса, что это настроеніе умовъ теперь является въ значительной степени результатомъ надеждъ французской буржуазіи, ея правящихъ и милитаристскихъ слоевъ, на дѣятельную помощь могучей Англіи. И вотъ, если Англія и Германія вступятъ между собою въ менѣе враждебныя отношенія, и если первая, отнюдь не оставляя одинокою союзную республику, тѣмъ не менѣе ясно обнаружитъ своей политикой, что она вовсе не намѣрена потворствовать какимъ-нибудь планамъ реванша, то этимъ очень существенно ослабится угроза войны, которая отъ времени до времени приводитъ въ нервное состояніе всю Европу. Разъ Франціи, Германіи и Англіи удастся создать путемъ взаимныхъ уступокъ извѣстную почву для совмѣстной охраны культурныхъ интересовъ, то дѣло мира будетъ почти совершенно обезпечено. Уже тотъ фактъ, что союзная съ Франціей Англія отказывается отъ политики вражды по отношенію къ Германіи, могъ бы способствовать выработкѣ лойяльнаго соглашенія между Французской республикой и, повидимому, обнаруживающей нѣкоторую тягу въ сторону либерализма Германіей. Тогда образовалось бы дѣйствительно плодотворное сотрудничество трехъ наиболѣе культурныхъ въ Европѣ странъ, участіе въ которомъ Англіи взаимно разрѣжало бы противоположныя электричества національной вражды, періодически скопляющейся по обѣ стороны Вогезовъ: на почвѣ Третьей республики и на территоріи Германіи.

Такая политическая комбинація была бы въ особенности полезной теперь, когда весна можетъ принести съ собой серьезныя осложненія на Балканскомъ полуостровѣ. Затрудненія, испытываемыя Турціей въ войнѣ съ Италіей, усиливаютъ воинственное настроеніе всѣхъ тѣхъ національностей Оттоманской имперіи, которыхъ до сихъ поръ младотурки желаютъ заклать на алтарѣ всетурецкаго централизма. Съ наступленіемъ теплаго времени года и съ возстановленіемъ сношеній черезъ горные проходы, и албанцы, и македонцы, несомнѣнно, приступятъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Но малѣйшая искра, брошенная въ тотъ пороховой погребъ, какимъ до сихъ поръ остается составленный изъ мозаики народностей Балканскій полуостровъ, грозитъ страшнымъ взрывомъ, который перейдетъ далеко за границы юго-восточной Европы и всколыхнетъ старый міръ въ самыхъ его основаніяхъ. Тѣ безцеремонные пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ

въ настоящее время турецкое министерство на выборахъ, подъ давленіемъ комитета «Единенія и прогресса», заранѣе показываютъ, чего могутъ ожидать отъ господствующей національности всѣ остальныя народности, входящія въ составъ Оттоманской имперіи. «Теперь или никогда»,—несомнѣнно, должны сказать себѣ всѣ тѣ подавляемыя въ своихъ естественныхъ стремленіяхъ племена, которыя и спятъ, и видятъ, какъ бы освободиться изъ-подъ ига близорукихъ младотурокъ, обѣщавшихъ, въ противоположность абдулъ-гамидовскому режиму, свободу развитія всѣмъ народамъ Имперіи и угнетающихъ во имя турецкаго государственничества каждую самостоятельную національность.

Не забудьте, съ другой стороны, что разжечь тлѣющее пламя вражды на Балканскомъ полуостровѣ постарается Италія, зашедшая на почвѣ триполитанской кампаніи въ тупикъ, гораздо болѣе безвыходный, чѣмъ сама Турція. Уже умолкаютъ крики безподмѣснаго восторга, и официальный оптимизмъ уступаетъ мѣсто болѣе серьезной оцѣнкѣ положенія. Правда, только что собравшійся парламентъ обнаружилъ «безпримѣрный патріотизмъ». На засѣданіи 22 февраля палата депутатовъ вотировала огромнымъ большинствомъ (431 противъ 38) довѣріе министерству, представившему на обсужденіе палаты декретъ объ «аннексіи» Триполи. А въ Сенатѣ два дня спустя (24 февраля) было констатировано даже полное «единогласіе» 202 присутствовавшихъ отцовъ отечества. Но эти засѣданія были засѣданіями для галлереи, для произведенія впечатлѣнія на Европу, и нисколько не предрѣшаютъ невозможности рѣзкой критики самаго выполненія плана экспедиціи *).

Затрудненія растутъ съ каждымъ днемъ. Уже готовится къ отсылкѣ новый корпусъ въ 40.000 чел., который вмѣстѣ съ дѣйствующими на полѣ кампаніи силами доведетъ число итальянскихъ войскъ въ Африкѣ до 150.000. Уже по самымъ скромнымъ вычисленіямъ, издержки экспедиціи должны дойти въ ближайшее время до милліарда лиръ, а процессъ завладѣнія всѣмъ Триполи растянется на 10—20 лѣтъ. Съ другой стороны, ускорить темпъ экспедиціи, перенести войну въ Европу, напр., бросить эскадру въ Эгейское море, заняться бомбардировкой портовъ на Балканскомъ полуостровѣ, значитъ нарушить ту схему военныхъ дѣйствій, которую предписали Италіи ея же партнеры по тройственному союзу, и въ особенности Австро-Венгрія, отнюдь не желающая вмѣшательства

*) Не какой-нибудь рѣзко-соціалистическій или антимилитаристскій, но радикальный органъ «Il Secolo» уже начинаетъ жестоко нападать на лѣвую въ парламентѣ, что она недостаточно критически отнеслась къ серьезному положенію создающемуся для Италіи вслѣдствіе триполитанскаго похода, и заявляетъ, что онъ отнюдь не намѣренъ «предоставить исключительно соціалистамъ честь защищать дѣло истины, справедливости и мира» (см. передовую статью «Silenzio radicale» въ № отъ 28 февраля 1912 упомянутой газеты).

Итали въ дѣла ближняго Востока *). Не имѣя возможности нанести больной ударъ противнику въ единственно уязвимое мѣсто,—ибо сама по себѣ война въ Триполи не заставитъ турокъ пойти на миръ,—Италія будетъ фатально вынуждена разжигать потайнымъ образомъ междоусобную войну на Балканскомъ полуостровѣ. Но возстаніе противъ Турціи національностей юго-восточной Европы должно непремѣнно вызвать движеніе Австріи въ захваченныя огнемъ войны мѣста, а это въ свою очередь можетъ толкнуть на подобный же шагъ Россію, и въ результатѣ столкновеніе этихъ различныхъ теченій можетъ создать такой политическій водоворотъ, который въ состояніи втянуть въ себя всю Европу, уже давно изнемогающую подъ бременемъ вооруженнаго мира.

Присматриваясь къ этому неустойчивому равновѣсію въ системѣ европейскихъ державъ, прислушиваясь къ этимъ диссонансамъ пресловутаго европейскаго концерта, друзья прогресса не могутъ не желать, чтобы на аренѣ современной исторіи создалась такая комбинація родственныхъ по культурности странъ, которая поддержала бы и укрѣпила политику миролюбивыхъ элементовъ въ разныхъ государствахъ и положила бы конецъ взаимному науськиванію шовинистовъ. Съ этой точки зрѣнія можно только привѣтствовать, если Англія, не разрывая своихъ союзническихъ сношеній съ Французской республикой, постарается ослабить свою вражду съ Германіей, между тѣмъ какъ Германія, не опасающаяся болѣе внезапнаго нападенія Англіи, пойдетъ по пути внутренняго прогрессивнаго развитія, а Франція умѣритъ пыль своего колоніальнаго задора и своего шовинистскаго настроенія и обратится тоже къ рѣшенію внутреннихъ,—увы! столь запущенныхъ ею въ послѣднее время—вопросовъ.

Такая политическая комбинація изолируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Европѣ безотвѣтственную русскую бюрократію, усиливая шансы живыхъ силъ страны. Эта европейская конъюнктура оказала бы существенную поддержку внутреннему прогрессу Россіи. А этотъ прогрессъ въ свою очередь входилъ бы далеко не безразличнымъ элементомъ въ поступательное развитіе всего цивилизованнаго міра.

Н. С. Русановъ.

**) Бомбардировка итальянскими броненосцами открытаго турецкаго порта, Бейрута, имѣвшая мѣсто 23 февраля н. ст., показала, съ одной стороны, до какой степени нервничаетъ Италія, а съ другой, какъ зорко и недружелюбно европейскія державы слѣдятъ за попытками итальянцевъ расширить поле военныхъ дѣйствій.

Новыя книги.

Степанъ Аникинъ. Деревенскіе разсказы. Изд. М. В. Аверьянова. 293 стр. 1912. Цѣна 1 р. 20 к.

Не задаваясь крупными художественными задачами, авторъ, потрясенный нестроеніемъ родины, въ рядѣ небольшихъ разсказовъ, искренно и безхитростно передаетъ свою печаль и свое возмущеніе. Въ его книгѣ непосредственно чувствуется душа разсказчика—это ея главное достоинство. Г. Аникинъ не лишенъ вкуса, но художественный матеріалъ, изъ котораго онъ лѣпитъ свои образы, довольно скуденъ; его языкъ бѣденъ красками, лишенъ выразительности. Въ его діалогѣ наиболѣе самобытныя фразы звучатъ какъ подслушанныя. Каждый разсказъ (кромѣ первыхъ двухъ— «Молотьба» и «Жить надо») бьетъ въ одну опредѣленную цѣль; у автора почти нѣтъ уклоновъ мысли, кажущихся сначала случайными, но на самомъ дѣлѣ обогащающихъ повѣствованіе; у него мало фантазіи и много тенденціи.

Воодушевленный ясно-опредѣленнымъ замысломъ, онъ сознательно подчеркиваетъ тѣ черты въ характеристикѣ своихъ героевъ, которыя ему кажутся типическими. Между тѣмъ, искусство живетъ конкретными, индивидуальными образами; индивидуальное можетъ совпасть съ типическимъ, но, если въ образѣ нѣтъ своей личной, ему одному присущей жизни, онъ неубѣдителенъ. Тѣмъ не менѣе искренность автора заражаетъ. Г. Аникинъ затрагиваетъ мучительные вопросы нашей современности; онъ говоритъ о страшныхъ болѣзняхъ нашей родины. Читая о безчинствахъ осатанѣлаго стражника («Гараська-диктаторъ»), о часовомъ, застрѣлившемъ подошедшаго къ тюремному окну ребенка, мы чувствуемъ кровавыя угрозы нашей текущей жизни и невольно отзываемся на эти печальныя строки.

Несомнѣнно, это не чисто-художественное впечатлѣніе; все же авторъ никогда не оскорбляетъ «эстетики» рѣзкими публицистическими пріемами. Небольшая художественная цѣнность разсказовъ объясняется въ концѣ-концовъ тѣмъ, что г. Аникинъ берется за непосильную задачу. Нуженъ геній Льва Толстого для того, чтобы придать сценамъ зловѣщаго насилія эпическую законченность, для того, чтобы сдѣлать изъ кошмара произведеніе искусства; только очень крупному дарованію дано оправдать тенденцію поэтическимъ вдохновеніемъ. — Дарованіе г. Аникина проявляется въ мягкихъ, спокойно-созерцательныхъ настроеніяхъ. Таковы два первыхъ разсказа, почти лишенные повѣствовательнаго движенія картинки изъ деревенской жизни; въ нихъ много лиризма (въ первомъ разсказѣ чувствуется вліяніе Зайцева). Особенно привлекателенъ второй раз-

сказъ «Жить надо»—случайная дорожная встрѣча съ обнищалыми татарами, блуждающими по Руси за пропитаніемъ. Эта жалобная и покорная нищета, эти измученныя нерусскія лица остаются въ памяти. Не громкими призывами дѣйствуетъ искусство; оно сильнѣе, когда извнѣ безмятежно.

И въ другихъ разсказахъ г. Аникина попадаются отрывки, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ, хотя и небольшомъ дарованіи автора. Очень хороша страница, посвященная описанію уѣзднаго острога. «Острогъ — крупнѣе и выше всѣхъ другихъ городскихъ домовъ, будто важнѣе ихъ и крупнѣе для жизни». Эти выразительныя строки настраиваютъ—и говорятъ больше, чѣмъ рѣзкія обличенія и плохо прикрытая преднамѣренность.

На зарѣ жизни. Воспоминанія Е. Н. Водовозовой. Спб. 1911. Стр. XII+608. Ц. 2 р.

Раньше, чѣмъ появиться отдѣльнымъ изданіемъ, «Воспоминанія» Е. Н. Водовозовой были уже напечатаны частями въ нѣсколькихъ журналахъ. Между прочимъ, довольно значительные отрывки изъ этихъ «Воспоминаній» были помѣщены въ 1908 и 1911 гг. и на страницахъ «Русскаго Богатства». Но, думается намъ, даже тѣ лица, которыя въ свое время успѣли ознакомиться со всѣми напечатанными въ журналахъ частями этихъ воспоминаній, съ удовольствіемъ и интересомъ перечтутъ ихъ въ отдѣльной книгѣ. Дѣло не въ томъ только, что въ послѣдней они найдутъ немало новыхъ очерковъ и эпизодовъ, раньше отсутствовавшихъ и вставленныхъ авторомъ въ отдѣльное изданіе. Книга Е. Н. Водовозовой вообще принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя много выигрываютъ при сплошномъ чтеніи, безъ насильственныхъ и болѣе или менѣе долгихъ перерывовъ. Въ этомъ случаѣ стушевываются нѣкоторые присущіе ей мелкіе недостатки, вродѣ чрезмѣрной подчасъ растянутости изложенія, и на первый планъ выступаетъ, захватывая вниманіе читателя, глубоко интересное содержаніе. Бытъ бѣдной помѣщичьей семьи въ провинціальномъ захолустьи въ послѣднія десятилѣтія передъ паденіемъ крѣпостного права, дореформенный Смольный институтъ конца 50-хъ годовъ прошлаго вѣка и тотъ же институтъ, оживленный реформами Ушинскаго, наконецъ, кружки петербургской молодежи въ 60-хъ годахъ—таковы главныя темы воспоминаній Е. Н. Водовозовой, и каждая изъ этихъ темъ широко и всесторонне освѣщена въ нихъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ Е. Н. Водовозова съ чувствомъ понятнаго удовлетворенія отмѣчаетъ, что ея воспоминаніями послѣ появленія ихъ въ журналахъ «уже воспользовались нѣкоторые изслѣдователи исторіи крѣпостного права въ царствованіе имп. Николая и собиратели матеріаловъ для этой исторіи». Историкамъ русскаго быта въ серединѣ XIX вѣка придется обращаться къ воспоминаніямъ Е. Н. Водовозовой и по дру-

тимъ поводамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея правдиво и безхитростно написанная книга представляетъ собою глубоко поучительное и интересное чтеніе и для всякаго рядового читателя, желающаго оглянуться на наше недавнее прошлое. И, привѣтствуя появленіе этой книги, можно только пожелать, чтобы Е. Н. Водовозова не ограничилась воспоминаніями лишь о томъ кругѣ явленій, наблюдательницей и участницей котораго ей пришлось быть «на зарѣ жизни», и продолжила свой разсказъ о прошломъ дальше, охвативъ болѣе близкіе къ намъ періоды.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Москва. 1912. Стр. VI+214. Ц. 2 р.

«Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней», собранныя въ этой книгѣ—тоже своего рода «пути и перепутья», только не поэтическіе, а критическіе. Внутренняя связь ихъ не въ системѣ, но въ исторической послѣдовательности, не въ догмѣ, но въ біографіи автора. Въ этомъ цѣнность книги—не та, однако, «единственная цѣна», которую признаетъ за своими статьями самъ авторъ,—не «цѣнность непосредственнаго впечатлѣнія». Непосредственность впечатлѣнія вліяла на отдѣльныя оцѣнки автора, которыя можно принять или отвергнуть, не отвергая этимъ значительности всей книги Брюсова—перваго изъ четырехъ предположенныхъ имъ томовъ собранія его статей. Книга значительна, какъ показатель того пути, который прошелъ въ развитіи своихъ литературно-эстетическихъ взглядовъ центральный дѣятель русскаго декадентства. И оговоримся напередъ: важенъ именно путь, а не тѣ конечныя воззрѣнія, къ которымъ пришелъ Брюсовъ. Какъ ни близки намъ эти новыя и для многихъ неожиданныя въ Брюсовѣ воззрѣнія, они неожиданны лишь для того, кто не слѣдилъ за его путями, кто не подозрѣвалъ возможностей, скрытыхъ въ гибкости этого эклектическаго, но недюжиннаго ума. И съ другой стороны: какъ бы ни казались нѣкоторыя оцѣнки Брюсова преувеличенными и мнѣнія ошибочными, не чувствуется потребности вступать съ нимъ въ споръ; книга его есть свидѣтельство о непрерывномъ развитіи, онъ самъ въ ней не разъ отказывается отъ своихъ прежнихъ воззрѣній. Естественно ожидать, что въ дальнѣйшемъ онъ освободится еще кой отъ чего, характернаго для его прежней литературной физіономіи. Отъ многаго онъ, конечно, не откажется: слишкомъ много вложилъ онъ душевныхъ силъ въ свое литературное направленіе, слишкомъ многое съ нимъ связано. Но и тотъ путь, который онъ прошелъ, не можетъ не казаться знаменательнымъ.

«Разнообразны, разнолики стихи этихъ шестнадцати поэтовъ—говоритъ Брюсовъ въ статьѣ о «Стихахъ 1911 года—... но есть одна черта, которая объединяетъ всѣхъ, черта вмѣстѣ съ тѣмъ

глубоко характерная для всего нашего времени. Я говорю о поразительной, какой-то роковой оторванности всей современной молодой поэзіи отъ жизни. Наши молодые поэты живутъ въ фантастическомъ мірѣ, ими для себя созданномъ, и какъ будто ничего не знаютъ о томъ, что совершается вокругъ насъ, что ежедневно встрѣчаютъ наши глаза, о чемъ ежедневно приходится намъ говорить и думать». Вотъ какъ далеко ушелъ Брюсовъ отъ своихъ старыхъ взглядовъ. Уже въ 1908 году онъ находитъ возможнымъ съ безусловнымъ сочувствіемъ отнестись къ поэзіи А. М. Жемчужникова. Эта сочувственная оцѣнка стараго поэта-общественника важнѣе даже, чѣмъ общіе взгляды Брюсова, ибо не трудно сойтись въ теоретическихъ воззрѣніяхъ; трудно примириться въ оцѣнкахъ, въ которыхъ роль играютъ неуловимыя особенности вкусовъ и настроеній. Поэтому, быть можетъ, когда-нибудь Брюсовъ признаетъ, что ошибся, такъ характеризуя недавнее прошлое нашей литературы: «Было время, когда русская поэзія нуждалась въ освобожденіи отъ давившихъ ее оковъ холоднаго реализма. Надо было вернуть исконныя права мечтѣ, фантазіи. Надо было вновь указать поэзіи на ея задачу—синтезировать данныя опыта, обобщать найденное умомъ въ художественныхъ и, слѣдовательно, идеальныхъ образахъ. Къ сожалѣнію, по этому необходимому пути пошли слишкомъ далеко. Молодая поэзія захотѣла летать въ странѣ мечты, отказавшись отъ крыльевъ наблюденія; захотѣла синтезировать, не имѣя за собой опыта, фактовъ. Отсюда ея безжизненность и ея подражательность». Едва ли авторъ сумѣлъ бы показать, когда и какъ русскую поэзію «давили оковы холоднаго реализма». Противоположность между поэзіей послѣдняго двадцатилѣтія и ей предшествовавшей поэзіей, разумѣется, не покрывается противоположностью реализма и идеализма. И совершенно непонятна та терминологія, по которой Жемчужниковъ и Бунинъ оказываются почему то реалистами; несомнѣнно, что въ лирикѣ эти термины схватываютъ лишь мелкую, несущественную черту.

Наиболѣе любопытны въ книгѣ Брюсова характеристики старыхъ поэтовъ: Тютчева, Фета, Случевскаго. Нѣсколько страннымъ въ статьѣ о первомъ является категорическое утвержденіе, что Тютчевъ «склоненъ видѣть въ человѣкѣ случайное порожденіе природы, ничѣмъ не отличающееся отъ существъ, сознаніемъ не одаренныхъ». Едва ли возможно это утверждать о поэтѣ-мыслителѣ, для котораго Колумбъ не открылъ, а создалъ Америку, объ авторѣ великолѣпныхъ строфъ:

Такъ связанъ, съединенъ отъ вѣка
Союзомъ кровнаго родства
Разумный геній человѣка
Съ живою силой естества.

Скажи завѣтное онъ слово—

И міромъ новымъ естество
Всегда откликнуться готово
На голосъ родственный его.

Очевидно, не «только съ горькой насмѣшкой называетъ Тютчевъ человѣка «царемъ земли». Безсильнымъ рабомъ высшей силы казался нерѣдко человѣкъ Тютчеву,—но этотъ рабъ способенъ довершить «судебъ неконченное дѣло». Несомнѣнно, воззрѣніе Тютчева сложно—и устранить въ немъ противорѣчіе долженъ тотъ, кто основательно возлагаетъ на обязанность критики не ссылаться на случайность, но объяснять изъ основъ міровоззрѣнія поэта, какъ возникло то, что намъ представляется въ немъ противорѣчіемъ.

Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, въ двухъ томахъ. Подъ редакціей М. Гершензона. М. 1911. Т. I. Стр. V+287. Т II. Стр. 300. Цѣна за два тома 4 р.

Редакторъ новаго изданія сочиненій И. В. Кирѣевскаго «считалъ полезнымъ ихъ переизданіе», такъ какъ «надо привести общество къ первоисточнику тѣхъ идей, которыя въ немъ борятся» (V). Врядъ-ли кто-нибудь другой согласится съ этимъ аргументомъ г. Гершензона и признаетъ въ сочиненіяхъ Кирѣевскаго «первоисточникъ» борющихся въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ идей. Дѣйствительная роль этихъ сочиненій совсѣмъ иная, и самъ И. В. Кирѣевскій для современнаго общества является не болѣе, какъ виднымъ представителемъ любопытнаго, но давно и безвозвратно прошедшаго момента въ развитіи русской общественной мысли. Сообразно этому произведенія Кирѣевскаго имѣютъ въ настоящее время исключительно историческое значеніе. Большая публика, надо думать, отнесется къ новому ихъ изданію съ полнымъ равнодушіемъ и будетъ въ этомъ случаѣ совершенно права: и какъ философъ, и какъ литературный критикъ, Кирѣевскій давно отжилъ свое время. Другое дѣло—лица, спеціально занимающіяся исторіей умственнаго движенія въ Россіи. Съ точки зрѣнія ихъ интересовъ новое изданіе сочиненій Кирѣевскаго, являющееся на смѣну вышедшаго уже изъ обращенія изданія 1861 г., слѣдуетъ, конечно, привѣтствовать. Нельзя не пожалѣть только при этомъ, что г. Гершензонъ въ качествѣ редактора недостаточно позаботился объ удовлетвореніи интересовъ именно этихъ лицъ, являющихся наиболѣе вѣроятными читателями его изданія. Въ текстъ послѣдняго онъ, слѣдуя примѣру перваго изданія, включилъ даже отрывки беллетристическихъ произведеній Кирѣевскаго, лишенныхъ всякаго художественнаго достоинства и очень мало характерныхъ для ихъ автора. Въ «полномъ собраніи сочиненій» это, конечно, необходимо. Но наряду съ этимъ, печатая въ приложеніяхъ письма И. В. Кирѣевскаго, г. Гершензонъ счелъ возможнымъ опустить нѣкоторыя изъ бывшихъ уже ранѣе въ печати писемъ, какъ «мало-со-

держательныя», и при этомъ даже не оговорилъ, гдѣ именно находятся такія опущенныя имъ письма. Это уже совершенно неправильный пріемъ, и нѣтъ надобности пояснять, насколько онъ понижаетъ достоинство изданія.

Отечественная война и русское общество. Юбилейное изданіе. 1812—1912. Историческая Коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. Т. I. М. 1911. Стр. VIII+232. Т. II. М. 1911. Стр. 270.

Въ прошломъ году намъ приходилось давать читателямъ «Русскаго Богатства» отчетъ о «Великой Реформѣ», роскошномъ иллюстрированномъ изданіи, выпущенномъ въ свѣтъ по поводу полувѣкового юбилея крестьянской реформы московской Исторической Коммиссіей при участіи книгоиздательства Сытина. Въ настоящее время та же Коммиссія предприняла новое изданіе такого же типа, пріуроченное къ столѣтнему юбилею Отечественной войны. Редакторами этого изданія являются тѣ же лица, подъ редакціей которыхъ выходила и «Великая Реформа»,—гг. Дживелеговъ, Мельгуновъ и Пичета. Они успѣли привлечь къ своему новому изданію большое количество сотрудниковъ, и въ двухъ вышедшихъ до сихъ поръ томахъ «Отечественной войны» помѣщены 27 статей 19 авторовъ, среди которыхъ встрѣчаются имена такихъ видныхъ спеціалистовъ, какъ И. В. Лучицкій, давшій во второй томъ изданія статью о Наполеонѣ и Испаніи, и В. И. Семевскій, напечатавшій въ томъ же второмъ томѣ двѣ статьи: «Либеральные планы въ правительственныхъ сферахъ въ первой половинѣ царствованія Александра I» и «Паденіе Сперанскаго». Роскошныя иллюстрированныя изданія, сравнительно недавно еще бывшія у насъ большою рѣдкостью, за послѣднее время все больше входятъ въ обычай на нашемъ книжномъ рынкѣ, и можно думать, что и новое изданіе московской Исторической Коммиссіи ожидаетъ такой же успѣхъ, какой выпалъ на долю его предшественника. Такой успѣхъ явился бы въ значительной мѣрѣ заслуженнымъ, хотя нельзя не замѣтить, что въ чисто литературномъ отношеніи новое изданіе московской Исторической Коммиссіи порою оставляетъ желать лучшаго. И общій планъ его, и нѣкоторыя детали въ выполненіи этого плана способны вызвать серьезныя возраженія. Что касается общаго плана изданія, то редакторы послѣдняго, поясняя этотъ планъ, заявляютъ, что они хотѣли сдѣлать попытку «сквозь дымъ пожаровъ, сквозь кровавый туманъ, поднимающійся съ безчисленныхъ полей битвъ, разглядѣть обликъ русскаго общества, опредѣлить долю участія въ войнѣ русскихъ общественныхъ группъ, выяснить ту мѣру признательности, какой потомки обязаны каждой изъ нихъ». «Такая постановка задачи—продолжаютъ они—заставляла насъ отказаться отъ взгляда на Отечественную войну, какъ на

явленіе обособленное, тянувшееся какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ. Мы считали невозможнымъ начинать исторію ея съ перехода черезъ Нѣманъ и даже съ Тильзита. Мы думали, что только поставленная въ рамки европейской исторіи, изучаемая въ тѣсной связи со всей эпохой, она можетъ быть понята и оцѣнена надлежащимъ образомъ. И мы начали съ Екатерины II, съ франко-русскихъ и вообще международныхъ отношеній ея времени, съ первыхъ столкновеній революціи съ реакціонной Европою. А конечной гранью мы поставили не вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ и не Вѣнскій конгрессъ, а конецъ царствованія Александра I» (IV). Конечно, ни одно историческое событіе, а тѣмъ болѣе такое крупное, какъ Отечественная война, не годится разсматривать и излагать, какъ обособленное явленіе, но все же не слѣдуетъ забывать и мудраго правила, согласно которому необъятнаго не обнимешь. Редакторы же «Отечественной войны», на нашъ взглядъ, погрѣшили нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ этому правилу. Въ двухъ выпущенныхъ до сихъ поръ томахъ—все изданіе разсчитано на четыре тома—изложеніе еще не доведено до Отечественной войны, а наряду съ этимъ въ нихъ есть много такого, что безъ всякаго ущерба для цѣльности и полноты книги, могло бы отсутствовать въ ней. Едва-ли, напримѣръ, въ книгѣ, посвященной Отечественной войнѣ и русскому обществу этой эпохи, была необходима особая статья о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Франціей въ теченіе XVIII вѣка. Точно также врядъ-ли была какая-нибудь необходимость включать въ подобную книгу спеціальныя статьи объ итальянскомъ походѣ Суворова, о походахъ 1805—7 г.г. и объ австро-французской войнѣ 1809 г., статьи, по способу своего изложенія напоминающія соотвѣтствующія главы шаблонныхъ учебниковъ. Можно было бы указать и еще нѣкоторыя статьи, помѣщеніе которыхъ въ настоящей книгѣ является своего рода роскошью, притомъ роскошью, купленной за счетъ сокращенія того, что должно было служить главнымъ содержаніемъ книги. И вообще, думается намъ, редакторы изданія сдѣлали ошибку, включивъ въ него, вмѣсто нѣсколькихъ болѣе значительныхъ по объему работъ, массу мелкихъ статей различныхъ авторовъ. Это сообщило книгѣ характеръ чего-то вродѣ хрестоматіи, создало въ ней крайнюю пестроту изложенія, а въ нѣкоторые ея отдѣлы внесло и пестроту противорѣчивыхъ мнѣній. И, хотя редакція въ своемъ предисловіи справедливо замѣчаетъ, что послѣдняя черта является «до нѣкоторой степени неизбѣжнымъ зломъ въ каждомъ коллективномъ трудѣ» (VI), но въ настоящемъ случаѣ это зло, пожалуй, перешло свои, такъ сказать, естественныя границы, перешло настолько, что на страницахъ изданія, претендующаго на строгую научность, встрѣчаются порою утвержденія, совершенно не стоящія въ соотвѣтствіи съ данными современной исторической науки. Хотѣлось бы надѣяться, что въ слѣдующихъ томахъ разбираемаго

изданія эти недостатки, если и не исчезнутъ совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, будутъ менѣе замѣтны.

А. А. Кизеветтеръ. Историческіе очерки.—Изъ исторіи политическихъ идей.—Школа и просвѣщеніе.—Русскій городъ въ XVIII ст.—Изъ исторіи Россіи въ XIX ст.—М. 1912. Стр. 502. Ц. 3 р.

Новая книга г. Кизеветтера по содержанію своему не является въ полномъ смыслѣ слова литературной новинкой. Изъ четырнадцати статей, вошедшихъ въ составъ «Историческихъ очерковъ», лишь двѣ впервые увидѣли свѣтъ въ этомъ сборникѣ: изъ нихъ одна («Екатерина II, какъ законодательница») представляетъ собою рѣчь г. Кизеветтера на его докторскомъ диспутѣ, а другая («Изъ исторіи русскаго либерализма»)—читанную имъ публичную лекцію. Всѣ остальныя статьи сборника были уже ранѣе напечатаны авторомъ въ различныхъ изданіяхъ и теперь только собраны вмѣстѣ, въ одной книгѣ. Но фактъ появленія ихъ въ отдѣльномъ сборникѣ самъ по себѣ заслуживаетъ искренняго привѣтствія. Статьи, разсѣянныя по старымъ журналамъ и газетамъ, слишкомъ легко ускользаютъ изъ кругозора рядового читателя, а по отношенію къ статьямъ г. Кизеветтера это было бы тѣмъ болѣе жалко, что онъ по праву пользуется репутаціей историка, умѣющаго въ популярной и красивой формѣ знакомить широкую публику съ результатами спеціальныхъ научныхъ изысканій.

Темы статей, включенныхъ въ книгу г. Кизеветтера, очень разнообразны, и въ виду этого авторъ разбилъ ее на четыре отдѣла. Въ первый отдѣлъ, посвященный исторіи политическихъ идей въ Россіи, входятъ три небольшія по объему статьи. Одна изъ нихъ, являющаяся и единственной въ сборникѣ статьей, касающейся болѣе древнихъ временъ русской исторіи, трактуетъ о политической тенденціи Домостроя, другая—о соціальной утопіи кн. М. М. Щербатова, третья—объ И. П. Пнинѣ, какъ представителѣ русскаго либерализма на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ. Болѣе широки по своимъ темамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе самостоятельны по своему содержанію статьи, входящія во второй отдѣлъ книги, посвященный исторіи русской школы и вообще просвѣщенія. Вполнѣ самостоятельный характеръ здѣсь носитъ лишь первая небольшая статья, передающая содержаніе составленнаго во второй половинѣ XVIII вѣка въ Архангельскѣ проекта учрежденія коммерческой гимназіи. Три слѣдующія статьи, посвященныя характеристикѣ И. И. Бецкаго, первымъ годамъ жизни Казанскаго университета и духовной цензурѣ въ Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, представляютъ собою не болѣе, какъ изложеніе общихъ выводовъ, данныхъ или подготовленныхъ спеціальными изслѣдованіями гг. Майкова, Загоскина и Котовича,—правда, изложеніе, далекое отъ простого пересказа. Несравненно уже большій интересъ

представляютъ четыре статьи слѣдующаго, третьяго отдѣла книги, относящіяся къ исторіи русскаго города въ XVIII столѣтіи. Въ первой изъ нихъ авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію вопросъ о происхожденіи городскихъ наказовъ въ Екатерининскую коммиссію 1767 г., вскрывая порядокъ составленія этихъ наказовъ и связь ихъ съ предшествовавшими имъ посадскими челобитьями. Въ остальныхъ трехъ статьяхъ этого отдѣла, изъ которыхъ двѣ являются рѣчами г. Кизеветтера на его магистерскомъ и докторскомъ диспутахъ, онъ въ сжатой формѣ передаетъ наиболѣе общіе изъ тѣхъ выводовъ и соображеній, къ какимъ его привели спеціальныя архивныя занятія исторіей русскаго города въ XVIII вѣкѣ. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ книги заключаетъ въ себѣ три статьи, трактующія различные моменты исторіи Россіи въ XIX столѣтіи, Изъ этихъ статей первая, посвященная имп. Александру I и Аракчееву, являясь самой крупной статьей по объему во всемъ сборникѣ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выдающійся интересъ по своему содержанію. Авторъ даетъ здѣсь яркую характеристику Аракчеева, этого «истинно-русскаго неученаго дворянина», какъ онъ любилъ себя называть, и вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительно отвергая столь популярное прежде идеалистическое истолкованіе фигуры Александра I, якобы увлеченнаго на путь реакціи исключительно слабостью своей воли, предлагаетъ остроумное объясненіе отношеній Александра I къ Аракчееву, какъ покоившихся на сознательномъ разсчетѣ императора, вовсе не закрывавшаго глазъ на истинныя свойства своего «друга», но не хуже послѣдняго умѣвшаго прикрывать свои разсчеты искусной игрой въ чувство. Гораздо менѣе удачны двѣ другія статьи этого отдѣла, относящіяся къ царствованію Николая Павловича. Въ одной изъ нихъ авторъ, пользуясь недавно обнародованной перепиской имп. Николая съ цесаревичемъ Константиномъ, подчеркиваетъ—на нашъ взглядъ едва ли правильно—готовность Николая Павловича считаться съ польской конституціей, пока она оставалась неотмѣненной. Въ другой статьѣ авторъ даетъ общую характеристику внутренняго управленія Россіи при Николаѣ Павловичѣ, но въ этой характеристикѣ бюрократическій строй Николаевской имперіи оторванъ отъ той соціальной подпочвы, на которой онъ держался, и благодаря этому самая характеристика является черезчуръ блѣдной и формальной. Кое-какія частныя возраженія въ этомъ смыслѣ могли бы вызвать и нѣкоторыя другія статьи г. Кизеветтера. Но во всякомъ случаѣ сборникъ этихъ легко и красиво написанныхъ статей, въ большинствѣ своемъ вплотную подводящихъ читателя къ крупнымъ вопросамъ русской исторіи, является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей литературы.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ удѣльной Руси. I. Община и боярщина. II. Феодальныя учрежденія. Изслѣдованіе. Съ приложеніемъ біографіи и портрета автора. Спб. Стр. XVI+502. Ц. 2 р. 50 коп.

Въ свое время на страницахъ «Русскаго Богатства» былъ помѣщенъ отзывъ о трудѣ Н. П. Павлова-Сильванскаго: «Феодализмъ въ древней Руси», трудѣ, въ которомъ авторъ выступилъ съ тщательно аргументированной теоріей о существованіи въ древней Руси феодальнаго строя, тожественнаго въ своихъ основахъ съ феодальными порядками странъ европейскаго Запада. «Феодализмъ въ удѣльной Руси»—книга, выпущенная уже послѣ безвременной смерти талантливаго историка по оставшейся въ его бумагахъ и проредактированной г. Прѣсняковымъ рукописи,—представляетъ собою новую и во многомъ болѣе глубокую разработку той же самой основной темы въ нѣсколько иной ея постановкѣ. Въ первой своей книгѣ Павловъ-Сильванскій главное вниманіе обращалъ, говоря его терминами, на «феодальныя основы удѣльнаго порядка» и особенно старательно доказывалъ существованіе въ древней Руси отношеній личной коммендаціи и вассальной службы. Въ «Феодализмѣ въ удѣльной Руси» авторъ, слѣдуя за болѣе глубокимъ пониманіемъ феодализма въ западной литературѣ, выдвинулъ на первый планъ тему, лишь вскользь затронутую имъ въ болѣе ранней книгѣ, и всю первую и болѣе значительную по объему часть своего труда посвятилъ изученію древне-русской волостной общины, которую онъ сближаетъ съ германской маркой, и процессу разрушенія ея крупнымъ имѣніемъ, боярщиной, приравниваемой имъ къ сеньеріи. Во второй части своего труда авторъ разсматриваетъ «феодальныя учрежденія» удѣльной Руси, повторяя то, что имъ было сказано въ этой области раньше, но повторяя въ иной системѣ и внося въ прежнее свое изложеніе много частныхъ поправокъ и дополненій. Онъ доказываетъ здѣсь существованіе въ удѣльной Руси иммунитета въ видѣ боярскаго и монастырскаго самосуда и коммендаціи въ формѣ закладничества, доказываетъ, что боярская служба была службой вассальной, что удѣльная Русь знала и своихъ подвассаловъ въ лицѣ вольныхъ боярскихъ слугъ, что помѣстья, кормленія и вотчины были и во внѣшнемъ своемъ обликѣ, и во внутреннемъ существѣ вполнѣ тожественны съ бенефиціями и феодами и что самое раздробленіе верховной власти въ удѣльной Руси было тожественно съ такимъ же раздробленіемъ ея въ странахъ феодальнаго Запада, съ тѣмъ лишь внѣшнимъ и чисто случайнымъ различіемъ, что тамъ это раздробленіе совершилось между бывшими должностными лицами, а у насъ между членами одного разросшагося княжескаго рода. Бо́льшая и серьезная эрудиція автора, одинаково распространяющаяся и на западно-европейскую историческую литературу, и на источники русской исторіи, его недюжинная проницательность и остроуміе дѣлаютъ всѣ

эти сопоставленія чрезвычайно поучительными, и книга Павлова-Сильванскаго читается съ большимъ интересомъ, несмотря даже на то, что она, очевидно, не была окончательно отдѣлана авторомъ и мѣстами ея изложеніе носитъ на себѣ явные слѣды недоработанности. Въ общемъ эта книга представляетъ собою новый и крупный шагъ въ развитіи теоріи, сближающей русскіе удѣльны порядки съ феодальными порядками европейскаго Запада. Это не значитъ, впрочемъ, что всѣ положенія автора одинаково безспорны и одинаково пріемлемы. Къ Н. П. Павлову-Сильванскому могутъ быть до извѣстной степени примѣнены его собственныя слова, сказанныя по адресу другихъ изслѣдователей: «новыя идеи всегда ослѣпляютъ изслѣдователей, всегда увлекаютъ ихъ на нѣсколько шаговъ дальше за предѣлы линіи точно доказаннаго». «Это—говоритъ Павловъ-Сильванскій въ другомъ мѣстѣ—неизбѣжная для каждаго изслѣдователя односторонность, это особая логика научныхъ разысканій». Такого рода «неизбѣжная односторонность» замѣтно даетъ себя чувствовать и въ книгѣ самого Павлова-Сильванскаго. Увлеченный своею основною идеей о тожествѣ русскихъ удѣльныхъ порядковъ съ феодальными, авторъ подчасъ заходитъ въ доказательствѣ этой идеи черезчуръ далеко, слишкомъ настойчиво отыскивая и подчеркивая черты даже чисто внѣшняго сходства и вмѣстѣ съ тѣмъ забывая оттѣнить порой весьма существенныя отличія русскаго строя. Быть можетъ, эта послѣдняя задача яснѣе и отчетливѣе встала бы передъ авторомъ, если-бы онъ довелъ свой планъ до конца и написалъ уже задуманную имъ третью часть труда, которая должна была получить заглавіе: «Паденіе феодализма». Но преждевременная смерть прервала работы талантливаго историка, много давшаго и еще болѣе обѣщавшаго отечественной наукѣ, и выясненіе индивидуальныхъ отличій русскаго удѣльнаго строя по сравненію съ порядками феодальныхъ странъ европейскаго Запада является въ настоящее время той задачей, какую поставили на очередь передъ русской исторической наукой труды Павлова-Сильванскаго и особенно его посмертная книга, занимающая въ ряду этихъ трудовъ по своей важности первое мѣсто.

Н. Карѣевъ. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи? По поводу теоріи Павлова-Сильванскаго. Спб. Стр. VI+145. Ц. 60 к.

Въ своей небольшой книгѣ проф. Карѣевъ даетъ подробный и обстоятельный пересказъ двухъ главныхъ трудовъ Павлова-Сильванскаго о феодализмѣ въ Россіи и вызванной первымъ изъ этихъ трудовъ критической литературѣ, сопровождая такой пересказъ съ своей стороны рядомъ критическихъ замѣчаній и разсмотрѣніемъ положенія вопроса о феодализмѣ въ западно евро-

пейской исторической литературѣ. Попутно авторъ касается и предшественниковъ Павлова-Сильванскаго въ русской исторіографіи, въ той или иной мѣрѣ признавшихъ существованіе феодализма въ Россіи, и даетъ обзоръ ихъ мнѣній, довольно краткій, но все же болѣе полный, нежели тотъ, какой имѣется въ трудахъ самого Павлова-Сильванскаго. Къ основнымъ выводамъ послѣдняго проф. Карѣевъ относится съ большимъ сочувствіемъ и, хотя признаетъ возможность обнаруженія въ теоріи Павлова-Сильванскаго при дальнѣйшемъ изученіи возбужденныхъ ею вопросовъ частныхъ дефектовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что въ общемъ «эта теорія стоитъ на прочной почвѣ сравнительно-историческаго изученія». Покойный историкъ, по мнѣнію его критика, сдѣлалъ нѣкоторое упущеніе, не привлекши къ своей темѣ исторіи Литовско-Русскаго государства, въ общемъ же былъ вполнѣ правъ, настаивая на существованіи русской параллели «западныхъ феодализмовъ», но именно феодализмовъ, а не феодализма, такъ какъ объ единомъ западномъ феодализмѣ при современномъ состояніи исторической науки говорить уже не приходится.

Проф Д. И. Багалѣй. Очерки изъ русской исторіи. Т. I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Харьковъ. 1911. Стр. III+624. Ц. 3 р. Настоящей книгой проф. Багалѣй, недавно отпраздновавшій тридцатилѣтній юбилей своей учено-преподавательской дѣятельности, открываетъ изданіе собранія своихъ статей по русской исторіи. Въ первомъ томѣ «Очерковъ изъ русской исторіи» собраны статьи по исторіи русскаго просвѣщенія, которыя въ разное время были напечатаны авторомъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, по преимуществу въ провинціальныхъ журналахъ и газетахъ. За ничтожными исключеніями, почти всѣ эти статьи относятся къ территоріи бывшей Слободской Украйны, нынѣшней Харьковщины, и въ своей совокупности охватываютъ время съ конца XVIII столѣтія до первыхъ годовъ XX вѣка. Большая часть вошедшихъ въ книгу статей посвящена различнымъ моментамъ минувшей жизни Харьковскаго университета, общественнымъ дѣятелямъ, принимавшимъ участіе въ его основаніи, и отдѣльнымъ харьковскимъ профессорамъ изъ числа тѣхъ, которые болѣе или менѣе давно сошли уже съ жизненнаго поприща. Нѣкоторыя изъ этихъ статей въ нѣсколько переработанномъ видѣ вошли и въ написанный не такъ давно проф. Багалѣемъ «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», благодаря чему для лицъ, знакомыхъ съ этимъ послѣднимъ трудомъ, центральная часть настоящей книги не представитъ собою чего-либо новаго. Но, помимо этой центральной части, въ первомъ томѣ «Очерковъ изъ русской исторіи» имѣются статьи и другого содержанія. Таковы, съ одной стороны, рядъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ дѣятелямъ просвѣщенія въ Харьковщинѣ, не стоявшимъ

въ прямой связи съ мѣстнымъ университетомъ, съ другой—статьи, относящіяся въ дѣятельности, развитой въ г. Харьковѣ въ концѣ XIX-го и въ началѣ XX-го столѣтій такими просвѣтительными учрежденіями, какъ мѣстное Общество Грамотности, Общественная Библіотека и Народной Домъ. Эти послѣднія статьи трудно, правда, назвать историческими, хотя бы уже по тому одному, что онѣ касаются чуть не текущей современности. Важнѣе, впрочемъ, отмѣтить другое,—что среди нихъ, какъ и среди собственно историческихъ статей, авторомъ помѣщено немалое количество мелкихъ и незначительныхъ замѣтокъ, которыя едва-ли заслуживали перепечатки и въ сущности являются въ книгѣ ненужнымъ балластомъ. Частью это обстоятельство, а частью чрезмѣрное изобиліе внесеннаго въ книгу проф. Багалѣя сырого матеріала дѣлаютъ ее черезчуръ громоздкой для широкихъ круговъ читающей публики; но лица, спеціально интересующіяся исторіей просвѣщенія въ Россіи и въ частности, въ Харьковщинѣ, найдутъ для себя не мало любопытнаго въ собранныхъ въ книгѣ г. Багалѣя очеркахъ, хотя, вѣроятно, не всегда согласятся съ выводами автора, слишкомъ наклоннаго къ панегирикамъ.

Иванъ Посошковъ. Книга о скудости и о богатствѣ и нѣкоторыя болѣе мелкія сочиненія. Съ предисловіемъ **А. А. Кизеветтера. (Памятники русской исторіи,** издаваемые подъ редакціей преподавателей русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ: М. К. Любавскаго, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословскаго, С. В. Бахрушина, А. Э. Вормса, Ю. В. Готье и А. И. Яковлева. Выпускъ VIII). Изданіе Н. Н. Клочкова. М. 1911. Стр. VII + 133. Ц. 1 р.

Намъ случалось уже говорить о первыхъ выпускахъ этого полезнаго и интереснаго изданія, предпринятаго московскими университетскими преподавателями въ цѣляхъ облегченія учащимся высшей школы непосредственнаго изученія памятниковъ русской исторіи. Новый, восьмой выпускъ «Памятниковъ» посвященъ Петровской эпохѣ и содержитъ въ себѣ три произведенія Посошкова: «Книгу о скудости и о богатствѣ», донесеніе боярину Головину о ратномъ поведеніи и доношеніе митрополиту Стефану Яворскому. Въ краткой библіографической замѣткѣ нѣтъ возможности, да и нѣтъ нужды говорить о значеніи личности Посошкова и его литературныхъ трудовъ. Достаточно напомнить, что какъ самъ Посошковъ былъ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ людей Петровской эпохи, такъ его главный трудъ, «Книга о скудости и о богатствѣ», является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ источниковъ для изученія этой эпохи. Можно поэтому только привѣтствовать переизданіе этой «Книги», въ первомъ, Погодинскомъ, своемъ изданіи, относящемся еще къ 1843 г., давно уже ставшей библіографической рѣдкостью. Но нельзя не пожалѣть, что издатель «Памятниковъ русской исторіи» черезчуръ повышаетъ цѣны на нихъ.

Рубль за неполные девять печатныхъ листовъ Посошковскаго текста (предисловіе г. Кизеветтера занимаетъ въ книгѣ всего пять страницъ)—это слишкомъ много, тѣмъ болѣе, что изданіе смѣло могло бы разсчитывать на широкое распространеніе. А для учащихся русской высшей школы вопросъ о цѣнѣ учебнаго пособія играетъ очень важную роль.

Генри-Чарльсъ-Ли. Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Переводъ съ французскаго А. В. Башкирова, подъ редакціей С. Г. Лозинскаго. Томъ первый. Изданіе «Брокгаузъ-Ефронъ». С.-Петербургъ. 1911.

На русскомъ языкѣ до сихъ поръ мало хорошихъ трудовъ по исторіи инквизиціи. У насъ, если не ошибаемся, не переведены сочиненія ни Молинье, ни Жюльена Гавэ (Havet), ни Геннера. А изъ оригинальныхъ трудовъ есть лишь устарѣлая нынѣ работа Н. Осокина, «Исторія альбигойцевъ и ихъ времени» (Казань, 1869—72 г.), касающаяся притомъ лишь одного, хотя и крупнаго, эпизода борьбы церкви съ растущей человѣческой мыслью. Поэтому появленіе на русскомъ языкѣ «Исторіи инквизиціи въ средніе вѣка», принадлежащей перу Генри-Чарльса-Ли, мы должны отмѣтить, какъ цѣнное пріобрѣтеніе для нашего читателя. Издательство поставило цѣлью, кромѣ только что упомянутаго сочиненія Ли, перевести его же сочиненіе объ испанской, т. е. болѣе поздней инквизиціи, установленной въ концѣ XV вѣка Фердинандомъ Католикомъ и Изабеллой Кастильской. При этомъ «Исторію инквизиціи въ средніе вѣка» предполагается дать цѣликомъ, безъ всякихъ сокращеній, въ двухъ томахъ. Первый, только что появившійся, соотвѣтствуетъ первой половинѣ трехтомнаго французскаго изданія Ли, т. е. обнимаетъ собою книгу 1-ю оригинала, о «Происхожденіи и устройствѣ» инквизиціи, и половину книги 2-й, разрабатывающей исторію «Инквизиціи въ различныхъ христіанскихъ земляхъ», въ частности Лангэдокѣ, Франціи, Пиринейскомъ полуостровѣ, Италіи и среди славянскихъ катаровъ (кстати сказать, напрасно въ русскомъ переводѣ эта послѣдняя глава носитъ общее названіе «Славянскія земли»: вѣдь, въ слѣдующихъ главахъ будетъ опять идти рѣчь и о славянахъ). Во второмъ русскомъ томѣ предстоитъ, слѣдовательно, дать послѣднюю часть второй книги оригинала, изслѣдующую исторію инквизиціи въ Германіи, Чехіи и по отношенію къ гусситамъ, равно какъ третью книгу, которая касается «особыхъ сферъ инквизиторской дѣятельности» и говоритъ, напр., о францисканцахъ, объ использованіи политическихъ ересей церковью и государствомъ, о магіи, колдуньяхъ и т. п.

Русскій переводъ сдѣланъ не съ англійскаго оригинала, вышедшаго въ Нью-Іоркѣ въ 1888 г., въ трехъ томахъ (Henri Charles Lea, A History of the Inquisition of the Middle Ages), а съ французскаго, тоже трехтомнаго перевода (Соломона Рейнака) съ «экземпляра пересмотрѣннаго и исправленнаго» самимъ авторомъ

(Histoire de l'inquisition au moyen-âge; Парижъ, 1900—1902). Французскій переводчикъ, воспользовавшись поправками Ли, предпослалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своему изданію историческое введеніе о научной разработкѣ исторіи инквизиціи, принадлежащее гентскому профессору, Полю Фредерику. Это введеніе дано и въ русскомъ изданіи, представляющемъ переводъ окончательной редакціи труда Ли, какъ онъ былъ приготовленъ ученымъ авторомъ для французскаго изданія, которое такимъ образомъ получаетъ значеніе новаго оригинальнаго изданія. Было бы излишне хвалить сочиненіе Ли. Даже страстные католики, ухитряющіеся до сихъ поръ отстаивать инквизицію, затушевывая ея ужасныя стороны и защищая ея историческую необходимость, какъ обороны церкви отъ нападенія невѣрныхъ,—даже и эти авторы сочли нужнымъ въ своихъ критикахъ на работу Ли отмѣтить его стараніе быть объективнымъ и добросовѣстнымъ изслѣдователемъ и приписываютъ уничтожающіе выводы, къ которымъ тѣмъ не менѣе приходитъ авторъ, лишь тому обстоятельству, что его, какъ протестанта, не могла осѣнить благодать божественнаго пониманія, столь, молъ, необходимаго для надлежащаго изученія инквизиціи. Списываясь съ французскимъ переводчикомъ относительно изданія своей книги въ Парижѣ, самъ Ли просилъ Соломона Рейнака сохранить по возможности и на французскомъ языкѣ этотъ безпристрастный, лишенный какихъ бы то ни было выпадовъ, тонъ англійскаго оригинала. И Рейнакъ старался слѣдовать этому совѣту.

Русскій переводъ представляется намъ въ общемъ достаточно добросовѣстнымъ, однако уступающимъ французскому оригиналу не только въ смыслѣ изящной выдержанности стиля, но и вслѣдствіе встрѣчающихся порою неточностей. Всего перевода мы, конечно, не свѣряли. Но, обращаясь къ французскому подлиннику въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда самый предметъ изслѣдованія или особенности изложенія невольно возбуждали наше вниманіе, мы отъ времени до времени находили неловкости и ошибки, заставляющія насъ еще и еще повторять, что для передачи спеціальныхъ сочиненій на чужой языкъ обязательно не только почти одинаковое знаніе двухъ языковъ, но и спеціальныя же по предмету свѣдѣнія. Недостатокъ этихъ условій въ переводчикѣ можетъ быть лишь отчасти восполненъ даже самымъ тщательнымъ просмотромъ со стороны редактора перевода, который, по самой массѣ исправляемаго имъ матеріала, не можетъ устранить всѣ первоначальныя оплошности текста. Мы возьмемъ для примѣра тѣ поистинѣ превосходно переданныя во французскомъ переводѣ страницы, гдѣ Ли задается вопросомъ, почему инквизиція, во главѣ которой стояли выдающіеся по уму и гуманности люди своего времени, такъ быстро превратилась въ систему ужасающихъ истязаній, и находитъ отвѣтъ въ томъ, что здѣсь сказался общій жестокій духъ среднихъ вѣковъ. Мы говоримъ о страницахъ 149—151 русскаго перевода,

соотвѣтствующихъ страницамъ 264—267 французскаго перевода и страницамъ 234—236 англійскаго оригинала.

Беремъ наудачу нѣсколько фразъ: «По ученію другой школы, все объясняется пережиткомъ очень древняго понятія о круговой отвѣтственности членовъ рода; это понятіе, перейдя въ христіанское ученіе, «*раскладывало*» на всѣхъ часть прегрѣшенія передъ Богомъ за то, что они не старались истребить виновныхъ». Почему «раскладывало»? Французскій терминъ faisait tomber гораздо лучше было бы перевести просто словомъ «переносило», «обрушивало», такъ какъ ни о какой собственно «раскладкѣ» здѣсь рѣчи нѣтъ. Или: «суровые уголовные законы среднихъ вѣковъ показываютъ, какъ мало у человѣка того времени было развито чувство жалости». Эта фраза лишь въ очень ослабленной степени передаетъ мысль подлинника, говорящаго: «Намъ стоитъ только обратить вниманіе на ужасы (atrocités) уголовнаго законодательства въ средніе вѣка, чтобы видѣть, въ какой степени тогдашнимъ людямъ не доставало чувства состраданія». Объ императорѣ Фридрихѣ II русскій переводчикъ говоритъ: онъ «приказалъ заключить ихъ (мятежниковъ) въ *желѣзные сундуки*, чтобы продлить ихъ мученія». А въ оригиналѣ читаемъ: «приказывалъ запирать ихъ въ *свинцовые ящики* (coffres de plomb), чтобы медленнѣе жарить». Русскій переводъ сообщаетъ, что въ 1706 г. въ Ганноверѣ сожгли «живымъ *пастуха*». А дѣло идетъ не о пастухѣ, а о *пастырѣ*,—скажемъ проще, о пасторѣ, или священникѣ (pasteur). Порою переводчикъ совершенно переиначиваетъ смыслъ подлинника. Такъ онъ пишетъ: «Законодатели прежняго времени такъ мало въ общемъ занимались вопросомъ о страданіяхъ человѣка, что вырѣзываніемъ языка или выкалываніемъ глазъ было квалифицировано félonie въ Англіи только въ XV в., а съ другой стороны, уголовный законъ былъ настолько суровъ, что еще въ царствованіе Елизаветы кража гнѣзда соколовъ считалась какъ félonie». Оставляя въ сторонѣ неточное употребленіе въ данномъ случаѣ по русски французскаго qualifier (переводчикъ придаетъ ему здѣсь видимо смыслъ «наказывать»), мы должны замѣтить, что оригиналъ говоритъ какъ разъ обратное, а именно «Преступленія, состоящія въ вырѣзываніи языка человѣку или въ умышленномъ выкалываніи ему глазъ, стали разсматриваться за félonie въ Англіи лишь въ XV вѣкѣ, тогда какъ въ другихъ отношеніяхъ уголовный законъ настолько суровъ, что считалъ félonie еще въ царствованіе Елизаветы кражу соколинаго гнѣзда». Разница громадная: не языкъ вырѣзывался или глазъ выкалывался въ наказаніе за félonie, а человѣка, умышленно продѣлывавшаго эту операцію надъ своимъ ближнимъ, стали лишь поздно считать совершившимъ актъ félonie (въ англійскомъ законодательствѣ *felony* обозначаетъ тяжелыя преступленія противъ личности и собственности). Порою переводчикъ распространяетъ фразы и вводитъ въ нихъ то, чего нѣтъ въ подлинникѣ. На стр. 44 русскаго перевода

повѣствуется о Петрѣ Брюйсенскомъ, что онъ «приказалъ *спилить* множество освященныхъ крестовъ, сложилъ ихъ въ кучу, поджегъ и изжарилъ на ихъ угляхъ мясо». Откуда взялось это «спилить»? Подлинникъ говоритъ просто: «приказалъ нагромоздить (fit empiler) массу крестовъ, поджегъ ихъ и сталъ жарить мясо на этомъ кострѣ». Неужели французское слово empiler вызвало по забавной игрѣ ассоціаціи звуковъ у переводчика слово «спилить»? Сомнительнымъ показалось намъ также въ русскомъ переводѣ упоминаніе о «*вѣнскомъ* монастырѣ св. Андрея» (стр. 25). Откуда бы завестись въ Вѣнѣ такому монастырю? Обращаемся къ подлиннику и находимъ: «Монахи св. Андрея во Вьеннѣ» (moines de Saint-André de Vienne),— городѣ юго-восточной Франціи, который ничего, кромѣ французскаго имени, не имѣетъ общаго съ австрійской Вѣной, но въ которомъ знаменитая романская колокольня монастыря Сэнтъ-Андрэ XI—XIII в. хорошо извѣстна археологамъ. Впрочемъ, подобными, порою досадными неточностями добросовѣстный переводъ испорченъ, какъ намъ кажется, только въ умѣренной степени. И намъ по этому поводу хотѣлось бы лишь выразить пожеланіе, чтобы переводчикъ и редакторъ перевода избѣгали въ будущемъ такихъ недосмотровъ, отнимающихъ въ серьезномъ читателѣ увѣренность, что спеціальное сочиненіе и по русски передано достойнымъ образомъ.

Внѣшность изданія хороша, и впечатлѣніе отъ содержанія книги усиливается отсутствующими въ оригиналѣ, но приложенными русскимъ издательствомъ къ переводу и по большей части интересными снимками съ современныхъ картинъ и съ гравюръ эпохи, показывающихъ, съ какой дьявольской утонченностью работала мысль мучителей надъ изобрѣтеніемъ всевозможныхъ родовъ и орудій пытокъ.

Памяти Петра Францевича Лесгафта. Подъ редакціей Совѣта С.-Петербургской Біологической лабораторіи П. Ф. Лесгафта. Изд. «Школа и Жизнь». Спб. 1912. Стр. XII+317. Ц. 3 р.

Сборникъ статей, посвященный памяти покойнаго воспитателя русской молодежи, долженъ, по мысли редакціи, «воскресить образъ покойнаго и напомнить обществу о великой утратѣ, которую понесла въ его лицѣ Россія». Въ сборникъ вошли не только разнообразныя статьи и воспоминанія учениковъ и почитателей П. Ф. Лесгафта, но также его письма и послѣднія работы, предназначенныя для широкаго круга читателей. Въ этихъ произведеніяхъ не отлился съ должной отчетливостью оригинальный образъ покойнаго; его особенностью было то, что онъ съ наибольшей силой проявлялся въ дѣйствіи, и оттого воспоминанія лицъ, встрѣчавшихъ П. Ф. Лесгафта, оказались въ характеристикѣ его гораздо выразительнѣе, чѣмъ его собственныя произведенія. Въ этой яркости фигуры покойнаго есть что то уди-

вительное,—и, кажется, редакція сборника не совсѣмъ права, не совсѣмъ справедлива къ своей благодарной задачѣ, когда жалуется на особыя трудности его составленія»: «сравнительно легко охарактеризовать человѣка, преданнаго наукѣ: серьезная критика будетъ лучшимъ признаніемъ его заслугъ; труднѣе нарисовать яркій портретъ общественнаго дѣятеля, не впадая въ субъективную оцѣнку сдѣланнаго имъ. Но редакціи пришлось въ данномъ случаѣ знакомить общество съ человѣкомъ, въ которомъ удивительно гармонически сочетались научный работникъ, педагогъ и общественный дѣятель».

Наши впечатлѣнія, надо сказать, прямо противоположны. Статьи сборника, быть можетъ и «впадая въ субъективную оцѣнку», въ которой нѣтъ ничего страшнаго, рисуютъ портретъ настолько сильный, что въ результатѣ неуловимое общее впечатлѣніе неизмѣримо сильнѣе того, что сказано словами въ статьяхъ. Такъ велико было своеобразіе этого человѣка, такъ запечатлѣно было въ немъ все—отъ большихъ идей до мелкихъ замѣчаній, отъ рѣшающихъ поступковъ до обиходныхъ мелочей—его особенной подвижнической психологіей, что, когда пришлось говорить о немъ, онъ всѣхъ сдѣлалъ художниками, и каждая статья, хотя-бы она принадлежала и неумѣлому писателю, ставитъ предъ нами живой образъ. И любопытно, что съ какой то особенной настойчивостью всѣ стремятся именно къ этому: перечисляютъ подробности обихода и манеры, отмѣчаютъ отдѣльныя замѣчанія, даже оттѣняютъ особенность рѣчи—словомъ останавливаются на всѣхъ тѣхъ мелочахъ, результатомъ которыхъ и является обыкновенно впечатлѣніе живой индивидуальности. Не для живописности, не для выразительности гонятся они за этими мелочами: совершенно очевидно, что имъ эти мелоги дороги сами по себѣ, какъ живое впечатлѣніе, какъ отголосокъ того непосредственнаго очарованія личности Лесгафта, которое складывалось изъ этихъ мелочей. И хочется сказать, что въ этой книгѣ о Лесгафтѣ, въ которой приняло участіе столько хорошихъ и талантливыхъ людей, самый хорошій и самый талантливый самъ Лесгафтъ—и оттого книга о немъ читается какъ какой то романъ: не нудная въ своей пессимистической абстрактности «жизнь человѣка», а жизнедѣятельное и жизнерадостное житіе подлиннаго подвижника XIX вѣка.

Проф. А. И. Введенскій. Логика, какъ часть теоріи познанія. Второе, вполнѣ переработанное изданіе. Спб. 1912. XI+510 стр. Ц. 3 р.

Авторъ въ своемъ предисловіи заявляетъ: «Это изданіе образуетъ вполнѣ новую книгу сравнительно съ первымъ, вышедшимъ въ 1904 г.» И дѣйствительно, первое изданіе (рецензированное нами въ № 6 «Р. Б». за 1909 г.), будучи простымъ воспроизведеніемъ лекцій проф. Введенскаго, было главнымъ образомъ приноровлено

къ учебнымъ цѣлямъ. Второе-же изданіе, продолжая имѣть въ виду и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, стремится дать отвѣтъ на главнѣйшіе вопросы современной логики съ точки зрѣнія нео-кантіанства, представителемъ котораго у насъ въ Россіи и является проф. Введенскій.

Однимъ изъ очередныхъ вопросовъ, которымъ занятъ теперь философъ вообще, нео-кантіанецъ въ особенности, это—отдѣленіе психологіи отъ логики. Борьба съ «психологизмомъ» въ логикѣ—вотъ очередной вопросъ, которому посвящено не мало страницъ въ современныхъ работахъ по логикѣ. При этомъ дѣло не обходится безъ нѣкоторыхъ знаменательныхъ курьезовъ. Такъ, напримѣръ, вся книга проф. Введенскаго переполнена нападками на проф. Лосскаго за его «психологизмъ». А проф. Лосскій, въ свою очередь, въ прочитанномъ имъ недавно (въ засѣданіи «Философскаго общества») докладѣ о «Логикѣ» проф. Введенскаго, уличалъ и упрекалъ проф. Введенскаго въ «психологизмѣ». И если невольный, безсознательный «психологизмъ» такъ легко проникаетъ въ трудъ злѣйшихъ своихъ враговъ, то намъ, сознательнымъ психологистамъ, остается только подчеркнуть этотъ фактъ, какъ симптомъ того, что порвать *всякую* связь между психологіей и логикой не такъ-то легко.

Мы подчеркнули слово «*всякую*», ибо, конечно, мы не менѣе проф. Введенскаго и его единомышленниковъ убѣждены въ томъ, что всѣ *чисто логическія* построенія должны быть совершенно свободны отъ всякаго психологизма; но при этомъ мы все-таки утверждаемъ, что, такъ какъ въ исходномъ пунктѣ логики лежатъ данныя чисто психологическія, то тщательный психологическій анализъ этихъ данныхъ необходимъ.

Полную «независимость логики отъ психологіи» нашъ авторъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ «*Хотя логика* (говоритъ онъ на стр. 4—5) *изучаетъ мышленіе, но не слѣдуетъ думать ни того, что будто-бы она составляетъ психологію мышленія, ни того, что будто бы она основывается на мышленіи...* Правда, логикѣ приходится повременамъ ссылаться на нѣкоторые психологическіе факты, но на такіе, подмѣтить которые заставляетъ насъ уже обыденная жизнь, безъ всякаго изученія психологіи, такъ что такими ссылками отнюдь не умаляется самостоятельность логики относительно психологіи, подобно тому какъ при изученіи физики,—напр. свѣтовыхъ и звуковыхъ явленій,—тоже приходится ссылаться на нѣкоторые психологическіе факты (напр.—касающіеся зрѣнія и слуха); но это нисколько не умаляетъ самостоятельности физики и не препятствуетъ изучать ее даже и тѣмъ, кто не подозрѣваетъ о существованіи психологіи». Слабость этого довода бросается въ глаза. Аналогія между логикой и физикой, проведенная здѣсь нашимъ авторомъ (и вновь защищаемая имъ на стр. 261), поверхностна и глубоко ошибочна. Вѣдь, вся логика

состоитъ изъ разсужденій о «понятіяхъ», «сужденіяхъ» и «умозаключеніяхъ»; логика *исходитъ* изъ факта существованія этихъ своихъ «данныхъ», тогда какъ физику, по существу, нѣтъ никакого дѣла до психическихъ явленій; психологи нуждаются въ физикѣ: люди, изучающіе психологію зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій, должны сообразовать свои разсужденія съ указаніями физіологіи и физики. а физикамъ, какъ таковымъ, нѣтъ дѣла до психологіи.

Проф. Введенскій хочетъ до такой степени освободить логику отъ всякихъ слѣдовъ психологіи, что заявляетъ: «*Логикѣ нѣтъ никакой надобности объяснять, что такое мышленіе*» (стр. 5). Послѣдствія этого нежеланія объяснять, что такое мышленіе, даютъ о себѣ знать весьма чувствительно. Такъ, напримѣръ, говоря объ отношеніяхъ представленія къ мышленію и о возможности мыслить противорѣчіе, проф. Введенскій приводитъ два примѣра «мышленія» о непредставляемомъ и о противорѣчивомъ: «мы можемъ мыслить четырехмѣрное пространство» (стр. 250—1) и (какъ примѣръ «мышленія» о противорѣчивомъ): «мы въ состояніи мыслить, хотя и не въ состояніи представить, круглый квадратъ» (стр. 252). Вотъ здѣсь то ясно и обнаруживается, что и для логики нужно знать, что такое мышленіе. Проф. Введенскій, очевидно, не замѣчаетъ, что между этими его двумя примѣрами яко бы мышленія о непредставляемомъ и о непредставляемомъ и противорѣчивомъ нѣтъ ничего общаго, что только первый его примѣръ есть дѣйствительно примѣръ мышленія, а второй—есть просто примѣръ набора словъ.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы и не можемъ представить себѣ четырехмѣрнаго пространства, но мы можемъ мыслить о немъ, и лучшимъ доказательствомъ того, что мы можемъ мыслить о четырехмѣрномъ пространствѣ (и мыслить весьма ясно) служитъ то обстоятельство, что математики создали цѣлую геометрію четырехмѣрнаго пространства, геометрію столь же стройную и логичную, какъ и геометрія Эвклида. Но пусть проф. Введенскій попытается написать хотя бы просто аналитическую формулу круглаго квадрата! Вотъ когда проф. Введенскій попытается, напримѣръ, такъ преобразовать уравненіе, аналитически выражающее кругъ, чтобы это уравненіе одновременно служило и аналитическимъ выраженіемъ квадрата, тогда ему, надѣемся, и сдѣлается яснымъ, что *мыслить* круглаго квадрата онъ не можетъ, хотя можемъ *сопоставить* два слова «круглый» и «квадратъ». А тогда самъ собою возникнетъ вопросъ; что-же такое мышленіе и чѣмъ оно отличается отъ простого сопоставленія двухъ словъ или двухъ понятій?

Такъ мы неизбѣжно приходимъ къ психологіи. Повторяемъ, мы не менѣе проф. Введенскаго, Гуссерля (автора замѣчательныхъ «Логическихъ изслѣдованій»), или кого бы то ни было иного,

желаемъ отдѣленія логики отъ психологіи, но мы только думаемъ, что эти ученые пользуются слишкомъ элементарнымъ пріемомъ, когда просто заявляютъ: хотя всѣ наши книги и переполнены такими терминами, какъ «представленіе», «понятіе» «сужденіе», «мышленіе» и т. п., но мы все-таки совершенно не желаемъ знать, что означаютъ эти термины, мы не желаемъ знать даже о существованіи психологіи. Съ своей стороны мы утверждаемъ слѣдующее: когда началась логическая обработка «данныхъ», тогда нѣтъ болѣе мѣста психологіи; но для того, чтобы правильно выяснить себѣ эти данныя, нужны предварительныя глубокія психологическія изслѣдованія.

Логика проф. Введенскаго выдержана въ строгомъ нео кантіанскомъ стилѣ. Въ этомъ и ея сила, и ея слабость. Задача нашей замѣтки показать, какъ защищаетъ проф. Введенскій наиболѣе существенные пункты нео-кантіанскаго формализма. Въ своей рецензіи на первое изданіе «Логики» проф. Введенскаго мы коснулись перваго основного вопроса кантіанской логики: различія между аналитическими и синтетическими сужденіями. Мы выразили сожалѣніе, что проф. Введенскій, оставшись въ узкомъ кругѣ идей правовѣрнаго кантизма, не попытался приспособить это безспорно-замѣчательное ученье Канта къ современнымъ условіямъ. Только что мы пытались охарактеризовать положенія проф. Введенскато во второмъ основномъ вопросѣ нео-кантіанской логики: въ вопросѣ о борьбѣ «формализма» съ «психологизмомъ».

Но есть еще одинъ основной пунктъ кантизма: вопросъ объ отношеніи между знаніемъ и вѣрой. Извѣстно, что, изгнавши въ «Критикѣ чистаго разума» всю «метафизику» изъ философіи, Кантъ, вслѣдъ затѣмъ, въ «Критикѣ практическаго разума» вновь водворилъ эту «метафизику» подъ защитой вѣры и нравственныхъ требованій; поэтому вопросъ о роли вѣры въ философіи является однимъ изъ основныхъ вопросовъ кантизма. Позиція проф. Введенскаго и въ данномъ случаѣ есть позиція правовѣрнаго кантіанца: такъ, какъ нельзя ни доказать, ни опровергнуть существованіе объектовъ вѣры (т. е. Бога, безсмертія души и свободы воли), то мы обязаны вѣрить въ то, что соотвѣтствуетъ нашимъ нравственнымъ требованіямъ, т. е. обязаны допускать существованіе этихъ объектовъ нашей вѣры. Мы не будемъ касаться этого вопроса по существу. Мы коснемся лишь одного характернаго эпизода. Проф. Введенскій говоритъ: «психологически вѣра и знаніе ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, такъ какъ одинаково сводятся къ переживанію увѣренности въ истинности нѣкоторыхъ мыслей. Разница между ними возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда мысли, сопровождаемыя увѣренностью въ ихъ истинности, разсматриваются съ *логической* точки зрѣнія... тогда одна часть этихъ мыслей пріобрѣтаетъ одно названіе, а другая другое, именно—«знаніе» и «вѣра» (стр. 420). И далѣе: «вѣрой назы-

вается остатокъ, получаемый черезъ вычитаніе всего того, что принадлежитъ къ составу знанія, изъ совокупности тѣхъ мыслей, которыя сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности» (стр. 421). Думаемъ, что этотъ остатокъ лучше назвать не «вѣрой», а «предположеніемъ»; ибо вѣра *психологически* есть нѣчто до такой степени *отличное* отъ знанія, что заявить о томъ, будто вѣра и знаніе психологически ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, проф. Введенскій могъ, конечно, только въ логикѣ, гдѣ ему «нѣтъ никакого дѣла до психологіи», но едва ли онъ рѣшится повторить это свое заявленіе, если издастъ курсъ психологіи. Вѣра отъ знанія отличается весьма рѣзко—присутствіемъ (и даже господствомъ) въ вѣрѣ *волевого элемента*. Безъ воли (желанія, стремленія) нѣтъ вѣры, а есть только знаніе и предположеніе. Своимъ волевымъ элементомъ вѣра превращаетъ спокойное и холодное предположеніе въ страстную увѣренность. Заявленіемъ о томъ, что мы обязаны вѣрить въ то, что соотвѣтствуетъ нашимъ нравственнымъ требованіямъ, Кантъ, а затѣмъ и проф. Введенскій, ввели въ свое ученіе не только психологію, но и онтологію: психологію—поскольку это ученіе просто опирается на тотъ фактъ, что мы склонны вообще смѣшивать наши волевыя стремленія съ познаніемъ; онтологію-же—поскольку она утверждаетъ, что это вполнѣ законно, что мы обязаны это дѣлать. Ибо говорить объ основаніи метафизики на нравственномъ требованіи можно лишь тогда, когда есть основаніе утверждать, что это нравственное требованіе возникло вслѣдствіе внѣчувственнаго воспріятія трансцендентныхъ вещей.

Вообще, вопросъ объ отношеніи вѣры къ знанію есть одинъ изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ кантизма.

Гебгардъ. Исторія кооперативнаго движенія въ Финляндіи. Пер. подъ ред. и съ предисл. А. В. Меркулова. Спб. 1911.

«Весьма быстрый численный ростъ нашей коопераціи,—говоритъ въ предисловіи А. В. Меркуловъ,—далеко не соотвѣтствуетъ ея качественному уровню, и въ отношеніи устойчивости положенія кооперативовъ, и въ отношеніи пониманія ими кооперативной идеи, и въ отношеніи технической постановки дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на наличность въ Россіи уже теперь свыше 14.000 кооперативовъ, на очереди стоитъ созданіе многихъ тысячъ и даже десятковъ тысячъ новыхъ кооперативныхъ организацій». Въ виду этого «опытъ образцовой въ отношеніи постановки и организаціи кооперативнаго дѣла страны можетъ оказать существенную услугу дѣятелямъ русской коопераціи въ смыслѣ указанія путей къ улучшенію существующихъ кооперативовъ и правильной организаціи вновь возникающихъ».

Такой образцовой страной и является Финляндія, гдѣ коопе-

ративное движеніе, начавшись весьма недавно, достигло въ теченіе немногихъ лѣтъ чрезвычайно быстраго расцвѣта. «Планомѣрное, направляемое единой организаціей» развитіе кооперативовъ начинается съ 1899 года, а между тѣмъ уже въ 1910 г. насчитывалось около 2.000 кооперативовъ; въ 1903 г. въ составъ кооперативныхъ товариществъ входило около 20 тысячъ членовъ, а въ 1908 году уже 181 тыс., т. е. за 5 лѣтъ число членовъ увеличилось почти въ десять разъ. Обороты кооперативовъ достигали почти 40 милліоновъ рублей. Въ разсматриваемой книжкѣ д-ръ Гебгардъ, профессоръ аграрной политики въ гельсингфорскомъ университетѣ и предсѣдатель общества «Пеллерво», отъ котораго исходитъ современное кооперативное движеніе въ Финляндіи и которымъ оно направляется, даетъ очеркъ развитія и современнаго состоянія финскихъ кооперацій.

Эти кооперацій состоятъ изъ трехъ группъ: кооперативныхъ маслодѣленъ, потребительныхъ обществъ и кредитныхъ кооперативовъ. Кооперативныя маслодѣлки, учрежденныя съ цѣлью устраненія скупщиковъ, стоятъ весьма высоко въ техническомъ отношеніи: 64 проц. пользуются паромъ въ качествѣ двигательной силы, 80 проц. снабжены сепараторами, а 20 проц. имѣютъ радіаторы и приготовляютъ сладкое масло. Они заботятся о раціональномъ кормѣ для коровъ и еще болѣе о чистотѣ стойлъ, коровъ, посуды; имѣются особые надзиратели за коровами, которые посѣщаютъ всѣхъ членовъ маслодѣльнаго кооператива и даютъ указанія. За наилучше содержимыя стойла установлены преміи. Благодаря прекрасному оборудованію маслодѣленъ и рѣдкой чистотѣ, «спеціалисты въ Англіи ставятъ финляндское масло уже наряду съ датскимъ и шведскимъ» (стр. 33). Конечно, такая организація дѣла требовала крупныхъ расходовъ: стоимость 222 маслодѣленъ (изъ 354 существовавшихъ въ 1909 г.) выражается суммой въ 6 милліоновъ финскихъ марокъ, т. е. въ среднемъ каждая маслодѣльня обошлась въ 27.000 мар. Такъ какъ большинство членовъ маслодѣленъ состоитъ изъ мелкихъ крестьянъ—всего 10 проц. членовъ имѣли по 15 и болѣе коровъ—то естественно, что маслодѣльни построены на занятый капиталъ. Однако, значительный капиталъ скопили и сами маслодѣльни — въ 1907 г. они имѣли уже 2 милліона марокъ собственнаго капитала.

Столь же успѣшно шло и развитіе потребительныхъ обществъ; послѣднія во многихъ случаяхъ имѣютъ и собственныя пекарни, заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, колбасныя фабрики. Въ 1904 г. потребительные кооперативы объединились въ центральное общество, которое начало съ консультаціонной и ревизіонной дѣятельности на пользу развитія потребительныхъ товариществъ, но вскорѣ занялось и товарными операціями. Въ 1909 г. центральное общество оптовыхъ закупокъ имѣло шесть отдѣленій,

свыше 130 членовъ (кооперативовъ) и продало товаровъ на 14 миллiоновъ марокъ.

Кредитные кооперативы учреждаются въ Финляндiи преимущественно по типу Райффейзена, хотя паи у нихъ обыкновенно значительны (50—60 мар.). Они выдаютъ ссуды на хозяйственныя надобности, обыкновенно небольшихъ размѣровъ, съ уплатой $5^1/_2$ — 6 проц. Оборотный капиталъ эти кооперативы получаютъ изъ центральной кредитной кассы; въ 1909 г. послѣдняя открыла имъ кредитъ въ общемъ на сумму около 4 миллiоновъ мар. Центральная же кредитная касса, кредитующая своихъ членовъ—кредитные кооперативы, получила отъ государства капиталъ въ 4 милл. мар. въ качествѣ ссуды, которая и составляетъ ея оборотный капиталъ; кромѣ того она получаетъ отъ государства ежегодную субсидiю въ 20.000 марокъ.

Централизацiя финляндскихъ кооперативовъ вообще сдѣлала быстрые успѣхи, въ особенности благодаря дѣятельности общества «Пеллерво» (это—названiе миѳологическаго существа, покровителя земледѣлiя), которое явилось инициаторомъ центральныхъ союзовъ и «черезъ своихъ инструкторовъ вело агитацiю за присоединенiе мѣстныхъ кооперативовъ къ соотвѣтствующимъ центральнымъ учрежденiямъ». (Стр. 56). Оно явилось распространителемъ кооперативной идеи, оно составляло образцовые уставы для кооперативовъ различнаго рода, вырабатывало руководства для кооператоровъ по учрежденiю и веденiю всякаго рода товариществъ, создало специальную систему счетоводства для кооперативовъ, издало «всѣ конторскiя счетоводныя книги, необходимыя для маслодѣленъ, кредитныхъ, молотильныхъ товариществъ, товариществъ для добыванiя торфа и товариществъ для закупки товаровъ». Общество «Пеллерво» устраиваетъ конгрессы для обсужденiя вопросовъ кооперацiи, и «эти конгрессы съ ихъ докладами, рѣчами и торжествами приняли характеръ настоящихъ народныхъ праздниковъ, какихъ раньше никогда не было въ области хозяйственной жизни страны». Въ настоящее время имъ учреждена въ Гельсингфорсѣ Высшая кооперативная школа для подготовки дѣятелей по кооперацiи.

Для русской читающей публики книга Гебгарда представляетъ несомнѣнный интересъ. Она сообщаетъ въ сжатой формѣ богатый матерiалъ, показываетъ, какъ небольшой группѣ интеллигентныхъ людей при сочувствiи массъ населенiя и содѣйствiи государства (сейма) удалось достигнуть крупныхъ результатовъ—сдѣлать Финляндiю страной кооперативовъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи, по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Кн-ское Т-во „Просвѣщеніе". Спб. 1911.—***Н. А Добролюбовъ.*** Собраніе сочиненій. Томы V, VI, VII, VIII. Подъ ред. Вл. П. Кранихфельда. Ц. 4 р.—***Д. Л. Айзманъ.*** Собр. соч. Т. II. Ц. 1 р 25 к.—***Г. А. Мачтетъ.*** Полное собр. соч. Подъ ред. и съ критико-біограф. очеркомъ Д. П. Сильчевскаго. Т. VI. Ц. 1 р.—***Ольга Шапиръ.*** Собр. соч. Т. VIII. Ц. 1 р. 50 к.—***А. И. Левитовъ.*** Собр. соч. Т. VII. Ц. 1 р.—***Вл. С. Соловьевъ.*** Собр. соч. Т. Ш. Изд. 3. Ц. 2 р.

Кн-во „Современныя Проблемы". М. 1912 г.—***Піо Бароха.*** Собр. соч. Т. I. Путь къ совершенству. Ц. 1 р. 25 к. — ***Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ*** (Ш. Я. Абрамовичъ). Собр. соч. Т. I. Въ долинѣ плача. Ц. 1 р.— Д-ръ ***Симонъ.*** Гигіена женщины. Пер. д-ра М. Кобылиной. Ц. 2 р.— ***Герм. Бангъ.*** Собр. сочин. Т. VIII. Четыре дьявола. Ц. 1 р.

Изд. Л. Л. Мищенко. Спб. 1912. — ***Л. Л. Мищенко.*** Романъ поручика. Ц. 35 к.—***Его же.*** Хуторъ на грунтовой дорогѣ. Ц. 35 к.—***Его же.*** Изъ міра дѣтей. Ц. 35 к.—***Его же.*** Забытое письмо. Ц. 35 к.—***Его же.*** Южный альбомъ. Ц. 35 к.—***Его же.*** На служебномъ посту. Ц. 50 к.—***Его же.*** Чья вина? Ц. 50 к.—***Его же.*** Психологія воображенія. Ц. 75 к.— ***Его же.*** Благодатные острова. Ц. 25 к.—***Его же.*** Летающіе люди. Преданія и легенды. Ц. 50 к.

Изд. Т-ва „Общественная Польза". Спб. 1912.—***Владисл. Яблонскій.*** Вокругъ сфинкса. Авториз. пер. съ польскаго Л. Симсонъ. Ц. 1 р.—***Н. А. Гредескулъ.*** Терроръ и охрана. Ц. 30 к.—***Ал. Рославлевъ.*** Сказки.

Изд. Н. Н. Клочкова. М. 1912 г.— ***А. М. Өедоровъ.*** Собр. соч. Т. II. Утро. Т. III. Судьба. Т. IV. Мой путь. Т. VI. Бумажное царство. Ц. по 1 р. 25 к. за томъ.—***Павелъ Гейве.*** Дѣти вѣка 4 части. Ц. 4 р. 75 к.

Изд. Т-во И. Д. Сытина. М. 1912.— ***Д. В. Философовъ.*** Старое и новое. Сборникъ статей по вопр. искусства и литературы. Ц. 1 р. 25 к.— ***А. Яблоновскій.*** Родныя картинки. 2 т. Ц. 2 р.—***Его же.*** Разсказы. Ц. 1 р.—***В. Перцевъ.*** Учебникъ древней исторіи. Ч. 1-я. Греція. Ц. 80 к.— ***Г. А. Уэнтуортъ*** и ***Е. М. Ридъ.*** Первоначальная ариөметика. Ц. 75 к.—***Л. Н. Толстой.*** Разсказы для дѣтей. 6 книжекъ.—Для крестьянъ: ***Д. И. Кирсановъ.*** Овесъ. Ц. 8 к.—***Юр. Макаренко*** Чѣмъ и какъ удобрять землю. Ц. 12 к. — ***К. Швецовъ*** и ***И. Кормышевъ.*** Воздѣлываніе томата. Ц. 12 к.

Изд. Н. П. Карбасникова. Спб. 1912 г.—***Абель Рей.*** Современная философія. Пер. подъ ред. В. Базарова. Ц. 1 р. 60 к.—Вѣчность бытія. Ц. 30 к.

Изд. В. М. Саблина, М. 1912.—***Кл. Фибихъ.*** Собр. соч. Т. VIII. Святая простота. Ц. 1 р.—***Г. Бангъ.*** Собр. соч. Т. X. Безъ родины. Ц. 1 р. — ***Вл. Реймонтъ.*** Мужики. Кн. II, III и IV. Ц. 3 р. 75 к. ***Л. Н. Толстой.*** Первая, вторая, третья и четвертая книги для чтенія. Ц. 20 к.— ***И. И. Поповъ.*** Великая могила прошлаго. Ц. 1 р. 50 к. — Проф. ***Т. Бругшъ.*** Діэтетика внутреннихъ болѣзней. Ц. 2 р.—***Н. Казанцевъ.*** Учебникъ географіи россійской имперіи. Ц. 1 р. 25 к.—***Людвигъ Іостъ.*** Лекціи по физіологіи растеній. Ч. 1-я. Ц. 2 р. 50 к.—***К. Гагенбекъ.*** О животныхъ и людяхъ.

Изд. Акц. О-ва Типографск. Дѣла въ Спб. 1912 г.—Всеобщая библіотека. — ***Маркъ Твэнъ.*** Приключенія Финна. Ц. 30 к.—***Дж. Свифтъ.*** Путешествіе Гуливера. Ц. 20 к.—***Эмиль Жебаръ.*** Сандро Ботичелли. Ц. 20 к — Проф. ***Г. Сэайль.*** Антуанъ Ватто. Ц. 10 к.—***Г. Сенъ-Симонъ.*** Собран. соч. Т. I. Ц. 20 к.—***Ол. Гольдсмитъ.*** Векфильдскій священникъ. Ц. 30 к.— ***М. Конопницкая*** Избр. стихотворенія. Ц. 10 к. — ***Поль Верлэнъ.*** Избр. стихотворенія. Ц. 10 к —***Шарль Бодлеръ.*** Цвѣты зла. Ц. 10 к. — ***Дж. Флетчеръ.*** О государствѣ русскомъ. Ц. 20 к.—Положеніе о выборахъ въ Госуд. Думу. Ц. 20 к.

Кн-во „Мусагетъ". М. 1912 г. — ***Алек. Блокъ.*** Собр. стихотвореній.

Кн. II. Ц. 1 р. 50 к.—***Пауль Дейсенъ.*** Веданта и Платонъ въ свѣтѣ кантовой философіи.Ц. 40 к.—***Андрей Бѣлый.*** Трагедія творчества—Достоевскій и Толстой. Ц. 40 к.

Изд. Я. Башмакова и К°. 1911 г.—***В. Д. Сиповскій.*** Избр. педагогическія сочиненія. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1912 г.—***Мих. Пришвинъ.*** Разсказы. Т. I. Ц. 1 р.

А. Ф. Мейснеръ. Листья. Пятая книга стиховъ. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Бенедиктъ Лившицъ. Флейта Марсія. Первая книга стиховъ. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во „Освобожденіе". Спб. 1912г.—***С. Подъячевъ.*** Разсказы. Кн. 2-я. Ц. 1 р. 25 к.

Р. В. Ивановъ. Стихотворенія и шутки. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Леонидъ Видеманнъ. Мой сборникъ. Ч. I. Харьковъ. 1912.

Іосифъ Аберсонъ. Наболѣвшія души. Разсказы. Баку. 1912. Ц. 50 к.

Эдгаръ По. Собр. соч. въ пер. съ англ. К. Д. Бальмонта. Т. V. Ц. 2 р. Книгоиздательство „Скорпіонъ".

К. С. Орленко. Свобода - сказка въ 4-хъ картинахъ. Спб. 1911.

Мих. Тихоплесецъ. Звенья. Разсказы. М. 1912. Ц. 50 к.

Влад. Шуфъ. Гекзаметры. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Анна Ванъ-Ли. Маргарита Ге. Драма. М. 1912. Ц. 40 к.

Левъ Ждановъ. Послѣдній фаворитъ (Екатерина II и Зубовъ), М. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

Левъ Зиловъ. Дѣдъ. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Анат. Бурнакинъ. Разлука. Пѣсенникъ. 2 изд. М. 1912. Ц. 10 к.

Діалоги. М. 1912. Ц. 40 к.

Жипъ. Романъ котика. Русск. книго-во въ Парижѣ. Ц. 85 к.

Алекс. Дьяконовъ. Ничто. Повѣствованіе. М. 1912. Ц. 1 р.

Г. М. Барацъ. О библейскомъ элементѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Кіевъ. 1912. Ц. 40 к.

Д-ръ ***Поль Дюбуа.*** Самовоспитаніе. Пер. Н. Пальчинской. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Вал. Булгаковъ. Университетъ и университетская наука. 1912. Ц. 30 к.

Е. М. Витошинскій. Русскіе писатели XIX в. В. I. А. С. Пушкинъ. 1911. Ц. 35 к.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью: отъ свящ. Голубятникова—3 р.; черезъ М. П.—38 р.; отъ П. И. Ч. изъ Глѣбова—2 р.

Итого. . . 43 р. — к.

На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ Ан—скаго. . . . 3 р.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: черезъ А. Ф. Рябовича—50 р.; отъ г-на З.—1000 р.; отъ В. и К. Зотиныхъ—20 р.

Итого. . . 1070 р. — к.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***

НОВО изданный!
Павловскій,
нѣмецко-русскій
словарь.
4-ое, совершенно переработанное и дополн. изданіе. Цѣна брош. 9 руб., въ перепл. 10 р.
Одновременно выходитъ въ новомъ изд. безъ измѣненій
ПАВЛОВСКІЙ
русско-нѣм. словарь
цѣна брош. 9 р., въ пер. 10 р.
Книжный магазинъ Н. Киммеля
въ Ригѣ.

ПРОТИВЪ
ГОНОРРЕИ
НОВѢЙШЕЕ ВНУТРЕННЕЕ СРЕДСТВО
„АРОВИНЪ"
ВЪ КАПСЮЛЯХЪ
ГЕДЕКЕ и К°
Дѣйствуетъ быстро и энергично, успокаиваетъ боль, не распространяетъ дурного запаха изо рта и совершеннно безвреденъ.
Рекомендуется одинаково въ хроническихъ и острыхъ случаяхъ, также при бѣляхъ у женщинъ.
Средство это испытано многими врачами, продается въ металлическихъ коробкахъ. Большая коробка 1 р. 50 к., малая коробка 1 рубль.
Продажа въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

СТОЛОВАЯ
ВОДА
Столовая вода
Калинкинъ
Идеальный
МИНЕРАЛЬНЫЙ
ОСВѢЖАЮЩІЙ
ПРЕКРАСНАГО ВКУСА
НАПИТОКЪ
„КАЛИНКИНЪ"

PAGE NOT AVAILABLE

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118002143